

802-11
280

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, ПОЛИТИКИ, СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ
И ХУДОЖЕСТВЪ.

ВЪ ПЕРВОМЪ ЧИСЛѢ

Книга шестая.

ИЮНЬ.

ВЪ ПЕРВОМЪ ЧИСЛѢ
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ДМИТРІЕВА.
1850.

СЫНЪ ОТВѢСТВА

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИЯ ПОСЛАНИКОВЪ И КАДЪВЪСЪВЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. 20-го іюня 1850 года.

Ценсоръ А. Крыловъ.
Ценсоръ П. Елагинъ.

Редакторъ К. Масальскій.
Издатель К. Жернаковъ.

САНКТИ-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ КОМПОНІИ К. ЖЕРНАКОВА.
1850.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ШЕСТОЙ КНИГИ.

Стр.

Іюнь. 19—22

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

Тайный наказъ, данный при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя ими въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи. К. Масальскаго. (Продолженіе). 1—16

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

Внутреннія извѣстія. 1—68
Иностранныя извѣстія. 69—160

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Памяти незабвеннаго. Соч. М. Полоцова. 1—2
Молитва. Соч. Я. Крылова. 2—3
Ребенку. 3—3
Арабелла. 3—4
Первое плаваніе русскаго военнаго судна Малакскимъ проливомъ. (Изъ путевыхъ записокъ русскаго моряка. Соч. Канибакса. 5—22
Страхи и ужасы. Разказъ. Соч. П. Сухомина. 23—40

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Маркиза Соммервиль. Романъ Жюль-Сандо. Часть II. 1—76

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Лафатеръ и его ученіе. (Окончаніе). Соч. А. Б-скаго. 1—20
Биографическіе очерки знаменитѣйшихъ механиковъ и строителей. IV. Искусствъ Брама, изобрѣтатель гидравлическаго преса, В. Карелина. 21—24

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

56. Русскіе на Восточномъ Океанѣ. Соч. *А. Маркова*. — 57. Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Афонской. — 58. Историко-статистическое обзорніе учебныхъ заведеній. *А. Воронова*. — 59. Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты. *А. Рафаловича*. — 60. Практическія правила къ руководству при покупкѣ лошадей. Соч. *Р. Лонсоа*. — 61. Начертаніе русской исторіи. Соч. *Н. Устрялова*. — Указатель замѣчательнѣйшихъ открытій по математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ, сост. *М. Хотинскимъ*. 1—36

С М Ъ С Ъ .

- Исторія английскихъ колоній. Островъ Гельголандъ. — Примадона. *Разсказъ Жюль-Зандо*. — Три Раkana. *Анекдотъ*. — На берегу моря. *Разсказъ Альфонса Карра*.
Новости ученаго міра. Изысканія Кетеле надъ карликами или людьми весьма малаго роста. — Нововобрѣтенная полуда. — Способъ Либиха для приготовленія водки изъ рябиновыхъ ягодъ. — Изслѣдованія надъ цвѣтомъ воды.
 Похожденія провинціала въ столицѣ.
 О кустарникѣ, называемомъ по-латынѣ — *Crataegus*. — Простыя средства противъ чахотки. *Барона А. Бодэ*.
 Новости иностранная.
 Мысль и улыбка. Можно ли спорить о вкусахъ? — Счастіе и несчастіе. — Правъ и неправъ. — Прислушиваться и всматриваться. — Правда. — Адресъ и прогрессъ. — Бернулли и Ньютонъ. — Солнечный лучъ. — Ворона въ павлиньихъ перьяхъ. — Визиты. — Число тринадцать. — Противурѣчія, или *я* и *мой* сосѣдъ.
 Петербургскія моды.
 Русскія книги. 1—84
 Домашній театр. Нѣтъ худа безъ добра, комедія-пословица въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Питра-Шевалье*. 1—40
 Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка молъ.

І Ю Н Ъ .

Іюнь (30 дней) по церковному *Іюній*, по славянски и польски *Червецъ*, получилъ свое настоящее названіе отъ Юноны, которой былъ посвященъ. Въ древнемъ римскомъ календарѣ онъ считался четвертымъ мѣсяцемъ года. Іюнь вполне можно назвать послѣднимъ, совершенно зеленымъ и цвѣтущимъ мѣсяцемъ лѣта и весны, потому что съ окончаніемъ его, въ іюлѣ, начинаютъ уже показываться кое-гдѣ желтѣлыя листья, трава, пришедшая въ совершенный ростъ, скашивается, а соловьиная пѣснь, съ пѣснями многихъ другихъ птичекъ, умолкаетъ до слѣдующаго года. У многихъ народовъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ празднуется *Ивановъ-день*, и наканунѣ его собираются разныя цѣлебныя травы.

Іюнь можетъ считаться самымъ плодотворнымъ мѣсяцемъ во всемъ времени года; все въ немъ зеленѣетъ и цвѣтетъ въ полномъ блескѣ; міръ насѣкомыхъ увеличивается, и кому не случилось, по окончаніи мая, видѣть вдругъ несчетное число жуковъ, бабочекъ, мухъ, червей и другихъ насѣкомыхъ, которыхъ послѣ нѣсколькихъ теплыхъ дней, появляются вездѣ, гдѣ есть свойственная для нихъ пища, нападаая на хлѣбъ, деревья и овощи. По этому-то іюнь и называется *червецъ*. Насѣкомыя эти могли бъ быть очень вредными урожаемъ, еслибъ не находили препятствія къ своему размноженію

въ холодахъ и нерѣдко даже инеяхъ, которые, происходя, вѣроятно, отъ таянія, въ это время, льдовъ, на далекомъ сѣверѣ, не только истребляютъ этихъ насѣкомыхъ, но и прихватываютъ верхушки всходовъ ячменя, ржи, даже березовые и еловые побѣги и вообще всѣ растенія, которыя нѣжны и сочны. Но эти холода никогда не оказываютъ того губительнаго вліянія на урожай, которое предполагалось.

Вотъ нѣкоторыя хозяйственныя напоминанія въ іюнь.

Если гречиха въ маѣ не посеяна и поздній ея посѣвъ предпочтенъ, то начало іюня, по десятое число, отнюдь не далье, есть конечный срокъ. Кормовой горошекъ на потрапу въ зелени и на кошеніе для сѣна можно продолжать во весь іюнь.—Засѣваютъ и засаживаютъ близъ пчельниковъ растенія, могущія цвѣсти въ августѣ и быть полезными пчеламъ.

Заготавливаютъ впрокъ разныя ягоды, грибы и проч.

Іюньскія работы въ огородѣ состоятъ преимущественно въ прополотіи посаженныхъ и посеянныхъ растеній и въ поливаніи по утрамъ и вечерамъ, но отнюдь не въ полдень.

Въ іюнь мѣсяцѣ солнце достигаетъ высшаго своего положенія на нашемъ горизонтѣ, и вообще для сѣвернаго полушарія земли самые длинныя дни и самыя короткія ночи бываютъ въ іюнь. У насъ, въ Петербургѣ, даже вовсе нѣтъ теперь ночи, которую замѣняютъ свѣтлыя сумерки, и какъ говорятъ, заря сливается съ зарею. Въ Петербургѣ солнце 1 іюня восходитъ въ 2 ч. 41 м., а заходитъ въ 9 ч. 18 м.

11	»	»	2	»	39,	»	»	»	»	9	»	24
21	»	»	2	»	47	»	»	»	»	9	»	20

Въ Москвѣ:

1	»	»	3	»	18	»	»	»	»	8	»	42
11	»	»	3	»	18	»	»	»	»	8	»	46
21	»	»	3	»	23	»	»	»	»	8	»	44

Въ Архангельскѣ:

1	»	»	1	»	29	»	»	»	»	10	»	32
11	»	»	1	»	33	»	»	»	»	10	»	41
21	»	»	1	»	37	»	»	»	»	10	»	29

Въ Астрахани:

1	»	»	»	4	»	8	»	»	»	»	7	»	57
11	»	»	»	4	»	9	»	»	»	»	7	»	54
21	»	»	»	4	»	14	»	»	»	»	7	»	54

Въ Иркутскѣ:

1	»	»	»	3	»	40	»	»	»	»	8	»	20
11	»	»	»	3	»	45	»	»	»	»	8	»	24
21	»	»	»	3	»	45	»	»	»	»	8	»	22

Въ Казани:

11	»	»	»	3	»	17	»	»	»	»	8	»	43
11	»	»	»	3	»	17	»	»	»	»	8	»	47
21	»	»	»	3	»	23	»	»	»	»	8	»	44

Въ Ригѣ:

1	»	»	»	3	»	8	»	»	»	»	8	»	52
1	»	»	»	3	»	8	»	»	»	»	8	»	56
21	»	»	»	3	»	14	»	»	»	»	8	»	53

Въ Тифлисѣ:

1	»	»	»	4	»	26	»	»	»	»	7	»	33
11	»	»	»	4	»	27	»	»	»	»	7	»	37
21	»	»	»	4	»	31	»	»	»	»	7	»	36

Въ Кіевѣ:

1	»	»	»	3	»	49	»	»	»	»	8	»	10
11	»	»	»	3	»	50	»	»	»	»	8	»	14
21	»	»	»	3	»	55	»	»	»	»	8	»	12

Іюня 9, въ 10 часовъ средняго петербургскаго времени, солнце вступитъ въ знакъ Рака, находящійся нынѣ, въ звѣзды Вѣсовъ, и на всемъ сѣверномъ полушаріи наступитъ лѣто. Іюня 9 есть должайшій день года, и продолжается въ С. Петербургѣ 18 час. 44 мин., а въ Москвѣ 17 час. 28 минутъ.

Первая четверть луны 5 іюня; полнолуніе 12, послѣдняя четверть 20, а новолуіе 27 дня.

Что касается до зрѣлица звѣзднаго неба, то по причинѣ весьма свѣтлыхъ сумерекъ, замѣняющихъ у насъ на сѣверѣ іюньскія ночи, бываютъ видимы безъ помощи трубъ только звѣзды первыхъ двухъ величинъ. На западномъ небѣ, довольно низко надъ горизонтомъ, видна *Слика* или *Колось*,

самая яркая изъ звѣздъ созвѣздія Дѣвы; надъ Спикою, гораздо выше, блещетъ красный Аротуръ, въ созвѣздіи Бетгеса, и почти надъ головою горитъ бѣлая звѣзда Лиры. Влѣво подлѣ нея хорошій глазъ замѣчаетъ въ полночь крестообразно расположенное созвѣздіе Лебеда. На востокъ видна звѣзда 1 вел. Атанръ въ созвѣздіи Орла; а на-лѣво отъ Спики двѣ свѣтлыя звѣзды въ созвѣздіи Вѣсовъ.

На сѣверѣ блещетъ Капелла въ созвѣздіи Возничаго и выше ея, влѣвѣ, едва замѣтна Большая Медвѣдица.

Тотчасъ по закатѣ солнца, можно замѣтить на сѣверо-западѣ, весьма близко къ горизонту, красавицу—Венеру.

Марсъ виднѣнъ на западномъ и сѣверозападномъ небѣ почти до полночи. 30 числа случится покрытие этой планеты темнымъ красмъ луны, которая въ это время будетъ казаться еще только узкимъ серпомъ; но это любопытное явленіе будетъ трудно наблюдаемо безъ помощи трубъ, по причинѣ близости солнца, въ лучахъ котораго почти исчезаетъ планета.

Юпитеръ видимъ на западѣ, блестящимъ свѣтиломъ до полуночи, въ началѣ, и до 11 часовъ въ концѣ мѣсяца.

Сатурна можно найти на западномъ небѣ. Юня 1 онъ заходитъ въ половинѣ третьяго часа утромъ, а въ концѣ мѣсяца въ первомъ часу по-полуночи.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ,

данный при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ первому Русскому Посольству въ Испанію, и записки Русскихъ Посланниковъ, веденныя имъ въ 1667 и 1668 годахъ въ Испаніи и во Франціи.

ТАЙНЫЙ НАКАЗЪ СТОЛЬНИКУ ПЕТРУ ПОТЕМКИНУ И ДЬЯКУ СЕМЕНУ РУМЯНЦОВУ.

А пришедъ имъ въ отвѣтную палату съ думными людьми витать *, а витався съестъ по мѣстамъ, а посидѣвъ немного думнымъ людямъ говорить: приказывали они, Королевъ

* Привѣтствовать. Фед.

скаго Величества думные люди къ нимъ Царскаго Величества посланникамъ, чтобъ имъ у нихъ быть въ отвѣтъ и объявити: Великій Государь Его Царское Величество съ Великимъ Государемъ ихъ, съ Его Королевскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви, на какове мѣрѣ быти хочеть.

И они, посланники, имъ Королевскаго Величества думнымъ людямъ объявляютъ о чемъ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, къ брату своему, къ Великому Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству, въ любительной грамотѣ писалъ, и про то Королевскому Величеству и имъ думнымъ людямъ вѣдомо, а сверхъ Царскаго Величества грамоты наказано имъ объявить, что Великій Государь, Его Царское Величество съ Великимъ Государемъ ихъ съ Его Королевскимъ Величествомъ въ братской дружбѣ и любви быти хочеть, потому какъ и съ иными съ окрестными Великими Государями христіанскими въ братской дружбѣ и любви пребываетъ, и Великій бы Государь ихъ, Его Королевское Величество, къ брату своему къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, потомужъ самъ, своихъ Королевскаго Величества пословъ или посланниковъ о братственной, межъ ими Великими Государями, дружбѣ и любви и о добрыхъ дѣлахъ, которыя настоятъ межъ ихъ обоихъ великихъ государствъ, и съ ними о всемъ наказалъ подлинно, какъ имъ Великимъ Государямъ, межъ себя, въ братственной, любительной дружбѣ и въ ссылкѣ впредь быти.

Также, потомъ они объявляютъ, чтобъ на обѣ стороны Великихъ Государей, подданные, торговые люди ходили и торговали, Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества и Государя ихъ, Его Королевскаго Величества въ государствахъ, и прибылей себѣ и пожитковъ искали, чтобъ отъ того великимъ государствамъ прибавленья и разширенья прибывало.

А буде королевскіе ближніе думные люди учнутъ говорить, говорятъ они, чтобъ Государю ихъ, Королевскому Величеству послать къ Великому Государю ихъ, пословъ своихъ или посланниковъ, и съ ними Королевскаго Величества

на пословъ или на посланниковъ Великаго Государя ихъ, Его Царскаго Величества *опасная* грамота * есть ли.

И Петру и Дьяку Семену Великаго Государя опасная грамота, какова съ ними послана, королевскимъ думнымъ людямъ отдать.

А будетъ королевскіе думные люди учнутъ говорить Царскаго Величества, въ Россійскомъ Государствѣ, иныхъ государствъ торговымъ людямъ, въ которыя мѣста для торговли прїездъ бываетъ и какая имъ повольность.

И Петру и Дьяку Семену говорить, буде Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, изволитъ своего Государства купецкимъ людямъ торговать Россійскаго Государства съ купецкими людьми, и имъ мочно со всякими товары прїезжати къ корабельной пристани Россійскаго Царствія, къ Архангельскому городу, и въ иные города, гдѣ кому случится прїѣхать, и торговля имъ, съ Русскими людьми дана будетъ повольная, а пошлины съ товаровъ ихъ учнутъ имать по указу Царскаго Величества, какова устава въ Россійскомъ Царствіи положено.

А бывъ у королевскихъ думныхъ людей въ отвѣтъ, послѣ того приказывати къ нимъ съ приставы, чтобъ они до Королевскаго Величества донесли, чтобъ Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, велѣлъ ихъ къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству отпустить, не задержавъ, и противъ Царскаго Величества грамоты о всякъ о тѣхъ дѣлахъ о чемъ Великій Государь Его Царское Величество, къ Его Королевскому Величеству писалъ къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, отписать съ ними въ своей Королевскаго Величества грамотѣ.

И какъ имъ отпускъ объявятъ и будетъ имъ Петру и Дьяку учнутъ къ Великому Государю, королевскую грамоту отдавать на королевскомъ дворѣ, или Король съ кѣмъ пришетъ къ нимъ на дворѣ, а на отпускѣ Король быти имъ у себя не велитъ.

И Петру и Дьяку Семену той королевской грамоты не

* Опасными грамотами назывались грамоты, выдаваемые Царемъ на без-опасный прїездъ и вообще на уваженіе и покровительство имѣющему такую грамоту. Фед.

имать, а говорить королевскимъ думнымъ людямъ или къ нимъ съ приставы приказывать, что у Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, также и у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, въ посольскихъ обычаяхъ такъ бываетъ, отъ которыхъ Великихъ Государей послы и посланники къ Великимъ Государямъ нашимъ приходятъ, и Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, тѣхъ пословъ и посланниковъ жадуеть на прїѣздъ, а на отпускъ велить имъ видѣть свои Царскаго Величества пресвѣтлыя очи и отпускаеть ихъ отъ своего Царскаго Величества лица и грамоты къ тѣмъ Государямъ посламъ и посланникамъ подаютъ при Царскомъ Величествѣ, да и у всѣхъ Великихъ Христіанскихъ Государей, у Цесаря Римскаго и у Королей Англійскаго и у Датскаго и у иныхъ Великихъ Государей и у Королей, такъ посламъ и посланникамъ бываетъ, отпускають отъ своего Государскаго лица и грамоты подаютъ при нихъ Государяхъ, и Государь бы ихъ, Его Королевское Величество, хотя съ Великимъ Государемъ нашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, быти въ братской дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ на отпускъ велѣлъ имъ быти у себя и ту грамоту къ Великому Государю нашему, къ Его Царскому Величеству, велѣлъ отдати при себѣ Великомъ Государѣ, и отпустить ихъ къ Великому Государю, къ Его Царскому Величеству, отъ своего Государскаго лица, то межъ ихъ Великихъ Государей начало добродѣлю и любви, а какъ ажъ дастъ Богъ у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, будутъ Великаго Государя ихъ послы или посланники и Великій Государь, нашъ Его Царское Величество, Государя ихъ посламъ и посланникамъ велить учинить потому жъ, да говорити о томъ и приказывати и стояти накрѣпко, и у думныхъ людей на отпускъ имъ быти и Его Королевскаго Величества грамоты некоторыми дѣлами * взяти у нихъ немочно.

А буде имъ, Петру и Дьяку Семену, королевскіе думные люди учнутъ говорити, что у Государей ихъ издавна такъ

* Никакимъ образомъ. Ред.

ведется, отъ которыхъ Великихъ Государей послы и посланники къ нимъ Государямъ приходятъ, и тѣ послы и посланники бывають у Государей ихъ на прїѣздъ и на отпускъ у Государей ихъ не бывають и грамоты, къ тѣмъ посламъ, отсылають на подводѣ и имъ нынѣ какъ то переставить.

И Петру и Дьяку Семену въ томъ отказать, что имъ къ Царскому Величеству грамоты мимо Королевскаго Величества ни у кого не имывать.

Да какъ и Король велить быти на отпускъ, и имъ у Короля на отпускъ быти и грамоту взяти.

А напередъ отпуска, приказывать имъ съ приставы къ королевскимъ думнымъ людямъ, чтобъ они думные люди прислали къ нимъ, со своей грамоты списокъ для того надобно имъ вѣдати съ чѣмъ Государь ихъ къ Царскому Величеству отпускаеть.

Да буде къ нимъ, Петру и Дьяку Семену, съ той королевской грамоты списокъ пришлютъ по Нѣмецки, и имъ тотъ списокъ, тотчасъ, велѣтъ перевести на Русской языкъ и того смотрѣти и беречь накрѣпко, та королевская грамота писана, къ Великому Государю, съ полнымъ ли Государскимъ именованіемъ и титуломъ.

А буде пришлютъ списокъ на такомъ языкѣ, на которой переводчикъ перевести не умѣтъ.

И имъ, Петру и Семену, приказывать къ думнымъ людямъ, чтобъ прислали списокъ на томъ языкѣ, который бы переводчикъ умѣлъ перевести.

А буде, та королевская грамота, къ Великому Государю писана съ полнымъ его Государскимъ именованіемъ и титуломъ.

И Петру и Дьяку Семену такову грамоту взяти и съ тою грамотою ѣхать къ Великому Государю, къ Москвѣ насѣхъ, не мѣшкая. А буде та королевская грамота написана будетъ не съ полнымъ Царскаго Величества именованіемъ и титулы.

И Петру и Дьяку Семену, ту грамоту отослати назадъ, тотъ же часъ, а приказати къ королевскимъ къ думнымъ людямъ говорити, что та королевская грамота писана не по пригожу, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Ве-

личества именованье и титулы писаны не сполна и чего будет не дописано и то объявить, и Государь бы ихъ, Его Королевское Величество, велѣлъ ту свою Королевскаго Величества грамоту исправити и велѣлъ въ ней, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца Его Царскаго Величества, именованье и титулы написать сполна, потому какъ онъ, Великій Государь, Его Царское Величество, къ Государю ихъ, къ Его Королевскому Величеству, въ своей, Царскаго Величества, грамотѣ писалъ, и какъ его, Великаго Государя нашего, Его Царское Величество, всея Великіе Государи Христіанскіе и Мусульманскіе описуютъ по Его Царскаго Величества достоянію, что ему Великому Государю нашему, отъ прародителей его, отъ Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ Богъ далъ.

И буде думные люди ту королевскую грамоту исправятъ, потому какъ Великій Государь самъ себя описуетъ и то добро, а буде королевскіе думные люди пришлютъ къ нимъ ту королевскую грамоту Великаго Государя, съ именованіемъ, а Царемъ и Самодержцемъ не напишутъ, а учнутъ говорить, что у всѣхъ Христіанскихъ Государехъ пишется такъ одинъ Римскій Цесарь, а къ инымъ, ни къ кому, Великіе Государи Короли также и Великій Государь ихъ, Король, Царемъ не пишеть, а Самодержцемъ также ни которые Государи не описуются, а Царь то разумѣется Цесарь, а Царское имя Королевскаго имени больше.

И Петру и Дьяку Семену говорить Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, то Царское достояніе Богъ далъ отъ прежнихъ, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, прародителей его, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, Великій Государь, Царь и Великій Князь Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ Кіевскій и всея Россіи воевалъ Греческія, великія государства, даже и до самого царствующаго Константинова Града, которой и нынѣ, за грѣхи всѣхъ насъ, православныхъ христіанъ, и за несогласіемъ всѣхъ Великихъ Христіанскихъ Государей, обладаемъ Мусульманы и Грече-

скій Царь, Константинъ Мономахъ, прося милости у Великаго Государя Владимира Всеволодовича прислалъ къ нему, Великому Государю, погостью Крестъ Животворщаго древа и царскую шапку и вѣнецъ и діадиму, которымъ царскимъ саномъ поставлялись всея Великіе Государи, Цари Греческіе на Царство Греческое, и отъ того времени и посемѣста * всея Великіе Государи наши, Цари и Великіе Князья Россійскіе поставляются на всея великіе и православные государства Россійскаго Царствія, тѣмъ царскимъ вѣнцомъ и діадимомъ, а блаженныя памяти, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Оеодоровича всея Великія Россіи Самодержца дѣдъ, а Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества, прадѣдъ, блаженныя памяти, Великій Государь, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ, Божією помощію, поималъ подъ свою царскую руку великія царства, про которыя сами вѣдаете, гдѣ были Цари большія золотыя Орды, Астраханскія и Казанскія великіе царства и государства и Сибирскіе царства, и нынѣ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, тѣ всея великія царства, Божією помощію, держитъ подъ своею царскою, высокою рукою и по тѣмъ великимъ царствамъ и государствамъ, Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, въ своихъ Царскаго Величества грамотахъ, Царемъ и Самодержцемъ и описуется; да и всея Великіе Государи, Цесарь Римскій, Король Польскій и Крорль Англійскій и Король Датскій и иные Великіе Христіанскіе Государи и Короли и Мусульманскіе Государи, шахъ Персидскій и салтанъ Турской и иные Мусульманскіе Государи, всея описуютъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, его царское имя съ полнымъ его царскимъ именованіемъ Царемъ и Самодержцемъ, по его царскому достоинству, что ему Великому Государю отъ прародителей его, Великихъ Государей нашихъ, Царей Россійскихъ, Богъ

* По сіе время. Гед.

давъ, а что они говорятъ, что самодержцемъ ни которые Христіанскіе Государи не описуются и они имъ достаточно про то объявляютъ, что первый Христіанскій Великій Царь, Константинъ Олавіанъ, и по немъ всѣ Греческіе Цари, описывались Самодержцы, также и Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, прародитель, Великій Государь Царь и Великій Князь Владиміръ Кіевскій и всея Руси, который просвѣтилъ всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, а по немъ Великіе Государи, Цари и Великіе Князья Россійскіе описывались Цари и Самодержцы, и прадѣдъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Великій Государь, блаженныя памяти, Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи Самодержецъ, также описывался, и Государю вашему и не за что за то стояти, что Великаго Государя нашего имя описать съ его Царскимъ полнымъ именованьемъ, Царемъ и Самодержцемъ.

А только Государь вашъ нынѣ, въ своей грамотѣ Великаго Государя нашего, Царемъ и Самодержцемъ не опишетъ, и намъ безъ того и грамоты не имывать и отказать о томъ вриямъ.

Да какъ имъ посланникамъ Королевскаго Величества грамоту отдадутъ.

И Петру и Дьяку Семену велѣтъ у той королевской грамоты на подписи Великаго Государя именованья и титулы переводчику прочесть, и буде на той грамотѣ, Великаго Государя, именованье и титула написаны сполна Великимъ Государемъ, Царемъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцемъ написано и имъ ту королевскую грамоту взять и ѣхать къ Великому Государю потому жъ безъ мотчанія.

А будетъ у той королевской грамоты, на подписи Великаго Государя именованье и титуло написано не сполна.

И Петру и Дьяку говорить о томъ Королевскаго Величества ближнимъ и думнымъ людямъ противъ тогожъ какъ писано выше сего.

А будетъ Королевскаго Величества, ближніе или думные

люди, учнутъ имъ посланникамъ говорить, чтобъ они Королевскаго Величества ближнимъ и думнымъ людямъ объявили подлинно какими обычаи у Великаго Государя, у Его Царскаго Величества, съ Польскимъ Королемъ прошла война и на какове мѣрѣ учинился съ ними миръ.

И Петру и Дьяку говорить у Великаго Государя нашего, у Его Царскаго Величества, съ Паномъ Казимиромъ, Королемъ Польскимъ война прошла за нѣкоторыя многія причины и за ссоры, которые учинились съ Его Королевскаго Величества стороны за вѣчнымъ докончаніемъ въ порубежныхъ мѣстахъ, а нынѣ, за милостию Божіею, тѣ всѣ ссоры и разности успокоены и учинено между Великимъ Государемъ нашимъ, Его Царскимъ Величествомъ и Великимъ Государемъ, Его Королевскимъ Величествомъ и между обонихъ ихъ Великихъ Государей, великими ихъ государствами перемиріе на 13 лѣтъ и на 6 мѣсяцевъ; а въ тѣ перемирные лѣта обонимъ имъ, Великимъ Государямъ, въ прежней братской дружбѣ и любви, а ссорамъ всѣмъ, впредь вспомяновеннымъ и мстительнымъ не быть, да въ тѣжъ перемирныя лѣта обонимъ имъ, Великимъ Государямъ, между собою ссылатся великими и полномочными послами искати всякими способы вѣчнаго мира и, по усмотрѣнію пограничныхъ краевъ, никогда не разрывая того перемирія и вѣчною докончанію быть.

А Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, какъ есть истинный, правый и милосердый и премудрый Христіанскій Государь, по своему царскому обычаю о соединеніи христіанскомъ, всегда о всемъ, милостиваго Бога просить и молить, чтобъ между всѣхъ великихъ Христіанскихъ Государей кровь христіанская литися престала и всебъ Христіанство было въ покоѣ и тишинѣ, и чтобъ всѣ Христіанскіе Государи укѣпились межъ себя, въ докончаніе и въ соединеніе, и стояли за одно и тѣмъ, неприятелю Креста Христова, страшны были и о христіанскомъ высвобожденіи сообща радѣли, чтобъ ими, великими Христіанскими Государями, Христіанство изъ рукъ бусурманскихъ высвободить, а то имъ самимъ вѣдомо, что издавныхъ лѣтъ, по грѣху всего Христіанства, и для не соединенія Христіанскихъ Госуда-

рей, попустилъ Богъ Бусурманъ на Христіанство и обладаетъ Турской Салтанъ великимъ Христіанствомъ и Греческимъ царствомъ, откуда есть начало и корень истинной Православной Христіанской вѣрѣ, а къ тому обладаетъ иными многими землями, которые принадлежали къ Греческому государству: Болгары, Мутьяны, Волохи и Сербы и съ иными многими государствами Христіанскими, также гдѣ была издавнихъ лѣтъ православная и истинная Христіанская вѣра, Карсунъ градъ, и тутъ вселися мусульманскій законъ, гдѣ нынѣ государство Крымское, и тѣ Бусурманскіе государи, соединясь, стоятъ на Христіанскихъ Государей за одно, и земли ихъ воюють и города емлють и церкви Божіи разоряють и Христіанство пменяють, людей въ полонъ емлють и побиваютъ, и кровь Христіанскую безпрестанно проливаютъ, а какъ всѣ великіе Государи Христіанскіе, межъ себя будутъ въ любви и въ докончаніи и непріатели христіанскіе, противъ Христіанскихъ Государей стояти не будутъ и православные Христіане, которые, у нихъ Бусурманъ, въ порабощеніи всѣ высвобождены будутъ.

А буде Испанскій Король, или ближніе его люди, или приставы учнутъ спрашивать о лѣтахъ и о возрастѣ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца.

И Петру и Дьяку Семену говорить: Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Его Царское Величество, нынѣ въ совершенномъ возрастѣ, тридцати осьми лѣтъ, а дородствомъ и разумомъ и красотою лица, милосердымъ нравомъ и всѣми благими годностиими Всемогущій Богъ украсилъ его Великаго Государя нашего, Его Царское Величество, хваламъ достойнаго паче всѣхъ людей и ко всѣмъ людямъ и подданнымъ своимъ и иноземцамъ Его Царское Величество, милостивъ и щедръ своею государскою милостию, всѣхъ призираетъ и, по своему государскому разсмотрѣнію, чести даруетъ комуждо достоинству и всѣмъ своимъ избилствуетъ и никто же, видя Его Царскаго Величества лицо, печаленъ отходитъ; также Великій Государь нашъ, къ наукамъ премудрымъ философскимъ многимъ и

храброму ученію навиченъ и къ воинскому ратному рыцарскому строю хотѣніе держитъ большое, по своему государскому и по достоянію, и потому его государскому бодропасному разуму и храбрости и мудрому нраву достоенъ онъ, Великій Государь, содержать иныя многія земли и государства.

Да Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, Всемиловитивый Господь Богъ, подаровалъ въ наслѣдіе его государскаго рода, благородныхъ чадъ, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Алексѣя Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Феодора Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Симеона Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, Благороднаго Государя нашего, Царевича и Великаго Князя Юанна Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, и о возрастѣ и о лѣтахъ ихъ государскихъ объявить.

А буде королевскіе думные люди учнутъ ихъ спрашивать для чего Великій Государь, Его Царское Величество въ своемъ Царскаго Величества титулѣ, описуется восточнымъ и западнымъ и сѣвернымъ и которые за его Царскимъ Величествомъ государства на Востоцѣ и на Западѣ и на Сѣверѣ, также и Его Царскаго Величества въ печати, надъ орломъ, для чего три короны съ прочими изображеніями.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену королевскимъ думнымъ людямъ говорить: Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, въ своихъ, Царскаго Величества, грамотахъ ко всѣмъ Великимъ Государямъ, окрестнымъ тѣми своими государскими титулы восточнымъ, западнымъ и сѣвернымъ описуется издавна потому, что Его Царскаго Величества предкамъ, Великимъ Государямъ, Царямъ и Великимъ Князьямъ Россійскимъ, и прадѣду его, Великаго Государя нашего, блаженныя памяти, Великому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу всея Россіи Самодержцу и дѣду Великаго Государя нашего, блаженныя памяти, Велико-

му Государю, Царю и Великому Князю Феодору Ивановичу всея Россіи Самодержцу Всемогущій Господь быть поручилъ подъ ихъ Государскую державу въ вѣчное владѣніе къ Московскому царству Казанское, Астраханское, Сибирское, Болгарское и нныя многія страны и земли, въ восточной и сѣверной и западной міра части положеніе свое имѣвшие, которыя нынѣ, подъ высокою его Царскаго Величества, милостивѣйшаго нашего Государя, суть самодержавною рукою, съ которой богодарованной причины, вышеупомянутые, Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, приснопамятные предки тѣми титулами ко всемъ Великимъ Государямъ окрестнымъ писались и нынѣ Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, яко истинный Наслѣдникъ и Самодержецъ, наследуя оныхъ богодарованною Его Царскаго Величества честію, такожде тѣми описуется титулы и всѣ великіе окрестные Государи къ Его Царскому Величеству, къ милостивѣйшему нашему Великому Государю въ любительныхъ своихъ грамотахъ вышеупомянутые Его Царскаго Величества титулы пишутъ также, безъ уменьшенія и безо всякаго спора, вѣдая, что Его Царское Величество тѣ свои, государскіе титулы имѣетъ по своему государскому достоинству, а приснопамятныхъ, Его Царскаго Величества предковъ, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ.

А что имѣется Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, въ печати, и про то объявляемъ: орелъ двоглавной есть гербъ державы Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, Россійскаго царства, надъ которымъ три короны изображены, знамѣнающія три великія Казанское, Астраханское, Сибирское славные царства, покоряющіяся богохранимой и высочайшей Его Царскаго Величества, милостивѣйшаго нашего Государя державѣ и повелѣнію.

На правой орла сторонѣ три града, при которыхъ буквы В. М. Б. суть по описанію въ титулѣ Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи.

На лѣвой сторонѣ три града съ своими на подписи изображеніями восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ.

Подъ орломъ знавъ отчича и дѣдича, на персяхъ его изображеніе Наслѣдника и всего Обладателя.

Въ пазногтахъ * скипетръ и яблоко изъявляютъ милостивѣйшаго нашего Государя Его Царскаго Величества Самодержца и Обладателя.

А буде королевскіе думные люди учнутъ ихъ спрашивать, какъ нынѣ Великій Государь, Его Царское Величество, съ Папою Римскимъ, и съ Цесаремъ, и со Французскимъ, и съ Датскимъ, и Свѣйскимъ королями, и съ Голанскими Статами, и съ Турскимъ Салтаномъ, и съ Персидскимъ Шахомъ, и съ Крымскимъ Ханомъ.

И Петру и Дьяку Семену говорить: Великій Государь нашъ, Его Царское Величество, съ Папою Римскимъ за дальнымъ растолпнѣемъ и за многими была наступающими войнами ссылки неимѣетъ.

Съ Великимъ Государемъ, съ Леопольдусомъ Цесаремъ съ его Цесарскимъ Величествомъ въ крѣпкой братской дружбѣ и любви, а Французской и Датской королѣ съ Великимъ Государемъ нашимъ съ Его Царскимъ Величествомъ въ ссылкѣ и въ дружбѣ и въ любви, а съ Свѣйскимъ Карлусомъ Королемъ у Великаго Государя, у Его Царскаго Величества, учинено вѣчное докончаніе, а Недорлянскіе и Галанскіе Статы съ Великимъ Государемъ нашимъ, съ Его Царскимъ Величествомъ, въ ссылкѣ, и къ Архангельскому городу на корабляхъ торговые люди прѣзжаютъ и торгуютъ.

А съ Турскимъ Салтаномъ у Царскаго Величества о дружбѣ и о любви ссылки есть же, а не дружбы никакія у Царскаго Величества съ Турскимъ Салтаномъ нѣтъ.

А съ Персидскимъ Шахомъ ближайшая дружба и любовь, и на обѣ стороны отъ купецкихъ людей въ привозѣ товаровъ обонимъ государствамъ пожитокъ.

А съ Крымскимъ Аидл-Гиреемъ Царемъ Великій Государь нашъ Его Царское Величество послы и посланники ссылаются.

А буде о томъ спрашивать не учнутъ, и имъ собою про то не очинать.

* Въ костьяхъ.

А буде учнутъ спрашивать о иныхъ какихъ дѣлахъ чего въ семь Великаго Государя наказъ не написано, и имъ отвѣтъ держать смотря по дѣлу, чтобъ Государеву имени было къ чести и къ повышенію, а лишнихъ рѣчей не говорить.

Да Стольнику Петру и Дьяку Семену, будучи въ Гишпанской землѣ, провѣдывать себѣ тайно: съ иными Государями, и съ Папою, и съ Цесаремъ Римскимъ, и съ Турскимъ Салтаномъ, и со Французскимъ, и съ Португальскимъ, и съ Англійскимъ, и съ Датскимъ и съ Свѣйскимъ короли, и съ Голанскими владѣтелями, и съ Венеціанами, и съ иными поморскими Государями у Короля ссылки есть ли, и буде есть, и о чемъ, и съ которыми Государями онъ въ мирѣ или не въ мирѣ, и нынѣшняя ихъ, отъ Великаго Государя присылка къ нимъ, въ Гишпанскую землю надобно ль, и про иные всякіе вѣсти, которые Великому Государю, Его Царскому Величеству и всему Московскому Государству надобны провѣдывать и записывать себѣ имянно и подлинно и въ правду, и ту записку, пріѣхавъ къ Москвѣ, подать въ Посольскомъ Приказѣ, Болрину Аоанасью Лаврентьевичу Ордину-Нашовину, да думнымъ Дьякамъ Герасиму Дохтурову да Лукіану Голосову съ товарищи.

Да и о всемъ имъ, Петру и Дьяку Семену, будучи въ Гишпанской землѣ и ѣдучи дорогою, Великаго Государя къ земскимъ дѣламъ промышлять и вѣстей всякихъ провѣдывать по сему Великаго Государя наказу и смотря по тамошнему дѣлу, какъ ихъ Всемогущій Господь Богъ вразумитъ, а межъ бы ихъ разностей и ссоръ никакихъ ни за что одволочно не было, и Великаго Государя имяни къ чести во всемъ остерегать и вездѣ искати Великаго Государя имяни чести и повышенья, во всехъ государствахъ и городахъ Великаго Государя имя выславляти и говорить то, что Царскаго Величества имяни къ чести и къ повышенью, а простыхъ словъ, и которыя Царскаго Величества имяни не къ чести, не говорить и во всемъ остерегаться всякими мѣрами, чтобъ въ чемъ Великаго Государя имени къ чести и дѣлу помѣшка не было.

А буде межъ ими учинится въ чемъ ссора и вражда, и тою ихъ ссорю и несогласіемъ Великаго Государя дѣлу учинится хотя малая спона* и помѣшка, и имъ за то быть отъ Великаго Государя въ опалѣ и въ разореніи.

А нѣчто судомъ Божіимъ Гишпанскаго Короля Филиппуса

* Цепелетвіе. Ред.

не стало, или какими мѣрами королевства отбылъ, а на его мѣсто буде учинился королемъ иной кто.

И Петру и Дьяку Семену приказати съ приставами къ думнымъ людямъ, что послалъ ихъ Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ и отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель, Его Царское Величество къ брату своему любительному къ Филиппу Королю Государство свое обвѣстити и грамотою о любви братской и дружбѣ и Божіимъ судомъ, Филиппа Короля не стало или будетъ иными какими мѣрами отъ государства отбылъ, потому смотря и говорить, а про нынѣшняго Великаго Государя ихъ, новаго Короля, Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, вѣдомо не было, что онъ учинился королемъ, и объ томъ намъ Великаго Государя наказъ есть а будетъ судомъ Божіимъ Филиппа Короля въ животъ не станеть, и кто на его мѣсто королемъ учинится новой Король и Великій Государь нашъ, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель, Его Царское Величество, велѣлъ къ тому новому Королю къ Его Королевскому Величеству иди и грамоту подати и рѣчь говорить и они бѣ думные люди извѣстили Государю своему, чтобъ имъ велѣлъ быти у себя.

Да какъ имъ новый Король велитъ бы на посольствѣ.

И Петру и Дьяку Семену пришедъ передъ Короля отъ Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца новому Королю кто будетъ на Филиппово мѣсто правити поклонъ и грамоту подати и рѣчь говорить, и будучи у Короля, Великаго Государя дѣломъ о чемъ они посланы къ Филиппу Королю и съ новымъ Королемъ дѣлати по сему же Государеву наказу.

А будетъ кого на королево Филиппово мѣсто Королемъ обрали а на государство еще не сѣлъ, или еще Короля не обрали, а владѣтъ Королева мать, или королевскіе ближніе люди, и пришлютъ къ нимъ тѣ думные люди чтобъ быть у нихъ на королевскомъ дворѣ ихъ, у котораго наивысшаго думнаго человѣка.

И Петру и Семену, думнымъ людямъ отказати, что Великій Государь, Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ и Наслѣдникъ и Государь и Обладатель, послалъ было ихъ къ Великому Государю ихъ, къ Оливу Королю, къ Его Королевскому Величеству, и Божіимъ судьбъ его не стало, а на его мѣсто на государство новый король не избранъ, и имъ быть на посольствѣ не у кого и ихъ бы думные люди отпустили назадъ къ Великому Государю, Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцу, а у нихъ имъ быть не для чего.

А будетъ Петръ и Дьякъ Семень провѣдаютъ подлинно, что королевскіе думные люди и безъ Короля о тѣхъ дѣлахъ, о которыхъ онѣ посланы учнуть дѣлати.

И Петру и Дьяку Семену къ нимъ идти и Великаго Государя грамоту отдати и рѣчь говорить и дѣло дѣлати по сему Государеву наказу.

Да какъ ихъ Испанской Король отпустить велитъ и грамоту къ Царскому Величеству имъ дать.

И Стольнику Петру и Дьяку Семену, королевскимъ думнымъ людямъ объявить, что до указа Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, велѣно имъ Петру и Дьяку Семену ѣхати Царскаго жъ Величества съ грамотою, къ Великому Государю, къ Лудвику Королю Французскому, къ Его Королевскому Величеству и чтобы Великій Государь ихъ, Его Королевское Величество, велѣлъ ихъ отпустить во Французскую землю и до Французскаго порубежнаго города, на чель имъ доѣхати, велѣлъ дать подводы и пристава и кормъ.

Да какъ ихъ во Французскую землю отпустить и пріѣдутъ въ первый порубежный городъ и имъ приказати того города къ державцу, что по указу Великаго Государя посланы они съ его Царскаго Величества любительною грамотою къ Великому Государю ихъ, Лудвику Королю Французскому, къ Его Королевскому Величеству, о братской дружбѣ и любви и о иныхъ добрыхъ дѣлахъ, и онъ бы державецъ, велѣлъ ихъ принять и о пріѣздѣ ихъ къ Королевскому Величеству отписалъ, и давъ имъ пристава и въ дорогу кормъ и подводы къ Королевскому Величеству отпустилъ не задержавъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ И ПОЛИТИКА.

ВНУТРЕННЯЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ РЕСКРИПТЫ.

Данные на имя Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государыни Цесаревны Маріи Александровны и Государыни Великой Княгини Маріи Николаевны.

I.

Ваше Императорское Высочество! При постоянномъ попеченіи о благоустройствѣ находящихся подъ Моимъ покровительствомъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній, столь близкихъ Моему сердцу, не имѣя возможности, по состоянію Моего здоровья, лично посѣщать ихъ такъ часто, какъ бы того желала, Я, съ согласія Государя Императора, прошу Ваше Императорское Высочество, принять на Себя наблюденіе, какъ за физическимъ и нравственнымъ воспитаніемъ, такъ и за успѣхами умствен-

наго образованія дѣвцъ въ Воспитательномъ Обществѣ съ Александровскимъ Училищемъ, равно въ Институтахъ: Екатерининскомъ, Павловскомъ и Сиротскомъ при Воспитательномъ Домѣ съ Александринскимъ Сиротскимъ Домомъ, о замѣчаніяхъ же Вашихъ по всемъ частямъ воспитанія доводить до Моего свѣдѣнія. За тѣмъ предоставляя Себѣ, по прежнему, высшее управленіе помянутыми заведеніями, остаюсь въ совершенной увѣренности, что усердное содѣйствіе Вашего Императорскаго Высочества доставитъ Мнѣ душевное утѣшеніе видѣть возрастающее преусуспѣаніе ихъ, для блага воспитываю-го въ нихъ юншества.

Съ нѣжнѣйшею Моею къ Вамъ любовію пребываю.

II.

Ваше Императорское Высочество! По слабости здоровья Моего, находясь въ необходимости отказать себѣ въ утѣшеніи, состоящія подъ Моимъ покровительствомъ учрежденія посѣщать такъ часто, какъ бы того желала, Я, съ согласія Государя Императора, прошу Ваше Императорское Высочество принять подъ наблюденіе Ваше, какъ физическое и нравственнаго воспитаніе, такъ и умственное образованіе дѣвцъ въ Патриотическомъ Институтѣ, Елисаветинскомъ Училищѣ, Женскомъ Отдѣленіи Училища Глухонѣмыхъ и Повивальномъ Училищѣ при Родовспомогательномъ Заведеніи, а также порядокъ содержанія грудныхъ дѣтей въ Воспитательномъ Домѣ, доводя, по осмотру каждаго заведенія, о замѣчаніяхъ Вашихъ до Моего свѣдѣнія. При чемъ, оставляя управленіе помянутыми заведеніями на прежнее основаніи, вполне надѣюсь, что усердное и дѣятельное участіе Вашего Императорскаго Высочества послужитъ новымъ залогомъ постоянного усовершенствованія ихъ во всехъ отношеніяхъ.

Съ нѣжнѣйшею Моею къ Вамъ любовію пребываю.

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 22 дня 1850 года.

На подлинныхъ Собственной Ея Императорскаго Величества рукою написано:

«Вѣчно искренняя доброжелательная.

АЛЕКСАНДРА».

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ.

данный на имя

Господина Военнаго Министра.

Князь Александръ Ивановичъ!

Осмотрѣвъ 2 и 3 Пѣхотные Корпуса въ первый разъ по возвращеніи ихъ изъ Венгерскаго похода, Я съ особеннымъ удовольствіемъ удостовѣрился, что войска сіи снабжены съ необыкновенною быстротою и исправностію всемъ довольствіемъ, необходимымъ послѣ военнаго времени. Это могло быть совершено только при отличномъ состояніи хозяйственной части Военнаго Министерства, и Мнѣ пріятно при семъ случаѣ вновь повторить, что Военно-Сухопутное Управленіе обязано вамъ своими теперешнимъ примѣрнымъ устройствомъ. Воплнѣ цѣлю, что при вашихъ многочисленныхъ Государственныхъ занятіяхъ, вы ничего не упустили изъ виду, что только могло служить къ исполненію Моихъ желаній. Отъ всей души благодарю васъ за службу вашу Мнѣ и Россіи. Сколь искренна Моя признательность, столь же неизмѣнны пребудутъ и чувства Моего сердечнаго къ вамъ благоволенія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Г. Ковно, мая 23-го 1850 года.

Высочайшій рескриптъ, данный на имя С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора.

Дмитрій Ивановичъ! Прочитавъ допесеніе ваше о дѣйствіяхъ учрежденнаго подъ предсѣдательствомъ вашимъ особаго временнаго Комитета для призрѣнія семействъ, осиротѣвшихъ во время бывшей въ С.-Петербургѣ холеры, и отдавая полную справедливость заботливости сего Комитета, Я влѣблю Себѣ въ удовольствіе изъявить вамъ Мою признательность за попеченные вами труды, а сотрудникамъ Комитета поручаю вамъ объявить Мое особое благоволеніе.

Вмѣстѣ съ симъ, съ окончаніемъ дѣйствій сего Комитета, повелѣваю оной закрыть.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«**Н И К О Л А Й.**»

Въ С.-Петербургѣ, апрѣля 22-го дня 1850 года.

П Р И К А З Ы

ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ С.-Петербургѣ, Апрѣля 7 и 12 1850.

I.

Дворянство Оренбургской губерніи, на бывшемъ въ 1844 году собраніи для выборовъ, изъявило готовность пожертвовать въ пользу Оренбургскаго Неплюевского Кадетскаго Корпуса одновременно изъ доходовъ имѣній своихъ по 30 коп. сер. съ каждой ревизской души помѣщичьихъ крестьянъ, для содержанія въ томъ Корпусѣ на проценты съ составившагося капитала (29,916 р. 30 к. сер.) восьми воспитанниковъ изъ дворянъ.

Нынѣ г. Военный Министръ, Генераль-Адъютантъ *Князь Чернышевъ*, отношеніемъ отъ 24 марта за № 2,675, Меня увѣдомилъ, что Государь Императоръ, какъ увѣдомилъ о томъ г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ о такомъ пожертвованіи Дворянства Оренбургской губерніи, Высочайше повелѣтъ соизволять:

1) Постановленіе о семъ Дворянства утвердить, съ тѣмъ: а) чтобы, согласно мнѣнію Оренбургскаго Военнаго Губернатора, жертвуемый для изъясненной надобности Дворянствомъ Оренбургской губерніи, въ теченіе 3 хъ лѣтъ, капиталъ, всего 29,916 руб. 30 коп. сер., отосланъ былъ въ Кредитное Установленіе, подъ наименованіемъ неприкосновеннаго капитала, пожертвованнаго Дворянствомъ Оренбургской губерніи въ Орен-

бургскій Неплюевскій Кадетскій Корпусъ; б) чтобы на ежегодные проценты съ этого капитала содержимы были въ томъ Корпусѣ восемь воспитанниковъ изъ Дворянъ, не имѣющихъ никакого состоянія и преимущественно круглыхъ сиротъ, лишённыхъ средствъ къ воспитанію, и в) чтобы назначеніе воспитанниковъ въ Корпусъ предоставлено было Оренбургскому Дворянскому Депутатскому Собранію.

и 2) За сдѣланное Дворянствомъ пожертвованіе, объявить оному Всемощивѣйшее Его Императорскаго Величества благоволеніе.

II.

Г. Военный Министръ, Генераль-Адъютантъ *Князь Чернышевъ*, отношеніемъ отъ 31 прошлаго марта, за № 2,876, Меня увѣдомилъ, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ изъяснить согласіе, на испрашиваемое разрѣшеніе, назначать, по сношенію моему съ Епархіальнымъ начальствомъ, и по его выбору, въ законоучителя въ Военно-Учебнаго Заведенія, священниковъ и діаконовъ, хотя непослужившихъ 4-хъ лѣтъ въ приходскихъ церквахъ, но имѣющихъ всё необходимыя для сего познанія и качества, а особенно въ священники—достойныхъ учениковъ Духовныхъ Академій, имѣющихъ ученые степени, а въ діаконы—изъ Духовныхъ Семинарій и прямо по выходѣ изъ Академій и Семинарій и по посвященіи въ санъ; и на опредѣленіе законоучителемъ въ 1-й Кадетскій Корпусъ, вмѣсто Протоіерея Раевского, одного изъ таковыхъ священниковъ, по назначенію высшаго духовнаго начальства.

III.

С.-Петербургѣ. Мая 1-го 1850 года.

№ 1189.

Умершій Генераль-Маіоръ *Энегольмъ*, по духовному завѣщанію, изъявилъ желаніе пожертвовать три тысячи рублей серебромъ, для выдачи ежегодно процентовъ съ сего капитала одному изъ бѣднѣйшихъ кадетъ, выпускаемыхъ изъ Корпусовъ въ Офицеры, особенно отличившихся прилежаніемъ и нравственностію.

По всеподданнѣйшему докладу о семъ Государю Императору, Его Величеству на принятіе этого пожертвованія Высочайше соизволилъ изъявить согласіе.

Въ слѣдствіе сего—предписываю:

1) Вышеозначенное пособіе выдавать, на изложенныхъ звѣщателямъ основаніяхъ, отличнѣйшему по наукамъ и поведенію изъ бѣднѣйшихъ кадетъ, по обсужденію Воспитательнаго Комитета Корпуса, по одобренію Совѣта о Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ и съ моего утвержденія.

И 2) Очередь для назначенія сего пособія Кадетскимъ Корпусамъ и Дворянскому полку принять слѣдующую:

1-й Кадетскій Корпусъ.

2-й Кадетскій Корпусъ.

Павловскій Кадетскій Корпусъ.

1-й Московскій Кадетскій Корпусъ.

Дворянскій полкъ.

2-й Московскій Кадетскій Корпусъ.

Александринскій Сиротскій Кадетскій Корпусъ.

Въ текущемъ 1850 году выдачу такого пособія, на вышеизложенномъ основаніи, начать съ 1-го Кадетскаго Корпуса.

Выписка изъ духовнаго завѣщанія Генераль-Маіора *Энегольма* у сего прилагается.

Объявляю о семъ по Военно-Учебнымъ Заведеніямъ для свѣдѣнія и руководства.

Подлинныя подписалъ: *Генераль-Адъютантъ*

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Г. Министръ Императорскаго Двора сообщилъ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода, что Государю Императору угодно, чтобы, какъ нынѣ, такъ впредь, Тезоименитство Ея Величества, а равно и Великой Княгини Александры Юрьевны, празднуемо было 23-го апрѣля, въ день Св. Великомученика Георгія и Св. Мученицы Царьцы Александры.

— Въ 15-й день марта 1850 года Высочайше утверждено слѣдующее Дополненіе къ Положенію 13-го августа 1833 года о пенсіяхъ артистовъ Императорскихъ театровъ.

Относительно артистовъ россійскихъ подданныхъ.

1) Пенсіи артистамъ россійскимъ подданнымъ назначать, какъ нынѣ, за двадцатилѣтнюю безпорочную службу, но раздѣлить оныя на четыре разряда: для перваго разряда опредѣлить 1,140 р., для втораго 750, для третьяго 500, а для четвертаго 300 руб. сер. Если же жалованье артиста менѣе котораго-либо изъ сихъ разрядовъ, то въ пенсію обращать получаемый каждымъ окладъ жалованья.

2) Сообразно съ симъ, и самыхъ артистовъ россійскихъ подданныхъ, относительно пенсій, раздѣлить на четыре разряда. а именно:

Къ первому разряду должны принадлежать: актеры и актрисы, занимающіе первыя роли во всѣхъ родахъ драматическаго, лирическаго и хореографическаго искусства, управляющіе труппами, режиссеры, капельмейстеры, машинисты, механики, главные декораторы, главный костюмеръ и музыканты-солисты.

Ко второму разряду: актеры и актрисы, играющія вторыя роли во всѣхъ родахъ вышеозначенныхъ трехъ искусствъ, всѣ вообще музыканты (россійскіе и иностранные подданные), репетиторы, живописцы и машинисты.

Къ третьему разряду: актеры и актрисы, занимающіе третьи роли, суфлеры, балетные корфее и корфеейки, скульпторы, главные парикмахеры и театральные мастера.

Къ четвертому разряду: помощники режиссеровъ, декораторовъ, живописцевъ и машинистовъ, надзиратель нотной копировальни, фехтмейстеръ, балетные фигуранты и фигурантки, хористы и хористки, актеры и актрисы, употребляющіеся для выходовъ и вывода статистовъ.

Въ отношеніи артистовъ иностранныхъ подданныхъ.

1) Въ вѣсто существующаго нынѣ десятилѣтняго срока, для выслуги на право полученія пенсій, установить срокъ въ пятнадцать лѣтъ, и самыхъ артистовъ, по степени ихъ талантовъ, раздѣлить на два разряда, съ назначеніемъ пенсій, по первому разряду въ 570 р., а по второму въ 285 р. сер.

2) Къ первому разряду отнести всѣхъ того рода иностранныхъ артистовъ, кои числены въ первомъ и второмъ разрядѣ артистовъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ музыкантовъ, о которыхъ упомянуто выше.

3) Ко второму разряду — всѣхъ, которые обозначены въ третьемъ и четвертомъ разрядѣ о российскіхъ подданныхъ.

4) Вдовъ артиста, вышедшей за него въ замужество по оставленіи имъ театральной службы, равно и дѣтямъ таковой вдовы, пенсій не производить.

5) На будущее время вдовамъ и дѣтямъ артистовъ-иностраницевъ, проживающимъ за границею, пенсій не назначать; тѣмъ же изъ нихъ, коимъ пенсій назначены были во-время пребыванія ихъ въ Россіи, прекращать оныя, какъ скоро выѣдутъ на жительство за границу.

Российскимъ подданнымъ и иностранцамъ, занимающимъ должности костюмеровъ, гардеробмейстеровъ, парикмахеровъ, цвѣточныхъ мастерицъ и настройщиковъ, назначать пенсій на основаніи Высочайше-утвержденнаго въ 14 день марта 1827 года Положенія для Придворнаго Вѣдомства, не превосходя слѣдующихъ окладовъ: для костюмеровъ, гардеробмейстеровъ и парикмахеровъ 350 р., а для всѣхъ прочихъ 250 р. — Если же жалованье будетъ менше котораго-либо изъ сихъ окладовъ, то въ пенсію обращать получаемый каждымъ окладъ жалованья.

Равномѣрно назначать пенсій по Положенію 14 го марта 1827 года состоящимъ по штату: бутафорамъ, портнымъ мастерамъ и мастерицамъ, кастеляншамъ, смотрителямъ головныхъ уборовъ и другихъ отдѣльныхъ частей гардероба, не превосходя оклада 200 р., портнымъ подмастерьямъ, помощникамъ бутафоровъ, гардеробмейстеровъ, парикмахеровъ и скульпторовъ, фейерверкерамъ, и казеннымъ Охтенскимъ плотникамъ, не превосходя оклада 150 р. сер, если жалованье сихъ лицъ будетъ не менше таковыхъ окладовъ, въ противномъ же случаѣ назначать пенсій по окладу жалованья.

— По Высочайше-конфирмованному, въ 11 день минувшаго марта, докладу Святѣйшаго Синода, повелѣно: 1) Изъ Рижскаго Викаріатства Псковской Епархіи образовать особую самостоятельную Епархію, открывъ оную съ 1-го іюля 1850 года. 2) Архіерейскую коедру ея основать въ городѣ Ригѣ, съ наименованіемъ Рижскою и Митавскою. 3) Епархіи сей присвоить 2-й классъ и степень въ іерархическомъ порядкѣ послѣ Варшавской Епархіи. 4) Съ учрежденіемъ въ Ригѣ Консисторіи, существующее тамъ Духовное Правленіе закрыть, дѣла же передать въ Консисторію. 5) Учрежденное въ Ригѣ, по высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 1846 г., Духовное Уч-

лище переименовать въ Рижскую Семинарію. 6) Архіерею Исковской Епархіи, за отчисленіемъ изъ состава ея церкви нынѣшняго Рижскаго Викаріатства, именоваться Псковскимъ и Порховскимъ, съ порученіемъ сей Епархіи, впредь до усмотрѣнія, въ управленіе Рижскаго Архіерея, и 7) О бытіи нынѣшнему Рижскому Викарію, Епископу Платону, Епархіальнымъ Архіереемъ вновь-учрежденной Епархіи.

— Правительствующій Сенатъ, въ особомъ Присутствіи, учрежденномъ при I Департаментѣ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, 18 марта 1849 года состоявшагося, разсмотрѣвъ представленіе Г. Министра Финансовъ относительно участія золотопромышленниковъ въ питейныхъ откупахъ съ 1851 по 1855 г. согласно съ заключеніемъ Г. Министра Финансовъ, полагалъ: оставя существующій нынѣ, по настоящему предмету, порядокъ безъ измѣненія, постановитъ только правиломъ, и строго наблюдать посредствомъ мѣстныхъ властей, чтобы въ черту присковъ горячіе напитки ввозились лишь въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, собственно для употребленія на порцію рабочимъ людямъ, опредѣливъ даже, по усмотрѣнію главнаго мѣстнаго Начальства, самое количество, какое потребно будетъ по числу рабочихъ, и съ тѣмъ, чтобы на провозъ туда ввнѣ заводскія конторы получали особыя, каждый разъ, свидѣтельства отъ Гражданскаго Губернатора. Но какъ на настоящей предметъ обращено вниманіе Его Императорскаго Величества, то не приводя заключенія сего въ исполненіе, Сенатъ предоставлялъ Г. Министру Юстиціи испросить на оное Высочайшее соизволеніе. Г. Управлявшій Министерствомъ Юстиціи вносилъ объ этомъ записку въ Комитетъ Гг. Министровъ. Государь Императоръ, по положенію Комитета, въ 17 день минувшаго марта, Высочайше соизволилъ означенное опредѣленіе Правительствующаго Сената утвердить и повелѣлъ привести въ исполненіе.

— Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе Инспекторскаго Департамента, отъ 18 февраля сего года, за № 1,305, о предоставленіи нижнимъ чинамъ, поступившимъ въ военную службу изъ гражданъ и однодворцевъ западныхъ губерній, преимуществъ за службу сверхъ срока, — положилъ: нижнимъ чинамъ, изъ гражданъ и однодворцевъ западныхъ губерній, поступившимъ въ военную службу по наборамъ 15-тилѣтнимъ срокомъ службы, за добровольный отказъ отъ отставки предоставить преимущества, по сравненію съ урожден-

нами Царства Польскаго, вменно: по безпорочной выслугѣ 15 лѣтъ, награждать ихъ шеврономъ, прибавляя оный потомъ чрезъ каждыя пять лѣтъ. — По прослуженіи же въ Гвардіи 22-хъ, въ Арміи и другихъ войскахъ 25 лѣтъ, производить жалованье, согласно статьѣ 431 книги II-й части II Свода Военныхъ Постановленій, то есть два съ половиною овлда, обращая такое въ пенсію, по выслугѣ еще 5-ти лѣтъ. (Высочайше-утверждено въ 28-й день марта.)

— Г. Статсъ-Секретарь Гофманъ, отъ 28-го марта 1850 года, сообщилъ Г. Министру Юстиціи, что Лифляндскій, Эстляндскій и Курляндскій Генералъ-Губернаторъ относился къ нему объ ходатайствованіи Всемилостивѣйшаго разрѣшенія Государя Императора на предоставленіе состоящему подъ покровительствомъ Государыни Цесаревны заведенію для безправственныхъ дѣтей въ г. Ревелѣ, права пользоваться постановленіями, содержащимися въ Высочайше-утвержденномъ, въ 17 день сентября 1848 года, Уставѣ подобнаго-же учрежденія въ г. Нарвѣ. Такое ходатайство Князя Суворова, по предварительно-последовавшему на то соизволенію Ея Императорскаго Высочества, оны, Г. Статсъ-Секретарь Гофманъ, представляя на Высочайшее воззрѣніе.

Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить на оное Всемилостивѣйшее соизволеніе.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Главнуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичнымъ Зданіями, въ 30 день марта, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: строевыхъ нижнихъ чиновъ арестантскихъ ротъ Гражданскаго Вѣдомства, награждать знакомъ отличія ордена Св. Анны за безпорочную выслугу 20 лѣтъ, наравнѣ съ таковыми же нижними чинами арестантскихъ ротъ Инженернаго Вѣдомства.

— Государь Императоръ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ Комитету Гг. Министровъ, по положенію онаго, въ 4 день апрѣля сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

1) Разрѣшить причисленіе къ капитальнымъ долгамъ, для уплаты въ остальные годы займовъ, наравнѣ съ платежами за 1848 годъ, и слѣдующихъ за прежнее время недоимокъ по займамъ помѣщиковъ Саратовской, Тамбовской, Харьковской, Пензенской и Тульской губерній изъ Кредитныхъ Учрежденій, но съ тѣмъ, чтобы льгота эта допускаема была только для такихъ заемщиковъ, отъ коихъ будутъ представлены над-

лежація свидѣтельства о постигшемъ имѣніи ихъ неурожаѣ, и притомъ же иначе, какъ съ предварительнымъ удостовѣреніемъ по каждому займу, что Банковыя Установленія чрезъ сіе списожденіе не будутъ находиться въ опасности не выручить долга. Тѣмъ-же помѣщикамъ, коихъ займы окажутся неблагонадежными, льготы этой не предоставлять, и въ случаѣ неплатежа ими подлежащихъ помянутымъ установленіямъ денегъ, — подвергать имѣнія ихъ продажѣ.

2) Вышеизъясненную разсрочку долговъ распространить на томъ-же основаніи и на владѣльцевъ незаселенныхъ земель, находящихся въ сказанныхъ губерніяхъ и состоящихъ въ залогѣ мѣстныхъ Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ о срокѣ по учету векселей въ Кіевской Конторѣ Коммерческаго Банка, мнѣніемъ положилъ: представленіе сіе утвердить, и въ слѣдствіе того, въ дополненіе къ ст. 944 Учрежд. в Уст. Государственныхъ Кредитныхъ Установленій (Св. Зак. Т. XI), постановить, что въ Кіевскую Контору допускаются къ учету векселя, коимъ остается срока не менѣе восьми дней и не болѣе шести мѣсяцевъ. (Высочайше-утверждено 10-го апрѣля.)

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ о Московской Городской Росписи на 1850 годъ, мнѣніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго-утвержденія въ 10-й день апрѣля сего года, между прочимъ, положили: «для приведенія въ дѣйствіе Высочайше-утвержденнаго проекта снабженія Московской столицы, во всѣхъ ея частяхъ, чистою и здоровою водою, увеличить на 6 лѣтъ, одною четвертью процента, оцѣночный сборъ съ недвижимыхъ въ городѣ имуществъ, и въ слѣдствіе сего, съ 1850 по 1855 г. включительно, взимать съ оцѣночной суммы означенныхъ имуществъ по 1% и сверхъ того, на прежнее основаніи, по 6% со всей вносимой суммы, собственно на содержаніе водопроводовъ».

— Въ Высочайшемъ Указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату, 2-го мая, изображено:

«По всеподданнѣйшему представленію Министра Народнаго

Просвѣщенія о преобразованіи Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, повелѣваемъ; 1) Изъ губерній Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, входящихъ нынѣ въ составъ Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, образовать особый учебный округъ, подъ названіемъ «Виленскаго». 2) Остальныя за тѣмъ двѣ губерніи Бѣлорусскаго Округа, Витебскую и Могилевскую, присоединить къ Округу С.-Петербургскому. 3) Управление учебными заведеніями Виленскаго Учебнаго Округа, на правахъ Попечителя, возложить на Виленскаго Военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генераль-Губернатора, Генераль-Адъютанта Генераль-Лейтенанта Бибикова».

Въ Высочайшемъ Указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ Правительствующему Сенату, изображено:

«Дозволивъ Государственному Канцлеру, *Графу Нессельде*, въ-теченіе наступающаго лѣта отлучиться на нѣкоторое время изъ С.-Петербурга, Всемилостивѣйше повелѣваемъ, согласно съ его ходатайствомъ, Товарищу Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Сенатору, Тайному Совѣтнику *Селавину*, вступить во временное управленіе Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ».

— Въ-слѣдствіе отношенія Виленскаго Военнаго, Гродненскаго, Минскаго и Ковенскаго Генераль-Губернатора, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права, учредить въ г. Бѣльскѣ, Гродненской губерніи, три четырехнедельныя ярмарки: одну со дня Св. Троицы, другую—Рождества Богородицы и третью со дня Богоявленія Господня.

— Въ-слѣдствіе ходатайства Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго Генераль-Губернатора, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшилъ, на основаніи предоставленнаго ему закономъ права, вмѣсто существующей въ г. Зміевѣ, 24 февраля, ярмарки, учредить тамъ трехдневную ярмарку, начная со дня Преполовенія, ежегодно.

— Студентъ С.-Петербургскаго Университета, *Князь Николай Юсуповъ*, желая почтить память умершаго отца, Князя Бориса Юсупова, и оставить воспоминаніе о времени пребыванія своего въ Университетѣ, просилъ принять отъ него

40 т. р. сер., для учрежденія на счетъ процентовъ съ сей суммы, составляющихъ 400 руб. сер. въ годъ, двухъ стипендій для бѣднѣйшихъ студентовъ С.-Петербургскаго Университета, кои на вступительномъ испытаніи получаютъ высшіе балы по предметамъ русской словесности и русской исторіи. Разрѣшивъ принять это пожертвованіе, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія доводилъ объ ономъ до Высочайшаго свѣдѣнія, и Его Императорскому Величеству благоугодно было, въ 12 день апрѣля 1850 г., на всеподданнѣйшей докладной запискѣ по сему предмету, Собственноручно написать: «*благо-родно*».

— Старобѣльскій Городничій, Майоръ Терещенко, принесъ въ даръ Императорской Публичной Библіотекѣ коллекцію рукописей, книгъ, атласовъ и картъ.

Государь Императоръ, по доведеніи о семъ до Высочайшаго Его Величества свѣдѣнія, Всемилостивѣйше пожаловать повелѣлъ Маріора Терещенко орденомъ Св. Анны 3-й степени.

— Въ Высочайшемъ указѣ, за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, данномъ 20 апрѣля Правительствующему Сенату, изображено: Во вниманіе къ особымъ ученымъ трудамъ курскаго мѣщанина Федора Семенова и обширнымъ познаніямъ его по части астрономіи, Всемилостивѣйше жалуемъ его съ семействомъ въ званіе потомственнаго почетнаго гражданства.

— Существовавшій въ С.-Петербургѣ Комитетъ, Высочайше-учрежденный для призрѣнія оспротѣвшихъ отъ холеры, по окончаніи возложеннаго на оный Его Величествомъ порученія, 4-го числа текущаго мѣсяца, на основаніи послѣдовавшаго Высочайшаго соизволенія, закрыть. Въ С.-Петербургскихъ Поліцейскихъ Вѣдомостяхъ напечатано слѣдующее извѣщеніе изъ Всеподданнѣйшаго рапорта Санктпетербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора, представленнаго 20-го апрѣля 1850 года Его Императорскому Величеству.

Государь Императоръ, въ Монаршемъ попеченіи о семействахъ и лицахъ, оспротѣвшихъ отъ холеры, въ 20-й день іюня 1848 года Высочайше повелѣтъ соизволивъ: учредить для отысканія и призрѣнія ихъ, подъ предсѣдательствомъ С.-

Петербургскаго Военнаго Генераль-Губернатора, особый временный Комитетъ, съ назначеніемъ въ оный членами: Статсъ-Секретаря Гофмана, С.-Петербургскихъ: Оберъ-Полицеймейстера, Губернскаго Предводителя Дворянства, Уезднаго Предводителя Дворянства, Градскаго Главы и состоящихъ въ званіи Каммергеровъ Двора Его Императорскаго Величества: Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Шахматова и Статскаго Совѣтника Волларьскаго.

Во исполненіе таковой Монаршей воли, объявленной С.-Петербургскому Военному Генераль-Губернатору Товарищемъ Статсъ-Секретаря. Тайнымъ Совѣтникомъ Ковальковымъ, открыты 24 того-же іюня дѣйствія Комитета, и на основаніи заключенія оного, приглашено было дѣйствующее Градское Общество избрать для содѣйствія Комитету къ отысканію и посѣщенію сиротъ и семействъ, пострадавшихъ отъ холеры, особыхъ, изъ среды обывателей столицы, доверенныхъ лицъ, въ каждую Часть города по три: одного изъ Дворянъ, другаго изъ Почетныхъ Гражданъ и третьяго изъ купцовъ, а также поручено было Губернскому и Уездному Предводителямъ Дворянства назначить такихъ-же лицъ для отысканія сиротъ въ окрестностяхъ столицы.

Избранные на семь основаній лица, по утвержденіи Комитетомъ, вступили въ то-же время въ исполненіе ихъ обязанностей, подъ названіемъ посѣтителей, и тогда-же снабжены были отъ Комитета наставленіемъ.

Въ распоряженіе Комитета, Его Императорское Величество, при самомъ учрежденіи. Всемилостивѣйше соизволило пожаловать на первый случай 10 т. руб. сер.

Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна, 2 тыс. руб. сер.

Отъ частныхъ лицъ поступило пожертвованій, 95,385 руб. 59 коп.

Вынуто изъ кружекъ, поставленныхъ по повелѣнію Его Императорскаго Величества для сбора въ пользу Комитета припошений: на Сѣнной-площади, а также у Никольскаго и Андреевскаго рынковъ, 74 р. 74½ коп.

Всей-же суммы въ вѣдѣніи Комитета состояло: 107,460 руб. 33½ к. серебр.

Независимо отъ таковыхъ преподанныхъ Комитету денежныхъ способовъ. Его Императорское Величество, въ отеческой заботливости о призрѣніи осиротѣвшихъ отъ холеры,

Высочайше повелѣть соизволилъ открыть пріемъ сиротъ въ заведеніяхъ Императорскаго Воспитательнаго Дома: въ грудныхъ отдѣленіяхъ, на 25 мѣсть и болѣе.

Въ дѣйствующемъ Сиротскомъ Институтѣ и Александринскомъ Сиротскомъ Домѣ. 100 м.
Въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ. 40 —
Въ Маріинскомъ Межевомъ Учлищѣ. 13 —

Воспитаніе сиротъ въ этихъ заведеніяхъ, по Высочайшему повелѣнію Его Величества, объявленному Статсъ-Секретаремъ Гофманомъ, отнесено на счетъ общихъ доходовъ Воспитательныхъ Домовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величеству благоудно было повелѣть открыть временный пріемъ сиротъ, впродъ до размѣщенія ихъ по заведеніямъ, въ Дѣтскихъ Пріютахъ, гдѣ и устроено было для сей цѣли 50 кроватей; изъ нихъ 22 учреждены на счетъ способовъ Комитета, а остальные на счетъ средствъ вѣдомства Дѣтскихъ Пріютовъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица Всемилостивѣйше соизволила предоставить въ распоряженіе Комитета въ Учлищѣ для воспитанія дѣтей, учрежденномъ при Домѣ Убогихъ, содержимомъ на жданіи Ея Величества, 7 мѣсть.

С.-Петербургское купечество, для призрѣнія сиротъ изъ городскихъ сословій, предоставило въ вѣдѣніе Комитета 50 вакансій, открытыхъ онымъ на сей собственно случай въ Николаевской и Александринской Школахъ Дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ.

Императорское Человѣколюбивое Общество и присоединенное къ оному Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, по предложенію Комитета, одобренному Его Величествомъ, открыли пріемъ въ заведеніяхъ своихъ сиротъ, подвѣдомственныхъ Комитету, за условленную за воспитаніе ихъ плату, изъявивъ готовность принять въ заведенія сіи, каждое по 100 и болѣе сиротъ.

Демидовскій Домъ призрѣнія трудящихся также предложилъ помѣстити въ заведеніяхъ своихъ пансіонерамъ Комитета нѣсколько сиротъ.

Сверхъ сего Человѣколюбивое Общество и Демидовскій Домъ призрѣнія трудящихся изъявили желаніе призрѣть бесплатно, первое 5, а послѣднее 2 сиротъ.

Въ разсмотрѣніи Комитета находились 1684 просьбы о денежномъ пособіи и призрѣніи сиротъ.

Положеніе этихъ семействъ было въ свое время обследовано Посѣтителями и разсмотрѣно Комитетомъ, согласно постановленіямъ коего:

1043 семействамъ оказано денежное пособие.

164 семействамъ, кромѣ денежныхъ выдачъ, оказано покровительство призрѣніемъ сиротъ.

277 семействамъ оказано покровительство призрѣніемъ сиротъ и другими распоряженіями.

200 семействамъ, оказавшимся неподлежащими покровительству Комитета, отказано.

Постоянною заботливостію Комитета было, не только облегчить положеніе круглыхъ сиротъ и многодѣтныхъ семействъ, лишившихся отцовъ, но и упрочить средства къ существованію ихъ на будущее время, а потому Комитетъ, не ограничиваясь призрѣніемъ сиротъ, входилъ въ ближайшее разсмотрѣніе нуждъ всѣхъ подлежащихъ покровительству его семействъ, и изыскивалъ всевозможныя средства къ прочійшему устройству ихъ будущности.

Сиротъ, коимъ оказано покровительство Комитета было всего 624, изъ нихъ круглыхъ сиротъ 311.

Всѣ они размѣщены:

Безплатно:

Въ грудныя отдѣленія	82
Въ Сиротскій Институтъ и Александринскій Сиротскій Домъ	108
— Гатчинскій Сиротскій Институтъ	41
— Маріинское Межевое Училище	13
— Училище для бѣдныхъ при Домѣ убогихъ	7
— Демидовскій Домъ призрѣнія трудящихся	2
— Заведенія Человѣколюбиваго Общества	5
— Школы Дома призрѣнія престарѣлыхъ гражданъ	56

Съ опредѣленною платою:

Въ Павловскій Институтъ	1
— Коммерческое Училище	1
— Общество Посѣщенія Бѣдныхъ	123
— Петропавловское Училище	1

— заведенія Императорскаго Человѣколюбиваго Общества	112
— Демидовскій Домъ призрѣнія трудящихся	3

Сверхъ того:

Въ Технологическій Институтъ	1
— Батальионы военныхъ кадетовъ	3
Въ ученіе мастерствамъ	15
На воспитаніе разныхъ лицамъ	26
— родину къ роднымъ отправлены	7
Отосланы на воспитаніе въ деревни, по распоряженію Воспитательнаго Дома (не закон)	18

Всего 624

Въ числѣ сиротъ, помѣщенныхъ въ заведенія Обществъ Человѣколюбиваго и Посѣщенія Бѣдныхъ, находятся: 2 пансіонерки Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Потемкина, 1 Статскіи-Секретаря Гофмана и 1 воспитывается на счетъ Его Высочайшаго Преподобительства Г. Предсѣдателя.

Кромѣ-того:

11-ть престарѣлыхъ и увѣчныхъ призрѣны въ богадѣльни,—22 сироты зачислены кандидатами для поступленія на воспитаніе въ заведенія Человѣколюбиваго Общества и 11 сиротъ въ заведенія Дома призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ.

СУММЫ КОМИТЕТА ИЗРАСХОДОВАНЫ:

	Руб. К.
a) На выдачу пособій семействамъ, пострадавшимъ отъ холеры	21,026 6
b) На устройство въ Дѣтскихъ Приютахъ помѣщенія для временнаго призрѣнія сиротъ	326 70
c) Уплачено всѣмъ заведеніямъ за все время воспитанія призрѣнныхъ въ оныхъ, по распоряженію Комитета, сиротъ	85,434 81..
d) На канцелярскіе расходы	572 77

Императорское Человѣколюбивое Общество, по значительности отпущенной въ вѣдѣніе оного суммы, по предложенію Предсѣдателя Комитета, на основаніи журнала оного, 25 января текущаго года, изъявило согласіе, часть процентовъ на сію сумму отдѣлять на составленіе капитала для раздачі пособій пансіонерамъ Комитета при выпускѣ ихъ изъ заведеній, а другую часть и деньги, могущія остаться въ случаѣ убыли пансіонеровъ, расходовать на воспитаніе дѣтей, зачисленныхъ Комитетомъ кандидатами для поступленія въ поминутыя заведенія.

Обществу-же Посѣщенія Бѣдныхъ, на составленіе капитала для выдачі подобныя пособія пансіонерамъ Комитета, переданы 13 картридъ, пожертвованныя купцомъ Острогнымъ въ пользу оспротѣвшихъ отъ холеры, съ тѣмъ, чтобы Общество разыграло ихъ въ лоттерейю азарты.

СПИСОКЪ.

Господамъ Членамъ Комитета, Высочайше-учрежденнаго для призрѣнія оспротѣвшихъ отъ холеры въ С.-Петербургѣ.

Предсѣдатель: С.-Петербургскій Военный Генералъ-Губернаторъ, Генералъ отъ Инфантеріи Дмитрій Павловичъ Шульгинъ.

Члены: Статс-Секретарь, Тайный Совѣтникъ Андрей Лонгиновичъ Гофманъ, С.-Петербургскій Обер-Полцеймейстеръ Свѣты Его Величества Генерал-Маіоръ Александръ Павловичъ Галаховъ, С.-Петербургскій Губернскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Михайловичъ Потемкинъ, Камергеръ Двора Его Императорскаго Величества: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Николаевичъ Шахматовъ, Статскій Совѣтникъ Евгений Петровичъ Волярлярскій и С.-Петербургскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Статскій Совѣтникъ Николай Александровичъ Безобразовъ, С.-Петербургскій Городской Глава, Коммерцій Совѣтникъ Василій Григорьевичъ Жуковъ.

Диплопроизводитель: Управляющій Канцеляріею С.-Петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Семенъ Романовичъ Ждановъ.

Полнощный диплопроизводитель: Исправляющій должность Начальника Отдѣленія той-же Канцеляріи, Коллежскій Секретарь Дмитрій Александровичъ Соколовъ.

Казначей Канцеляріи С.-Петербургскаго Военнаго Генерал-Губернатора, Надворный Совѣтникъ Иванъ Трофимовичъ Мякушка.

СПИСОКЪ

Гг. посѣтителей, состоявшихъ при Комитетѣ, Высочайше-учрежденномъ для призрѣнія оспротѣвшихъ отъ холеры.

Названіе частей.	Посѣтители, избранные изъ потомственныхъ дворянъ.	Посѣтители, избранные изъ почетныхъ гражданъ и купцовъ.
1-й и 3-й Адмиралтейскихъ Частей.	Дѣйст. Стат. Сов. Левъ Кириловичъ Нарышкинъ.	Почет. Граж. Глушковъ и Праншинковъ и купцы: 1-й гильдіи Кохунъ и 3-й гильдіи Крутиковъ.
2-й Адмиралтейск. Части.	Дѣйст. Стат. Сов. Федоръ Герасимовичъ Устряловъ.	Почет. Граж. Лѣсниковъ и купецъ 1-й гильдіи Гамбсъ.
4-й Адмиралтейск. Части.	Коллеж. Сов. Василій Михайловичъ Лопатинъ.	Почет. Граж. Лапотниковъ и купецъ 2-й гильдіи Глазовъ.
Нарвской Части.	Стат. Сов. Александръ Петровичъ Медвѣдевъ.	Почет. Граж. Жуковъ и купецъ 2-й гильдіи Бобковъ.
Московской Части.	Дѣйств. Стат. Сов. Николай Висарионовичъ Якимовъ.	Почет. Граж. Дмитриевъ и купецъ 2-й гильдіи Микеровъ.
Литейной Части.	4-го класса Николай Ивановичъ Шамшевъ.	Почет. Граж. Мѣняевъ и купецъ 2-й гильдіи Кенигъ.
Каретной Части.	Дѣйств. Стат. Сов. Константинъ Аванасьевичъ Случевскій.	Почет. Граж. Яковлевъ и купецъ Кириковъ.

- Коллеж. Сов. Дмитрій Почет. Граж. Гро-
Рождествен. Части. Герасимовичъ Чул- мовъ и купецъ 3-й
ковъ. гильдіи Кушашниковъ
Уволенъ 27-го іюня
1848 года.
- 5-го класса Влади- Почет. Граж. Погре-
Васильевск. Части. міръ Петровичъ Арбу- бовъ и купецъ 2-й
зовъ. гильдіи Строгоновъ.
- Тайн. Сов. Гаврило Почет. Граж. Калу-
Петербургск. Части. Гавриловичъ Биби- гинъ и купецъ 2-й
ковъ. гильдіи Пентешинъ.
- Дѣйств. Стат. Сов. Почет. Граж. Калу-
Выборгской Части. Яковъ Козьмичъ Кай- гинъ и купецъ 2-й
дановъ. гильдіи Эбертъ.
- Стат. Сов. Петръ Почет. Граж. Заги-
Охтенской Части. Елизаровичъ Лейчен- бенинъ.
ко.
Умеръ 25-го февраля
1849 года.
- Коллеж. Сов. Алек- Почет. Граж. Лиха-
За Шлиссельберг- сандръ Николаевичъ чевъ и 2-й гильдіи
скою заставою. Меншиковъ. купецъ Кохановъ.
- Надв. Сов. Андрій Купецъ 3-й гильдіи
За Московскою и Нарвскою заставами Яковлевичъ Качка. Овсянниковъ.

— Императорское Археологическое Общество объявило всеобщее извѣстіе о второй задачѣ, и приглашаетъ желающихъ доставлять свои сочиненія къ соисканію преміи, предложенной отъ И. Т. Яковлева.

I. Для соисканія преміи предлагается задача: *описать русскія народныя одежды до конца XVII вѣка.*

II. Отъ сочиненія, назначаемаго къ соисканію преміи, требуется: 1) Критическое обзорніе русскихъ и иностранныхъ источниковъ о русскихъ народныхъ одеждахъ, съ опредѣленіемъ ихъ исторической достовѣрности. 2) Историческое изслѣдованіе о существовавшихъ русскихъ одеждахъ съ X вѣка,

и о введеніи въ послѣдующихъ столѣтіяхъ чужеземныхъ одеждъ, греческихъ, татарскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ: 3) Описаніе мужскихъ и женскихъ одеждъ, уборовъ и парядовъ, царскихъ, боярскихъ, посадскихъ и деревенскихъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ нынѣ уже болѣе не существуютъ, и какія сохранились или въ своемъ видѣ первобытномъ, или съ измѣненіями. 4) Обзорніе матерій, изъ которыхъ шились русскія народныя одежды, съ объясненіемъ ихъ названій, узоровъ и цвѣтовъ, съ указаніемъ, какія изъ нихъ были въ употребленіи русскаго народа въ разныя времена.

III. Изъ русскихъ народныхъ одеждъ Общество предлагаетъ описать:

а) *Мужскіе и женскіе головные уборы:* Ватола, Каптуръ, Кика, Клобукъ, Коконникъ, Колпакъ, Корабликъ, Кучма, Налобникъ, Наурузы, Перепелъ кичный, Поязка, Повойникъ, Подзатылекъ, Подкапокъ, Полочка, Сборникъ, Сорока, Тафья, Треухъ, Убрусъ, Фата, Чела, Шапка Шляпа.

б) *Мужскія и женскія одежды:* Азямъ, Армякъ, Бугай, Варьги, Голицы, Духегрѣйка, Епанча, Епанечка, Зипуль, Исподница, Кабать, Кафтанъ, Кобенякъ, Кожухъ, Корзно, Кофта, Коць, Лѣтнякъ, Ментель, Однорядка, Опашень, Охабень, Платно, Понева, Поддѣвка, Порты, Полукафтанье, Приволока, Роспашница, Растегай, Рубашка, Рукавицы, Риса, Сарачанъ, Тегилля, Терликъ, Тѣлогрѣя, Тулупъ, Ферязъ, Фуфайка, Холодникъ, Чюга, Шуба, Шубейка, Шушунъ, Юбка.

в) *Мужская и женская обувь:* Башмаки, Босовики, Валенки, Ичетыги, Коты, Лапти, Опучи, Подвязки, Сапоги, Чеботы, Черевки, Чулки.

г) *Мужскіе и женскіе наряды:* Агамъ, Бохрома, Ворборка, Заплетье, Завѣска, Зарукавье, Косоплетина, Кушакъ, Муфта, Нагрудникъ, Наручки, Нашивка, Ожерелье, Платокъ, Подпояска, Поясъ, Пронизъ, Пузыри, Тесьма, Фартукъ, Ширинка.

д) *Убранство палатное и комнатное:* Вздолье, Грива, Завѣсь, Занавѣска, Коверъ, Лептей, Наволока, Настольникъ, Небо, Одѣяло, Пелена, Перина, Подзоръ, Подпростынный, Подушка, Подножіе, Покрывало, Полавочникъ, Пологъ, Полотенце, Постеля, Простыня, Скатерть, Столечникъ, Утиральникъ.

IV. Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, въ изложеніи ясномъ и понятномъ для всѣхъ сословій, безъ

вмѣшательства чужеземныхъ словъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ старыхъ названій матеріалъ, уборовъ, одеждамъ и парядамъ, съ соблюденіемъ историческихъ данныхъ, критически очищенныхъ и представленныхъ въ обработанномъ видѣ.

V. Общество желаетъ получить отъ изслѣдователя изобразеніе одеждъ, уборовъ и парядовъ; но не поставяетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность.

VI. За лучшее сочиненіе, написанное по сему объявленію, выдается *четыреста рублей* серебромъ; если-же ни одно изъ присланныхъ сочиненій не будетъ заслуживать полной преміи, то за сочиненія, которыя, по своему изложенію и описанію предметовъ, наиболее будутъ приближаться къ требованіямъ объявленія, назначаются двѣ половинныя преміи, каждая въ двѣсти рублей серебромъ.

VII. Срокъ для предъявленія сочиненія къ конкурсному преміи П. Т. Яковлева назначается *двухгодовой*, считая его съ 1-го мая 1850 года по 1-е мая 1852 года.

VIII. Господа сочинители присылаютъ свои рукописи въ С.-Петербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

IX. Сочиненія доставляются въ Общество безъ подписи сочинителя; по отъ каждой рукописи требуется, чтобы она имѣла какой-нибудь девизъ, который-бы находился и на приложенномъ конвертѣ къ сочиненію, съ запечатанной запиской, содержащей въ себѣ имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя.

X. Отъ конкурса преміи исключаются одни только Дѣйствительные Члены Императорскаго Археологическаго Общества.

XI. Присужденіе преміи публикуется въ вѣдомостяхъ; присемъ не дается отчета о причинахъ, послужившихъ къ отказу въ преміи тому или другому сочиненію; но до свѣдѣнія публики доводятся лишь причины, по которымъ сочиненіе признано отъ Общества достойнымъ награды.

XII. Сочиненіе, признанное Обществомъ достойнымъ преміи П. Т. Яковлева, печатается въ первый разъ въ «Запискахъ Общества»; но сочинитель его имѣетъ полное право печатать другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

— Тоже Общество объявило во всеобщее извѣстіе о *третьей* задачѣ, приглашая желающихъ доставлять свои сочиненія къ конкурсному преміи.

I. Для конкурса преміи предлагается задача: *написать исторію русскихъ школъ иконописанія до конца XVII вѣка.*

II. Изъ русскихъ школъ иконописанія предлагается описать школы: Кіевскую, Новгородскую, Московскую, Устюжскую, Строгановскую и Фряжскую.

III. Отъ сочиненія, назначаемаго къ конкурсному преміи, требуется: 1) Критическое изслѣдованіе происхожденія и развитія каждой русской школы, съ объясненіемъ ихъ пошибовъ и различій между собою по кореннымъ признакамъ. 2) Описание сохранившихся произведеній русскихъ иконописцевъ, съ указаніемъ, въ какихъ мѣстахъ Россіи находятся онѣ нынѣ, съ объясненіемъ: въ своемъ-ли первобытномъ видѣ сохранились эти памятники иконописнаго искусства, или возобновлены. 3) Исчисленіе русскихъ иконописцевъ каждой школы, съ краткими извѣстіями о нихъ, заимствованными изъ летописей, актовъ, житій русскихъ святыхъ, надписей и старыхъ описей церковныхъ имуществъ. 4) Объясненіе технического производства, существовавшаго въ старыхъ русскихъ школахъ иконописанія.

IV. Сочиненіе должно быть написано на русскомъ языкѣ, изложено ясно и понятно для всѣхъ сословій, съ избѣжаніемъ чужеземныхъ словъ, но съ сохраненіемъ всѣхъ техническихъ названій иконописнаго искусства, съ соблюденіемъ историческихъ данныхъ, критически очищенныхъ, представленныхъ въ обработанномъ видѣ.

V. Общество желаетъ получить отъ изслѣдователя снимки образцовыхъ произведеній каждой школы; но не поставяетъ этого требованія въ непремѣнную обязанность.

VI. За лучшее сочиненіе, написанное по сему объявленію, выдается *четыреста рублей* серебромъ.

VII. Срокъ для предъявленія сочиненій къ конкурсному преміи археологической назначается *двухгодовой*, считая его съ 1-го мая 1850 года по 1-е мая 1852 г.

VIII. Господа сочинители присылаютъ свои рукописи въ С.-Петербургъ, на имя Императорскаго Археологическаго Общества.

IX. Сочиненія доставляются въ Общество безъ подписи сочинителя; но отъ каждой рукописи требуется, чтобы она имѣ-

ла какой-нибудь *деvisz*, который-бы находился и на приложенном конвертѣ къ сочиненію, съ запечатанной запиской, содержащей въ себѣ: имя, отчество, фамилію, званіе и мѣсто жительства сочинителя.

X. Отъ соисканія преміи исключаются одни только дѣйствительные Члены Императорскаго Археологическаго Общества.

XI. Присужденіе преміи публикуется въ вѣдомостяхъ; при чемъ не дается отчета о причинахъ, послужившихъ къ отказу въ преміи тому или другому сочиненію; но доводятся до свѣдѣнія публики только причины, по которымъ сочиненіе признано отъ Общества достойнымъ награды.

XII. Сочиненіе, признанное Обществомъ достойнымъ преміи, печатается въ первый разъ въ «Запискахъ Общества»; но сочинитель его имѣетъ полное право печатать другими изданіями, на основаніи существующихъ законовъ.

— Отъ Высочайше-учрежденной въ С.-Петербургѣ Коммиссіи о Лондонской выставкѣ обнародовано слѣдующее:

По повелѣнію Ея Величества Королевы Великобританской, назначена въ Лондонѣ Коммиссія для устройства тамъ выставки произведеній, какъ мануфактурной, такъ и сельской промышленности всѣхъ народовъ, которую предполагается открыть 19 апрѣля (1 мая новаго стilia) будущаго 1851 года, и англійское министерство изъявило россійскому Правительству желаніе, чтобы оно оказало содѣйствіе означенной лондонской Коммиссіи относительно доставленія россійскихъ издѣлій на сію всемірную выставку.

Хотя наша мануфактурная промышленность, по недавнему началу своего развитія, во многихъ отрасляхъ еще не въ состояніи состязаться съ произведеніями другихъ странъ, опередившихъ насъ на сѣмъ поприщѣ народной дѣятельности, но всей ея обширности, тѣмъ не менѣе появленіе русскихъ издѣлій на всемірной выставкѣ въ Лондонѣ, гдѣ по сему поводу соберутся лица торговаго и промышленнаго сословія всѣхъ странъ, можетъ послужить къ исправленію невѣрныхъ сужденій о состояніи нашей промышленности. Съ одной стороны, замѣчательные успѣхи, сдѣланные въ короткое время по нѣкоторымъ важнымъ отраслямъ, оправдываютъ въ глазахъ безпристрастныхъ людей то покровительство, которое наше Правительство доставляетъ отечественному трудолюбію, а съ другой стороны, ближайшее и подробнѣйшее ознакомленіе ино-

странцевъ съ нашими фабричными и сельско-хозяйственными произведеніями можетъ открыть для нѣкоторыхъ изъ нихъ новый сбытъ или усилить прежній.

Въ снхъ видахъ признано полезнымъ оказать, какъ фабрикантамъ, такъ и сельскимъ хозяевамъ, которые пожелаютъ отправить образцы своихъ издѣлій на лондонскую выставку, зависящее отъ Правительства содѣйствіе, и съ сею цѣлію учреждена въ С.-Петербургѣ, по Высочайшему повелѣнію, особая Коммиссія изъ Членовъ отъ Министерствъ Финансовъ и Государственныхъ Имуществъ, коей Предсѣдателемъ Высочайше назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта Тайный Совѣтникъ Тенгоборскій. На сію Коммиссію возложены сношенія съ лондонскою Коммиссіею выставки и всѣ распоряженія по разбору и отправкѣ образцовъ произведеній и издѣлій въ Лондонъ.

Хотя сельскіе хозяева уже предварены о сѣмъ объявленіемъ отъ Г. Министра Государственныхъ Имуществъ, тѣмъ не менѣе Высочайше-учрежденная Коммиссія, приступая къ исполненію возложеннаго на нее порученія, почитаетъ нужнымъ сообщить всѣмъ производителямъ, какъ сырыхъ, такъ и мануфактурныхъ предметовъ, слѣдующее:

1) На лондонскую выставку будутъ принимаемы только тѣ иностранныя произведенія, которыя будутъ присылаться чрезъ посредство или съ разрѣшенія учрежденныхъ по сему поводу въ каждомъ государствѣ Коммиссіи. По сему всѣ желающіе послать образцы своихъ произведеній на означенную выставку могутъ доставлять оныя на свой счетъ въ *Высочайше-учрежденную въ С.-Петербургѣ Коммиссію о Лондонской Выставкѣ*.

2) Находящіеся въ С.-Петербургѣ фабриканты могутъ сдавать оныя Коммиссару Коммиссіи, Надворному Совѣтнику Андрееву, въ экспозиціонномъ залѣ биржеваго зданія, въ которомъ помѣщалась С.-Петербургская Выставка 1849 года, а иногородные могутъ высылать оныя на имена: Гофъ-Маклера Якова Андреевича Шредера * и Биржевыхъ Маклеровъ Алексѣя Филипповича Малыгина **, Михайла Алексѣевича Без-

* Въ Малой-Морской, въ домѣ Арпта. № 5

** На Васильевскомъ-Острову, за Среднимъ проспектомъ, въ 4-й линіи, въ собственномъ домѣ, № 38-й.

цѣнаго *** и Василья Михайловича Калгина ****, которые изъявили готовность принимать таковыя образцы и представлять оныя въ Коммисію. Что касается до сельскихъ произведеній, то оныя должны быть адресуемы въ Департаментъ Сельскаго Хозяйства.

3) Приемъ въ Коммисію назначенныхъ на Лондонскую выставку предметовъ начнется 1 іюля и продолжится по 31 августа, такъ какъ срокъ для приема оныхъ назначенъ въ Лондонѣ съ 20 декабря 1850 (1 января 1851) по 17 февраля (1 марта) 1851 года, когда навигація у насъ еще не открыта, и потому они должны быть отправлены отсюда въ Лондонъ осенью сего 1850 года.

4) Для русскихъ произведеній въ помѣщеніи лондонской выставки назначается пространство въ 10,000 квадратныхъ футовъ, со включеніемъ мѣста для прохода, такъ, что для помѣщенія произведеній нельзя разсчитывать болѣе, какъ на половину сего пространства; а какъ значительную часть онаго могутъ занять произведенія сельскаго хозяйства, то Гг. производители приглашаются, въ отвращеніе загроможденія, присылать только такіе образцы, которые могутъ обратитъ вниманіе по достигнутымъ уже въ той отрасли промышленности успѣхамъ, въ особенности-же такіе, которые по своему своему могутъ подавать надежду на открытіе сбыта, и въ такомъ только количествѣ, какое необходимо для того, чтобы дать понятіе о достоинствѣ предмета.

5) Все присылаемые предметы должны быть сопровождаемы фактурами, въ коихъ надобно означать: имя производителя, мѣстонахожденіе пѣльни или фабрики, число, вѣсъ или мѣру предметовъ, а въ отношеніи къ мануфактурнымъ произведеніямъ въ особенности фабричныя цѣны.

6) Произведенія, которыя будутъ пзбраны Коммисіею для отсылки на лондонскую выставку, будутъ отправлены туда на счетъ казны и поручены надзору пребывающаго въ Лондонѣ агента Министерства Финансовъ по мануфактурной части, который озаботится и обратнымъ доставленіемъ предметовъ, могущихъ остаться невроданными на выставкѣ.

7) Для свѣдѣнія сельскихъ хозяевъ и фабрикантовъ, Ком-

*** На Васильевскомъ-Островѣ, въ 14-й линіи, на набережной Невы, въ собственномъ домѣ, № 27, 602.

**** На Петербургской-сторонѣ, у Тулкова-моста, въ собственномъ домѣ № 491.

мисія считаетъ не излишнимъ сообщить при семъ переводъ двухъ объявленій, изданныхъ лондонскою Коммисіею. Если же, въ-свѣдѣніи сношеній съ сею Коммисіею, окажется нужнымъ сообщить какія-либо дальнѣйшія подробности, до выставки относящіяся, то объ оныхъ будетъ доводимо до общаго свѣдѣнія чрезъ публичныя вѣдомости, а между тѣмъ, если кто-либо встрѣтитъ надобность въ объясненіяхъ, тотъ можетъ обращаться въ *Высочайше-учрежденную въ С.-Петербургѣ Коммисію о Лондонской Выставкѣ*, адресуя пакеты на ея имя въ Департаментъ Мануфактуръ и Внутренней Торговли.

Переводъ съ англійскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ЛОНДОНСКОЙ КОММИССИИ О ВЫСТАВКѢ.

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНІЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВСѢХЪ НАРОДОВЪ,

имѣющая быть въ Лондонѣ въ 1851 году.

I.

Королевская Коммисія, учрежденная для устройства выставки произведеній промышленности всѣхъ народовъ, имѣющей быть въ 1851 году, разсмотрѣвъ и обсудивъ старательно разные предлежавшіе оной вопросы, обращается нынѣ съ полнымъ упованіемъ ко всѣмъ сословіямъ общества (въ Великобританіи), приглашая ихъ къ шедрымъ пожертвованіямъ для обезпеченія успѣха сего предпріятія въ степени, достойной нашего государства и сообразной вызову, сдѣланному другимъ народамъ: войти съ нами въ совмѣстничество въ духѣ благороднаго и дружескаго соревнованія.

Коммиссары назначили открытіе выставки 1-го мая 1851 года.

Они будутъ въ готовности принимать въ свое вѣдѣніе и храненіе, на собственный пхъ счетъ, всѣ предметы, которые будутъ присланы и сданы въ мѣстѣ, назначенномъ для сего въ Лондонѣ, съ 1-го января по 1-е марта включительно; послѣ же сего дня уже ничего болѣе не будетъ принимаемо.

Ея Величество Королева благоволила пожаловать для сей цѣли мѣсто на южной сторонѣ Гайдъ-Парка, между Кенсингтонскою дорогою и аллеєю, называемою обыкновенно Роттль-Ро.

По предварительному исчисленію, сдѣланному Коммиссарамъ, предполагается выстроить зданіе, покрывающее пространство отъ 16 до 20 акровъ * или около одного милліона квадратныхъ футовъ.

Произведенія всѣхъ народовъ будутъ выставлены вмѣстѣ, по общему для всѣхъ распредѣленію. Онѣ размѣстятся въ четырехъ отдѣленіяхъ, описаніе коихъ прилагается вмѣстѣ съ общими указаніями для каждаго отдѣла.

Зданіе выставки будетъ нестараемое; выставлющіе пользуются имъ безъ всякой платы.

Синъ послѣдніе обязаны доставить произведенія или издѣлія свои на собственный счетъ и страхъ въ зданіе выставки, а по поступленіи туда они не подвергаются уже болѣе ни какому издержкамъ.

Колоніальныя и чужеземныя произведенія будутъ пропущены на выставку безношлипно, но подвергнутся платежу пошлины при продажѣ для внутренняго потребленія. Королевское таможенное вѣдомство будетъ считать всѣ присланные изъ чужихъ краевъ на выставку предметы находящимися въ таможенныхъ складахъ, а Коммиссія выставки устроить соответственно тому пріемъ сихъ вещей.

Коммиссары желали бы, чтобы мѣстные комитеты выставки, гдѣ таковыя (въ Великобританіи) учредятся, собирали сами денежныя приношенія, поступающія въ предѣлахъ ихъ мѣстности. Они должны публиковать о количествѣ принятыхъ ими денегъ и покрывать всѣ мѣстныя издержки, назначая собрателямъ вознагражденіе, какое сами сочтутъ приличнымъ.

Коммиссары полагаютъ, что подобное-же полное мѣстное устройство слѣдовало-бы распространить по мѣрѣ возможности и на англійскія колоніи.

Приношенія должны поступать къ казначеямъ мѣстныхъ комитетовъ, а отъ нихъ быть переводимы въ Лондонъ, для присовокупленія къ общему капиталу Коммиссіи, внесенному въ Англійскій Банкъ, на имена Казначеевъ Коммиссіи: А. К. Барклая, В. Коттона, Баронета Спра Д. В. Люббока, С. М. Пето и Барона Мионеля Ротшильда.

* Отъ 6 до 7 десятинъ.

Коммиссары, принимая на себя полное распоряженіе всеми деньгами, поступающими въ ихъ вѣдѣніе, распорядились тоже о повѣркѣ счетовъ и о соблюденіи во всемъ строжайшей экономіи.

Коммиссары надѣются, что сумма приношеній, имѣющая поступить въ ихъ распоряженіе, поставитъ ихъ въ возможность назначить довольно умѣренную плату за входъ на выставку, чтобы сдѣлать ее доступною лицамъ всѣхъ состояній.

Если и за доставленіемъ выставяющимся всевозможныхъ удобствъ, а посѣтителѣмъ всякаго облегченія, окажется какой-либо денежный остатокъ, то коммиссары предполагаютъ обратить таковой на предметы, имѣющіе прямую связь съ цѣлью предстоящей выставки, или-же на устройство подобнахъ въ послѣдствіи.

Сколь-бы ни было пространно предполагаемое зданіе, но количество предметовъ, которые будутъ присланы на выставку, вѣроятно, превзойдетъ всякой размѣръ помѣщенія, присвоеннаго оному, почему коммиссары и предоставляютъ себѣ полное право отклоненія и выбора. Конечно пространство, которымъ они будутъ въ состояніи располагать, опредѣлится суммою ожидаемыхъ приношеній, но во всякомъ случаѣ они должны будутъ поступать въ этомъ отношеніи по своему благоусмотрѣнію.

Коммиссары желали бы равномерно, чтобы мѣстные комитеты доставляли имъ какъ можно ранѣе общія вѣдомости или списки предметовъ, имѣющихъ быть представленными на выставку изъ ихъ округовъ, съ показаніемъ пространства, требующагося для помѣщенія тѣхъ предметовъ, дабы поставить коммиссаровъ въ возможность опредѣлить заблаговременно объемъ и размѣръ зданія.

Коммиссары вошли въ сношеніе съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ о средствахъ извѣщенія чужестранныхъ правительствъ о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ по сей выставкѣ.

Коммиссары разсматриваютъ теперь основанія, на коихъ имѣетъ быть распредѣлена сумма 20,000 фунтовъ стерлинговъ, предназначаемая для награды, и изыскиваютъ лучшей способъ присужденія оныхъ.

Въ случаѣ, если-бы мѣстные комитеты потребовали какихъ-либо дальнѣйшихъ объясненій, оныя могутъ обращаться по сему къ секретарямъ Коммиссіи, которая поставитъ себѣ за

удовольствие удовлетворять ихъ желанію по мѣрѣ возможности.

21 февраля 1850 г.

II.

Коммиссары Ея Величества по учрежденію выставки произведеній промышленности всѣхъ народовъ, имѣющей быть въ Лондонѣ въ будущемъ 1851 году, по тщательномъ соображеніи мѣръ, относящихся къ допущенію на выставку иностранныхъ произведеній, положили обнародовать нижеслѣдующее объявленіе къ свѣдѣнію и для руководства иностранныхъ участниковъ въ оной.

Коммиссары уже увѣдомляли, что, не взвѣсивъ на огромность здания, которое предполагено построить, имъ непремѣнно должно быть предоставлено право, по собственному усмотрѣнію принимать или не допускать доставляемые на выставку предметы.

Необходимость принять нѣкоторыя мѣры для ограниченія объема и опредѣленія характера выставки столь очевидна, что не требуетъ дальнѣйшаго объясненія; по образъ примѣненія вышепомянутаго права, въ особенности къ произведеніямъ чужихъ странъ, есть предметъ, требующій весьма тщательнаго соображенія.

Коммиссары не скрываютъ, что желательнѣе предупредить, по мѣрѣ возможности, присылку сюда такихъ предметовъ, которые не могутъ быть допущены, нежели отвергать оныя по прибытіи ихъ въ Лондонъ.

Они равновѣрно чувствуютъ, что щекотливая и отвѣтственная обязанность рѣшать допущеніе или устраненіе предметовъ, предназначаемыхъ на выставку иностранными участниками, отнюдь не должна быть возложена на какое-либо англійское судилище, но слѣдуетъ предоставить оную такому мѣсту, которое, пользуясь довѣріемъ самихъ участниковъ, отнюдь не подвержено подозрѣнію въ національномъ пристрастіи. Посему они намѣрены допускать на выставку только тѣ изъ иностранныхъ произведеній, которыя къ нимъ будутъ присланы центральными коммиссіями (какого бы рода оныя ни были) разныхъ странъ. Они положили доставить каждой центральной коммиссіи свѣдѣніе о пространствахъ, которое можетъ быть отведено для помѣщенія произведеній той страны, за которую она дѣйствуетъ, и намѣрены также сообщать

условія и ограниченія, которыя отъ времени до времени опредѣляемы будутъ относительно пріема вещей. Всѣ предметы, присылаемые таковыми центральными коммиссіями, будутъ принимаемы на выставку, если только для помѣщенія оныхъ не потребуется большаго пространства, нежели какое первоначально опредѣлено для произведеній страны, изъ коей оныя посылаются, а равновѣрно если пріемъ оныхъ не нарушаетъ условій и ограниченій, о коихъ доставлено было надѣжащее свѣдѣніе. Центральной коммиссіи каждой страны предоставляется предварительное обсужденіе и опредѣленіе достоинства произведеній, доставляемыхъ на выставку, а равно и пожеланіе о томъ, чтобы высылаемыя вещи сколько возможно точно изображали характеръ промышленности въ той землѣ.

Коммиссары Ея Величества будутъ во всякомъ случаѣ признавать ту центральную коммиссію, которую укажетъ имъ правительство страны. Вступивъ въ сношеніе съ таковою коммиссіею въ какой-либо странѣ, они должны рѣшительно и совершенно отклонить всякое сношеніе съ частными и неполномоченными лицами, и если какое-либо сообщеніе сего рода будетъ къ нимъ прислано, то они только могутъ препроводить оное въ центральную коммиссію. Носановленіе сіе необходимо для того, чтобы предупредить замѣшательства.

Никакія заграничныя произведенія и издѣлія, кому-бы оныя ни принадлежали и гдѣ-бы оныя ни находились, не могутъ быть допущены на выставку иначе, какъ только тогда, когда посылаются съ дозволенія центральной коммиссіи той страны, произведенія коей они составляютъ. Коммиссары не настаиваютъ на томъ, чтобы предназначаемые на выставку предметы непремѣнно были препровождаемы самою центральной коммиссіею, хотя и полагаютъ, что сей способъ былъ бы удовлетворительнѣе всякаго другаго. Во всякомъ случаѣ однакожъ необходимо, чтобы таковая отправка была предпринята не иначе, какъ съ парочнаго разрѣшенія коммиссіи и подъ ея отвѣтственностію въ томъ, что посылаемыя издѣлія дѣйствительно годны на выставку, и что оныя высылаются въ количествѣ, не превышающемъ того, которое можетъ быть помѣщено въ пространство, назначенномъ для произведеній той страны.

Относительно объема отводимаго помѣщенія, коммиссары предполагаютъ войти въ предварительное сношеніе съ правительствомъ каждой страны. Очевидно, что таковое опредѣле-

не пространства во всякомъ случаѣ крайне затруднительно, тѣмъ болѣе, что при семь комиссары должны припнмать въ соображеніе, не только обширность и народонаселеніе каждой страны, но свойства предметовъ, оною производимыхъ, и количество оныхъ, которое, вѣроятно, прислано будетъ, при чемъ естественно, въ числѣ разныхъ другихъ соображеній, возникнетъ и вопросъ о близости и удобствахъ доставки въ Англію. Присылаемая произведенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ будутъ громоздки и потребуютъ болѣе мѣста, чѣмъ издѣлія, ожидаемыя изъ другихъ странъ, хотя сіи послѣднія могутъ оказаться несравненно драгоценнѣе первыхъ. Такимъ-образомъ невозможно, безъ полученія надлежащихъ свѣдѣній изъ каждой страны, опредѣлить по сему предмету непреложныя правила. За всѣмъ тѣмъ комиссары признаютъ, что лучше нынѣ-же сообщить дѣйствіямъ своимъ опредѣленное и по возможности положительное направленіе, постановленіемъ нѣкоторыхъ предварительныхъ, хотя и произвольныхъ правилъ, нежели отложить сію мѣру до полученія надлежащихъ свѣдѣній, на собраніе коихъ потребуется долгое время; посему они положили назначить одну половину всего находившагося въ ихъ распоряженіи пространства подъ помѣщеніе произведеній Великобританіи и ея колоній, а другую половину раздѣлить между прочими народами свѣта, извѣстивъ при томъ отдѣльно каждую страну о величинѣ помѣщенія, нынѣ для ея произведеній предназначеннаго, и требуя свѣдѣній о томъ, какимъ именно образомъ предполагается наполнить упомянутое пространство. Въ случаѣ, если центральная коммиссія какой-либо страны признаетъ отведенное для произведеній оной помѣщеніе слишкомъ великимъ, то комиссары просятъ о сообщеніи имъ сего мнѣнія, ибо очевидно, что едва ли будетъ прилично, оставлять порожнія пространства въ участкѣ, назначенномъ для произведенія какой-либо страны. Если же напротивъ того для какой-либо страны потребуется мѣста болѣе, чѣмъ предположено, то и о семъ надлежитъ увѣдомить комиссаровъ, ибо тогда они могутъ быть въ состояніи назначить добавочное помѣщеніе, въ особенности при полученіи изъ другихъ странъ свѣдѣнія о томъ, что часть отведеннаго онымъ мѣста останется незанятою.

Коммиссары тщательно соображали вопросъ, будетъ ли удобно подраздѣлить все помѣщеніе на части, и указать оныя особымъ странамъ, предоставивъ каждой расположить въ предѣлахъ своего участка всѣ свои произведенія. Они оста-

ются однакоже при прежнемъ своемъ заключеніи о несоотвѣтственности сего порядка, ибо гораздо полезнѣе помѣстить на выставкѣ произведенія всѣхъ странъ вмѣстѣ, соотвѣтственно изданной комиссарамъ классификаціи предметовъ, и съ особымъ подраздѣленіемъ по странамъ въ каждомъ отдѣленіи. Они полагаютъ, что дѣйствіе, которое должна произвести выставка, — представляя при одномъ взглядѣ точку совершенства, коей достигла смысленность и изобрѣтательность человѣка въ каждомъ разрядѣ полезныхъ искусствъ — существенно ослабитъ, если плоды промышленности различныхъ народовъ по каждой отрасли производства будутъ разбросаны на большомъ пространствѣ, вмѣсто предполагаемаго совокупнаго ихъ размѣщенія. Посѣтитель получитъ весьма несоотвѣтственное понятіе о степени совершенства до коей нынѣ доведенъ какой-либо родъ мануфактурныхъ издѣлій, видя предъ собою произведенія лишь одного народа. При томъ, въ столь обширномъ строеніи, у него неостанетъ силъ идти изъ какого-либо особаго разряда выставки одной націи въ соответствующіе разряды выставокъ всѣхъ прочихъ народовъ, для общаго ихъ сравненія; а равно, если произведенія одного рода всѣхъ народовъ не будутъ выставлены совокупно, то весьма трудно будетъ рѣшить, которому слѣдуетъ отдать преимущество. Различныя части выставки будутъ посѣщаемы въ разные дни, и впечатлѣнія, произведенныя какого-либо рода издѣліями одной страны, были бы уничтожаемы впечатлѣніями, порождаемыми соответственными произведеніями другой страны. Такое раздѣленіе выставки причиною бы также не мало затрудненій относительно опредѣленія награды, и сверхъ-того, могло бы легко подать поводъ къ обвиненіямъ въ недоброжелательствѣ или особомъ благопріятствованіи въ распредѣленіи мѣстъ, указываемыхъ каждой странѣ.

При размѣщеніи поступающихъ на выставку разнообразныхъ предметовъ, потребуется соблюденіе различныхъ условій относительно пространства, освѣщенія и разныхъ другихъ подробностей. Въ семъ отношеніи, если-бы оставленное для какой-либо страны мѣсто оказалось менѣе выгоднымъ, чѣмъ назначенное для другой, могутъ немедленно возникнуть жалобы, тогда какъ при помѣщеніи всѣхъ однородныхъ произведеній вмѣстѣ, всѣ страны воспользуются равными выгодами, и каждый предметъ будетъ помѣщенъ въ той части строенія, которая наиболѣе соответствовать будетъ потребности произведеній того рода. Посему комиссары принужде-

ны предоставить себѣ неограниченное право распределенія и размѣщенія всѣхъ поступающихъ предметовъ, по собственному своему усмотрѣнію. Они постараются, по мѣрѣ возможности, устроить каждое отдѣленіе выставки такъ, чтобы принадлежашія къ оному произведенія сохранили нѣкоторый видъ національности, не смѣшивая произведеній одной страны съ произведеніями другой тамъ, гдѣ цѣль выставки можетъ быть достигнута и безъ сего смѣшенія. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были ихъ распоряженія, они берутся найти мѣсто для помѣщенія произведеній каждой страны, которыя, будучи поставлены вмѣстѣ, заняли бы на выставкѣ пространство, отведенное той странѣ. Нужно однако, чтобы они заблаговременно получали увѣдомленія, какая пропорція мѣста требуется для сырыхъ матеріаловъ, какая для машинъ, какая для мануфактурныхъ, и какая для художественныхъ предметовъ. Свѣдѣнія сіи должны быть доставлены къ тому времени, о которомъ будетъ объявлено каждой странѣ.

Коммиссары прилагаютъ при семъ правила, постановленныя таможеннымъ начальствомъ по предмету пропуска на выставку вещей изъ чужихъ краевъ.

Въ неперодолжительномъ времени будетъ обнародовано положеніе о присужденіи и раздачѣ наградъ. Впрочемъ небезопасно предварительно объявить, что во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ возникнетъ совѣстничество между выставящими лицами различныхъ націй, награды будутъ опредѣляемы комитетомъ, составленнымъ изъ Англичанъ и иностранцевъ.

Равнообразно обнародованы будутъ распоряженія для отвращенія копированія узоровъ или снятія дессейновъ и вообще поддѣлки выставленныхъ мануфактурныхъ издѣлій, въ ущербъ самихъ изобрѣтателей.

14-го марта 1850.

Распоряженія таможеннаго начальства въ Англіи, относительно беспошлиннаго ввоза иностранныхъ и колониальныхъ произведеній, предназначаемыхъ на выставку въ 1851 году.

Всѣ произведенія иностранныхъ земель, предназначенныя на выставку, должны быть ввозимы чрезъ одинъ изъ слѣдующихъ портовъ: Лондонъ, Ливерпуль, Бристоль, Гуль, Ньюкастль, Довръ, Фокстонъ, Саутгемптонъ.

Всѣ грузы, ввозимые не самими хозяевами, должны быть адресованы къ агентамъ, которые будутъ опредѣлены въ каждомъ портѣ королевскими коммиссарами для приѣма и попененія о таковыхъ грузахъ. Объ именахъ ихъ будетъ дано знать центральнымъ комиссіямъ каждой страны, и изъ нихъ желающимъ послать на выставку какіе-либо предметы могутъ избрать того, посредничество коего имѣрены употребить.

Сими агентами приняты будутъ всѣ мѣры для препровожденія посылокъ въ Лондонъ подъ присмотромъ таможеннаго начальства, не вскрывая ихъ (въ тѣхъ случаяхъ, когда оныя не будутъ присланы прямо въ лондонскій портъ), и для доставки въ томъ же видѣ въ строеніе, въ коемъ заключающіяся въ нихъ вещи имѣютъ быть выставлены.

Въ случаѣ ввоза какихъ-либо мѣстъ чрезъ лондонскій портъ, агентъ, къ коему оныя будутъ адресованы, озоботится ихъ приѣмомъ немедленно по прибытіи, и препроводитъ оныя, не вскрывая, въ зданіе выставки.

Для обезпеченія исправной доставки посылокъ, безъ вскрытія и досмотра, на мѣсто выставки, къ нимъ будутъ прилагаемы казенныя печати таможеннаго управленія въ томъ портѣ, въ которомъ онѣ будутъ выгружены, чѣмъ обезпечится, какъ частный, такъ и казенный интересъ.

Всѣ произведенія будутъ принимаемы первоначально сполна и безъ платежа пошлины, а въ послѣдствіи, если не поступятъ въ продажу въ Англіи, будутъ сданы кому слѣдуетъ, для беспошлиннаго-же вывоза обратно. Но если кому-либо угодно будетъ оставить ихъ въ Англіи, то слѣдующая съ нихъ пошлина должна быть уплачена сполна предъ выпускомъ ихъ изъ зданія выставки, въ коемъ они должны оставаться до самаго ея окончанія.

По надлежашемъ доставленіи посылокъ въ зданіе, гдѣ имѣеть быть выставка, посылки будутъ вскрываемы и досматриваемы въ присутствіи хозяина или агента, и поступать въ вѣдѣніе королевскихъ коммиссаровъ, безъ разрѣшенія коихъ онѣ не могутъ быть вынуждены изъ зданія выставки.

Всѣ ввозимые въ Англію товары останутся подъ присмотромъ таможни, до востребованія оныхъ агентами приславшаго ихъ владѣльца, который въ семъ случаѣ, въ удостовѣреніе своихъ правъ, обязанъ представить свидѣтельство о выгрузкѣ и таковое-же отъ центральной комиссіи въ томъ, что помянутые товары были присланы для выставки.

Классификація произведеній на лондонской выставкѣ, приложенная къ объявленію Коммисіи 21 февраля.

(Нѣсколько сокращено).

Предметы, поступающіе на лондонскую выставку, будутъ на оной помѣщены въ слѣдующихъ четырехъ главныхъ отдѣленіяхъ:

Первое отдѣленіе будетъ содержать сырые продукты и подготовленные изъ нихъ фабричныя матеріалы — какъ образцы произведеній природы, обрабатываемыхъ промышленностью.

Во второмъ отдѣленіи будутъ помѣщены машины: земледѣльскія, фабричныя, инженерныя, и вообще всѣ механическія изобрѣтенія — какъ образцы орудій, придуманныхъ человѣческимъ умомъ, для дѣйствія на произведенія природы.

Третье отдѣленіе составятъ совершенно оконченныя мануфактурныя пздѣлія — какъ образцы того, во что промышленность въ состояніи обратить естественныя произведенія.

Въ четвертомъ отдѣленіи помѣстятся изваянія, модели и произведенія пластики вообще — для показанія вкуса и искусства, изъясненныхъ въ семь родѣ приимѣненія смысленности.

Такое распредѣленіе предметовъ выставки на четыре главныя разряда будетъ вообще соблюдаемо; однако нѣкоторыя вещи, принадлежащія къ одному отдѣленію, могутъ быть помѣщены и въ иное, если сіе будетъ признано необходимымъ, но не иначе, какъ для поясненія одного предмета другимъ.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Сырыя произведенія и матеріалы.

Въ сей отдѣлъ поступятъ всѣ произведенія ископаемаго, растительнаго и животнаго царствъ, или въ совершенно-сыромъ состояніи, или же въ какой-либо степени первоначальной обдѣлки, до обращенія ихъ въ готовое пздѣліе (какъ въ III Отдѣленіи).

Разрядъ А). Царство ископаемое.

Сюда принадлежатъ:

а) Первообразныя минеральныя вещества, употребляемыя на металлическихъ заводахъ и фабрикахъ, какъ-то: руды, флюсы и также самородные металлы.

б) Металлургическими производствами полученные металлы.

в) Металлическіе, подготовленные уже матеріалы, напр. листовое, листовое и другихъ видовъ желѣзо, проволока, мѣдъ въ листахъ, приденое золото, пушечная и колокольная мѣдъ, бронза, латушь, гартъ и разныя другіе сплавы.

г) Вещества, нужныя на химическихъ, на стеклянныхъ, фарфоровыхъ, фаянсовыхъ и другихъ глиняныхъ вещей фабрикахъ, какъ-то: каменный уголь, антрацитъ, сѣра, хлоръ, разныя кислоты, щелочи, соли, земля, глины, пески, фельдшпатъ, краски и т. д.

д) Строительныя матеріалы: гранитъ, мраморъ, кирпичъ, цементъ, и т. п.

е) Минералы, служащія къ растиранію и молотью, къ точенію, къ рѣзбѣ и къ полировкѣ твердыхъ камней, стекла и т. д.

ж) Камни, употребляемые для украшеній.

Желательно, чтобы обдѣланные уже матеріалы были представляемы совокупно съ самыми ископаемыми въ естественномъ ихъ видѣ, дабы такимъ образомъ показать послѣдовательный ходъ ихъ подготовленія къ полезному или приятному приимѣненію для потребностей общежитія. При наблюденіи сего, выставка будетъ содержать указаніе разныхъ способовъ и средствъ для извлеченія и подготовленія, изъ первообразныхъ ископаемыхъ, разнаго рода матеріаловъ къ дальнѣйшимъ производствамъ для полученія произведеній, которыя въ послѣдствіи могутъ быть приспособляемы къ полезному употребленію или къ украшенію.

Предметы, назначаемые для выставки, должны-бы состоять: 1) изъ вещей, достойныхъ вниманія, или по превосходству ихъ, или по новизнѣ употребленія и приспособленія, или же по сбереженію трудовъ и расходовъ при добываніи или изготовленіи ихъ, 2) изъ такихъ предметовъ, которые могутъ служить объясненіемъ какихъ-либо дальнѣйшихъ способовъ фабричнаго производства.

Разрядъ Б). Царство растительное.

Къ сему разряду принадлежатъ:

а) Вещества, употребляемыя въ пищу или на приготовленіе оной, какъ-то: 1) сельскія земледѣльскія произведенія: хлѣбныя зерна, шелушные овощи, масличныя сѣмена, 2) сухеные плоды и сѣмена, 3) вещества, служащія для приготовленія напитковъ, 4) пряности и приправы, 5) крахмалъ въ разныхъ видахъ, 6) сахарныя вещества, 7) напитки, полученные по-

средством брожения, и перегнанные спирты, оба изъ необычайныхъ матеріаловъ.

б) Вещества, употребляемая предпочтительно при химическихъ производствахъ и въ медицинѣ, какъ-то: 1) камень въ разныхъ видахъ, 2) смолистыя вещества: смола, бальзамы, смолотамеди, каучукъ, 3) масляныя вещества: летучія масла, высыхающія, равно какъ и невысыхающія жирныя масла, растительные жиры и воскъ, 4) кислоты, 5) красильные матеріалы и самыя краски, 6) дубильныя вещества, 7) опьяняющія вещи, 8) лекарственныя вещества.

в) Матеріалы, служащія для строеній, для дѣланія одежды и проч. напр. 1) строевой лѣсъ и мебельныя дерева, въ естественномъ видѣ и окрашенныя, 2) волокнистыя вещества, служащія для дѣланія веревокъ и канатовъ, для тканей на одежду и т. д.

Предметы, которые Комиссія наиболѣе желала бы получить въ числѣ произведеній растительнаго царства, суть тѣ, которые по своей полезности, новизнѣ и практическому приложенію, могутъ показаться достойнѣйшими вниманія публики. Къ таковымъ принадлежатъ, не только превосходные образцы общепотребительныхъ веществъ, но и образцы такихъ веществъ, которыя хотя и не были еще понынѣ въ употребленіи, но влѣютъ достовѣрно равныя съ первыми свойства и могутъ замѣнить оныя: красильныя матеріалы, сопровождаемые образцами, показывающими дѣйствія оныхъ; рѣдкія дерева, какъ въ сыромъ, такъ и въ полированномъ видѣ, равно какъ и въ издѣліяхъ; матеріалы всякаго рода, годные къ приготовленію полотень, веревокъ, плетеныхъ вещей, бумаги, и т. п.

Разрядъ В), царство животное.

Здесь принадлежатъ:

а) Вещества, употребляемыя въ пищу, какъ напр. мяса, приготовленныя въ прокъ для дальнихъ путешествій, таковыя же сушенныя стуженныя питательныя соки, сушеное молоко, сухая студень, рыбій клей, бѣлковина, икра, трепангъ, гнѣзда японскихъ мотыльковъ и подобныя предметы восточной торговли; медъ и приготовления изъ онаго.

б) Вещества, употребляемыя въ медицинѣ, какъ-то: шпанскія мухи, мускусъ, бобровая струя, диабетъ, амбра, масло тресковой печени, раковые жерновки и т. д.

в) Вещества, нужныя для фабричныхъ производствъ, какъ-то: шерсть, шелкъ, мѣха, шкуры, кожи, волосъ, ще-

тина, перья, пузыри, кишки для струнъ, тонкія пленки, употребляемыя сусальщиками, китовый усъ, кость, рогъ, копыта, слоновая кость, (также моржевыя клыки), черепаха, жемчугъ, воскъ, спермацетъ, сало, жиры, животныя масла, клей мездринный и рыбій, студень, животный уголь, чернь изъ простой и изъ слоновой кости, и т. д.

г) Красильныя вещества и краски, напр. кошениль, карминъ, и т. д.

Въ семь, какъ и въ предыдущемъ разрядѣ, могутъ иногда быть представляемы, для объясненія производствъ въ подготовленіи, совокупно съ готовыми матеріалами и самыя сырыя вещества, а въ иныхъ случаяхъ можетъ быть приложено и совершенно оконченное издѣліе, въ видѣ результата пѣлаго ряда подготовительныхъ пріемовъ и преобразованій.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Машины и инструменты.

Въ семь отдѣлъ будутъ помѣщены машины, орудія, инструменты и приборы, служащія или для непосредственнаго какого-либо дѣйствія, или для употребленія при обработываніи разныхъ сырыхъ веществъ и матеріаловъ въ фабричныхъ и ремесленныхъ производствахъ. Сверхъ того модели механическихъ устройствъ при разныхъ постройкахъ.

Разрядъ А). Машины для непосредственнаго примѣненія.

Здесь принадлежатъ:

а) Двигатели, какъ-то: паровыя и гидравлическія машины, водяныя колеса, вѣтренныя мельницы, и т. д.

б) Отдѣльныя механическія части, напр. зубчатыя колеса, машинныя ремни, и т. п.

в) Машины для подъема и для подвигиванія, напр. насосы, пожарныя трубы, краны, гидравлическія прессы, механизмы для судоходства и пр.; всякаго рода экипажи и повозки.

г) Приборы для взвѣшиванія, измѣренія и регистраціи, какъ-то: вѣсы всякаго рода, приборы для измѣренія длины и вместимости, для отысканія измѣненій въ атмосферѣ и другихъ происшествій въ природѣ, морскаго прилива и т. п., анемометры, динамометры, числительныя и копировальныя машины и т. д.; всякаго рода часы, включая хронометры.

д) Инструменты и приборы различного рода, напр. всякого рода математические и физические инструменты, рисовальные и граверные, всякие музыкальные, акустические, равно и хирургические инструменты; замки и пр.

е) Орудия, ружья, пистолеты, со всемъ приборомъ.

ж) Земледѣльскія, хозяйственныя и садовническія всякія орудія: плуги, сѣяльныя и молотильныя машины, вѣялки, соломорѣзы и т. д.

Некоторые изъ машинъ сего разряда могутъ быть показываемы въ ходу или дѣйствіи, если представится возможность сдѣлать надмѣщанія для того устройства.

Разрядъ Б). Машины для мануфактурныхъ производствъ.

Въ сей разрядъ входятъ:

а) Машины для изготовленія изъ сырыхъ матеріаловъ всякаго рода пряденыхъ, тканыхъ, валяныхъ и клadenыхъ издѣлій, какъ-то: бумажныхъ, шерстяныхъ, льняныхъ, пеньковыхъ, шелковыхъ, волосяныхъ и каучуковыхъ; также для печатанія.

б) Машины для обработыванія металловъ на металлическихъ заводахъ, начиная съ руды до готовыхъ заводскихъ издѣлій.

в) Машины и приборы для дальнейшей обработки металловъ въ многочисленнѣйшія фабричныя издѣлія.

г) Машины и орудія для обдѣлки разныхъ минеральныхъ, не металлическихъ веществъ, напр. камней.

д) Машины для обработки дерева вообще и мельницы для крашенія красильныхъ растительныхъ веществъ.

е) Орудія для обдѣлыванія животныхъ веществъ: рога, кости, кожи и т. д.

ж) Машины для пивоваренныхъ, винокуренныхъ и химическихъ заводовъ.

Хотя при размѣщеніи на выставкѣ машинъ сего разряда признаю вообще за лучшее отдѣлять произведенія отъ производящихъ оныя механическихъ приборомъ, но завѣсть тѣмъ послѣдніе должны бы всегда быть сопровождаемы достаточными образцами сыраго матеріала въ разныхъ степеняхъ его обработки, а равно и образцемъ оконченнаго издѣлія, для поясненія такимъ образомъ дѣйствія самыхъ машинъ.

Полные наборы инструментовъ и механическихъ приборомъ, принадлежащихъ къ производству какого бы то ни

было общепотребительнаго предмета, какъ-то: пуговицъ, иголь, часовъ, съ присовокупленіемъ образцовъ таковыхъ готовыхъ предметовъ и частей оныхъ, въ различныхъ степеняхъ обдѣлки, столь поучительны и интересны, что весьма желательно бы было имѣть нѣсколько таковыхъ наборомъ на предстоящей выставкѣ.

Разрядъ В). Модели архитектурныхъ инженерныхъ построекъ.

Въ семь разрядъ, посредствомъ моделей представится примѣненіе механическихъ вымысловъ къ разнымъ постройкамъ, напр. крышъ большаго размѣра, мостовъ, виадуктовъ, корабельныхъ доковъ и верфей, шлюзовъ, гаваней, пристаней, маяковъ, волнорѣзовъ и проч.

ОТДѢЛЕНИЕ III.

Мануфактурныя и ремесленныя издѣлія.

Въ семь отдѣлъ будутъ помѣщены все мануфактурныя и ремесленныя издѣлія въ совершенно оконченномъ видѣ, готовые къ употребленію, какъ-то:

а) Издѣлія: 1) пряденыя и тканыя: а) изъ льна, пеньки, хлопчатой бумаги и другихъ растительныхъ волоконъ, какъ-то: пряжа льняная: пеньковая, бумажная; полотна и бумажныя ткани всякія, даже клеенки, набойки и ситцы, б) изъ шерсти и шелка, т. е. все шерстяныя и шелковыя ткани, 2) валяныя изъ шерсти, пуха, волоса: войлоки, шляпы и пр. 3) клadenыя изъ растительныхъ волоконъ: писчая и всякая другая бумага, обои и пр.

б) Металлическія всякаго рода издѣлія.

в) Издѣлія изъ стекла, фарфора, фаянса и глиняныхъ составовъ вообще.

г) Всякаго рода вещи изъ дерева и изъ растительныхъ волоконъ, напр. цыновки, рогожи и другія лыковыя издѣлія, особенно-же изъ пеньки: веревки и канаты, изъ соломы, изъ каучука, изъ гутта-перчи и т. д.

д) Издѣлія изъ кожи, кости, рога, черепахи, волоса, щетинны, перьевъ и другихъ животныхъ веществъ.

е) Разный мелкій товаръ, напр. искусственные цвѣты, зонтики, игрушки и т. д., также химическіе составы и дру-

гия вещи, какъ-то: мыло, сургучъ, облатки, конфеты, свѣчи и т. д.

Въ семь отдѣленій будутъ помѣщены и образцовые рисунки для разныхъ издѣлій.

Статьи, поступающія въ сіе отдѣленіе выставки, должны отличаться однимъ или нѣсколькими изъ нижеслѣдующихъ свойствъ:

1) Возвышенною полезностію, какъ-то: прочностію красокъ, усовершенствованіемъ формъ или улучшеннымъ устройствомъ предметовъ общепотребительныхъ, и проч.

2) Особеннымъ искусствомъ въ отдѣлкѣ, какъ-то: въ набивкѣ, чеканеніи и т. п.

3) Новымъ примѣненіемъ извѣстныхъ матеріаловъ.

4) Употребленіемъ новыхъ матеріаловъ.

5) Новымъ сочетаніемъ или совокупленіемъ разныхъ матеріаловъ, какъ напр., въ металлическихъ композиціяхъ или сплавахъ и въ гошарныхъ издѣліяхъ.

6) Ціаществомъ въ формѣ, или въ цвѣтѣ, или-же въ обоихъ вмѣстѣ, или въ виду и полезности.

7) Дешевизною относительно къ превосходству отдѣлки.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Изваянія, модели и произведенія пластики вообще.

Въ сіе отдѣленіе принимаются вещи, выдѣланныя изъ каго-бы то ни было матеріала, если оказываютъ довольно вкуса и искусства для причисленія ихъ къ разряду художественныхъ произведеній.

Онѣ могутъ быть:

а) Художественныя изваянія: 1) изъ металловъ, какъ чистыхъ, напр. золота, серебра, мѣди, желѣза, цинка, такъ и изъ металлическихъ сплавовъ, какъ-то: изъ бронзы, золотистаго серебра и проч.; 2) изъ ископаемыхъ въ естественномъ состояніи, какъ-то: мрамора, простыхъ и драгоценныхъ камней, глинъ и проч., а равно изъ искусственно-выдѣланныхъ массъ, какъ-то: изъ стекла, фарфора и проч.; 3) изъ дерева и иныхъ растительныхъ веществъ; 4) изъ животныхъ веществъ, какъ-то: кости слоновой и простой, черепахи, раковины, и т. п.

б) Произведенія рѣзаннаго и гравировальнаго искусства.

в) Архитектурныя украшенія, или составляющія части цѣлаго, напр., рельефныя или расписныя, или-же прикладныя, напр., изъ цвѣтнаго стекла, ковровъ.

г) Мозаическая и рѣзанная работа: въ камнѣ, въ плиткахъ въ остеклованныхъ составахъ въ деревѣ, въ металлѣ.

д) Финифтяныя работы: на металахъ, на фарфорѣ, на стеклѣ.

е) Матеріалы и способы производства, удобопримѣнимые къ изящнымъ искусствамъ вообще, такъ-то: художественное печатаніе, печатаніе краскамъ, и проч.

ж) Модели архитектурныя, топографическія, анатомическія.

Представляемые предметы должны быть работы художниковъ, находящихся нынѣ въ живыхъ.

Картинныя, писанныя масляными и водяными краскамъ, рисункамъ и гравировкамъ, будутъ принимаемы на выставку не иначе, какъ въ видѣ показанія новыхъ матеріаловъ и способовъ производства; портретныя бюсты вовсе не будутъ приняты.

УСЛОВІЯ И ОГРАНИЧЕНІЯ.

Никакіе спирты, вина и другіе броженіемъ полученные напитки, кромѣ приготовляемыхъ изъ необыкновенныхъ веществъ, не принимаются на выставку, исключая особые случаи и съ особыми ограниченіями. Представляемые на выставку масла, спиртовыя жидкости, и т. п. должны быть въ хорошо укупороенныхъ стеклянныхъ сосудахъ.

Всѣ удобовозгарающіяся вещества, такъ-то: порошокъ, ударные составы, зажигательныя свѣчки и т. п., а равно всякія живыя животныя и предметы, могущіе подвергнуться порчѣ въ продолженіе выставки, принимаются не иначе, какъ въ видѣ частнаго исключенія.

— Отъ тойже комиссіи объявлено слѣдующее:

Высочайше-утвержденная Коммиссія, въ-слѣдствіе сношенія съ Лондонскою Коммиссіею, объявляетъ, что Королевскіе Коммиссары, принимая въ расчетъ закрытіе навигаціи въ сѣверныхъ портахъ Россіи во все время, назначенное для пріема произведеній на выставку, положили принимать произведенія, препровождаемыя Высочайше-учрежденною Коммиссіею, въ теченіе осени 1850 г., и на этотъ конецъ въ Лондонѣ будетъ отвѣдено приличное складочное мѣсто для временнаго помѣщенія оныхъ. Произведенія, которыя не успѣли-бы къ сроку, назначенному для пріема оныхъ въ С.-Петербургскую Коммиссію, могутъ быть

отсылаемы въ одесскую, которая опредѣлила окончательный срокъ для пріема 1-го октября.

Вмѣстѣ съ симъ Высочайше-учрежденная Коммиссія нужнымъ считаетъ довести до общаго свѣдѣнія нѣкоторыя подробности о распоряженіяхъ лондонской Коммиссіи, заключающихся во вновь-изданныхъ ею объявленіяхъ, и служащихъ дополненіемъ тѣмъ, которыя уже обнародованы.

Зданіе для выставки предположено построить въ одинъ этажъ, съ освѣщеніемъ преимущественно сверху, чрезъ крышу.

Королевская Коммиссія считаетъ нужнымъ объявить, что хотя съ ея стороны будетъ приложено самое ревностное стараніе къ устройству зданія такъ, чтобы оно сколь возможно менѣе было подвергнуто опасности отъ пожара, со-всѣмъ тѣмъ, принимая въ соображеніе его обширность, едва-ли будетъ возможно сдѣлать оное совершенно несгораемымъ, и хотя дѣйствительнѣйшія мѣры предосторожности будутъ приняты для предупрежденія и погашенія огня, однако-же Коммиссія не можетъ принять на себя ответственности за убытки, которые могутъ произойти отъ такового несчастія, или всякаго другаго, вѣдъ ея власти находящагося случая. Посему каждый можетъ по собственному произволу и на свой счетъ страховать посылаемыя на выставку издѣлія.

Каждому производителю, приславшему на выставку такія издѣлія, которыя, соотвѣтственно объявленной предъ нимъ классификаціи, могутъ быть выставлены совокупно въ одномъ мѣстѣ, дозволяется расположить оныя по собственнымъ видамъ и вкусу; если таковое размѣщеніе не будетъ помѣхою для другихъ участниковъ или для публики, то поря-докъ оныхъ не будетъ разстроень. Равноотрно, если будетъ изъявлено желаніе выставить вмѣстѣ произведенія ка-кого-либо города или округа, то таковыя произведенія, будучи признаны однородными, могутъ быть выставлены вмѣстѣ. Само-собою разумѣется, что для таковой совокупной выставки, опредѣленіе свойства и однородности предметовъ во всякомъ случаѣ будетъ зависетьъ отъ комиссаровъ.

Если будетъ изъявлено желаніе представить на выставкѣ различные способы мануфактурнаго производства, то могутъ быть допущены и разнородные предметы; по количеству ихъ должно ограничиваться дѣйствительною потребностью.

Во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ произведенія одного лица будутъ выставляемы вмѣстѣ, желанія его относительно обращенія съ ними будутъ, по возможности, исполняемы; но если на сіе потребуются какія-либо особія или дополнителныя издержки, то расходы сего рода не принимаются на иждивеніе Коммиссіи и должны быть производимы собственными средствами выставяющихъ. Стекланые колпаки, рамки, подставки особаго вида и устройства, и вообще всѣ подобныя принадлежности, служащія для сохраненія, украшенія или выгоднѣйшаго представленія присланныхъ на выставку предметовъ, должны быть присылаемы самими владѣльцами, на собственный ихъ счетъ.

Королевская Коммиссія озаботится о средствахъ къ общей безопасности и соблюденію полицейскаго порядка на выставкѣ.

Если кто-либо изъ выставяющихъ пожелаетъ имѣть при своихъ издѣліяхъ собственнаго повѣреннаго, для уборки, сохраненія въ порядкѣ, или показыванія оныхъ посѣтителямъ, то на сіе можетъ получить позволеніе отъ комиссаровъ. Всѣмъ таковымъ лицамъ однакожъ воспрещается приглашать посѣтителей къ покупкѣ товаровъ, принадлежащихъ ихъ хозяевамъ; за всякое отступленіе отъ сего правила, они подвергаются удаленію изъ зданія выставки, цѣль коей состоитъ единственно въ представленіи издѣлій, а не въ продажѣ оныхъ.

На выставяемыхъ предметахъ не слѣдуетъ означать цѣны; но какъ фабричная цѣна, въ которую обходится издѣліе, будетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ принята въ соображеніе при опредѣленіи наградъ, то комиссары, или лица, коимъ поручено будетъ присужденіе оныхъ, сами потребуютъ объясненій и показаній по сему предмету; тѣмъ не менѣе Коммиссія полагаетъ несоотвѣтственнымъ прикреплять къ издѣліямъ билеты, съ показаніемъ на оныхъ цѣнъ. Если достоинство нѣкоторыхъ предметовъ заключаться будетъ собственно въ ихъ дешевизнѣ, то производитель долженъ означить имъ цѣну на фактурѣ, доставляемой комиссарамъ.

Цѣлы выставки могутъ соответствовать только такія произведенія человеческой смысленности, которыя могутъ оставаться невредимыми въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Постановленіе о наградахъ.

Королевская Комиссія, по рассмотрѣніи предмета о назначеніи наградъ по предстоящей выставкѣ произведеній всѣхъ народовъ, положила немедленно принять мѣры къ изготовленію медалей различной величины и значенія, основываясь на мнѣніи, что знаки отличія сего рода вообще и наиболее соответствуютъ предполагаемой цѣли. Комиссія намѣрена просить содѣйствія знаменитѣйшихъ художниковъ всѣхъ странъ къ изготовленію сихъ медалей, въ надеждѣ, что онѣ будутъ признаны драгоценными, не только какъ произведенія искусства, въ высшей степени изящныя, но и какъ достойныя памятники отличія по сей выставкѣ. Она рѣшилась избрать бронзу матеріаломъ для сихъ медалей, по тому уваженію, что на семь металлъ художникъ можетъ выказать высшую степень изобрѣтательности и совершенства въ медальерномъ искусствѣ, а равно потому, что бронза преимущественно пригодна для увековѣченія памяти о сей выставкѣ.

Относительно образа назначенія и раздачи наградъ, Комиссары полагаютъ необходимымъ предварительно опредѣлить довольно точныя правила въ руководство присяжнымъ, коимъ окончательно будетъ ввѣрена сія обязанность. Между тѣмъ достаточно будетъ указать главнѣйшія данныя, съ коими, вѣроятно, необходимо будетъ соображаться при назначеніи наградъ за усѣбное состязаніе по различнымъ частямъ выставки.

На-примѣръ, по отдѣленію сырыхъ продуктовъ и матеріаловъ, награды будутъ присуждаемы по соображенію цѣнности и важности предмета съ высшею степенью доброты выставленныхъ образцовъ; въ отношеніи-же приготовленныхъ матеріаловъ, къ сему разряду принадлежащихъ, совѣтами присяжныхъ (juries) будутъ приняты въ соображеніе повизна и важность приготовленнаго продукта, а равно высшая степень смысленности и ловкости, выказанная въ способъ производства.

По отдѣленію машинъ, выдача наградъ будетъ опредѣляема по соображенію новосты изобрѣтенія, превосходства въ исполненіи, увеличенія производящей силы и сбереженія въ употребленіи представленнаго на выставку предмета. При семъ равно будутъ приняты въ уваженіе и важность упо-

требленія, на которое произведеніе предназначается, въ общественномъ или всякомъ иномъ отношеніи, и совокупность препятствій и затрудненій, которыя нужно было преодолѣть для доведенія изобрѣтенія до высшей степени совершенства.

По отдѣленію мануфактурныхъ издѣлій, награды присуждаемы будутъ преимущественно за тѣ вещи, въ коихъ окажутся въ высшей степени качества и условія, псчисленныя въ обнародованномъ предъ симъ распредѣлительномъ спискѣ.

По отдѣленію пластическихъ искусствъ, моделей, изваяній и т. п., награды будутъ опредѣляемы соответственно изящности и оригинальности выставленныхъ образцовъ, совершенству въ способъ производства и отдѣлки, примѣненію художества къ промышленности, и въ отношеніи къ моделямъ, сообразно съ большею или меньшею важностію предмета, къ которому относится.

Изъ сихъ общихъ указаній достаточно явствуетъ желаніе комиссаровъ, сдѣлать награды, по возможности, доступными по каждому предмету, къ какому-бы разряду выставки оный ни принадлежалъ, если только въ немъ свѣдущими судьями будетъ признано превосходство предъ другими съ нимъ однородными предметами, въ чемъ-бы превосходство сіе ни заключалось. При избраніи присяжныхъ, (juries) сужденія коихъ окончательно принимаемы будутъ въ руководство при назначеніи наградъ, комиссарамъ приложено будетъ всевозможное стараніе о назначеніи въ сію должность людей свѣдущихъ, вполне способныхъ къ произнесенію правильныхъ сужденій, на которыхъ не можетъ пасть подозрѣніи въ національномъ или личномъ пристрастіи, (почему совѣты присяжныхъ и будутъ составляемы частью изъ Англичанъ, а частью изъ иностранцевъ), и которые не усомнятся признать и оцѣнить заслуги, гдѣ-бы оныя ни были находимы, и какимъ-бы путемъ ни проявились. Имена особъ, которыя поступаютъ въ составъ сихъ совѣтовъ, будутъ обнародованы по мѣрѣ ихъ избранія и опредѣленія.

На предложенный королевскимъ комиссарамъ вопросъ о личности особъ, коимъ дано будетъ право участвовать въ выставкѣ и получать по оной награды, они считаютъ долгомъ увѣдомить, что вообще всѣмъ, какъ изобрѣтателямъ, такъ и производителямъ или хозяевамъ всякихъ предметовъ или произведеній, дозволено выставлять оныя, безъ непре-

мышняго обязательства представить свидетельства о званіи или качествахъ, въ коемъ они участвуютъ въ выставкѣ. При опредѣленіи наградъ, присяжнымъ однако-же вмѣнится въ обязанность, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, принимать въ соображеніе, въ какой мѣрѣ различные элементы достоинства заслуживаютъ отличія, и надлежитъ-ли выдать награду предъявителю предмета, безъ предварительнаго освидомленія, въ какомъ званіи или качествахъ онъ является.

Въ заключеніе комиссары объявляютъ, что обнародовать намѣреніе выдавать въ награду медали, они отнюдь не имѣютъ въ виду совершенно исключить денежные возмездія, какъ за отличіе въ успѣшномъ состязаніи, такъ и въ особыхъ случаяхъ, въ видѣ дополненій къ почетной наградѣ медалью. Весьма легко могутъ встрѣтиться обстоятельства, въ коихъ, по уваженію состоянія или мѣста, занимаемаго достойнымъ соискателемъ въ обществѣ, (какъ напримѣръ, если онъ принадлежитъ къ рабочему классу), присужденіе денежной суммы можетъ оказаться наградою, наиболее приличною и соответствующею заслугамъ выставяющаго; а равно въ другихъ особыхъ и исключительныхъ случаяхъ, въ коихъ, по уваженію расходовъ, понесенныхъ производителемъ при изготовленіи или обработкѣ какого-либо произведенія, признаннаго достойнымъ награды, сопряженныхъ притомъ съ причинами, относящимися къ положенію и денежнымъ средствамъ его владѣльца или производителя, не лишнимъ будетъ присовокупить денежные возмездія къ почетнымъ наградамъ за отличіе. Въ семъ отношеніи комиссары еще не въ состояніи опредѣлить положительныхъ правилъ, но полагаютъ, что неизбежно будетъ предоставить обширную власть совѣтамъ присяжныхъ по предмету присужденія денежныхъ возмездій или пособій, въ дополненіе къ почетнымъ наградамъ. Само-собою разумется, что такая власть будетъ предоставлена лишь подъ вѣдѣніемъ и надзоромъ королевскихъ комиссаровъ.

Комиссары займутся дальнѣйшимъ обсужденіемъ сего вопроса, когда будутъ въ состояніи вычислить расходы, потребныя на гравировку штемпелей и изготовленіе установленныхъ медалей.

Въ заключеніе Королевская Комиссія приглашаетъ художниковъ всѣхъ странъ къ состязанію по изготовленію медалей, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Нужно вырѣзать бронзовыя медали трехъ величинъ, съ разными изображеніями.

2) На верхней сторонѣ сихъ медалей, для коей не требуется рисунокъ, будутъ изображенія Ея Величества Королевы и Его Королевскаго Высочества Принца Алберта, изготовленные въ Англіи.

3) Три приза, каждый во 100 фунт. стер., назначаются за три рисунка (designs) для оборота или реверса медали, которые будутъ признаны превосходнѣйшими и наиболее соответственными предмету.

4) Три приза, каждый въ 50 ф. ст., назначаются за три рисунка, которые окажутся лучшими изъ числа непринятыхъ.

5) Нижнія поверхности медалей должны представлять эмблематическія изображенія, относящіяся къ предмету выставки, или свидетельства отличія за успѣшное въ оной участіе.

6) Рисунки медалей (designs) надлежитъ присылать къ секретарямъ Комиссіи не позже 1 іюня 1850 г. Они должны быть діаметромъ въ 9 дюймовъ и исполнены въ барельефъ изъ парижской гипсовой массы (plaster of Paris).

7) Надлежитъ оставлять на нихъ небольшое мѣсто для краткой надписи.

8) Художникамъ не воспрещается вступать въ состязаніе по всемъ тремъ медалямъ.

9) Имя художника должно быть прислано въ запечатанномъ конвертѣ, прикрѣпленномъ къ сочиненному имъ проекту медали. Конвертъ сей вскрывается не прежде, какъ по произнесеніи комиссарами рѣшенія относительно принятія медали и присужденія приза.

10) Комиссарамъ предоставлено право произнести рѣшеніе и принимать по собственному усмотрѣнію окончательныя мѣры къ послѣдующему изготовленію штемпелей, по достоиннымъ проектамъ медалей.

— Отъ Главнаго Комитета для распоряженій по выставкѣ сельскихъ произведеній, учреждаемой Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ С. Петербургѣ въ 1850 году, объявлено слѣдующее: Правила выставки, учреждаемой съ Высочайшаго соизволенія, и общій циркуляръ съ приглашеніемъ къ участію въ оной, препровождены, по принадлежности, къ лицамъ и въ

мвста высшаго Государственнаго Управленія и разнымъ вѣдомства, членамъ Вольнаго Экономическаго Общества и лицамъ всѣхъ сословій, отъ которыхъ можно ожидать прлаго участія въ этомъ общепольномъ дѣлѣ.

Нынѣ, при дальнѣйшемъ развитіи мѣръ и распоряженій по выставкѣ со стороны Комитета, а также во вниманіе поступающихъ изъ губерній весьма благоприятныхъ извѣщеній, обещающихъ успѣхъ этому предпріятію Общества, Комитетъ считаетъ нужнымъ сообщить во всеобщее извѣстіе о нѣкоторыхъ новыхъ постановленіяхъ, и указать на тѣ свѣдѣнія и справки, которыя ему необходимы для систематической разстановки предметовъ на выставкѣ и для составленія рациональнаго каталога.

По этому Комитетъ сообщаетъ:

- 1) Что Его Императорское Величество соизволяя на занятіе манежа Лейб-Гвардіи Коннаго полка, въ С. Петербургѣ, выставкою сельскихъ произведеній.
- 2) День открытія выставки назначенъ въ субботу, 2-го сентября сего 1850 года.
- 3) Въ-слѣдствіе ходатайства Его Императорскаго Высочества Президента Вольнаго Экономическаго Общества объ открытіи въ каждой губерніи особыхъ Комитетовъ для мѣстнаго распоряженія по С. Петербургской выставкѣ сельскихъ произведеній въ текущемъ году, Его Сіятельство Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ отъ 31 марта уведомило, что оныя, признавая и съ своей стороны учрежденіе, для сказанной цели, Губернскихъ Комитетовъ выставки полезнымъ, сообщили въ Гг. Гражданскимъ Губернаторамъ циркулярно, отъ 30 марта 1850 года, о приведеніи въ исполненіе означеннаго предположенія. Посему имѣютъ Гг. производители, желающіе доставить на выставку образцы своихъ производствъ, обратиться, по принадлежности, по этому предмету въ Комитетъ выставки той губерніи, къ которой они принадлежатъ.
- 4) Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ отъ 5-го апрѣля уведомило Его Императорское Высочество Президента Вольнаго Экономическаго Общества, что во вниманіе просьбы англійскаго правительства о принятіи русскими хозяевами участія въ устраиваемой въ 1851 году въ Лондонѣ всемірной выставкѣ произведеній сельскаго хозяйства и промышленности, и по разсмотрѣніи сего дѣла въ особомъ Комитетѣ, Его Императорскому Величеству благоуо-

дно было предложеніе сего Комитета о принятіи Россією участія во всемірной выставкѣ удостоить Всемилостивѣйшаго соизволенія. Для приведенія въ исполненіе Высочайшей воли учреждена въ С. Петербургѣ Центральная Комmissія, Его Сіятельство Графъ Киселевъ, уводямая объ этомъ, присовокупляетъ, что желая воспользоваться и этимъ случаемъ къ вѣдшему успѣху выставки, учреждаемой Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ въ С. Петербургѣ въ сентябрь текущаго года, обращено вниманіе хозяевъ на то, что предметы ихъ, которые заслужатъ особаго вниманія на этой выставкѣ, могутъ быть, по желанію представителей, отправляемы и на выставку въ Лондонъ. Такимъ образомъ для хозяевъ открывается возможность ознакомиться съ ихъ произведеніями и отечественную публику и иностранцевъ. Это представляетъ и то удобство, что срокъ С. Петербургской выставки совпадаетъ со временемъ, въ которое образцы нашихъ произведеній должны быть отправлены въ Лондонъ, именно осенью 1850 года, до закрытія навигаціи въ С. Петербургѣ. Издержки по доставленію въ Лондонъ предметовъ, которые будутъ назначены Центральною Комmissією въ С. Петербургѣ, будутъ приняты на счетъ казны.

5) Высылаемая на выставку произведенія и относящіяся до оной свѣдѣнія и извѣщенія слѣдуетъ адресовать на имя Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, въ Комитетъ выставки сельскихъ произведеній въ С. Петербургѣ.

6) На основаніи Высочайше-утвержденнаго, 12 сентября 1839 г., положенія Комитета Гг. Министровъ, распубликованнаго 7 октября того же года, § 11, даровано Членамъ и Корреспондентамъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества и Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, по Высочайшему соизволенію, право отправлять по почтѣ, безъ платежа въ-своихъ денегъ, корреспонденцію, а равно посылки вѣсомъ до одного пуда.

7) Гг. производители, желающіе представить на выставку предметы ихъ производствъ, приглашаются не оставлять съ своей стороны распоряженіемъ о своевременномъ доставленіи оныхъ, а именно не позже опредѣленныхъ § 37 по § 40 правилъ сроковъ, то есть не позже 15 августа; свѣдѣнія же и извѣщенія по онымъ къ 1 июля, а буде можно и прежде, что весьма облегчило бы пріемъ и разстановку

предметовъ. Самый же пріемъ предметовъ будетъ производиться, начиная съ 1-го іюля, въ самомъ здании Лейб-Гвардіи Конногвардейскаго манежа, со стороны, обращенной къ казармамъ, съ 11 часовъ утра до 3 часовъ по-полудни.

8) Согласно § 10 правилъ выставки, открыта нынѣ подписка на преміи. Богатые дары, пожертвованные въ некоторыя лицами, и вообще довольно значительное число назначаемыхъ частныхъ наградъ, служатъ яснымъ доказательствомъ того безкорыстнаго участія, которое принимаетъ публика въ этомъ общемъ для всей Россіи дѣлѣ. Возрастающее количество премій умножаетъ число наградъ, а Комитетъ, располагая усиленными средствами, будетъ въ состояніи наградить съ избыткомъ дѣйствительно хорошіе предметы, представленныя на выставку. Посему, если кто-либо еще пожелаетъ поощрить какую-либо отрасль сельскаго хозяйства и промысловъ, то Комитетъ проситъ таковыхъ лицъ не оставить его объ этомъ увѣдомленіемъ для внесенія премій въ особую для сего заведенную книгу и для распубликованія именъ таковыхъ ревнителей русской промышленности.

9) Основываясь на § 12 правилъ выставки, С. Петербургскій Комитетъ выставки приглашаетъ всѣхъ образованныхъ лицъ, желающихъ участвовать въ оной о доставленіи въ-вѣсть съ предметами, высылаемыми на выставку, а буде можно и *ранѣе* того (что принято будетъ съ благодарностью), разныхъ по онымъ справокъ и показаній, изъ которыхъ необходимы:

1. По всѣмъ вообще высылаемымъ на выставку предметамъ, каковаго бы они рода ни были:

а) Имя, отчество, фамилія, званіе, состояніе, мѣсто жительства (имѣнія, села, стана, уѣзда и губерніи) того, кто произвелъ, и мѣстности, гдѣ произведенъ предметъ; б) цѣна предмета на мѣсть, съ присовокупленіемъ мѣстныхъ цѣнъ за послѣднее пятилѣтіе, съ 1845 по 1849 годъ включительно; в) способъ и мѣсто сбыта произведеній, образцы конхъ доставлены на выставку; г) ежегодный за пять лѣтъ разсчетъ о расходахъ, сопряженныхъ съ производствомъ выставленнаго предмета, о доходѣ и чистой выручкѣ съ онаго, показавъ все это кратко, но по пунктамъ.

II. СВЕРХЪ ТОГО ВЪ ЧАСТНОСТИ:

1) По предметамъ, производимымъ почвою: а) качество почвы, съ особымъ показаніемъ, новъ ли она, или недавно осушенное болото, или же старая пашня, а въ семь послѣднемъ случаѣ, съ какою послѣдовательностью въ сѣвооборотъ; б) количество посѣва на казенную десятину и вообще объемъ ежегоднаго посѣва за 5 лѣтъ; в) количество урожаѣ и всѣа въ четверти за послѣднія 5 лѣтъ; г) способъ сѣмки произведеній и сушки оныхъ.

2) По предмету животныихъ, въ живомъ или какомъ-либо другомъ видѣ представленныхъ: а) порода, масть, лѣта, ростъ, возрастъ, происхожденіе, кличка, особыя примѣты и главнѣйшія достоинства; б) количество ежедневнаго и ежегоднаго корма, и въ чемъ оный заключается; в) содержаніе и уходъ за животными или ловля оныхъ; г) весь представленнаго животнаго и средней весь подобныхъ животныихъ на мѣсть производства, а также весь мяса, сала и кожи въ животномъ.

3) По предметамъ промышленности: а) гдѣ пріобрѣтается первобытный матеріалъ и по какой цѣнѣ; б) стоимость поделной платы за пять лѣтъ.

4) По предметамъ орудій и машинъ: а) указаніе на употребленіе, выгоды и удобства орудій; б) способъ приведенія ихъ въ движеніе или дѣйствіе; в) весь орудія, гдѣ оный входитъ въ соображеніе при производствѣ работы, сила машины, ремонтъ.

Желательно, чтобы при сообщеніи этихъ свѣдѣній отмѣчаемы были на одномъ и томъ же листѣ, какъ изложенные вопросы, такъ и отвѣты, пунктъ противъ пункта.

Требуя такого рода свѣдѣній, Комитетъ надѣется, что Гг. экспоненты благоволятъ сообщить оныя добросовѣстно, въ совершенной точности и по выправкамъ изъ хозяйственныхъ книгъ, тѣмъ болѣе, что выводы, основанные между прочимъ на таковыхъ данныхъ, могутъ во всякое время быть весьма полезны самимъ производителямъ въ отношеніи благосостоянія и доходности ихъ имѣній.

Въ заключеніе Комитетъ выставки не излишнимъ считаетъ присовокупить извлеченіе изъ Положенія о Комитетѣ, по предмету пріема и возврата представляемыхъ на выставку произведеній, а именно:

§ 21. О каждом предметъ, представляемомъ на выставку, дѣлается производителемъ онаго, или его повѣреннымъ, письменное или изустное объявленіе писмоводителю Комитета, который распоряжается запискою имени производителя, названія предмета, цѣнности и количества онаго и т. д. въ установленныя для того книги.

§ 22. Самый же предметъ, экспонентъ передаетъ комиссару, который, тотчасъ же внеся оный въ особія книги и прикрѣпивъ къ нему надлежащій ярлыкъ, выдаетъ предъ-звителю квитанцію въ полученіи отъ него предмета.

§ 23. Въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній о происхожденіи и принадлежности предмета, писмоводитель или комиссаръ немедленно доносятъ о томъ Комитету, который или разрѣшаетъ приемъ, или же требуетъ письменное удостовѣреніе (согласно § 11 правилъ о выставкѣ).

§ 24. При приемъ предметовъ, относительно вѣса и количества оныхъ наблюдаются постановленныя по сему въ правилахъ выставки ограниченія и условія (Прав. §§ 14, 15, 17, 29, 36 и 37).

§ 25. Разстановка предметовъ въ систематической порядкѣ и снабженіе оныхъ надлежащими ярлыками производится сообразно § 45 правилъ выставки.

§ 26. При продажѣ предметовъ, находящихся на выставкѣ, дѣлаются объ этомъ надлежащія отмѣтки въ книгѣ, гдѣ записывается также и о продажахъ, совершенныхъ по образцамъ, бывшимъ на выставкѣ.

§ 27. Купленные предметы могутъ быть взяты съ выставки лишь по закрытіи оной.

§ 28. Возвратъ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ, производится немедленно по закрытіи оной, по востребованію экспонентовъ, съ предъявленіемъ выданныхъ имъ квитанцій и съ роспискою получателя въ книгѣ.

— Въ С. Петербургскихъ Поллицейскихъ Вѣдомостяхъ напечатанъ слѣдующій отчетъ о дѣйствіяхъ С.-Петербургской Сберегательной Кассы за 1849 годъ.

Къ 1-му числу января 1849 года оставалось капиталовъ въ обращеніи Кассы, по 18,765 книжкамъ . 764,894 р. 60 к.

Въ теченіе 1849 года поступило отъ вкладчиковъ на обращеніе, по 35,355 взносовъ 469,891 » 52 «

И того. 1,234,786 р. 12 к.

Приписано процентовъ, за 1849 годъ,
по 1-е января 1850 года. 30,108 » 8 »

Всего 1,264,894 » 10 »

Изъ оныхъ въ 1849 году возвращено
вкладчикамъ капиталовъ 405,880 р. 61 к.

На оныя процентовъ . 18,693 » 88 »

424,574 » 49 »

За симъ къ 1-му января 1850 года состоитъ въ обращеніи Кассы капиталовъ процентами, по 19,564 книжкамъ 840,319 » 71 »

Примѣчаніе. Всего, со дня открытія Сберегательной Кассы, съ 1-го марта 1842 по 1-е января 1850 года, было взносовъ 198,705 на сумму 2,351,729 р. 15 к.

а) Раздѣленіе числа взносовъ и количества внесенныхъ суммъ и выданныхъ на оныя книжекъ, по сословіямъ вкладчиковъ :

Отъ чиновниковъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, взносовъ 3,969 на сум. 69,633 р. 50 к. по 1,002 книж.	
Отъ купцовъ . 1,464 — 27,552 » — » — 367 —	
— мѣщанъ . 4,292 — 76,541 » 75 » — 1,188 —	
— ремесленниковъ . . 5,930 — 101,750 » 50 » — 1,436 —	
— крестьянъ. 5,796 — 92,328 « — » — 1,223 —	
— воен.-служ.	
нижн. чин. 9,094 — 39,872 » 10 » — 1,519 —	
— иностранц. 1,880 — 31,052 » 50 » — 446 —	
— восп. Воспит.	
Дома . . 1,409 — 5,537 » 82 » — 229 —	
— разныхъ сословій . . 1,521 — 25,623 » 25 » — 372 —	

Всего взносовъ 35,355 на сум. 469,891 р. 52 к. по 7,782 книж.

Примѣчаніе. Въ числѣ поступившихъ денегъ, въ пользу малолѣтныхъ внесено 63,369 р. по 4,034 книжкамъ.

в) Раздѣленіе внесенныхъ на обращеніе капиталовъ, по количеству вкладовъ :

Отъ 50 коп. до 5 рублей. 7,384 вклада на 15,884 р. 77 к.
 — 5 руб. — 10 ———— 4,762 ———— 35,907 » 75 »
 — 10 — — 25 ————

включительно . . . 23,209 ———— 418,009 » — »

И того вкладовъ 35,355 вклад. на 469,891 » 52 »

Примѣчаніе. Въ числѣ взносовъ было:

50-ти-копѣчныхъ . . . 3,396 на сумму 1,698 руб. — к.

75-ти-копѣчныхъ . . . 314 ———— 235 — 50 »

Рублевыхъ 4,125 ———— 4,125 — — »

Среднія числа составляютъ:

Вклада вообще 13 — 29 »

Вклада на книжку 60 — 38 »

— Изъ доставленныхъ начальникомъ Пермской губерніи Министерству Финансовъ свѣдѣній объ оборотахъ торговли на Ирбитской ярмаркѣ, бывшей въ нынѣшнемъ 1850 г., съ 1-го февраля, по 1-е марта, видно:

	Привезено.	Продано.
A. Россійскихъ . . . на	27.992,381	19.017,930 р. с.
B. Иностраннѣхъ:		
а) Европейскихъ и ко-		
лонизальныхъ . . . »	3.555,916	2.505,800
в) Азіатскихъ . . . »	4.312,944	3.735,545
B. Привед. лошадей »	50,920	35,607
Всего на	35.861,241	25.259,275 р. с.

Въ теченіе ярмарки поступило доходовъ:

а) Въ пользу казны, за розданныя подь ба-		
лаганы мѣста	6,881	р. 85 к.
б) За бумагу, проданную изъ Казначейства	150	50
в) Въ пользу города	3,146	50
г) За розданныя въ гостиномъ дворѣ лавки	17,580	—
д) Въ пользу обывателей	46,869	—
е) Выручено Штейншюю Конторою за про-		
данныя питья	30,918	20

На ярмаркѣ было купцовъ всѣхъ 3-хъ гильдій 690, купцевъ Азіатцевъ 136, торгующихъ по свидѣльствамъ крестьянъ 90, разношницевъ, произволяющихъ торговлю 1,589, простаго народа и ямщиковъ 59,830.

Въ нынѣшнемъ году, на основаніи вновь-утвержденныхъ сроковъ, Ирбитская ярмарка была открыта 1-го февраля и продолжалась по 1-е марта (въ предшествовавшіе же годы она продолжалась съ 15-го февраля по 15-е марта).

Послѣдствія такого измѣненія сроковъ оказались благоприятны для купчества въ томъ отношеніи, что оно могло по окончаніи Тюменской, поспѣшить и на Ирбитскую ярмарку, а равно и въ томъ, что оно успѣло отправить товары свои по зимнему, неповрежденному пути.

Главныя статьи привоза товаровъ на нынѣшнюю ярмарку, какъ и прежде, были: шелковые, шерстяные, бумажные, преимущественно внутреннихъ мануфактуръ, мягкая рухлядь, виноградныя вина, чай, сахаръ, сафьянъ, стекло, фарфоръ и фаянсъ.

Привозъ въ нынѣшнюю ярмарку всѣхъ вообще товаровъ былъ на 35.861,241 р., а продажа на 25.259,275 р.

Сбытъ товаровъ въ нынѣшнюю ярмарку производился, какъ и прежде, въ Сибирь, въ Уральскіе горные заводы, находящіеся въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ и для пушного товара и чаю въ С. Петербургъ и Москву. Значительныя требованія въ тѣ мѣста были на мягкую рухлядь, писчую бумагу, стекло, фарфоровую и стеклянную посуду, металлы, издѣлія изъ желѣза, сахаръ, чай; уменьшившіяся требованія были на товары: панскіе, коженныя, москательныя, бакалейныя, галантерейныя и разнаго сорта привозныя вина.

Мягкая рухлядь, или необдѣланный пушной товаръ, привезенный изъ Сибири, преимущественно Иркутскими купцами, изъ первыхъ рукъ проданъ оптомъ необыкновенно быстро и по высокимъ цѣнамъ, для отправки въ С. Петербургъ. По этому и при розничной продажѣ мѣховъ, въ магазинахъ ярмарки, они были значительно дороже противъ обыкновенныхъ цѣвъ.

Въ какой мѣрѣ цѣны на нѣкоторые главные предметы во время ярмарки возвысились и понизились противъ цѣвъ ярмарки 1849 г., можно усмотрѣть изъ слѣдующаго:

Цѣны возвысившіяся:

Въ 1849 г. Въ 1850 г.

Чай за цѣвикъ	отъ 110 до 130 р.	отъ 130 до 150 р. с.
Мѣха:		
енотовые	120 250	130 260
лиси	70 150	80 200
сурковые	18 25	20 30

медвѣжьи	150	200	160	250
харьковскыя	30	50	35	60
мерлушчатые	7	20	7	30
волчьи	20	40	20	50
Чугунъ за пудъ	90 к.	до 1 р.	1	1 р. 50 к
Стеариновыя свѣчи за пудъ	10	до 11	11	12 р. с.

Цѣны понизившіяся:

Въ 1849 г. Въ 1850 г.

Сахаръ за пудъ отъ 14 до 15 р. отъ 11 р.—к. до 15 р.—к. сер.				
Медъ	5	6	4	50
Воскъ	16	20	13	—
Масло деревян.	11	12	9	—
» конопл.	3	3 р. 20 к.	2	80
Сандаль	3	4	2	80

Кромѣ этихъ товаровъ, цѣны на всѣ прочіе, какъ-то: галантерейныя, шелковыя, шерстяныя, бумажныя, льняныя, пеньковыя, часовыя, бакалейныя, фруктовыя, а также мыло, свѣчи, мебель, азіатскія произведенія, металлы (кромѣ чугуна), кожи, щетину, сало и проч. оставались въ нынѣшнюю ярмарку безъ измѣненія, или при незначительномъ пониженіи противъ прошедшихъ ярмарокъ.

— О движеніи заграничной торговли одесскаго торгова, за мнѣшій мѣсяць, мы, къ сожалѣнію, можемъ повторить только то, что высказано было нами нѣсколько разъ съ начала нынѣшняго года, т. е., что она остается до-сихъ-поръ въ тяжеломъ застой. — Цѣнность отпуска за границу въ апрѣль простиралась не болѣе, какъ до 678,719 руб. сер.; главныхъ продуктовъ вывезено: пшеницы 57,790½ четв., льнянаго сѣмени 6,889 четв., шерсти 2,880 пуд. и сала 20,69½ пуд. Цѣны на хлѣбъ въ зернѣ вообще понизились отъ 15 до 50 коп. сер. на четв.; на льняное сѣмя остались почти безъ перемѣны. Запасы хлѣба въ городскихъ магазинахъ, бывшіе уже весьма незначительными въ мартѣ, еще уменьшились въ апрѣль и къ 1 мая едва простирались до 100 тыс. четвертей; подвозы изъ внутреннихъ губерній стали нѣсколько оживляться къ концу апрѣля, но все еще очень слабы. Въ цѣнахъ на шерсть и сало ощутительной перемѣны не было. Цѣны шерсти были: простой, невытѣтой отъ 2 р. 15 к. до

2 р. 22 к., мытой отъ 4 р. 27 к. до 4 р. 72 к., цыгайской невытѣтой отъ 3 р. 15 к. до 3 р. 57 к., мытой отъ 8 р. до 8 р. 28 к.; и Испанской невытѣтой отъ 4 р. 57 к. до 6 р. и мытой отъ 13 р. 71 к. до 16 р. 57 к. сер. за пудъ. — Цѣнность привоза изъ-за границы къ одесскому порту въ апрѣль составляла: въ товарахъ 480,828 руб., и въ монетѣ 83,363 р., всего 564,391 р. сер.; вывезено иностранныхъ товаровъ изъ Одессы внутрь имперіи на 544,142 руб. сер. — Судовъ въ приходѣ въ апрѣль было 71, и въ томъ числѣ, по-прежнему, весьма мало греческихъ, а въ отходѣ 36; всего же по 2 мая прибыло судовъ 136, а отошло 104.

— Въ Севастополь, 11-го апрѣля, въ часть по-полудни, въ присутствіи его Высокопревосходительства г. Главнаго Командира Черноморскаго Флота и Портовъ, главныхъ мѣстныхъ военныхъ начальствъ и примногочисленномъ стеченіи жителей всѣхъ сословій, происходила закладка новаго адмиралтейскаго Свято-Николаевскаго Собора, на мѣстѣ бывшаго стараго Собора, во имя того-же святаго, на Екатерининской-улицѣ, близъ адмиралтейства, не въ далекомъ разстояніи отъ башни городскихъ часовъ. Новый храмъ будетъ одноглавый; длина его 16 саж. 2 арш., ширина 10 саж. 2 арш., высота стѣнъ 7 саж. 2 арш., а до главы купола отъ фундамента подъ крестъ 15 саж. 2 арш. На заложенной доскѣ, на одной сторонѣ вырѣзаны Высочайшія имена Государя Императора, Государыни Императрицы и всей Августѣйшей Фамиліи, равно какъ и годъ и число закладки; а на другой сторонѣ начертана слѣдующая надпись: «при Главномъ Командирѣ Черноморскаго Флота и Порта, Адмиралѣ М. П. Лазаревѣ и начальникѣ надъ Севастопольскимъ Портомъ Вице-Адмиралѣ С. П. Хрущевѣ. По проекту Инженеръ Штабъ-Капитана Рулева, Строитель храма Инженеръ Капитанъ Матвѣевъ. Подрядчикъ Керченскій 1-й гильдіи купецъ Ив. Красильниковъ.» — По окончаніи духовнаго обряда закладки, его Высокопревосходительство Адмиралъ Лазаревъ и прочіе генералы, штабъ и обер-офицеры, духовенство и всѣ присутствовавшіе на мѣстѣ закладки были приглашены подрядчикомъ г. Красильниковымъ на богатую закуску, приготовленную въ нарочито для сего красиво устроенной палаткѣ, убранной разноцвѣтными флагатами.

ПОЖАЛОВАНИЕ ВЪ ЗВАНІЕ КЪ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ.

Девича Графиня Ольга *Гурьева*, Княжна Елисавета *Блосельская* и Графиня Софія *Маннергеймъ* Всемилостивѣйше пожалованы во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ.

Статскіе Советники: Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта Михаилъ *Михайловъ*, и въ званіи Камер-Юнкеровъ, Старшій Помощникъ Производителя Дѣлъ Канцеляріи Статс-Секретаря у принятія прошеній Александръ *Павловъ* и Управляющій С.-Петербургскою Палатою Государственныхъ Имуществъ Дмитрій *Хруцовъ*; Коллежскіе Ассессоры: Чиновникъ особыхъ порученій Временнаго Люстраціоннаго Комитета Александръ *Башмаковъ* и Столоначальникъ Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, *Набоковъ* и Князь *Ширинскій-Шахматовъ*, Титулярные Советники: Чиновникъ особыхъ порученій при С.-Петербургскомъ Гражданскомъ Губернаторѣ, графъ Владиміръ *Вобринскій*, и Переводчикъ Канцеляріи Святѣйшаго Синода Александръ *Ковальковъ* и Регистраторъ Собственной Ея Императорскаго Величества Финляндской Канцеляріи, Графъ Владиміръ *Армфельтъ*, Всемилостивѣйше пожалованы, первые трое — въ званіе Камергеровъ, а прочіе — въ званіе Камер-Юнкеровъ Императорскаго Двора.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ И НАЗНАЧЕНІЕ КЪ ДОЛЖНОСТЯМЪ.

Назначены: апрѣля 19. Состоящій въ Почтовомъ Вѣдомствѣ сверхъ штата. Дѣйствительный Статскій Советникъ *Джунковский*, Чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Главноначальствующемъ надъ Почтовымъ Департаментомъ, 21-го апрѣля, Начальникъ Смоленской губерніи, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Шкларевичъ*, — Минскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ, и состоящій по Арміи: Военный Губернаторъ г. Минска и Минскій Гражданскій Губернаторъ, Генерал-Маіоръ Князь *Херхеулидзеъ*, Военнымъ Губернаторомъ г. Смоленска и Смоленскимъ Гражданскимъ Губернаторомъ. 25-го апрѣля, Товарищъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ, Тайный Советникъ *Селловъ* къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ оставленіемъ при настоящей должности. Директоръ Канцеляріи Ея Величества Статс-Секретаріата Царства Польскаго, Дѣйстви-

тельный Статскій Советникъ Графъ *Голицышевъ-Кутузовъ* Товарищемъ Министра Статс-Секретаря Царства Польскаго. 26-го апрѣля, Управляющій Дѣлами Комитета Министровъ, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Бутковъ*, Членомъ Комитета Призрѣнія Заслуженныхъ Гражданскихъ Чиновниковъ, съ оставленіемъ при настоящихъ должностяхъ; Вторые Драгоманы Азіатскаго Департамента: Дѣйствительный Статскій Советникъ *Демезонъ* и Статскій Советникъ *Богдановъ*, Драгоманами пятаго класса при томъ Департаментѣ; чиновникомъ особыхъ порученій V-го класса при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, причисленный къ сему Министерству Статскій Советникъ *Пащенко*. 29-го апрѣля, Товарищу Министра Юстиціи, Тайному Советнику *Илларионскому* повелѣно, на время отсутствія Министра, Статс-Секретаря Графа Панина, вступить въ управление Министерствомъ Юстиціи. 2-го мая, назначены: Директоръ, управляющій письмоводствомъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Соевѣта Дѣйствительный Статскій Советникъ *Делинъ*, Директоромъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли. Мая 3-го, Начальникъ 4-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генерал-Лейтенантъ Графъ *Буксгевденъ*, присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, съ зачисленіемъ по Кавалеріи. 14-го мая, Виленскій Военный Гродненскій, Минскій и Ковенскій Генерал-Губернаторъ, Генерал-Адъютантъ *Бибиковъ* 2-й, Управляющимъ учебными заведеніями Виленскаго Учебнаго Округа, на правахъ Попечителя, съ оставленіемъ въ званіи Генерал-Адъютанта и въ настоящихъ должностяхъ.

УВОЛЬНЕНІЕ ОТЪ СЛУЖБЫ.

Инспекторъ Третьей Люстраціонной Инспекціи, за упраздненіемъ той Инспекціи, Статскій Советникъ *Пиццалло*, уволенъ отъ должности, съ причисленіемъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ. — Преподаватель въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія и Членъ Соевѣта сего заведенія, Статскій Советникъ *Яковлевъ*, уволенъ отъ службы, по прошенію. Герольдмейстеръ, Дѣйствительный Статскій Советникъ, Камергеръ Графъ *Толстой*, уволенъ отъ службы, по прошенію.

Произведены:

Изъ Дѣйствительныхъ Статскихъ въ Тайные Советники.

Директоры: Духовно-Учебнаго Управленія при Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ *Карасевскій* и Департамента Хозяйственныхъ и Счетныхъ Дѣлъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ *Устиновъ*. За отличіе, изъ *Статскихъ въ Дѣйствительные Статскіе Советники*: Состоящій при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, Временно-Управляющій Тульскою губерніею Каммергеръ *Казадаевъ*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи. Управляющій Третьею Экспедиціею Особой Канцеляріи, Младшій Советникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Каммергеръ *Рихтеръ*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи. Вице-Директоръ Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства, Каммергеръ *Велискій*, съ оставленіемъ въ настоящемъ званіи. Старшій чиновникъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи *Левентавъ*. Производитель дѣлъ Канцеляріи Статс-Секретаря у принятія прошеній на Высочайшее имя *Гизетти* и Исправляющій ту должность *Пащенко*. Чиновникъ за Ober-Прокурорскимъ столомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода *Канѣвскій* (15 апрѣля 1850 года). Старшій Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта *Ульрихъ* (16 апрѣля 1850 года). Состоящій въ должности Советника и Начальника Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири *Тюменцовъ*, съ утвержденіемъ въ настоящей должности (15 апрѣля 1850 года). Статскіе Советники: Состоящій въ должности Членъ Медицинскаго Совета и Главный Докторъ Московской Городской Больницы, Почетный Гоф-Медикъ *Эвеніусъ*, и Главный Докторъ Обуховской Городской Больницы *Гейнфельдъ*.

По жалобамъ орденами.

Св. Равноапостольнаго Князя Владимира I-й степени, большаго креста.

Апрѣля 21. Сопричислены къ этому ордену Преосвященный Митрополитъ Кіевскій и Галицкій *Филаретъ*.

Св. Благочестиваго Великаго Князя Александра Невскаго.

Апрѣля 21 Сопричислены къ этому ордену: Преосвященный *Илиодоръ*, Экзархъ Грузинъ, Архіепископъ Карталинскій и Кахетинскій, Преосвященный *Гаврииль*, Архіепископъ Рязанскій и Зарайскій. Пожалованы: Тайный Советникъ, Товарищъ Министра Государственныхъ Имуществъ *Гамалы*, Тайный Советникъ, Сенаторъ *Полуденскій*. Апрѣля 29, Президентъ Гоф-Интендантской Конторы Двора Его Императорскаго Величества Ober-Гофмейстеръ Князь *Гагаринъ*, Тайный Советникъ Сенаторъ *Жемчужниковъ*. Апрѣля 23, Управляющій III Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и Начальникъ Штаба Корпуса Жандармовъ, Генерал-Лейтенантъ *Дубельтъ 1-й*. Санктпетербургскій Военный Генерал-Губернаторъ Генералъ отъ Инфантеріи *Шульгинъ*. Мая 2, Начальникъ Штаба 5 Пѣхотнаго Корпуса, Генерал-Лейтенантъ *Данненбергъ 1-й*.

Св. равноапостольнаго Князя Владимира 2-й степени.

Апрѣля 17, 19, 20, 23 и 25 и мая 2, Дѣйствительный Статскій Советникъ, Директоръ Канцеляріи Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ *Елашевскій*. Витебскій, Могилевскій и Смоленскій Генерал-Губернаторъ, Генерал-Лейтенантъ Князь *Голицынъ*. Санктпетербургскій Гражданскій Губернаторъ, Тайный Советникъ *Жуковскій*. Статс-Секретарь, Тайный Советникъ *Карповъ*. Помощникъ Генерал-Губернатора Финляндіи Генерал-Лейтенантъ *Рокасовскій*. Членъ Комиссіи Прошеній, Почетный Опекунъ Санктпетербургскаго Опекунскаго Совета Тайный Советникъ *Шереметевъ*. Инспекторъ Арсеналовъ и Парковъ Инженернаго Вѣдомства, состоящій по Артиллеріи Генерал-Лейтенантъ *Соломка*. Командиръ 1-й Бригады 4-й Легкой Кавалерійской Дивизіи Генерал-Маіоръ *Данилевскій 1-й*. Членъ Комиссіи Прошеній, Тайный Советникъ *Энегольмъ*. Флота Генерал-Интендантъ, Вице-Адмиралъ *Богдановичъ*. Военный Губернаторъ г. Гродно и Гродненскій Гражданскій Губернаторъ, Генерал-Лейтенантъ *Баронъ фон-дер-Ховенъ*. Директоръ Финляндскаго Кадетскаго Корпуса, Генерал-Лейтенантъ *Баронъ Мушке*;

Кронштадтскій Комендантъ, Генерал-Лейтенантъ *Бурмейстеръ 1-й*, и Чрезвычайный Посланникъ и Полномощный Министръ при Нидерландскомъ Дворѣ, Тайный Советникъ *Баронъ Мальтицъ*. Сопрчислены къ этому ордену: Управляющій Имеретинскою Епархією, Преосвященный Митрополитъ *Давидъ*. Епископъ Минскій и Бобруйскій, Преосвященный *Михаиль*, и Епископъ Томскій, Преосвященный *Афанасій*.

БЛАГО ОРЛА.

Апрѣля 22. Генерал-Лейтенантъ, Членъ Финляндскаго Совѣта, Графъ *Армфельтъ*. Апрѣля 23, Оберъ Прокуроръ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Генерал-Адъютантъ, Графъ *Протасовъ*. Директоръ Канцеляріи Государственнаго Контроля, Тайный Советникъ *Апрѣлевъ*. Инженеръ Генерал-Лейтенантъ, Директоръ Департамента Искусственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій *Рербергъ*. Тайный Советникъ Сенаторъ *Графъ Кушелевъ-Безбородко*. Мая 2, Начальникъ 5-й Легкой Кавалерійской Дивизіи Генерал-Лейтенантъ Князь *Барятинскій*. Начальникъ 14-й Пѣхотной Дивизіи Генерал-Лейтенантъ *фон-Моллеръ 2-й*.

Св. Анны 1-й степени, съ Императорскою Короною.

С.-Петербургскій Губернскій Предводитель Дворянства, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Потемкинъ*, и Управляющій Экспедицію Государственныхъ Кредитныхъ Билетовъ, Тайный Советникъ *Халминскій*.

Св. Анны 1-й степени безъ короны.

Псковской Губернскій Предводитель Дворянства, въ званіи Каммергера, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Беклешовъ*, Директоръ Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, въ званіи Каммергера, Дѣйстви-

тельный Статскій Советникъ *Скрипицынъ*. Псковской Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Черкасозъ*. Вице-Директоръ Канцеляріи Обер-Прокурора Святѣйшаго Синода, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Франкъ*. Директоръ Втораго Департамента Государственныхъ Имуществъ, Дѣйствительный Статскій Советникъ *Шелеховъ*; и Начальникъ XIII-го Округа Путей Сообщенія, Инженеръ Генерал-Маіоръ Князь *Тенишевъ*. Начальникъ военной съемки Кіевской губерніи, Генерал-Маіоръ Генеральнаго Штаба *фон-Руге*, и Дѣйствительные Статскіе Советники: Московскій Вице-Губернаторъ, въ званіи Каммергера, *Новосильцовъ*. Генерал-Контролеръ Контрольнаго Департамента Морскихъ Отчетовъ *Шаминъ*, и Директоръ Департамента Хозяйственныхъ Дѣлъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій *Безкорвайный*.

Св. Станислава 1-й степени.

19, 20, 21 и 22 апрѣля. Состоящій по Морскому Министерству, Членъ Совѣта Государственнаго Контроля, Контр-Адмиралъ *Веселаго 1-й*, Корпуса Штурмановъ, Начальникъ землемѣрныхъ партій по выдѣлу корабельныхъ ротъ въ Балтійскомъ Округѣ, Генерал-Маіоръ *Филиповичъ*. Дѣйствительные Статскіе Советники: Управляющій Московскимъ Главнымъ Архивомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Князь *Оболенскій*; Повѣренный въ дѣлахъ въ Греціи *Персіани*; Управляющій Дипломатическою Канцелярією Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ, *Крузенштернъ*. Старшій Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта *Вейраухъ*. Цензоръ С.-Петербургскаго Почтамта, *Аничковъ*. Советникъ Придворной Конюшенной Копторы *Мельниковъ*; и Членъ Финляндскаго Сената, Губернаторъ *Крошкетъ*. Тавастгусскій Губернаторъ, *Баронъ Ребиндеръ*. Командиръ Западнаго Инженернаго Округа, Генерал-Маіоръ *Рындинъ 1-й*. Военный Губернаторъ г. Ярославля и Ярославскій Гражданскій Губернаторъ, Свѣты Его Императорскаго Величества Генерал-Маіоръ *Бутурлинъ*. Абовскій Губернаторъ, Генерал-Маіоръ *Крошкетъ*. Наказный Атаманъ Оренбургскаго Казачьяго Войска, Генерал-Маіоръ *Жуковский 1-й*. Начальникъ 8-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генерал-Маіоръ *Влаховуловъ*.

Начальник 6-го Округа Корпуса Жандармовъ, Генерал-Маіоръ *Черкесовъ*. Директоръ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги, Генерал-Маіоръ *Герстфельдъ*. Варшавскій Полицеймейстеръ, Генерал-Маіоръ *Пухало-Цивинскій*. Наказный Атаманъ Уральскаго Казачьяго Войска, Генерал-Маіоръ *Геке*. Состоявшій при Шефѣ Жандармовъ для особыхъ порученій, числящійся по Кавалеріи, Генерал-Маіоръ *Ахвердовъ*. Состоявшій въ Свѣтъ Его Императорскаго Величества, Директоръ Пажескаго Корпуса, Генерал-Маіоръ *Философовъ*. Вице-Директоръ Департамента Проектовъ и Смѣтъ Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ Знаній, Инженеръ Генерал-Маіоръ *Кроль*. Виленскій Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Блгичевъ*. Управляющій Канцелярією С.-Петербургскаго Военнаго Генерал-Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Ждановъ*.

ПОЖАЛОВАНЫ МЕДАЛЯМИ.

Золотыми, съ надписью: «за усердіе», для поощенія на шепъ на Аннинской лентѣ: Пятигорскій 1-й гильдіи купецъ Григорій *Поповъ*, за пожертвованія на значительную сумму, въ пользу православной церкви въ г. Георгіевскѣ, и Нухинскій 1-й гильдіи купецъ Никита *Челаховъ*, за пожертвованіе въ пользу Ставропольской Губернской Гимназіи книгъ и физическихъ инструментовъ. *Серебряными, съ надписью: «за полезное», для поощенія на шепъ, на Аннинской лентѣ:* Австрійскій подданный Юсифъ *Бабникъ*, за отличное устройство сада въ мѣстечкѣ Зуглидахъ, въ Мингреліи, и за распространеніе между жителями оной садоводства вообще; Бѣлевскіе 3-й гильдіи купцы: Николай *Требниковъ* и Алексѣй *Бушаковъ*, за отлично-усердную службу по выборамъ городского общества въ Владикавказъ, за содѣйствіе мѣстному Начальству въ его распоряженіяхъ и за благонамѣренность по торговлѣ, производимой ими въ семь укрѣпленій около 40 лѣтъ.

РАЗВОДЪ 2-го АПРѢЛЯ.

Обыкновеніе дѣлать разводы съ церемонією, на которые уже болѣе полулѣтъ у насъ обращается особенное вниманіе, приноситъ многостороннюю пользу. Этого, такъ сказать, общій rendez-vous всего, что составляетъ гарнизонъ города, даетъ возможность всемъ слѣдить и изучать требованія строевой службы; каждое нововведеніе, показанное передъ всеми, передается тотчасъ, каждымъ изъ присутствующихъ, командируемой имъ части. Прохожденіе мимо начальника, съ разомкнутыми рядами, даетъ ему возможность видѣть одиночную выpravку каждаго солдата. Въ будніе дни, предъ разводомъ дѣлается баталіонное ученіе, въ которомъ многими, но удачно выбранными построеніями приучаютъ офицеровъ и людей къ находчивости и спокойствію. Ординарцы и вѣстовые, кромѣ назначенія своего, служатъ также образчиками щегольства, до котораго доведена въ полкахъ обмундировка, пригонка амуниціи, выpravка и выѣздка лошадей.

Въ военное время, въ лагерѣ, въ крѣпости, разводъ, разумеется, получаетъ еще болѣе важное значеніе. Тутъ общее свиданіе гарнизона необходимо, для быстрой передачи происшествій прошедшихъ сутокъ и общихъ распоряженій на слѣдующія. Отданіе пороля, при этомъ случаѣ, составляетъ также важное удобство, потому что его знаетъ одновременно весь гарнизонъ и ни одинъ посторонній человекъ при этомъ не можетъ находиться.

У насъ, въ С.-Петербургѣ, разводы съ церемонією гвардіи удостоиваются Высочайшаго присутствія Государя Императора; по этому, являясь къ разводу есть одна изъ важнейшихъ обязанностей всякаго военно-служащаго, принадлежащаго гарнизону столицы. Мы находимъ удовольствіе въ исполненіи этой обязанности. Не говоря уже о поучительности замѣчаній Государя Императора, такъ глубоко знающаго военное дѣло, можно ли равнодушно видѣть прохожденіе по-взводно Преображенцевъ, Семеновцевъ и другихъ линейныхъ полковъ гвардіи? Это совершенство, о которомъ позволено было только мечтать Маршалу Саксонскому. Только отъ подобной, сплошной стѣны, смѣло, бодро, вѣрно и твердо идущей впередъ, можно ожидать, требуемаго тактикою при атакѣ, сомкнутаго столкновенія и единства въ ударѣ штыками. Не менѣе хорошъ и бѣглый шагъ егерей.

Невольно одушевляется всякій, кто рожденъ военнымъ чело-
вѣкомъ.

Но иногда разводъ даетъ поводъ къ случаямъ и впечат-
лѣннѣйшимъ замѣчательнымъ, которые надолго вѣбываются въ
душу. Кто изъ присутствовавшихъ вспомнить, безъ особаго
чувства, разводъ въ 1830 году, когда Государь объявилъ
измѣну Польши и походъ противъ мятежниковъ. Какимъ
патріотизмомъ отвѣчало сердце каждаго на призывъ Царя.
Трогательно поздравленіе, которое Государь дѣлаетъ у раз-
вода, предъ гвардіею и народомъ, Сыну, въ день рожденія
Государя Наслѣдника Цесаревича.

Когда въ Петергофѣ, 25-го іюня, Государь явился къ раз-
воду съ юнымъ внукомъ, многозначительная выразилась
мысль. Малютка едва поспѣвалъ за шагами Дѣда, являв-
шаго святу данный Богомъ залогъ благоденствія и спокой-
ствія Отечества на долгіе годы. Мы не можемъ забыть, въ
1848 году, весной, первый разводъ, послѣ полученныхъ
извѣстій изъ Франціи о низверженіи Людовика-Филиппа;
Павловскіе гренадеры проходили на-руку—это былъ торже-
ственный отзывъ нашъ на западныя смуты.

Въ послѣднее воскресенье, 2-го апрѣля, мы видѣли у раз-
вода высокую и замѣчательную сцену. Обѣхавъ ряды, Го-
сударь Императоръ изволилъ скомандовать:

«Слушай, на караулъ!»

И когда знамя преклонилось, провозгласилъ:

«Ура!»

Дружно приняли егеря это задушевное русское ура!

Тогда Государь изволилъ подзвать Фельдмаршала, не за-
долго предъ тѣмъ прибывшаго въ столицу, отдалъ ему
честь, съ чувствомъ протянулъ ему руку, сказалъ нѣсколько
словъ, которыхъ мы не могли слышать, но на лицѣ Монар-
ха ясно начерталось удовольствіе видѣть знаменитаго вождя
въ Своей столицѣ, и благоволеніе за новые подвиги прошед-
шаго года. Князь Варшавскій, тронутый до глубины души,
снялъ каску, и въ избыткѣ благодарности, припалъ къ пле-
чу Государя, который съ чувствомъ поцаловалъ его голову,
увѣнчанную свѣжими лаврами.

Нельзя было остаться равнодушнымъ свидѣтелемъ тро-
гательной благодарности Монарха, который славу Своего
подданаго, заслуженную подвигами на общее благо, столь
достойно цѣнитъ и награждаетъ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Г р е ц і я .

1-го мал.—Получена слѣдующая телеграфическая де-
пеша изъ Афинъ: Распри съ Англіею кончены, условія
соглашенія переданы въ англо-греческую посрѣдническую
коммиссію. Сумма, назначенная въ вознагражденіе за убыт-
ки, опредѣлена въ 180,000 драхмъ, изъ которыхъ 150,000
драхмъ оставлено неуплаченными, пока смѣшанная греко-
англійская судная коммиссія не разсмотритъ иска *Пацифи-
ко*. Какъ въ кассахъ греческаго правительства не оказалось
достаточнаго количества денегъ, то національный банкъ
помогъ казнѣ. Въ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ въ Пакассо
одному британскому офицеру, греческое правительство из-
винилось потою. Эмбарго захваченныхъ кораблей снято
и эти корабли возвратились отъ Саламины въ Пирейскую
гавань. Прибылъ французскій парохоль, пришедшій съ со-
бою рѣшительныя депеши для гг. *Гро* и *Уайза*, вслѣд-
ствіе которыхъ переговоры между ними прекращены. Г.
Уайзъ настаивалъ на условіяхъ, которыхъ *баронъ Гро* ни-
какъ не можетъ принять. Апрѣля 25, послѣ объѣда, снова
предприняты насильственные мѣры, и опять на корабли
съ греческимъ флагомъ было наложено эмбарго. Г. *Гринъ*
на слѣдующее же утро сообщилъ это находящимся здѣсь
консуламъ, и греческое правительство принуждено было
черезъ ультиматумъ, посланный ему г. *Уайзомъ*, а также
изъ опасенія несчастныхъ для страны послѣдствій, кото-
рыхъ должны произойти отъ новыхъ строгихъ мѣръ, при-
нять условія, предложенныя въ ультиматумѣ, и уже въ

тот же день г. *Лондон* официально объявил г. *Уайзу* рѣшеніе греческаго правительства по этому дѣлу. Вслѣдъ за тѣмъ съ адмиральскаго корабля поданъ былъ знакъ прекратить блокаду. Такъ какъ греческое правительство согласилось на все, что предложилъ ему г. *Уайзъ*, то судамъ правительства, а также и купеческимъ судамъ, позволено было 29 числа сняться съ якоря въ Саламинъ и идти въ Пирей. Грузъ этихъ кораблей частью поврежденъ, да и самыя суда пострадали. 29 числа въ Саламинъ отправлена коммиссія правительства, для того, чтобы донести о потеряхъ, которыя потерпѣло каждое судно. Въ этотъ же день великобританскій посланникъ со всемъ своимъ посольствомъ снова прибылъ въ Афины. Условія, предложенныя греческому правительству въ ультиматумѣ, были слѣдующія: для удовлетворенія за оскорбленія, нанесенныя великобританскому флагу въ Патрасѣ, греческій министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ выразить въ официальномъ отношеніи къ великобританскому правительству живѣйшее сожалѣніе греческаго правительства, касательно дѣла съ ботомъ Великобританской корветы «*Fantome*», а также подвергнуть порицанію поведеніе греческихъ агентовъ и начальства. На вознагражденіе за потери англійскихъ подданныхъ, Англія требуетъ 180,078 драхмъ; въ томъ числѣ 30,000 г. *Финлею*, 17,538 г. *Пачифико*, 9,583 драхмы и 52 ленты за ограбленіе іонійскихъ судовъ и 2,246 драхмъ 97 лентъ четверемъ Іонійцамъ, потерпѣвшимъ оскорбленіе въ Патрасѣ и Пиреѣ; наконецъ 120,000 др. г. *Пачифико*, какъ вознагражденіе за всѣ понесенныя имъ потери, не включая его притязаній на португальское правительство.

28-го *апрѣля*. Представленъ былъ Королю Палатою Депутатовъ слѣдующій адресъ:

Ваше Величество!

Десница Бога, управляющая судьбами народовъ въ трудныя времена, вела и поддерживала васъ во-время тяжкаго перелома, отъ котораго мы освободились.

Возсылая къ Всемогущему хвалы глубочайшаго благодаренія, Палата Депутатовъ почла священной для себя обязанностію изъявить чрезъ насъ Вашему Величеству, любимому Монарху Греціи, свою живую благодарность за мудрость и твердость, съ которою вы вели себя во-время переговоровъ съ Англією.

«Греція, вѣря въ ваши истинно-царскія добродѣтели, надеется, вслѣдствіе принятаго вами поведенія, столь согласнаго съ интересами народа, на будущность счастливую и блестящую.»

Король отвѣчалъ:

«Господа, я благодарю вмѣстѣ съ вами Всемогущаго, который велъ насъ по пути чести.

Имѣя въ виду честь и истинную пользу народа, будучи, съ другой стороны, увѣренъ въ благородныхъ чувствахъ Грековъ, я отстаивалъ его права, сколько могъ.

Мудрость, спокойная твердость греческаго народа, заслужившаго рукоплесканія Европы, и изъявленія чувствъ Палаты ко мнѣ, вполне оправдали довѣріе, которое я имѣлъ къ нему и къ вамъ, и служатъ мнѣ утѣшеніемъ.

Я изъявляю вамъ, а чрезъ васъ и всему народу, мою благодарность за преданность, которую онъ оказалъ мнѣ, и мое удивленіе къ благородству его поведенія въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Я горжусь, что управляю такимъ народомъ.»

— Въ Пиреѣ ходитъ слухъ, что англійскій флотъ броситъ якорь близъ Неополя. Между тѣмъ *Наркеръ* отправился на шкунѣ «*Королева*» въ Мальту, по семейнымъ обстоятельствамъ. Король пожаловалъ гг. *Гро*, *Тувснелю* и *Персиани* знаки греческаго ордена Искупителя, большаго креста, въ благодарность за ихъ услуги.

5-го.—Въ день праздника Пасхи поднятъ былъ на большой мачтѣ стоящаго здѣсь англійскаго парохода греческій флагъ, и развѣвался на немъ цѣлый день; до-сихъ-поръ это дѣлалось только при народныхъ праздникахъ, но не при церковныхъ.

— Текетъ конвенція, заключенной между лордомъ *Пальмерстономъ* и г. *Друэномъ де Люи* объ устройствѣ греческихъ дѣлъ.

1) Вслѣдствіе распри между правительствами Е. В. Королевы Великобританской и Е. В. Короля Греческаго, возникшей по поводу требованій вознагражденія за претерпѣнныя въ Греціи англійскими и іонійскими подданными оскорбленія, подробно исчисленныя въ нотѣ британскаго мини-

стерства, отъ 17 января 1850 г., а также вслѣдствіе предложеннаго французскимъ правительствомъ посредничества, принятаго какъ г. *Уайзомъ*, такъ и г. *Лондосомъ*, которые были назначены уполномоченными по сему дѣлу, — сіи послѣдніе, вмѣстѣ съ г. *Луи Гро*, уполномоченнымъ Франціи, положили, что упомянутыя требованія, по надлежащемъ разсмотрѣніи, должны быть окончены дружественнымъ соглашеніемъ, на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Греческое правительство доставить немедленно английскому посланнику въ Афинахъ сумму на 8,500 ливр., которая назначается на удовлетвореніе означенныхъ требованій, и будетъ роздана различнымъ лицамъ, предъявившимъ оныя.

2) Послѣ уплаты греческимъ правительствомъ упомянутой суммы, греческія торговля суда, задержанныя английскими крейсерами, будутъ немедленно освобождены.

3) Вслѣдствіе жалобы английскаго правительства на арестованіе одного английскаго морскаго офицера и матросовъ военнаго корабля «*Fantome*», и также вслѣдствіе желанія греческаго правительства изъявить свое сожалѣніе объ ошибкѣ, бывшей причиною этого ареста, опредѣлено, что для удовлетворенія этой жалобы греческій министръ иностранныхъ дѣлъ напишетъ по этому предмету письмо къ английскому министру.

4) По полученіи этого письма, задержанные временно греческие корабли будутъ немедленно возвращены.

5) Вся прочія требованія, исчисленные въ нотѣ отъ 17 января, прекращаются, за исключеніемъ требованія г. *Пачифико*, объ утратѣ нѣкоторыхъ документовъ, касающихся португальскаго долга. Такъ какъ это дѣло должно подлежать подробнѣшему разсмотрѣнію, то гг. *Гро*, *Уайзъ* и *Лондосъ* назначать отъ себя трехъ лицъ, для производства изслѣдованія. Если этимъ изслѣдованіемъ будетъ обнаружено, что португальское правительство, признавая упомянутыя требованія, откажется отъ уплаты только потому, что г. *Пачифико* не въ состояніи представить затерявшихся или похищенныхъ при разграбленіи его дома документовъ, то греческое правительство обязуется вознаграждать г. *Пачифико* за убытки.

6) Условія, заключающіяся въ этой статьѣ, будутъ приведены въ исполненіе немедленно по подписаніи настоящей конвенціи, не дожидая ея ратификаціи.

7) Требованія относительно займа, обеспеченнаго ручательствомъ трехъ державъ, и касательно острововъ Сапиенцы и Черви, не включаются въ настоящую конвенцію.

14-го. — Афинскія газеты извѣщаютъ, что майоръ *Пана*, мпнархъ Акарнаніи, преслѣдуя разбойника, голова котораго была оцѣнена, проникъ въ пылу преслѣдованія, съ оружіемъ въ рукахъ, на островъ Драгоместре, принадлежащій къ Ионическимъ островамъ и обитаемый нѣсколькими ионическими семействами. Опасаются, чтобъ это обстоятельство не породило новыхъ затрудненій. Майора потребовали въ Афины.

— Пираты, въ числѣ ста человекъ, напали въ распахъ на городокъ Мандолинъ, и отняли у жителей ихъ имущество. Другія толпы пиратовъ тревожатъ городъ Марси.

— Сношенія греческаго правительства и членовъ дипломатическаго корпуса съ г. *Уайзомъ* весьма рѣдки. Г. *Пачифико* отправился въ Мальту. Предъ отъѣздомъ изъ Афинъ, онъ выкупилъ изъ ломбарда серебряную посуду, заложенную въ 1842 г. за 1,000 піастровъ; до сихъ-поръ онъ былъ не въ состояніи внести ни капитала, ни процентовъ; а между-тѣмъ еще съ 1847 г. онъ началъ свои непомѣрные требованія за разграбленіе казеннаго имущества.

А н г л і я .

Лондонъ. — 1-го мая. — Сегодня, утромъ, въ девятомъ часу, Королева Викторія благополучно разрѣшилась отъ бремени прицемъ. Въ комнатѣ Королевы находились Принцъ Альбертъ, докторъ *Лококъ* и кормилица мистрисъ *Лилли*; въ сосѣднихъ комнатахъ были еще два доктора — гг. *Джемсъ Кларкъ* и *Фергуссонъ*, также министры и знатныя должностныя лица, между прочими герцоги *Веллингтонъ*, *Сэръ Джоржъ Грей*, *Кентербурійскій* и *Лондонскій* *Епископы*, лордъ *Джонъ Россель*, герцогъ *Норфолькъ* и маркизъ *Бредальбанъ*, какъ представитель тайнаго совѣта. Сегодня въ Парламентѣ единогласно рѣшили представить Королеву поздравительный адресъ.

Июль. Пал. — 30-го апрѣля. — Лордъ *Джонъ Россель*, возражая на вопросъ, сдѣланный ему г. *Вудомъ*, объявилъ,

что онъ намеренъ представить Парламенту въ этомъ же собраніи проектъ закона, касательно присяги членовъ Парламента. Г. *Генли* предложилъ сдѣлать пересмотръ жалованьямъ во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія, и по возможности уменьшить ихъ. Подобно пересмотрамъ, предпринятымъ Парламентомъ въ 1821 г. и особыми коммиссіями въ 1848 г., докладчикъ замѣтилъ, что лордъ *Россель* предложилъ недавно, предоставить коммиссіи пересмотрѣть жалованья въ трехъ отрасляхъ государственнаго управленія, а именно: жалованье тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ засѣдаютъ въ Парламентѣ, дипломатовъ и судебныхъ чиновниковъ. Этотъ пересмотръ не будетъ простираться на частныя выдачи. Если Парламентъ находитъ нужнымъ подвергнуть пересмотру эти три отрасли управленія, то по какой причинѣ онъ исключаетъ другія отрасли? На жалованье и пенденную плату, выдаваемыя въ таможенныхъ, ассизномъ, штемпельномъ и въ почтовыхъ управленіяхъ, а также и въ управленіи казенныхъ земель и др. выходило въ 1848—1849 г. до 4.327,000 фун. стерл., которые не подлежатъ контролю Парламента. Если прибавить къ этому еще жалованье и служебныя вознагражденія, подлежащія вѣдомству Парламента и простирающіяся до 2.647,000 фун. стерл., то все вмѣстѣ составитъ 6.974,000. Это еще не все; кромѣ того есть жалованья, которыя находятся подъ контролемъ правительства, и производятся изъ суммы государственнаго казначейства, членамъ судовъ въ графствахъ и другимъ судебнымъ чиновникамъ, что составляетъ еще 500,000 фун. стерл. Причисляя еще эти 500,000 ф. ст., вся сумма составитъ 7.500,000 фун. стерл. За тѣмъ ораторъ подвергъ строгому разсмотрѣнію мнимыя уменьшенія, которыя будто бы прежде были сдѣланы въ разныхъ отрасляхъ государственныхъ доходовъ, и пришелъ къ тому результату, что страна не получаетъ отъ перемѣны системы налоговъ тѣхъ выгодъ, которыхъ можно было ожидать. Изъ официальныхъ свѣдѣній видно, что въ 1828 году Англія вывозила товаровъ на 52.000,000 фун. стерл. а объявленная цѣна простиралась до 36.000.000. Въ 1848 г. первая сумма возрасла до 132.000,000, вторая до 52,000,000. Во многихъ случаяхъ цѣны домашнихъ произведеній понизились на 25 процентовъ. Ораторъ говорилъ, что цѣны състныхъ припасовъ и предметовъ роскоши понизились, хотя жалованье остается въ прежнеемъ видѣ. *Канцлеръ Ка-*

значейства, хотя и былъ согласенъ съ началами и мнѣніями оратора, однакожъ не признавалъ необходимости его предложенія. Правительство, въ послѣдніе годы, сдѣлало всевозможныя сбереженія, и если г. *Генли*, сдѣлавъ это предложеніе, не имѣлъ въ виду сдѣлать правительству незаслуженнаго упрека, то онъ не понимаетъ, какую цѣль имѣлъ г. *Генли*. Уменьшить жалованье должностныхъ лицъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, значило бы сдѣлать самую большую несправедливость. Канцлеръ просилъ Палату не принимать этого предложенія. Полковникъ *Синторбъ*, гг. *Вьюдегитъ* и *Юль* поддерживали предложеніе г. *Генли*. Сэръ *Робертъ Пиль* былъ того мнѣнія, что главнымъ государственнымъ чиновникамъ платятъ столько, сколько требуютъ выгоды страны, и что чиновники низшаго класса получаютъ немного. Онъ объяснилъ, что предложеніе это такого рода, что не слѣдовало бы даже представлять Палатѣ. Г. *Кобденъ* говорилъ противъ предложенія, потому, что въ немъ стараются доказать, что въ платѣ за работы послѣдовало общее уменьшеніе. Онъ сказалъ, что онъ не можетъ согласиться на предложеніе, въ которомъ свободная торговля выставляется съ дурной стороны и въ которомъ хотятъ увѣрить, что теперь страна меньше, нежели при охранительной системѣ, въ состояніи производить свои необходимыя издержки. Г. *д'Израэли* объявилъ, что все согласны съ тѣмъ, что налоги въ Англіи чрезмерны. Во всѣхъ классахъ народа и во всѣхъ частяхъ государства говорятъ, что теперь не только желательно, но даже необходимо сдѣлать нѣкоторыя сбереженія. Партію тори осуждали за вновь родившуюся ревность къ экономіи, и она вызвалась доказать, что всякая значительная мѣра, принятая касательно публичной экономіи и финансовыхъ преобразованій, была ея дѣломъ. Въ предложеніи не осуждаютъ свободную торговлю, она будетъ существовать въ свое время, но само предложеніе есть одно изъ свѣдѣній политики свободной торговли. Воскличаніе: Правительство въ опасности! или: уменьшить всеобщую пенденную плату—невозможно,—или кака-нибудь другая поверхностная отговорка въ этомъ родѣ, пригодились бы, можетъ-быть, для цѣли финансовыхъ преобразователей, находящихся теперь въ Палатѣ, но чрезъ это они подвергнутся порицанію страны. Лордъ *Джонъ Россель* сказалъ, что такъ какъ правительство уже сдѣлало многія сбереженія и предпринимаетъ еще

другія, то адресъ Королевъ, въ которомъ сказано, что въ этомъ отношеніи до-сихъ-поръ ничего не сдѣлано, онъ почитаетъ незаслуженнымъ упрекомъ правительству и выраженіемъ недовѣрія къ министерству. Онъ не можетъ согласиться на предложеніе, въ которомъ увѣряютъ, что страна находится въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что необходимо уменьшить жалованье работниковъ. При собираніи голосовъ оказалось, что въ пользу предложенія было подано 173 голоса, а противъ него 269.

1-го мая.—*Ниж. Пал.*—Г. *Пучей* предложилъ заняться третьимъ чтеніемъ билля объ арендаторахъ и помѣщикахъ. Предложеніе это было отвергнуто безъ собиранія голосовъ. Также поступлено и съ биллемъ объ управленіи желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ, Палата образовалась въ комитеты и разсмотрѣла билль объ условіяхъ, на которыхъ духовныя лица могутъ имѣть нѣсколько приходовъ. Предложеніе сэра *Сиднея Герберта*, постановить, что духовное лицо можетъ имѣть два смежныхъ прихода только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ нихъ приноситъ доходу менѣе 100 ф. стер. было принято (169 гол. противъ 16).

2 мая.—*Верх. Пал.* Герцогъ *Ричмондъ*, ревностный протекціонистъ, представилъ нѣсколько прошеній изъ разныхъ частей Англій, въ которыхъ жалуются на стѣсненное положеніе земледѣльческихъ классовъ и умоляютъ о помощи.

Ниж. Пал.—Возобновились пренія о предложеніи Лорда *Гросвенора*, представить билль объ уничтоженіи пошлины, платимой адвокатами за право отправленія своей должности. Канцлеръ Казначейства объявилъ, что онъ не можетъ одобрить этого билля, потому что упоминала пошлина приноситъ 117,000 фунтовъ стерлинговъ, отъ которыхъ теперь невозможно отказаться. Многие ораторы говорили въ пользу билля, въ томъ числѣ самъ Лордъ *Гросвеноръ*, и Палата разрѣшила представить билль, (155 гол. противъ 136). Остальная часть засѣданія прошла въ разрѣшеніи билля расширеніи правъ провинціальныхъ (Графскихъ) судовъ.

3-го.—*Ниж. Пал.*—Сэръ *Джорджъ Грей* говорилъ о мнѣніи правительства, касательно билля о работѣ на фабрикахъ (уменьшеніи рабочихъ часовъ для женщинъ и дѣ-

тей). Онъ объявилъ, что правительство недовольно нынѣ существующей системой фабричныхъ работъ, на основаніи которой работники 15 часовъ въ сутки. При этомъ, Сэръ *Джорджъ Грей* сдѣлалъ слѣдующее предложеніе, которое, по словамъ его, согласно, если не съ буквою акта 1847 г., то, по крайней-мѣрѣ, съ духомъ его: «Теперь работаютъ на фабрикахъ отъ половины шестаго утра до половины девятаго вечера, впредь же должно постановить, чтобы работали отъ 6 час. утра до 6 час. вечера, употребляя изъ этого времени 1½ часа на завтракъ. Такое распоряженіе облегчитъ работниковъ и нисколько не затруднитъ хозяевъ, потому что сумма рабочихъ часовъ въ недѣлю увеличится двумя часами; вмѣсто 58 часовъ—будутъ работать 60». Лордъ *Джонъ Меннерсъ* и *Эдуардъ* протестовали противъ этого предложенія.

6-го.—*Верх. Пал.*—*Кентербюрійскій Епископъ* оправдывался противъ обвиненій въ непотизмъ; онъ представлялъ обстоятельства, при которыхъ онъ далъ одно мѣсто своему сыну, и увѣрялъ, что воспользовался только правомъ, принадлежащимъ ему по закону. За тѣмъ начались пренія касательно комиссій, для изслѣдованія состоянія Оксфордскаго и кембриджскаго университетовъ. Маркизъ *Ландолунъ* объявилъ, что до-сихъ-поръ по этому случаю не было сдѣлано никакихъ распоряженій, и что они еще требуютъ предварительнаго зрѣлаго разсмотрѣнія. Въ заключеніе въ Парламентъ, по предложенію Лорда *Кампбелля*, былъ прочтенъ вторично билль объ исправленіи уголовного судопроизводства.

Ниж. Пал.—На очереди состояло разсмотрѣніе билля объ Австраійскихъ колоніяхъ. Палата отвергла, (208 гол. противъ 39), предложеніе г. *Евартса*, отменить пошлину съ объявленій, которую канцлеръ казначейства считалъ необходимымъ при нынѣшнемъ положеніи финансовъ.

8-го.—Сегодня изданъ въ Букингамскомъ дворцѣ послѣдній бюллетень о состояніи здоровья Королевы и новорожденнаго Принца. Онъ содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Королева и юный Принцъ продолжаютъ пользоваться удовлетворительнымъ здоровьемъ. Силы Ея Величества возстановились до такой степени, что, начиная съ этого дня, бюллетени болѣе издаваемы не будутъ».

9-го.—*Ниж. Пал.* отвергла вчера, послѣ продолжитель-

ныхъ преній, (197 гол. противъ 37), билль о рыбномъ промыслѣ въ Ирландіи, представленный г. *Аистемъ*. За тѣмъ Палата отвергла, вслѣдствіе предложенія г. *Лабушера*, (123 гол. противъ 4), другой билль, о погребеніяхъ усопшихъ въ города.

10-го.—*Ниж. Пал.* Утвердила (254 гол. противъ 184), билль объ увеличеніи въ Ирландіи избирательныхъ льготъ.

— Въ Ливерпуль прибылъ *Atlantic*, первый изъ числа американскихъ пароходовъ, которые будутъ совершать постоянные рейсы между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ; онъ привезъ извѣстія изъ Нью-Йорка отъ 27 апрѣля. Туда прибылъ изъ Калифорніи пароходъ «*Ogю*», привезшій на 120,000 долларовъ золотого песку, но не привезшій никакихъ новыхъ извѣстій. Въ Мехико былъ большой пожаръ, причинившій на 500,000 долларовъ убытку.

13-го.—*Лондонъ.*—*Магметъ-паша*, посланникъ Турецкаго Султана при здѣшнемъ дворѣ, отправился сегодня въ Гагу, съ особеннымъ порученіемъ отъ своего Государя.

— Изъ Америки получено извѣстіе, что правительство приказало чеканить новую монету, чтобы ограничить вывозъ калифорнскаго золота въ Англію.

— *Верх. Пал.* — Были довольно жаркія пренія между Герцогомъ *Веллингтономъ* и лордомъ *Брумомъ*, по поводу прошенія, представленнаго лондонскимъ университетомъ; эти пренія были неожиданно прерваны лордомъ *Станлеемъ*, потребовавшимъ отъ правительства объясненій, касательно послѣднихъ извѣстій, полученныхъ изъ Греціи.

— Современіи послѣдняго засѣданія Палаты, сказалъ Лордъ *Станлей*, въ Англію получено извѣстіе, что посредничества между Франціей, который былъ посланъ въ Афины, для посредничества между Англіей и Греціей, удался оттуда, и что несогласія между Англіей и Греціей окончательно устроены, съ помощью принудительныхъ мѣръ, употребленныхъ Англіей. Такъ какъ это дѣло кончено, то я надѣюсь, что правительство не откажется представить всѣ документы, касающіяся, какъ до самаго дѣла, такъ и до французскаго въ немъ посредничества.

Маркизь *Ландсдоунъ* отвѣчалъ, что правительство готово представить требуемые документы.

— Долгомъ считаю замѣтить, присовокупилъ онъ, что г. *Уайзъ* вполне сообразовался съ данными ему инструкціями, и я могу засвидѣтельствовать, что дѣло съ Греціей устроилось почти такъ, какъ желалъ уполномоченный Франціи. Я долженъ прибавить, что правительство Е. В. Королевы надѣется, что это дѣло послужитъ Греціи урокомъ на будущее время.

— Я надѣюсь, возразилъ лордъ *Станлей*, что документы, которые будутъ намъ представлены, подтвердятъ слова Маркиза *Ландсдоуна*; но теперь я еще не расположенъ оправдывать поступки Англіи.

Маркизь *Ландсдоунъ* отвѣчалъ, что лордъ *Станлей* долженъ бы подождать, когда представятъ документы о греческомъ дѣлѣ и тогда уже судить о поведеніи Англіи.

— Честь имѣю, заключилъ онъ, представить документы, которые удовлетворять, вѣроятно, благороднаго Лорда; они касаются возстановленія дипломатическихъ сношеній между Англіей и Испаніей. (*Одобреніе*).

Остальная часть засѣданія не представляетъ ничего любопытнаго.

16-го.—*Ниж. Пал.*—На вопросъ г. *Юма*, окончательно ли рѣшенъ греческій вопросъ, лордъ *Пальмерстонъ* отвѣчалъ:

— Всѣ непріязненные дѣйствія между Англіей и Греціей кончились и нѣтъ никакого повода ожидать ихъ возобновленія. Что касается до отношеній между Франціей и Англіей, то хотя французское правительство и желало, чтобы это дѣло устроилось при посредничествѣ французскаго повѣреннаго, но обстоятельства сами воспротивились этому. Французскій посланникъ уѣхалъ вчера въ Парижъ, чтобы быть въ ближайшихъ сношеніяхъ съ своимъ правительствомъ; но я увѣренъ, что этотъ отъѣздъ не разстроитъ дружественныхъ сношеній, существующихъ между обоими государствами.

Подобный же отвѣтъ далъ маркизь *Ландсдоунъ* въ Верхней Палатѣ, на вопросъ лорда *Брума*, который въ особенности упиралъ на то, что отъѣздъ французскаго посланника изъ Лондона послѣдовалъ въ самый день рожденія Англіиской Королевы.

17-го.—Газета *Globe*, органъ лорда *Пальмерстона*, увѣряетъ, что англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ и г.

Друзь-де-Люи, при составлении конвенции относительно греческих дѣлъ, условились, чтобы конвенция эта, если она будетъ получена въ Афинахъ послѣ заключенія мировой сдѣлки, считалось недействительною.

17-го. — *Верх. Пал.* — Я считаю долгомъ, сказалъ лордъ *Брумъ*, обратить вниманіе Палаты на происшедшее во французскомъ Законодательномъ Собраніи, вследствие объявленія объ отозваніи г. *Друза де Люи*: маркизъ *Лансдоунъ*, не зная, вѣроятно истиннаго положенія этого дѣла, объявилъ намъ вчера, что отозваніе французскаго посланника не имѣетъ того важнаго значенія, которое я ему придавалъ; что г. *Друзь де Люи* отозванъ въ Парижъ единственно для того, чтобы отдать полный отчетъ о возложенномъ на него порученіи. Сегодня оказалось, что этотъ взглядъ маркиза *Лансдоуна* не имѣетъ основанія, что г. *Друзь де Люи* отозванъ не для объясненій, и что онъ даже не говорилъ въ Законодательномъ Собраніи. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, генералъ *Лажиттъ*, прямо объявилъ, что французское правительство отозвало своего посланника съ цѣлію выразить этимъ дѣйствіемъ неудовольствіе на поведеніе Англіи въ греческомъ дѣлѣ. Это объявленіе было принято Собраніемъ съ громкимъ одобреніемъ. Говорили, что отсутствіе г. *Друза де Люи* на банкетѣ лорда *Пальмерстона* не имѣло цѣлію оскорбить англійское правительство. Я этому вѣрю; но такъ какъ г. *Друзь де Люи* уѣхалъ изъ Лондона въ этотъ самый день утромъ, то отъ чего же французскій повѣренный въ дѣлахъ, *Марескальки*, не явился на банкетѣ?... Я знаю, что наши несогласія съ Франціей кончатся, но они оставятъ послѣ себя глубокое раздраженіе, которое можетъ быть вредно для мира, сохраненіе котораго столь важно для Англіи, для Франціи, для всей Европы. Генералъ *Лажиттъ* предписалъ г. *Друзу де Люи* показать отзывавшую его депешу лорду *Пальмерстону*, но такъ какъ президентъ совѣта министровъ, маркизъ *Лансдоунъ* ничего не зналъ о ней, слѣдовательно г. *Друзь де Люи* не сообщалъ ее лорду *Пальмерстону*, а можетъ быть лордъ *Пальмерстонъ* не хотѣлъ сообщить ее маркизу *Лансдоуну*. Что касается до спорнаго вопроса, то я не буду говорить о немъ до-тѣхъ-поръ, пока не прочту всѣхъ относящихся къ нему документовъ. Если я изъ нихъ увижу, что французское правительство не право, то сдѣлаюсь первымъ защитникомъ англійскаго Правительства; въ про-

тивномъ же случаѣ, я не премину вступить за Францію.

Маркизъ *Лансдоунъ* отвѣчалъ, что г. *Друзь де Люи* не сообщалъ лорду *Пальмерстону* отзывавшую его депешу, какъ это обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ водится; что же касается г. *Марескальки*, то онъ не присутствовалъ на банкетѣ лорда *Пальмерстона* потому, что на подобные банкеты не имѣютъ обыкновенія приглашашь секретарей посольства, и г. *Марескальки* не былъ приглашенъ. О спорномъ же вопросѣ, заключилъ маркизъ *Лансдоунъ*, я объясню послѣ представленія касающихся до того документовъ, а они будутъ представлены въ самомъ скоромъ времени.

Лордъ *Брумъ* объявилъ, что эти объясненія не удовлетворяютъ его, и за тѣмъ Палата перешла къ очереднымъ своимъ занятіямъ.

— *Ниж. Пал.* — Лордъ Джонъ *Россель*, отвѣчая на вопросъ г. *д'Израэли*, объявилъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ лорду *Норменби*, что г. *Друзь де Люи* отозванъ вследствие неудовольствія на поведеніе Англіи въ греческомъ дѣлѣ. Г. *Друзь де Люи* былъ присланъ въ Лондонъ съ порученіемъ устроить греческія дѣла, и такъ какъ порученіе его кончилось или лучше сказать не удалось, то очень естественно, что его должно было отозвать.

— Я сожалѣю, сказалъ лордъ *Россель*, что французское правительство сочло себя оскорбленнымъ, потому что англійское правительство не отказывалось принимать посредничества г. *Гро* въ греческомъ дѣлѣ; я надѣялся, что это посредничество будетъ имѣть успѣхъ и мы были готовы на всѣ возможныя уступки. Баронъ *Гро* отказался, 27 апрѣля, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, отъ возложеннаго на него порученія, и положила этимъ отказомъ конецъ посредничеству Франціи. Но еслибъ онъ дождался депешъ, которыя вскорѣ послѣ того прибыли, то дѣло, безъ сомнѣнія, устроилось бы, и мы избавились бы отъ неурядицъ несогласій.

За тѣмъ лордъ Джонъ *Россель* объявилъ, что г. *Друзь де Люи* не сообщалъ отзывавшей его депешы лорду *Пальмерстону*, не оставилъ даже копія съ нея, но читалъ ее

лорду *Пальмерстону* и очень долго объяснять ее. Наконец лорд *Джон Россель* сказалъ, что лордъ *Норменби* отозванъ изъ Парижа.

18-го. — Мальтійскій журналъ *Portofoglio* извѣщаетъ, что адмиралъ *Паркеръ* послалъ въ Неаполь фрегатъ «*Tigrebrand*» для требованія немедленнаго исполненія требованій лорда *Пальмерстона*, касательно вознагражденія англійскихъ подданныхъ, за убытки, понесенные ими во время бомбардированія Мессины. Въ случаѣ отказа, весь флотъ адмирала *Паркера* отправится къ Неаполю.

20-го. — Въ *Times* напечатано:

«Мы не думали, и не думаемъ и теперь еще, чтобы настоящее положеніе дѣлъ, определенное окончательно договоромъ съ Греціею, могло повести Англію къ столкновеніямъ или даже къ войнѣ съ Франціею. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ мы находимся въ настоящемъ разрывѣ съ Испаніею, и только нѣсколько дней тому назадъ несогласія съ этимъ государствомъ окончены вслѣдствіе ноты, которую мы назвали бы новою обидою Англіи, если бы въ ней не заключалась просьба о примиреніи. Сношенія наши съ Австріею не прерваны официально, но они вовсе не дружественны, и вѣнскій кабинетъ, навѣрно, не пошлетъ въ Лондонъ посланника, пока наша политика не перемѣнится.

«Лордъ *Пальмерстонъ* видѣлъ, по отсутствію нѣсколькихъ иностранныхъ посланниковъ на его банкетъ, данномъ по поводу празднованія дня рожденія Королевы, что удаленіе иностранныхъ державъ не есть исключеніе, между тѣмъ мы не ведемъ войны ни съ одною изъ нихъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, причина этого обстоятельства: въ последнее время мы потеряли справедливое вліяніе и уваженіе, которыми пользовалась Англія, какъ могучій и безпристрастный защитникъ главныхъ началъ и обязательствъ, составляющихъ основу общенароднаго права Европы; мы измѣнили своей обязанности, не подавъ нравственной помощи нашимъ союзникамъ, хотя они имѣли на нее полное право, въ то время, когда имъ грозила ужасная опасность, когда вся учрежденія правительственные и общественныя были подвержены нападеніямъ; да, мы тѣмъ ближе къ войнѣ, что измѣнили своей политикѣ, до-сихъ-поръ вполне

охранительной, и стали содѣйствовать партіи безначалія. Мѣра, принятая французскимъ правительствомъ, не есть выраженіе мнѣнія одной какой-нибудь безыменной партіи: пять шестыхъ частей Собранія, въ высшей степени народнаго, приняли ее съ живѣйшимъ восторгомъ, дѣйствіе, произведенное ею, было электрическое.

«Мы должны были рассказать факты такъ, какъ они произошли; какъ ни тяжело то, что сосѣдній нашъ народъ питасть къ намъ враждебныя чувства, но было бы смѣшно скрывать настоящее положеніе дѣлъ и преступно опираться, для сохраненія міра, на партію, которой единственное достоинство въ отношеніи къ намъ состоитъ въ томъ, что она ненавидитъ насъ меньше, чѣмъ ненавидитъ правительство и порядокъ. Теперь, когда Собраніе вполне одобрило новую политику министерства, отозваніе французскаго посланника нельзя считать фактомъ безъ значенія; теперь министерство не можетъ отступить, иначе оно будетъ уничтожено Собраніемъ и общимъ мнѣніемъ. Оно знаетъ очень хорошо, что въ настоящемъ случаѣ вся европейскія государства стануть помогать ему, чему не находимъ мы примѣра въ новейшей исторіи, или, по-крайней-мѣрѣ, будутъ совершенно нейтральны. Знаетъ оно и то, что никогда англійскій народъ не былъ менѣе теперешняго готовъ вести войну, что поведеніе лорда *Пальмерстона* возбудило противъ него всеобщій ропотъ во всѣхъ классахъ общества, что, наконецъ, сдѣлалось яснымъ, что обѣщанія, данныя французскому посланнику, нарушены, что для этого употребленъ обманъ, что наши соотечественники первые обвиняютъ такіа обиды. Скажемъ въ заключеніе, что англійскій народъ, которому лордъ *Пальмерстонъ* показалъ такъ мало довѣрія, не будетъ поддерживать такого министра и выносить блѣдность и издержки войны, которой главнымъ поводомъ служатъ требованія Португальца Пачифико.

— Ея Величество Королева вѣтхала въ первый разъ послѣ родовъ. Она прогуливалась въ открытой коляскѣ по паркамъ, съ королевой *Бельгіецевъ* и Принцомъ *Альбертомъ*.

— *Людвигъ Филиппъ* ѣдетъ сегодня съ семействомъ въ Сен-Леонаръ. Здоровье его, нѣсколько времени разстроенное, снова поправилось.

23-го. — *Ниж. Пал.* — Общ. Палаты должны были начать снова заседания, прекращенныя по случаю праздника Св. Троицы; но Верхняя не собиралась.

При началъ заседания Нижней, лордъ *Пальмерстонъ*, потребовалъ слова.

Я полагаю, сказалъ онъ, что вслѣдствіе того, что произошло въ этой Палатѣ, и особенно вслѣдствіе отвѣта моего на возраженія моего почтеннаго друга, представителя Манчестера (г. *Джибсонъ*), я долженъ, для Палаты и для самого себя, сдѣлать нѣсколько объясненій (*рукоплексканія*). Мой почтенный другъ спрашивалъ у меня, въ прошлый четвергъ, совершенно ли согласны между собою, на счетъ греческаго вопроса, правительства Франціи и Англіи? Я отвѣчалъ ему, сколько помню, что французскій посланникъ оставилъ Лондонъ наканунѣ, что правительство Ея Величества поручило ему передать нѣкоторые объясненія французскому правительству, что главная цѣль его отъѣзда было личное объясненіе и что самъ онъ (министръ) надѣется, что изъ этого не произойдетъ перемѣны дружественныхъ отношеній между обоими правительствами. Наканунѣ, генералъ *Лагитта* прочелъ французской Палатѣ письмо, которымъ отозванъ французскій посланникъ, или върнѣе, которымъ велено было ему возвратиться въ Парижъ. (*Слушайте!*)... Многіе члены этой Палаты и постороннія лица думали, что мой отвѣтъ противорѣчилъ этому письму и что я скрываю что-нибудь такое, что Палата и общество имѣютъ полное право знать. (*Слушайте, слушайте!*)... Вотъ въ чемъ дѣло: между французскимъ правительствомъ и правительствомъ Ея Величества произошло несогласіе по поводу греческаго дѣла и мнѣрь, принятыхъ нами за нѣсколько дней предъ тѣмъ, для скорѣйшаго окончанія его. Въ сущности несогласіе между правительствами заключалось въ различномъ мнѣніи объ образѣ окончанія разрыва между Англіею и Греціею. Въ прошлую субботу, я получилъ изъ Афинъ депешу, и передалъ ее французскому посланнику. Во вторникъ, утромъ, онъ былъ у меня, чтобы поговорить со мной объ ней; я изложилъ ему намѣренія правительства Ея Величества, и сказалъ, что не думалъ, чтобы политика, которой мы слѣдовали въ этомъ дѣлѣ, могла оскорбить Францію. (*Слушайте, слушайте!*)... Совѣщаніе было очень долго, и посланникъ, оставляя меня, сказалъ, что будетъ завтра. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ среду, въ полдень, онъ пріѣхалъ опять,

и во-время разговора прочелъ письмо, только что полученное имъ отъ генерала *Лагитта*. (*Слушайте!*) Это письмо высказывало причины отозванія посланника. Г. *Друэнь де Люи* прибавилъ: завтра документы представлены будутъ Собранію, и могутъ начаться пренія объ нихъ; я долженъ быть въ Парижѣ до начала заседания, чтобы дать объясненія, которыхъ отъ меня потребуютъ. Я вполне одобрилъ рѣшеніе французскаго посланника. Я просилъ его сообщить своему правительству сущность объясненій, которыя онъ слышалъ отъ меня, и передалъ ему нѣсколько депешъ г. *Вэйза*, съ тѣмъ, чтобы онъ показалъ ихъ своему правительству, означивъ самыя важныя мѣста въ нихъ. Въ такомъ положеніи были дѣла, когда у меня потребовали здѣсь объясненія. Я не могъ думать, что, противно всемъ обыкновѣніямъ, письмо генерала *де Лагитта* было прочтено въ Собраніи даже до сообщенія ему документовъ, относящихся къ дѣламъ, о которыхъ въ этомъ письмѣ упоминается. Никогда не могъ я предполагать такого поведенія, въ какомъ бы то ни было случаѣ. Къ тому же, я имѣлъ основаніе думать, что данныя мною объясненія, еслибъ даже они не совершенно удовлетворили требованіямъ французскаго правительства, измѣнили бы его тонъ и повели бы къ новымъ переговорамъ. Между-тѣмъ какъ я здѣсь предлагалъ Палатѣ требуемыя ею объясненія, французскій министръ долженъ былъ объяснить французскому Собранію причины отозванія г. *Друэна де Люи*. Я спрашиваю теперь каждаго изъ членовъ этой Палаты, который въ состояніи судить объ интересахъ своей націи и отношеніяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ къ парламенту, не былъ ли бы виновенъ въ самой тяжелой нескромности, если бы сообщилъ Палатѣ содержаніе этого письма, надѣясь въ тоже время на то, что несогласіе уже кончено? (*Громкія рукоплексканія почти на всѣхъ скамьяхъ*). Я долженъ привести еще другое оправданіе моего поведенія. Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ сильнаго желанія избѣгнуть и смягчить, сколько можно, всякое неудовольствіе французскаго правительства, которое бы измѣнило дружественныя отношенія, существующія между Англіею и Франціею. Письмо, о которомъ идетъ рѣчь, заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ, потому-что оно обвиняетъ правительство Ея Величества и меня въ особенности, какъ органъ его, въ томъ, что мы измѣнили слову, данному французскому министерству.

Здесь лорд *Пальмерстонъ* излагаетъ длинныя подробности, съ цѣлю доказать, что англійскій кабинетъ не можетъ сдѣлать себѣ ни какого упрека, по поводу переговоровъ, въ которыхъ Франція участвовала, какъ посредница. Онъ окончилъ рѣчь своєю слѣдующими словами:

Я не считаю нужнымъ прибавлять, что всякое происшествіе, которое бы положило конецъ дружественнымъ отношеніямъ, существовавшимъ до-сихъ-поръ между Франціею и Англіею, будетъ для правительства Ея Величества предметомъ глубокаго и тяжкаго сожалѣнія (*рукоплекскія*). Я надѣюсь, что я не сказалъ ничего такого, что бы могло усилить несогласія или поставить препятствіе къ соглашенію (*рукоплекскія*). Я не теряю надежды, что французское правительство, обсудивъ вопросъ основательно, спокойно, безъ увлеченія, увидитъ, что не было никакого повода прервать сношенія съ дружественнымъ государствомъ, и я не могу не надѣяться, что переговоры, которые ведутся теперь между обоими правительствами, приведутъ къ результату удовлетворительному для каждаго изъ насъ. Я сказалъ уже, что я, очень буду жалеть, если мнѣ случится сказать что-нибудь, что бы могло отдалить скорое рѣшеніе вопроса; мнѣ остается выразить еще одну надежду, что Парламентъ оставитъ этотъ вопросъ до окончанія переговоровъ; но если нужно будетъ разсуждать о немъ, то я увѣренъ, что ни одинъ изъ членовъ Палаты не употребитъ выраженія, которое бы сколько нибудь могло обидѣть Францію или ея правительство.

Правительство Ея Величества питаетъ сильное желаніе быть постоянно къ французскому правительству въ дружественныхъ отношеніяхъ, не обращая вниманія на то, изъ какихъ людей состоитъ оно.

Мы ведемъ переговоры съ правительствомъ, которое существуетъ.

Г. *д'Израэли* совѣтовалъ не одобрять поведенія лорда *Пальмерстона* до изслѣдованія относящихся къ дѣлу дѣпешъ. По его мнѣнію, настоящія причины дѣйствій англійскаго флота въ Средиземномъ-морѣ достаточно не объяснены; вѣроятно между министромъ и колониими вышлѣ несогласія относительно прибрежныхъ странъ. Лордъ *Пальмерстонъ* не увидѣомилъ Палату объ афинскомъ договорѣ объ островахъ Черви и Сашенца и о чувствахъ съ-

верныхъ державъ въ отношеніи къ Англій. Онъ думаетъ, что лордъ *Джонъ Россель* будетъ откровеннѣе. Лордъ *Россель* сказалъ, что нечего было настаивать на договорѣ 18 апрѣля, потому-что 23 числа баронъ *Грв* объявилъ, что его назначеніе кончено, а 5 дней было мало для приведенія въ дѣйствіе лондонской конвенціи въ Афинахъ, гдѣ баронъ *Гро* самъ требовалъ окончанія дѣла. Англійское правительство готово сдѣлать Франціи въ уступки, согласныя съ достоинствомъ Англій, для возобновленія дружбы. Я надѣюсь, сказалъ онъ, что въ искренности этого желанія никто не сомнѣвается. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я занимаю теперешнее мѣсто мое, ничто такъ сильно не огорчало меня, какъ это. Мы часто совѣщались съ Франціею, даже когда общее мнѣніе не одобряло ея политики, потому-что хотѣли выразить наше расположеніе къ правительству, которое хотѣли видѣть сильнымъ и котораго существованіе и могущество было необходимо для мира и спокойствія Европы.

— Въ Сентъ-Джемскомъ Дворцѣ происходило на-дняхъ военное празднество. Одинъ изъ двухъ старѣйшихъ полковъ британской арміи, Кольдстримскій гвардейскій полкъ, праздновалъ двухъ-сотую годовщину своего основанія. Онъ обязавъ своимъ происхожденіемъ извѣстному генералу *Монку*, который, будучи уполномоченъ на то Протекторомъ *Кромвеллемъ*, сформировалъ его въ августѣ 1650 года, изъ разныхъ отрядовъ войскъ, стоявшихъ въ Нью-Кастлѣ и Бервикѣ. Потомъ новый полкъ отправился, подъ предводительствомъ *Кромвелля*, въ Шотландію, и возвратился оттуда лишь тогда, когда *Монкъ* оставилъ, 1-го января 1660 г. свою главную квартиру Кольдстримъ, чтобы возстановить монархію и возвести Карла II-го на престолъ. Послѣдній, пожаловалъ генералу титулъ герцога *Альбемарльскаго*, включивъ его полкъ въ число полковъ королевской гвардіи. Въ-послѣдствіи, Кольдстримскій полкъ неоднократно отличался, особенно при Ватерлоо, гдѣ почетнымъ постомъ него былъ *Гугомонтскій* дворецъ. Его тогдашній полковникъ, сэръ *Джемсъ Макдонильдъ*, нынѣ генералъ-лейтенантъ, присутствовалъ при помѣнутомъ банкетѣ. Сверхъ того въ празднествѣ участвовали Герцогъ *Веллингтонъ*, секретарь военнаго министерства *Фоксъ Мауль*, Герцогъ *Кембриджскій* (шефъ Кольдстримскаго полка), лордъ *Джорджъ Меннерсъ* и другіе.

— Назадъ тому нѣсколько дней, Общество друзей мира праздновало тридцать-четвертую годовщину своего основанія. При семь случаевъ, секретарь Общества замѣтилъ, что предполагаемую выставку произведеній всемірной промышленности равномерно должно почестъ предпріятіемъ, направленнымъ къ поддержанію мира, и что потому было бы желательно, чтобъ оружіе не принадлежало къ числу предметовъ выставки. Общество раздѣлило такое мнѣніе и положило просить Принца Альберта, чтобы на выставку не были принимаемы никакія орудія, назначенныя для разрушенія человѣческой жизни.

30-го.—*Ниж. Пал.*—Сегодня первое засѣданіе въ новомъ зданіи; оно началось въ 12 часовъ. Временное распрежденіе залы оказалось неудобнымъ; журналисты жалуются, что объ нихъ мало позаботились. Необходимо увеличить нѣсколько изменить залу. Въ 5 часовъ Палата собралась снова въ старомъ зданіи, чтобы продолжать засѣданіе. Лордъ *Джонъ Россель* просилъ согласія Палаты на представленіе билля о дополненіи парламентской присяги для Евреевъ; билль этотъ будетъ представленъ. Потомъ Палата приняла, (93 гол. противъ 68), вопреки возраженіямъ канцлера казначейства, предложеніе Лорда *Ашлея* представить Королевъ адрессъ, съ просьбою о закрытіи почтовыхъ конторъ въ воскресные дни.

— Генераль *Кабрера* женился вчера на богатой наследницѣ, миссъ *Маріаннѣ Катеринѣ Ричардсъ*, которая должна имѣть 25.000 фунт. стер. годового дохода. При совершеніи брака присутствовала между прочимъ *Исидоръ Донъ Жуанъ Испанскій*, братъ *Графа де Монтемолина*.

Ф Р А Н Ц І Я.

1-го мая.—*Зак. Соб.*—Президентъ раздѣлилъ, по жребію, членовъ на отдѣленія. Затѣмъ Собраніе приняло два мѣстныхъ неважныхъ проекта законовъ. Военный Министръ представилъ проектъ закона, касательно таможенного управленія французской и иностранной торговли въ Алжиръ. Г. *Рансэ* совѣтовалъ передать законъ въ алжирскую комиссію. Г. *Кордвэ* требовалъ, чтобы Собраніе поставило на

очередь его предложеніе касательно счисленія голосовъ. Оба предложенія были приняты. Затѣмъ Собраніе снова решило къ разсмотрѣнію бюджета военного министерства.

— Важнѣйшее извѣстіе, полученное изъ Парижа, состоитъ въ томъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ нарядилъ комиссію для составленія проекта измѣненій закона о выборахъ. Эта комиссія состоитъ изъ 16 членовъ большинства, а именно Гг. *Бенуа д'Ази, Беррье, Беньо, де Броли, Бюффе, де Шаслу-Лоба, Дарю, Леона Фоше, Жюля де Ластери, Моле, де Монталамбера, де Монтебелло, де Сеза, генерала де Сенъ-При, Тьера и де Ватименля*. Самый составъ этой комиссіи показываетъ, что правительство намѣрено дѣйствовать рѣшительно. По этому мѣру, предложенная министромъ внутреннихъ дѣлъ заслужила общее обобреніе чисто-охранительной партіи, а республиканцы и анархисты негодуютъ. Умѣренные республиканцы также намѣрены противиться всякому ограниченію всеобщаго права подаванія голосовъ, а средняя партія еще не рѣшается пристать въ этомъ случаѣ къ большинству. Впрочемъ въ Парижѣ все спокойно.

2-го.—*Зак. Соб.*—Г. *Пассей* представилъ докладъ комиссіи объ устройствѣ правительства и управленія Алжира. Г. *Шарль Дюпенъ* предложилъ признать г. *Клавье* представителемъ Варскаго департамента, что и было принято. На очереди состояли пренія о чрезвычайномъ кредитѣ въ 2.629,910 франковъ, на содержаніе французскаго корпуса въ Церковной области, въ теченіе перваго семестра 1850 года. Г. *Эмманюэль Арагэ* протестовалъ противъ рѣшенія комиссіи отъ имени Республики и произнесъ сильную рѣчь, въ которой старался доказать, что Франція дѣйствовала въ римскомъ дѣлѣ противно рѣшенію Учредительнаго Собранія, противно собственному своему характеру, что Франція бесполезно пролила кровь сыновъ своихъ, что она должна была дѣйствовать противъ вліянія Австріи, и вмѣсто того дѣйствовала за одно съ нею. Рѣчь г. *Э. Арагэ* была нѣсколько разъ прерываемая и кончилась страшнымъ шумомъ. Г. *Густавъ де Бомонъ* старался оправдать комиссію. За тѣмъ вошелъ на трибуну г. *Жюль Фаеръ*, но правая сторона потребовала заключенія преній, что и было принято. Президентъ прочелъ, среди ужаснѣйшаго шума, 1-ую статью закона. На трибуну вошелъ г. *Фавинъ* и

сказалъ, что онъ былъ батальоннымъ командиромъ въ итальянскомъ экспедиціонномъ корпусѣ, присутствовалъ при въездѣ Папы въ Римъ, и следовательно лучше другихъ можетъ судить о впечатлѣніи, произведенномъ на Римлянъ возвращеніемъ Папы; что они не желали восстановленія папской власти, а желали республиканскаго правленія, что все рассказы о радости римскаго населенія справедливы только въ отношеніи къ высшимъ сословіямъ и духовенству. Слова г. *Фавана* вызвали сильный шумъ на правой сторонѣ и громкое одобреніе на лѣвой. Генералъ *Удинд* опровергалъ слова г. *Фавана*, сказалъ, что и онъ видѣлъ въездъ Папы и потому объявляетъ слова г. *Фавана* совершенно ложными. Въ Собраніи снова поднялся сильный шумъ: правая сторона громко одобряла рѣчь генерала, лѣвая столь же громко порицала ее и смѣялась. Законъ былъ принятъ (462 гол. противъ 198). Гг. *Кавеньякъ*, *Бедд* и *Ламорисьеръ* подали голоса за одно съ большинствомъ. Остальныя главы закона были приняты безъ преній.

— Все журналы легитимистской партіи возстаютъ противъ измѣненія закона о выборахъ.

— Г. *Тьеръ*, который хотѣлъ для поправленія своего здоровья ѣхать въ Италію, отложилъ это путешествіе, по причинѣ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

3-го.—*Зак. Соб.*—Г. *Шельхеръ* (членъ горы) требовалъ отъ морскаго министра объясненій касательно послѣднихъ происшествій на Сенегалѣ. Губернаторъ тамошней колоніи, флота капитанъ *Боденъ*, былъ не разъ вынуждаемъ, въ послѣднее время, наказывать нѣкоторыя мавританскія племена, для огражденія французской торговли. Онъ былъ принужденъ удалиться на время изъ колоніи, для примиренія двухъ враждовавшихъ племенъ. Одно мавританское племя воспользовалось этимъ случаемъ для нападенія на французскія заведенія, разграбило ихъ, даже убило нѣсколько человѣкъ, и потомъ удалилось. Г. *Шельхеръ* выразилъ мнѣніе, что на Сенегалъ должно послать подкрѣпленіе. Морской министръ успокоивалъ Собраніе на счетъ сенегальской колоніи, и сказалъ, что по его мнѣнію, теперь не слѣдуетъ еще послать туда подкрѣпленій, а подождать, чтобы самъ капитанъ *Боденъ* ихъ потребовалъ. За тѣмъ Собраніе перешло къ третьему разсмотрѣнію предложеннаго генераломъ *Бараге д'Алье* проекта закона, объ отнѣнъ уста-

повленнаго при генералѣ *Кавеньякъ* безвозмезднаго обученія въ Политехнической, военной—сен-Спирской и морской—брестской школахъ. Коммиссія предложила, черезъ своего докладчика, ограничить число бесплатныхъ мѣстъ въ этихъ школахъ третью всего числа учащихся въ нихъ. Въ слѣдствіе энергическихъ возраженій генерала *Ламорисьера*, Собраніе отвергло предложеніе коммиссіи. Другое предложеніе коммиссіи, перевести Политехническую Школу въ Мёдонъ, лежащій въ двухъ часахъ пути отъ Парижа, за то, что воспитанники Политехнической Школы постоянно принимаютъ участіе во всѣхъ парижскихъ беспорядкахъ, подало поводъ къ продолжительнымъ преніямъ. Одинъ изъ членовъ большинства требовалъ даже, чтобы школу перевели въ Фонтенебло. Военный министръ воспротивился этому рѣшенію, говоря, что оно есть посягательство на права исполнительной власти. Г. *Лессо* отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ возраженій министра, потому—что Законодательное Собраніе имѣетъ верховную власть; что онъ считаетъ перенесеніе Политехнической Школы въ другой городъ полезнымъ, потому—что воспитанники ея являлись предводителями всѣхъ парижскихъ возмущеній. Генералъ *Ламорисьеръ* воспротивился немедленному рѣшенію о столь важной мѣрѣ, касающейся перваго учебнаго заведенія въ Европѣ, требовалъ, чтобы ее предварительно разсмотрѣли и отвергли бы рѣшеніе коммиссіи. Собраніе почти единодушно согласилось съ этимъ мнѣніемъ. Затѣмъ оно рѣшило допустить къ третьему разсмотрѣнію вторую часть закона, а потомъ продолжало пренія о бюджетѣ морскаго министерства и разрѣшило учредить въ колоніяхъ два епископства. Въ 7 часовъ *президентъ* объявилъ, что засѣданіе закрыто, и представители встали уже съ мѣсто своихъ, когда вошелъ на трибуну г. *Кремьё*, чтобы спросить министровъ и представителей, намѣрены ли они принять участіе въ завтрашнемъ торжествѣ, но члены большинства воспротивились преніямъ объ этомъ вопросѣ, и г. *Кремьё* принужденъ былъ ограничиться засвидѣтельствованіемъ (constat), что Зак. С. не приметъ участія въ завтрашнемъ праздествѣ въ память провозглашенія республики. *Сегюръ д'Аессо* также пытался говорить, но члены большинства громко требовали закрытія засѣданія, что и было исполнено.

— Говорятъ, что г. *Сю* сбрилъ бороду и усы, какъ ско-

ро узналъ, что выбранъ въ представители. Демократы думаютъ, что это не добрый знакъ.

— Уличные продавцы журналовъ продаютъ запрещенные журналы, обвертывая ихъ въ позволенные, и такимъ образомъ обманываютъ бдительность полиціи.

— Говорятъ, что къ г. *Прудону* запрещено допускать посѣтителей.

4-го. Праздникъ прошелъ спокойно; ему благоприятствовала прекраснѣйшая погода. Съ 24 февраля 1848 года не было ни одного столь блистательнаго праздника. Въ 10 часовъ утра былъ благодарственный молебенъ въ соборѣ Парижской Богоматери, при которомъ присутствовали: префектъ Сенскаго департамента, многие меры и члены муниципальной коммисіи. Музыка всѣхъ легионовъ національной гвардіи принимала участіе въ этомъ религіозномъ торжествѣ. Впрочемъ, въ соборѣ было только нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ прочихъ парижскихъ церквахъ было также немного народа. Но за то въ публичныхъ мѣстахъ, въ особенности же въ Элисейскихъ-поляхъ, съ утра до ночи толпилось множество народа. Центромъ праздника была площадь Согласія, украшенная съ большимъ вкусомъ и освѣщенная великолѣпной иллюминаціей. На четырехъ концахъ обширной площади были воздвигнуты колоссальныя триумфальныя ворота, постройка которыхъ была поручена искуснѣйшимъ парижскимъ декораторамъ; они были украшены аллегорическими изображеніями и портретами историческихъ лицъ. Триумфальныя ворота, находившіяся близъ Тюильери, были украшены надписью: «Наукамъ и искусствамъ», и портретами Паскаля, Боссюэта и Корнея. Кромѣ того на нихъ были начертаны имена извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ Франціи, Мольера, Вольтера, Руссо, Декарта, Монтескьё и т. д. На противоположныхъ воротахъ (близъ Quai de la Conférence) была надпись: «Земледѣлію», портреты и имена извѣстныхъ агрономовъ. Третьи триумфальныя ворота, на углу улицы Риволи, были посвящены изящнымъ искусствамъ; четвертыя, близъ Avenue Ciatrielle, — торговлѣ. Днемъ, эти ворота были украшены знаменами, а вечеромъ люстрами и жирандолями. Обелискъ, стоящій среди площади, былъ обнесенъ восьмиугольнымъ возвышеніемъ, имѣвшимъ двѣ ступени. На верхней его части лежали огромныя сфинксы, на цоколѣ, которыхъ было начертано: Бона-

парте, Абукиръ, Пирамиды, Геліополісъ; пониже были имена Делормье, Кафарелли, Мюрата, Ларрея и т. д. Великолѣпныя фонтаны, находящіяся по обѣимъ сторонамъ обелиска, представляли очаровательное зрѣлище, особенно вечеромъ, при огняхъ иллюминаціи. Бассейны обоеихъ фонтановъ были украшены дерномъ и цвѣтами. Литые стволы, выходящіе изъ середины бассейновъ, были увѣшаны разноцвѣтными шарами и гирляндами изъ фонарей. Вечеромъ, это освѣщеніе представляло волшебное зрѣлище. Для довершенія очарованія, сирены бассейновъ были окрашены бѣлою краскою и казались живыми, среди блиставшихъ вокругъ нихъ огней. Вокругъ обелиска и площади стояли бѣлые канделябры, блиставшіе позолотою, въ которыхъ горѣли вечеромъ бенгальскіе огни, распространяя волшебный свѣтъ. Сверхъ того, огромная площадь была окружена штандартами и щитами, которые были увѣшаны люстрами и соединялись между собой гирляндами изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Зданіе морскаго министерства было также иллюминировано. Кромѣ того, были иллюминированы, самымъ фантастическимъ образомъ, Тюильрійскій дворецъ и садъ; широкая улица Согласія была уставлена колоннами, на которыхъ горѣли бенгальскіе огни, перковь Св. Магдалины и мостъ Согласія были также блистательно освѣщены. У триумфальныхъ воротъ Звѣзды былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Послѣ обѣда поднялись съ площади Согласія два аэростата; на этой площади играла военная музыка; въ Элисейскихъ-поляхъ были устроены разныя забавы и увеселенія. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ было множество народа; говорятъ, что на площади Согласія и въ Элисейскихъ-поляхъ было до 300,000 человѣкъ. Порядокъ не былъ ни разу нарушенъ. На площадяхъ стояли войска. На Тюильрійскомъ дворѣ былъ настоящій лагерь, но находившимся тамъ солдатамъ не позволялось выходить оттуда. По городу ѣздило множество конныхъ патрулей; народъ пропускалъ ихъ безъ всякаго сопротивленія.

— Коммисія, назначенная для разсмотрѣнія закона о тисненіи, кончила возложенное на нее порученіе. Всѣ парижскіе журналы будутъ платить, въ Сенскаго департамента, штемпельную пошлину въ 10 сантимовъ, считая въ томъ числѣ пересылку по почтѣ. Но нумера журналовъ, не выходящіе изъ Сенскаго департамента будутъ платить только 5 сантимовъ штемпельной пошлины. Всѣ департаментскіе

журналы, безъ разлчя, будутъ обложены штемпелемъ въ 4 сантима. Разумѣется, что это рѣшеніе будетъ еще измѣнено Собраніемъ.

— Одинъ изъ заключенныхъ въ Дуланской цитадели, рядовой солдатъ *Дюкрд*, бросился, въ порывѣ отчаянія, съ высоты 70-ти метровъ. Однакожъ онъ не убили до смерти, а только тяжело рапень.

6-го — *Зак. Соб.* — Президентъ *Дюпенъ* прочелъ предложеніе касательно перечета голосовъ.

Ст. 1-я. Квесторамъ Собранія разрѣшается кредитъ въ 29,984 франка и 80 сантимовъ, на устройство машины для собиранія голосовъ.

Собраніе разрѣшило кредитъ. За тѣмъ, оно перешло къ продолженію преній о бюджетѣ морскаго министерства и утвердило нѣсколько статей. Послѣ чего перешло къ бюджету министерства публичныхъ работъ. Г. *Надо* говорилъ противъ предложенія комиссій, сдѣлать въ этомъ бюджетѣ нѣкоторыя сокращенія, просилъ Собраніе не соглашаться на него, и доказывалъ основательность своей просьбы тѣмъ, что работа лучше другихъ средствъ охраняетъ порядокъ и спокойствіе. За тѣмъ собраніе утвердило, почти безъ преній, 1, 2, 3 и 4 главы бюджета.

— Въ субботу, вечеромъ (4 мая), въ то самое время, когда кончался фейерверкъ, Президентъ Республики предложилъ работавшимъ съ нимъ министрамъ финансовъ, юстиціи и торговли, прогуляться по Парижу. Держа подъ руку г. *Руэ* и сопровождаемый Гг. *Дюма* и *Фульдомъ*, онъ гулялъ среди самой густой толпы и возвратился въ Элизе около полуночи. Во-время прогулки онъ слышалъ въ народѣ много чрезвычайно пріятныхъ и лестныхъ для него отзывовъ, и замѣтилъ, что во многихъ лавочкахъ, раскинутыхъ въ Элизейскихъ-поляхъ, продавали множество вещей, портретовъ и эмблеммъ, напомнившихъ ему славную эпоху Франціи, столь дорогую ему и всей Франціи.

— Г. *Евгеній Сю* выбралъ себѣ мѣсто въ центрѣ Собранія, почти рядомъ съ Гг. *Жюлемъ Фавромъ*, *Дефлоттомъ* и *Видалемъ*.

— Вчера въ церкви Инвалидовъ была панихида по Наполеонѣ. Друзья *Годсфруа Кавеньяка*, умершаго также 5

мая (1845), вѣнчали въ тотъ же день цвѣтами его надгробный памятникъ. *Годсфруа Кавеньякъ* родной братъ нынѣшняго генерала *Кавеньяка*, онъ былъ извѣстенъ во-время монархіи, какъ самый рѣшительный республиканецъ.

6-го — *Зак. Соб.* — На очереди состояло рассмотрѣніе бюджета министерства публичныхъ работъ. Г. *Делессеръ* представилъ докладъ о парижскихъ выборахъ 28 апрѣля. У г. *Евгенія Сю* было большинство въ 8,135 голосовъ. Противъ этого выбора было представлено много проектовъ, но комиссія не сочла ихъ довольно важными, чтобы уничтожить выборы. Что касается до назначенія г. *Сю* подъ именемъ *Евгенія*, то оно не точно, потому-что настоящее его имя *Юсифъ Марія*. Но такъ какъ онъ извѣстенъ подъ первымъ именемъ и изъ документовъ видно, что ему 49 лѣтъ, и что онъ родился Французомъ, то комиссія не обратила на это особаго вниманія. Выборъ этотъ былъ принятъ единогласно. За тѣмъ собраніе продолжало пренія о бюджетѣ.

7-го. — Въ началѣ газеты *Napoléon* напечатано слѣдующее объявленіе:

«Перемѣна редакціи газеты *Napoléon* отложена еще на сутки.

Впрочемъ въ газетѣ все еще печатается имя ея отвѣтственнаго редактора г. *Жакъ*, ея контора все еще находится въ улицѣ *Матиньонъ*, и въ ней, попрежнему, выражаются на наполеоновскія идеи. Между прочимъ въ сегодняшнемъ номерѣ напечатано:

«Народъ, предоставленный самому себѣ, всегда сознаетъ свое политическое положеніе. Онъ всегда угадываетъ зло, и часто находитъ средства противъ него. Къ-сожалѣнію, онъ почти никогда не дѣйствуетъ по собственному внушенію. Онъ находитъ, что гораздо спокойнѣе слушаться своихъ предводителей. Оттого и происходитъ это вліяніе его предводителей, оттого и заблужденія, въ которыхъ они повергаютъ народъ. Но какимъ образомъ можно устранить этихъ предводителей, какъ преодолѣть ихъ могущество? Надо бы неуклонно слѣдовать по пути, однажды принятому въ политикѣ. Ихъ старая тактика, все ихъ дѣйствія имѣютъ цѣлью разсорить защитниковъ порядка. Если это имъ не удается, то они хотятъ заставить вѣрить раздору между тѣми, которыхъ все болѣе и болѣе сближаетъ всеобщая

опасность. Такъ теперь они всѣми силами стараются распространить слухъ о томъ, что люди, занимающіе высшія мѣста, несогласны въ мнѣніяхъ, что предводителямъ партій не удастся возстановить согласія. Но этотъ слухъ совершенно ложень. Напротивъ того, никогда не было болѣе необходимо, какъ теперь, соединяться другъ съ другомъ, и никогда между добрыми гражданами не было столько согласія какъ теперь. Составилось готовое къ битвѣ войско, которое во всякомъ случаѣ съумѣетъ защищаться. Безъ сомнѣнія, съ обѣихъ сторонъ были сдѣланы ошибки, прежде нежели было возстановлено согласіе. Но эти ошибки были заглажены. Чѣмъ болѣе беспокоитъ нашихъ неприятелей эта неожиданная твердость, тѣмъ болѣе они лицемерятъ. Они проповѣдуютъ спокойствіе еще усерднѣе, чѣмъ сама правительственная партія; они хотятъ, чтобы ихъ однихъ считали разсудительными. Разногласіе на счетъ нѣкоторыхъ предметовъ они выставляютъ какъ совершенное разединеніе. Ничто ихъ такъ не обезнадеживаетъ, какъ это забвеніе всѣхъ прежнихъ ссоръ и это совокупное дѣйствіе для спасенія общества. Но такъ-какъ враги наши сами открыли намъ свою слабость и нашу силу, то остается пожелать, чтобы члены умѣренной партіи, къ какому бы мнѣнію они ни принадлежали, остались въ одномъ положеніи, чтобы они поддерживали другъ-друга, и чтобы личныя цѣли не раздѣляли ихъ. Правительство полагаетъ имъ добрый примѣръ».

— Во второй статьѣ, подъ рубрикою: «*Наши права и обязанности*», напечатано слѣдующее.

«У иныхъ людей такое странное понятіе о свободѣ печатанія, что они считаютъ непростительною откровенностью, съ которою мы высказываемъ наши мнѣнія и чувства. Въ ихъ глазахъ все позволительно, кромѣ защиты правительства и общества. Намъ представился вопросъ, отчего же не воспользоваться влияніемъ печатанія для распространенія тѣхъ идей, которыя мы признаемъ самыми полезными для страны; а именно для распространенія наполеоновскихъ идей. Наполеонъ былъ не только завоеватель, онъ болѣе выказалъ своей геніи какъ правитель, нежели какъ полководецъ. Онъ былъ первымъ мыслителемъ своего столѣтія, онъ думалъ за массы, онъ разрѣшилъ болыное число политическихъ и общественныхъ задачъ, наконецъ онъ оста-

вилъ намъ богатое сокровище идей, которыя надобно тщательно распространять и осуществлять. Мы стараемся распространить эти мысли въ массахъ, которыхъ инстинктъ Императоръ такъ хорошо понималъ. Оттого мы и защищаемъ настоящее правительство, которое возбуждаетъ во Франціи самыя дорогія воспоминанія. Печатаніе служить намъ не орудіемъ для потрясенія общества, а напротивъ средствомъ распространять истинныя начала порядка. Мы не официально пользуемся печатаніемъ, но со всею независимостію свободного мнѣнія. Такъ понимаемъ мы наши права и обязанности».

8-то *Зак. Соб.*—На очереди состояло разсмотрѣніе бюджета министерства публичныхъ работъ. Потомъ министр Барошъ представилъ наконецъ проектъ закона о преобразованіи выборовъ; онъ требовалъ, чтобы проектъ былъ признанъ нетерпящимъ отлагательства, и вошелъ на каедрю (*volunté*).

Правительство, сказалъ онъ, принуждено было сдѣлать измѣненіе въ законѣ о выборахъ, потому-что законъ тревожитъ общественное мнѣніе (*citoyens! citoyens!*) Самое опасное изъ настоящихъ постановленій есть то, по которому человѣкъ, который живетъ на мѣстѣ только полгода, можетъ подавать голосъ. Такимъ образомъ одинъ избиратель можетъ поочередно подавать голосъ въ разныхъ департаментахъ. Этотъ недостатокъ надо исправить какъ можно скорѣе. Въ конституціи требуется, чтобы собраніе голосовъ производилось въ дѣйствительномъ мѣстопребываніи. Между-тѣмъ это условіе не исполняется въ избирательномъ законѣ. По этому министерство предлагаетъ устроить такъ, чтобы голосъ могли подавать только тѣ, которые живутъ на мѣстѣ три года, т. е. во все время существованія одного Законодательнаго Собранія. Условія, на которыхъ можно оставаться три года въ одномъ мѣстѣ, будутъ изложены особо. Министерство предлагаетъ считать доказательствомъ этого то, что избиратель платитъ личныя подати въ одномъ мѣстѣ въ теченіе назначеннаго времени. Отъ людей, которые живутъ у родителей, отъ работниковъ и слугъ не требуется, чтобы они платили личныя пошліны, но все-таки они обязаны доказать, что жили на мѣстѣ три года. Оба условія не касаются до солдатъ. И такъ, сообразно съ конституціею, основаніемъ пра-

ва избирательства не будет неенъ. Плата личныхъ подаей требуетъ только для доказательства пребыванія въ одномъ мѣстѣ. Другое недостаточное постановленіе нынѣшняго избирательнаго закона состоитъ въ опредѣленіи условій, препятствующихъ пользоваться правомъ избирательства. Въ новомъ законѣ это измѣнено. Еще недостатокъ нынѣшняго закона состоитъ въ томъ, что для дѣйствительности выбора нужно, чтобы семь восьмыхъ избирателей подавали голоса. Въ новомъ законѣ постановляется, что для перваго собранія голосовъ нужна только четверть внесенныхъ въ списки избирателей. Вакантныя мѣста представителей должны быть заняты не сейчасъ по открытіи ваканціи, а по прошествіи полугода.

Наконецъ министръ требовалъ, чтобы законъ былъ разсмотрѣнъ безъ отлагательства, потому-что онъ возбуждаетъ въ публикѣ волненіе. Гора, которая до-сихъ-поръ молчала, предложила, чтобъ это требованіе оставлено было безъ вниманія. Г. Мишель (*Буржескій*) требовалъ также, чтобы законъ былъ разсмотрѣнъ безъ отлагательства. Онъ говорилъ, что не умѣетъ описать чувства, которое онъ испытываетъ при предложеніи закона, который выражаетъ ложь и лицемеріе. (*Шумъ съ права*). Законъ можетъ быть объявленъ нетерпящимъ отлагательства только при условіяхъ, опредѣленныхъ въ конституціи. Министръ нашелъ только одну причину, безпокойство, которое производитъ законъ.

Я хочу, продолжалъ ораторъ, указать ему на другую, настоящую причину. Бѣдственное положеніе народа заставляетъ правительство прибѣгать къ крайностямъ. Избирателей хотѣтъ наказать за выборы 10 марта и 28 апрѣля въ Парижѣ.

Президентъ напомнилъ оратору о порядкѣ; г. Мишель спросилъ, неужели же послѣ всякаго выбора противнаго правительству, будутъ измѣнять избирательный законъ? Съ нашей республикой хотѣтъ поступить также, какъ поступили съ республикой на берегахъ Тибра. Этотъ законъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе не ранѣе 1852 года, потому-что до-тѣхъ-поръ и выборовъ не предвидится. Я скажу въ заключеніе то, что сказалъ въ началѣ: «вашъ законъ только ложь и можетъ повести только къ междоусобной войнѣ». Многіе товарищи оратора поздравляли его. Г. Густавъ де Бомонъ замѣтилъ, что онъ и друзья его не хотѣли, чтобы требованіе министра было отвергнуто безъ рас-

смотрѣнія только потому, что они желали, чтобы скорѣе былъ рѣшенъ вопросъ о законѣ, который они находятъ несвоевременнымъ. Онъ хотѣлъ также предоставить вреднымъ ученіямъ полную свободу, чтобы правительство видѣло наконецъ, съ кѣмъ оно имѣетъ дѣло, съ чудовищемъ или только съ привидѣніемъ. Г. Викторъ Лефранъ объявилъ, что онъ, напротивъ того мнѣнія, что этотъ проектъ долженъ быть переданъ въ Государственный Совѣтъ. Въ заключеніе, какъ мы уже говорили, значительнымъ большинствомъ положено признать этотъ законъ нетерпящимъ отлагательства.

— Почтовое правленіе обнародовало почтовой доходъ, полученный въ Парижѣ въ первые три мѣсяца 1850 года. Число писемъ, разосланныхъ во внутренности Франціи, простирается до 5,320,000,480,358 болѣе, чѣмъ же въ то же время 1849 года, письма эти принесли доходу 1,127,842 фр., 101,800 фр. болѣе, нежели въ 1849 году. Заграничныхъ писемъ было 725,750 т. е. 25,350 писемъ болѣе нежели въ 1849 году, по причинѣ пониженія платы за пересылку ихъ. Писемъ въ Парижъ и изъ Парижа было отослано и получено 73,833, болѣе нежели въ 1849 году. Дохода онѣ принесли 11,076 фр. болѣе нежели въ 1849 году.

— Въ засѣданіи Академіи Наукъ г. Пулье представилъ докладъ о телеграфическихъ депешахъ г. Фрома. Телеграфъ этотъ пишетъ все извѣстія карандашемъ. Карандашъ дѣлаетъ 2000 движеній въ минуту. Изобрѣтатель надѣется удвоить быстроту этого движенія, такъ что карандашъ въ минуту будетъ ясно писать 1000 буквъ.

10-го Зак. Соб.—На очереди состояли пренія о бюджетѣ Законодательнаго Собранія, который простирается, на текущій годъ, до 7,798,000 франковъ, считая въ томъ числѣ жалованье представителей, равняющееся 6,650,000 франкамъ. Г. Родо предлагалъ сократить этотъ бюджетъ, говоря, что Законодательное Собраніе должно подавать примѣръ экономіи. Г. Демуссо старался доказать, что пренія объ этомъ предметѣ унизительны для Собранія, съ чѣмъ Собраніе и согласилось, утвердивъ бюджетъ безъ пренія. За тѣмъ Собраніе приступило къ разсмотрѣнію главы бюджета, касающейся государственной казны и боль-

нихъ желѣзныхъ дорогъ. Министръ публичныхъ работъ, г. *Бино*, требовалъ, чтобы Собраніе снова разрѣшило кредитъ въ 29 миліоновъ на постройку желѣзной дороги изъ Парижа въ Лионъ.

Этотъ кредитъ былъ отмѣненъ, сказалъ онъ, когда была надежда уступить желѣзную дорогу изъ Парижа въ Лионъ въ руки частной компаніи; но такъ какъ эта надежда не существуетъ болѣе, то я предлагаю возстановить кредитъ въ 29 милліоновъ франковъ.

Г. *Берье* поддерживалъ предложеніе министра публичныхъ работъ, и оно было принято Собраніемъ, которое утвердило за тѣмъ и весь бюджетъ публичныхъ работъ. Потомъ Собраніе перешло къ разсмотрѣнію бюджета министерства финансовъ, и утвердило двѣ первыя главы его: о счетной палатѣ и центральномъ финансовомъ управленіи.

— Въ отдѣленіяхъ Собранія выбирали сегодня членовъ комиссій, для разсмотрѣнія проекта о реформѣ избирательнаго закона. На эти выборы явилось множество представителей. Комиссія составила, какъ мы уже сказали выше, почти изъ однихъ приверженцевъ реформы. Гора не принимала участія ни въ преніяхъ, ни въ выборѣ членовъ комиссій; но средняя партія, а именно: Гг. *Ламорисьеръ*, *Дюфурнель* и *Комбарель де Леваль* сильно возставали противъ реформы. Г. *Леспинассъ*, который самъ предлагалъ подобную же реформу, и г. *Комбарель де Леваль*, одни, изъ всей комиссій, составляютъ оппозицію новому проекту закона. Изъ легитимистовъ наиболѣе говорилъ противъ него г. *Везиъ*. Восемь членовъ прежней комиссій (семнадцати) поступили въ члены новой, которая собиралась уже для совѣщанія и представить свой докладъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

11-го—*Зак. Соб.*—Предсѣдательствовалъ генералъ *Бедо*. По представленію одного изъ членовъ, положено поставить на видъ комиссій, разсматривающей проектъ реформы избирательнаго закона, два прежнія предложенія о томъ же предметѣ. Г. *Пискатори* требовалъ объясненій послѣднихъ происшествій въ Греціи. Министръ иностранныхъ дѣлъ замѣтилъ, что извѣстія, полученные изъ Афинъ, въ-самомъ-дѣлѣ очень горестны; правительство требовало уже у англійскаго министерства объясненія по этому дѣлу.

Въ понедѣльникъ или во вторникъ представить онъ Собранію, согласно съ желаніемъ г. *Пискатори*, все документы касательно греческаго вопроса, чтобы оправдать свое поведеніе (*движеніе*). Какъ только полученъ будетъ отвѣтъ Англій, то онъ поставитъ себѣ въ обязанность отвѣчать на вопросы, которые будутъ ему предложены. Онъ выразилъ надежду, что это отложится не далѣе четверга. Собраніе согласилось назначить четвергъ для возраженій г. *Пискатори*. Затѣмъ продолжались совѣщанія о бюджетѣ министерства финансовъ.

— Праздникъ 4 мая въ Алжирѣ былъ прерванъ ужаснымъ несчастіемъ. Въ этотъ именно день, въ 9 часовъ утра, долженъ былъ произойти взрывъ въ одной изъ галерей Бабъ-эль-ведскихъ каменоломенъ, помощію 4,000 килограммовъ пороха. Такъ какъ въ декабрѣ прошлаго года произведено было нѣсколько такихъ взрывовъ безъ всякаго вреда, то жители хотѣли насладиться этимъ зрѣлищемъ, по мнѣнію ихъ совершенно безопаснымъ. Огромныя толпы народа сошлись къ тому мѣсту; приняты были всевозможныя предосторожности. Въ 8^{3/4} час. зажженъ былъ фитиль, который чрезъ 20 минутъ долженъ былъ зажечь первую пороховую камеру. Вдругъ раздается въ горѣ глухой шумъ, густой дымъ покрываетъ все предметы и страшная масса камней выбрасывается по направленію къ городу. Разстояніе, на которое она была отнесена, изумительно велико; даже многіе стоявшіе въ тысячахъ метрахъ отъ мѣста взрыва были ушибены. Куски скалъ долетали до террасы Касбы. До-сихъ-поръ извѣстно, что убито 8 человекъ; раненныхъ чрезвычайно много. Послѣ такого печальнаго событія, празднество было прекращено. Въ тотъ же день послѣ обѣда произведено было изслѣдованіе о причинахъ этого несчастія.

— Въ продолженіе всего дня 11 мая по городу ходили пѣхотные и кавалерійскіе патрули. Одинъ журналъ утверждаетъ, что въ Парижѣ находится теперь 135,000 человекъ войска, съ 230 орудіями. Венсенъ, откуда можно бомбардировать Сентъ-Антуасское предмѣстіе, и Монъ-Валеренъ, парижская цитадель, ежедневно снабжаются новыми запасами огнестрѣльныхъ снарядовъ.

— Корреспондентъ газеты *Indépendance Belge* пишетъ,

что встрѣтилъ въ Парижѣ какое-то, повидимому, важное лицо, которое сказало ему слѣдующее:

«Гора и тайныя общества приняли рѣшительныя мѣры, для протеста противъ принятія собраніемъ проекта о пересмотрѣ избирательнаго закона, но правительство не дремлетъ. Какъ скоро проектъ закона будетъ принятъ, то правительство не дастъ оппозиціи времени поднять знамя, произнестъ угрозу, не допуститъ ее протестовать, не дозволитъ ей даже показать лицо свое. Прежде нежели оппозиція успѣетъ вступить на путь дѣйствительной борьбы, правительство овладѣетъ всѣми лицами, на которыхъ будетъ лежать хотя малѣйшее подозрѣніе въ сообщничествѣ съ анархистами: журналисты, представители, клубисты заговорщики, военные люди, всѣ тѣ, которые могутъ содѣйствовать возмущенію, будутъ арестованы и заключены въ тюрьмы. Это распоряженіе сдѣлаетъ возмущеніе невозможнымъ, потому-что оно лишится своихъ предводителей, прежде нежели успѣетъ ступить. Это распоряженіе распространится и на провинціи. Никогда еще правительство не ограждало себя отъ безпорядковъ такими вѣрными средствами».

— Вчера было погребеніе знаменитаго химика Ге-Люссака. Погребальная процессія тронулась въ полдень изъ Ботаническаго-сада (Jardin des Plantes), въ которомъ знаменитый ученый жилъ; впереди и позади гроба шло по батальюну пѣхоты. Все парижское ученое сословіе, много знатныхъ иностранцевъ и нѣсколько депутацій, провожали гробъ до могилы.

13-го. — *Зак. Соб.* — На очереди продолженіе преній о бюджетѣ министерства финансовъ. Равно многія остальные главы проектовъ о бюджетахъ другихъ министерствъ прошли безъ преній и вся первая статья общаго бюджета, о расходахъ по министерствамъ, послѣ сбора голосовъ, утверждена.

14-го—*Зак. Соб.*—Предсѣдательствовалъ генераль *Бедо*. Многіе монтаньяры передали Собранію нѣсколько прошеній противъ преобразованія избирательнаго закона. (*Браво съ льва*). За тѣмъ слѣдовали пренія о бюджетѣ расходовъ.

— По точному расчету, 4,500,000 чел. теряютъ право подавать голоса на основаніи проекта реформы избиратель-

наго закона. Коммиссія, разсматривающая этотъ проектъ, собиралась вчера вечеромъ и разошлась послѣ полуночи. Главныя основанія и положенія закона уже установлены, предполагено сдѣлать только нѣсколько частныхъ измѣненій въ пользу сельскихъ жителей. Такъ всѣ сельскіе обыватели, которые въ теченіе трехъ лѣтъ несли дорожную повинность, имѣютъ право голоса. Списки избирателямъ составляютъ меры при пособіи двухъ избирателей, принадлежащихъ къ общинѣ, по указанію мирныхъ судей, которые рѣшаютъ споры. Право голоса можетъ быть дано тѣмъ, которые докажутъ, что пребывали въ одномъ мѣстѣ не меньше трехъ лѣтъ. Сегодня утромъ коммиссія снова совѣщалась съ министрами, вечеромъ докладъ ея будетъ готовъ, а завтра представится Собранію. Докладчикомъ назначенъ г. Леонъ Фоше.

— *Шарль Бланъ*, бывшій директоръ изящныхъ искусствъ, отправился къ своему брату, *Ауи Блану*, въ Лондонъ.

— Правительство принимаетъ свои мѣры противъ всякаго потрясенія; заботливость его касается самыхъ мелочныхъ обстоятельствъ, не забывая главныхъ сторонъ дѣла. Казармы наполнены войсками, солдаты готовы ежеминутно прыгнуться за оружіе и покрыть, съ первымъ ударомъ въ барабанъ, всѣ улицы Парижа, днемъ и ночью, чтобы штыками отстоять его спокойствіе и избавить отъ баррикадъ и убійствъ. Планъ дѣйствій составленъ превосходно генераломъ *Шангарье*: бѣда тому, кто не рѣшится исполнить своей обязанности; онъ предвидѣлъ этотъ случай, при всей его невозможности.

Возмутители не въ состояніи держаться противъ войскъ; генераль *Шангарье* и другіе члены правительства рѣшились дѣйствовать быстро, потушить возмущеніе смѣлою натискомъ и отнять у толпы зачинщиковъ, лвныхъ или тайныхъ, которые впрочемъ всѣ извѣстны. Имъ даже не дадутъ возможности скрыться или бѣжать, какъ это было 13 іюня; они будутъ схвачены при первомъ движеніи. До-сихъ-поръ мѣра, принятая противъ г. *Буле*, произвела только волненіе, дѣйствій еще нѣтъ. Многіе осуждаютъ это распоряженіе, находя, что оно основано только на нѣсколько старомъ законѣ 1814 года. Но въ такое бурное время, какъ наше, нельзя такъ мелко осуждать мѣру безопасности. Говорятъ, что другимъ журналамъ того же враждебнаго на-

правления грозить то же самое. При закрытіи типографіи г. Буле, не было около нея никакихъ собраній, равно какъ и въ остальномъ Парижѣ. Говорятъ, что денежные обстоятельства журнала *la Voix du Peuple* не хороши и что онъ, можетъ-быть, не появится снова.

— Въ «*Bulletin de Paris*», въ номерѣ отъ 13 мая, пишутъ:

«Правительство готовится ко всему съ безпримѣрною дѣятельностію. Сегодня, рано утромъ, изъ венсенскихъ фортовъ привезено множество военныхъ снарядовъ въ казармы, ратушу, префектуру полиціи, Тюильері и проч.

«Три главные штаба въ постоянномъ сборѣ. Главные посты ввѣрены начальству офицеровъ генеральнаго штаба.

«Въ ратушѣ, Тюильері, Военной Школѣ и во всѣхъ отдѣльныхъ фортахъ разставлено множество пушекъ.

«Полиція покрываетъ Парижъ и его окрестности обширною сѣтью, сотканною изъ агентовъ всякаго рода.

«Надъ жилищами извѣстныхъ лицъ бдительно наблюдаютъ, и ни одинъ шагъ этихъ лицъ не скроется отъ глазъ полиціи. Надъ мѣстами собраній демагоговъ равномерно надсматриваютъ.

«Конныя эстафеты безпрестанно скачутъ по всѣмъ направлениямъ, развозя приказы и депеши.

«Вчера публичные собранія, особенно на заставахъ, были предметомъ особеннаго надзора, и кажется, донесенія агентовъ не были удовлетворительны, потому-что сегодня утромъ велѣно принять оборонительныя и наступательныя мѣры всякаго рода.

«Въ окрестности Парижа прибылн, вчера и сегодня ночью, многіе полки, изъ которыхъ одинъ пришелъ изъ Амьена.

«И такъ, мы здѣсь на военной ногѣ, какъ въ мѣстѣ, которое съ минуты на минуту можетъ быть осаждено неприятелемъ. Однакожъ городъ по наружности спокоенъ, и народонаселеніе, повидимому, вполне полагается на защиту, которую обѣщаетъ ему правительство».

15-го Зак. Соб. Г. Ригаль сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о протоколѣ вчерашняго засѣданія, но эти замѣчанія остались безъ послѣдствій. Гг. *Лодренъ*, *Фришонъ* и *Шаррасъ*

представили нѣсколько прошеній противъ реформы избирательнаго закона, подписанныхъ значительнымъ количествомъ лицъ. Г. *Шоффуръ* жаловался на то, что въ Верхне-Рейнскомъ департаментѣ откладываютъ до-сихъ-поръ выборъ представителя на мѣсто г. *Гельденберга*. Министръ *Барошъ* отвѣчалъ, что его слишкомъ поздно извѣстили объ этомъ и что избирательныя коллегии будутъ созданы къ 9 іюня. За тѣмъ г. *Нозль Парфэ* говорилъ о закрытіи типографіи г. Буле. Министръ отвѣчалъ что правительство имѣло полное на это право, потому-что г. Буле былъ уже три раза подъ судомъ и подвергался приговорамъ его. Г. *Пискатори* оправдывалъ поведеніе министра.

— Министръ можетъ быть увѣренъ, сказалъ онъ, что большинство будетъ всегда на его сторонѣ, когда онъ будетъ поступать съ такою же твердostí. Я и мои товарищи почтемъ священною обязанности поддерживать и охранять общественный порядокъ, которому угрожаютъ. 15-го мая я былъ на моемъ постѣ. Я и мои товарищи будемъ всегда готовы противодействовать безначалію, какъ скоро оно будетъ грозить общественной безопасности.

Послѣ нѣсколькихъ словъ г. *Дюпона (Бюссакскаго)*, большинство стало требовать окончанія преній, что и было исполнено. За тѣмъ, гг. *А Туре*, *Мио*, *Мореле* и нѣкоторые другіе члены ихъ партіи представили прошенія противъ избирательнаго закона, а потомъ Собраніе перешло къ разсмотрѣнію состоявшаго на очереди торговаго трактата между Франціей и Сардинскимъ Королевствомъ. Въ единственной статьѣ этого трактата сказано, что Президентъ Республики уполномочивается ратификовать трактатъ 1 мая 1850 года. Собраніе утвердило эту статью. За тѣмъ Собраніе утвердило весь бюджетъ расходовъ на 1850 годъ, 485 гол. противъ 182), и разрѣшило выдать министру внутреннихъ дѣлъ 1,225,000 фр., на перевозъ арестантовъ.

16-го Зак. Соб. Въ началѣ засѣданія, пятнадцать представителей представили Собранію прошенія противъ закона объ избирательной реформѣ. За тѣмъ на очереди состояли вопросы т. *Пискатори* министру иностранныхъ дѣлъ, относительно Греціи.

Генералъ Лагиттъ. Въ засѣданіи, бывшемъ въ прошедшую субботу, я имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Собранія,

что правительство Республики, получивъ прискорбное и неожиданное извѣстіе о неуспѣхѣ нашего посредничества въ переговорахъ, производившихся въ Афинахъ, сочло своею обязанностию потребовать отъ англійскаго правительства объясненій. Такъ какъ отвѣтъ, полученный нами, вовсе не таковъ, какому мы въ правѣ были ожидать, полагаясь на дружественныя отношенія между обѣими державами, то Президентъ Республики, согласно съ мнѣніемъ своего совѣта, поручилъ мнѣ отозвать изъ Лондона нашего посланника. (*Взрывъ рукоплесканій.—Продолжительное волненіе.—Гора сначала, также примававшая участіе въ этомъ движеніи, умолкла по приглашенію некоторыхъ изъ своихъ членовъ*). Чтобы объяснить Собранію причины, побудившія правительство принять эту мѣру, я считаю нужнымъ прочесть письмо, адресованное мною по этому предмету къ г. Друэню де Люю:

«Посланнику въ Лондонѣ, г. Друэню де Люю.

«Парижъ 14 мая, 1850 г.

«Въ совѣтѣ Президента, какъ я имѣлъ уже честь увѣдомить васъ, происходили совѣщанія объ отвѣтѣ лондонскаго кабинета на требованія, которыя вамъ поручено было представить ему. Изъ моихъ прежнихъ депешъ вы могли предвидить рѣшеніе правительства Республики. Франція, руководимая духомъ доброжелательства и мира, рѣшилась предложить свое посредничество для окончанія, на благородныхъ условіяхъ распри, возникнувшей между Великобританіей и Греціей.

«Съ общаго согласія положено было, что принятая Англіею принудительныя мѣры будутъ прекращены на время переговоровъ, и что если соглашеніе, признанное удобнымъ со стороны французскаго повѣреннаго, будетъ отвергнуто повѣреннымъ Англіи, то сей послѣдній долженъ донести объ этомъ въ Лондонъ, прежде чѣмъ прибѣгнуть вновь къ силѣ. Мы получили на этотъ счетъ самыя формальныя обѣщанія; но обѣщанія эти не слержаны.

«Отсюда произошелъ тотъ прискорбный результатъ, что предъ самымъ полученіемъ въ Афинахъ проекта конвенціи, составленной и окончательно утвержденной кабинетами парижскимъ и лондонскимъ и главныя основанія которой тамъ были уже извѣстны,—Греція, снова атакованная англійскимъ флотомъ, не смотря на представленія, сдѣланныя

французскимъ повѣреннымъ, вынуждена была, для избѣжанія конечнаго разоренія, принять условія ультиматума, несравненно строжайшаго. Получивъ извѣстіе объ этомъ странномъ окончаніи нашего посредничества, мы сочли его слѣдствіемъ какого-нибудь недоразумѣнія. Мы надѣялись, что лондонскій кабинетъ признаетъ какъ бы несуществующими эти прискорбные для всѣхъ результаты, происшедшіе лишь въ-слѣдствіе нарушенія даннаго намъ обѣщанія, и не нарушитъ конвенціи, которую мы вмѣстѣ съ нимъ составили.

«Вамъ поручено было потребовать отъ него по этому предмету объясненій. Такъ какъ требованіе это не было принято въ уваженіе, то мы считаемъ дальнѣйшее пребываніе ваше въ Лондонѣ несомвѣстнымъ съ достоинствомъ Республики. (*Громкія рукоплесканія*). Президентъ поручилъ мнѣ пригласить васъ возвратиться во Францію, аккредитовавъ г. Марескальки въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Онъ поручилъ мнѣ также объявить вамъ полную признательность правительства Республики за старанія, искусство, духъ миролюбія и твердости, обнаруженные вами при веденіи этихъ переговоровъ, обезпеченіе успѣха которыхъ было не въ вашей власти.

«Прошу васъ сообщить настоящую депешу лорду Пальмерстону. *Подп. де Лагиттѣ»* (*новыя рукоплесканія*).

«Едва только было окончено чтеніе депеши, какъ въ Собраніе вошелъ г. Друэнь де Люю, прибытіе котораго произвело на присутствовавшихъ самое живое впечатлѣніе.

Исполняя желаніе Собранія, продолжалъ министръ, я имѣю честь представить всѣ документы, касающіеся этихъ переговоровъ. Собраніе, вѣроятно, согласится, что оно не можетъ приступить къ серьезнымъ преніямъ, прежде чѣмъ каждый изъ его членовъ будетъ имѣть возможность прочесть всѣ бумаги, относящіяся къ этому сложному дѣлу, и по нимъ судить о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства.

Многіе голоса: Да, да! ихъ надобно напечатать!

Собраніе постановило, что документы будутъ напечатаны и розданы представителямъ. За тѣмъ слѣдовало сильное волненіе и засѣданіе на нѣсколько минутъ прекратилось. По возобновленіи его, министры морской и публичныхъ работъ представили требованія о кредитахъ. Собраніе перешло къ преніямъ о бюджетѣ доходовъ.

— Въ гаврскомъ журналѣ напечатано, что въ Гаврѣ получены министерскія депеши, предписывающія оставить на военную погу всѣхъ матросовъ, имѣющихъ отъ роду отъ 20 до 40 лѣтъ. Говорятъ, что получено также приказаніе о томъ, чтобы въ нашихъ военныхъ гаваняхъ были произведены въ наискорѣйшемъ времени сильныя вооруженія.

17-го Зак. Соб. Предсѣдательствовалъ г. Дюпень. При открытіи засѣданія, между представителями царствовало величайшее волненіе. Министръ иностранныхъ дѣлъ потребовалъ слова и сказалъ посреди наступившей внезапно тишины, что онъ удивляется молчанію сегодняшняго Монитера о сдѣланномъ вчера Собранію важномъ сообщеніи (касательно отозванія изъ Лондона французскаго посланника) и требуетъ, чтобы бюро Собранія объяснило причины этого упущенія. Президентъ отвѣчалъ, что причиною этому было то, что Мониторъ получилъ упомянутое сообщеніе послѣ другихъ журналовъ. Конечно, нельзя не пожалѣть объ этомъ упущеніи, но оно сдѣлано было невольно, при томъ же важность сообщенія отъ этого нисколько не теряеть, а какимъ образомъ оно было принято Собраніемъ, это извѣстно всѣмъ, не только во Франціи, но и за границей. Впрочемъ оно будетъ сегодня же напечатано въ дополненіи къ Монитеру.—*Наполеонъ Жеромъ Бонапарте* представляетъ прошеніе противъ избирательной реформы. (*Одобреніе съ льва, шумъ съ права*). Всѣ члены горы представляютъ подобныя же прошенія. Гг. *Бурза* и *Міо* приглашаются Президентомъ къ порядку за произнесенныя ими неприличныя выраженія противъ Собранія. За тѣмъ министръ финансовъ представилъ Собранію часть документовъ, о которыхъ упоминается въ предложеніи г. *Ригалля*. Коммиссія, разсматривавшая требованіе о дозволеніи преслѣдовать судебнымъ порядкомъ г. *Лабуле*, объявила себя противъ этого требованія. Собраніе утвердило рѣшеніе коммиссіи, и обратилось къ преніямъ о бюджетѣ доходовъ; статьи 10, 11, 12 и 13 приняты безъ измѣненій.

Принятіе Законодательнымъ Собраніемъ предложенія г. *Ригалля* чрезвычайно важно. Онъ, какъ извѣстно, требовалъ, чтобы прежде чѣмъ начнутся пренія о новомъ избавительномъ законѣ, Законодательному Собранію представлено было статистическое обозрѣніе выборовъ. Газета *National* об-

народовала еще прежде подобное обозрѣніе, но его считаютъ не совсемъ удовлетворительнымъ. Изъ него видно между прочимъ, что 3,500,000 избирателей должны лишиться своего права вслѣдствіе новаго закона о выборахъ; полагаютъ, что это число окажется еще несравненно значительнѣе, если будетъ произведено надлежащее официальное изслѣдованіе. Рѣшеніе Собранія о принятіи предложенія г. *Ригалля* многіе считаютъ невыгоднымъ для избирательнаго закона, и даже смотрятъ на это рѣшеніе, какъ на пораженіе министерства.

— Журналы гаврскіе, ліонскіе и брестскіе подтверждаютъ извѣстія о наборѣ матросовъ и объ укрѣпленіи всѣхъ военныхъ гаваней.

— Парижъ, 16 мая. Газета *la Patrie*, по случаю разрыва съ Англіею, говоритъ слѣдующее: «Правительство приняло рѣшеніе, которое обрадуетъ всѣхъ Французовъ. Нашъ посланникъ въ Лондонѣ, г. *Друэнъ де Люи*, отозванъ; онъ уже прибылъ въ Парижъ. Мы не станемъ повторять здѣсь тѣхъ обстоятельствъ, которыя побудили наше правительство къ этому энергическому дѣйствію; онъ были уже представлены нашимъ читателямъ во всей ихъ истинѣ. Мы считаемъ себя счастливыми, что первые пригласили правительство, совѣтоваться въ этомъ дѣлѣ только съ чувствомъ нашего національнаго достоинства, дерзко оскорбляемымъ чужестраннымъ министромъ, который, надбѣясь на содѣйствіе нашихъ революціонеровъ, думаетъ, что онъ можетъ дозволить себѣ все въ отношеніи къ Франціи.

«Разсказъ одного англійскаго журнала, именно *Times*, который привели во вчерашнемъ номерѣ, разоблачаетъ совершенно тѣ хитрости, посредствомъ которыхъ *лордъ Пальмерстонъ* хотѣлъ сдѣлать недействительною конвенцію, заключенную имъ съ нашимъ посланникомъ, относительно греческихъ дѣлъ. Съ одной стороны, *лордъ Пальмерстонъ* послалъ къ г. *Уэйзу* приказаніе, поспѣшить окончаніемъ распри, употребивъ для этого силу; а съ другой, чтобы дать г. *Уэйзу* время исполнить его инструкціи, онъ послалъ ему лондонскую конвенцію черезъ Берлинъ и Вѣну, такъ чтобы она пришла къ нему спустя уже два дня послѣ того, какъ г. *Уэйзъ* достигнетъ результата своихъ насильственныхъ дѣйствій.

«Велѣдствіе сего наше правительство требовало отъ англійскаго кабинета отозванія г. *Уэйза* или же его порицанія. Но въ Верхней Палатѣ, несторъ англійскаго кабинета, маркизъ *Лансдоунъ*, дозволилъ себѣ распространиться въ такихъ похвалахъ на счетъ г. *Уэйза*, что англійское правительство не могло уже порицать своего агента. Такимъ образомъ требуемое удовлетвореніе сдѣлано не было, и г. *Друэнъ де Люи*, отозванный французскимъ правительствомъ, выѣхалъ изъ Лондона.

«Если англійское министерство не сдѣлаетъ намъ удовлетворенія въ другомъ видѣ, то надобно ожидать, что въ скоромъ времени и англійскій посланникъ выѣдетъ изъ Париза.

«Дѣйствія французскаго правительства, въ этихъ обстоятельствахъ, вполне достойны похвалы и заслужаютъ одобреніе всей страны».

— Г. *Уэйзъ*, нынѣшній агентъ англійскаго правительства въ Греціи, находится въ родствѣ съ Президентомъ Республики: онъ женатъ на *Летиции Бонапарте*, дочери князя *Кашино* и сестрѣ *Пьера Бонапарте*.

— La Presse увѣряетъ, что въ теченіе одного дня прошеніе противъ закона объ избирательной реформѣ подписано болѣе чѣмъ 10,000 человекъ.

18-го.—Зак. Соб. Нѣкоторые изъ членовъ Горы представили прошенія противъ преобразованія избирательнаго закона. Послѣ краткаго историческаго вступленія, въ которомъ порицался упомянутый законъ, докладчикъ указалъ на его теперешніе недостатки, заставившіе правительство составить проектъ о его преобразованіи. Коммиссія вполне согласна съ мнѣніемъ правительства, что нынѣ существующій законъ служитъ поводомъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Нынѣ существующій законъ дозволяетъ, на примѣръ, участвовать въ избраніи такимъ людямъ, которые прожили шесть мѣсяцевъ на одномъ мѣстѣ. За тѣмъ докладчикъ старался доказать, что новый проектъ закона не противорѣчитъ Уложенію и имѣетъ цѣлю удалять только отъ выборовъ людей, могущихъ имѣть на нихъ дурное вліяніе. Впрочемъ коммиссія намѣрена предложить къ новому проекту измѣненіе, и требуетъ, чтобы Собраніе признало его нетерпящимъ отлагательства. За тѣмъ докладчикъ

прочелъ самый текстъ проекта; пренія о немъ назначены на 21 мая.—На очереди состояло продолженіе преній о бюджетѣ.

Вчера былъ вечеръ у Президента Республики, на которомъ присутствовали весь дипломатическій корпусъ, за исключеніемъ одного только англійскаго посланника, Лорда *Норменби*.

21-го.—Зак. Соб. Представители собрались, на этотъ разъ, въ надлежащее время. Въ 12 часовъ наполнились всѣ трибуны, устроенныя для постороннихъ зрителей. Во внутренности зданія всѣ караулы были удвоены. Передъ зданіемъ стояло множество народу. Почти всѣ члены Горы представили прошенія противъ избирательной реформы; это продолжалось около четверти часа. Собраніе приняло безъ преній нѣсколько мѣстныхъ проектовъ законовъ. За тѣмъ, президентъ *Дюпенъ* объявилъ, что на очереди состоятъ пренія объ избирательной реформѣ, (*движеніе*) и что Собраніе должно предварительно рѣшить, признаетъ ли оно проектъ объ этой реформѣ нетерпящимъ отлагательства, а потомъ уже перейти къ самому проекту. *Шарль Лагранжъ* старался доказать, что проектъ закона противенъ государственному уложенію Франціи и потому его должно отвергнуть. Г. *Дефлоттъ* также говорилъ противъ закона и старался доказать, что его не должно признавать нетерпящимъ отлагательства. Послѣ этихъ двухъ ораторовъ, никто не пожелалъ говорить о необходимости признать или не признать законъ нетерпящимъ отлагательства и потому президентъ приступилъ къ собранію голосовъ. Собраніе признало проектъ закона объ избирательной реформѣ нетерпящимъ отлагательства (461 противъ 239) (*всѣхъ подававшихъ голоса было 700*). За тѣмъ вошелъ на трибуну генералъ *Кавеньякъ*; онъ говорилъ противъ проекта о реформѣ. Г. *Шолье* говорилъ въ пользу его. Послѣ говорилъ г. *Викторъ Гюго*, и старался доказать, что общее право участія въ выборахъ не должно быть ограничиваемо. Г-ну *Виктору Гюго* возражалъ г. *Жюль де Ластери* и упрекалъ его въ томъ, что онъ добивался когда-то достоинства пера. Нѣкоторые представители стали было требовать окончанія преній, но большинство не согласилось на это требованіе. Г. *Паскаль Дюпра* говорилъ противъ реформы.

— Полиція произвела прошедшею ночью нѣсколько домовыхъ обысковъ и даже арестовала нѣсколько человекъ. Газета *Evénement* утверждаетъ, что полиція нашла на слѣдъ одного изъ проживающихъ въ Лондонѣ политическихъ бѣглецовъ, который возвратился на-дняхъ въ Парижъ тайкомъ.

— Французское правительство обнародовало официальные статистическія свѣдѣнія объ избирателяхъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что число избирателей, участвовавшихъ въ послѣднихъ выборахъ, простирается до 9,936,000; число же обязанныхъ платить личную подать только до 5,381,000. Такъ какъ проектъ объ избирательной реформѣ устраняетъ отъ выборовъ всѣхъ неплатящихъ податей, то если этотъ проектъ будетъ утвержденъ Законодательнымъ Собраніемъ, то 4,555,000 избирателей лишатся права участвовать въ выборахъ.

— Въ сегодняшнемъ номерѣ газеты *Napoléon* напечатана статья объ отозваніи г. *Друэна де Люи* изъ Лондона, въ которой говорится, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ первый разъ, со времени несчастной битвы при Ватерлоо, возстаетъ Франція противъ своей пятнадцатой гордой соперницы. Это возстаніе не похоже на безсильную комедію, разыгранную въ 1840 году, и такъ печально кончившуюся.

Вся нація будетъ вторить одобренію, изъявленному большинствомъ, одобренію, значеніе котораго демократическіе журналы напрасно стараются уменьшить. Наслѣднику безсмертнаго имени, погребеннаго въ скалахъ Св. Елены, было суждено сдѣлаться мстителемъ за наше долгое униженіе. Выборъ 10 декабря дѣлается съ каждымъ днемъ яснѣе и понятнѣе. Партіи будутъ вынуждены сознаться въ этомъ и искать точку опоры, если онѣ хотягь устоять, въ избранникѣ 10 декабря».

— 20-го мая скончалась въ Парижѣ *Маркиза де Богарне*.

— Генералъ *Барагэ д'Илье* присутствовалъ сегодня въ Собраніи, въ первый разъ по возвращеніи изъ Рима; мѣсто

его тамъ занялъ генералъ *Жело*. Г. *Барагэ д'Илье* вошелъ въ залу въ то время, когда пренія объ избирательномъ законѣ были уже начаты; впрочемъ онъ успѣлъ сказать своимъ товарищамъ нѣсколько словъ о римскихъ дѣлахъ. Сколько намъ извѣстно, говоритъ журналъ *le Siècle*, почтенный генералъ недоволенъ положеніемъ Французовъ въ Римѣ; онъ не скрываетъ опасеній своихъ на счетъ того, что это положеніе можетъ сдѣлаться очень невыгоднымъ для Франціи, не только въ отношеніи финансовъ, но и въ отношеніи къ вѣдшей ея политикѣ.

— Правительство само оцѣнило важность несогласій, возникшихъ между Англіею и Франціею; разославъ во всѣ департаменты слѣдующую телеграфическую депешу, объясняющую настоящее положеніе этого дѣла:

«Парижъ попрежнему спокоенъ. Извѣстіе объ отозваніи г. *Друэна де Люи*, по поводу греческаго вопроса, принято Собраніемъ съ восторгомъ. Впрочемъ по всей вѣроятности, не смотря на этотъ случай, согласіе между Франціею и Англіею не будетъ нарушено.»

22-го.—*Зак. Соб.* Очень многіе члены Горы представили большое число прошеній противъ реформы избирательнаго закона. Г. *Ларошжакленъ* представилъ подписанное 250 лицами прошеніе, объ обращеніи къ народу до начала собранія пользоваться объ этой реформѣ. На очереди состояло продолженіе преній объ избирательномъ законѣ. Коммиссія раздала представителямъ исправленный ею проектъ.

Г. *Бешаръ* говорилъ въ пользу закона и опровергалъ слова г. *Кавеньяка*, который доказывалъ въ предъидущемъ засѣданіи, что этимъ закономъ хотягь возвратиться къ прежнему порядку вещей. До послѣдней революціи правомъ избранія пользовались только тѣ, которые платили извѣстную сумму податей: этимъ пріобрѣтали они гражданство. Новый законъ беретъ во вниманіе только мѣсто жительства избирателей и нисколько не противорѣчитъ Уложенію 1848 года, потому-что народъ есть собраніе гражданъ, связанныхъ между собою собственностию, семействомъ и общимъ отечествомъ. Къ нему нельзя причислять бродягъ, преступниковъ и праздношатающихся. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для опредѣленія мѣста жительства, правительство

считает принадлежность лица къ известной общинѣ по взносу личной подати. Предложенный проектъ вообще не противорѣчитъ нисколько естественному праву и писаннымъ законамъ; при всемъ томъ Коммиссія сдѣлала въ немъ нѣкоторыя облегчительныя измѣненія. Ораторъ выразилъ сожалѣніе, что, имѣя въ виду общее благо, дѣлаютъ уступки дурнымъ началамъ. По его мнѣнію, слѣдовало бы требовать отъ избирателей принадлежности къ известной общинѣ: тамъ находимъ мы семейство, трудъ, нравственность. На этомъ пути предлагаемый законъ есть только первый шагъ. Изъ числа избирателей слѣдовало бы исключить всѣхъ тѣхъ, кто не пользуется добрымъ именемъ: такимъ образомъ удалены были бы неоплатные должники, люди болѣе опасные для государства, нежели нищіе: они въ революціонное время нападаютъ на общество какъ коршуны.

— Я прошу моихъ политическихъ друзей, сказалъ онъ въ заключеніе, принять законъ, потому-что государству грозитъ варварство.

Г. Кане говорилъ противъ проекта. Онъ всегда всѣми силами поддерживалъ спокойствіе, но объявляетъ себя противъ реформы избирательнаго закона, потому-что она противорѣчитъ Уложенію. Во-время преній о 23 статьѣ, ясно выразилось нежеланіе Учредительнаго Собранія требовать отъ избирателей, не только платы пребыванія въ одномъ мѣстѣ; это выражено и въ самомъ Уложеніи. Предлагаемый законъ несправедливъ, потому-что исключаетъ изъ числа избирателей большое число работниковъ, вполне заслуживающихъ право участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Уложеніе требуетъ только, чтобъ избиратель былъ записанъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ; проектъ говоритъ, что онъ долженъ находиться постоянно на одномъ мѣстѣ, въ продолженіе трехъ лѣтъ; Уложеніе уничтожаетъ всякій ценсъ, проектъ возстановляетъ его. Чиновники могутъ быть избирателями, на основаніи предлагаемаго закона, только послѣ трехлѣтней службы. Относится ли это и къ солдатамъ.

Г. Балъ, членъ Коммиссіи, отвѣчалъ, что нѣтъ.

Г. Кане сказалъ, что въ такомъ случаѣ онъ рѣшительно не понимаетъ закона, который даетъ солдатамъ привилегію тамъ, гдѣ ей менѣе всего можно было ожидать.

Послѣ рѣчи г. Кане засѣданіе было закрыто на четверть часа.

Г. Монталамберъ опровергалъ мнѣніе предъидущаго оратора о томъ, что проектъ закона нарушаетъ Уложеніе. Онъ доказывалъ, что большинство даже слишкомъ шло Уложеніе; (шумъ) онъ подалъ въ свое время голосъ противъ него, но тѣмъ не менѣе повинется ему и говорить это всѣмъ его защитникамъ, которые стараются уничтожить его, чтобъ повредить большинству: большинство соблюдаетъ Уложеніе во всей силѣ и дѣлаетъ это для того, чтобы научить партіи повиноваться закону. Оно позволяетъ себѣ судить о немъ, но требуетъ, чтобы ему повиновались (шумъ). Далѣе ораторъ сказалъ, что не правъ генералъ Кавеньякъ, говоря, что большинство нарушаетъ Уложеніе; не правъ г. Викторъ Гюго, когда говоритъ, что большинство унижалось предъ общимъ правомъ подавать голоса, между тѣмъ, какъ самъ льстился и унижался предъ всѣми партіями и переходилъ изъ одной въ другую. (браво съ права, шумъ съ льва). Онъ могъ бы спросить его, на какомъ основаніи обвинялъ онъ коммиссію въ двусмысленномъ поведеніи и трусости, когда самъ клеветалъ на своихъ противниковъ и потомъ трусливо отпирался отъ этого. (браво съ права, сильный шумъ съ льва). Кто можетъ сказать, что большинство нарушило Уложеніе? Только тѣ развѣ, которые вѣчно строили козни, и впередъ будутъ дѣлать тоже, чтобы получить министерскій портфель, мѣсто посланника или префекта полиціи.

Г. Лагранжъ. А я?

Г. Монталамберъ. Почтенный сочленъ, который меня превралъ, позволить мнѣ сказать ему, что все Собраніе питаетъ къ нему глубокое уваженіе, даже благосклонность за добросовѣстность его политическихъ мнѣній. Но онъ явился слишкомъ поздно. (шумъ съ льва). Онъ почти одинъ ведетъ себя въ отношеніи къ своей партіи, такъ, что поведеніе его заслуживаетъ уваженіе (шумъ). Люди, о которыхъ я говорю, продолжалъ ораторъ, всякій разъ обвиняютъ большинство въ нарушеніи Уложенія, когда мы хотимъ установить политику Франціи, когда мы успокаиваемъ страну, спасаемъ общество. Въ томъ же обвиняютъ насъ и теперь, когда мы хотимъ искоренить злоупотребленія, неизбѣжныя при неограниченномъ избирательномъ правѣ всѣхъ (шумъ).

Далѣе г. *Монталамбергъ* выразилъ свое удивленіе, что члены Учредительнаго Собранія, возставшіе прежде на г. Прудона, теперь идутъ по его слѣдамъ.

Генераль *Кавеньякъ* требовалъ слова.

Г. *Монталамбергъ*. Г. Кавеньякъ боролся побѣдиль, ссылалъ въ іюнь: теперь онъ за одно съ Гору. Большинство должно оставить оборонительное положеніе и дѣйствовать наступательно противъ вредныхъ ученій. Реформа избирательнаго закона— шагъ къ тому.

Генераль *Кавеньякъ* сказалъ, что слова, сказанныя г. *Монталамберомъ* въ его пользу въ началѣ, возбуждали въ немъ подозрѣніе; онъ былъ правъ: за похвалу послѣдовалъ порицаніе. Чтобы устранить его, стараются хвалить его прошлое поведеніе. Онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія, и въ 1848 году, такъ же какъ и теперь, былъ за общее избирательное право. (*браво съ лѣва*).

Г. Э. *Арагъ* возразилъ г. *Монталамберу*, что и г. *Тьера* обвиняли въ зловерднхъ мнѣніяхъ, когда онъ требовалъ улучшеній. По общему требованію, общія пренія о законѣ прекращены.

— Лордъ *Норменби*, англійскій посланникъ во Франціи, рѣшительно не хочетъ возвратиться въ Парижъ; онъ живетъ въ Версалѣ и не бываетъ на официальныхъ собраніяхъ. Его не было на обѣдѣ, данномъ испанскимъ посланникомъ Герцогомъ *де-Сотомайоръ*, по случаю прекращенія несогласій между Англіею и Испаніею, хотя по своему мѣсту онъ бы долженъ быть въ числѣ главныхъ гостей. Его замѣнилъ первый секретарь англійскаго посольства, г. *Эдвардсъ*.

23-го.—*Зак. Соб.*—Многие члены Горы снова представили прошенія противъ реформы избирательнаго закона. На очередь состояло продолженіе преній о новомъ проектѣ его. Г. *Викторъ Гюго* потребовалъ слова. (*всеобщее вниманіе*) Сначала извѣщился онъ въ слабости и невягкости своего голоса, утомленнаго послѣдними преніями; только необходимостью защититься заставила его встать на трибуну. Три оратора высказали противъ него одинаковыя обвиненія,—Гг. *Жюль де-Ластери*, *Беноаръ* и *Монталамбергъ*. Онъ смотритъ съ презрѣніемъ на рѣзкія слова, сказанныя на его счетъ. Если же хотятъ говорить о мнѣніяхъ чловѣка, то онъ вызываетъ всѣхъ указать хотя на одно противорѣчіе настоящимъ его мнѣніямъ,

которое бы заключалось въ сочиненіяхъ, издаанныхъ имъ съ 1827 г., т. е. въ теченіе 23 лѣтъ. Если не хотятъ принять во вниманіе и этого соображенія, то ему на такія обвиненія остается отвѣчать справедливымъ презрѣніемъ.

Когда я далъ клятву въ чемъ-либо, продолжалъ онъ, то остаюсь ей вѣренъ.

Онъ просилъ только вспомнить, что онъ, послѣ отреченія короля, послѣдній изъ перовъ требовалъ учрежденія регентства. Г. *Монталамбергъ* сказалъ, что онъ не заставитъ ждать своего отвѣта цѣлыя сутки, какъ сдѣлалъ г. *Викторъ Гюго*. Я считаю оппозицію г. Гюго неважною, сказалъ г. *Монталамбергъ*; онъ воспѣвалъ Карла X, ѣздилъ Людовіку Филиппу, теперь онъ поклонникъ радикализма. Г. *Викторъ Гюго* возразилъ на это, что онъ требовалъ фактовъ, а не фразъ. За тѣмъ Собраніе перешло къ очереднымъ занятіямъ и рѣшило, (462 гол. противъ 227); приступить къ преніямъ объ отдѣльныхъ статьяхъ закона.

Ст. 1. Двадцать дней спустя послѣ общародованія настоящаго закона, каждый мѣръ долженъ съ двумя членами общины, по назначенію мирнаго судьи, составить новые списки избирательныхъ. Составленный по этому случаю протоколъ долженъ храниться у мера.

Президентъ объявилъ, что ему подано 37 измѣненій этой статьи. Г. *Ламартинъ* говорилъ противъ 1 и 2-й статьи, въ которыхъ заключается весь законъ, и выразилъ сожалѣніе, что на общее избирательное право жарко возстаютъ тѣ, которые такъ долго защищали его. Онъ самъ высказалъ нѣсколько замѣчаній объ исправленіи нѣкоторыхъ уищженій въ существующемъ теперь законѣ, но это было сдѣлано въ свое время; необдуманная измѣненія и нарушенія постановленій непремѣнно вселяютъ въ народѣ неуваженіе къ закону. Потомъ г. *Ламартинъ* сказалъ, что избирательный законъ не заслуживаетъ взводимыхъ на него обвиненій: на основаніи его составлено было два Собранія, которыя чрезвычайно много сдѣлали для страны. За тѣмъ г. *Ламартинъ* старался доказать, что должно уважать Уложеніе и не подвергать страну новымъ волненіямъ. Засѣданіе прекращено на четверть часа. Многие замѣтили, что галерея дипломатическаго корпуса пуста; поводомъ къ этому былъ споръ между дипломатами и квесторами Собранія. На трибуну взошелъ г. *Барошъ*. Онъ замѣтилъ, что уже поздно и ему нельзя будетъ вдаваться въ подробности, по онъ защититъ правительство. Правительство непод-

чищено нѣсколькими членами большинства и не требуетъ отъ нихъ защиты; оно цѣлѣнѣе ихъ содѣйствіе, но не повинуется никакому постороннему вліянію. Г. *Ламартинъ* сказалъ, что Президентъ Республики отрекался отъ своего посланія, когда правительство составило проектъ избирательнаго закона вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами большинства. Предлагаемый законъ не есть дѣло коммисіи, которую правительство насильно должно было принять. Онъ предложенъ былъ однимъ изъ министровъ, какъ мѣра, необходимая для блага Республики. Въ 1848 году, члены лѣвой стороны выставили неудобства общаго избирательнаго права. Министръ прочелъ при этомъ длинную статью г. *Ламартина* о необходимости измѣнить избирательный законъ. За тѣмъ засѣданіе было закрыто. Президентъ *Дюпенъ* предложилъ распределить пренія такъ, чтобы кончить ихъ въ субботу, (черезъ 2 дня) и тогда же собрать голоса о цѣломъ законѣ.

— Недоразумѣнія между Англіею и Франціею, вѣроятно, не поведутъ къ разрыву. Лордъ *Норменби* оправился теперь отъ легкой болѣзни и почти каждый день совѣщается съ г. *Лагиттомъ*. Сегодня въ первый разъ снова получены депеши изъ Лондона; тотчасъ же созванъ былъ совѣтъ министровъ. Все клонится къ миролюбивому соглашенію. Лордъ *Норменби* получилъ вчера отъ лорда *Пальмерстона* депешу, которую немедленно сообщилъ г. *Лагитту*. Она должна быть очень важна по содержанію: лордъ *Пальмерстонъ*, вѣроятно, излагаетъ въ ней все греческое дѣло съ своей, миролюбивой точки зрѣнія и предлагаетъ въ концѣ полюбовную сдѣлку. Вѣроятно, всю отвѣтственность онъ слагаетъ на барона *Грѣ*. Депеша эта должна была привести г. *Лагитта* въ замѣшательство, потому что она кажется ему неудовлетворительной, а онъ долженъ будетъ согласиться съ доказательствами лорда *Пальмерстона*.

— Толпа близъ зданія, занимаемаго Законодательнымъ Собраніемъ, была сегодня менѣе, нежели въ предъидущіе два дня. На Place de Bourgogne было только нѣсколько любопытныхъ. Не смотря на это, правительство приняло большія военныя предосторожности. Правда, что на улицахъ почти невидны солдатъ, даже менѣе стало попадаться городовыхъ сержантовъ, но всѣ казармы близъ Собранія, на Орсейской набережной, Домъ Инвалидовъ и Военная-Школа наполнены войсками. Въ залѣ des pas perdus и въ конференцъ-залѣ Собра-

нія поставлены койки для солдатъ, которые прежде спали тамъ на соломѣ. Парижъ совершенно спокоенъ. Телеграфическія депеши, полученныя правительствомъ изъ департаментовъ, свидѣлствуютъ, что и тамъ все тихо.

Сегодня въ національномъ Собраніи увѣрили, что между генераломъ *Кавеньякомъ* и *Эмилиемъ де Жирарденомъ* происходило совѣщаніе, при окончаніи котораго оба они дали обѣщаніе забыть прошлую вражду. Последняя рѣчь г. *Кавеньяка* въ Собраніи подтверждаетъ отчасти этотъ слухъ.

24-го Зак. Соб. — Снова представлено было нѣсколько прошеій противъ избирательной реформы. Г. *Греланъ* защищалъ проектъ, доказывая, что онъ нисколько не противорѣчитъ Уложенію, стараясь оправдать большинство отъ обвиненій г. *Виктора Гюго*, и въ заключеніе доказывалъ, что смѣлость возмутителей, главное ихъ оружіе, падетъ предъ силою общества. Г. *Жюль Фавръ* не опровергалъ словъ г. *Грелана*, но разсматривалъ самый проектъ. Послѣ рѣчи г. *Фавра* засѣданіе было прекращено на 20 минутъ, и возобновилось блестящей рѣчью г. *Тьера*. Онъ изложилъ, какъ требовалъ того г. *Фавръ*, причины представленія проекта; онъ давно сознавалъ неудобства общаго избирательнаго права; послѣдніе парижскіе выборы показали, что опасность близже, чѣмъ думали прежде; медлить было невозможно.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, говорилъ ораторъ, что доставило перевѣсъ г. *де Флоту* надъ г. *Клеманъ Томасомъ* 10 марта и г. *Кавенію Сю* надъ г. *Дюпономъ* (изъ Эрсакаго департамента)? То, что оба они послѣдователи радикализма.

Г. *де Флотъ* потребовалъ слова.

Г. *Тьеръ* слѣдовательно выборы въ Парижѣ распространялъ самыя пагубныя ученія. Это, конечно, отвергаютъ здѣсь, но тѣмъ не менѣе правда, что въ предварительныхъ собраніяхъ прямо высказываются эти ученія. Не большинство, а лѣвую сторону Собранія слѣдуетъ обвинить въ двуличности.

Здѣсь члены лѣвой стороны начали громко разговаривать, такъ что словъ оратора нельзя было слышать. Гг. *Бонъ, Навдо* и *Мишо Бутель* были приглашены къ порядку. Въ заключеніе своей рѣчи, очень длинной и часто прерываемой возгласами членовъ Горы, г. *Тьеръ* сказалъ, что если бы большинство принадлежало радикаламъ, то они бы приняли всѣ тѣ мѣры, которыя отвергаются теперь.

— Мы хотимъ улучшить Уложеніе не нарушая его, мы не ввели по этому непрямыя выборы. Уложеніе не говоритъ про мѣсто жительства избирателей, слѣдовательно, оно позволяетъ ставить его условіемъ для гражданъ, чтобы получить право выборовъ; только при постоянномъ мѣстѣ жительства можно ручаться за правдивость избирателей. Не нужно, чтобы они жили на родинѣ своей; они живутъ тамъ, гдѣ платятъ подати; это и взято правительствомъ, какъ средство къ опредѣленію жительства.

25-го Зак. Соб. — Пренія о законѣ начались рѣчью г. де Флота, который удивилъ всѣхъ своею умѣренностію. Въ отвѣтъ на вчерашніе слова г. Тьера, онъ изложилъ причины своего избранія на выборахъ 10 марта. Г. Леонъ Фоссе, докладчикъ, опровергалъ обвиненія своихъ противниковъ и оправдывалъ себя, обвиняя, въ свою очередь, г. Фавра, за поведеніе его при временномъ правительствѣ. Эта часть рѣчи, пѣющая характеръ личности, не имѣетъ никакого отношенія къ закону. Потомъ онъ перешелъ къ самому проекту закона и сказалъ, что съ исполненіемъ нѣкоторыхъ условій, все граждане, на основаніи проекта, могутъ быть избирателями. Къ тому же Уложеніе само указало на нѣкоторые случаи, когда право быть избирателемъ ограничивается. Проектъ закона не удаляетъ хорошихъ работниковъ, а только бродягъ. Выборы 10 марта и 28 апрѣля доказали необходимость представленія этого проекта; они показали, какъ велика опасность; правительство сдѣлало помочь странѣ. Новый законъ замѣститъ существующую бурную оппозицію другою, тихою и спокойною, которая по этому самому важнѣе.

Во всякомъ случаѣ проектъ составленъ въ пользу порядка, въ видахъ общаго блага, и Собраніе докажетъ это принятіемъ его. Г. Ламартинъ хотѣлъ объясниться по личному дѣлу, но Собраніе не стало слушать его. Г. Пьеръ Леру хотѣлъ развить представленный имъ пректъ, но тоже не могъ говорить. Собраніе приняло исправленную комиссіею 1 статью:

«Черезъ 30 дней послѣ обнародованія этого закона, меръ, вмѣстѣ съ двумя выборными пѣ числа жителей общины, по назначенію мирнаго судьи, составитъ избирательный списокъ. Выборные могутъ излагать свои замѣчанія въ протоколѣ, который, вмѣстѣ съ спискомъ хранится, въ канцеляріи мера и показывается всякому желающему».

— Г. де Жирарденъ намѣренъ искать кандидатства въ департаментъ Нижняго-Рейна, на мѣсто г. Гольдсберга. Выборы назначены 9 іюля. Но г. де Жирарденъ вмѣстѣ съ типографшикомъ Плономъ полжежитъ суду, за напечатанное въ Presse прошеніе противъ избирательной реформы. Г. Плонъ сложилъ съ себя отвѣтственность, на томъ основаніи, что онъ ничего не печаталъ безъ утвержденія главнаго редактора, г. де Жирардена. Правительство желаетъ дать этому дѣлу видъ тайнаго печатанія, которое подвергаетъ виновнаго тюремному заключенію отъ 6 мѣсяцовъ до 2 лѣтъ и штрафу отъ 6 до 10,000 фр. Если г. де Жирарденъ будетъ обвиненъ, то, въ случаѣ избранія его въ представителъ, Собраніе должно будетъ сложить съ него это званіе.

— Въ Венсенѣ произведены опыты надъ новымъ родомъ гранатъ, который съ величайшимъ успѣхомъ можетъ быть употребленъ противъ баррикадъ. Эти гранаты изобрѣтены однимъ артиллерійскимъ унтер-офицеромъ. Въ отдаленной части Венсенскаго-лѣса устроили изъ кустовъ баррикаду, за которую поставили 20 большихъ куколъ. Первая граната, брошенная за баррикаду, сбѣла 7, а вторая 17 пѣзъ ихъ. По словамъ газеты «le Dix Décembre», 12-ти такихъ гранатъ будетъ достаточно для очищенія самой большой баррикады.

— У г-на Сальванди собиралось 17 бывшихъ министровъ Людовика Филиппа, при чемъ все единогласно признали необходимость примиренія двухъ линій Бурбоновъ. Другіе говорятъ, что не 17, а 22 бывшихъ министра присутствовали въ собраніи, но что только 17 пѣзъ нихъ подали голосъ въ пользу примиренія.

27.—Зак. Соб.—Собраніе должно было заняться разсмотрѣніемъ 2-й статьи проекта, которую опредѣляютъ, что въ списокъ избирателей вносятся все Французы 21 года отъ роду, не лишеныя правъ и постоянно жившіе въ общинѣ въ продолженіе по крайней-мѣрѣ трехъ лѣтъ, до заключенія избирательныхъ списковъ. Г. Пьеръ Леру долженъ былъ говорить противъ этой статьи; вмѣсто этого онъ сталъ опровергать доказательства Гг. Бароша, Л. Фоссе, Монтамбера и Тьера. Президентъ два раза замѣтилъ ему, что онъ удаляется отъ предмета; г. Леру хотѣлъ продолжать говорить о г. Тьерѣ, но Собраніе лишило его права говорить въ

это засѣданіе. За тѣмъ вошелъ на кафедру г. *Дюпонъ* (изъ *Бюсака*), чтобы защищать предложенное имъ измѣненіе второй статьи. Ему отвѣчалъ докладчикъ, г. *Леонъ Фоме*. Измѣненіе г. *Дюпона* было отвергнуто. За тѣмъ Собраніе отвергло измѣненіе, предложенное гг. *Корномъ*, *Фердинандомъ де Ластери*, *Кокрелемъ* и генераломъ *Кавеньякомъ*.

Его защищалъ г. *Корнъ*: Проектъ нарушаетъ Уложение и лишаетъ избирательнаго права бѣдныхъ гражданъ, неплатящихъ личной подати.

Г. *Ватимениль* поставилъ на видъ, что предлагаемое измѣненіе совершенно уничтожаетъ силу проекта; трехлѣтній срокъ необходимъ потому, что въ такомъ только случаѣ избиратель будетъ въ состояніи при началѣ выборовъ обратиться за совѣтомъ къ тому, въ честности поведенія котораго онъ увѣрился на дѣлѣ, и избѣгнуть пагубнаго вліянія возмутителей.

Г. *Фердинандъ де Ластери* требовалъ слова. Собраніе рѣшило прекратить пренія о предложеніи гг. *Корна* и *Кавеньяка*, и отвергло его. За тѣмъ отвергнуты были предложенія г. *Араби*, который требовалъ, чтобы срокъ былъ только полугодовой; г. *Сен-Рома*, предлагавшаго, чтобы избиратель могъ быть всякій, кто дѣйствительно живетъ въ общинѣ; и г. *Эмилъ Леру*, требовавшаго, чтобы въ первомъ параграфѣ 2 статьи слово «Община» было замѣнено словомъ «Департаментъ». Собраніе приняло безъ измѣненія 2 статью проекта.

28-го.—*Зак. Соб.*—Снова представлены прошенія противъ избирательной реформы. На очереди состояло разсмотрѣніе 3 статьи закона. Г. *Родо* говорилъ противъ этой статьи, на томъ основаніи что она исключаетъ изъ числа избирательныхъ списковъ болѣе 4-хъ милліоновъ лицъ. Г. *Генъ* предложилъ, чтобы мѣсто жительства опредѣлялось: 1) сирвакою, 2) на основаніи 104 статьи гражданскаго кодекса, 3) показаніемъ двухъ избирателей изъ старожиловъ. Проектъ Коммисіи возстановляетъ ценсъ и по этому долженъ быть отвергнутъ. Г. *Фоме* сказалъ, что проектъ исключаетъ изъ списковъ однихъ только бродягъ. Предложеніе г. *Гена* отвергнуто. Г. *Ламорисьеръ* защищалъ предложеніе г. *Моне*, клонящееся къ тому, чтобы мѣсто жительства доказывалось, кромѣ означенныхъ въ проектѣ, еще разными другими способами. Г. *Беррье* въ защиту проекта сказалъ, что постоянное пребываніе

на одномъ мѣстѣ есть залогъ хорошаго поведенія. Всѣ же тѣ, которые, по свойству пхъ занятій, не могутъ оставаться на одномъ мѣстѣ, не исключаются изъ числа избирателей, потому-что семейства пхъ остаются въ общинѣ, а они къ нимъ приписаны. Мѣра, предлагаемая проектомъ, необходима для поддержанія порядка. Генераль *Ламорисьеръ* опровергалъ рѣчь г. *Беррье*. По требованію г. *Фоме*, предложеніе г. *Моне* отвергнуто. Первый параграфъ 3 статьи принять.

— Во французскихъ журналахъ появились новыя копіи только что обнародованныхъ англійскимъ правительствомъ документовъ относительно греческихъ дѣлъ. Эти документы составляютъ довольно толстый томъ. Важнѣйшій изъ нихъ есть депеша, посланная лордомъ *Пальмерстономъ* къ лорду *Норменби*, для сообщенія французскому правительству. Она одна составляетъ цѣлую брошюру, которую, къ сожалѣнію, мы не можемъ, за недостаткомъ времени, передать во всей ея подробности. Мы представимъ, взамѣнъ этого, возможно точный разборъ этой депеши. Не смотря на свой чрезвычайно вѣжливый тонъ, она въ сущности, не дѣлаетъ ни малѣйшей уступки, а напротивъ оправдываетъ вполне поступки лорда *Пальмерстона* и г. *Уэйза*.

«Виконтъ Пальмерстонъ маркизу Норменби. Министерство иностранныхъ дѣлъ,

19 мая 1850 года.

«Правительство Е. В. узнало, къ большому прискорбію, изъ депешъ вашего превосходительства и изъ совѣщаній бывшихъ между мною и г. Друэномъ де Люи, предъ отъѣздомъ его въ Парижъ, что обстоятельства, сопровождавшія окончаніе распри, возникшей между Великобританіей и Греціей, произвели неблагопріятное впечатлѣніе на членовъ французскаго правительства, которое думаетъ, что оборотъ, полученный этимъ дѣломъ въ Афинахъ, свидѣтельствуетъ о неуваженіи къ Франціи со стороны правительства Е. В., и о разрывѣ того согласія, которое существовало между обоими правительствами.

«Правительство Е. В. полагало, что не было надобности увѣрять французское правительство (что впрочемъ ваше превосходительство сдѣлаете теперь), въ томъ, что оно было слѣшкомъ далеко отъ мысли или отъ намѣренія нанести хотя малѣйшее оскорбленіе правительству Франціи, или не оказать

ей того уваженія, которымъ правительство Е. В. обязано въ отношеніи къ ней, какъ по высокому положенію, занимаемому Франціею между великими державами, такъ и по искренности согласія, существовавшаго между ею и Великобританіею.

«Что касается до конвенціи, заключенной между обоими правительствами относительно аонскихъ переговоровъ, то я надѣюсь, что объясненія, которыя ваше превосходительство вмѣстѣ съ симъ имѣете передать, убѣдятъ вполне французское правительство, что условія конвенціи нисколько не были нарушены.

«Для объясненія настоящаго предмета, я долженъ обратить ваше вниманіе на ноту, адресованную мною 12 февраля къ г. *Друэнно де Люи*, въ которой я увѣдомлялъ его о принятіи добрыхъ услугъ (*bons offices*) Франціи, предложенныхъ въ нотѣ г. *Друэнн де Люи* отъ 7-го числа того же мѣсяца.

«Въ нотѣ моей отъ 12 февраля сказано, что такъ какъ правительство Е. В. желаетъ получить удовлетвореніе отъ Греціи, лучше чрезъ дружеское посредничество правительства Франціи, чѣмъ чрезъ употребленіе силы, то и принимаетъ съ удовольствіемъ добрыя услуги Франціи.

«Въ ней также сказано было, что, дабы предоставить французскому уполномоченному полную свободу въ исполненіи его дипломатической обязанности, англійскій адмиралъ прекратитъ принудительныя мѣры и не станетъ возобновлять ихъ повсѣвремя переговоровъ, начатыхъ французскимъ правительствомъ; новмѣстѣ съ тѣмъ прибавлено, что такъ какъ правительство Е. В. не можетъ отказаться отъ требованій вознагражденія, предъявленныхъ имъ греческому правительству, за убытки, понесенные въ Греціи англійскими и ионическими подданными, то дѣйствія эскадры будутъ прекращены не далѣе опредѣленнаго срока, и что они, по необходимости, возобновятся, если по истеченіи этого времени, распрія не получитъ удовлетворительнаго окончанія. Сверхъ того, въ нотѣ было постановлено, что задержанные корабли останутся въ видѣ залога, до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ постановлено окончательнаго рѣшенія; наконецъ въ ней постановлялось также и то, что для предоставления французскому агенту, по возможности, полной свободы въ дѣйствіяхъ, англійскій посланникъ въ Аоннахъ получитъ приказаніе, только въ такомъ лишь случаѣ принимать участіе въ переговорахъ французскаго агента, когда послѣдій самъ пригласитъ его къ этому.

«Такимъ образомъ изъ этой ноты видно, что французское правительство должно было бы понять съ самаго начала, что правительство Е. В. принимало не посредничество, а добрыя услуги (*bons offices*), чтобы получить чрезъ нихъ удовлетвореніе, котораго можно было бы достигнуть и другимъ путемъ, продолжая принудительныя дѣйствія; что правительство Е. В. не отказывалось ни отъ одного изъ предъявленныхъ имъ требованій, и что наконецъ переговоры главнѣйшимъ образомъ должны были происходить между французскимъ агентомъ и правительствомъ греческимъ».

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ утверждается *лордъ Пальмерстонъ*. Далѣе онъ рассказываетъ очень искусно совѣщанія, происходившія каждый день въ Лондонѣ, между имъ и г. *Друэннъ де Люи*. Въ сущности они мало различаются отъ того, что мы уже знаемъ изъ денешъ г. *Друэнн де Люи*. *Лордъ Пальмерстонъ* старается доказать, что добрыя намеренія англійскаго правительства состояли въ слѣдующемъ:

1) Французскій агентъ будетъ одинъ въ правѣ опредѣлять срокъ, когда переговоры съ греческимъ правительствомъ должны считаться неудавшимися.

2) Принудительныя мѣры будутъ прекращены до-тѣхъ-поръ, пока французскій агентъ не объявитъ г. *Уэйзу*, что онъ удалится отъ переговоровъ.

3) Г. *Уэйзъ* не приметъ на себя опредѣленія времени, когда дѣйствія барона *Гро* должны кончиться.

Сверхъ сего, онъ старается доказать:

1) Что англійское правительство предоставило себѣ право возобновить принудительныя мѣры, въ случаѣ, если баронъ *Гро* самъ откажется отъ переговоровъ.

2) Что никогда англійское правительство не отказывалось отъ какого-либо изъ требованій, означенныхъ въ ультиматумѣ 17 января.

3) Что прекращеніе принудительныхъ мѣръ могло продолжаться только въ томъ случаѣ, если бы баронъ *Гро* сдѣлалъ г. *Уэйзу* формальныя предложенія, сообразныя съ положенными выше условіями. Если бы они были признаны удобными, то положили бы конецъ и самому дѣлу; въ противномъ случаѣ, г. *Уэйзъ* долженъ былъ представить ихъ своему правительству и просить у него новыхъ инструкцій.

Для опредѣленія всѣхъ этихъ условій потребно было нѣкоторое время; это продолжалось до первыхъ дней апрѣля. За

тѣмъ лордъ *Пальмерстонъ*, ссылаясь на ходъ самыхъ переговоровъ, старается оправдать себя отъ упрека въ томъ, что онъ слишкомъ поздно извѣстилъ г. *Уэйза* о конвенціи, заключенной въ Лондонѣ между имъ и г. *Друэномъ де Люи*.

Лордъ *Пальмерстонъ* разсуждаетъ очень серьезно о времени отбытія въ Грецію французской и австрійской почтъ; доказываетъ, почему именно нельзя было отправить во-время депеши, чтобы предупредить г. *Уэйза* о томъ, что произошло въ Лондонѣ; но не упоминаетъ ни слова объ обстоятельствахъ, воспрепятствовавшихъ англійскому посланнику въ Афинахъ довести о сообщеніяхъ, сдѣланныхъ ему г. *Гро*; онъ даже, повидимому, не подозреваетъ, что Англія, для такого важнаго дѣла, могла очень легко отправить нарочный пароходъ, тѣмъ болѣе, что Франція, для устройства чужихъ дѣлъ, отправила два такихъ парохода; «*Vauban*» и «*Solon*,» объ отбытіи которыхъ ему, вѣроятно, было извѣстно. По крайней-мѣрѣ, мы не воображаемъ, чтобы французское правительство не уведомило благороднаго лорда о своихъ успіяхъ къ достиженію миролюбиваго результата.

Далѣе лордъ *Пальмерстонъ* излагаетъ событія, происшедшія въ Афинахъ, между тѣмъ какъ его курьеры были еще въ дорогѣ, и разсказываетъ, какъ г. *Гро* предложилъ г. *Уэйзу* условія, которыхъ инструкціи англійскаго уполномоченнаго не позволяли ему принять, и какъ г. *Гро* послѣ этого совершенно отказался отъ переговоровъ.

«Въ концѣ совѣщанія, происшедшаго 22 апрѣля, баронъ *Гро* объявилъ, что, согласно своимъ инструкціямъ, онъ долженъ воздержаться отъ принятія участія въ переговорахъ, и предоставить г. *Уэйзу* дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится,—присовокупивъ, что вслѣдствіе сего онъ отправитъ къ г. *Уэйзу* и *Лондосу* ноты, съ извѣщеніемъ, что на будущее время онъ прекращаетъ всякія официальные съ нимъ сношенія. Г. *Уэйзъ*, донося имъ объ этомъ обстоятельствѣ, присовокупляетъ, что онъ разстался съ г. *Гро* столько же удивленный, сколько огорченный; а 23 числа французскій дипломатъ дѣйствительно отправилъ упомянутыя ноты.... Результатомъ этого было то, что 28 числа съ Греціей произведено было соглашеніе, которое впрочемъ въ сущности мало разнится отъ условій конвенціи, заключенной въ Лондонѣ 18 апрѣля.

«Послѣ этого я спрашиваю, что же именно, въ поведеніи г. *Уэйза* или правительства Е. В. можетъ считаться, по спра-

ведливости, неуваженіемъ къ французскому правительству, нарушеніемъ принятыхъ обязательствъ? Напротивъ, правительство Е. В. думаетъ, что въ этомъ отношеніи ни оно само, ни его министръ въ Афинахъ, не должны опасаться никакихъ упрековъ.

«Я подтверждаю, что правительство Е. В., принявъ добрыя услуги Франціи, которая, равно какъ и ея агентъ въ Афинахъ, выказали много миролюбія и употребили много успій по этому дѣлу,—сожалѣть, что оно кончилось не чрезъ посредство этихъ услугъ. Не желая разбирать въ подробности поведеніе французскаго агента, правительство Е. В. должно однакоже замѣтить, что только неожиданное уклоненіе г. *Гро* передало это дѣло опять въ руки адмирала *Паркера*. Но если оно и не было дѣйствительно рѣшено при посредствѣ французскаго агента, то все-таки переговоры его съ греческимъ правительствомъ много содѣйствовали къ достиженію настоящаго результата, и слѣдовательно, въ сущности, греческое правительство и греческая нація получили большую пользу отъ добрыхъ услугъ Франціи».

Эти слова почти насмѣшка; но чтобы не навлечь на себя упрека въ этомъ, лордъ *Пальмерстонъ* разсуждаетъ очень серьезно о выгодахъ, которыя простекли для Греціи отъ принятія условій адмирала *Паркера*, и о неудобствахъ, которымъ она подверглась бы въ случаѣ прекращенія переговоровъ или принятія проекта, подписаннаго имъ 17 апрѣля въ Лондонѣ. Въ заключеніе лордъ *Пальмерстонъ* извѣщаетъ еще разъ сожалѣніе о неудовольствіи, къ которому дало поводъ это дѣло, и проситъ сообщить настоящую депешу генералу *де Лагиттну*.

— Подтверждается слухъ о сближеніи генерала *Ковеньяка* съ г. *Жиранденомъ*. *Constitutionnel*, органъ партіи порядка, говоритъ о генералѣ *Кавеньякѣ* слѣдующее:

«Дѣятельность этого генерала въ высшей степени важна и необыкновенна. Человѣкъ, который въ продолженіе 6 мѣсяцевъ былъ полновластнымъ диктаторомъ Франціи, который до-сихъ-поръ не отказался отъ надежды на власть и значеніе въ государствѣ, достоинъ изученія. Многія великія дарованія и герои искупали скромную, темную жизнь однимъ днемъ, однимъ случаемъ. Генералу *Кавеньяку* представилось два такихъ случая: первымъ онъ воспользовался со славою, второй былъ имъ упущенъ. 23 іюня 1848 года сражался онъ про-

тивъ уличнаго безначалія, 21 мая 1850 года онъ не захотѣлъ сражаться противъ безначалія закона. Г. *Кавеньякъ* перемѣнилъ 23 іюня свое прежнее скромное, стѣсненное положеніе на положеніе блестящее. 23 іюня онъ былъ мужъ порядка, закона, мужъ государственный. Этимъ привлекъ онъ на свою сторону всѣхъ, которые скорѣе сносили республику, чѣмъ желали ея, которые были счастливы и довольны тѣмъ, что нашли въ немъ демократа, хотя и съ горячей головою, но не демагога, который бы рѣшился пожертвовать для демократіи порядкомъ, отечествомъ и обществомъ изъ-за озлобленнаго и обветшалаго фанатизма. 21 мая уничтожило славу, приобретенную 23 іюня! Изъ мужа порядка генералъ *Кавеньякъ* сдѣлался другомъ газеты *National*, братомъ радикаловъ, защитникомъ террористовъ. Когда-нибудь онъ самъ повторитъ себѣ слова, которыя мы теперь говоримъ ему: «По собственной волѣ потеряли вы довѣріе спасенныхъ вами, никогда не приобретете вы довѣрія тѣхъ, въ которыхъ вы бросали картечи». *La Patrie* увѣряетъ, что г. *Жирарденъ* говорить всѣмъ о своемъ желаніи достигнуть власти; онъ согласенъ даже принять министерскій портфель отъ *Людовика-Бонапарте*, если тотъ согласится на его условія. По его мнѣнію, теперь одинъ *Кавеньякъ* представляетъ собою среднюю партію; онъ обѣщаетъ ему свое содѣйствіе, если тотъ приметъ хотя часть его экономической системы. Генералъ *Кавеньякъ* одинъ стоитъ не ниже обстоятельствъ, которыхъ можно ожидать; поэтому, если онъ дастъ посредствующему лицу письменное обѣщаніе привести въ исполненіе мысли г. *Жирардена*, то этотъ послѣдній откажется въ его пользу отъ принца Жуанвилскаго. Таковъ былъ, по увѣренію *la Patrie*, смыслъ перваго совѣщанія между этими двумя лицами. Генералъ *Кавеньякъ* еще не далъ отвѣта.

— Въ Тулонѣ получено, съ паровою корветтою «Солонь», письмо слѣдующаго содержанія: «Предъ Неаполемъ, 15-го мая. Паровая корветта «Солонь» отправляется завтра къ Тулону; я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Объявляютъ, что, между 20-мъ и 25-мъ числами, эскадра должна оставить неаполитанскій берегъ, для избѣжанія недоразумѣній, въ какия она могла бѣ быть приведена 30-го мая, въ день тезоименитства короля Фердинанда. Вотъ въ чемъ дѣло. 4 мая, годовщина провозглашенія Республики Учредительнымъ Собраніемъ, было для насъ, разумѣется, праздничнымъ днемъ. Всѣ наши корабли, украшенные флага-

ми, салютовали празднеству при восходѣ солнца, въ полдень и вечеромъ. Вы знаете, что, по принятому обыкновенію, тѣ государства, въ которыхъ находятся на ту пору салютующіе корабли, должны отвѣчать на такой салютъ тоже салютомъ; но неаполитанскіе корабли, какъ равно береговые форты и батареи, безмолствовали, и это безмолвіе показалось адмиралу такъ многозначительнымъ, что онъ, не желая отвѣчать неучтливостью на неучтливость, рѣшился, говорятъ, лучше удалиться на-время отъ здѣшняго берега. Здѣсь ожидаютъ прибытія англійской эскадры Средиземнаго-Моря, подъ начальствомъ вице-адмирала *Паркера*.»

— На дняхъ совершенно здѣсь бракосочетаніе младшей дочери г-на *Гизо* съ г-мъ *де-Виттомъ* потомкомъ знаменитаго *Жана де-Витта*, Великаго Пенсіонера Голландскаго. Свидѣтелями были, со стороны невѣсты, г-да *де-Шабо Латуръ* и *Франсуа Делессеръ*, а со стороны жениха виконтъ *Моинотте* и графъ *де-Бланьи*. Въ мартѣ нынѣшняго года, какъ читатели, вѣроятно, помнятъ, старшій братъ г-на *де-Витта* женился на старшей дочери г. *Гизо*.

31-го.—*Зак. Соб.* Пренія объ избирательномъ законѣ кончены; сегодня Собраніе приняло предложеніе г. *Мортимера-Терно*, по которому изъ числа избирателей исключаются тѣ, которые напесли публичное оскорбленіе судьямъ или свидѣтелямъ, и предложеніе г. *Петтемана*, по которому исключеніе простирается и на обвиненныхъ въ преступленіи противъ брака.

Г. *Лагранжъ* требовалъ, чтобы всѣ лишенные избирательнаго права не были приняемы на службу въ войска республики. Предложеніе это отвергнуто Собраніемъ.

Гг. *Ларси* и *Шарансе* предложили замѣнить трехлѣтній срокъ постоянного жительства избирателей двухлѣтнимъ; первое собраніе голосовъ объ этомъ предложеніи не дало рѣшительнаго результата; при второмъ оно отвергнуто, можетъ быть потому, что нѣкоторые изъ членовъ Горы не хотѣли подавать голосовъ. Наконецъ Собраніе приступило къ собранію голосовъ объ всемъ законѣ; для этого представители должны были всходить на трибуну. Одинъ изъ членовъ большинства, г. *Дарблэ* бросилъ свой шаръ въ вазу съ негодованіемъ, желая выразить этимъ, какъ тяжела ему зависимость отъ своихъ сочленовъ, въ которой онъ находится.

Говорятъ, что президентъ, г. *Дюпенъ*, провозгласивъ рѣшеніе Собранія, сказалъ: «теперь составьте постановленіе о примѣненіи этого закона».

Думали, что члены лѣвой стороны не удержатся отъ шумныхъ возгласовъ противъ рѣшенія Собранія; напротивъ, оппозиція выслушала его совершенно тихо; такъ сильно вліяніе, произведенное дружнымъ поведеніемъ большинства.

Г. *Леонъ Фоме* сказалъ, что только завтра представитъ онъ Собранію докладъ о прошеніяхъ противъ избирательной реформы; ихъ теперь, впрочемъ, подаютъ уже гораздо менѣе, чѣмъ прежде.

Большинство, замѣнивъ такимъ-образомъ избирательный законъ, не можетъ оправдываться въ своей перъшпильности опасеніемъ, которое внушала ему прежній порядокъ избранія; оно должно будетъ опредѣлить планъ своихъ дѣйствій съ точностію. Но теперь оно снова начинаетъ раздробляться на части по поводу слуховъ о военной диктатурѣ и о томъ, что правительство намѣрено требовать восстановленія осаднаго положенія въ Парижѣ. Журналъ *l'Ordre*, который жарко защищалъ новый избирательный законъ, выражаетъ, вслѣдствіе этихъ слуховъ, неудовольствіе, и съ безпокойствомъ смотритъ на неопредѣленность поведенія большинства. Слѣшкомъ сильное нападеніе на существующій теперь порядокъ вещей не только не утишитъ страстей, а напротивъ возбудитъ ихъ въ борьбѣ. По всей вѣроятности, представители, которыхъ авторитетъ особенно важенъ для большинства, поймутъ это совершенно.

Г Е Р М А Н І Я .

Франкфуртъ-на-Майнѣ. — Ганаускій судъ, разсматривавшій дѣло объ умерщвленіи генерала *Ауэрсвальда* и князя *Лихновскаго*, приговорилъ: *Георга* къ каторжной работѣ на 20-ть лѣтъ, *Людвига* къ вѣчной каторжной работѣ, *Пфлуга* къ каторжной работѣ на пять лѣтъ съ половиною, а *Кербера* и *Дитриха* къ заключенію въ исправительный домъ, перваго на полгода, послѣдняго на годъ. Сверхъ-того, осужденные объявлены лишеными права носить національную кокарду Курфиршества Гессенскаго.

— 10-го мая, въ часъ по-полудни, австрійскій уполномоченный, графъ *Тунъ*, открылъ засѣданія собравшагося здѣсь Конгресса. Уполномоченнымъ для этого конгресса уже назначены: со стороны Австріи, графъ *Тунъ*, отъ Саксоніи, г-нъ *фон-Цейшау*; отъ Ганновера, совѣтникъ посольства *Детмольтъ*; отъ Вюртемберга, г. *фон-Рейнгардъ*; отъ Баваріи, г. *фон-Ксиландеръ*; отъ Люксембурга, г. *фон-Шерфъ*; отъ Ландграфства Гессен-Гомбургскаго, г. *фон-Гольцгаузенъ*. Во вчерашнее засѣданіе конгресса явились представители четырехъ королевствъ, Шлезвигъ-Гольштейна, Люксембурга, Гессенъ-Гомбурга и Гессенъ-Касселя.

— Газета *Neue Preussische Zeitung* говоритъ, что о франкфуртскомъ собраніи уполномоченныхъ отъ всѣхъ германскихъ государствъ ходитъ много противорѣчащихъ слуховъ; говорятъ, между прочимъ, что во Франкфуртѣ вовсе не думаютъ о восстановленіи прежняго Германскаго Союза, а, напротивъ того, предполагаютъ, вслѣдствіе желанія, не только малыхъ, но и большихъ государствъ Германіи, формально передать Австріи и Пруссіи управленіе вишней нѣмецкой политикой, а для управленія внутренними дѣлами устроить собраніе представителей всѣхъ государствъ, такъ чтобы каждое государство имѣло представителя своего истиннаго матеріальнаго и политическаго значенія. Короче, во Франкфуртѣ заботятся о томъ, чтобы установить центральный органъ, съ правами въ родѣ тѣхъ, которыми пользовалась временная коммиссія; полномочіе же власть союза намѣреваются поручить комиссарамъ Австріи и Пруссіи, присоединивъ къ нимъ совѣтъ изъ уполномоченныхъ отъ отдѣльныхъ государствъ, которые будутъ представлять интересы этихъ отдѣльныхъ государствъ и завѣдывать внутренними дѣлами союза. Мы съ радостію привѣтствуемъ этотъ истинно практическій планъ, говоритъ *Neue Preussische Zeitung*.

— Извѣстно, что вскорѣ послѣ смерти генерала *Ауэрсвальда* предполагали воздвигнуть ему и прусскимъ войскамъ, павшимъ въ одно съ нимъ время, надгробный памятникъ на большомъ франкфуртскомъ кладбищѣ; это предположеніе приводится теперь въ исполненіе. Если судить по началу, то памятникъ, воздвигнутый надъ прахомъ вояковъ, будетъ великолѣпенъ.

— Бывшій пьперскій министръ, г. *Юхмусъ*, оставилъ, падавъ тому нѣсколько недѣль, здѣшній городъ. Онъ формально

вступилъ въ службу Порты и отправился черезъ Лондонъ въ Турцію, гдѣ займется организациею турецкой кавалеріи.

— Пишутъ изъ Берлина: «Первую мысль о конгрессѣ германскихъ владѣтелей возымѣлъ герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій; потомъ мысль эта принята и приведена въ исполненіе прусскимъ правительствомъ. Что касается до Курфирста и Великаго Герцога Гессенскихъ, можно быть увѣреннымъ, что если они и явятся на этотъ конгрессъ, то все-таки не согласятся на результатъ парламентскихъ переговоровъ въ Эрфуртѣ, а потребуютъ соглашенія съ Австріею и другими владѣльцами, невходящими въ составъ прусскаго союза. Г. фон-Радовичъ нѣсколько разъ подавалъ въ отставку, но Король не принялъ его просьбы. Между-тѣмъ, датскій вопросъ все еще не рѣшенъ: копенгагенскій кабинетъ требуетъ, чтобы условія, предлагаемыя Пруссіею, были рассмотрѣны особою шлезвиг-датскою комиссіею, и хочетъ прибѣгнуть къ третейскому суду какой-нибудь великой державы, а Пруссія настаиваетъ на своемъ. Прусскимъ войскамъ запрещено носить германскую кокарду.

Дрезденъ.—Приговоръ суда первой инстанціи, которымъ трое главныхъ участниковъ въ возстаніи, бывшемъ въ маѣ прошлаго года, Гг. *Бакуниъ, Рекель* и *Гейбиеръ*, приговорены къ смертной казни, утверждены высшимъ апелляціоннымъ судомъ и сообщены имъ въ Кеннштетинской крѣпости.

— 20-го апрѣля скончался въ Герлесгаузенѣ, имѣніи Ландграфа Гессенъ-Филипсталь-Бархфельдскаго Карла, принца Гессен-Филипсталь-Бархфельдскій Эрнстъ, генералъ отъ кавалеріи російской службы. Онъ родился 28 января 1789 г. и вступилъ въ російскую службу въ 1807 году, когда Наполеонъ овладѣлъ Курфиршествомъ Гессенскимъ; въ 1812 г., въ бородинскомъ сраженіи, пушечное ядро оторвало ему ногу. Покойный провелъ послѣдніе годы своей жизни въ Бархфельдѣ, гдѣ брѣнные останки его преданы землѣ 23 апрѣля, при многочисленномъ стеченіи народа.

П р у с с і я .

— *Берлинъ*, 8-го мая.—Сегодня прибыли сюда Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, Герцогъ Брауншвейгскій, Великій Герцогъ Саксонскій, Герцогъ Саксенъ-Альтенбургскій и Герцогъ Ангальтъ-Дессаускій, съ наследнымъ Принцемъ, ихъ свѣтлости Князя Шварцбургъ-Зондерсгаузенскій, Рейсъ-Грейцскій и Рейсъ-Шлейскій, Великій Герцогъ Ольденбургскій съ Наслѣднымъ Великимъ Герцогомъ и Наслѣдный Великій Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Наслѣдный Принцъ Саксенъ-Мейнингенскій прѣхалъ уже третьяго дня. Всѣ они остановились въ здѣшнемъ королевскомъ замкѣ. Вчера, въ 7 часовъ вечера, Король равномерно прибылъ въ этотъ замокъ, чтобы приветствовать высокихъ гостей своихъ. Оттуда Король отправился въ оперный театръ, посѣщенный также Королевою и прибывшими великими гостями. По окончаніи спектакля уѣхали опять въ Шарлоттенбургъ. Сегодня, въ 10 часовъ утра, Король дѣлалъ при Кейсбергѣ смотръ тремъ полкамъ 2-й гвардейской кавалерійской бригады. Королева равномерно присутствовала при этомъ воишскомъ зрѣлищѣ.

— 9-го.—Сегодня, въ годовщину подавленія дрезденскаго мятежа, Король угодилъ объѣдомъ, въ Берлинѣ и Шпандау, 1-й и фузелерный батальонъ гренадерскаго полка Императора Александра, принимавшіе дѣятельное участіе въ этомъ подвигѣ. Король почтилъ его праздношествованіемъ присутствіемъ. Передъ объѣдомъ батальоны представлялись въ парадѣ, а за объѣдомъ Монархъ сдѣлалъ привѣтствіе воинамъ. Сперва, вскорѣ послѣ полудня, привѣтствовалъ въ Шпандау батальонъ фузелеровъ, а потомъ отправился въ Берлинъ, чтобы привѣтствовать 1-й батальонъ. Послѣ того, въ 3 часа по-полудни, Король прибылъ въ берлинскій замокъ и пригласилъ съѣхавшихся сюда германскихъ владѣтелей и представителей вольныхъ городовъ въ Красную-залу, на краткое совѣщаніе. Въ 4 часа, Король и Королева, Принцы и Принцессы королевскаго дома и германскіе владѣтели вступили въ большіе апартаменты Короля Фридриха I, гдѣ были собраны, въ полной парадной формѣ, придворные чины, свита присутствующихъ германскихъ государей, представители вольныхъ городовъ, германскіе, министры и совѣтники германскихъ владѣтелей, съѣхавшихъ

ся въ Берлинѣ, и многія другія знатныя лица. Обѣдъ происходилъ въ Бѣлой-залѣ. Послѣ обѣда, Король изволилъ трудиться въ своемъ кабинетѣ, а потомъ, въ 8 часовъ, отправился обратно въ Шарлоттенбургъ, куда скоро прибыла и Королева. Сегодня, въ 8 часовъ утра, изволилъ дѣлать при Крейцбергѣ смотръ тремъ пѣхотнымъ полкамъ, по окончаніи котораго, въ полдень, Монархъ возвратился въ Шарлоттенбургъ.

— 13-го. — Король и Королева обѣдали третьягодня, съ своими высокими гостями, въ шарлоттенбургскомъ замкѣ, а вчера у Принца Прусскаго, въ его берлинскомъ дворцѣ, откуда послѣ обѣда возвратились въ Шарлоттенбургъ. Въ десятую часу вечера Король прибылъ опять въ Берлинъ и почитилъ своимъ присутствіемъ балъ, данный въ честь высокихъ гостей, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ фон-Редерномъ. На этомъ балѣ, на который собрались также всѣ находящіеся здѣсь Принцы и Принцессы королевскаго дома, Монархъ пробылъ до полуночи. Сегодня, въ 11 часовъ утра былъ большой парадъ берлинскаго гарнизона. Король, сопровождаемый Принцами королевскаго дома и большею частию своихъ высокихъ гостей, дѣлалъ смотръ пѣхотѣ, кавалеріи и артиллеріи, а Королева смотрѣла на парадъ изъ оконъ дворца Принцессы. По окончаніи парада отправился обратно въ Шарлоттенбургъ.

— 16-го. — Газета «Гамбургскій Корреспондентъ» напечатала слѣдующій отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ барона Шлейница, на циркулярную ноту австрійскаго правительства отъ 26 апрѣля.

«Императорскій посланникъ при здѣшнемъ дворѣ, баронъ Прокешъ-Остенъ, сообщилъ мнѣ препровождаемое при семь въ копіи повелѣніе своего правительства, которымъ предписывается ему пригласить королевское правительство немедленно отправить уполномоченнаго во Франкфуртъ-на-Майнѣ, чтобы, вмѣстѣ съ представителями другихъ членовъ германскаго союза, получившихъ подобное приглашеніе отъ императорско-королевскаго австрійскаго кабинета, заняться, во-первыхъ, назначеніемъ новой временной центральной власти, вмѣсто той, срокъ которой кончился 1 числа с. м., а во-вторыхъ, пересмотромъ германскаго уложенія.

Королевское правительство вполнѣ раздѣляетъ высказанное въ этомъ циркулярѣ сожалѣніе, что всѣ предыдущія сноше-

нія между Пруссіей и Австріей, по этому дѣлу, не привели ихъ къ соглашенію.

Вполнѣ раздѣляетъ оно также убѣжденіе, что каждый членъ союза непрѣменно обязанъ заботиться о томъ, чтобы дѣла, касающіяся всего государства, управляемы были не иначе, какъ съ согласія всѣхъ членовъ его, и чтобы прежде уложеніе, непримѣнимое въ настоящее время, было преобразовано согласно современному требованію, совокупными усиліями всѣхъ участвующихъ въ союзѣ.

Королевское правительство предлагало для организаціи новаго временнаго правленія мѣры, которыя, по его мнѣнію, представляютъ самое простое рѣшеніе вопроса и наиболѣе соответствующее настоящимъ обстоятельствамъ. Оно должно сложить съ себя всякую отвѣтственность въ томъ, что вслѣдствіе непринятія его предложеній произошло горестное замѣненіе, и срокъ временной центральной власти кончился безъ принятія предварительныхъ мѣръ къ замѣненію ея.

Тѣ же самыя обстоятельства постоянно руководятъ королевское правительство при обсужденіи вопроса о всеобщемъ уложеніи Союза. Только точное сознаніе этихъ обстоятельствъ можетъ согласить между собою различныя взгляды на основанія, на которыхъ должно быть создано новое зданіе; отсутствіе этого сознанія, какъ справедливо замѣчаетъ императорско-королевскій кабинетъ, есть причина тому, что всѣ предыдущія усилія къ единенію остались безъ успѣха.

Эти обстоятельства заключаются, кромѣ происшествій и постановленій конгресса 1848 года, съ одной стороны въ уложеніи Австрійской Имперіи 4 марта 1849 года и тѣсно связанномъ съ нимъ требованіи Австріи о причисленіи къ Союзу всѣхъ частей ея, а съ другой стороны въ свободномъ соединеніи между собою различныхъ государствъ Союза, вслѣдствіе собственныхъ потребностей и безъ пзмѣненія обязанностей ихъ по отношенію ко всему Германскому государству, на основаніи акта 26 мая прошедшаго года.

И такъ Пруссія выводитъ свои заключенія, какъ изъ правъ, освященныхъ трактатами, такъ и изъ современныхъ обстоятельствъ.

Что же касается до предполагаемаго императорскимъ правительствомъ Конгресса членовъ Германскаго Союза во Франкфуртѣ на Майнѣ, то объ этомъ королевское правительство спесется съ союзными ему государствами. Его Величество Король уже отправилъ съ этою цѣлью къ своимъ высокимъ со-

юзникам приглашение посетить его в Берлине лично, в сопровождении ответственных министров, 8 числа с. м., чтобы обсудить вместе путь, по которому нужно следовать.

Последующее поведение королевского правительства будет зависеть от решения этого совещания.

Но между тем оно должно протестовать против того, что, в предлагаемом циркуляре, императорской кабинетъ ссылается на V и VI главы союзного акта, представляя таким образом предлагаемое во Франкфурте-на-Майне собрание, как один из прежних союзных конгрессов, созванных Австрией, на основании права председательства. Союзный конгресс распушен постановлением в 1848 году, поэтому и самое право председательства должно считать уже несуществующим.

Мы можем смотреть на это предложение единственно, как на сделанное одним отдельным государством. Мы полагаем, что Австрия имеет полное право предлагать подобные собрания для совещания об общих интересах, но никак не может допустить, чтобы участие в таком собрании, если какое-нибудь государство считает его лишним, считалось прерогативой и влекло за собою какие-бы то ни было невыгодные для него последствия. Неучастие его в собрании может быть для него только то действие, что решение совещавшихся сочленов на него не распространяется. Те же, которые будут участвовать во франкфуртском съезде, должны смотреть на свои решения, как на касающиеся их исключительно, а не как на всеобщие приговоры, произносимые во имя Союза.

Королевское правительство считает для себя долгом высказать свои мысли об этом предмете; дальнейшие же решения и пояснения его требуют сношения с союзниками Пруссии.

3 мая 1850.

16-го, Было окончательное собрание конгресса германских князей и представителей вольных городов, под председательством Е. В. Короля Прусского. Изложив, в кратких словах, результат восьмидневных совещаний конгресса, Король спросил присутствующих, желают ли они остаться в союз с 26 мая или нет. Все присутствующие отвечали утвердительно. За тем Король спросил мнение присутствующих об изменениях к проекту уложения, которые были

предложены эрфуртскому парламенту. Большинство присутствующих отвечало, что оно согласно в этом отношении с мнением правительства, т. е. согласно принять упомянутые изменения. Но так как не все присутствовавшие были согласны с Пруссией, то было решено учредить для союза временное правительство, с тою целью, чтобы привести к окончанию уложение Союза. Пруссия останется временною представительницею Союза, а права бывшего административного совета будут переданы временной коллегии князей. Наконец присутствующие согласились послать во Франкфурт своих представителей. Король заключил заседание решью, в которой выразил уверенность, что единство Германии утвердится. Эти слова встретили всеобщее сочувствие.

— Их Королевския Высочества Курфиреть Гессенский, Великий Герцог и Наследный — Великий Герцог Баденский и Великий Герцог Саксен-Веймарский; их Высочества Герцог Брауншвейгский и Герцог Саксен-Альтенбургский и их Светлости Наследный Принц Агальт-Дессауский, Княгиня Вальдекская, Князь Рейс-Грейцкий, Князь Рейс-Шлейцский и Князь Шварцбург-Зондергаузенский оставили Берлин и отправились обратно в свои владения.

18-го.—Пронеслось в Шарлоттенбург брасочетание Ея Королевскаго Высочества Принцессы Шарлотты Прусской с Его Высочеством Наследным Принцем Саксен-Мейнингенским.

23-го. — В официальной части прусского Staats-Anzeiger, напечатано сегодня, по приказанию министра внутренних делъ, следующее:

«22 мая. Когда Е. В. Король собирался сегодня, в 12 часовъ, отправиться по желанной дороге в Потсдамъ, какой-то человекъ, стоявший подлѣ, выстрѣлилъ въ него. Провидѣние сохранило жизнь Короля. Король раненъ въ правую руку, пошше локтя, не въ кость, и послѣ первой перевязки немедленно отправился въ Шарлоттенбургъ. Виновный схваченъ; это фейеркеркеръ гвардейской артиллерии, по имени Сефелогге, уволенный 1 октября 1849 нивалидомъ. На немъ былъ мундиръ, который онъ самъ себя сдѣлалъ.

— В газетѣ Deutsche Reforme напечатана телеграфическая депеша, разосланная темъ же министромъ ко всемъ выс-

шимъ провинціальнымъ властямъ, чтобы извѣстить ихъ объ этомъ гнусномъ посягательствѣ. Въ этой депешѣ сказано самымъ положительнымъ образомъ, что Е. В. въ опасности.

24 го. — Въ сегодняшнемъ номерѣ прусскаго Staats-Anzeiger, напечатаны два адреса Королю, одинъ отъ берлинскаго магистрата, другой отъ представителей города Берлина (Stadtverordnete). Въ обоихъ адресахъ выражено горячее участіе къ опасности, которой Е. В. недавно подвергся, и живѣйшая радость, что Провидѣніе сохранило драгоценную для Пруссіи жизнь его.

— Духовное начальство разослало приказаніе, чтобы всѣхъ удаленныхъ отъ Берлина церквяхъ, въ которыя извѣстіе о посягательствѣ на священную особу Короля придетъ поздно, служили бы въ будущее воскресенье благодарственныя молебны, объ избавленіи Е. В. отъ опасности.

— Въ берлинскихъ журналахъ, отъ 25 мая, напечатаны бюллетени о здоровьѣ Короля. Одинъ изъ бюллетеней относится къ вечеру 23 числа, а другой къ утру 24. Изъ послѣдняго видно, что Е. В. провелъ ночь спокойно. Лихорадка уменьшилась; рана очищается самымъ благоприятнымъ образомъ.

— Не смотря на холодность, существующую между прусскимъ и ганноверскимъ дворами, Е. В. Король Ганноверскій, узнавъ о покушеніи 22 мая, написалъ къ Королю Фридриху-Вильгельму собственноручное письмо, въ которомъ поздравляетъ его съ избавленіемъ отъ опасности.

— По официальнымъ извѣстіямъ, Король 26 мая чувствовалъ довольно сильную боль, хотя лихорадка не усилилась; къ вечеру боль утихла и ночь онъ провелъ спокойно; къ утру 27 лихорадка уменьшилась; по наружному виду, рана и опухоль въ прежнемъ положеніи.

— Въ Берлинѣ ежедневно присылаютъ изъ провинціальныхъ городовъ адреса, въ которыхъ выражается самая живѣйшая радость объ избавленіи священной особы Короля отъ грозившей ему опасности.

— Изъ Лейпцига пишутъ, отъ 22 мая, что одно изъ самыхъ замѣчательныхъ зданій тѣхъ мѣстъ, замокъ Нессельроде, приходитъ въ совершенный упадокъ и разрушеніе.

Этотъ замокъ есть родовое помѣстье знаменитаго рода, изъ котораго произошли многіе славные дипломаты нашего времени. Сибилла Нессельроде, вышедшая въ 1511 году за мужа за Готтгарда Кеттлера, передала замокъ въ фамилію своего мужа, который перестроилъ его. Сынъ Готтгарда Кеттлера и Сибиллы Нессельроде былъ Гермейстеромъ ордена Меченосцевъ, а потомъ Герцогомъ Курляндскимъ. Замокъ будетъ разрушенъ, а изъ матеріаловъ его выстроить новое зданіе.

— 4-го іюня. Вниманіе здѣшней публики сильно возбуждено теперь отданнымъ приказаніемъ — поставить на военную ногу нѣкоторые изъ корпусовъ прусской арміи и вооружить многія крѣпости Пруссіи (Нейсену, Глацъ и проч.).

— Третьяго дня происходило кабинетное совѣщаніе, на которомъ положено принять энергичскія мѣры противъ употребленія во зло свободы книгопечатанія.

— Президентъ полиціи приказалъ конфисковать нѣмецкій переводъ «Парижскихъ тайнъ», сочиненія *Евгенія Сю*.

А В С Т Р І Я.

— Богемскій корпусъ войскъ, состоящій подъ главнымъ начальствомъ Эрцъ-Герцога *Альберта*, постоянно увеличивается, чтобы быть готовымъ на всякій случай. Онъ расположенъ такъ, что можетъ собраться въ нѣсколько дней.

— По извѣстію, сообщаемому въ газетѣ «Wanderer», 92 католическія семейства приняли недавно въ Богеміи протестантскую вѣру.

— Въ Пестѣ окончены процессъ противъ университетскихъ профессоровъ; шестеро изъ нихъ признаны виновными. Трое профессоровъ отрѣшены отъ должности по распоряженію министерства.

— Въ письмѣ изъ Пресбурга, напечатанномъ въ газетѣ *Wanderer*, говорится, что Венгерцы желаютъ:

1) Чтобы духъ 4-го марта воплотился и чтобы вслѣдствіе того

2) Уничтожилось осадное положение, тѣмъ болѣе, что оно можетъ обуздать олигархію, а не охлократію, и слѣдовательно не можетъ доставить безопасности собственности.

3) Въ составъ императорскаго министерства долженъ войти представитель интересовъ Венгріи.

4) Мадырская національность должна быть ограждена введеніемъ мадырскаго языка въ высшія учебныя заведенія Венгріи.

5) Должно поддержать неприкосновенность Венгріи и въ слѣдствіе того снова включить въ нее Воеводство и поддчинить венгерской коронѣ венгерскія военныя границы.

6) Отчлнить отъ Трансильваніи къ Венгріи землю Шеклеровъ и другіе мадырскіе округи, а шеклерскую военную границу подчинить венгерской коронѣ.

7) Кроація и Славонія разорвали свою семивѣковую связь съ Венгріей—да исполнится ихъ воля.

8) Только одни венгерскіе уроженцы должны имѣть право на полученіе служебныхъ мѣстъ въ Венгріи; Высшій Судъ и финансовое отдѣленіе должны находиться въ самой Венгріи.

9) Земскій сеймъ долженъ собираться въ Пестѣ, и рѣшенія его должны относиться къ рѣшенію общаго имперскаго сейма, точно такъ же, какъ относился земскій сеймъ, бывшій до марта мѣсяца, къ тогдашнему австрійскому министерству.

10) Должно удержать венгерскій гербъ, венгерскіе національные цвѣта и венгерскіе военные и гражданскіе мундиръ.

11) Должно удержать въ силѣ автономію (самоуправленіе) протестантской церкви.

12) Австрійскіе Императоры, вступая на престолъ, должны короноваться, не только какъ Императоры, но и какъ Короли Венгріи.

— Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ газетахъ напечатана копія съ циркуляра, разосланнаго австрійскимъ правительствомъ ко всѣмъ своимъ посланникамъ при германскихъ дворахъ. Австрійское правительство приглашаетъ, въ этомъ циркулярѣ, всѣхъ германскихъ владѣтелей, прислать во Франкфуртъ-на-Майнѣ своихъ представителей, для принятія мѣръ къ замѣщенію временной центральной комиссіи, срокъ которой кончился. Представитель Австріи будетъ во Франкфуртѣ въ первыхъ числахъ мая, и сдѣлаетъ всѣ необходимыя приготовления, чтобы собраніе уполномоченныхъ могло сойтись 10 мая. Когда уполномоченные достигнутъ главной цѣли своей, т. е.

установить новый центральный органъ для Германіи, что можетъ быть совершено въ двѣ недѣли, то приступать къ пересмотру германскаго уложения и изысканію средствъ, которыми оно можетъ быть приведено въ исполненіе.

— Въ Вѣну прибыли агенты одного лондонскаго общества, имѣющіе намѣреніе основать въ Венгріи промышленныя колоніи и приобрести для этой цѣли пространныя земли.

— Въ послѣднихъ письмахъ изъ Далмаціи извѣщаютъ, что въ городкѣ Станьо, недалеко пострадавшемъ отъ землетрясенія, все еще продолжаютъ подземные удары, которые окончательно разрушаютъ поврежденные первымъ землетрясеніемъ дома и дѣлаютъ необитаемыми тѣ, которые до сихъ поръ держались. 21-го апрѣля было двѣнадцать сильныхъ подземныхъ ударовъ, 22 четыре и столько же 23. Постоянные дожди затрудняютъ сообщенія, и кажется, будто всѣ стихіи сговорились держать бѣдныхъ жителей въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ. Въ Рагузѣ также почти каждый день бываютъ подземные удары, но гораздо легче, такъ что нѣкоторые изъ нихъ замѣчаются весьма немногими.

— *Кампиро*, 28 апрѣля. Черногорцы дѣлали, 21 апрѣля, нападеніе на жителей Спикса (въ Турецкой Албаніи) и вся милиція этого укрѣпленнаго мѣста, регулярная и нерегулярная; принимала участіе въ битвѣ, которая, кажется, не имѣетъ политическаго характера, но принадлежитъ къ числу самыхъ жестокихъ стычекъ нынѣшняго года. Сраженіе продолжалось нѣсколько часовъ, послѣ чего Черногорцы отступили. У нихъ было двое убитыхъ нѣсколько раненыхъ; у Албанцевъ убито семь человекъ и довольно много ранено. Говорятъ, впрочемъ, что Черногорцы начинаютъ чувствовать недостатокъ въ порохѣ. 24 апрѣля, Владыка перенесъ свою резиденцію въ Перезано.

— Фельдмаршал-лейтенантъ князь *Шварценбергъ* и квартирмейстеръ генеральнаго штаба фельдцейхмейстеръ баронъ *фон-Гессенъ* поднесли стихотворцу *Грильпарцеру*, отъ лица италійской арміи, великолѣпный серебряный вызолоченный кубокъ, какъ дань признательности этой арміи къ поэту, воспѣвшему ея подвиги. Это приношеніе сопровождалось собственноручнымъ лестнымъ письмомъ фельдмаршала графа *Радецкого* къ поэту, писаннымъ изъ Вероны, отъ 25-го апрѣля.

Въ Либниѣ и Будвейсѣ обнаружилась па-дняхъ сильная холера.

— Въ Триестѣ получены, съ далматскимъ пароходомъ, прибывшимъ туда 1-го мая, весьма-печальныя извѣстія. Городъ Станьо, въ Далмаціи, уже не существуетъ. По-крайней-мѣрѣ, такъ говорятъ въ Триестѣ, присовокупляя, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Станьо, бьютъ теперь теперь сѣрные ключи. Мы уже сообщали, что этотъ городъ разрушенъ нѣсколькими сильными подземными ударами. Никто изъ жителей, повидимому, не погибъ при этомъ, потому-что все успѣли переселиться на корабли или въ окрестныя селенія.

— Австрійскій Императоръ отправился 8 мая изъ Вѣны въ Триестъ.

— Газета Лойда извѣщаетъ, что Австрійскій Императоръ прибылъ въ Триестъ 12 мая и былъ встрѣченъ многочисленными толпами радостныхъ жителей.

— *Триестъ*, 14 мая. По прибытіи въ здѣшній городъ, Императоръ въ тотъ же вечеръ посѣтилъ великолѣпно-освѣщенный театръ, гдѣ публика встрѣтила Монарха громкими, радостными восклицаніями. Вчера, утромъ, принималъ все городова начальства, и потомъ дѣлалъ смотръ здѣшнему гарнизону. Въ 4 часа у Императора былъ большой обѣдъ, послѣ котораго онъ ѣздилъ въ С. Андреа, гдѣ благополучно спущенъ на воду новый пароходъ Лойда «Далмата». Вечеромъ городъ и гавань были великолѣпно освѣщены. Фельдмаршалъ графъ Радецкій, къ общему сожалѣнію, задержанъ въ Лайбахѣ незначительнымъ поврежденіемъ ноги, которое, однакожь, препятствуетъ ему ходить.

Венеція, 10 мая. Высшія власти Ломбардо-Венеціанскаго Королевства уже отправились въ Триестъ, чтобы представить Императору. Въ Триестѣ спѣшать многіе, не только отсюда, но даже изъ болѣе-отдаленныхъ мѣстъ. Князь *Петрулла*, неаполитанскій посланникъ, и монсеньоръ *Амичи*, чрезвычайный посланникъ Папы, равномерно отправились туда, чтобы привѣтствовать юнаго Монарха отъ лица своихъ государей.

Вѣна, 16 мая. Въ сегодняшнемъ номерѣ «Вѣнской газеты» обнародовано слѣдующее объявленіе центральной военно-судебной комиссіи: *Иосифъ Бель*, родомъ изъ Галиціи, имѣющій отъ-роду отъ 60 до 70 лѣтъ, за участіе въ воору-

номъ сопротивленіи императорскимъ войскамъ въ 1848—49 годахъ, былъ преданъ военному суду, но не явился на вызовъ. Посему военный судъ, 1-го с. м., единогласно призналъ, что помянутый предводитель писургентовъ, *Иосифъ Бель*, виновенъ въ томъ, что въ октябрѣ 1848 года онъ сформировалъ въ Вѣнѣ подвижные корпуса и употребилъ ихъ, 28 числа, для отчаянной обороны Леопольдштадта; потомъ, убѣжавъ въ Венгрію, принялъ на себя начальство надъ мятежниками въ Трансильваніи, вытѣснилъ въ апрѣлѣ 1849 года, превосходнымъ числомъ силъ, Императорскія войска въ Валахію, и не только управлялъ Трансильваніею, въ качествѣ главнокомандующаго, отъ имени дебрецинскаго правительства, объявившаго себя, 14 апрѣля, независимъ, но и продолжалъ противиться соединеннымъ австрійско-русскимъ войскамъ до-тѣхъ-поръ, пока не былъ совершенно разбитъ и обращенъ въ бѣгство. Въ-слѣдствіе сего, военный судъ рѣшилъ, что *Иосифъ Бель*, за государственную измѣну, соединенную съ участіемъ въ мятежѣ въ Вѣнѣ и Венгріи, подлежитъ смертной казни на висѣлицѣ, къ которой должно быть прибито его имя, и что всякое имущество его, гдѣ бы оно ни отыскалось, шибетъ быть конфисковано. Этотъ приговоръ, по предписанію его превосходительства г. гражданскаго и военнаго губернатора, обнародованъ сегодня, въ 6 часовъ утра, и исполненъ заочно. *Вѣна 16 мая 1850.*

— Газета Лойдъ говоритъ, что до настоящаго времени висено въ казну и сожжено на 30 милліоновъ гульденовъ ассигнацій, выпущенныхъ венгерскимъ республиканскимъ правительствомъ. По свѣдѣніямъ, опубликованныхъ при *Кошутъ*, все количество выпущенныхъ ассигнацій не превышаетъ 60 или 70 милліоновъ гульденовъ.

— Въ журналѣ австрійскаго Лойда пишутъ: «Съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Эрцъ-Герцогиніею *Софіею*, возвращавшеюся съ прогулки отъ Каленберга, едва не случилось печальное. Лошади, чего-то испугавшись, понесли и ударились въ дверь одного дома въ Тейнфальской улицѣ. Къ счастью, это остановило ихъ. Одному изъ работниковъ ружейнаго завода, попавшемуся при этомъ подъ карету, повреждена нога. Эрцъ-Герцогиня, узнавъ о томъ, тотчасъ же вышла, не смотря на свой сильный испугъ, изъ кареты, вошла въ домъ, куда отнесли работника, освѣдомилась объ его положеніи и потомъ прислала къ нему своего собственнаго лейбъ-медика.

По счастью, повреждение оказалось мало важнымъ. Собравшаяся публика представила при этомъ Эрицъ-Герцогинѣ доказательства непритворнаго участія».

22-го.—Его Величество Императоръ, ускоривъ свое возвращеніе, прибылъ сюда сегодня въ вождельннмъ здоровьѣ.

— Въ Вѣнѣ замѣчается печальное явленіе, всегда сопровождающее великіе политическіе перевороты, а именно: необыкновенное число случаевъ помѣшательства въ умѣ. Не проходитъ ни одной недѣли, въ которую бы многіе изъ жителей столицы не были поражены этою ужасною болѣзью. Число больныхъ въ здѣшнемъ домѣ умалишенныхъ, простиравшееся до 1848 года отъ 150 до 250, возвысилось теперь до 980 человекъ, изъ которыхъ большая часть пмѣть отъ 20 до 35 лѣтъ отъ роду.

— Изъ Венгріи пишутъ, что тамъ во многихъ мѣстахъ образуются общества Израильтявъ, члены которыхъ принимаютъ на себя обязательство отказаться отъ торговли и посвятить себя земледѣлію.

— Пишутъ изъ Триеста, что Его Величество Императоръ, во-время тамошнихъ морскихъ маневровъ, подвергся большой опасности, потому-что ядро, которымъ, по ошибкѣ, зарядили одну изъ пушекъ, пролетѣло подлѣ Его Величества.

— «Оно свѣтитъ хорошо», сказалъ юный Монархъ, ничего мало не встревожась.

— Получено извѣстіе о заключеніи между Австріею и Тосканскою конвенціи, въ силу которой Великое Герцогство будетъ занято, на неопредѣленное время, австрійскими войсками. Число этихъ войскъ должно простираться, пока, до 10,000 человекъ и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшено ниже 6,000. Австрійское правительство пришло на свой счетъ экипировку и жалованье этихъ войскъ; но о содержаніи ихъ должно заботиться правительство Тосканское.

28-го.— Журналъ der Oesterreicher Soldatenfreund сообщаетъ слѣдующій біографическій очеркъ умершаго, 22 числа, фельдцейхмейстера барона *д'Аспре*.

«Баронъ *Константъ д'Аспре*, командиръ орденовъ военнаго Маріи Терезіи и Императора Леопольда большаго креста,

кавалеръ Россійскихъ Императорскихъ орденовъ: военнаго Св. Георгія и Св. Владиміра, Тосканскаго—Св. Иосифа большаго креста и Папскаго—Св. Григорія и пр. Императорско-Королевскій Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ, второй шефъ Императора Франца Иосифа пѣхотнаго полка и командиръ шестаго армейскаго корпуса, родился въ 1789 году въ Брюсселѣ; въ военную службу вступилъ въ 1806, прапорщикомъ, скоро произведенъ былъ въ подпоручики Императорскихъ егерей, въ 1808 причисленъ къ штабу генерал-квартирмейстера; въ томъ же году получилъ чинъ поручика; за особенную дѣятельность, оказанную имъ въ походѣ 1809 года, произведенъ въ капитанъ-поручики 18-го пѣхотнаго полка; въ томъ же году переведенъ въ 31 пѣхотный полкъ съ чиномъ капитана, оставленъ впрочемъ въ штабѣ генерал-квартирмейстера, и въ этомъ званіи участвовалъ въ походѣ 1812 года; компаніи 1813, 1814 и 1815 годовъ доставляли ему часто случай выказать свое искусство, мужество и распорядительность въ командованіи отрядовъ, чинъ мѣюра и орденъ Маріи Терезіи, пожалованный ему не по статуту, были справедливою наградою его заслугъ. Во-время экспедиціи 1820 и 1821 годовъ противъ неаполитанскихъ писургентовъ, переведенъ онъ былъ за отличіе майоромъ въ пѣхотный полкъ Императора; за сраженіе при Ріетти получилъ чинъ подполковника; за тѣмъ въ 1825 году онъ былъ произведенъ въ полковники 21 пѣхотнаго полка, въ 1833 году—въ генерал-майоры и бригадиры и 1840 въ фельдмаршалъ-лейтенанты, а въ 1846 назначенъ онъ былъ командиромъ 2 подвижнаго армейскаго корпуса, стоявшаго въ Италіи. Всѣ помнятъ подвиги покойнаго, во-время компаніи 1848 и 1849 годовъ, при Виченцѣ, Кустоцци, Вольтѣ, Мортарѣ, Новарѣ и Ливорно. Память его сохранится, надолго между соотечественниками и солдатами, которыхъ онъ былъ отцомъ».

Д а н и я .

Копенгагенъ, 14 мая. Е. В. Король принималъ вчера, въ Фридрихсбургскомъ замкѣ, прусскаго генерала *Бѣлова*, который вручилъ ему письмо отъ своего Государя.

— 12 мая. Посольство генерала *Белова* увенчалось, как кажется, желанным успехом, и люди, достойные вверять им говорить, что миръ съ Пруссіей и Германіей можно считать окончательно заключеннымъ. Но переговоры съ голштейнскимъ посланникомъ все еще продолжаются.

— 18 мая. Сегодняшнія извѣстія согласны съ вышеприведеннымъ; газета *Hamburger Correspondent* говоритъ, что посольство генерала *Белова* имѣло большое вліяніе на умереніе герцогства, и теперь можно надѣяться, что жители ихъ будутъ скоро наслаждаться вожделеннымъ миромъ.

18-го. Графъ *Оттонъ Раицау* отправился вчера въ Киль. Въ сношеніяхъ между голштейнскою депутаціею и кильскимъ намѣстничествомъ замѣтна большая дѣятельность. Между-тѣмъ вооруженіе здѣсь, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, продолжается, и скоро датскія войска будутъ сосредоточены на многихъ пунктахъ, чтобы имѣть возможность дѣйствовать по обстоятельствамъ.

— Сравнительная таблица датскаго флота съ морскими силами Германіи представляетъ слѣдующія цифры. Данія, послѣ потери кораблей «Христианъ VIII» и «Гефіонъ» владѣеть однимъ линейнымъ кораблемъ, 6 фрегатами, 5 корветами, 4 бригами, 1 баржею, 1 шкуною, 1 кутеромъ, 4 парходами, 6 буксирными судами и, наконецъ, тремя дивизіями, въ которыхъ считается 90 мортирныхъ гальотовъ и канонирскихъ лодокъ. Общее число пушекъ на всѣхъ этихъ судахъ простирается до 740. Германія, за исключеніемъ австрійскаго флота, но тутъ же считал Пруссію и Гольштейнъ, владѣеть однимъ фрегатомъ, 2 корветами, 1 шкуною, 12 парходами (фрегатами, корветами и проч.) и 60—70 канонирскими лодками, изъ которыхъ на каждой по 2 мортиры. Общее число орудій германскаго флота простирается всего до 296; однакожъ орудія эти бѣльшаго калибра, чѣмъ орудія датскія.

Киль, 21 мая. Вчера прибыли сюда изъ Копенгагена енидикъ *Пренъ* и изъ Берлина поручикъ графъ *Ревентловъ*. г. *фон-Гарбу* равномерно возвратился, и, вѣроятно, государственный совѣтъ соберется сегодня, для обсужденія новыхъ инструкцій, которыя должны быть даны здѣшнимъ

депутатамъ въ Копенгагенъ, куда г. *Пренъ* отправляется опять. Результатъ переговоровъ еще неизвѣстенъ; но все предвѣщаетъ, что споръ будетъ рѣшенъ силою оружія. Ожидаютъ, что не далѣе, какъ послѣ завтра, датскія войска начнутъ дѣйствовать наступательно. Здѣсь все готовится къ войнѣ. Норвежскій батальонъ, стоявшій въ Гадерслебени, переведенъ въ Фленсбургъ. Извѣстны, получаемыя изъ Ютландіи, равномерно не обѣщаютъ ничего добраго.

Копенгагенъ, 24 мая. Съ висмарскимъ пароходомъ прибылъ сюда вчера графъ *Бломе фон-Зальцау*, который, по слухамъ, располагаетъ пробыть здѣсь довольно долго. При началѣ движенія въ Гольштейнъ, графъ *Бломе* былъ несколько дней адъютантомъ у принца *Норрскаго*, но сложилъ съ себя эту должность, не принимая съ тѣхъ-поръ никакого участія въ дальнѣйшихъ событіяхъ, и прожилъ послѣдніе два года отчасти въ Берлинѣ.

— По извѣстію, сообщаемому въ газ. «Kolding Avis», изъ Фіоніи отправленъ въ Кноре одинъ резервный батальонъ. Въ Вейлѣ готовятся квартиры для значительнаго числа войскъ.

Фленсбургъ, 26 мая. Въ полдень, одинъ датскій военный корабль сталъ на якорь въ устьѣ Фленсбургской гавани, при Богегольмѣ, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ здѣшняго города, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году стоялъ корабль, блокировавшій гавань. Сегодня вступила сюда норвежская артиллерія, прибывшая съ съвера, изъ Апенраде и Гадерслебена. Полагаютъ, что всѣ нейтральныя войска соберутся здѣсь и сядутъ на корабли.

— Пишутъ съ Нижней-Эльбы: «вчера шлезвигъ-гольштейнскій департаментъ внутреннихъ дѣлъ издалъ циркуляръ, которымъ предписываетъ ускорить созваніе резервныхъ войскъ, а также офицеровъ и рядовыхъ, уволенныхъ въ отпускъ. Всѣмъ имъ велено собираться въ Рендсбургъ. Правительство, видя военныя приготовленія Датчанъ, пошло нужнымъ принять эту мѣру предосторожности.»

И т а л и я .

Римъ, 23 апрѣля. Въ письмѣ изъ Рима говорится о необходимости оставить тамъ французскій гарнизонъ. Авторъ письма основываетъ эту необходимость на томъ, что Папъ необходимо войско, какъ для охраненія его особы, такъ и для поддержанія порядка и спокойствія. Въ теченіе года изгнано много народа, но основа народонаселенія осталась прежняя, та же, что была во-время революціи; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ народонаселеніе предавалось демонстраціямъ, совершенно противоположнымъ теперешней радости, возбужденной возвращеніемъ Папы, а между тѣмъ, прежнія демонстраціи сопровождалась точно такимъ же образомъ.... Еще недавно, на-дняхъ, народъ изъяснилъ громкое неудовольствіе на то, что Папа не хотѣлъ благословить его. — Не должно судить о всей Римской области по одному Риму; въ легатствахъ все еще господствуетъ глубокая антипатія къ церковному правительству и пламенное стремленіе къ свѣтскому управленію. Не должно обманывать себя на счетъ того, что хорошей приемъ, дѣлаемый Папъ въ Римъ, относится къ нему одному, а не къ окружающимъ его. Вотъ отъ чего возвращеніе Папы не есть еще окончательное рѣшеніе вопроса. Не надо воображать, что все уже кончено.....»

— *Osservatore Romano* говоритъ, что на полуостровѣ снова появились англійскіе агенты, распространяющіе вездѣ надежду на новыя смуты.

— *26 апрѣля.* Въ газетѣ *Nazionale* напечатано, что Папа, послѣ долгаго совѣщанія съ кардиналами и коронными адвокатами, рѣшилъ наложить запрещеніе на имѣнія членовъ учредительнаго собранія, которыхъ цѣнность простирается до 9 $\frac{1}{2}$ милліоновъ римскихъ піатровъ.

29-го. Генералъ *Барагъ д'Илье* завтра увѣзаетъ отсюда вмѣстѣ съ кардиналомъ *Дюпономъ*. Изъ 10,000 французовъ, занимающихъ здѣсь гарнизонъ, 4,000 будутъ переведены въ Маршіи. Главная команда надъ ними поручается

генералу *Гевиллье*, а г. *Реневаль* будетъ представителемъ Французской Республики при дворѣ Папы.

Болонья, 3 мая. Весь прошлый мѣсяць здѣсь были наводненія, а 1 мая ужасный градъ, сегодня же утромъ, послѣ сильнаго дождя, у насъ выналъ большой снѣгъ, такъ что крыши домовъ и улицы были имъ совершенно покрыты. До-сихъ-поръ ничто не предвѣщаетъ благоприятной перемены въ погодѣ.

3 мая. Въ *Giornale di Roma* напечатано, что хотя Папа и признаетъ все заслуги слѣдственной комиссіи, но хотеть уменьшить на половину опредѣленный ею срокъ отставки отъ должностей чиновниковъ, замѣшанныхъ въ послѣднемъ возстаніи. Для слѣдствія надъ наиболее виновными учреждена новая комиссія, которой предписано обращать особенное вниманіе на все послабляющія обстоятельства, чтобы дать Папъ возможность распространять милосердіе свое и на наиболее виновныхъ.

20 мая. Сегодня въ Ватиканѣ собиралась консисторія. Неизвѣстно еще, что въ ней было говорено; увѣряютъ однакоже, что при началѣ засѣданія, Папа выразилъ помогавшимъ ему государствамъ благодарность за ихъ содѣйствіе. Говорятъ, что Папа введетъ въ свою рѣчь замѣчаніе о Сардиніи, если къ концу засѣданія не придетъ оффиціальнаго извѣстія объ освобожденіи туринскаго архіепископа.

— Непостоянство и увлеченіе давно уже раздражаютъ Италію. Впрочемъ народъ попрежнему выказываетъ Папъ глубокое уваженіе. Безпрерывно прѣзжаютъ новыя поздравительныя депутаціи отъ разныхъ городовъ области. Это положеніе, если не блестяще, за то спокойно.

Туринъ, 1 мая. Въ палатѣ депутатовъ было очень бурное засѣданіе, по случаю предложенія объ установленіи штемпальной пошлины на журналы. Такъ какъ всѣхъ журналовъ не болѣе десяти, и притомъ дѣла ихъ въ очень плохомъ положеніи, то упомянутое нами предложеніе встрѣило сильную оппозицію. До-сихъ-поръ журналы платили только одну лиру съ каждаго четырехъ-мѣсячнаго абонента, а теперь предлагаютъ обложить пошлиной каждый отдѣльный номеръ.

7-го Здесь не совсем хладнокровно смотрят на современное положение Франции; сегодня былъ советъ министровъ, на которомъ присутствовала королева. Говорятъ также, что лордъ *Пальмерстонъ* настаиваетъ на томъ, чтобы Сардинія вооружилась, по мѣрѣ возможности, и была бы готова на всякій случай. Должно полагать, что английская партія имѣетъ здѣсь сильное вліяніе.

— Засѣданія палаты не представляютъ ничего занимательнаго.

— 23-го Процессъ туринскаго архіепископа оконченъ. Подсудимый приговоренъ къ заключенію на мѣсяцъ въ тюрьму, къ денежному штрафу въ 500 лиръ и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Архіепископъ *Сассарисъ* равномерно арестованъ и преданъ суду за сопротивление закону *Сиккарди*.

Флоренція, 21-го мая. Великій герцогъ отправился вчера, съ супругою и всеми дѣтьми своими, въ Вѣну. Въ газетѣ *La Patrie* пишутъ, по этому поводу, что сельскіе жители Тосканы, любящіе своего государя, боялись, чтобы онъ, утомленный безпорядками и смутами своего государства, не остался бы навсегда въ Вѣнѣ. Разумѣется, что эти опасенія не имѣютъ достаточнаго основанія. Гораздо вѣроятнѣе, что В. Герцогъ отправился въ Вѣну вслѣдствіе окончательнаго заключенія и ратификаціи наступательнаго и оборонительнаго союза съ Австріей, условія котораго еще, впрочемъ, не обнародованы.

Неаполь, 20-мая. Въ газетѣ *Reforma* извѣщаютъ, что въ неаполитанскія владѣнія не допускаютъ сардинскихъ подданныхъ, даже снабженныхъ форшенными паспортами. Имъ съ большимъ трудомъ дозволяютъ пробывать въ Неаполь 48 часовъ, и то не иначе, какъ вслѣдствіе поручительства министра.

Испанія.

— Изъ Кадикса извѣщаютъ, что 27 апрѣля, одинъ таможенный стражъ чуть не застрѣлилъ *Принца Жоанвильскаго*. Пуля пролетѣла на волосъ отъ головы его.

— *Мадридъ, 5 мая.* Говорятъ, что король находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ членами министерства, въ особености же съ президентомъ совѣта министровъ. Носятся слухи, что послѣ разрѣшенія королевы отъ бремени, кортесы увеличатъ собственные доходы короля; онъ будетъ, сверхъ того, имѣть въ своемъ распоряженіи 3 милліона реаловъ, которые выдаются въ настоящее время *Герцогинѣ Монпансье*, какъ непосредственной наследницѣ престола. Какъ скоро королева разрѣшится отъ бремени, эта сумма перейдетъ къ новорожденному.

11 Мая русскій фрегатъ «Паллада», на которомъ находится Его Императорское Высочество Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, заходилъ въ Кадиксъ, на пути отъ острова Мадеры въ Лиссабонъ, гдѣ Е. В. остановится на нѣсколько дней во дворцѣ Е. В. Императрицы.

— Въ письмахъ изъ Кадикса, отъ 15-го мая, полученныхъ черезъ Англію, сообщаются подробности происшествія, которое, при извѣстной щекотливости британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, легко можетъ повредить доброму согласію между Великобританіею и Испаніею, которое едва возстановилось. Одинъ изъ агентовъ англійскаго адмиралтейства, одѣтый въ свой офицерскій мундиръ, былъ арестованъ въ Кадиксъ и задержанъ подъ карауломъ нѣсколько часовъ, не смотря на представленія англійскаго консула. Испанскія начальства обвиняютъ его, что онъ не исполнилъ нѣкоторыхъ установленныхъ формальностей, тогда какъ англійскій офицеръ объявляетъ такое обвиненіе несправедливымъ.

Швейцарія.

— Швейцарскій національный совѣтъ началъ, 2 мая, пренія о Фрейбургскомъ вопросѣ. Извѣстно, что дѣло тутъ касается просьбы объ отменѣ декрета 20 мая 1848 года и относящагося къ нему рѣшенія, отъ 7 сентября того же года, вслѣдствіе которыхъ 214 жителей и 139 общинъ Фрейбургскаго Кантона обязаны были заплатить 1,600,000 фран-

ковъ, въ видѣ контрибуціи за войну Зондербунда. Советъ еще ничего не рѣшилъ на этотъ счетъ.

Бернъ 5-яял. Выборы кончились. Въ городѣ, кандидаты консервативной партіи одержали полную побѣду, и въ пользу ихъ подано почти двѣ трети голосовъ. Уже при выборѣ президента средней общины въ Миустеръ, президентъ общиннаго совета *фон-Эффингеръ* получилъ 1,112, а *Штемплли* только 746 голосовъ. Изъ прочихъ частей кантона получены до-сихъ-поръ свѣдѣнія только о выборахъ въ Боллигенъ, гдѣ консервативная партія равномерно одержала побѣду. Въ Кеницъ, Воленъ и Бельнъ радикалы тоже потерпѣли поражение.

— Въ бургдорфскомъ округѣ избраны всѣ кандидаты радикаловъ: *Видмеръ, Мейсръ, Дюрръ и Штудеръ*. Въ выборѣ участвовали 1,243 избирателя. Кандидатъ консервативной партіи, въ пользу котораго были употреблены всѣ усилія, получилъ едва 418 голосовъ. Въ Кирхбергѣ радикалы то же одержали побѣду, тамъ избраны *Леманъ, Гублеръ, Канциеръ и Брюгеманъ*. Въ Герцогенбухзее равномерно побѣдили радикалы.

— Оба совета Швейцарскаго Союза, въ одно изъ своихъ послѣднихъ засѣданій, разсматривали дѣло о разрушеніи женевскихъ укрѣпленій. Советъ Союза предложилъ не препятствовать этому разрушенію, потому-что женевскіе крепостные верки не представляютъ ничего важнаго для обороны Союза, тогда какъ разрушеніе ихъ полезно городу. Предложеніе это принято обоими советами.

— Большой Советъ Бернскаго Кантона былъ созванъ, 16 мая, на чрезвычайное засѣданіе. Онъ собрался почти весь, такъ что изъ 227 членовъ недоставало только 37-ми человекъ. Большая часть членовъ этого Совета не избрана въ новый советъ, значить, правительство, созывая его, обратилось прямо къ старому законодательному собранію, существованіе котораго должно прекратиться въ теченіе нынѣшняго мѣсяца.

Съ нетерпѣніемъ ожидали предложеній правительства. Оно представило ихъ три: 1) одобрить всѣ мѣры, принятыя правительствомъ; 2) ассигновать суммы, необходимыя для покрытія расходовъ; и 3) уполномочить правительство

на новыя мѣры, какія оно, смотри по обстоятельствамъ, почтетъ нужными.

Первыя два предложенія приняты безъ противорчій. Оппозиція ограничилась оспориваніемъ третьяго изъ нихъ, которое она представляла ненужнымъ и незаконнымъ. Г. *Блѣшъ* предложилъ сказать: «Полномочіе, требуемое правительствомъ, будетъ дано ему въ границахъ уложенія и законовъ».

Президентъ *Штемплли*, который говорилъ послѣдній, далъ замѣтить, что правительство уже готовится созвать войска къ 1-му іюля, день, въ который долженъ собраться новый Большой-Советъ.

Предложили измѣненіе, клонившееся къ устраненію, третьяго предложенія правительства; но въ пользу этого измѣненія подано только 37 голосовъ. Измѣненіе, предложенное г-мъ *Блѣшемъ*, равномерно отринуто.

Газета «Швейцарія» объявляетъ, что такое рѣшеніе равномерно провозглашенію осаднаго положенія въ кантонѣ. Въ-слѣдствіе послѣднихъ выборовъ, а также и намѣреній, приписываемыхъ правительству, въ кантонѣ господствуетъ сильное волненіе. Радикалы протестуютъ противъ 52 оппозиционныхъ выборовъ, тогда какъ оппозиція протестуетъ сама противъ 26 выборовъ партіи правительства.

— Въ Бернскомъ Кантонѣ произведены, 26 мая, дополнительные выборы. Побѣда осталась на сторонѣ оппозиціи, которая изъ шести выборовъ Егенсторфскаго и Валернскаго округовъ удержала за собою двѣхъ изъ пяти. Кроме того, полковникъ *Гейзеръ*, умѣренный либераль, избранъ въ Лаугенталя на мѣсто г. *Лемакка*, одного изъ значительнѣйшихъ членовъ Государственнаго-Совета. И такъ, по всему видимому, оппозиція будетъ имѣть въ Большомъ Советѣ большинство. Новый Большой-Советъ долженъ собраться 1 іюня, и однимъ изъ его первыхъ актовъ будетъ избраніе вновь членовъ исполнительной власти. Вероятно, большая часть теперешнихъ членовъ ея будетъ удалена отъ дѣлъ.

Турція.

— Султанъ пожаловалъ на-дняхъ знаки отличія восьми греческимъ архіепископамъ въ Турціи. Е. В. предоставилъ также право живущимъ въ Константинополь Болгарамъ устроить для себя особую церковь въ домъ князя Самоскаго.

— Въ минувшую субботу послѣдовало, въ присутствіи Султана, торжественное открытіе новаго коллегіума, основаннаго и выстроеннаго султаншею Валиде.

— Въ ночь съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е) апрѣля, въ Константинополь ощущено было три послѣдовательныхъ удара землетрясенія; удары эти въ то же самое время были ощущены сильнѣе въ Дарданеллахъ. Въ Смирнѣ, послѣдній ударъ землетрясенія послѣдовалъ въ ночь на 1 (13-е апрѣля); съ тѣхъ-поръ жители нѣсколько успокоились.

— Изъ Босніи пишутъ, что порядокъ тамъ еще не установленъ. Инсурденты, почти исключительно Мусульмане, овладѣли Бигачемъ и Бугимомъ; начальникъ послѣдняго города Арнауновичъ и сынъ его Дервиль-бей бѣжали въ Австрію. Генерал-губернаторъ Боснійскій Тагиръ-паша созвалъ на совѣщаніе въ Травникъ всѣхъ областныхъ правителей, изъ коихъ двое Зворникскій и Тульзинскій отказались прибыть на его вызовъ. Для начатія рѣшительныхъ дѣйствій противъ инсурдентовъ онъ ожидаетъ прибытія корпуса войскъ въ 4,000 человекъ, направленнаго въ Боснію изъ гор. монастыря въ Румелии.

— Следующія извѣстія заимствованны изъ писемъ путешественника, возвратившагося изъ Скутари, которыя хорошо характеризуютъ дѣйствія турецкаго начальства: двое почтенныхъ французскихъ путешественниковъ, графъ Осмонъ изъ Парижа и академикъ Луазонъ, прѣехали въ Дульчино, въ Далмаціи, для того, чтобы отправиться оттуда въ Корфу. Турецкій начальникъ, который, какъ казалось, не привыкъ встрѣчать такихъ иностранцевъ, запретилъ имъ ѣхать далѣе и задержалъ ихъ въ соб-

ственномъ домѣ. Объ этомъ узналъ австрійскій вице-консулъ въ Скутари, сообщилъ тамошнему визирю и послалъ коменданту приказаніе визиря, отпустить обоихъ иностранцевъ. Графъ Осмонъ, раздраженный сдѣланнымъ ему обидою, требовалъ, черезъ австрійскаго вице-консула, удовлетворенія. Визирь былъ такъ увѣренъ въ справедливости этого требованія, что велѣлъ схватить коменданта и хотѣлъ отставить его отъ должности. Но комендантъ въ отчаяніи явился въ домъ австрійскаго консула и смиренно, въ самыхъ патетическихъ выраженіяхъ, сталъ просить у находившихся тамъ Французовъ, прошенія за ошибку, которую онъ сдѣлалъ по незнанію европейскихъ обычаевъ. По его просьбѣ и благодаря ходатайству нѣкоторыхъ городскихъ жителей, Французы пришли на себя извинить коменданта передъ нашею и освободили бѣдника такимъ образомъ отъ угрожаемаго ему наказанія. Въ Скутари паша обошелся необыкновенно ласково съ обоими путешественниками и старался своимъ вниманіемъ къ нимъ загладить сдѣланную имъ грубость.

— По извѣстіямъ съ острова Самоса, чрезвычайный комисаръ порты *Мустафа-паша* прибылъ туда 13-го (25-го) марта, съ уполномоченнымъ отъ князя Самоскаго, г-мъ *Адамидесомъ*, и провозгласилъ новое, дарованное сему острову Султаномъ, уложеніе. 1-го (13) апрѣля, произошли тамъ новыя безпорядки: нѣсколько сотъ человекъ взбунтовались, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ новыхъ властей, *Мустафа-паша*, при содѣйствіи флотиліи *Эмиль-бей*, расположенной въ Степанополѣ, разогналъ ихъ силою; одинъ изъ ихъ начальниковъ, *Аварасъ* былъ при этомъ убитъ, а другой *Лепатисъ*, взятъ въ плѣнъ и отосланъ въ Константинополь.

Константинополь, 29 апрѣля.—Въ столицѣ Турціи устроиваютъ, въ настоящее время, батальонъ саперовъ, полкъ кирасиръ и двѣ батгарей конной артиллеріи; саперамъ и кирасирамъ дадутъ европейскіе мундиры, безъ фесовъ, составляющихъ теперь необходимую принадлежность всѣхъ военныхъ и гражданскихъ мундировъ.

— Турецкое правительство имѣетъ намѣреніе послать нѣсколько паровыхъ фрегатонъ, для посѣщенія французскихъ,

английскихъ и адриатическихъ гаваней, Кррабли султанскаго флота никогда еще не бывали въ гаваняхъ Западной Европы.

— Е. В. Султанъ, фирманомъ, адресованнымъ на имя египетскаго генерал-губернатора *Абала-Паши*, копія, съ которою сообщена всѣмъ иностраннымъ посольствамъ въ Константинополь, предписалъ учредить въ Каиръ и Александрію коммерческіе суды, при участіи представителей европейскихъ державъ, и совѣты исправительной полиціи, по примѣру уже существующихъ въ Константинополь.

Изъ перечня, помѣщеннаго въ константинопольской газетѣ, видно, что въ настоящее время въ Константинополь находится, сверхъ большихъ султанскихъ училищъ, 1 училище для народнаго и 1 для приуготовительнаго обученія; въ этихъ училищахъ находится 870 воспитанниковъ; 396 первоначальныхъ школъ, которыя посѣщаются 22,700 учениками обоаго пола. Новая коллегія Султанши-матери учреждена для 220-ти воспитанниковъ.

— Изъ Канен сообщаютъ, что тамъ задержанъ нѣкто *Георгій Ламбрини*, эмиссаръ общества гетеристовъ, имѣвшихъ цѣлю возмутить островъ Кандію противъ власти Султана; изъ показаній его видно, говорить, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны многія лица.

— Изъ Смирны пишутъ, отъ (18) апрѣля, что тамъ еще отъ времени до времени продолжаютъ ощущать легкіе удары землетресенія. Окрестности Брусссы сильно пострадали въ этомъ мѣсяцѣ отъ землетресенія; узнали, между-прочимъ, что греческая церковь и большая часть домовъ въ Улубатѣ обрушились, что въ Караоглу устояло только три дома, и что въ сѣздствѣ Улубата, хлѣвъ, въ которомъ помѣщалось отъ 18 до 20 коровъ, былъ поглощенъ землею и проч.

— Изъ Яссъ пишутъ, что 5 (17) апрѣля скончался тамъ логотетъ и старѣйшій изъ молдавскихъ бояръ *Александръ Гика*, бывшій молдавскій гетманъ и отецъ нынѣшняго господара *Гр. Гики*. Погребеніе его происходило 8-го (20) ч. съ большою пышностію. — Генерал-лейтенантъ *Моллеръ*, командовавшій отрядомъ русскихъ войскъ, расположенныхъ въ Молдавіи, выѣхалъ изъ Яссъ 2-го (14) апрѣля, для возвращенія въ Россію.

Смирна. 10 мая. Гамль-Паша вслѣдъ податъ себя въ страстную субботу списокъ всѣхъ Грековъ, находящихся подъ стражею за долги, заплатилъ за нихъ, приказавъ освободить ихъ и дать имъ денегъ на праздникъ Пасхи. Въ Иерусалимѣ было больше богомольцевъ, чѣмъ въ предыдущіе годы. Празднеству было и теперь много помѣхъ, хотя, впрочемъ, не важныхъ.

А М Е Р И К А.

Соединенные Штаты, Нью-Йоркъ 18 апрѣля.—Вопросъ объ уложеніи для Калифорніи и вопросъ о невольничествѣ все еще занимаютъ конгрессъ; пренія о нихъ бываютъ очень бурны. Въ засѣданіи 17 апрѣля, сенаторъ одного изъ невольничьихъ штатовъ, г. *Футъ*, прибѣгнулъ писмотомъ въ возразившаго ему г. *Бейтона*, но его успѣли, къ-счастью, обезоружить. Сегодня сенатъ рѣшилъ передать калифорнскій вопросъ на разсмотрѣніе Коммисіи изъ 13 членовъ.

— Кажется, что противъ Кубы собираются послать экспедицію. Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣлаютъ довольно значительные наборы. Пунктомъ соединенія назначенъ Шагрь, на перешейкѣ. Это предпріятіе можетъ коснуться и Мексики, потому-что, говоря объ экспедиціи, упоминаютъ и имя Сантаны.

— *Нью-Йоркъ, 16-го мая.* Въ журналѣ *New-York-Sun*, котораго издателемъ, повидимому, извѣстны новые планы, составленные для завоеванія Кубы, напечатано, что корабли завоевателей уже вышли въ море: «Мы имѣемъ право ожидать, говорить упомянутый журналъ въ заключеніе, что первый извѣстія, которыя мы получимъ изъ Гаванни, дадутъ намъ знать о счастливой высадкѣ патриотовъ и о началѣ войны за независимость». Экспедиція находится подъ начальствомъ генерала *Лопеца*. *New-York-Herald* не довѣряетъ этому извѣстію, и полагаетъ, что корабли, отплывшіе изъ Нью-Орлеана, отправляются съ пассажирами въ Калифорнію. Но больше вѣроятностей на сторону перваго предположенія; оно отчасти подтверждается тѣмъ, что испанскій

консулъ въ Нью-Орлеанѣ предлагалъ хозяйну одного парохода 1,000 долларовъ за доставленіе депешъ въ Кубу, и не получивъ его согласія, отправилъ бумаги на шкунѣ, а этого рода суда отличаются, какъ извѣстно, быстротою хода. *New-York-Courier And Enquirer* то же сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній, изъ которыхъ можно заключить, что если экспедиція еще не отплыла, то отплыветъ очень скоро. Даже телеграфическія депешы изъ Нью-Орлеана, отъ 13 мая извѣщаютъ, что всѣ мѣры къ нападенію приняты и десатныя войска собраны въ одно мѣсто. Экспедиціонный корпусъ состоитъ, какъ говорятъ, изъ 6000 человекъ, хорошо вооруженныхъ и снабженныхъ деньгами и искусными предводителями.

Мексиканскіе Штаты. Мексика, 16 апрѣля. Вчера окончились почти безплодныя засѣданія конгресса; они возобновятся 1 мая. Всѣ заняты выборомъ президента, который долженъ произойти въ октябрѣ. По всей вѣроятности избранъ будетъ военный министръ, генералъ *Ариста*, душа нынѣшняго правленія, человекъ съ твердой волей, любимый солдатами, уважаемый гражданами. Онъ одинъ былъ бы въ состояніи одержать побѣду надъ возмутителями, которыхъ одинъ онъ только умѣлъ до-сихъ-поръ обуздать.

Вечеромъ въ великій четвертокъ депутатъ конгресса *Донъ-Жуанъ де-Діонъ Каннедо* найденъ въ своей комнатѣ мертвымъ, пронзенный 32 ударами кинжала, съ разможенной головой и явными слѣдами задушенія. Ему было 60 лѣтъ отъ роду; извѣстенъ же 20 лѣтъ своею дружбою съ *Сантапой*, посольствами въ Европу и Южную Америку и участіемъ въ правленіи въ званіи министра; со всеми онъ жилъ въ мирѣ, привлекая къ себѣ превосходными качествами души людей всѣхъ мнѣній. Такъ какъ изъ комнаты не было вынесено ни денегъ, ни драгоценностей, то партія немедленно стали обвинять одна другую въ этомъ преступленіи;

розысканія полиціи были тщетны, и конгрессъ почти единодушно принялъ предложеніе выдать 5000 долларовъ тому, кто представитъ убійцу.

— Въ великую пятницу загорѣлась экипажная фабрика одного Англичанина; сильный вѣтеръ раздувалъ огонь, и скоро пламя охватило многія части города, особенно же предмѣстіе новаго Мексико, производя сильнѣйшее опустошеніе, тѣмъ болѣе, что пожарная часть здѣсь въ очень дурномъ состояніи. Огонь удалось потушить только къ вечеру, когда стихъ вѣтеръ. Между-тѣми, которые все потеряли, былъ одинъ Нѣмецъ, занимавшійся значительной транспортной промышленностью. Имущество его оцѣниваютъ въ 60,000 долларовъ; у него буквально ничего не осталось, потому-что страховыхъ обществъ здѣсь нѣтъ.

Азія.

— Въ газетѣ *Indépendance Belge* напечатано извѣстіе о кончинѣ китайскаго Императора. Императоръ *Тоа-Кванъ* скончался 25 февраля, между седьмымъ и восьмымъ часомъ вечера. Четвертый сынъ его, старшій изъ оставшихъ имъ дѣтей, молодой человекъ девятнадцати лѣтъ, наследуетъ престолъ отца своего, подъ именемъ *Се-Гина*. — Мы извѣщали о кончинѣ вдовствующей императрицы, которой *Тоа-Кванъ* обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Глубокое впечатлѣніе, произведенное этою смертію на престарѣлаго *Тоа-Квана*, быстро разстроило его слабое здоровье; а сильный пожаръ, случившійся нѣсколько дней спустя во внутренности императорскаго дворца, причинилъ *Тоа-Квану* сильный испугъ, низведшій его въ могилу. — *Тоа-Кванъ* скончался на 69 году отъ рожденія и на 30 своего царствованія, въ

течение котораго совершились для Китая важныя событія. Надо полагать, что въ Китаѣ совершатся теперь важныя переломы, въ отношеніи государственнаго устройства и сношеній съ Европою.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПАМЯТИ НЕЗАВЗВЕННАГО.

Пѣнь печальную, похоронную,
Пѣли грустно мы, пѣли всѣ въ слезахъ,
Передъ смертію непреклонною,
Опуская въ склепъ драгоценный прахъ.

Но будь съ нами Онъ вождь, любимый нашъ,
Твѣ любезная, вѣчно съ нами будь,
Какъ наставникъ нашъ и покоя стражъ,
И на доблести расширай въ насъ грудь.

На землѣ Онъ былъ солнцемъ радостнымъ,
И всѣмъ воинамъ и друзьямъ своимъ;
Въ полѣ доблестнымъ, дома сладостнымъ
Мощный, грозенъ былъ Онъ врагамъ однимъ.

Долго пѣнами будутъ славиться
Его подвиги между воинствомъ;
Память дѣлъ его будетъ нравиться
Всѣмъ желающимъ жить съ достоинствомъ.

Онъ изъ рода въ родъ перейдетъ въ устахъ,
И пока мы здѣсь, на землѣ живемъ,
Будь присущенъ намъ Онъ во всѣхъ мѣстахъ,
Роду нашему грѣхъ забыть о немъ.

Помани жь Его, христіанскій Богъ
Въ горнемъ царствіи, гдѣ любовь Твоя
Вводитъ избранныхъ подъ вѣнецъ, въ чертогъ,
Гдѣ блаженствуетъ предъ Отцемъ семья.

М. ПОЛОВЦОВЪ.

С. Петербургъ.
28 мая 1850 года.

МОЛИТВА.

О, Боже правый, предъ Тобою
Я повергаюся во прахъ,
Въ душѣ съ надеждою святою,
Съ молитвой теплою на устахъ.
Молю: грѣхи мои остави,
Мнѣ, Милосердый, ихъ прости,
И отъ несчастія избави
Меня на жизненномъ пути.
Когда жь Тобой, за прегрѣшенья,
Мнѣ чаша бѣдствій суждена—
Ахъ, дай мнѣ силу и терпѣнье
Ту чашу выпить всю, до дна.

И съ радостью тогда приму я
Крестъ испытанья и скорбей,
И все безропотно снесу я
Для лучшихъ, тамъ, за гробомъ, дней.

Я. КРЫЛОВЪ

РЪЗВИНЪЮ.

Твоей бѣлокурой головкой,
Какъ часто люблюся я!
Люблю, когда весело, ловко
Ты рѣзвишься, крошка моя!
И много тяжелаго, злаго
Съ души исчезаетъ моей!
На душу такъ много святаго
Ложится съ улыбкой твоей!
Смолкаетъ гулъ страсти мятежной,
Я чувствую сладкой покою
Гляжу на тебя, ангель нѣжный,
Съ какой то невольной тоской:
И ты испытаешь напасти
И ты, въ этой жизни порой,
Быть-можетъ, въ волненіяхъ страсти
Вспомнешь свой прежній покой!

АРАБЕЛЛА.

Всѣ ликуютъ, веселятся
Въ старомъ замкѣ Компостелло,
Лишь одна блѣдна, печальна
Молодая Арабелла!

Возвратились изъ похода
 Къ дѣвамъ зѣмка Компостелло
 Много рыпарей прекрасныхъ!
 Нѣтъ лишь друга Арабеллы!
 Гуль отъ страстныхъ поцѣлуетъ
 Ходитъ въ залахъ Компостелло,
 Но у оконъ, одиноко
 Изнываетъ Арабелла!
 Ждетъ, не мчится ль по дорогѣ
 Милый рыцарь въ Компостелло
 На сѣдлѣ высокомъ, съ шарфомъ,
 Даромъ дѣвы Арабеллы!
 Пилигримъ изъ странъ далекихъ,
 Не спѣшитъ ли въ Компостелло,
 Не несетъ ли вѣсть отъ друга.
 Ждетъ и плачетъ Арабелла!
 Вчера факлы освѣщали
 Гробъ въ часовнѣ Компостелло,
 И въ окнѣ высокомъ башни
 Не явилась Арабелла!
 Награди Господь въ той жизни
 Вѣрность дѣвы Компостелло,
 Дай такую мнѣ подругу,
 Какъ младая Арабелла!

ПЕРВОЕ ПЛАВАНІЕ

РУССКАГО ВОЕННАГО СУДНА МАЛАККСКИМЪ ПРОЛИВОМЪ.

Пуло-Пинангъ. — Сингапуръ. — Китайское море. — Люсонъ. — Нѣсколько дней въ Манилѣ.

(Изъ путевыхъ записокъ русскаго моряка. *)

Въ 6 часу вечера, 10 мая, мы находились по пеленгамъ въ 32 миляхъ отъ Большаго Никобара, и легли на OSO, къ острову Пуло-Пинангу, лежащему сѣвернѣе Малаккаго пролива. Вѣтеръ былъ свѣжій, брамсельный, иногда порывистый, погода пасмурная, но при всемъ томъ до 23° тепла, а ходу отъ 2½ до 7 узловъ. Такъ плыли мы до 13 числа, и въ полдень увидѣли берега ос. Пуло-Пинанга; мы находились тогда отъ него въ 52 миляхъ. Послѣ обѣда сбѣзилось маловетріе, изъ SW четверти, при которомъ мы едва подвигались по одному узлу; къ 7 часамъ вечера прошли однако группу острововъ Бутонгъ.

* Благодаримъ почтеннаго автора за эту прекрасную и любопытную статью, за напечатаніе которой благодарятъ насъ наши читатели.

Привлекательнаго при такомъ медленномъ плаваніи было, признаться, немного. Жара, штиль, пель-часъ порывчикъ—вотъ всѣ удовольствія, которыя разнообразились частымъ бросаніемъ лота; глубина доходила до 65 саж., при иловатомъ грунть. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, въ 6 часу утра, мы увидѣли къ ОСО острова Ланкава; въ 10 часу налетѣлъ сильный порывъ отъ NW, съ дождемъ и громомъ. Плаваніе въ этихъ моряхъ сопряжено съ большимъ безпокойствомъ; по ветру слѣдовало бы нести большіе паруса, а частые порывы заставляютъ брать рифы, иначе не трудно потерять рангоутъ; ни бдительность, ни осторожность не пособятъ въ противномъ случаѣ. На другой день напелъ свѣжій порывъ отъ SW; вѣтеръ удержался и подогналъ насъ значительно къ ос. *Принца Валлійскаго*, лежащему при входѣ въ Малаккскій проливъ, въ шир. 5°12', N и долготѣ 98° 12', O отъ Гринича, и отдаленнаго отъ матераго берега полуострова Малакки небольшимъ проливомъ до 2 миль. Здѣсь располагалъ нашъ капитанъ простоять нѣсколько дней, чтобъ запастись провизіей. Въ 8 часу вечера мы потребовали лодмана, подъ проводкою котораго, при тихомъ бомбрамсельномъ вѣтеркѣ, стали на рейдѣ *Джорджъ Тоуна* на якорь, въ разстояніи не болѣе 1 мили отъ берега.

Приходъ нашъ на рейдъ богатнаго острова Пуло-Пинанга, —получившаго названіе «острова бетеля» отъ множества растущаго на немъ этого корня, о которомъ я упоминалъ въ описаніи Никобарскихъ острововъ,—былъ въ полномъ смыслѣ очарователенъ. Луна таинственно освѣщала гористый Пинангъ; лучезарныя звѣзды изрѣдка покрывались легкими и прозрачными облаками, огоньки ясно обозначали разбросанныя строения города, и вѣяніе ароматическаго береговаго воздуха было болѣе, чѣмъ пріятно. Все это невольно настроивало насъ къ нѣмой, горделивой восторженности, которая прерывалась на время пріятнымъ шумомъ у водорѣза, напоминавшимъ небольшой ходъ транспорта. На палубѣ было тихо, тише, чѣмъ въ будуарѣ модной очаровательницы въ полночную тишину!... Якорь, отданный на 13-ти саженой глубинѣ, съ силою ринулся въ царство астрономическихъ черепахъ и страшныхъ про-

жорь, и можетъ быть раздавить не одну дорогую жемчужину!... Между тѣмъ люди разсыпались по реямъ крепить паруса. Вскорѣ мало-по-малу все улеглось, и на палубѣ нашего Або остались одни вахтенные. Съ полуночи вѣтеръ было загудѣлъ отъ NO, набѣгая ежеминутными и сильными шквалами, но ко 5 часамъ утра однако стихъ, и погода простояла еще слѣдующіе два дня довольно хорошая и тихая.

На другой день, утромъ, Пуло-Пинангъ явилъ намъ одинъ изъ тѣхъ очаровательныхъ видовъ, которыми такъ роскошно надѣленъ Южный Архипелагъ. Благодатная возвышенность острова, достигающая мѣстами болѣе 2000 ф., была убрана богатою растительностью, между которою, къ сѣверу, красовался сигнальный павильонъ. Около него разбросаны домики, убранные плетнемъ; въ окрестностяхъ густые лѣса, всюду величественный бамбукъ. Въ этой гористой части острова воздухъ прозраченъ до невѣроятности; отъ этого онъ чрезвычайно здоровъ больнымъ, которые обыкновенно пріѣзжаютъ сюда лечиться изъ англійскихъ конторъ. Температура благоприятственнато воздуха Пинанга рѣдко измѣняется между 5° и 6°. Однако въ низменныхъ частяхъ острова бывають иногда лихорадки, а цо времянамъ и холера.

Единственный городъ на Пуло-Пинангъ называется *Джорджъ Тоунъ*, или *Танжонъ Панака*, какъ его называютъ Малайцы. Онъ построенъ на сѣверовосточной сторонѣ острова, и содержится въ большой чистотѣ. Для защиты города служить *Фортъ-Корваллисъ*; но онъ не представляетъ значительной обороны городу. Рейдъ обширенъ; онъ образуется большимъ проливомъ, и составляетъ значительную губу, въ которой множество прекрасныхъ гаваней. Число жителей полагають до 50 тысячъ, Малайцы, Беггалыцы, Кохинхинцы, Китайцы, Сямцы и Аравитяне составляютъ главную часть населенія, которая добавляется небольшимъ числомъ Европейцевъ: Англичанъ, Португальцевъ и Голланцевъ. *Джорджъ-Тоунъ* устроенъ со всею колониальною роскошью; довольно сказать, что здѣсь *издается политическая и литературная газета*. Есть множество школъ и учреждено нѣсколько библиотекъ.

Основаніе или первоначальное заселеніе острова Пуло-Пинанга довольно любопытно. Офицеръ англійской морской службы, капитанъ Лейтъ, случайно оказалъ нѣкоторыя услуги королю Кведахскому, который, въ изъясненіе своей благодарности, подарилъ ему незаселенный въ то время островъ Пинангъ; это было въ 1785 году. Вѣрный Британецъ предложилъ пожалованную землю своему отечеству, которое, *разумеется*, не замедлило устроить здѣсь колонію, губернаторомъ которой назначило самаго Лейта. Это обстоятельство ветревожило было опрометчиваго Короля; но 60 тысячъ піастровъ ежегодной платы успокоили его однако. Капитанъ Лейтъ принялъ новую колонію въ завѣдываніе, отъ имени Великобританіи, въ день рожденія принца Валлійскаго (августа 11 1786), въ честь котораго островокъ получилъ это названіе. Такимъ случайнымъ образомъ получила свое бытіе это колонія, которая находится въ настоящее время въ самомъ цветущемъ состояніи.

Въ числѣ посѣщавшихъ нашъ транспортъ, были также индійскіе мумлы, съ которыми мы познакомились на берегу, въ мечетяхъ. Старшій изъ нихъ, *Псейхъ-Абдуль-Каберь Леба*, пріѣхалъ къ намъ, въ день нашего отхода, съ значительною свитою; онъ роздалъ намъ на память и въ знакъ уваженія по нѣскольку бѣлаго и желтаго жасмину, почтивалъ дивными ананасами, бананами, манго и монгустанами. Здѣшніе фрукты считаются лучшими въ Индіи. Мы поблагодарили, и положили по піастру въ пользу сиротъ и вдовъ, принадлежащихъ ихъ приходу.

— Аллахъ, Аллахъ! говорилъ старшій мумла съ удивленіемъ и обращая свои взоры къ небу, когда нашъ старшій лейтенантъ объяснилъ ему, что мы идемъ изъ своего отечества, гдѣ вода принимаетъ иногда отвердѣлость гранитныхъ скалъ, на другой конецъ нашего царства; что идемъ уже болѣе семи мѣсяцевъ, и въ четыре мѣсяца едва ли еще достигнемъ нашей цѣли. Это было для него поразительно, и онъ безпрестанно восклицалъ:

— Аллахъ, Аллахъ!

Мы курили съ ними индійскія *гуни* (въ родъ турецкаго кальяна), бесѣдовали и лакомились плодами. Одинъ изъ

нашихъ офицеровъ подарилъ старику мумла портретъ нашего благополучно царствующаго Императора Николая I; нужно было видѣть, какъ почтенный и сѣдовласый мумла умѣлъ оценить этотъ дорогой подарокъ.

На Пуло-Пинангъ нѣтъ ни львовъ, ни тигровъ, ни леопардовъ,—этихъ страшныхъ и свирѣлыхъ жителей материка; ихъ замѣняетъ роскошная растительность и богатство всякаго рода естественныхъ произведеній. Главнѣйшіе между ними: мускатные орѣхи и перецъ; послѣдняго высылается отсюда ежегодно до 10 тысячъ центнеровъ. Кроме того бетель, рисъ, кофе, корица, гвоздика, индиго, табакъ, хлопчатая бумага и проч. составляютъ также значительную отрасль колониальной торговли. Здѣсь много прекрасной рыбы, устрицъ и морскихъ черепахъ. Извѣстнаго лакомства Китайцевъ—гнѣздъ ласточекъ—здѣсь также достаточно. Вообще надо замѣтить, что ос. Пуло-Пинангъ, благопріятствуемый природою, чрезвычайно какъ плодороденъ.

Въ 11 часу утра, мая 18, мы снялась съ пуло-пинангскаго рейда, и подъ проводкою взятаго нами въ Джорджъ-Тоунъ лоцмана, пошли Малаккскимъ проливомъ къ SO. Все разстояніе отъ Пуло-Пинанга до Сингапура составляетъ около 450 миль; при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, этотъ переходъ можно сдѣлать въ двое сутокъ; но не таково море, которымъ намъ предстояло плыть,—не таково и счастье тѣхъ, которымъ судьба предназначила пронести *впервые* русской побѣдоносный флагъ Малаккскимъ проливомъ!... Сѣдовласый Эоль предопредѣлилъ намъ грустное плаваніе въ этихъ моряхъ... мы совершили его въ четырнадцать сутокъ!... Тихіе, бомбрасельные южные вѣтерки, съ сильнымъ противнымъ теченіемъ, измучили насъ до невѣроятности. Что часъ, то поворотъ—а проку мало! Нѣсколько разъ мы были вынуждены становиться на якорь, и изъ всѣхъ этихъ стоянокъ—на верпъ, или на якорь, смотря по силѣ теченія—памятна намъ въ особенности одна. Это было 29 мая; мы стояли на Даггистъ, за сильнымъ противнымъ теченіемъ, нѣсколько южнѣе параллели крѣпости и города Малакки, и при сдѣлавшемся небольшомъ вѣтеркѣ отъ SW, стали сниматься съ якоря, но вымбовки ло-

мались; якорь, по-видимому, вовсе не желалъ оставить своего покойнаго ложа въ пловатомъ грунте, въ которомъ онъ такъ сильно увязъ, что мы едва только поправились къ 3 часамъ утра: около *шести* часовъ трудной и утомительной работы стоила, — намъ эта памятная съемка.

Удобнѣйшее и безопаснѣйшее плаваніе Малаккскимъ проливомъ считается во-время NO муссона. Тогда бываютъ рѣдки грозы, шквалы и проливные дожди, которые неизбежны и такъ неприятны и утомительны во-время SW муссона, дуящаго съ апрѣля по октябрь. По этому въ плаваніи Малаккскимъ проливомъ въ продолженіе этого муссона, необходимо держаться по возможности ближе къ Малаккскому берегу, чтобъ пользоваться легкими береговыми вѣтрами, дуящими по почамъ отъ OSO и иногда O. Впрочемъ SW муссонъ рѣдко когда доходитъ далеко въ проливъ, встрѣчая препятствіе въ Суматрскихъ высокихъ берегахъ. Они, заслоняя проливъ отъ силы и направленія этого вѣтра, причиною, что въ проливъ всегда штили или легкіе вѣтерки отъ SSO и OSO, при которыхъ, — особенно въ южной части пролива, гдѣ скорость теченія доходитъ иногда до 7 узловъ, — трудно что-нибудь вылавировать. Известные здѣсь шквалы, называемые Суматрами (the Sumatras), бываютъ необыкновенно жестоки и продолжительны. Чтобъ испытать ихъ, нужно только придержаться поближе къ суматрскому берегу, во-время SW муссона. Замѣчательны также NW шквалы, которые впрочемъ несравненно слабѣ первыхъ; имъ предшествуетъ черное облако, быстро поднимающееся отъ горизонта. Теченія въ проливъ очень неправильны; только въ некоторыхъ его частяхъ замѣчаются правильные приливы и отливы: это у Малаккскаго берега и отъ Арроа до Каримонскихъ острововъ. Отливъ имѣющій направленіе къ NW, гораздо сильнѣе и продолжительнѣе прилива. Плаваніе около такъ называемыхъ Песковъ (the Sands), между Парселарь-Геслемъ и двухъ съ половиною-саженною банкою и множествомъ острововъ около западной оконечности ос. Сингапура, должно быть въ особенности осмотрительно и осторожно. Это почти единственныя мѣста, которыя нѣсколько опасны въ Малаккскомъ проливѣ.

Еще въ недавнемъ времени плаваніе Малаккскимъ проливомъ было очень опасно, по жестокимъ разбоямъ Малайцевъ. Ихъ, правда, иногда проучивали добрымъ порядкомъ, но мѣры эти были слишкомъ недействительны, для совершеннаго истребленія этой саранчи. Лѣтъ за сорокъ тому, они были однако жестоко наказаны англійскимъ фрегатомъ, заштилелавшимъ вблизи Сингапурскаго пролива, въ виду Каримонскихъ острововъ, этого гнѣзда морскихъ разбойниковъ. Дѣло въ томъ, что Малайцы приняли боевой фрегатъ за обыкновенное купеческое судно, и выѣхали на него въ числѣ болѣе ста вооруженныхъ лодокъ. Съ фрегата, разумется, замѣтили это движеніе злодѣевъ, и капитанъ рѣшился ихъ наказать достойнымъ образомъ. Онъ приказалъ задраить порты, и оставилъ на палубѣ не болѣе 20 человекъ людей; реи поставили козломъ, фалы потравили, шкоты не осадилъ до мѣстъ, и вообще старались придать фрегату видъ коммерческаго судна. Обманутая наружностью, лодки приблизились къ фрегату, а некоторые изъ нихъ жемали даже нагло пристать къ борту; но этимъ маскарадъ и кончился: батареи были моментально открыты, и страшная сила фрегата обнаружилась громогласно. Изумленные ревомъ орудій, Малайцы думали обратиться въ бѣгство, но постоянный огонь съ фрегата потопилъ ихъ почти безъ исключенія. Только цѣлѣнноту полуразбитыхъ лодокъ успѣли еще кое-какъ достигнуть Суматрскихъ береговъ, гдѣ они, вѣроятно, не скоро очнулись отъ неожиданности. — Утверждаютъ, что съ-тѣхъ-поръ разбой значительно уменьшился; впрочемъ, этотъ громовой ударъ уничтожилъ почти всю разбойничью флотилію. Въ настоящее время по Малаккскому проливу часто прогуливаются англійскіе военные пароходы, которые принимаютъ возможные средства для уничтоженія и совершеннаго истребленія коромонскихъ и суматрскихъ разбойниковъ. Между тѣмъ, въ бытность нашу въ Джордж-Тоунъ происходило слѣдственное дѣло по варварскому разбою, подробности котораго слѣдующія.

Въ началѣ 1841 года, Остъ-Индская компанія отправила въ Сингапуръ бригъ съ индійскими преступниками, которые, надо замѣтить, никогда не судятся и не наказываются въ самой Индіи, но отсылаются обыкновенно въ Сингапуръ.

Экспедиция судна была по каким-то обстоятельствам незначительная, но преступники хорошо скованы. Однажды, когда бригъ находился въ виду королевства Ачимъ (на сверномъ берегу Суматры), преступники, разбивъ цѣпи, освободились и — перерезали всѣхъ Англичанъ, кромѣ одного повара. Совершивъ это ужасное убійство, они прибыли вскорѣ въ Ачимъ. Съѣзжая на берегъ, для продажи прованта и возможныхъ вещей съ брига, они уводили всегда всѣ шляпки, чтобъ поваръ, котораго оставляли, раззультся, постоянно на суднѣ, не пошалъ къ королю Ачима, и не разсказалъ бы ихъ кроваваго преступленія. Но къ счастью, предосторожности злодѣевъ были напрасны: поваръ переплылъ на опрокинутомъ ведрѣ, въ довольно темную ночь, на берегъ, гдѣ разсказалъ все случившееся Королю, который, находясь по трактату въ дружескихъ сношеніяхъ съ Остъ-Индскою компаніею и желая ей угодить, предалъ всѣхъ убійцъ въ руки Англичанъ, извѣстивъ правительство въ Пуло-Пинангъ, что онъ задержалъ разбойниковъ. — При насъ участь негодяевъ не была еще рѣшена; но можно представить себѣ, что ихъ ждетъ — висѣлица!...

Къ вечеру 1 іюня, мы увидѣли наконецъ проливъ Провителя, и при 6-ти узлахъ ходу — небываломъ у насъ съ давнихъ поръ, — весело приближались къ узкому проходу между подводными камнями острововъ Роббитъ и Коней. Здѣсь выказалъ нашъ лоцманъ, прохворавшій весь переходъ Малаккскимъ проливомъ лихорадками, все — свое молодечество и искусство: не смотря на темную ночь, въ которую мы рѣшились идти этимъ *щекотливымъ* проходомъ, онъ смѣло лавировалъ среди опасныхъ мѣсть, которыми окруженъ островъ Сингапуръ, и обогнувъ ихъ благополучно, привелъ насъ къ полудню слѣдующаго дня на Сингапурской рейдъ.

Небывалый еще флагъ, на рейдъ этого города, привлекъ множество лодокъ къ нашему борту, въ какая необыкновенная смѣсь племенъ и породъ явилась на палубѣ нашего Або!... Здѣсь, смотришь, сидитъ величественный и горделивый Мавръ, прислонясь къ корронадѣ и разложивъ предъ

собою мускутъ, макассарское масло, мелкій жемчугъ, изумруды и т. п., запрашивая за все въ три-дорога; тутъ Бенгалецъ съ плодами, предлагаетъ вамъ ананасы, бананы, табакъ и сигары; немного поодаль Китаецъ, съ бородкою и заплетенной косою, съ узкими и продолговатыми глазами, съ засаеною скуфьей на головѣ и въ длинномъ жилетѣ по-поясъ, — продаетъ куртки панталоны, жилеты и башмаки; возлѣ него Малаецъ, въ конусообразной шапкѣ и съ грубой физиономіей, навязчиво предлагаетъ цыновки, малайскія копья и крисы (кинжалы) —, и весь этотъ хаосъ необыкновеннаго смѣшенія увлекателевъ, въ высшей степени живописенъ!... Крикъ попугаевъ, пронзительный визгъ обезьянъ, тринадцать нарвчій, добродушный хохотъ нашихъ людей — все это шумно оглушало воздухъ, воздухъ тихаго, прекраснаго, пальмаго и — почти — экваторіальнаго дня!...

На рейдъ стояло множество купеческихъ судовъ; подобнаго разнообразія флаговъ намъ нигдѣ не случалось видѣть. Тутъ были суда Соединенныхъ Штатовъ, Генуи, Голландіи и другихъ европейскихъ державъ, были и китайскія джонки, бугійскія лодки, малайскія проа, сіямскія барки и кохинхинскія суда. Всѣ они были болѣе или менѣе хорошей постройки и опрятнаго вооруженія; разумеется, я не причисляю къ этому разряду китайскихъ джонгъ; это перлъ дикаго вооруженія, конструкціи и неопрятности!... Сосѣдство подобнаго судна даже отчасти неприятно!...

Смотри на торговую дѣятельность юнаго Сингапура, едва только возникшаго въ этомъ столѣтіи, невольно изумишься предприимчивости и опытности Англичанъ, всюду основывающихъ колоніи. Сингапуръ, послѣ мирнаго договора, по которому были возвращены Голландіи почти весь ея владѣнія въ Малайскомъ Архипелагѣ, составлялъ давнишнюю цѣль политическихъ впадовъ Британцевъ и въ-особенности англійскаго губернатора въ Батавіи, Сэра Стэмфорда Раффельса, желавшаго упрочить для своего отечества передовое владѣніе въ Китайскомъ морѣ. По тщательномъ осмотрѣ удобнѣйшихъ мѣсть, болѣе всѣхъ обратилъ его вниманіе

островъ Сингапуръ*, и 6 февраля 1819 года, онъ былъ принятъ во владѣніе полковникомъ Фарггоромъ, и основаніе конторы положено.

Нельзя удивиться, какъ въ это короткое время могла развиться такая обширная мѣховая и частью даже оптовая торговля; разумется, мануфактурной промышленности нельзя еще требовать отъ только что возникшей колоніи: это пріобрѣтается временемъ. Но замѣчательно, что здѣсь насчитываютъ ежегодно до ста экспедицій, прямо изъ англійскихъ портовъ; кроме того, это множество судовъ различныхъ видовъ и флаговъ, о которыхъ я упоминалъ, дѣятельно участвуютъ въ этой промышленности народовъ всего южнаго архипелага. По этому Сингапуръ очень естественно называется центромъ дѣятельности и торговли острововъ Восточной Индіи. Отсюда вывозится много китайки, шелковъ, китайской бумаги, жемчужныхъ раковинъ, камфоры, драконовои крови, перцу, сіамскаго сахару, японской мѣди, кофе, слоновой кости, ревеню, гвоздички, мускатныхъ орѣховъ, черепахъ, мускусу и т. п. Говорятъ, что въ настоящее время въ оборотъ ежегодно до 150 миліоновъ франковъ: такъ быстро увеличилась эта торговая дѣятельность южнаго Сингапура. Чего же можно будетъ ожидать въ-послѣдствіи?...

Островъ Сингапуръ, находится при S оконечности полуострова Малакки, отъ котораго онъ отдѣленъ небольшимъ проливомъ. Собственно городъ, носящій имя острова, лежитъ въ широтѣ 1°17' N и 103°500' долготы отъ Гринича. Онъ раздѣляется на три квартала: Китайскій, Малайскій и Европейскій; послѣдній отличается опрятностью, легкото и красивою архитектурою миленькихъ домиковъ. Китайскій кварталъ служитъ для всего города рынкомъ: здѣсь сосредоточиваются всѣ лавки и магазины. Малайскій кварталъ нѣсколько отдаленъ отъ первыхъ двухъ. Замѣчатель-

* Англійская Остъ-Индская компанія купила у Джогорскаго Султана, которому принадлежалъ Сингапуръ, право завести контору на южной части острова; но быстрое процвѣтаніе этой новой колоніи подадо имъ мысль завладѣть, не только всѣмъ Сингапуромъ, но и окружающими его небольшими островами.

но, что всѣ вообще Малайцы живутъ въ мѣстахъ болотистыхъ, около прибрежья. Тамъ, гдѣ болѣе сырости, смрада и зловонныхъ испареній — тамъ и ихъ жилища. Впрочемъ, сингапурскіе жители этого квартала резко отличаются отъ своихъ одноплеменниковъ кротостью нрава и несравненно болѣею образованностью. Но кивжалъ, или *крисъ* на ихъ парвчи, вѣрный и перемѣнный спутникъ каждаго Малайца; въ этомъ отношеніи они не уступаютъ Черкесамъ.

Составъ жителей сингапурской колоніи заключаетъ въ себя Китайцевъ, Малайцевъ, Индѣйцевъ, Явайцевъ, Сіамцевъ и другихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ; въ особенности два племени народовъ составляютъ главное народонаселеніе Сингапура, которое полагаютъ до 40 тысячъ: это Китайцы и Малайцы; ихъ полагаютъ до $\frac{1}{8}$ всѣхъ жителей. Но пальма первенства между ними принадлежитъ, безспорно, Китайцамъ, какъ по дѣятельности, такъ равно и по умственному образованію. Китайцы занимаются здѣсь оптовою торговлею, продажею цѣнныхъ галантерейныхъ вещей, маклерствомъ, земледѣіемъ, мореходствомъ и т. п., — а Малайцы занимаютъ должности дровосѣковъ, иногда земледѣльцевъ и лавочниковъ, но преимущественно обязанности лодочниковъ и рыбаковъ.

Почва острова Сингапура чрезвычайно плодородна; богатый строевой лѣсъ является здѣсь въ изобиліи, а въ немъ множество обезьянъ, дикихъ кошекъ, дикобразовъ и т. п.; но тигровъ, львовъ, носороговъ и другихъ хищныхъ звѣрей полуострова Малакки на Сингапурѣ нѣтъ. Птицы чрезвычайно разнообразны и многочисленны. Говорятъ, здѣсь болѣе 200 породъ змѣй, изъ которыхъ двѣ только ядовиты.

Мнѣ рассказывали случайно про ловлю обезьянъ; я бы и вѣрить не хотѣлъ, что для ловли этихъ забавныхъ животныхъ употребляются тѣ же средства, о которыхъ я слыхивалъ въ дѣтствѣ въ *отрадныхъ* сказкахъ. Употребительнѣйшее изъ нихъ заключается однако въ кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, который, до половины насыпанный рисомъ, зарывается въ землю. Обезьяна, добравшись до риса, ни за что не разожметъ сжатаго кулака, чтобъ не выронить и зерна, а между тѣмъ горлышки кувшиновъ дѣ-

лаются так узки, что не разжатую лапку обезьяна не вытащить из кувшина. Ловцы приходятъ, сажаютъ ихъ въ клетку и потомъ уже *разбиваютъ* кувшинъ, чтобъ освободить лапку пойманной обезьяны. Трудно это приписать глупости этого хитраго животного; скорее, думаю, можно предположить въ немъ настойчивость.

По климату, Сингапуръ нѣсколько ниже Пуло-Пинанга; но и здѣсь воздухъ здоровъ и благопріятенъ болынымъ. Плоды вкусны и благовоны, въ особенности манго и дивныя мангустаны; но послѣдніе далеко уступаютъ пуло-пинангскимъ. Я видѣлъ здѣсь ананасы необыкновенной величины: болышій діаметръ былъ 8½, а меньшій болѣе 4 дюймовъ длины. И эти сочные, ароматическіе ананасы продавались по пяти пайсовъ *!— Овощи прозябаютъ прекрасно. Мускатовыя плантаціи разведены на всемъ островѣ въ изобиліи.

Все войско сингапурскаго правителя состоитъ въ 50 палкахъ: убедительное доказательство въ уваженіи жителей властямъ мудрыхъ Британцевъ. Содержаніе этого войска обходится въ нѣсколько тысячъ піастровъ.

Здѣшній рейдъ представляетъ прекрасную и безопасную якорную стоянку, которая не тревожится ни крѣпкими вѣтрами, ни штормами. Бывающіе здѣсь по временамъ смерчи не опасны и не оставляющіе, по-крайней-мѣрѣ, грустныхъ воспоминаній. Рейдъ образуется заливомъ, въ юго-западной части острова. Къ NO отъ города есть маленькая бухточка, которую образовалъ мысъ Сэнди-Пойтъ (Sandy Point); въ нее впадаетъ рѣчка, въ которую могутъ заходить джонки и туземныя проа. На рейдъ нѣтъ никакихъ опасныхъ мелей.

Однажды мы собрались на китайскую джонку, въ 300 тоннювъ. Она была въ совершенной готовности къ отплытію въ Маниллу. Трудно себѣ вообразить хаосъ, который мы встрѣтили на палубѣ этого ликовиннаго судна. На ней было, на худой конецъ, 400 человекъ Китайцевъ, отправлявшихся въ Маниллу по торговымъ дѣламъ. Каждый изъ нихъ сидѣлъ у своего скарба, размышлявшася въ джонкѣ отъ кила до самыхъ бортовъ; палубы на ней не было: нѣ-

* Около пяти копѣекъ ассигнаціями.

сколько досокъ было настлано около бортовъ, а открытая середина, перерезанная бимсами, представляла одинъ общій люкъ; въ немъ можно было натѣпиться развѣстившимися Китайцами; но смрадъ, нечистота и *звѣсть* этихъ господъ, невольно заставили поторопиться осмотромъ курьозной джонки. Въ особенности замѣчательны кабельтовы и перленіи; они вьются изъ камыша, и чрезвычайно удобны для заводовъ. Бухту сваливаютъ *за бортъ*; ходовой лопарь крѣпится у борта джонки, а шлюпка съ верпомъ идетъ впередъ, развивая плавущую за нею бухту кабельтова. Это исполняетъ одинъ человекъ. Блгучій такелажъ весь травяной и волосной. Якорь составленъ изъ крѣпкихъ брусевъ желзнаго дерева; лапы его окованы желзномъ. Эта джонка, стоявшая отъ насъ въ полу-миль, снималась три вечера средѣ съ якоря, чтобъ выйти въ море; но вылавиловать рейдомъ она никакъ не могла. Сопровождавшій эти церемоній шумъ, невольно напоминалъ намъ *мартовскій* концертъ, своими дикими возгласами «Еа—са, оа—оа!» раздававшимся съ джонки, когда на ней подвѣртывали канать.

Забавенъ предразсудокъ Китайцевъ насчетъ джонгъ. Они думаютъ, что вырзанные и разрисованные глаза на носу джонки—непрѣмное украшеніе и принадлежность каждой изъ нихъ,—бдительно *смотрятъ впередъ* во-время плаванія; и если завидятъ какую-либо опасность, то непрѣменно объ этомъ донесутъ. Поэтому они не имѣютъ никогда часовыхъ, чтобъ смотреть на ходу впередъ; случись же несчастіе или раззорительное столкновение, они, по прибытіи въ портъ, затопляютъ джонку и *бьютъ ее палками!*

— Чтѣ жъ, говоритъ Китайцы, если она не съумѣла сберечь своихъ глазъ, будетъ ли она стараться сберечь насъ?...

Джонги, плавающія между Маниллою и Сингапуромъ, совершаютъ ежегодно по одному рейсу въ каждое мѣсто; для этого у нихъ два вѣтра: муссоны, которыми онѣ могутъ пользоваться. Лавировка, какъ я уже говорилъ, не далась быстроглазымъ джонгамъ. При первомъ муссонѣ, слѣдственно, съ апрѣля по октябрь, джонги собираются въ Маниллѣ, а въ остальное полугодіе снова возвращаются въ Сингапуръ.

Пребывание наше в Сингапуръ было чрезвычайно разнообразно и приятно. На обширномъ рейдѣ этого города собирались ежедневно прекрасныя коммерческія суда, между тѣмъ какъ другія уходили въ море. Картина обширной, кипучей торговой дѣятельности на рейдѣ, извѣсть много красоты, красота привлекательныхъ, чарующихъ глазъ; это, по моему, неоспоримо. Подъ-вечеръ одного прекраснаго, въ полномъ смыслѣ тропическаго дня, пришло на рейдѣ съ моря англійское коммерческое судно, корветнаго вооруженія. Оснастка, выправка рангоута, опрятность самаго судна, все это какъ нельзя болѣе было превосходно, нисколько должно было радовать и веселить каждую душу моряка. Одно показалось намъ на немъ забавнымъ; по-крайней-мѣрѣ мы впервые видѣли эти *два паруса* надъ бомъ-трюм-селями, которые у него были поставлены. Это судно, шедшее въ Китай, и сколько я слышала, съ опіумомъ, зашло въ Сингапуръ не на долго, чтобъ запастись водою и провизіей. Не смотря однако на непродолжительность его стоянки, мы обязаны ему забавною сценою, которая разсмѣшила насъ всѣхъ на-появъ. Дѣло въ томъ, что два матроса этого судна, оба молодые Индѣйцы, получивъ отъ своего капитана, еще до прихода на рейдѣ, мѣсячное содержаніе, рѣшились на побѣгъ съ судна. Для этого они выбрали довольно темную ночь, и въ первомъ часу смѣло поплыли на ведрѣ къ берегу, который былъ отъ нихъ почти въ двухъ миляхъ. Проплывавъ мимо нашего транспорта, они, для вѣщаго комфорта, вздумали украсть у насъ съ выстрѣла шлюпку, и подплывъ, стали на нее украдкою взлезать. Ночь была какъ-то въ-особенности жаркая, душная; иные изъ насъ лежали на сигнальныхъ рундукахъ, другіе въ шлюпкахъ, висящихъ на шлюпъ-балкахъ. Вахтенный лейтенантъ и бдительные часовые расхаживали на скамьяхъ, кормѣ и бакѣ, и баковый часовой вскорѣ замѣтилъ и обратилъ вниманіе на небольшой шумъ въ водѣ, который производилъ вылезавшій на шлюпку Индѣецъ. Рассмотрѣвъ наконецъ явственно *какое-то привидѣніе чело-вѣческаго образа*, вылезавшее изъ воды, часовой громко-гласно закричалъ. Это восклицаніе, повторившееся нѣсколько разъ, разбудило насъ. Между тѣмъ, на бакѣ собрались

все вахтенные, стараясь по-возможности рассмотреть въ темной ночи сингапурскихъ водяныхъ чертей. Вахтенный лейтенантъ, догадавшійся о сущности этого обстоятельства, немедленно послалъ за ними шлюпку, приказавъ приготовить фонари. Баковый часовой былъ встревоженъ: онъ утверждалъ, что видѣлъ собственными глазами, какъ одинъ человекъ взлезъ на шлюпку и какъ другой собирался на это.

На другой день извѣстили старшаго лейтенанта того судна, что у насъ задержаны бѣглецы. Онъ незамедлительно прѣхалъ за ними и благодарить за обязательность. — 1-го Іюля, для высокочестиваго дня рожденія Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Всероссийской, мы развѣивались флагами и салютовали 31 выстрѣломъ. Шумель этотъ отраднѣй іюльскій праздникъ въ Петергофѣ!... Нельзя было не унести мысленно туда, на северъ, къ роскошному Петербургу!...

Весела, приятно, увлекательна жизнь моряка въ такомъ плаваніи!... Сколько отраднѣхъ, приводащихъ въ умиленіе душу воспоминаній собираетъ онъ въ этой кочующей жизни!... Не забудемъ при этомъ неоспоримой истины, благодатной наклонности человека вспоминать и помнить только одно утѣшительное, только одно отрадное!... Давно ли тому, какъ мы были въ Пуло-Пинангъ, Никобарахъ, Капштадтѣ и Тенерифѣ, — и вотъ мы давно уже въ Сингапуръ, живемъ почти на экваторѣ — не въ смыслѣ однако кронштадтскаго выраженія, — и живемъ весело, наслаждаемся жизнью!... Да, да, чудныя *Sara* и *Margarithel* вы расшевелили, вы зажгли положительныя сердца нѣкоторыхъ моихъ спутниковъ!... Но что я разбалтываю? Меня могутъ, пожалуй, упрекнуть въ предательствѣ этой сердечной тайны, въ нескромности!... нѣтъ, лучше замолчу!...

Между тѣмъ транспортъ былъ приведенъ въ совершенную готовность къ отплытію; все нужды были исправлены, провизія закуплена и вода налита. Малайскіе красы и копыя, кораллы и раковины, индѣйскіе наряды, китайскія вещицы удивительной работы и многое т. п. было закуплено плавателями, и іюля 6, въ седьмомъ часу утра, мы сня-

лись съ якоря и пошли въ Китайское море. Но едва мы вошли въ границы обширнаго моря Небесной Имперіи, пройдя острова Баттамъ, Бинтангъ, и Педро Бранко, нась подогнала ровный и свѣжій SW муссонъ, и транспортъ нашъ быстро помчался къ Филиппинскимъ островамъ. Меньшій ходъ ограничивался 6, а самый большій 10½ узлами.

Плаваніе Китайскимъ моремъ бываетъ въ-особенности опаснымъ и неизвѣрно бурнымъ при перевѣтв муссоновъ. Впрочемъ, кромъ февраля, марта и первой половины апрѣля, здѣсь господствуютъ постоянныя крѣпкіе вѣтры, которые, при сильныхъ и неправильныхъ теченіяхъ, нередко служатъ гибелью множеству купеческихъ и даже военныхъ судовъ. Кромъ того въ Китайскомъ морѣ составляютъ очень обыкновенное явленіе *тифоны*, господствующіе здѣсь съ мая по ноябрь, и сплу которыхъ испыталъ г. капитанъ Крузенштернъ, *первый русскій* мореплаватель, обнесшій русскій могущественный флагъ *вокругъ свѣта*.

Къ 15 июля, мы подошли на видъ Филиппинскихъ острововъ; но по мѣрѣ приближенія къ берегамъ, усердный муссонъ истощался, и послѣ обѣда сдѣлалось тихо, такъ что подъ конецъ почти заштилело: ходу было не болѣе 1¼ узловъ, при маловѣтріи изъ SO четверти. Такъ провели мы и утро 16 числа; но къ полдню однако вѣтеръ размыгрался, и мы побѣжали по 6 узловъ къ Люсону, богатѣйшему острову изъ всего Филиппинскаго архипелага, въ которомъ насчитываютъ до 1000 острововъ и островковъ. Здѣсь, собственно въ Манилль, намъ предстояло провести нѣсколько дней, чтобъ окончательно запастись возможною провизіею, по-крайней-мѣрѣ на полъ-года, потому-что отсюда мы шли прямо къ цели нашего назначенія—въ Камчатку, гдѣ, вѣроятно, нельзя будетъ запастись никакою провизіею, по недостатку того края въ припасахъ. Между-тѣмъ мы имѣли въ виду пріятное лакомство: превосходныя манильскія сигары!..

Къ вечеру, очертанія береговъ становились все болѣе явственными, и вскоре представилась намъ обширная бухта, составляющая Манильскій рейдъ. Онъ раздѣляется небольшо-

Въ Японскомъ морѣ, въ 1804 году.

шимъ островомъ Коррихадоромъ на двѣ части; этотъ островокъ вооруженъ сильными батареями, и содержитъ значительный гарнизонъ.

Но вотъ мы и въ водахъ прекраснаго рейда!.. Величественно роскошныя берега его имѣютъ въ окружности болѣе 40 миль. Множество прекрасныхъ судовъ и невзрачныхъ джонгъ были живописно разбросаны на рейдъ, на которомъ мы бросили якорь въ 8 часовъ вечера, на 6 саженихъ; въ разстояніи около 2 миль отъ берега.

Филиппинскій Архипелагъ составляетъ одну изъ богатѣйшихъ странъ по плодородію своей почвы, здоровому климату и роскошному местоположенію. Въ особености это необходимо отнести къ Люсону, обширнѣйшему острову, этого архипелага. Онъ имѣетъ длину 500 миль по меридіану, а ширину достигаетъ почти 200 миль. Острова Филиппинскаго Архипелага, разбросанныя между S и 19° N широты, принадлежатъ открытіямъ двадцатыхъ годовъ 16 столѣтія. Лѣтъ пятьдесятъ спустя, Жуанъ-де-Сальсадо разбилъ съ горстью Испанцевъ туземныхъ жителей Люсона, и основалъ Маниллу. Съ-тѣхъ-поръ положено прочное владычество Испанцевъ на этомъ благодатномъ островѣ, который названъ побѣдителемъ Люсономъ по слову *Люсонгъ*, что означаетъ на нарѣчій туземцевъ пестъ, употребляемый для шелушенія сарачинскаго пшена, который жители вѣшали надъ входомъ въ домъ.

Первобытныя жители Люсона, собственно обитавшіе по прибрежью этого обширнаго острова, составляли нѣкоторые образомъ полобразованное племя. Они имѣли свое правленіе, начальники которыхъ назывались *Раджами*, и раздѣлились на людей высшаго сословія и низшаго званія. Все эти народы назывались Тагалама, Напанганами, Цамбалами, Илопосами и Капагананами. Между тѣмъ въ горахъ и непроходимыхъ лѣсахъ Люсона обиталъ другой народъ, называвшійся у Тагаловъ *Этосами* и *Лэтосами*. Испайцы называли ихъ *Горными Неграми*. Они жили въ совершенно дикомъ состояніи; ходили нагіе, и убѣгали заселенныхъ мѣстъ. Замѣчательно, что и по-сіе-время обитаютъ еще на Люсонѣ нѣсколько тысячъ людей, не признающихъ владычества Испанцевъ. Они дѣлаютъ даже на нихъ иногда

набьги изъ своихъ уединенныхъ лесовъ. Число жителей на Лусонъ полагають до одного милліона.

Прекраснѣйшее племя изъ этихъ народовъ составляютъ Тагалы. Они были найдены завоевателями въ *Биондскомъ* предмѣстьи; при этомъ надлежитъ замѣтить, что подъ именемъ Манилы надо понимать ту *часть* города, которая обнесена крѣпостнымъ валомъ. Собственно же городъ состоитъ изъ предмѣстій: *Биондо*, *Тондо*, *Санта-Круцъ*, *Санъ-Себастьянъ* и *Санта-Анна*; они распространяются на нѣсколько верстъ въ длину. Тагалы приняли христіанство безъ особенныхъ затрудненій: это можетъ служить доказательствомъ, что они не были подчинены вліянію религіознаго фанатизма, столь губельнаго для дикарей, этихъ низшихъ братьевъ нашихъ!... Они кроткаго и тихаго нрава, одарены способностями и имѣють благовидную и свѣдую наружность. Костюмъ ихъ почти европейскій; въ особенности мила Тагалка въ своемъ нарядѣ: коврикъ, которымъ она обертываетъ свою полосатую юбку, плотно прижимаетъ къ тѣлу одежду, и роскошныя формы стана обрисовываются въ правильныхъ очертаніяхъ; прибавьте къ этому мѣдноватый цвѣтъ лица, рядъ прекрасныхъ зубовъ и пушкинскую босую ножку, съ едва держашейся на носкѣ бархатной туфлей,—и портретъ той Тагалки, у которой я по приходу на рейдъ покупалъ *Manilla*, у васъ, по возможности, передъ глазами. Замѣчательно, что это племя имѣеть двѣ господствующія страсти: къ *игрѣ* и *куренію*. Но, стопъ однако!... Хорошо же я, сказать между прочимъ! Мнѣ слѣдовало бы, по настоящему, вести дневникъ: прибавленіямъ не было бы конца!... Видѣть утонченный *пѣтушій бой*, еще въ Сингапурѣ, и не сказать до-сихъ-поръ ни слова: это, отчасти, даже наивно съ моей стороны; но я постараюсь впоследствии загладить опрометчивость, съ которою упустилъ изъ вниманія эту тактическую борьбу.

И такъ, я остановился на томъ, что Тагалы имѣють двѣ неумѣренныя страсти, именно къ *игрѣ* и *куренію*. Последняя распространяется и на женщинъ; но этого мало: въ Манилѣ нѣтъ ни одной хорошенькой дѣвicy, нѣтъ даже 12 лѣтнаго ребенка, который бы не курилъ: здѣсь рѣшительно *все* курятъ! Но какъ бы то ни было, а сигара во

рту хорошенькой женщины, въ прозрачныхъ ручкахъ нашихъ очаровательницъ — по моему рѣшительно всего хуже. Хотя бы мнѣ

..... «не должно смѣть,

Свое сужденіе имѣть.»

Но, воля ваша, — а мнѣ это не нравится. Чего мнѣ: не угодно ли послушать подробности полной насмѣшки, которую разыграли матросы одною французскаго фрегата, посѣщавшаго Манилу въ 1830 годахъ. Они заказали огромную сигару, въ нѣсколько футовъ длины и соразмѣрной толщины, и при торжественномъ шествіи по Биондскому предмѣстью, курили ее слѣдующимъ образомъ: три человека тащили ее съ притворнымъ усиленіемъ на плечахъ, между тѣмъ какъ четвертый, въ костюмѣ Тагалки, курилъ эту громадную сигару, пуская цѣлыя облака дыму. Мужчины смѣялись этой насмѣшкой, а женщины, говорятъ, чуть было не произвели бунта. Долго ли тутъ, право, до бѣды!...

Относя эту страсть Испанокъ и вообще европейскихъ дамъ Манилы къ одной замѣчательной переимчивости, нельзя удержаться отъ замѣчанія о томъ, что господна Европейцы считаютъ здѣсь неприличнымъ, *mauvais genre*. Вы, можете-быть, не повѣрите, что порядочные люди здѣсь не носятъ неподражаемыхъ соломенныхъ шляпъ, достигающихъ цѣности нѣсколькихъ тысячъ рублей: они предпочитаютъ имъ *Французскія пуховыя шляпы*, — хотя онѣ вовсе и не по климату, ни чѣмъ не красивѣе, — и потому только, что мода, на которую между-тѣмъ все жадуется! А върогатно ее ввели не Тагалы, а тѣ же Европейцы.

У Тагаловъ есть особенный родъ сигаръ, называемый *фамильнымъ*: это оправдывается отчасти величиною этихъ объемистыхъ сигаръ, изъ которыхъ каждая удовлетворяетъ все семейство Тагала въ теченіе нѣсколькихъ дней. Можно составить себѣ понятіе о величинѣ этого вида сигаръ.

Вторая необузданная страсть Тагала есть, такъ сказать, удовольствіе олимпійское. Она состоитъ въ кровавомъ боѣ пѣтуховъ — атлетовъ. Иныя Тагалы, благодаря смертоноснымъ шпорамъ своихъ пѣтуховъ-бойцовъ, живутъ въ совершенномъ довольствѣ, что называется припѣваючи, и не-

редко приобретаютъ состояніе. Жизнь такого пѣтуха, пстаго храбрца, даже завидна; онъ ласкаемъ своимъ господиномъ болѣе, чѣмъ жена и его дети. Идетъ ли онъ со двора,—пѣтухъ у него подъ мышкой; онъ непремѣнный товарищ Тагала, все его достояніе. Какъ горько оплакиваетъ онъ смерть своего славнаго бойца, если она его постигнетъ!...

Я видѣлъ пѣтушій бой на транспортѣ. Борьба этихъ героевъ была дѣйствительно любопытна. Какъ хорошо они знаютъ главнѣйшее орудіе побѣды: клювъ не бываетъ у нихъ въ употребленіи, а шпоры, надвѣленные искусственнымъ пособіемъ со стороны ихъ владѣльцевъ. Передъ борьбою, на ноги этихъ атлетовъ надвѣваютъ острия, стальные лезвія: ими бойцы искусно наносятъ другъ-другу смертельные удары. Нерѣдко случается, что оба атлета остаются на полѣ сраженія. Ожесточеніе этихъ мощныхъ пѣтуховъ не имѣетъ границъ. Они, оцетинившись, готовы бороться до-тѣхъ-порѣ, пока одинъ изъ нихъ не погибнетъ. Но ихъ не допускаютъ до этого, если дѣло о первенствѣ не идетъ на значительное пари. Въ борьбѣ на пари этихъ бойцовъ даже подпаиваютъ; серьезно, имъ вливаютъ въ клювъ по нѣсколькѣ капель благовоннаго вина, и полное остервененіе овладѣваетъ тогда бойцами. Тагалъ, выигравшій ставку, получаетъ и тѣло несчастой жертвы. При этомъ нужно еще замѣтить, что эти бойцы герои, герои воспитанные для брани, для побѣды.

Я говорилъ уже, что городъ Манилла состоитъ изъ пяти предмѣстій и части, обнесенной крѣпостнымъ валомъ, называемой собственно Маниллой. Весь городъ насчитываетъ до 10 тысячъ жителей; въ немъ есть университетъ, нѣсколько училищъ и госпитали. Знаменитая табачная фабрика, разсылающая въ отдаленнѣйшія страны вселенной свои превосходныя сигары, чрезвычайно обширна; въ ней работаютъ ежедневно—исключая праздниковъ—болѣе двухъ съ половиною тысячъ работниковъ, въ числѣ которыхъ не болѣе 600 человекъ мужчинъ; остальные все женщины. Говорятъ, что испанское правительство получаетъ съ этой фабрики ежегодно чистой прибыли отъ пяти до восьми сотъ тысячъ піастровъ; по чего стоить содержаніе фабрики и

такого огромнаго числа рабочихъ?—Какое же долженъ быть общій оборотъ?—Въ бытность мою въ Маниллу, тысяча лучшихъ сигаръ обходилась въ *шесть съ половиною* піастровъ: почти въ *шестеро* дешевле петербургскихъ цѣнъ. Какъ было не запастись этими дивными сигарами!... Манильская сигара имѣетъ большое преимущество предъ гавайскими сигарами: въ тысячѣ трудно отыскать одну, которая бы не курилась. На этой сигарочной фабрикѣ былъ при насъ одинъ рабочий, слѣпецъ, который занимался свертываніемъ испанскихъ *чуртасъ* (въ родѣ папиросъ) обѣими руками—но такъ ловко, что нельзя было удивиться его прворству. Королевская сигарочная фабрика въ Маниллу устроена превосходно. Она приобретаетъ табакъ отъ жителей, съюющихъ его, по установленной и самой умрѣнной цѣнѣ.

Манилла ведетъ съ давнихъ временъ торгъ съ Китаемъ; но онъ очень незначителенъ. Испанцы цародъ влалый для торговой дѣятельности. Для этого благословеннаго края нужна бы опытность Англичанъ, или трудолюбіе Голландцевъ. Китайцы привозятъ сюда чай, фарфоровую и глиняную посуду, шелковыя матеріи и разные плоды въ сахаръ и варенья, изъ которыхъ особенно въ славѣ инбирное. Въ замѣнъ привозимаго, Китайцы находятъ здѣсь сарачинское пшено, пшеницу, маисъ и т. п. естественныя произведенія, кромѣ того индиго, табакъ и хлопчатую бумагу. Не взирая на дурные способы земледѣлія и вялое трудолюбіе, все эти продукты получаютъ здѣсь въ болѣе шомъ количествѣ. Мы платили, напримѣръ, за мышокъ рису и сахарнаго песку, каждаго по пяти пудовъ, только по два піастра: невѣроятно дешево!—Плодородіе земли и вліяніе климата здѣсь таковы, что пшеницы бываетъ обыкновенно двѣ жатвы въ годъ. Горы Люсона имѣютъ богатые серебряныя, мѣдныя и желѣзныя руды. Словомъ, въ богатствѣ и изобиліи недостатка нѣтъ: были бы только знаніе, опытность и усердіе къ трудолюбію, и тогда этотъ край принесъ бы несметныя сокровища. Было время, что Испанцы строили здѣсь фрегаты и корветы, а теперь они не въ состояніи предпринять и этого.

Торгующее сословіе и ремесленники, болѣею частью, все

Китайцы; они сапожники, кузнецы, портные, столары, — словом, занимаются всеми мастерствами. Въ числѣ ремесленниковъ, говорятъ, нѣтъ ни одного Испанца и очень не много туземцевъ. Всѣхъ Китайцевъ насчитываютъ въ Манилѣ до 6 тысячъ: это народъ трудолюбивый и предприимчивый, но за-то первые плуты во всей вселенной.

Мѣстомъ гульбищъ для Маниллы служитъ огромная площадь, идущая вдоль рейда. Здѣсь собирается по вечерамъ вся знать города и даже богатые Тагалы съ женами и Китайцы. Кстати о Китайцахъ. Забавенъ законъ этой обширной имперіи. Имъ воспрещается въѣздъ женщинъ изъ Небесной Имперіи; по этому мы и не могли видѣть ихъ; Хорошаго и дѣльнаго въ этомъ постановленіи мало, а дурныхъ послѣдствій много.

Но наша пятидневная стоянка въ Манилѣ была коротка, пролетѣла почти незамѣтно. Въ 4 часу утра 23 іюля, всѣ были высвистаны на верхъ сниматься съ якоря, — и мы простились съ Манилою, а съ нею и съ небольшими переходами, которыми плыли отъ Никобарскихъ острововъ. Паруса были отданы, якорь подвергнулся, взяли наконецъ на-катъ, и при тахомъ вътеркъ мы лавировкою стали выбираться съ манильскаго рейда. Кто тутъ при этомъ не вспомнилъ, что мѣсяца, можетъ-быть, черезъ два, мы перенесемъ изъ знойныхъ тропическихъ странъ въ Камчатку, — въ дикую, уединенную и мрачную Камчатку!...

Такъ мы кончили наше плаваніе отъ Никобарскихъ острововъ, Малаккскимъ — проливомъ и Китайскимъ моремъ, до Маниллы.

КАНИВАКСЪ.

СТРАХИ И УЖАСЫ.

РАЗСКАЗЪ.

Сцена чрезвычайно пѣжная и въ высшей степени комическая; невѣста провожаетъ своего жениха слишкомъ за полтора года версты, и дня на четыре — шутка ли?

Она сидитъ на кушеткѣ, съ грустью смотритъ въ лицо ему, будто хочетъ насмотрѣться, прежде чѣмъ съ нимъ расстанется, — и ласкаетъ его волосы своей маленькой ручкой....

Женихъ сидитъ на низенькомъ табуретѣ у ея ногъ, и съ восторгомъ всматривается въ ея голубенькіе глазки, на которыхъ готова показаться слезинка, — лобуетъ ея правильнымъ носикомъ, ея губками и тонкимъ очеркомъ хорошенькаго личика. Они счастливы въ эту минуту, неизобразимо счастливы!...

Но на долго ли?...

— Завтра онъ уѣдетъ! подумала Анята.

— Еще пѣлая недѣля, Боже мой, когда пройдетъ эта недѣля! думалъ женихъ.

Анюта смотрѣла на него грустно, задумчиво.... Сколько любви, чистой, — нѣжной любви шестнадцатилѣтней дѣвушки было въ ея глазахъ....

Онъ поцѣловалъ ея руку.

— Ты ѣдешь, Владиміръ, сказала Анюта тихо, какъ бы боясь вспомнить о томъ, что онъ ѣдетъ: — мнѣ скучно будетъ!... И она разомъ спутала всѣ волосы на его головѣ....

— Не грусти, моя хорошенькая; не тоскуй, другъ мой, отвѣчалъ Владиміръ, нисколько не думая о томъ, что говорить. Онъ едва ли въ состояніи былъ думать!

— Ты не повѣришь, Владиміръ, какъ мнѣ грустно, когда я подумаю, что ты ѣдешь.... Мнѣ хочется плакать! Не ѣзди, милый мой!

— Аннишка, другъ мой, моя несравненная, — вѣдь я ѣду для того, чтобы все приготовить для нашего счастья....

— Все-равно, мой Вольдемаръ, я бы хотѣла, чтобы ты не ѣздишь,—а то вдругъ съ тобой что-нибудь случится....

— Что же можетъ случиться со мной, мой другъ, моя невѣста?...

— Не знаю, Вольдемаръ, но я боюсь.... Потому намъ надоно ѣхать къ тебѣ,—я то же боюсь....

— Чего же ты боишься, дитя?

— Какъ же, я никогда не ѣздила! Мы поѣдемъ лѣсомъ, —я никогда не видала большихъ лѣсовъ. Ну что, если на насъ нападутъ звѣри?

Владиміръ захохоталъ.

— Успокойся, мой другъ, не нападутъ! Здѣсь нѣтъ звѣрей!...

Я не трусиха.... мой Владиміръ, я за тебя только боюсь,— не ѣзди,—прошу тебя; ну за чѣмъ ѣхать?...

И она пристально смотрѣла ему въ глаза. Въ ея взглядѣ было столько грусти, столько мольбы, что всякій посторонній свидѣтель непременно бы расхохотался надъ этимъ умоляющимъ и прощальнымъ взглядомъ, при разлукѣ на четыре дня. Но Владиміръ и въ-самомъ-дѣлѣ готовъ былъ отказаться отъ своей поѣздки, чтобы только утѣшить свою Анюту.... Но потомъ онъ одумался.

— Кто же, мой другъ, приготовить все тамъ? А я бы хотѣла, чтобы когда ты съ батюшкой приѣдешь, все было готово!...

— Мы можемъ вѣнчаться здѣсь, Вольдемаръ, а потомъ поѣдемъ вмѣстѣ....

— Послушай, Анюта, ты знаешь, что я люблю тебя до безумія и ни въ чемъ не могу тебѣ отказать, но ты знаешь, что мой батюшка непременно хочетъ, чтобы мы вѣнчались у себя; а развѣ ты не захочешь исполнить желаніе моего отца и моей матери, которые будутъ твоимъ отцомъ и твоей матерью?...

— О нѣтъ, нѣтъ! я хочу! Поѣзжай Владиміръ, поѣзжай, другъ мой! Если папенькѣ и маменькѣ угодно.... Я только боюсь, ты прости меня, мой милый, что я боюсь.... И она задумалась и опустила голову.

— Боишься, милое дитя? Перестань! Будь благоразумна. Моя деревня всего отсюда 170 верстъ;—одни сутки ѣзди. Черезъ четыре дня и вы съ папа отправляетесь за мной, а между-тѣмъ, все будетъ готово, и Богъ дастъ, въ то воскресенье ты моя.... Обѣщаю тебѣ, что я всего себя посвящу твоему счастью.... Анюточка, моя хорошенькая Анюточка!...

— Мой Володя!...

Вошелъ отецъ Анюты, Дмитрій Александровичъ, почтенный и солидный человѣкъ, нѣжно любившій свою дочь.

Владиміръ, изъ уваженія къ своему будущему тестю, всталъ съ табурета и сѣлъ на канapé подлѣ Анюты.

Дмитрій Александровичъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на

молодых людей и весело повертывать въ рукахъ табакерку.

— Папа, милый папенька, онъ завтра ѣдетъ! сказала Анята чуть не сквозь слезы.

Дмитрій Александровичъ улыбнулся.

— А ты ужъ и плакать, сказать онъ: хорошо, нечего сказать, чудесно! Онъ ѣдетъ по дѣлу, — для того, чтобы все приготовить, а ты хоть бы и не отпускатъ!...

— Да, папа, вы шутите, а я боюсь, папа! Ну что, если съ нимъ что-нибудь случится?

— Случится? На это воля Божія, сказалъ старикъ серьезно. И здѣсь вѣдь можетъ случиться что-нибудь! Ты знаешь, — я по-крайней-мѣрѣ, внушать тебѣ, что безъ Божьей воли....

Анята молчала. Она опять опустила внизъ свою живую и свѣженькую головку передъ серьезнымъ взглядомъ отца.

— Она и задумалась! продолжалъ старикъ, снова любясь своею дочерью и стараясь ее утѣшить. Полно! полно! Не о чемъ тебѣ горевать! Владиміръ Степановичъ поѣдетъ все приготовить, а то намъ и помѣститься негдѣ будетъ у него въ деревнѣ, — а въ четвергъ, помолясь, и мы тронемся.... Да ну, не грусти же! А то ты и на меня тоску нагоняешь!...

Но Анята давно уже улыбалась. Владиміръ говорилъ ей что-то на-ухо, и глаза ея горѣли, улыбка сіяла удовольствіемъ.... Она такъ любила своего Владиміра! Отецъ снова любовался счастливою четой дѣтей своихъ....

На другой день, рано утромъ, Владиміръ уѣхалъ.

Анята не увидитъ его сегодня, и завтра, и послѣ завтра.... Боже мой, четыре дня, — цѣлые четыре дня пройдутъ, пока они поѣдутъ къ нему.

А еще только вчера онъ былъ подлѣ нея, держалъ ей руку, смотрѣлъ ей въ глаза — а теперь, — будто и никогда не было его, — грустно!... Анята вспоминаетъ, какъ пер-

вый разъ онъ прѣхалъ; онъ не понравился ей въ первый разъ! Но потомъ она стала всматриваться въ его тонкія черты лица, стала прислушиваться къ его рѣчи — живой, быстрой, полной ума, чувства.... И она сама не знала, какъ привыкла къ нему, стала заслушиваться его.... И Анята стала дольше стоять передъ зеркаломъ, когда знала, что у нихъ обѣдаетъ Владиміръ; стала чаще надѣвать голубое платье, потому-что Владиміръ сказалъ, что онъ любитъ видѣть ее въ голубомъ платьѣ.... При немъ она стала умѣрять свою дѣтскую игривость, не смѣла увлекаться своею живостію. — Что подумаетъ онъ? говорила она себѣ, и робко смотрѣла въ глаза Владиміру.

Онъ тоже искалъ случая быть подлѣ нея, говорить съ ней, бывать у нихъ чаще и чаще; она съ каждымъ днемъ сильнѣе привязывалась къ нему, — и вотъ она его любитъ, она его невѣста....

Любовь развивалась въ ней безъ борьбы, безъ столкновений съ обстоятельствами; тихо, довѣрчиво отдалась Анята своему чувству, и только теперь поняла, что это чувство страсть, и только теперь поняла могущество страсти....

Владиміръ поѣхалъ, чтобы все приготовить къ ихъ свадьбѣ, потому-что отецъ его, разбитый параличемъ, хотѣлъ лично благословить сына на жизнь съ Анятой; онъ требовалъ, чтобы свадьба была въ ихъ имѣніи, и Владиміръ уѣхалъ.... Анята тосковала. Чего не передумала она въ эти два дня, какъ его не было!

— Ну, что если съ нимъ что-нибудь случится, и я его болѣе совѣмъ не увижу, — никогда? говорила она себѣ.... И слезинка вилѣла на ея рѣсницѣ, и съ невольной грустью твердила она молитву за счастье своего Владиміра....

Два дня прошли. Дмитрій Александровичъ сталъ снаряжать обозъ, который долженъ былъ идти впередъ.

— Мы и горничную твою впередъ отправимъ. Аннинька, говорилъ отецъ: а сами завтра, въ маленькой коляскѣ, на перемѣнныхъ, мигомъ долетимъ....

— Какъ вамъ угодно, папа, только бы скорѣе, отвѣчала Анята.

Обозъ долженъ былъ дожидаться Дмитрія Александровича и Аняту въ большомъ селѣ; изъ этого села былъ поворотъ съ большой на проселочную дорогу, въ имѣніе Владиміра Степановича, которое и всего-то отъ него было верстахъ въ тринадцать.

— Мы не возьмемъ почтовыхъ, а просто наймемъ подставныхъ—до села сто сорокъ верстѣ, налегкѣ, мы сдѣлаемъ ихъ часовъ въ пятнадцать,—разсчитывалъ Дмитрій Александровичъ: значить будемъ въ селѣ засвѣтло! Тамъ люди все приготовить, ты справишься, приодѣнешься, чтобы приѣхать къ Владиміру настоящей невѣстой.... А на другой день по утру мы какъ тутъ явимся....

— Ахъ, папенька, сказа со вздохомъ Анята: скоро ли я увижу его?

— Скоро, мой другъ, скоро, — много что послѣзавтра къ обѣду!

— Папа, здоровъ ли онъ?

— Богъ милостивъ, другъ мой, успокойся....

И точно, Анята стала покойнѣе. Она думала: мы завтра ѣдемъ къ нему,—я его увижу, Боже мой, поскорѣй бы!... Онъ будетъ со мной, возьметъ мою руку....

И мечты дѣвушки разыгрывались. Она вспоминала поцѣлуй, который при прощаньи, украдкой отъ отца, дала она своему жениху.

Губки ея и теперь еще ощущаютъ всю нѣгу, всю сладость этого поцѣлуя.... краска невольна выступала на ея щеки, а ея ямочка, хорошенькая, миленькая ямочка на правой щечкѣ, казалось перебѣгала на другое мѣсто, и казалось тоже улыбалась сладкой и мечтательной улыбкой.... И Анята не тосковала, не скучала въ этотъ день, какъ она скучала и тосковала первые два дня послѣ отъѣзда Владиміра. Она даже, примѣривая передъ зеркаломъ свое подвѣчное платье, которое одно только не успѣла отправить

вмѣстѣ съ другими вещами, вздумала танцовать польку. Цвѣтокъ померанца, приколотый на груди платья, какъ-то радовалъ Аняту; ей было весело на него смотрѣть, онъ казался ей залогомъ близкаго счастья....

Только ввечеру ей стало скучно. Анята взяла книгу и принялась читать. Анята взяла-было сперва путешествіе по Индіи; но ей скоро надобно было безконечное описаніе чуднаго неба, хитростей краснокожихъ и фокусовъ съ змѣями. Она схватила на угаль другую книгу, — изъ тѣхъ, которыя ей папа не велѣлъ ей читать до свадьбы.

— Моя свадьба скоро, думала Анята, и принялась читать страшный романъ, съ венеціанскими страстями, ужасами подземныхъ темницъ, таинственностію совѣта десяти и пиратами XVI вѣка.... Анята увлеклась, читая этотъ бредъ разстроенаго, воображенія. Она съ невольной дрожью вспоминала длинный рядъ событій, воспронзведенный рукой художника. Разбойники, судьи, женщины подъ маской, красавицы, рыцари, хорошенькія венеціанки съ кинжалами за поясомъ, носились передъ ея глазами; нѣкоторыя изъ нихъ указывали на свои раны, изъ которыхъ струилась еще кровь....

— Ну что, если и Владиміръ! подумала Анята. И она затрепетала....

Въ эту минуту въ воображеніи ея живо создалась картина, будто ея Владиміръ дерется съ главнымъ героемъ романа, отчаяннымъ пиратомъ, жестокосерднымъ злодѣемъ. Сабли сверкаютъ, — глаза разбойника горятъ!... Анята замираетъ отъ ужаса.... Владиміръ храбро отражаетъ удары, нападаетъ на пирата; но у того стальная рука; сабля змѣей вьется въ глазахъ Аняты, онъ, кажется, играетъ, сражаясь съ Владиміромъ, и быстро уклоняется отъ ударовъ, вѣрно расчитанныхъ.... Владиміръ вновь нападаетъ, и вновь его сабля скользитъ по саблѣ пирата. Владиміръ употребилъ въ дѣло всю ловкость свою, и задѣлъ разбойника по лѣвой рукѣ. Анята видитъ кровь. Но рана только придала пирату новыя силы; одушевленіе вспыхнуло на этомъ звѣрскомъ лицѣ, сверкнулъ огонь въ зеленоватыхъ глазахъ его, пол-

ныхъ отвѣги; — онъ махнулъ своей окровавленной, изуродованной рукой, съ яростію тигра бросился на Владиміра, ударилъ — искры посыпались, — но Владиміръ успѣлъ уклониться. Разбойникъ нападаетъ съ большей силой, Владиміръ стойтъ, выдерживаетъ, — но вотъ онъ чувствуетъ, что рука его слабѣетъ, онъ уже не такъ рѣшительно отражаетъ удары, — разбойникъ нападаетъ съ новой силой, — Владиміръ невольно подался назадъ, разбойникъ приступилъ, — еще шагъ! Владиміръ еще уклонился отъ удара, — но еще ударъ, и окровавленный онъ упалъ къ ногамъ Анюты. Она хотѣла-было вскрикнуть, но голосъ замеръ въ груди ея; ее славила тоска, ужасная тоска.... Въ ту же секунду она почувствовала, что пиратъ схватилъ ее за талию, поднялъ какъ перышко.... Она чувствуетъ, что ее несутъ далеко, далеко....

Анета видитъ себя на чудномъ острову, подъ голубымъ небомъ Италиі. Апельсины зрѣютъ на деревьяхъ, ароматъ лавра разносится тихимъ вѣтеркомъ.

— Ты моя, говорилъ пиратъ: я купилъ тебя! И онъ махалъ своей изуродованной рукой, по которой струилась кровь и большими каплями падала къ ногамъ Анюты.... Анюта виѣ себя, — не сознаетъ себя....

— Гдѣ Владиміръ? робко спросила она.

Злодѣй засмѣялся, язвительно, нечеловѣчески засмѣялся, и снова выставилъ передъ ней свою окровавленную, красную руку.... Анюта вздрагиваетъ....

И открываетъ глаза.

Она спала. Страшный романъ услышлѣ ея.

Дмитрій Александровичъ между тѣмъ осмотрѣлъ маленькую коляску, въ которой они должны были ѣхать, приказалъ привести лошадей, и только что пробило шесть часовъ, велѣлъ разбудить Анюту.

— Пора, пора, говорилъ онъ: надобно поспѣть засвѣтло; а то ни распорядиться, ни приготовиться....

Анюта вскочила весело; ночныя грезы ея разсѣлились, она съ молитвой встрѣтила ясное утро теплаго лѣтняго дня.

— Здравствуй Анюточка, сказала отецъ: какъ ты провела ночь?

Анюта бросилась къ нему на грудь и съ чувствомъ обила старика отца.

— Ыдемъ, папа, милый папа, сказала она, — и они стали собираться.

Сборы снова разстроили Анюту. Нельзя же было немножко и не поплакать, когда она вставала въ послѣдній разъ съ своей дѣвической постели, оставляла навсегда свою чистенькую комнату, бросала всѣ эти бездѣлки, ничтожныя сами по себѣ, но дорогія или по воспоминанію, которое соединялось съ каждой черточкой карандаша на ея столкѣ, или наконецъ просто по привычкѣ видѣть ихъ подлѣ себя въ теченіе болѣе нежели пятнадцати лѣтъ. Анюта съ чувствомъ взглянула въ послѣдній разъ кругомъ, вздохнула, пошла изъ комнаты и невольно задумалась....

А тутъ явились съ поздравленіями, пожеланіями, куличами на дорогу.... Явились и близкія подруги, съ привѣтомъ дружества на языкѣ, а сами отъ души готовыя растерзать бѣдную дѣвушку, виноватую передъ ними только въ томъ, что она выходитъ замужъ.... Да и какъ же? Развѣ онѣ хуже ея, развѣ сердца ихъ тише бьются? — Развѣ онѣ не умѣли бы также любить?... Что-жъ она такое? Ничтожная, пустая дѣвчонка, — а онѣ хороши, умны, а главное богаты, замѣтьте богаты, да къ тому же и связи есть, родство, карьера, — да почему же онѣ именно ее полюбили? Чѣмъ же она лучше другихъ?... И вотъ каждая старается увѣрить себя, что Владиміръ и глушь, и дурень, — съ родственниками давно перессорившись, да и имѣніе то давно промоталъ, а женится на Анютѣ только для того, чтобы поправить свое состояніе, заплатить долги, за которые кредиторы давно бы уже его посадили, если бы не надѣялись, что онѣ составитъ выгодную партію.... Такимъ хотѣли себѣ представить Владиміра перезрѣлыя невѣсты, и выходили изъ себя отъ до-

сады на чужое счастье.... А между-тѣмъ они мучили Аниоту своими привѣтствіями, своими увѣреніями въ неизмѣнной дружбѣ до гроба, даже, если можно, и за предѣлами вѣчности.

Но не одиѣ только подруги мучили Аниоту своими поздравленіями. Все, что имѣло когда-нибудь отношеніе къ дому Дмитрія Александровича, все это пришло глазѣть, поздравлять.... Тотъ смотрѣлъ, заплаканы ли у Аниоты глаза, та не надѣнетъ ли она подвѣчное платье въ дорогу; а та ждала, что ей дадутъ что-нибудь за ея искусное и безкорыстное пожеланіе счастья.... И вотъ всѣ обступили Аниоту,—и дворничиха, и башмачникъ, и сосѣдъ булочникъ, и кучеръ сосѣда богача, и горничная искренней подруги;— всѣ кланялись, поздравляли, кричали, разсматривали....

Аниоту отуманилъ этотъ шумъ, привѣты, купленное участіе;—ей хотѣлось осмотрѣться, подумать, помолиться, — хотѣлось вспомнить о прошедшемъ, пометать о будущемъ, — а тутъ ее мучатъ всевозможными пожеланіями и осматриваніями....

— Что-то будетъ, невольно спрашивала себя Аниота: — будетъ ли онъ любить меня, мой Владиміръ? Также ли ясно я буду встрѣчать утро съ нимъ, какъ встрѣчала до-сихъ-поръ? Съ такою ли радостію, съ такимъ ли спокойствіемъ обниму я своего стараго пѣна?

— Много, очень много такихъ, или подобныхъ мыслей вертѣлось въ головкѣ Аниоты, и ей хотѣлось убѣжать, запереться, пропасть куда-нибудь отъ этихъ любопытныхъ взглядовъ, нескромныхъ намѣковъ,—но ее окружаютъ, смотрятъ на нее, душатъ дружескими поцѣлуями, сердечными изліяніями, двусмысленными замѣчаніями, и хоромъ напѣваютъ ей привѣтствія. А тутъ надобно позаботиться и о своихъ нарядахъ, уложить ихъ самой, иначе переменить, и будетъ ни на что не похоже.... И слезинка невольно навертывалась на глаза Аниоты.

Наконецъ они поѣхали. Коляска выѣхала за городъ. Прохладный утренній вѣтерокъ освѣжилъ головку Аниоты.... Она оглянулась. Какъ весело ѣхать! Лошади бѣ-

гутъ крупной рысью; по сторонамъ мелькаютъ деревья, вольный воздухъ насильно врывается въ грудь.... Утро,—ясное, лѣтнее утро:—и солнце, кажется, свѣтлѣе свѣтитъ на небѣ, и жаворонки, кажется, пѣвнѣе поютъ свою пѣсню любви, — скошенная трава пахнетъ ароматнѣе.... Кажется, будто Божій міръ сегодня только проснулся отъ сна.— И душа невольно любитъ оживающую природою, сочувствуетъ живнѣе ея прелести, согласію всѣхъ частей, переливу всѣхъ цвѣтовъ, — а сердце, радостное сердце, бьется отъ напряженія — сочувствовать прекрасному....

И весело, привольно было на душѣ Аниоты; она была внѣ себя; она съ жадностію впитала въ себя сельскій воздухъ; съ восторгомъ любовалась видомъ окрестныхъ болотъ, на которыхъ кое-гдѣ торчала чахлая, плакучая береза; она любовалась всѣмъ, потому-что мысль ея поражалась новыми впечатлѣніями, а главное потому, что въ груди ея была надежда,—волшебное, могучее слово, которое заставитъ находить ароматнымъ и душиный воздухъ, находить музыкальнымъ даже скрипъ незасанныхъ колесъ....

Грудь Аниоты была полна надежды на счастье, и самое завидное счастье взаимной любви. Она скоро увидитъ Владиміра, онъ будетъ подлѣ нея,—онъ будетъ жить для нея! И съ чувствомъ истинной радости Аниота смотрѣла на все, что окружало ее въ эту минуту, или лучше сказать на все, что у ней въ эту минуту бѣжало передъ глазами....

Но вотъ часъ, два, три.... Они ѣдутъ! перепрягли лошадей,—закусали наскоро, ѣдутъ далѣе, еще разъ перепрягли лошадей!...

Наконецъ Аниотѣ стало скучно. Ей показалось утомительнымъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и смотрѣть на зелень, на цвѣты, на лѣсъ, на небо, которое начало заноситься сѣроватыми тучами.... Мѣрное движеніе коляски ее укачало, и Аниота, положивъ голову на плечо отца, закрыла свои выразительные глазки и задремала....

Но и во снѣ она думала о своемъ Владимірѣ.—Вотъ уже четыре дня, какъ она его не видала, здоровъ ли онъ, весель ли?—Не разлюбилъ ли ее въ это время? Ну что если онъ

болень, если онъ ее разлюбилъ?... Анюта трепетала вся во снѣ, сердце ея сильно билось; она крѣпче прижималась къ своему отцу, и судорожно сжимала свою ручку.... Потомъ вдругъ Анютѣ пришли на мысль ужасы, которые видѣла она во снѣ. Ей приснился опять пиратъ, съ своими зеленоватыми, сверкающими глазами,—битва, бой....

— Но вѣдь это я во снѣ только видѣла, говоритъ себѣ Анюта, и она смѣется отъ радости, что это было только во снѣ, а теперь она увидитъ Владиміра,—скоро, скоро.... вотъ и онъ....

Владиміръ задумчиво смотритъ на нее: онъ очень блѣденъ, щека его подвязана....

— Что съ тобой, мой Вольдемаръ? спрашиваетъ Анюта.

Владиміръ молчитъ, онъ только такъ нѣжно, такъ грустно на нее смотритъ. Анюта бросается къ нему. Вдругъ къ нему протянулась какая-то огромная, мохнатая рука, схватила его, и увлекаетъ—дальше, дальше.... Анюта хочетъ броситься за нимъ, но у ней нѣтъ силы тронуться съ мѣста.... Она побѣждаетъ свою слабость, бѣжитъ,—напрягаетъ послѣднія силы, чтобы догнать его.... Вотъ она уже подлѣ него, хочетъ схватить руку, которую протягиваетъ онъ своей невѣстѣ, но вдругъ Анюта чувствуетъ что ее тоже схватило — чтѣ-то холодное, скользкое, ужасное.... Анюта взглянула, и обмерла отъ испуга. Змѣя, огромная змѣя обвиваетъ ея станъ, сжимаетъ ея члены.... Анюта, силится оттолкнуть отъ себя чудовище, и силы ея изнемогаютъ въ неровной борьбѣ,—а Владиміръ дальше дальше,—его увлекаетъ невидимая сила; онъ смотритъ, съ такою любовью, съ такою грустію смотритъ на Анюту, посылаетъ свой прощальный поцѣлуй, и исчезаетъ изъ глазъ....

Анюта осталась одна посреди необозримой степени. Чудовище поднимается выше, обвиваетъ грудь ея своими страшными кольцами.... Анюта чувствуетъ, какъ сжимается духъ ея, какъ сдавливаются кости.... Вдругъ передъ глазами Анюты явилась голова чудовища,—сверкнули два зеленые глаза.... Эти два глаза смотрятъ на Анюту, будто лобуются мѣками своей жертвы.... Анюта цѣпнѣетъ; у-

жасть въ груди ея, она хочетъ вскрикнуть, но голосъ ея замираетъ, и помертвѣвшія губки не могутъ произнести ни звука....

Вдругъ мускулы чудовища натянулись, потомъ крѣпче обвилась вокругъ нѣжнаго стана Анюты, еще—усиліе, въ кости ея хрустнули,—а змѣя произительно зашипѣла....

Анюта вся вздрогнула и проснулась....

Было темно, коляска насыла тащилась по вновь насыпанному шоссе, колеса глубоко уходили въ разбитый камень; лошади опустили головы отъ усталости....

По обѣимъ сторонамъ дороги тянулся лѣсъ, густой, мрачный;—вѣтеръ заунывно шелестилъ листьями; на небѣ не сверкало ни одной звѣздочки, только вдали, — на темномъ грунтѣ видѣлось нѣсколько огоньковъ села, къ которому они подѣзжали, да слышался пронзительный лай собакъ....

Холодный вѣтеръ продулъ Анюту насквозь, она дрожала, прижимаясь къ отцу; Дмитрій Александровичъ спалъ.

Ей стало страшно; эта тишина, прерываемая только пронзительнымъ лаемъ, темнота ночи, густая тѣнь лѣса, въ которомъ шумитъ вѣтеръ, производили въ душѣ Анюты особую настроенность, особую наклонность къ чудесному; она будто находилась еще подъ вліяніемъ ужаснаго сна, который за минуту передъ тѣмъ томилъ ея воображеніе; она будто видѣла еще зеленые глаза чудовища, которое охватывало ее своими стальными мускулами,—будто слышала еще его свистъ....

Между-тѣмъ вѣтеръ и сырость проицали Анюту насквозь, и дѣлали ее воспримчивѣе къ лихорадочнымъ представленіямъ воображенія; Анюта дрожала отъ холода и страха, и вся отдалась силѣ своей разыгрывающейся фантазіи....

Они вѣхали въ село.

Низенькіе, темные домики, въ окнахъ которыхъ мелькали чуть замѣтные огоньки; изрѣдка изба побогаче другихъ, — да въ одномъ мѣстѣ домъ подъ зеленой елкой.... Такая картина не могла расцѣять мрачныхъ представленій воображенія, и безъ того уже сильно настроеннаго. Стали

стучаться, искать гдѣ остановился обозъ; но всѣ успія добиться какого-нибудь толку были напрасны.

Дмитрій Александровичъ велѣлъ везти себя къ единственной гостинницѣ.

— Гдѣ прохажіе останавливаются, бабушка? спрашивала кучеръ у старухи, которая выглянула наконецъ въ окно послѣ долгаго стука.

— Напротивъ Парфеновой избы, кормилецъ, — тамъ прямо трактиръ есть!

— А гдѣ Парфенова изба?

— Да прямо насупротивъ трактира-то, — палисадникъ еще зеленой краской выкрашенъ...

А ночь была хоть глазъ выколи...

Наконецъ кое-какъ добрались до трактира; кучеръ сошедъ съ козелъ и зазвонилъ въ огромный колоколь, точно такой, какой становятъ на маякахъ, чтобы остерегать неосторожныхъ плавателей въ осенніе туманы. Вышелъ дворникъ и не смотря на дѣто, въ мѣховой шапкѣ съ большими ушами.

— У васъ тутъ останавливаются, сказалъ кучеръ. Можно лошадей покормить?

— Для-ча нельзя? отвѣчалъ дворникъ, и сталъ отворять ворота.

Коляска въѣхала на дворъ, кучеръ и дворникъ отворили двери.

— Ишь какъ вымазался, сказалъ кучеръ, оглядывая дворника съ головы до ногъ.

Дворникъ взглянулъ на кучера.

И Анютъ показалось, что дворникъ странно улыбнулся, и пошелъ съ фонаремъ впередъ.

Дмитрій Александровичъ сердился, что нѣтъ обоза, и приказалъ отвести себѣ особую комнату. Вышелъ хозяинъ-гостинницы, низенькій, черноватенькій и тароватенькой чело-вѣчекъ; онъ все кланялся и увѣрялъ, что онъ отведетъ имъ самую лучшую комнату, и что у него найдутъ они все самое лучшее.

Дверь отворилась и въ глазахъ Анюты мелькнула билліардная, — грязнѣйшая въ мірѣ комната, съ билліардомъ, надобно полагать, ровесникомъ Петербургу. Этотъ, такъ назы-

ваемый, билліардъ былъ освѣщенъ тремя салными огарками, четвертый огарокъ стоялъ на маленькомъ столѣ.

Въ комнатѣ было нѣсколько чело-вѣкъ.

Изъ нихъ бросились въ глаза Анютъ: одинъ въ долго-поломъ сюртукѣ, съ огромной шпикой на лбу, и съ губами, которыя, кажется, хотѣли сжаться въ одну точку. Другой толстый, одутловатый, съ носомъ маленькимъ, какъ цуговка, и съ волосами, торчавшими, какъ рыжая щетина.

Оба они сидѣли подлѣ маленькаго столика и тянули жидкость неопредѣленнаго цвѣта. Третій высокій, худощавый, съ длинными, темными и взерошенными волосами, стоялъ съ кіемъ, четвертый прицѣплялся въ шара, а пятый, въ изорванномъ зипунѣ, очевидно находился подлѣ вліяніемъ Бахуса и шепталъ что-то невнятное, испуская по-временамъ звуки сильныя, хриповатыя.

Всѣ они устремили на Анюту свой пристальный взглядъ, казалось пожирали ее глазами. Мѣщанинъ съ шпикой на лбу приподнялся съ мѣста, а съ кіемъ въ рукахъ сдѣлалъ своимъ оружіемъ что-то подобное тому, какъ дѣлаютъ на караулъ...

Анюта робко шла за Дмитріемъ Александровичемъ. Ей казалось, будто они идутъ по подземелью, гдѣ толпятся какія-то черныя и рыжія существа; эти существа улыбаются, и киваютъ головой.

Сама не своя отъ волненія, Анюта шла велѣдъ за своимъ отцомъ, которому указывала дорогу хозяйинъ. Анюта прошла билліардную и вошла въ запачканную зеленую комнату, съ обвалившейся штукатуркою и съ картинами, изъ которыхъ самая замѣтная представляла женское лицо съ огромнымъ носомъ и съ бородавкой, которую прибавили къ труду живописца мухи.

Эта красавица лежала на кровати, въ комнатѣ, списанной съ спальни какого-нибудь проказника, и держала въ рукахъ своихъ красную эпанчу...

Хозяинъ привелъ ихъ въ эту комнату, и самодовольно улыбнулся, будто онъ привелъ ихъ въ-самомъ-дѣлѣ въ чертогъ. Дмитрій Александровичъ приказалъ распорядиться чаемъ, и началъ хлопотать, какъ бы отыскать обозъ. Онъ послалъ кучера и дворника бѣгать и разспрашивать по се-

ду; потомъ, когда хозяинъ сказалъ, что пѣѣ обозы оставливаются у Парфена, что напротивъ, не вытерпѣтъ, и пошелъ самъ.

— Ты подожди, Анюта, да какъ самоваръ принесутъ, такъ залей чай, сказалъ Дмитрій Александровичъ.... И вмѣстѣ съ хозяиномъ ушелъ.

Анюта осталась одна.

Она осмотрѣла комнату, — выходъ былъ только одинъ, въ биллиардную, откуда слышался стукъ вилками, ножами и стаканами. Она отворила окно, и со страхомъ отодвинулась передъ темной глубокой пропастью, которая ей представлялась. Анюта прошлась по комнатѣ еще разъ, — все было тихо, только изъ биллиардной слышался говоръ, а на полу Анюта замѣтила красноватые слѣды.

Воображеніе ея лихорадочно разыгрывалось; оно представляло ей то мрачное ущеліе, съ его обитателями, то...

— Ну что если? подумала она, и ей стало страшно. Ну что, если Владиміръ попадетъ туда... Анюта обмерла отъ ужаса.

А въ глазахъ у ней, будто нарочно, мелькалъ образъ Владиміра. Она вспоминала любовь его! Думала, какъ слѣдуетъ онъ ее счастливою!... Анюта будетъ благодарна ему за счастье; въ свою очередь, она окружитъ его угодливостію, попеченіями, любовію, — въ свою очередь создастъ его счастье, и будетъ счастлива тѣмъ, что онъ счастливъ. А она стоитъ счастія! Въ груди своей Анюта ощущаетъ всю безконечную твердость женщины посвятить себя любви къ мужу, посвятить себя на постоянную, страстную преданность, которою она замѣнитъ для мужчины цѣлый міръ.... Ну, а что, если эти пятна, — его кровь?...

Анюта лихорадочно дрожала.

Въ биллиардной о чемъ-то спорили, шумъ увеличивался; видно было, что спорящіе выходили изъ себя.

Анюта подошла къ дверямъ, приложила глазъ свой къ замочной скважинѣ, и отскочила въ ужасѣ. Она увидѣла тамъ тоже глазъ, — чужой глазъ, который тоже смотрѣлъ сквозь замочную скважинку въ комнату Анюты.

Анюта съ невыразимымъ страхомъ смотрѣла на дверь.

— Ну вдругъ дверь отворится — и войдетъ.... Анюта дрожала при одной мысли.

Въ биллиардной шумъ увеличивался, и между многими голосами ясно раздались слова, произнесенныя сиповатымъ крикомъ:

— Я тебѣ говорю одна! Только одна!...

— Какъ одна? отвѣчалъ другой густымъ басомъ.

— Ну да, одна....

— Такъ, я... вскрикнулъ сиповатый голосъ съ совершеннымъ увлеченіемъ.... За тѣмъ нѣсколько словъ нельзя было разобрать, потому-что все шумѣли.

— Эка фря, — велика птица, — не видали такихъ! закричалъ дишкантъ, перекрикивая другихъ: — когда говорятъ что одна!

— Онъ ушелъ....

— Ну — да, ушелъ! такъ я хочу.... Да что вы въ-самомъ-дѣлѣ, — на васъ, что-ли, смотрѣть?...

— Одна, такъ и толковать нечего! наконецъ сказалъ кто-то рѣшительно, — и послышались шаги къ двери.

Анюта сама не знала, что слѣбалось съ ней. Кровь въ ней вся закипѣла, въ глазахъ мелькнули свирѣпыя лица.... Не сознавая себя, съ какимъ-то лихорадочнымъ инстинктомъ самохраненія, она, своими маленькими ручками, схватилась за диванъ, — съ неестественнымъ усиленіемъ притянула его къ двери. Анюта не замѣтила, что дверь отворилась не въ комнату, а изъ комнаты, слѣдовательно, диванъ не могъ помѣшать отворить ее; она заставила дверь диваномъ, на диванъ поставила еще небольшой столикъ, поставила стулъ, — хотѣла поставить и другой стулъ, какъ вдругъ услышала еще новые голоса:

— Тамъ? спрашивалъ кто-то.

— Тамъ! отвѣчалъ опять сиповатый голосъ.

— Одна?

— Одна. — Ступайте!...

Раздалось нѣсколько торопливыхъ шаговъ; ручка двери зашевелилась.

Анюта судорожно сжала стулъ въ рукахъ своихъ, и приготовилась бросить его въ голову злодѣя, который войдетъ.

Дверь отворилась; Анюта стояла съ приподнятымъ стуломъ, рѣшалась оборониться до послѣдней крайности.

— Что съ тобой, Анюта? спросилъ Дмитрій Александровичъ, отворивъ двери и поглядывая то на диванъ, столъ и стулъ, которые стояли поперекъ, то на дочь. Сзади Дмитрія Александровича шелъ Владиміръ. Онъ не утерпѣлъ, чтобы не выѣхать навстрѣчу своей невѣстѣ. Владиміръ ту же секунду перескочилъ черезъ диванъ, бросился къ Анютѣ, поцѣловалъ ея хорошенькую ручку, и тоже спросилъ:

— Анюта, милая Анюта, что съ тобой?

Анюта не могла придти въ себя отъ изумленія: стулъ она выпустила изъ рукъ, и въ увлеченіи бросилась на друтъ Владиміра.

— Это ты, Владиміръ? говорила она съ вѣжностію, подавая руку своему жениху и скрывая на его груди свое личико....

— А въ бильярдной спорили?

— Я говорилъ вонъ ему, что одна, онъ не слушаетъ, а вѣдь правило до трехъ....

— Да когда ушелъ?...

— Что жъ, что ушелъ? — все до трехъ!...

II. СУХОНИНЪ.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРКИЗА СОММЕРВИЛЬ.

(Романъ Жюль Сандо)

ЧАСТЬ II.

I.

«Возвратясь домой,—такъ продолжалъ Максимъ свой рассказъ,—я нашелъ Альберта возлѣ моей сестры. У Нанси осталось неясное воспоминаніе прошедшей ночи; это воспоминаніе казалось ей скорѣе отголоскомъ ея воображенія, нежели впечатлѣніемъ, оставленнымъ дѣйствительностію. Когда она вмѣстѣ съ Альбертомъ узнала о непредвидѣнномъ отъѣздѣ Коммервилъ, едва примѣтная розовая краска покрыла ея блѣдныя щеки, и взглядъ ея устремился съ тоской на молодого человѣка. Подъ этимъ безпокойнымъ, ревнивымъ взгля-

домъ, Альбертъ сохранилъ спокойствіе и равнодушіе; его безстрастное выраженіе лица не открыло чувствъ его души. Онъ долго шутилъ, непринужденно и безъ успія, надъ фантазіями Аврелии, показавъ только небольшое безпокойство при мысли объ опасностяхъ ея путешествія во-время морозовъ, спросилъ безъ особеннаго вниманія о времени предполагаемаго возвращенія; когда же онъ услышалъ отъ меня о поклонѣ, который г-жа Сомервилль просила меня передать ему, когда онъ узналъ, что Аврелия возвратится въ Анзетъ не раньше какъ онъ уѣдетъ въ Парижъ, и что онъ не долженъ болѣе видѣть женщину, которую онъ любилъ,—выраженія этихъ сожалѣній были такъ равнодушны, такъ вѣжливы; въ его взглядѣ и словахъ было столько скромности и приличія, что при видѣ такой легкой покорности—Нанси чувствовала сильную радость, и я самъ сомнѣвался въ новой страсти Альберта, зная, какъ Альбертъ былъ нетерпѣливъ, вѣселячивъ и горячъ, и какъ неуклюжео управлялъ волненіями своей души. Не находя Аврелии въ нашей деревнѣ, онъ все также постоянно продолжалъ бѣдить къ намъ, въ продолженіе всего времени до отъѣзда. Сестрѣ моей онъ оказывалъ столько вѣжливаго вниманія и заботливости!... Это чувство было не такъ сильно, какъ любовь, но вѣжливѣ дружбы. Нанси, которую не тревожило болѣе присутствіе г-жи Сомервилль, возвращалась къ жизни, и оба мы еще надѣялись, потому-что надежда похожа на растеніе, распускающееся даже на камнѣ; она цвѣтетъ въ сердцахъ самымъ безплодныхъ.

Послѣдніе дни были употреблены на переговоры о видахъ Альберта въ будущемъ. Я ему безъ огорченія напомнилъ о слѣдствіяхъ его перваго пребыванія въ Парижѣ, и умолялъ его не тратьте своей молодости на пустую восторженность.

— Ты видѣлъ, сказалъ я ему, какъ наши пчелы во-время грозы и сильного вѣтра возвращаются въ свой улей съ маленькими камешками подъ крыльями, для того, чтобы вѣтеръ не унесъ ихъ. Молодость похожа на этихъ пчелъ; ее легко уцѣпестъ малѣйшій вѣтеръ, если подъ крыльями у нея не будетъ балласта. Балластъ этотъ доставится ей постояннымъ трудомъ. Безъ серьезнаго и долгаго ученія молодость вѣчно носится по волѣ прихотей и непостоянства, до-тѣхъ-поръ пока упадетъ безъ силъ и безъ жизни. Откажись же, другъ мой, отъ пустыхъ трудовъ, отъ легкой работы, достоянія слабыхъ умовъ; примись смѣло за истинную науку жизни. Питайся, какъ Ахиллесъ, мозгомъ львовъ и медвѣдей. Ты еще молодъ и можешь сдѣлать это. Но торопись, потому-что время скоро пройдетъ.

Ты еще въ томъ возрастѣ, когда жизнь, мягкая и ковкая, принимаетъ всѣ формы, всѣ оттѣнки и отпечатки; послѣ этотъ воскъ сдѣлается жесткимъ и твердымъ, и ты не сомнешь его по своей волѣ; и когда наконецъ, недовольный неясною формою, принятою имъ, ты захочешь сдѣлать изъ него строгое и благородное изваяніе, онъ будетъ противиться всѣмъ твоимъ успіямъ. Тогда сожалѣнія твои будутъ горьки, упреки тяжелы, униженіе глубоко. Напрасно будешь ты стараться освободиться изъ твердой оболочки, сдавливающей тебя со всѣхъ сторонъ. Съ горестью обратись ты къ прошедшему, и скажешь вмѣстѣ съ поэтомъ:

«О, еслибы небо возвращало намъ прожитые дни!»

И это будутъ напрасныя сожалѣнія, тщетные упреки; мы будемъ нести до гроба въ печали нашу страдальческую участь, которую сами себѣ приготовили.

Альбертъ слушалъ меня спокойно, и даже поблагодарилъ. Нанси присоединила вѣжливыя просьбы къ моимъ совѣтамъ, и онъ, казалось, принималъ ихъ почти съ любовью. Довѣренность и радость какъ-будто вернулись подъ нашу кровлю. Однако же между нами не было ни воспомнаній о прошедшемъ, ни надеждъ въ будущемъ. Ни одно слово не напоминало о союзѣ, который нѣкогда былъ предметомъ нашихъ мечтаній. Мы заботились только о счастіи Альберта, и никто изъ насъ не говорилъ о томъ, что соединило наши участи въ одну. Повидимому эта цѣль еще существовала между нами, но въ глубинѣ сердца мы чувствовали, что она готова разорваться, если чья-нибудь рука захочетъ насильно удержать ее.

Маркиза Сомервилль сама не рѣшалась на это. Когда сердечныя связи оканчиваются развязкою, неизбежною во всякой любви, друзья, бывшіе свидѣтелями развитія этой страсти, почти всегда стараются продлить ея существованіе; увлеченные конечно похвальнымъ намѣреніемъ, они хотятъ сдѣлаться примирителями между разъединяющимися сердцами, и находятъ всегда средство разтравить раны, вмѣсто того, чтобы залечить ихъ. Но истинные друзья, въ подобныхъ обстоятельствахъ, молча смотрятъ на тяжкую агонію умирающаго счастья, и плачутъ надъ прахомъ его.

Безумецъ тотъ, кто старается воскресить погасшую любовь! Любовь похожа на нить паутины; перервавъ ее однажды, не свяжешь никакимъ узломъ..

Мы часто говорили объ отсутствующей Сомервилль. Альбертъ вспоминалъ объ ней спокойно, Нанси тревожно. Оба

искали причину ея страннаго, внезапнаго отъезда, одинъ не показывая вида, какъ это его занимаетъ, другая съ видимымъ безпокойствомъ. Я, знаяшій страданія этой взволнованной души, тихо молилъ Бога, чтобы Онъ послалъ навстрѣчу бѣдной путешественницы менѣ холодный вѣтеръ и не такой обледѣлый свѣтъ.

Отъездъ Альберта былъ назначенъ 10-го ноября; 15-го онъ долженъ былъ уже записаться въ Парижѣ на слушаніе лекцій.

Съ тѣхъ-поръ, какъ онъ въ первый разъ покинулъ насъ—прошелъ только годъ: менѣ чѣмъ въ двѣнадцать мѣсяцовъ исчезло наше счастье. Какъ были далеки отъ насъ дни, въ которые я жилъ спокойно, одинъ съ сестрою, вдали отъ свѣта! Ясные дни мира, тишины и единенія—куда скрылись вы?

Счастье покинуло нашу кровлю въ тотъ день, когда чуждый намъ пришелецъ сѣлъ за нашъ столъ; съ нимъ вмѣстѣ проникли въ нашу хижину всѣ несчастія. Тамъ, гдѣ бились одни простыя и добрыя сердца — поселились всѣ утонченности любви, ревности, подозрительности. Необузданныя страсти закипѣли въ стѣнахъ, гдѣ жила только одна братская нѣжность.

Если вы встрѣтите гдѣ-нибудь въ глуши дѣсовъ, въ пустынномъ единеніи счастье между двумя братскими и чистыми душами—скройте его отъ взоровъ толпы, оставьте ему его единеніе, не призывайте пришельца полюбоваться на его тихую картину. Одинъ чужой взглядъ можетъ возмутить это счастье.

Альбертъ готовъ былъ уѣхать. Еще нѣсколько дней, и присутствіе его перестало бы поддерживать въ сердцахъ Нанси пламя, его пожиравшее, и это пламя могло бы погаснуть безъ пищи. Наконецъ насталъ день, котораго страшилась Нанси, который я ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, Альбертъ съ такимъ равнодушіемъ.

Наканунѣ своего отъезда онъ не пришелъ къ намъ. Отсутствіе его не удивило насъ. Хлопоты и заботы, неразлучныя со всякимъ путешествіемъ, извиняли его въ глазахъ Нанси.

На другой день мы ждали его все утро: онъ не являлся. Сестра моя и я стали безпокоиться, и я собрался уже идти къ нему, когда чьи-то шаги послышались подъ нашими окнами. Нанси не узнала шаговъ Альберта, и поднялась дрожа съ постели. Я самъ, взволнованный смутными предчувствіями, бросился на встрѣчу пришедшему, и столкнулся съ нимъ въ двѣ-

ряхъ. Это былъ крестьянинъ пзъ Анзема, съ глупой и зловѣщей физиогноміей.

— Гдѣ Альбертъ? спросилъ я въ испугѣ.

Посланный не отвѣчалъ ни слова, но вынулъ письмо изъ кармана, отдалъ его мнѣ и ушелъ.

Я узналъ по адресу почеркъ Альберта, сломалъ печать, разорвалъ конвертъ, но готовясь читать, остановился. Я почувствовалъ, что на лбу моемъ выступаетъ холодный потъ.... Наконецъ я собрался съ силами, и прочелъ это письмо. Я могу повторить его отъ слова до слова, потому-что не забылъ его.

Вотъ чтó заключалось въ этомъ письмѣ:

II.

«Максимъ я не ъду. Это намѣреніе не ново; оно не внушено ни страстью, ни капризомъ. Долго обдумываемое, оно давно уже рѣшено, и моя медленность увѣдомить васъ объ этомъ будетъ доказательствомъ долгой борьбы, которую я вытерпѣлъ, прежде чѣмъ могъ объявить вамъ это рѣшеніе, вамъ, чей строгій образъ мыслей мнѣ знакомъ, вамъ, другъ мой, чью чувствительность я испыталъ, чья благосклонность мое лучшее богатство, вамъ, Максимъ, брату Нанси. Я не поѣду.

«Теперь я болѣе не колеблюсь, и не отрекусь ни за чтó, отъ своего намѣренія. Вы знаете, что во мнѣ есть энергія, потому-что я поступилъ въ этомъ противъ своего сердца, говорившаго въ вашу пользу. По этому не для того, чтобы предупредить ваши возраженія, хочу я представить вамъ причины, заставившія меня рѣшиться на этотъ поступокъ. Не надѣясь заслужить вашего одобренія за мой планъ, я хочу только убѣдить васъ въ томъ, что не слѣдовало въ этомъ случаѣ дѣтскимъ и поэтическимъ фантазіямъ. Взгляните моими глазами на вещи, и мое отвращеніе къ цѣли, которую вы мнѣ предназначали, покажется вамъ справедливымъ; поставьте себя на мое мѣсто: вы найдете это отвращеніе непобѣдимымъ.

«Вы меня послали въ Парижъ, хотя я и предчувствовалъ скуку, оживившую меня тамъ; какъ отецъ, у котораго нѣжность

замѣняетъ силу, вы не слушали ни моихъ, ни вашихъ сожалѣній; вы мнѣ сказали: поѣзжайте... я уѣхалъ.

«Вы знаете, сколько горя стоило мнѣ васъ оставить; ваша печаль, дурно скрытая при всей вашей энергіи, высказывалась противъ васъ и проникала въ мое сердце. Вспомните, сколько мы страдали всѣ трое; подумайте о жертвѣ, которую я принесъ тогда вамъ и ей, и вы поймете, что я имѣлъ бы довольно терпѣнія принести и другую жертву, если бы надѣялся этимъ достигнуть цѣли.

«Мои письма объяснили вамъ уныніе и скуку, которыя сначала преслѣдовали меня въ Парижѣ. Вы сами, бывши въ этой шумной пустынѣ, почувствовали, какъ и я же, эту утомительную тяжесть, которую можно облегчить только удовольствіями или трудомъ. Я презиралъ первое изъ этихъ двухъ средствъ, и скоро узналъ недостаточность втораго. Съ-тѣхъ-поръ я привыкъ къ этому состоянію страданія; я принималъ его за нормальное положеніе, и предавался ученію для него самого и для цѣли, имъ доставляемой, съ рѣшительностью погружаясь въ изысканія правовѣдѣнія. Напрасно старался я хвалить его важность, напрасно повторялъ я главную форму этой науки: защищать сиротъ, покровительствовать угнетенныхъ, — мое природное равнодушіе превратилось скоро въ обдуманное презрѣніе, и на этотъ разъ опытность утвердила во мнѣ предубѣжденіе.

«Я чувствовалъ впрочемъ весьма слабое влеченіе къ званію адвоката, которое еще за годъ до того мнѣ казалось такимъ благороднымъ, возвышеннымъ. Часто, послѣ моего возвращенія, мы вмѣстѣ разсуждали о моральномъ и общественномъ достоинствѣ путей, избранныхъ мною; все, что я говорилъ вамъ тогда, должно было васъ приготовить къ объясненію, которое я дѣлаю сегодня. Вы видите, что мнѣ нельзя принять ни одну изъ этихъ должностей. Я хочу надѣяться, Максимъ, что доказательства мои убѣдятъ васъ, если не въ непогрѣшимости моихъ сужденій, по-крайней-мѣрѣ въ правотѣ моихъ правилъ.

«Рѣшась оставить изслѣдованіе законовъ, я понялъ, что былъ не правъ выбравъ это занятіе безъ разбора, и чтобы не пролить времени моего испытанія въ бесплодныхъ опытахъ, хотѣлъ посвятить остатокъ года тщательному изслѣдованію всѣхъ сторонъ нашего общественного быта. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, я употреблялъ дни ночи на эти скучныя изысканія. При каждомъ новомъ изслѣдованіи, я надѣялся найти во мнѣ жажду, способность, стремленіе: но ни одно желаніе не откры-

валось, ни одинъ голосъ не возставалъ во мнѣ, или лучше сказать всѣ желанія, толпились во мнѣ, я слышалъ миллионы голосовъ, раздававшихся въ моихъ ушахъ. Всѣ славы призывали меня, улыбались мнѣ, бросали мнѣ цѣфты; я былъ живописцемъ въ музеѣ, поэтомъ въ театрѣ, трибуномъ въ палатѣ, воинкомъ въ карусели, когда знамена проходили подъ звуки военныхъ лантвръ, я былъ все... Къ-несчастью, я не былъ ничѣмъ.

«Не говорите мнѣ, другъ мой, что восьми мѣсяцевъ не довольно для такихъ важныхъ наблюденій. Вы знаете, что и въ Апземѣ я не остался чуждъ умственному движенію нашего времени: поэтическое и общественное преобразованіе живо занимали меня; я зналъ всѣ системы, книги, программы; мнѣ оставалось только судить жрецовъ, поэтовъ и законовѣдцевъ, докончить изслѣдованіе вещей познаіемъ людей: это изслѣдованіе повлекло за собою разочарованіе всякаго рода.

«Я боролся однако... Иногда цѣль труда, который я себѣ предписалъ, ослѣпляла меня въ моемъ безсиліи, иногда она являлась мнѣ; я ставилъ себѣ долгомъ противиться прежде чѣмъ объявить себя слабымъ. И такъ, въ уединеніи и въ бѣдности, посреди сердечныхъ волненій, покушеній на самоубійство, и сильнаго влеченія къ еще неузнаннымъ радостямъ жизни, я на все покушался, все испыталъ, и каждый разъ чувствовалъ, какъ быстро скользилъ по длинному пути, который старался пройти.

«Я не обвиняю ни вѣкъ, ни судьбу, никого: я обвиняю только самого себя. Однако, если бы я родился въ мирное, спокойное время, гдѣ каждое назначеніе находитъ свое мѣсто, гдѣ каждое существо имѣетъ свою долю счастья на землѣ, можетъ-быть тогда, съ чистою совѣстью, съ ревностными намереніями, оживлявшими меня, я могъ бы создать произведенія, на которыя чувствовалъ себя способнымъ, и возвыситься терпѣніемъ, трудомъ и волею до значенія, достойнаго моихъ добрыхъ стремленій. Но что же дѣлать, когда мы родимся взволнованными и безнокойными, какъ рой пчелъ, выведенный въ ульѣ слишкомъ тѣсномъ? Что дѣлать, если мы чувствуемъ себя увлеченными, оттакаиваемыми, осужденными беспорядочной, жадной толпой, когда судьба безъ разбора и размѣшенія возводитъ насъ на высоту или бросаетъ въ пропасть? Кто будетъ довольно силенъ, чтобы проложить себѣ дорогу въ этомъ шумѣ? Какія крѣпкія плечи надо имѣть, чтобы выбраться изъ такой тѣсоты?...»

«Въ Парижѣ я не принялъ никакого рѣшенія: я хотѣлъ судить изъ далека о всемъ, что видѣлъ вокругъ себя. Я обвинялъ печальное состояніе антипатіи и отвращенія ко всему, въ которое меня повлекла эта шумная жизнь, и надѣялся что, возвратясь къ моимъ тихимъ привычкамъ, къ счастью быть вмѣстѣ съ вами, къ пріятнымъ впечатлѣніямъ любимыхъ предметовъ, я примирюсь съ людьми, съ предметами и самъ съ собою. И я снова увидѣлъ наши лѣса и горы; я искалъ въ поляхъ, гдѣ выросъ, веселую довѣрчивость моихъ прекрасныхъ дней...

«Первымъ дѣйствіемъ этого вновь найденнаго счастья было то, что я сталъ ненавидѣть новую жизнь, которая меня очаровала сначала; но потомъ разсудокъ открылъ мнѣ истину, которую строгость моихъ идей не позволяла мнѣ видѣть: по каждой изъ этихъ дорогъ, покрытыхъ надутымъ ничтожествомъ и унижившимися талантами, человѣкъ, одаренный сильной организаціей, можетъ идти одинъ смѣло и независимо, приобрести славу и сохранить собственное достоинство. Но я вскорѣ узналъ, что безъ достоинствъ, необходимыхъ для человѣка высшаго, успѣхъ, при благородныхъ условіяхъ, невозможенъ. Съ-тѣхъ-поръ я рѣшился изслѣдовать, безъ гордости, безъ униженія, могу ли я быть этимъ сильнымъ человѣкомъ. Вывѣдавъ всѣ склонности моего сердца, испытавъ всѣ мои способности, привелъ въ движеніе всѣ пружины моего существованія, моя бѣдная, колеблющаяся натура показала мнѣ во всей ея слабости. Максимъ, знаете ли, что я такое? Что-то несовершенное, безъ воли, безъ энергіи, безъ влеченія къ собрату, съ неровнымъ характеромъ, несчастное существо, способное скоро предаться унынію и неспособное къ счастью. Вотъ кого любили вы, Максимъ, кого должны еще любить. Но будете ли вы имѣть довольно твердости, и не брошите ли вы того, кто самъ оставляетъ себя?...

«Не ободряйте меня. Я самъ себя болѣе не могу вѣрить: мое безсиліе доказано мнѣ. Есть ли хоть одно испытаніе, которому бы я отказался покорить мой разумъ? Не старался ли я поэзіею достать себя какое-нибудь мѣсто въ свѣтѣ, когда видѣлъ, что не было ни одного дѣйствительнаго средства быть достойнымъ вашей сестры? Но какъ во всемъ остальномъ, я напрасно испытывалъ себя и въ этомъ. Важность впечатлѣній, которыя я получалъ отъ Нанси, память моего дѣтства, котораго воспоминаніе я сохранилъ въ моемъ сердцѣ, таинственная любовь, которую я чувствовалъ къ неизвѣстной мнѣ матери, всѣ эти опущенія души страдальческой и вѣрной ускользали отъ меня,

какъ скоро я хотѣлъ ихъ достигнуть, и напрасно призывалъ я, чтобы удержать ихъ вдохновеніе, талантъ, геній поэта.

«Максимъ, я ни за что не поѣду!... Я не хочу увеличивать въ Парижѣ толпу жалкой посредственности, враждующей между собою за землю, на которой она толпится; я хочу жить и умереть въ Анземѣ. У меня нѣтъ болѣе ни желаній, ни нуждъ: я всегда буду имѣть достаточно, чтобы жить въ этой бѣдной странѣ. Что стану я дѣлать въ этомъ мірѣ, откуда потомъ бы вышла съ ненавистью въ сердцѣ и съ роптаньемъ на устахъ? Повѣрьте мнѣ, лучше оставить его, какъ теперь, безъ сожалѣнія, но и безъ отвращенія, слишкомъ хорошо понимая его, чтобы любить, и не довольно зная, чтобы ненавидѣть его, чѣмъ провести нѣсколько лишнихъ лѣтъ въ борьбѣ и бѣдствіи, чтобы послѣ того вынести изъ него угрюмый нравъ и разстроенную душу.

«Пожагите же обо мнѣ, другъ мой! Вы знаете, люблю-ли я васъ, вы знаете, цѣню-ли я сокровище, которое вы сберегли для меня, вы поймете: для того, чтобы отказаться отъ него, надо, чтобы я былъ увѣренъ, что я его не стою; вы чувствуете, сколько я страдаю. Если вы меня почтете виновнымъ, то, вспомнивъ о счастьи, которое мнѣ было назначено, вы найдете, что я довольно наказанъ.

«Что касается до меня, я не жалею болѣе о себѣ; я перенесу, если не бодро, то, по-крайней-мѣрѣ, съ покорностью участь которую себѣ приготовилъ: я также одинъ пойду по пути страданія, останавливаясь иногда полюбоваться долиною, лежащую у ногъ моихъ, гдѣ я могъ бы жить съ моею молодою подругою, моею любовью; я увижу сквозь деревья дымъ отеческой кровли. Нанси найдетъ въ другой любви, болѣе достойной ея, счастье, которое я не умѣю оцѣнить; ея дѣти будутъ играть вокругъ ея; другой образъ, благородіе и милѣе, изгладитъ меня изъ вашихъ сердецъ, и вы Максимъ, вы дадите другому нѣжное имя брата, отъ котораго я отказываюсь въ настоящую минуту; я увижу все это, и утѣшенный картиною вашихъ радостей, я понесу мой крестъ, и безъ ропота буду продолжать мое трудное путешествіе. Съ этого времени я не имѣю болѣе права сожалѣть о самомъ себѣ, и хочу имѣть въ будущемъ только одно право—любить васъ всегда.»

III.

Таково было письмо, присланное мнѣ Альбертомъ. Я, можетъ-быть, измѣнилъ его слогъ, но память моя вѣрно передала вамъ его смыслъ. Въ другихъ обстоятельствахъ это тщеславное ребячество заставило бы меня улыбнуться изъ жалости; но оно тяготило меня въ настоящемъ случаѣ; я сейчасъ предвидѣлъ, что трудно будетъ передѣлать и покорить упорство Альберта остаться въ Анземѣ, потому—что о причинѣ этого неожиданнаго рѣшенія нельзя было спорить. Эта причина, о которой письмо моего воспитанника не говорило ни слова, вы ее, безъ сомнѣнія, угадали: вы легко замѣтили въ этихъ запутанныхъ фразахъ нить, приводившую ихъ въ движеніе; вы уже произнесли слово, котораго нѣтъ ни въ одной изъ этихъ фразъ, и которое однако объясняетъ ихъ всѣ; вы, какъ и я, на каждой строчкѣ искали имя, которое было скрыто; и если вы помните видимое равнодушіе съ которымъ Альбертъ выслушалъ извѣстіе объ отъѣздѣ Коммервиль, если вы вмѣстѣ со мною удивились беззаботности, которую показалъ тогда нашъ пылкій другъ, то со мною вмѣстѣ вы поймете теперь, что покорность Альберта не была нисколько удивительна, если уже онъ рѣшился до этого не оставлять деревни. Онъ зналъ, что г-жа Коммервиль уѣзжала только на нѣсколько дней, и что по возвращеніи въ Анземъ ей не придется сожалѣть ни объ одномъ отсутствующемъ другѣ.

Я потомъ узналъ, что происходило въ сердцахъ Альберта въ продолженіе этихъ дней. Уже давно занимала его мысль не возвращаться въ Парижъ. Эта мысль, казавшаяся ему прежде неясной, нерѣшительной при дѣйствительныхъ неудачахъ, которыя онъ встрѣтилъ въ началѣ жизни, приняла видъ болѣе ясный со дня, въ который онъ полюбилъ г-жу Коммервиль, и утвердилась въ его умѣ въ то самое утро, когда я объявилъ объ отъѣздѣ Авреліи. Это путешествіе, предпринятое вдругъ, въ холодное время, заняло его; онъ искалъ причины его съ тайнымъ жаромъ, и между тысячами мыслей, которыя толпились въ немъ, мысль, что наконецъ Авреліи поняла его любовь къ ней, и что ея отъѣздъ былъ не что иное, какъ бѣгство, поселилась въ его умѣ, тихо, таинственно,

почти непримѣтно, легкой тѣнью надежды, также неудовимой, какъ царь, носящійся по утрамъ надъ водою.

Окончивъ письмо Альберта, я возвратился къ Нанси, и выдумалъ, чтобы успокоить ее, не помню какую причину о долгомъ отсутствіи моего воспитанника: переговоры о дѣлахъ принудили его отложить поѣздку на нѣсколько дней; его присутствіе было необходимо для скрѣпленія какого-то акта.... не помню, что я сочинилъ. Когда Нанси совершенно убѣдилась, я поѣхалъ въ домъ Альберта, которому долженъ былъ заступить мѣсто друга, покровителя и брата.

Пріѣхавъ туда, я узналъ, что Альберта не было дома, и что по—крайней—мѣрѣ недѣля пройдетъ до его возвращенія; на канунѣ онъ отправился въ замокъ молодого графа ***; котораго зналъ давно, и оба должны были отправиться на охоту за кабанами.

Графъ Августъ, раззорившійся дворянинъ, пользующійся дурною славою въ этой сторонѣ, былъ скептикъ и насмѣшникъ, и симпатизировалъ съ Альбертомъ только въ глубокой грусти. И потому—то между имъ и моимъ воспитанникомъ установилась связь, въ которой болѣе мѣняются идеями, нежели чувствами, гдѣ вѣжливость сношеній замѣняетъ сердечныя измѣненія. Связь эта бываетъ часто продолжительнѣе самой дружбы, потому—что не подвержена простотѣ сношеній, бывающей причиною охлажденія всякой истинной дружбы. Августъ и Альбертъ сошлись, чтобы пожалѣть другъ—друга, и было что-то странное въ сожалѣніи двухъ молодыхъ людей, громко жаловавшихся на судьбу, одинъ за то, что не имѣлъ никакого имени, другой за то, что имѣлъ громкое имя.

Я возвратился почти съ радостью, не найдя Альберта: наше общее положеніе было такъ несловко, что я не зналъ, какой видъ долженъ былъ принять и какую роль мнѣ надобно было играть. Что сказалъ бы я Альберту? Что его намѣреніе необдуманно, и что письмо, которое онъ мнѣ написалъ, не имѣло здраваго смысла? Онъ зналъ это, вѣроятно, также хорошо, какъ и я. Что дѣлать и чѣмъ рѣшить? Что можетъ случиться по возвращеніи Авреліи? Всѣ четверо мы имѣли одну тайну, и каждый изъ насъ думалъ, что знаетъ эту тайну одинъ. Какія столкновенія, какія событія должны были произойти отъ этого? Г-жа Коммервиль осмѣлится ли появиться снова въ нашемъ домѣ? Будетъ ли она принимать Альберта? Какого рода обязанность предстоить мнѣ въ отношеніи къ Нанси, къ моему воспитаннику и къ самой Коммервиль? Я долго старался распу-

татъ перемѣшанныя нити нашей будущности; потомъ, обезсиленный напрасными попытками, просилъ Бога вывести насъ изъ этого затруднительнаго положенія.

Въ продолженіе этого разсказа, мнѣ часто случалось упоминать о происшествіяхъ, которыхъ я не видалъ, передавать чувства, которыхъ я не испытывалъ; подробности этого разсказа, при которыхъ я самъ не присутствовалъ, мнѣ были переданы въ послѣдствіи также какъ въ послѣдствіи мы открыли другъ другу тайныя чувства и мысли, которыя каждый изъ насъ таинственно сохранялъ въ то время въ своемъ сердцѣ. Не удивляйтесь же, если я вамъ буду разсказывать сцены, въ которыхъ я не былъ даже свидѣтелемъ; забудьте на минуту, что я также былъ замѣшанъ въ печальной драмѣ, которую вы слушаете; смотрите на меня, какъ на отвлеченный предметъ; вообразите себѣ, что вы одинъ, разбираете неполныя страницы худо написанной тетради; можетъ-быть, тогда разсказъ получить, если не болѣе интереса, по-крайней-мѣрѣ болѣе дѣйствительности.

Тутъ Максимъ прервалъ свой разсказъ. Горестныя воспоминанія и сильныя волненія, которыя пробудило въ немъ это повѣствованіе, утомили его болѣе, нежели продолжительность разсказа. Видъ его былъ страдальческій, блѣдность покрывала его лицо.

— Другъ мой, сказалъ ему молодой человѣкъ, который спокойно и внимательно слушалъ разсказъ: вѣтеръ поднимается и вечерній мракъ покрылъ уже тополи Крезы; я боюсь за васъ этой ночной свѣжести и сырости этихъ береговъ.»

— Вы правы! сказалъ Максимъ, вставая, войдемте въ залу замка, наше присутствие тамъ теперь никому не помѣшаетъ.

При этихъ словахъ онъ толкнулъ дверь; при первомъ усиліи она отворилась, и онъ провелъ своего друга въ залу семейныхъ портретовъ. Ставни были отворены; лунный свѣтъ, мѣстами скользившій въ комнату, отдѣляя блистающими гирляндами раззолоченныя бордюры готическихъ рамокъ, бросалъ на обои разнаго рода отраженія свѣта, отдыхалъ на спящемъ Эндиміонѣ, или набрасывалъ серебристое покрывало на Диану, выходящую изъ воды и превращающую Актеона, въ оленя.

Амуры, изображенные на потолокъ, поддерживали люстру, которой хрустальныя вѣтви качались въ воздухѣ съ удивительнымъ блескомъ. Альбомы, которые разбиралъ Альбертъ лежали на фортепіано; виноградная вѣтвь, которую Аврелія употребляла вмѣсто хлыстика, висѣла на стѣнѣ; маленькій книжаль съ ручкой изъ чорнаго дерева, защищавшій г-жу Сомервилъ въ ея путешествіяхъ, былъ повѣшенъ на рамкѣ зеркала.

Фортепіано было открыто, и когда два друга остановились посреди комнаты, можно было бы сказать, видя ихъ ужасъ, что клавиши издали нѣсколько печальныхъ звуковъ, или что присутствие незнакомецъ заставило улетѣть блѣдныя тѣни Нанси и г-жи Сомервилъ.

Максимъ отворилъ дверь, закрытую обоями въ глубинѣ залы: дверь вела въ спальню г-жи Сомервилъ. Они оба проникли въ эту комнату, дѣшавшую еще роскошью вѣка Людовика XV. Карнизъ потолка округлялся на углахъ, и образуя какъ бы корзину цвѣтовъ висѣя въ видѣ арабескъ и фестоновъ; середина потолка была украшена мелкими фигурами, также какъ и карнизъ.

Стѣны внизу кончались гирляндой на сѣромъ грунтѣ и были обтянуты бѣлою матеріею съ нарисованными пагодами, кіосками, деревьями, птицами и красными индѣйцами.

Лунный свѣтъ, падавшій прямо въ стекла окошекъ, освѣщалъ раззолоченныя ручки дверей и позволялъ окинуть однимъ взглядомъ всѣ части мебелировки.

Камень былъ большой, изъ бѣлаго мрамора съ жилками, Перекладина была сдѣлана въ видѣ лука, ножки у камня оканчивались лапами чудовища; чугунная доска посреди камня изображала гербъ Франціи; надъ каминомъ висѣло зеркало, не очень большое, въ золотой рамѣ, составленной изъ переплетенныхъ пальмовыхъ вѣтвей, тростника и цвѣтовъ; надъ зеркаломъ висѣла картина, изображающая яркими красками заходъ солнца.

Надъ каждой дверью висѣли картины, изображавшія великолѣпные праздники на манеръ Ватто, Ланкре и Франсуа Буше; тамъ вы видите пастушекъ въ платьяхъ изъ атласа и моаре, съ напудренными волосами, въ фижмахъ, въ башмакахъ съ красными каблуками, съ китовой костью въ корсетѣ, въ маленькой шляпкѣ, брошенной на шиньонъ, съ посохомъ въ рукѣ; здѣсь вы видите пастуховъ въ бархатныхъ камзолахъ съ воротниками сизаго цвѣта, въ круглыхъ шляпахъ, въ парикахъ, перчаткахъ; въ рукахъ посохъ и флейта; далѣе пастушка, сидящая посреди своихъ барашковъ, а подлѣ нея пастушекъ, пред-

лагающей ей гирзю горлиць. Тамъ были изображены также животныя, охота, и картины Удри: дѣти отъ трехъ до четырехъ лѣтъ, одѣтыя во французскій кафтанъ, со шнагою, въ парикъ, играющіе съ маленькимъ бѣлымъ кроликомъ; обезьяны, одѣтыя въ платье на манеръ Клода Жильо.

Противъ каміна стояла мебель Шарля Буля, украшенная фигурами, вылитыми изъ мѣди, и инкрустациями: надъ столикомъ изъ лучшаго мрамора висѣло большое зеркало, котораго совершенно вызолоченная рамка оканчивалась множествомъ изваянныхъ вѣтвей, гирзъ и канареекъ.

Кресла, бержерки и диваны были сдѣланы изъ сѣраго и золотистаго дерева и обиты вышивкой, кровать изъ такого же дерева, какъ и кресла, сѣраго и золотистаго: четыре колонны по угламъ возвышались въ видѣ колчана, наполненнаго стрѣлами, въ видѣ факеловъ Гименей; вырѣзанный изъ дерева вѣнокъ на потолкѣ, надъ серединою кровати, поддерживалъ маляновыя бархатныя занавѣси, спускавшіяся вокругъ кровати.

На металлическихъ вазахъ, которыя украшали каминъ, были изображены амуръ, укушенный пчелою и жаляущіиися Венерѣ, своей матери. Самые часы стояли на бѣломъ, мраморномъ пьедесталѣ, между группами дѣтей и фарфоровыхъ амуровъ.

Посреди комнаты стояла колонна изъ золотистаго дерева, на верху которой былъ прикрѣпленъ жирандоль съ восковыми свѣчами; свѣчи стояли также и въ раззолоченныхъ жирандоляхъ, вѣтви которыхъ висѣли надъ каминомъ, какъ будто для того чтобы смотрѣться въ зеркало.

Ковры были изъ Бове; нѣсколько портретовъ Ларжильера висѣло на стѣнѣ.

«Вся эта роскошь сказала Максимъ своему другу, нисколько не соответствовала простому вкусу г-жи Sommerville; впрочемъ эта комната ей напоминала ея мать, а это воспоминаніе было ужасно для ея сердца. И потому она въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ не смѣла входить сюда; она улаживала сюда только тогда, когда холодъ заставлялъ ее выйти изъ маленькой комнатки, выбранной ею по своему возвращеніи, въ самомъ темномъ и отдаленномъ флигелѣ замка. Нойдемте, прибавилъ Максимъ, возвратимся въ сосѣднюю залу; видъ этой комнаты мнѣ очень непріятенъ.»

Они сѣли оба на диванъ, и Максимъ въ слѣдующихъ словахъ продолжалъ начатый имъ разговоръ.

IV.

20-го ноября, въ темный зимній вечеръ, два путешественника верхомъ проѣхали въ галопъ деревню Анзема, и остановившись у рѣшетки замка. Они казались утомленными усталостью; ледяныя капли висѣли на гривахъ ихъ лошадей. При топотѣ лошадей, раздавшемся на террасѣ, люди г-жи Sommerville прибѣжали къ рѣшеткѣ, съ зажженными факелами, и узнали свою госпожу. Всѣ окружили ее, и каждый согрѣвалъ поцѣлуями ея руки, оледенѣвшія отъ холода. Она отправилась въ свою комнату, спjala съ собою сырое платье, и закутанная въ шубу изъ чернаго атласа, отогрѣвала охолодѣвшіе члены большимъ огнемъ, который не переставалъ горѣть со дня ея отъѣзда. Была минута, что она невольно взглянула на себя въ зеркало, висѣвшее надъ каминомъ.

Она очень переѣвилась! Менѣ чѣмъ въ мѣсяцъ, цвѣтъ лица ея превратился въ свинцовый, чело потеряло свою ясность, глаза ихъ блескъ; щеки ея впали, взглядъ былъ мутенъ, вѣки утомлены; болѣзненная, желтая тѣнь обрисовывала ея засохшія губы; сама она совершенно согнулась отъ горя и усталости.

Двадцать дней путешествія убили въ ней всю свѣжесть и красоту! Вамъ случалось, вѣроятно, видѣть, какъ поля напи иногда одѣвались весеннимъ нарядомъ при началѣ осени: готовое погаснуть, солнце еще бросаетъ нѣсколько благодатныхъ лучей; поля еще сохранили веселый видъ, молодые кустарники пускаютъ новые отростки. Но при первой стужѣ, при первомъ ноябромъ морозѣ, весь этотъ блескъ блѣднѣетъ и исчезаетъ; въ одну ночь холмы и лѣса сбрасываютъ свои листья; вы очень удивлены, пробуждаясь и видя зиму на вашихъ поляхъ, гдѣ еще наканунѣ, казалось, начиналась весна.

Въ этотъ самый вечеръ, нѣсколько часовъ спустя по возвращеніи г-жи Sommerville, путешественникъ нѣшкомъ входилъ въ деревню. Двуствольное ружье висѣло у него на плечѣ, двѣ собаки шли около него; его взглядъ былъ твердъ и рѣшительнъ, какъ у человѣка, который идетъ ночью по знаемой дорогѣ. Ничто не можетъ придать столько, смѣлости человѣку истинно храброму, какъ хорошее оружіе и увѣренность, что оружіе это можетъ лежать безъ дѣйствія въ

рукъ, которая его держитъ. Наша поступь принимаетъ тогда рѣшимость и самоувѣренность, и мы чувствуемъ въ насъ воинственную силу, призывающую къ намъ опасность, безъ сомнѣнія потому—что мы увѣрены инстинктивно, что опасность эта насъ не постигнетъ.

Впрочемъ молодой охотникъ испыталъ опасности дѣйствительно. Въ продолженіе трехъ дней онъ охотился за кабаномъ въ Шансангларскомъ лѣсу, чтобы умирить волненіе мыслей и безпокойство дѣятельнаго и бурнаго чувства. Его веселье товарищи по охотѣ, которые знали его всегда слабымъ и самымъ неловкимъ, видя его самымъ смѣлымъ на охотѣ и рискующимъ свою жизнь съ рѣдкою неустрашимостью, хотѣли до его отъѣзда отпраздновать его храбрость. Всѣ сообрались у графа Августа, и здѣсь, благодаря хитростямъ и изобрѣтеніямъ новаго Калеба, цѣлый день пили за здоровье Альберта, посреди криковъ все болѣе возрастающаго восторга. Подъ конецъ обѣда, головы ихъ разгорѣлись отъ вина и отъ жару, съ которымъ они спорили; говорили между-прочимъ о г-жѣ Сомервилль, и уже нѣсколько непочтительныхъ словъ было сказано на ея счетъ, когда Альбертъ приподнялся съ воссламеннымъ взглядомъ, разбилъ на столѣ стаканъ, и обѣщавъ поступить точно также съ первымъ, кто осмѣлится произнести при немъ безъ уваженія имя этой женщины. Эта рыцарская выходка подѣйствовала на всѣхъ, тѣмъ болѣе, что Альбертъ, не смотря на слабое и нѣжное сложеніе, казался совершенно готовымъ исполнить свое обѣщаніе. Его окружили, начали поздравлять въ полъ-голоса, и вынивъ за его храбрость, хотѣли пить за его успѣхи въ любви. Молодой чедовѣкъ долженъ былъ понять, что, выставивъ себя защитникомъ оскорбленной чести Аврелии, онъ, не подумавъ, объявилъ этимъ самымъ свои права—громко защищать ее. Онъ съ жаромъ оправдывался; но съ-тѣхъ-поръ, какъ добродѣтель г-жи Сомервилль была принесена въ жертву тщеславію Альберта, онъ не хотѣлъ уже не съ кѣмъ соритився. Онъ услышалъ вокругъ себя такіа объясненія теоріи любви, которыя заставили его покраснѣть; предположенія, что онъ былъ счастливымъ любовникомъ, были такъ ясны, такъ скоры, что ему сдѣлалось стыдно.

Онъ удалился недовольный всѣми и самимъ-собою.

Онъ печально переходилъ по гористой дорогѣ, ведущей въ Анземъ, какъ почувствовалъ, что чья-то рука легко оперлась на его плечо. Альбертъ обернулся и узналъ графа Августа.

— Альбертъ, сказалъ ему молодой дворянинъ, слегка кланаясь:

я долженъ передъ вами извиниться, и прошу васъ принять мои извиненія. Повѣрьте, что я болѣе васъ страдалъ во-время неприличной сцены, которая происходила у меня, и что я былъ глубоко оскорбленъ грубыми намеками, сдѣланными на вашъ счетъ. Повѣрьте также, что я равнодушенъ къ тому, что касается вашего счастья, и если не поздравлялъ васъ вмѣстѣ съ нашими товарищами, то единственно потому, что не хотѣлъ смѣшать съ грубыми намеками моихъ гостей искренняго поздравленія съ успѣхомъ вашей любви.

— Клянусь вамъ!... вскричалъ съ горячностью Альбертъ.

— Не клянитесь, прервалъ Августъ, улыбаясь: я знаю напередъ всѣ клятвы, дѣлаемыя въ подобномъ случаѣ.

— Вы оскорбляете, графъ, продолжалъ Альбертъ съ достоинствомъ: самую чистую изъ женщинъ.

— Надобно, чтобы любовь ваша была въ такомъ случаѣ оскорбленіемъ, а я слишкомъ горжусь вашею дружбою, чтобы не уважать всѣхъ вашихъ привязанностей, какого-бы рода онѣ ни были.

При этихъ словахъ Августъ учтиво поклонился, и Альбертъ продолжалъ свой путь. Его шаги были быстры, онъ не чувствовалъ холода на зеленѣвшихъ рукахъ, ни иней, который былъ ему въ лицо; онъ шелъ мучимый тысячами безпокойныхъ мыслей. Самая ужасная изъ всѣхъ—было угрызеніе совѣсти въ томъ, что онъ заставилъ другихъ вѣрить его счастію, которое для него не существовало. Онъ началъ сознаваться, что поступокъ его былъ безчестенъ; потомъ онъ сознался самому себѣ, что въ тотъ день, когда онъ достигнетъ обладанія этимъ счастіемъ, безчестіе будетъ не-что иное, какъ легкое хвастовство, которое нашло бы оправданіе въ самой строгой совѣсти. Съ-этихъ-поръ онъ поклялся достигнуть прощенья за свой проступокъ, думая впрочемъ, что согласится на похвалу прежде побѣды, значило только торжественно обязать себя одержать эту побѣду.

При такомъ расположеніи ума Альбертъ проходилъ чрезъ Анземъ, какъ вдругъ онъ узналъ слѣды Кортеса, по дорогѣ, покрытой инеемъ и снѣгомъ. Онъ хотѣлъ постучать у какой-нибудь лачужки, чтобы справиться о пріѣздѣ г-жи Сомервилль, какъ вдругъ встрѣтилъ Франка.

— Уже ты возвратился, Франкъ?—спросилъ молодой чедовѣкъ.

— Да, сударь! отвѣчалъ служитель съ печальнымъ видомъ: по всему замѣтно, что васъ не было съ нами.

— Развѣ путешествіе было опасно?

— Я думалъ, г-нъ Альбертъ, что опять участвую въ походѣ: почти цѣлый мѣсяцъ мы ѣхали въ снѣгу и во льду, живя чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Надѣюсь, что это путешествіе имѣло какую-нибудь цѣль?

— Конечно: подучить насморкъ и ревматизмы, отвѣчалъ Франкъ, сердясь. Видите, г-нъ Альбертъ? Маркиза со всѣми добра; въ особенности добра со своими служителями, которые любятъ ее; нѣтъ ни одного изъ насъ, который не согласился бы броситься для нея въ огонь... но, прибавилъ онъ тихимъ голосомъ и осматриваясь, не могъ ли кто его слышать: я думаю, что она немного».... Фраза осталась неоконченною, и Франкъ дополнилъ смыслъ ея, проведя указательнымъ пальцемъ правой руки по своему лбу.

— Ты думаешь? спросилъ молодой человѣкъ.

Франкъ наклонилъ свою голову къ уху Альберта, и шепнулъ ему три слова: «Я это думаю», съ видомъ глубокимъ и таинственнымъ, человѣка, испуганнаго важностью своихъ собственныхъ открытій.

— Я всегда подозрѣвалъ это! отвѣчалъ равнодушно молодой человѣкъ, находившій, безъ сомнѣнія, интересъ въ нескромности разговорчиваго берейтора.

— Это оттого, что вы видите все ясно, оттого, что вы истинно ученый человѣкъ, г-нъ Альбертъ. Повѣрите ли вы, въ продолженіе цѣлаго мѣсяца маркиза питалась однимъ крестьянскимъ хлѣбомъ, и спала подъ соломенною крышею? Мы пріѣзжали вечеромъ и отправлялись поутру, не смотря ни на вѣтеръ, ни на погоду... Маркиза, говорилъ я ей, вы разстроиваете ваше здоровье; вы убьете себя, маркиза; поберегите себя для тѣхъ, кто любитъ васъ.... Но напрасно! она даже не слышала меня. Если я ей говорилъ: Маркиза, Кортесъ не въ состояніи идти далѣе, Кортесъ умретъ отъ усталости; маркиза, вы уморите Кортеса.... она взмахивала своею тросточкой, и Кортесъ пелся, какъ вѣтеръ.—Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца она мнѣ рѣшительно ничего не говорила, кромѣ этихъ словъ: Франкъ, сѣдай лошадей; Франкъ, дай шпоры твоей лошади; Франкъ, мы завтра ѣдемъ рано утромъ.... Одинъ только разъ она мнѣ сказала:—Франкъ, ты сильно кашлешь.... Надѣюсь, что я кашлялъ. Но я не думалъ объ этомъ, г-нъ Альбертъ, я только думалъ о ней; я бы хотѣлъ отдать ей мою одежду или испытывать одному стужу и холодъ.... Бѣдная

женщина!... Одинъ разъ вечеромъ, въ углу у огня, я видѣлъ, какъ она плакала.... Это разрывало мнѣ сердце!

— Здорова ли твоя госпожа? прервалъ его Альбертъ, который не хотѣлъ слишкомъ растрогаться.

— Здорова. Это женщина желѣзнаго сложенія.

— Она отдыхаетъ теперь?

— Отдыхать, ей! Вы ее совсѣмъ не знаете. Два часа ночи пробьетъ на Анземской колокольнѣ, а маркиза все еще не спитъ.... Странная женщина! прибавилъ Франкъ, снова ударивъ себя по лбу.

— А ты куда идешь такъ поздно?

— Вотъ кстати напомнили мнѣ! воскликнулъ Франкъ: маркиза послала меня узнать о здоровьи г-жи Нанси.

При имени Нанси, Альбертъ сдѣлалъ сердитое движеніе, котораго Франкъ не замѣтилъ въ темнотѣ, и они разстались. Походка Альберта сдѣлалась медленнѣе; онъ тихо дошелъ до своего домика, раздумывая о путешествіи Аврелии, отчасти странномъ, отчасти трогательномъ, и подозрѣніе, бывшее до тѣхъ-поръ у него въ головѣ, какъ блѣдное отраженіе мысли, при которой совершилось это путешествіе, принимало съ каждымъ шагомъ Альберта болѣе ясный видъ, и дѣлалось для него понятнѣе.

Придя домой, онъ перемѣнилъ костюмъ и отправился въ Анземъ. Какое намѣреніе заставило его возвратиться въ деревню? Онъ не зналъ самъ этого; онъ повиновался сильному безпокойству, не стараясь дать себѣ въ немъ отчета, и шель увлекаемый пыломъ своихъ желаній.

Онъ прошелъ деревушку, и нашель дверь сада запертою. Онъ взобрался на заборъ, окровавилъ себѣ руки объ терновникъ загородки, и соскочилъ въ большую аллею. Ничто такъ не возбуждаетъ нашу храбрость, какъ видъ пролитой нами крови: мужество Альберта удвоилось. Онъ шель смѣлымъ и твердымъ шагомъ къ дверямъ на террасѣ. Франкъ, который только что возвратился, хотѣлъ запереть дверь.

— Отвори, вскричалъ Альбертъ: это я.

— Вы, г-нъ Альбертъ! Какъ попали вы сюда?

— Это все-равно, ты видишь, что я здѣсь?
 — Что привело васъ?
 — Важныя дѣла. Миѣ сегодня же вечеромъ надо говорить съ маркизою.

— Маркиза удивится вашему посѣщенію; она думаетъ, что вы уѣхали въ Парижъ. Я проведу васъ сейчасъ въ ея комнату.

— Не трудись, любезный, это не нужно.

— Я долженъ за вами слѣдовать: маркиза ждетъ отвѣта отъ г-жи Ханси.

— Я самъ передамъ ей его. Ты, должно-быть, усталъ, бѣдный Франкъ; пооди, отдохни. Все тихо въ замкѣ, а ты одинъ не спишь, тогда какъ не спать почти цѣлый мѣсяцъ!»

Франкъ отдалъ молодому человѣку ключи отъ террассы и сада, и наказавъ, чтобы онъ положилъ ихъ въ большой алей подлѣ дверь въ загородкѣ, пошелъ въ ту часть замка, которую г-жа Коммервиль назначила своимъ людямъ. Альбертъ въ два прыжка пробѣжалъ лѣстницу, тихо отворилъ дверь и вошелъ въ залу. Онъ надѣялся найти въ ней Аврелію, но обманулся. Г-жа Коммервиль при первыхъ морозахъ удалилась въ свою спальню. Альбертъ даже не зналъ, въ какой части зданія эта комната находилась. Утомленный, онъ упалъ на диванъ, и одинъ, въ потьмахъ, въ этой сырой, холодной залѣ, спрашивалъ самъ себя, зачѣмъ пришелъ онъ въ этотъ замокъ, какой демонъ занесъ его къ Авреліи, чего онъ надѣялся отъ нея? И при каждомъ изъ этихъ вопросовъ, онъ чувствовалъ, что твердость его ослабѣвала и сила упала. Вскорѣ онъ считалъ себя счастливымъ, что не нашелъ г-жу Коммервиль, и хотѣлъ встать, чтобы бѣжать отъ нея, можетъ-быть, съ какимъ-же жаромъ, съ какимъ искалъ ее, какъ вдругъ нахъ дверью, которую онъ прежде не замѣтилъ въ углу комнаты, поднялись обои, скрывавшія ее, и Альбертъ увидѣлъ входящую женщину, которую, онъ едва могъ узнать, такъ она перемѣнилась. На ней была накинута черная атласная шуба, въ рукахъ она держала восковую свѣчу, матовый свѣтъ которой еще болѣе выказывалъ блѣдность ея лица.

V.

Я не знаю менѣе спасительнаго средства для моральныхъ болѣзней, какъ уединеніе: въ самомъ источникѣ зла должно стараться побѣдить наше горе; должно бороться съ нимъ лицомъ къ лицу, чтобы уничтожить его. На известномъ разстояніи оно также растетъ, какъ деревья; оно развивается, дѣлается сильнымъ, и чѣмъ далѣе мы бѣжимъ отъ мѣста, гдѣ испытали горе, тѣмъ призракъ его кажется намъ ужаснѣе. Горько уединеніе бѣдняковъ, невѣрующихъ въ счастье: слезы ихъ ѣдки, душевныя раны неисцѣлимы. Многие убѣгаютъ въ уединеніе отъ мѣста ихъ скорби, съ легкими ранами сердца, и возвращаются съ неисцѣлимыми. Тоже случилось съ г-жею Коммервиль: стараясь уничтожить свое горе, она только позволила ему глубже утвердиться въ ея сердцѣ; ея страданія дѣйствительно увеличились важною, которую придало имъ ея воображеніе. Ея возвращеніе принесло ей больше безпокойства и волненія, чѣмъ ея отъѣздъ. Это впрочемъ очень невѣрное средство спастись отъ какого-бы ни было чувства, также какъ и бѣжать того, что внушаетъ его: далеко отъ своего кумира любовь воспламеняется и дѣлается поэтической. Въ присутствіи любимый предметъ дѣлается скоро существомъ, состоящимъ изъ тѣла и костей, и которое скоро надѣдаетъ любящему сердцу: отсутствіе дѣлаетъ его кумиромъ.

Г-жа Коммервиль сидѣла въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ на одномъ мѣстѣ, безмолвная, задумчивая, ничѣмъ не занятая, ослабѣвшая отъ сильнаго отчаянія. Не одно угрызеніе совѣсти, что она разстроила наше счастье, помрачало ея мысли, она также думала объ Альбертѣ, и можетъ-быть это воспоминаніе заставляло ее совершенно перенестись къ нему. Воротаясь въ замокъ, она не имѣла довольно твердости пройти чрезъ залу фамильныхъ портретовъ, еще полную милаго образа; но она хотѣла имѣть эту твердость; она хотѣла видѣть эту комнату, гдѣ происходила первая сцена послѣдней драмы въ ея жизни, гдѣ она почувствовала, что сердце ея можетъ биться, прежде чѣмъ затихнетъ навсегда; она хотѣла посидѣть тамъ, гдѣ сидѣлъ Альбертъ, повторить на фортепіано тѣ романсы, которые очаровали его, взглянуть, не осталось ли слѣдовъ его на паркетѣ, послушать, не оставилъ ли онъ между

этими стѣнами отголоска своей молодой души. Ребяческія наслажденія любви, кто не знаетъ васъ!

Она встала, взяла одною рукою свѣчу, а другою прижала ручку двери, ведущей изъ ея комнаты прямо въ залу. Дверь тихо поддалась на своихъ крюкахъ. Аврелія подвигалась тихо, поставила на столъ свѣчу, горѣвшую въ ея рукѣ, и окинула взглядомъ эту обширную залу, едва освѣщенную одною свѣчею. Черезъ нѣсколько минутъ взоръ этотъ остановился на Альбертѣ. Аврелія испустила крикъ, взяла свѣчу и пошла скоро къ Альберту. Когда она увѣрилась, что это былъ въ-самомъ-дѣлѣ онъ, а не тѣнь его, которая столько разъ уже днемъ и ночью ей представлялась, свѣча выпала изъ ея рукъ, и несчастная, полумертвая упала на диванъ.

Страхъ Авреліи убѣдилъ Альберта, окончательно объяснилъ ему все, и изъ ребенка онъ сдѣлался человѣкомъ. Покамѣстъ онъ видѣлъ Sommerville спокойною и дружескою, онъ не смѣлъ видѣть женщины подъ ласками сестры. Но когда онъ увидѣлъ ее взволнованною, онъ торжествовалъ надъ ея сердцемъ. Спокойная Аврелія могла бы легко укротить застѣнчивыя желанія молодого 18-тилѣтняго человѣка. Смущенная, она погубила себя.

Къ ея счастью, нашъ другъ былъ далеко не донъ-Жуанъ. Онъ спокойно поднялъ свѣчу, которая еще горѣла на паркетѣ, и поставивъ ее на фортепiano; онъ сохранилъ передъ Авреліею смѣлый, но почтительный видъ. Г-жа Sommerville скоро пришла въ чувство: она не была такой женщиной, которая позволила бы себѣ предаваться долго впечатлѣнію, какое бы оно ни было.

— Вы меня испугали, Альбертъ, сказала она наконецъ измѣнившимся голосомъ... Вы были такъ далеко отъ моихъ мыслей, я не думала здѣсь найти васъ!

— Мои мысли не оставляли васъ вотъ уже мѣсяцъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ выраженіемъ тихаго упрека.

— Я вамъ худо объяснила это, сказала Аврелія, стараясь побѣдить свое волненіе: я дурно объяснилась Альбертъ, или вы меня не хорошо поняли, я хотѣла сказать: я думала, что вы далеко отъ меня: я полагаю, что вы уѣхали.

— Вы думали, маркиза, что я могу оставить эти мѣста, не простась съ лицами, которыя меня заставили полюбить эти мѣста, не услышавъ, въ часть отъѣзда, нѣсколько дружескихъ словъ, которыя уменьшили бы его горечь? Вы конечно такъ думали, потому-что точно также поступили уѣхавъ отсюда.

— Если бы вы знали, Альбертъ, сколько сама я перестрадала, вы и не подумали бы жаловаться на меня.

— Я жалею только на молчаніе о вашихъ страданіяхъ, маркиза, и если бы имѣлъ право раздѣлять ихъ, я бы не жаловался.

— Будемте говорить лучше о васъ, о вашихъ друзьяхъ. Чтѣ за дѣло до моихъ страданій? Говорите мнѣ про Нанси, про Максима.

— Я не могу сказать вамъ ничего новаго о нашихъ друзьяхъ, маркиза: я провелъ 8 дней въ Шансангларѣ, и только что вернулся. Я узналъ о вашемъ возвращеніи, проѣзжая деревню, и осмѣлился, не смотря на позднее время, придти освѣдомиться о васъ самихъ.

— Я счастлива, что опять вижу васъ; я не ожидала этого. Благодарю васъ, что вы замедлили вашъ отъѣздъ для меня, но вы, можетъ-быть, много потеряете чрезъ это. Вы, кажется, должны быть въ Парижѣ 15-го ноября? По-крайней-мѣрѣ, Максимъ сказалъ мнѣ это, и я сожалею, что для меня...

— Вы не должны говорить мнѣ ни вашихъ сожалѣній, ни вашей благодарности; я ничѣмъ вамъ не жертвую, маркиза; я не поѣду.

— Вы не поѣдете! вскричала Аврелія въ недоумѣніи.

— Нѣтъ, маркиза, отвѣчалъ спокойно Альбертъ: я остаюсь.

Г-жа Sommerville снова задрожала, и Альбертъ, въ свою очередь заставилъ ее трепетать подъ его взглядомъ.

Онъ наслаждался смущеніемъ Авреліи; онъ торжествовалъ находя въ ней женщину, видя ее недовѣрчивой и боязливой, ея, которая такъ долго оскорбляла его довѣренность и вниманіе. Но наконецъ и его боялись, избѣгали его присутствія, чего то страшились при немъ! Онъ уже не былъ ребенкомъ, онъ былъ человѣкомъ, и этотъ человѣкъ, можетъ-быть, считалъ себя менѣе счастливымъ. Чувствуя, что его любятъ, онъ болѣе гордился мужественнымъ видомъ, который принималъ на себя въ первый разъ. Эта то гордость спасла г-жу Sommerville, и едва не заставила Альберта, снова взять на себя роль, которую онъ исполнялъ уже два мѣсяца: онъ такъ гордился своею новоприобрѣтенною важною, что не искалъ случая воспользоваться ею. Г-жа Sommerville могла снова принять на себя рѣшительный видъ, хладнокровіе, необходимое, чтобы избѣжать опасности, которая ей угрожала.

— Вы остаетесь! вскричала она наконецъ.

— Да, маркиза. Я уже вамъ говорилъ о моемъ разочарованіи

ко всему, что встрѣчалъ въ жизни: моя душа не излечилась отъ него и не имѣть болѣе твердости бороться съ новыми. Я не жаждуся на тѣхъ, кто бросилъ меня въ этотъ міръ, для котораго я не была создана: пусть же не мѣшаютъ мнѣ спокойно возвратиться въ міръ, который я не долженъ былъ оставлять. Да, маркиза, я остаюсь, я не ѣду.

— Послушайте, сказала г-жа Коммервилъ такимъ спокойнымъ, тихимъ голосомъ, что Альбертъ испугался. Я къ вамъ привязана, вы это знаете, Альбертъ; вы знаете, что я питаю къ вамъ самую нѣжную дружбу; я обязана для васъ и для самой себя, объяснить вашу неопытность. Разумѣется, мнѣ будетъ много стѣбитъ разстаться съ вами, разлучить васъ съ Нанси... которую вы любите, Альбертъ... но я буду имѣть на это довольно твердости... Вы поѣдете, другъ мой.

— Не ждите этого, вскричалъ молодой человѣкъ.

— Я хочу надѣяться на васъ. Оставьте меня всегда думать, что моя привязанность вамъ дорога, что вы пожертвуете для меня вашею прихотью уединенія и отдаленія отъ свѣта. Неужели вы не сдѣлаете для меня того, о чемъ я умоляю васъ для васъ же самихъ?

Голосъ Авреліи сдѣлался такъ нѣженъ, видъ ея былъ такъ важенъ и благороденъ, что Альбертъ въ одну минуту увидѣлъ, что надежды его исчезли; онъ потерялъ всю твердость, которую напротивъ приобрѣла Коммервилъ.

— Вы поѣдете, продолжала она: вы снова возвратитесь къ вашимъ занятіямъ и трудамъ; вы не допустите погибнуть въ бездѣйствіи способностямъ, которыя Богъ вложилъ въ васъ. Притомъ же вы бѣдны, другъ мой: бѣдному человѣку надобно непремѣнно какое нибудь назначеніе.

— Я довольно богатъ для самого себя.

— Для васъ, но для другихъ? Не должны-ли вы заботиться не только объ одномъ самомъ себѣ? Не должны-ли вы чего-нибудь тѣмъ, кто васъ любитъ? Каждый изъ насъ обязанъ занимать какую-нибудь роль въ свѣтѣ; каждый изъ насъ имѣетъ свое назначеніе въ обширномъ кругу человѣчества. Когда-нибудь Богъ потребуетъ отъ насъ отчета въ добрыхъ и пустыхъ сѣменахъ, которыми мы засѣяли это поле.

— Все пути заняты, сказалъ Альбертъ: нѣтъ болѣе мѣста для меня.

— Это старая ложь, выдуманная людьми праздными, чтобы оправдать ихъ посредственность, отвѣчала Аврелія, улыбаясь.... И вы, вѣрно, этому не вѣрите, Альбертъ. Вы сами

стыдился бы вашего бесполезнаго существованія, а я краснѣла бы за васъ.

— Это оттого, что вы думаете только о тщеславіи! вскричалъ молодой человѣкъ, чувствующій, какъ кровь бросилась ему въ лицо: ваша гордая дружба считаетъ униженіемъ обращаться на бѣднаго человѣка! Самолюбіе въ дружбѣ все-равно, что осадокъ въ винѣ. Вашей гордости необходимы прелести таланта и ослѣпленіе славы.

— Боже мой! кто говоритъ вамъ о славѣ? Богъ свидѣтель, что я не призываю ее никогда на вашу голову. Она лишаетъ насъ многихъ привязанностей и навлекаетъ намъ много зависти; она измѣняетъ насъ самихъ, вредитъ нашимъ добрымъ наклонностямъ; она осуждаетъ насъ на одиночество и не даетъ права намъ жаловаться, потому-что часто отчужденіе людей отъ насъ есть только справедливое возмездіе. Слава—это напитокъ слишкомъ одуряющій для нашего слабаго мозга, и я сама, считая себя твердою женщиной, не знаю въ состояніи ли я перенести ее.

Свѣтъ такъ могущественъ! Если бы вы знали, сколько друзей пожертвовали мной для своихъ выгодъ, сколько благородныхъ, прекрасныхъ созданій я видѣла погибшими отъ тщеславія, сколько молодыхъ подругъ моего дѣтства, которыхъ я едва узнавала въ высокой сферѣ, куда таланты ихъ возвели. А они были такъ прекрасны въ домѣ ихъ родителей или въ разрушенномъ замкѣ ихъ предковъ! Поѣзжайте жить безъ славы; не будьте ни героемъ, ни трибуномъ, ни поэтомъ; будьте болѣе великаго человѣка,—сдѣлайтесь человѣкомъ полезнымъ.

— Всякое поприще для меня закрыто, сказалъ Альбертъ.

— Я не знаю ни одного, которое не было бы для васъ открыто.

— Ахъ! маркиза, неужели надо вамъ говорить о томъ, чего вы, кажется, не хотите понять? Вы забыли, кто я, кому вы говорите это? Вы развѣ не знаете, что я родился отвергнутымъ и что общество не принимаетъ меня въ свой кругъ.

— Бѣдное дитя! времена перемѣнились, сказала спокойно г-жа Коммервилъ. Въ нынѣшнее время общество никого не отвергаетъ; достоинство облагораживаетъ человѣка.

— Вы слишкомъ умны, чтобы я могъ опровергать васъ, отвѣчалъ Альбертъ. Вы побѣдили, маркиза; я ѣду завтра, и прощаюсь съ вами.

Онъ всталъ и поклонился г-жѣ Коммервилъ съ равнодушною учтивостію.

— Завтра! сказала маркиза, которая, может-быть, почувствовала столько же радости, увидя снова Альберта, сколько сильного страха, и которая испугалась, видя, как легко и скоро можно было побѣдить этого молодого человѣка. .. Вы завтра ѣдете, и вы такъ равнодушно прощаетесь со мною... Возможно ли это, Альбертъ?

— На что же вы жалуетесь, маркиза? Мой отъѣздъ не есть ли слѣдствіе покорности вашему разуму? Да, я ѣду; я буду страдать въ этомъ мірѣ, куда вашъ голосъ гонитъ меня. Вы думаете, что свѣтъ пугаетъ меня и что у меня не достанетъ твердости противиться его огорченіямъ? Я созданъ для страданій, я ихъ не боюсь. Для чего же я хотѣлъ остаться, и что вы думали объ этомъ намѣреніи? Что я пожертвовалъ надеждами на будущее, изъ прихоти ребенка, мечтавшаго объ уединеніи? Нѣтъ, вы этого не думали, маркиза; вы могли прочитать въ моемъ сердцѣ то, что я самъ едва смѣю чувствовать: мечты одного дня, погибшее счастье!... Простите меня, я оставляю васъ навсегда!

— Вы не уйдете! вскричала маркиза, бросаясь къ двери: вы выслушаете меня, вы узнаете, что сердце мое страдаетъ болѣе вашего отъ необходимости, которая разлучаетъ насъ; вы выслушаете меня, Альбертъ, потому-что я вашъ другъ; вы хорошо знаете, Альбертъ, что я къ вамъ привязана и что моя дружба будетъ оплакивать васъ.

— Поберегите вашу дружбу для Максима: я требую отъ васъ одного забвенія.

— Но, Альбертъ, что сдѣлала я вамъ? спросила г-жа Соммервилль, голосомъ, въ которомъ слышны были слезы.

— Что вы мнѣ сдѣлали, маркиза? Вы спрашиваете, что вы мнѣ сдѣлали? Вы погубили меня! Я хотѣлъ бѣжать васъ: вы сами пришли ко мнѣ, вы заставили меня узнать счастье, котораго я никогда не достигну. Что сдѣлали вы мнѣ? Вы ослѣпили меня безумными надеждами, вы меня привлекли къ пламени, которое должно меня поглотить; вы играли мной, какъ ребенкомъ, и испытывали могущество вашей красоты надъ любящимъ легковѣрнымъ сердцемъ; вы погасили мою любовь къ Нанси, и ничѣмъ не замѣнили счастья, которое у меня отняли; опутавъ меня вашими сѣтями, вы сами разорвали ихъ; призвавъ меня однажды, вашъ голосъ снова оттолкнулъ меня... Вотъ что сдѣлали вы со мною.

— Альбертъ, я этого не дѣлала! вскричала Аврелія.

— Думали ли вы, что я васъ безнаказанно могъ видѣть, что

каждый день я васъ видѣлъ болѣе прекрасною и что мое сердце не воспламенится? Неужели вы никогда не чувствовали, какъ дрожалъ я подъ вашими неблагодарными ласками? Неужели вы ничего не видѣли въ моемъ взглядѣ. Не дрожала ли моя рука подъ вашей, когда мы вечеромъ возвращались? Если слова мои не были ясны для васъ, не говорило ли вамъ чего-нибудь мое молчаніе?

— Альбертъ!... Небо будетъ моимъ свидѣтелемъ, я ничего не понимала, ничего не знала, ничего не предвидѣла, ни вашей любви, ни вашихъ мученій.

— Вы знали все, вы все поняли; меня нельзя обмануть! Я соглашаюсь, что вамъ было пріятно часто говорить о вашемъ отжившемъ сердцѣ, о вашемъ разрушившемся существованіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ на моей неопытности испытывать всю прелесть вашей красоты, узнать, такъ ли она слаба и ничтожна, какъ вы объ ней говорили.

— Довольно, Альбертъ, довольно! пощадите меня! воскликнула Аврелія, освобождаясь отъ жаркихъ рукъ Альберта.

— Что значитъ, послѣ всего этого, счастье и спокойствіе бѣднаго молодого человѣка! Вы можете легко имъ пожертвовать пустой прихоти кокетства, самому ничтожному вашему капризу; онъ не смѣетъ жаловаться. Вы разрушили его настоящее, разочаровали его будущее; что до этого? Онъ послужилъ игрушкой вашимъ фантазіямъ: онъ долженъ быть очень счастливъ!... Но Нанси, но Максимъ, подумали ли вы объ этомъ?

— Вы безжалостны! сказала Аврелія, держа руки Альберта въ своихъ рукахъ.

— Жалость, маркиза! Имѣли ли вы ее къ Нанси, ко всѣмъ намъ, которыми вы пожертвовали вашему тщеславію? Имѣли ли вы ко мнѣ жалость, когда вы дѣйствовали всѣми средствами вашего холодного разума, чтобы изгнать меня изъ этой деревни, употребивъ всѣ силы, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, чтобы приковать меня къ вамъ навсегда? Вашъ разсудокъ заговорилъ слишкомъ поздно! Зло сдѣлано, и вы ничѣмъ не можете исправить его.

— Да, правда, я жалкое созданіе, но вы жестоки, Альбертъ! Вы слишкомъ жестоки къ этому сердцу, полному страданія! Не такъ поступаютъ съ женщиной, которая столько плакала. Вы не чувствуете развѣ, какъ слезы мои текутъ по вашимъ рукамъ?

— Оставьте меня! сказалъ Альбертъ, отталкивая ее.

— Боже мой! воскликнула вдруг г-жа Сомервилль, испуганная: ваши руки въ крови!

— Оставьте меня, говорю я вамъ!... Я васъ ненавижу.

— А я, несчастная, я люблю васъ! вскричала она, закрывъ руками глаза, полные слезъ.

Необдуманный порывъ раздражительности и гнѣва произвелъ то, чего не могла бы сдѣлать самая пламенная страсть и хитрость самая обдуманная. Г-жа Сомервилль нашла бы въ себѣ силы сопротивляться любви Альберта, но покорилась ненависти этого молодого человѣка. Самую сильную женщину ненависть любимого ею человѣка лишаетъ всѣхъ средствъ къ защитѣ.

Альбертъ уже болѣе часу былъ у ногъ Авреліи. Онъ смотрѣлъ на нее съ такою любовью; въ этой любви было столько чистосердечія и восторга, его глаза были такъ прекрасны, его слова такъ молоды и чисты, онъ былъ такъ покоренъ у ногъ этой женщины, такъ полонъ страсти, такъ робокъ; его голосъ былъ такъ сладокъ, его взглядъ такъ вѣжливъ, когда онъ умолялъ ее, онъ говорилъ ей о счастіи съ такою вѣрою, о будущемъ съ такою довѣренностью, что забылъ на минуту все прошедшее, полное слезъ...

— Вы возвращаете мнѣ молодость, сказала она, наклоня къ нему свою прекрасную голову.

— А ты даешь мнѣ жизнь! воскликнулъ онъ, обхвативъ руками голову, которая къ нему наклонилась, и жаркими устами коснулся устъ Авреліи.

Этотъ поцѣлуй напомнилъ Авреліи цѣлую жизнь горести и угрызеній; эти горячія уста, дрожавшія подъ ея устами, казались ей полными горячи ея воспоминаній; прошедшее представилось ей грознымъ, какъ вѣрное предзнаменованье еще болѣе угрожающаго будущаго; всѣ раны ея открылись, чтобы залить кровью ея сердце, и быстро вырвавшись изъ объятій Альберта, она съ ужасомъ встала. Но ощущение, которое охладило кровь женщины, воспламенило молодого человѣка. Чистая довѣрчивость, такъ долго защищавшая Аврелію, могла бы еще спасти ее, но ея ужасъ снова толкнулъ ее въ пропасть, откры-

вавшуюся передъ ней. Альбертъ всталъ въ уноеніи, онъ обвинилъ своими руками г-жу Сомервилль, и радовался счастію, чувствуя какъ дрожала она подъ его ласками. Несчастливая съ грустью освобождалась, но не отъ объятій этого ребенка: настоящее прошедшее все исчезло; ее мучили воспоминанія, будущее начиналось для нее. Собравъ все, что оставалось въ ней силы и жизни, чтобы избѣгнуть памяти о прошедшемъ.

— Вы хотите, чтобы я умерла? вскричала она наконецъ раздражающимъ голосомъ.

Испуганный этимъ страдальческимъ воплемъ, Альбертъ выпустилъ ее изъ объятій, и Аврелія бросилась въ свою комнату; Альбертъ поспѣшилъ за ней.

Эта комната была освѣщена угасающимъ пламенемъ камина и небольшимъ свѣтомъ ночной лампы. Г-жа Сомервилль скрылась у изображенія слоновой кости, вдѣланнаго на черномъ бархатѣ, въ головахъ кровати; занавѣсы, висѣвшіе надъ кроватью, скрывали ее отъ взгляда Альберта. Альбертъ стоялъ въ замѣшательствѣ, смѣшанномъ съ безпокойствомъ посреди этой темной залы, расположеніе которой ему было незнакомо; его взглядъ искалъ Аврелію и не могъ ее найти, когда огонь въ каминѣ, разгораясь, вдругъ сильно освѣтилъ предметы, его окружающіе. Пораженный при видѣ ихъ, онъ колебался, снова чего-то искалъ, и невольно остановился, разсматривая малѣйшія подробности мебелировки: онъ шелъ, какъ любопытный ребенокъ, разсматривая чернаго дерева канделябры, обдѣланныя мѣдью, съ вызолоченными подевѣчниками и тремя вѣтвями висѣщими въ воздухѣ, фестоны и арабески, разбросанныя на по-толкѣ; далѣе взоръ его скользилъ вдоль обои и терлся между кіосками, пагодами и красными индѣйцами, слегка касаясь рисунковъ Ланкре и Франсуа Буше, и задумчиво останавливался на изображеніи, у котораго стояла изумленная Сомервилль. Въ время этого безмолвнаго наблюденія огонь въ каминѣ погасъ, и Альбертъ остался въ темнотѣ. Онъ пошелъ въ залъ, за свѣчей, горѣвшей на фортепиано, возвратился въ спальню Авреліи, осторожно зажегъ свѣчи въ жирандоли, поставленной на подножкѣ, и мѣдныя канделябры, приврѣченные надъ каминномъ съ обѣихъ сторонъ зеркала; и когда комната была освѣщена какъ для какаго-нибудь вечерняго праздника, Альбертъ снова осмотрѣлъ при свѣтѣ двадцати огней то, что онъ едва видѣлъ при неясномъ свѣтѣ почти погасшаго камина. Онъ оперся головой на обѣ руки, потомъ внимательно устремилъ свой слухъ, какъ будто слышалъ какую-то мелодію,

которая очаровывала его въ дѣтствѣ. Подходя наконецъ къ г-жѣ Сомервилъ, которая съ удивленіемъ слѣдила за нимъ:

— Я видѣлъ здѣсь мою мать, на этомъ мѣстѣ, гдѣ вы теперь? воскликнулъ онъ... Вы знаете мою мать, вы, должно-быть, знали ее! Была она сестрой вашей или другомъ? Говорите!

Г-жа Сомервилъ, стоявшая еще у изображенія, смотрѣла на Альберта блуждающими глазами и ничего не отвѣчала.

— Говорите мнѣ про мою мать!... Отчего не говорили вы мнѣ никогда объ ней? Вы хорошо знали однако же, что голосъ, говорившій про нее, былъ бы мнѣ сладокъ, тѣмъ болѣе вашъ голосъ!... Скажите мнѣ, жива ли еще мать моя, счастлива ли она, могу ли я надѣяться еще разъ видѣть ее! Скажите мнѣ, что вы объ знали другъ друга, любили другъ друга, и объ вы будете мнѣ еще милѣ!

Сомервилъ не отвѣчала ни слова.

— Но говорите же, маркиза! повторялъ онъ съ нетерпѣніемъ. Не боитесь ли вы открыть мнѣ какую-нибудь тайну вашего семейства? Или хотите сказать, что у меня нѣтъ болѣе матери? Говорите, маркиза, все-таки говорите; скажите мнѣ, что мать моя умерла; только именемъ Бога прошу васъ, говорите объ ней, какъ изгнаннику объ отечествѣ, котораго онъ больше не увидитъ, какъ мы ежедневно говоримъ о небѣ, котораго, можетъ-быть, никогда не достигнемъ.

— Она умерла! отвѣчала наконецъ Аврелія трепещущимъ голосомъ.

— Умерла!... вскричалъ онъ: она умерла!... Маркиза! жестоко заставить бѣдняка такъ долго ждать рѣшенія его участи!... Она умерла!... Вы знали ее; скажите мнѣ, кто она?

Аврелія рыдала.

— Вы знали ее... Но правда ли это? Вы не захотите обмануть меня... Зачѣмъ вы сказали, что знаете ее?... Кто была она?

— Вы ее видите теперь, сказала Аврелія опуская голову, и указывая ему на портретъ.

Онъ вздрогнулъ, и поднялъ глаза свои на портретъ молодой женщины, единственную картину, украшавшую комнату; потомъ обратясь къ Сомервилъ, которой голова почти касалась ногъ молодого человѣка:

— Это она? спросилъ онъ съ грустью.

Аврелія отвѣчала наклоненіемъ головы.

Онъ долго стоялъ какъ будто пораженный громомъ. Потомъ удивленіе его замѣнилось грустью. Онъ медленно сложилъ руки

на груди, и бросилъ печальный взглядъ на женщину, стоявшую передъ нимъ въ смущеніи.

— Вы знали мою мать, повторялъ онъ: а она покинула меня! Нѣтъ! мать должна оставаться у колыбели своего сына, безречь его дѣтство, отирать его слезы, успокоивать его горести; мать живетъ только для насъ, только въ насъ, только нами; слава, счастье, любовь, мы ей замѣняемъ все: я взросъ безъ ласкъ, я жилъ въ слезахъ, горе истерзало мое сердце, и ни одна женщина не имѣетъ права назвать меня своимъ сыномъ... Она, можетъ-быть, надѣялась, что, поручивъ важныя обязанности матери постороннему, можетъ свободно путешествовать по свѣту, и потомъ утомленная путешествіемъ и получивъ отвращеніе ко всему, вспомнить наконецъ о своемъ сынѣ.

— Выслушайте меня! говорила Аврелія, отирая слезы: и не обвиняйте ту, которая любила васъ больше всего въ мірѣ. Мать, которая улыбалась вамъ въ дѣтствѣ, питала къ вамъ болѣе нѣжности, нежели та женщина, которая плачетъ теперь передъ вами.

— Вы думаете? отвѣчалъ Альбертъ.

— Думаю ли я это!... Но въ чемъ вы упрекаете ее? Въ томъ, что она васъ бросила? А знаете ли вы, что это сердце вытерпѣло въ то время, сколько слезъ пролила ее глаза, сколько жаркихъ молитвъ шептала ей уста о васъ? Она бросила васъ!... Если бы позволили этой несчастной сѣсть на камнѣ, прибитомъ вѣтромъ и дождемъ къ двери дома, гдѣ ее дитя начало жить, дни и ночи она провела бы тамъ; но жестокие не хотѣли этого! Они гнали ее, они отняли сына отъ матери, они похитили мать у сына, и она должна была оставить васъ, дитя мое, разлучиться съ вами, Альбертъ!

— Я не упрекаю ее въ томъ, что она покинула меня, сказалъ Альбертъ!

— Въ чемъ же, вы упрекаете ее? строго спросила Аврелія: въ томъ, что она любила васъ, не открываясь вамъ, не говорила, что она ваша мать!... О! Альбертъ! вы не понимаете нѣжности материнскаго сердца!... Она была бы счастлива приобрѣсти вашу нѣжность, она гордилась бы внушивъ вамъ привязанность. Прежде чѣмъ назвать васъ своимъ сыномъ, она хотѣла быть матерью по чувству женщины, которую ваша любовь предпочла бы всѣмъ. Для женщинъ наступаетъ возрастъ, когда онѣ живутъ только для своихъ дѣтей; онѣ страдаютъ; разочарованія старѣютъ ихъ болѣе, нежели время. Кругъ ихъ друзей уменьшается вмѣстѣ съ ихъ прекрасными днями; вѣра

въ людей гаснетъ въ нихъ; имъ остаются одни дѣти. Какъ бы ни заблуждалась ваша мать, дѣти! будьте почтительны къ ней, потому-что она никогда не перестаетъ васъ любить, и одинъ Богъ можетъ судить ее.

— Но скажите мнѣ наконецъ, кто была она?

— Она была бѣдная, но благородная и прекрасная женщина. Ея красотѣ равнялись только ея страданія. Я воспитывалась вмѣстѣ съ нею, и съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ была ея подругою. Она полюбила, но несчастію, человека, который былъ ниже ея позванія. Родители не соглашались на бракъ ея, — она забыла долгъ повиновенія и скрылась съ своимъ женихомъ. Провидѣніе жестоко наказало ее за проступокъ; тотъ, кто обещалъ жениться на ней, въ скоромъ времени захворалъ, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ страданій умеръ, не успѣвъ исполнить своего обещанія. Черезъ нѣсколько времени она дала жизнь—сыну, и должна была отъ всѣхъ скрывать его рожденіе, потому-что онъ былъ плодъ любви, неосвященной закономъ и церковью. Она отдала его на воспитаніе къ господину Сент-Естеvu, въ дѣшнюю деревню.

Не смотря на заблужденіе подруги моея—я любила ее по-прежнему, и часто въ замкѣ моемъ, доставляла ей случай видѣть своего ребенка. Здѣсь любопытство постороннихъ зрителей не могло помѣшать матери ласкать своего сына. Въ этой самой комнатѣ вы видѣли въ послѣдній разъ вашу мать, и впечатлѣніе это живо сохранилось въ вашей младенческой памяти. Немного однакоже судьба дала ей наслаждаться и этимъ счастіемъ. Истомленная горестью и страданіями, она умерла въ то время, когда вы едва начинали понимать и различать окружающія васъ лица и предметы. Умирая, она поручила васъ моему надзору, но я, принужденная ѣхать отсюда, не могла слѣдить за вашимъ воспитаніемъ какъ бы хотѣла. Если я до сихъ-поръ не говорила вамъ ни слова о вашей матери, то это по ея же желанію. «Разскажи обо мнѣ моему сыну,—говорила она мнѣ на смертномъ одрѣ,—только въ то время, когда онъ будетъ совершенно счастливъ. Бойся къ его горю и страданію прибавить мысль о его несчастной матери. Онъ легче перенесетъ извѣстіе о ней, когда жизнь будетъ ему улыбаться. Тогда настоящая радость уравновѣситъ прошедшее горе, не дастъ такъ сильно почувствовать его.» И я, можетъ-быть, долго бы еще не разсказала вамъ ея исторіи, если бы случай не привелъ васъ въ эту комнату, и вы сами не потребовали отъ меня разсказа о вашей матери. Теперь вы все знаете, хоть я

и не имѣла права открыть вамъ всего, потому-что я вижу, по тому-что я увѣрена въ томъ, что вы несчастливы.

— Да! вы правы! вскричалъ Альбертъ въ совершенномъ отчаяніи. Я очень несчастливъ! Мать моя, которую я любилъ бы всю жизнь, не смотря на то, что она оставила меня, умерла! Та, которую я люблю больше всего въ мірѣ, убѣгаетъ отъ меня, хотя говорила, что любить меня.

— Зачѣмъ говорить обо мнѣ? отвѣчала въ смущеніи Аврелія. Будемте говорить о вашей матери, Альбертъ.

— Нѣтъ! будемте говорить объ васъ!... Я все знаю о моей матери. Тихая грусть, возбужденная во мнѣ вашимъ разсказомъ объ ней, не можетъ заглушить въ сердцѣ моемъ любви къ вамъ.. Скажите, можете ли вы, будете ли вы любить меня такъ какъ я люблю васъ?

— Я могу и буду любить васъ такъ, какъ мать! сказала Аврелія важно и торжественно. Какой другой любви можете вы требовать отъ меня, Альбертъ? Вспомните, что я видѣла васъ ребенкомъ, что по лѣтамъ моимъ я бы могла быть вашей матерью. Я виновата въ томъ, что, увлекаясь минутнымъ чувствомъ, повѣрила сердцу своему, спавшему такъ долго, что я уже не вѣрила въ возможность его заботиться сильнѣе обыкновеннаго. Вида морщины на лбу моемъ, я забыла, что на сердцѣ не бываетъ морщинъ... Но разсказъ о вашей матери былъ спасителемъ и для меня. Онъ напомнилъ мнѣ о разстояніи между вами и мною, которое я никогда не должна была бы забывать. Я почти старуха, Альбертъ, а вы только что вступили въ юношескій возрастъ. Возможенъ ли какой-нибудь союзъ между мною и вами?... Черезъ пять лѣтъ вы будете еще молодымъ человекомъ, полнымъ жизни и силы, а я совершенно отцвѣту и завяну. Скажу вамъ болѣе: любовь ваша ко мнѣ неистинна и неестественна. Это больше ничего, какъ прихоть раздраженнаго самолюбія, вѣсьма чувственности, необдуманной жаръ молодости, увлеченіе необдуманныхъ чувствъ. Отжившему сердцу не отвѣчать на призывъ сердца пламеннаго и молодаго!... Вы хотите принести мнѣ въ даръ вашу первую, чистую, страстную, поэтическую любовь; могу ли я отвѣчать на нее, я, которая слышала не одно такое признаніе въ моей жизни, чье сердце перегорѣло и потухло.

— Вы любите, маркиза? сказала Альбертъ глухо, сжимая руками грудь свою, блѣднѣя все больше и больше.

— Не хотите ли услышать и мою исторію? спросила Сомервиль съ горькой улыбкой. Въ ней также много слезъ, страданія, обмановъ, разочарованія и упрековъ совѣсти. Вы найдете въ ней много сходства съ исторіею вашей матери.

Альбертъ прислонился къ камину, чтобы не упасть отъ волненія. Лицо его покрылось мертвенной блѣдностью.

— Избавьте меня отъ этого разсказа, маркиза! сказала онъ едва слышно. Мнѣ довольно знать и того, что вы не любите меня.

— Вы чувствуете теперь, что я не могу любить васъ, что вы сами не должны любить меня.

— Я чувствую только то, что вы разбили мое счастье, погубили меня!

— Я спасла васъ напротивъ, Альбертъ! отвѣчала спокойно Аврелія: и вы скоро поймете это. Дайте мнѣ слово, что вы уѣдете въ Парижъ продолжать ваши занятія. Богъ и время дадутъ вамъ силы возродиться къ новой жизни. Тяжелый кризисъ вашей жизни послужитъ вамъ урокомъ и опытомъ, онъ можетъ даже быть полезенъ для васъ. Объясненіе между нами сняло бремя съ обоихъ насъ. Мы теперь будемъ яснѣе смотреть на жизнь. Вѣрьте, Альбертъ, что въ исполненіи нашего долга есть такое наслажденіе, котораго не доставятъ вамъ никакія земныя страсти. Тяжело будетъ намъ сначала бороться съ вашими чувствами, но тѣмъ славиѣе будетъ побѣда. Дадимъ другъ другу руки и будемъ поддерживать другъ друга на этомъ трудномъ пути.

Она протянула ему свою блѣдную и худую руку; онъ молча сжалъ ее въ своихъ жаркихъ рукахъ, потомъ крѣпко прижалъ ее къ своимъ горячимъ губамъ, и бросился изъ комнаты...

Тогда Сомервиль упала на колѣни, и поднимая руки къ небу, сказала:

— Господи! теперь помоги мнѣ позабыть и разлюбить его!..

VII.

На другой день, утромъ, прѣѣхали въ нашу деревню г-жа Сомервиль и Альбертъ, оба блѣдные и разстроенные, съ глазами, распухшими отъ слезъ. Альбертъ увелъ меня въ садъ, и открылъ мнѣ объясненіе его съ маркизою. Это позднее признаніе избавило бы насъ отъ многихъ несчастій, если бы было сдѣлано прежде; оно объяснило мнѣ многое, что казалось мнѣ темнымъ до тѣхъ-поръ, и покрыло мракомъ все, что мнѣ казалось яснымъ и вѣрнымъ. Впрочемъ это смѣшеніе свѣта и тѣни, которое томилъ меня, не остановило ни на минуту порыва моей радости: непредвидѣнное объясненіе моего воспитанника съ маркизою обѣщало столько счастья каждому изъ насъ, что я призывалъ на Аврелію всѣ благословія небесъ, не думая упрекнуть ее медленностью ея объясненія.

Я сжалъ Альберта въ своихъ объятіяхъ, и привелъ въ комнату, гдѣ мы оставили г-жу Сомервиль у постели больной. Когда мы вошли, сестра уже знала все. Мы обняли другъ друга въ молчаніи, и въ глубинѣ сердца многое простили другъ другу. Между нами не было ни жалобъ, ни мести, ни горестныхъ воспоминаній прошедшаго; ни одинъ неловкій вопросъ не заставилъ Аврелію краснѣть; наша радость выказывалась такъ скромно и осторожно. Убѣжая съ Альбертомъ она соединила руки Альберта и сестры моей; долго смотрѣла на нихъ съ нѣжностью, и тихо подвела одного къ другой, подняла на меня свои глаза, съ выраженіемъ неизъяснимой печали и горести. Потомъ, опуская свой взглядъ на Альберта и Нанси, она уронила слезу на ихъ головы; и слеза эта, казалась, должна была омьить ея проступки и несчастія.

По отъѣздѣ нашихъ друзей, подъ нашимъ кровомъ происходило примиреніе не менѣе нѣжное и не менѣе трогательное. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Альбертъ возвратился изъ Парижа разстроенный, съ измѣнившимся характеромъ, въ особенности съ того дня, когда онъ былъ принесенъ Кортесомъ къ г-жѣ Сомервиль, братская любовь, соединяющая сестру и меня, измѣнила свой веселый видъ; съ-тѣхъ-поръ наши души, привыкшія думать громко и передавать свои чувства одна другой, облеклись холодною скрытностью. Горе дѣйствуетъ такъ на всякаго: оно сжимаетъ наше сердце и дѣлаетъ его молчаливымъ. Ра-

дость, напротив, оживляетъ въ немъ источники нѣжныхъ ощущеній.

Къ вечеру Нанси захотѣла встать съ постели. Одного дня довольно было, чтобы возвратить ей жизнь и здоровье; ея глаза сіяли веселымъ блескомъ; невинное выраженіе счастья, замѣтное во всѣхъ ея чертахъ, придавало ея блѣдному лицу какую-то милость, какъ при послѣднихъ дняхъ зимы, когда весенніе цвѣты появляются на землѣ, еще покрытой снѣгомъ. Она сѣла возлѣ меня у камна, и тамъ въ продолженіе долгихъ часовъ, быстрыхъ и короткихъ для насъ, мы прослѣдѣли вмѣстѣ наши молодые годы, припоминая ихъ цвѣты и плоды. Въ особенности мы долго останавливались на первыхъ дняхъ нашей дружбы съ г-жею Коммервилъ; воспоминаніемъ мы старались оживить и представить жесты Аврелии, ея осанку, ея дѣйствія, ея слова, стараясь найти въ нихъ предчувствіе тайны, которая открылась. Какъ путешественникъ, который хочетъ видѣть утромъ дороги, которыя онъ проходилъ въ темнотѣ, мы любили разбирать въ прошедшемъ приключенія, которыя для насъ были непонятны и ускользнули отъ нашего вниманія. Нанси припоминала участіе Альберта къ г-жѣ Коммервилъ еще до ея возвращенія; я говорилъ о посѣщеніи г-жею Коммервилъ дома Альберта, объ участіи этой женщины ко всему, что касалось молодаго человѣка, ея старанія видѣть его, сильномъ очарованіи, привлекавшемъ ее къ нему. Восходя еще выше къ источнику происшествій, я находилъ отношенія между тѣмъ временемъ, какъ г-жа Коммервилъ скрылась, и рожденіемъ Альберта; всѣ эти обстоятельства такъ согласовались между собою. Поведеніе Аврелии такъ прямо приводило къ развязкѣ, которая случилась, что я и сестра моя, мы удивлялись, что не предвидѣли сами заключенія драмы, которая еще наканунѣ намъ казалась безвыходною. Мы придавали важность обстоятельствамъ самымъ ничтожнымъ, находили тайный смыслъ въ самыхъ простыхъ приключеніяхъ; не оставалось самага незначительнаго случая въ жизни г-жи Коммервилъ, котораго мы не отнесли бы въ умѣ нашемъ къ открытію, только что сдѣланному ею. Можно было сказать, слушая насъ, что мы трудились надъ какимъ-нибудь образцовымъ произведеніемъ искусства.

Въ моемъ умѣ оставалось какое-то сомнѣніе, въ которомъ я не отдавалъ самъ себѣ отчета. Ночь, которую провела г-жа Коммервилъ у насъ въ домѣ, бросала на все это блѣдный, сомнительный оттѣнокъ; но если какая мысль благоприятствуетъ

намъ, мы такъ хорошо умѣемъ предостеречься отъ того, что могло бы остановить ея развитіе, что я предоставилъ времени раскрыть завѣсу, которая еще прикрывала темныя мѣста этой исторіи, и принялъ счастье, какъ и всѣ мы принимаемъ его, слѣпо. Случайности судьбы, если онѣ дѣлаютъ насъ счастливыми, кажутся драгоценными.

Я говорю вамъ о счастьи, потому-что была минута, когда мы вѣрили въ него, такая надежда была бы радостна самымъ недобѣрчивымъ; если васъ сколько-нибудь занимали обстоятельства, въ которыхъ ставила насъ новая страсть Альберта, если вы быстрымъ взглядомъ пробѣжали всѣ несчастія, происшедшія отъ этой страсти, и все, что могло еще произойти потомъ; если, разбирая стеченіе нашихъ горестей, имѣвшихъ самыя простыя и обыкновенныя причины, вы, вѣроятно, спросили себя, чѣмъ могла кончиться задача нашей жизни, то, безъ сомнѣнія, понимаете какое облегченіе почувствовали мы для нашего сердца, когда Аврелия однимъ словомъ развязала гордѣвъ узелъ четырехъ существованій, изъ которыхъ три были мнѣ одинаково дороги. Это не было однако же обманутое воображеніе, повѣрившее на минуту въ счастье, которое сестра моя уже предвидѣла такъ близко въ будущемъ. Нанси только и видѣла одно препятствіе между ней и счастьемъ: это любовь г-жи Коммервилъ къ Альберту. Это препятствіе уничтожилось: Аврелия была уже для Нанси только благотѣльнымъ гениемъ, посланнымъ небомъ, чтобы соединить два разрозненныя сердца, и блѣдное дитя предавалось радостно неблагодарному, который такъ долго ею пренебрегалъ. Я уже сказалъ вамъ, что не раздѣлялъ надеждъ сестры моей; я въ тайнѣ страдалъ; я не вѣрилъ, что Альбертъ снова полюбитъ Нанси; скажу болѣе, я его страшился; мое единственное желаніе было удалить этого молодаго человѣка. Не купили ли мы себѣ право немного отдохнуть, цѣною долгихъ горестей? Но едва успѣли мы снова найти спокойствіе, которымъ дорожимъ въ грозу, какъ наша душа подверглась новымъ бурямъ.

Что я предвидѣлъ, то случилось: черезъ нѣсколько дней Альбертъ объявилъ намъ свое желаніе ѣхать въ Парижъ, продолжать курсъ своихъ наукъ. Мы одобрили его всѣ; если бы мы и вздумали остановить его на нѣсколько времени, Альбертъ не уважилъ бы никого изъ насъ, и никто не могъ бы болѣе мѣсяца продержатъ его въ Анжемѣ. Это не могло быть иначе: онъ былъ въ непріятномъ положеніи въ отношеніи меня, моей сестры, а въ особенности Аврелии. Эта любовь, которую онъ

сохранялъ въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ, которой пламя развилось съ такою силой, не могла исчезнуть въ одинъ день; его желанія не упали вдругъ въ его сердца, какъ свинецъ на дно сосуда; иногда онъ чувствовалъ, что желанія его снова возвращались. Какъ бы чиста не была любовь, въ ней всегда найдете извѣстное количество примѣси, очищеніе которой будетъ очень долго. Альбертъ вытерпѣлъ долгую, жестокую борьбу; часто онъ блѣднѣлъ подъ ласками г-жи Sommerville; онъ дрожалъ передъ ней; быть съ нею наединѣ было для него горько и неприятно; неразъ, ночныя свидѣнія оставляли на утро слѣды красноты на щекахъ Альберта и замѣшательство въ его сердца.

Альбертъ ухалъ; г-жа Sommerville проводила его.

Черезъ три недѣли она пріѣхала назадъ. На другой день своею пріѣзда она призвала меня къ себѣ въ замокъ и сказала.

— Я позаботилась о благѣ нашего Альберта: теперь я спокойна. Безъ намѣренія онъ сдѣлалъ вамъ зло; надо ему простить это; вы всегда будете заботиться объ немъ. Моя благосклонность къ вамъ удвоится, тою, которую вы будете имѣть къ Альберту. Вы, вѣрно, будете снисходительны къ неровностямъ его характера; вы поможете мнѣ изгладить ихъ. Его сердце не можетъ остановить всѣхъ его склонностей; вы ихъ терпѣливо перенесете. Мы вмѣстѣ постараемся укротить вспышчивость характера, которая часто увлекаетъ его, и припадки скуки, которая иногда завладѣваетъ имъ. Вы будете его также любить; вы снова подружитесь съ нимъ, безъ упрековъ и усилія. Всю вашу дружбу къ нему я буду считать своею; я васъ буду любить за себя и за него. Я ничего не говорю вамъ о предполагаемомъ союзѣ, который не переставалъ ни на минуту занимать меня; положимся во всемъ на время: оно будетъ искупить насъ; только положитесь на меня въ заботахъ устроить молодость Альберта: я буду готова черезъ нѣсколько времени дать отчетъ объ немъ передъ Богомъ и людьми.

Я беру на себя устроить счастье Альберта и Нанси. Если мнѣ не удастся, это будетъ значить, что я въ-самомъ-дѣлѣ несчастна.

Теперь, другъ мой, у меня есть до васъ просьба. Альбертъ въ Парижѣ; сто миль, по-крайней-мѣрѣ, разлучаютъ насъ; я уже чувствую себя старой и измученной; каждый день, проходя надъ моею головою, стараетъ меня цѣлымъ годомъ; единеніе мнѣ тяжело: я хотѣла бы имѣть вокругъ себя добрыхъ и любимыхъ существъ, которыя говорили бы мнѣ объ Альбер-

тѣ... Я скучаю, Максимъ. Отчего? не знаю, но мнѣ скучно. Пріѣзжайте съ вашей сестрой жить вмѣстѣ со мною; составимъ одно семейство; постараемся образовать на этой бѣдной землѣ трехъ созданий, которыя любятъ другъ друга и живутъ счастливо подъ однимъ кровомъ. Вашъ домъ будетъ нашимъ загороднымъ, увеселительнымъ мѣстомъ; мы будемъ ѣздить туда въ прекрасные дни; по возвращеніи Альберта это будетъ для насъ мѣстомъ охоты; у насъ будетъ лодка на Крезѣ, чтобы спускаться въ бассейнъ, куда смотрятся ваши ольхи и осины. Замокъ будетъ наше зимнее убѣжище; вы, Максимъ, будете главою нашего семейства. Вы можете заниматься вашимъ дѣломъ, не заботясь о Нанси: она помолодѣетъ для меня, я состарюсь для нее. Какая прекрасная жизнь! Нравится ли она вамъ. Подумайте, если вы останетесь тамъ, въ глуши лѣсовъ, мы принуждены будемъ ждать, чтобы увидѣться съ вами, возвращенія ласточекъ. Дороги къ вамъ дурны, воздухъ холоденъ, зима продолжительна; Нанси только что направляется; я чувствую себя слабой и больной: мы будемъ очень рѣдко видѣться.

Понимаете ли вы, какъ это ужасно, Максимъ? День, проведенный безъ васъ, кажется такимъ долгимъ, друзья мои! Переѣзжайте же ко мнѣ съ вашей сестрой; перенесите подъ мой кровъ вашихъ домашнихъ пенатовъ; они будутъ жить у меня независимо и свободно. Я знаю, какъ несчастно, что я не очень веселая подруга; вы можете быть со мною безъ церемоній: это, я думаю, понятно! Вы сами будете выбирать часы, которыми захотите мнѣ пожертвовать; будете сокращать, какъ хотите, эти часы. Я знаю напередъ, что вы будете отвѣчать мнѣ, но это не то, что хочу я слышать. Пріѣзжайте! во-время моего отъѣзда въ Парижъ я велѣла передѣлать правый флигель замка: все готово, чтобы принять васъ.

Если вы откажетесь, значить вы меня никогда не любили; если вы согласитесь и вздумаете меня благодарить, вы не понимаете дружбы: я, напротивъ, вамъ обязана.»

Въ предложеніи г-жи Sommerville было столько убѣжденія и любезности, что я согласился, не переговора прежде объ этомъ съ Нанси.

Предложеніе Аврелин приняла она съ радостью и благодарностью. 1-го января, въ сухое, морозное утро мы оставили нашъ домикъ и переѣхали жить въ замокъ. Нашъ отъѣздъ былъ печаленъ и трогателенъ. Никогда не оставляемъ мы безъ горя мѣсто, гдѣ страдали.

Наша одноколка медленно катилась между двойнымъ рядомъ крестьянъ, которые простодушно выражали намъ ихъ желанія и сожалѣнія. Не одинъ разъ я и сестра моя нагнбались изъ кареты, чтобы еще разъ взглянуть на зеленныя ставни нашей хижины.

Г-жа Сомервилъ встрѣтила насъ у калитки сада. Она сама хотѣла проводить въ комнаты, приготовленныя для насъ. Мы стыдились роскоши, съ которою были убраны наши комнаты. Комната Нанси выходила на терассу, и изъ оконъ видѣнь былъ сквозь деревья нашъ прежній деревенскій домикъ. Нанси вѣжно благодарила Аврелию за такое вниманіе и тихо упрекала ее въ пышности, съ которою была убрана ея комната: стѣны были обтянуты персидскою матеріею; богатый коверъ лежалъ на паркетѣ; вся мебель была самая модная и выбрана съ изящнымъ вкусомъ. Чтò всего болѣе поразило сестру, это было фортепiano изъ палисандроваго дерева, нарочно для нее привезенное изъ Парижа.

— Маркиза, сказала она съ сожалѣніемъ, я не занималась музыкой.

— Такъ чтò же! вы теперь будете заниматься, отвѣчала смѣясь Аврелия. Не хотите ли быть моею ученицей?

— Ахъ, маркиза.... вскричала Нанси, обвивая руками шею Аврелии.

— Не зовите меня болѣе маркизою, дитя мое; развѣ вы не хотите быть моею дочерью?

Нанси смутилась и залилась слезами.

Къ комнатѣ Нанси примыкалъ маленькій кабинетъ для занятій, выхолившій однимъ окномъ въ садъ и котораго главное украшеніе была богатая библіотека. Разнаго рода деревья поднимали вѣтви свои надъ окномъ, и весной, вѣтеръ приносилъ на паркеть, сквозь открытыя окна, цвѣты съ вѣтвей акацій. Этотъ кабинетъ былъ расположенъ въ самой возвышенной части башни; потолокъ былъ сдѣланъ изъ толстаго выполированного стекла, позволявшаго видѣть небо и тучи, проходящія въ воздухѣ.

Противное тому, чтò обыкновенно бываетъ въ каждой дружбѣ, случилось между нами; мы составили исключеніе изъ общаго правила: мы избѣжали скуки, которую всегда производятъ очень частыя и тѣсныя сношенія; чѣмъ болѣе связь наша становилась тѣснѣе, тѣмъ болѣе казалась она намъ пріятною и спокойною. Наша жизнь снова нашла спокойствіе, которе потеряла; мы чувствовали, что ожили для счастья. Это не было

однако же то счастье, чистое и свѣтлое, котораго мы лишлись, но напротивъ печальное и мрачное, какъ осенній день. На счастье, какъ на крыльяхъ бабочки, есть тонкая и прозрачная пыль, которая однажды стертая никогда не возобновляется. Выздоровленіе Нанси было довольно продолжительно; Аврелия оказывала ей живѣйшее вниманіе. Я не говорю вамъ о радости, которую я чувствовалъ, видя, какъ здоровье сестры поправляется, вспомните мое горе, когда я видѣлъ, что она изнемогала. Г-жа Сомервилъ чуть было не разлучила меня навсегда съ ней, она мнѣ снова возвращала ее, и я благословлялъ ее въ своемъ сердцѣ. Это была уже не та женщина: она сохранила всю прелесть своего ума, своей прекрасной натуры, но скрывала ее подъ важною и строгою наружностью. Во время пребыванія Альберта, она бросила послѣдній блескъ своей молодости и въ день, когда сказала ему, что не любитъ его, все ея существованіе слилось въ одну любовь, въ одну мысль, счастье Альберта и Нанси заняло всю ея жизнь. Она не называла Нанси иначе, какъ своею дочерью, и не смотря на то, что никогда не говорила о своихъ планахъ, она дала замѣтить сестрѣ моей, какую будущность готовила ей. Поддерживаемая г-жею Сомервилъ, любовь сохранилась въ сердцѣ Нанси, какъ источникъ всѣхъ ея тайныхъ радостей и таинственныхъ надеждъ. Обѣ они часто говорили про Альберта: ихъ души понимали одна другую! Душа Аврелии была строже; всѣ мысли ея были заняты трудами Альберта, его успѣхами, его честнымъ и скромнымъ поведеніемъ. Время, которое она не проводила вмѣстѣ съ Нанси, она употребляла на письма къ Альберту. Разлученная съ нимъ значительнымъ разстояніемъ, она твердо и прямо направляла его на истинный путь; она окружала его своими совѣтами, поддерживала своей любовью. Руководимый ею, Альбертъ трудился и дѣлался человѣкомъ. Во-время своего пребыванія въ Парижѣ, она представила его въ нѣсколько знаменитыхъ домовъ, гдѣ онъ по немногу отвыкъ отъ грубыхъ привычекъ, гдѣ онъ изучалъ людей; г-жа Сомервилъ предупреждала всѣ нужды и желанія Альберта. Любовь къ маркизѣ, долго терзавшая сердце его, обратилась въ чистую, тихую привязанность, хотя она началась страстной вѣжностью. Аврелия въ глазахъ Альберта не потеряла всѣхъ прелестей женщины, но онъ любилъ ихъ какъ картины древнихъ, гдѣ красота невинной дѣвушки отнимаетъ всякое желаніе у души, которая ею любитъ. Впрочемъ и въ самой чистой привязанности мы никогда не можемъ совершенно отдѣлиться отъ земли.

Альбертъ не могъ вдругъ побѣдить своего характера, печалъ наго и склоннаго къ унынію; но когда чувствовалъ, что изнемогаетъ, Аврелія всегда была готова оживить и поддерживать его. Онъ встрѣчалъ много обмановъ, которыхъ не предвидѣлъ, и которыхъ жестокость была сильнѣе уже испытанныхъ имъ разочарованій. Аврелія была готова и тутъ облегчить его горестъ. Есть грустная минута въ жизни: это та, которая отдѣляетъ нашу молодость, такую непродолжительную, отъ зрѣлаго возраста, котораго мы достигаемъ такъ рано; это минута, когда послѣ напрасныхъ усилій продолжать утро нашего существованія, мы чувствуемъ, что оно падаетъ и умираетъ, и намѣреваясь перейти чрезъ порогъ дѣйствительной жизни, представляющей намъ угрюмою и разочарованной, мы останавливаемся, чтобы проститься съ радостями прошедшаго! Эта минута, грустная для каждаго, не пробила для Альберта, а если и пробила, то неисчерпаемая нѣжность Авреліи ослабила ея силу. Никогда нѣжность не была такъ находчива, чтобы утѣшать, такъ сильна, чтобы возвысить, которая была бы столько мужественна и вмѣстѣ съ тѣмъ столько женственна, такъ тверда и заботлива.

Нѣсколько разъ г-жа Соммервилъ оставляла деревню и ѣздила въ Парижъ, чтобы самой судить объ успѣхахъ Альберта, о его трудахъ, чтобы также увѣриться, что онъ ни въ чемъ не нуждается. Ея отсутствіе было обыкновенно непродолжительно, но каждое имѣло счастливыя слѣдствія. Альбертъ, увидѣвъ Аврелію, находилъ въ себѣ новую бодрость, и готовъ былъ слѣзть все для той, которая дѣлала все для него. Онъ писалъ мнѣ рѣдко; съ моей стороны я избѣгалъ сколько возможно было къ нему писать; я любилъ его для него и для Авреліи, я ждалъ, чтобы время утвердило нашу дружбу. Онъ справлялся о Нанси, но безъ любви: онъ не любилъ ее болѣе.

Г-жа Соммервилъ не иначе говорила ему о насъ, какъ съ осторожностью, и не хотѣла, чтобы онъ зналъ о нашемъ переѣздѣ въ замокъ. Безъ сомнѣнія, она имѣла на это свои причины. Ея заботы не ограничивались тѣмъ, что она смотрѣла за Альбертомъ, наставляла его въ жизни, устроивала его будущность, старалась слѣзть изъ него чловѣка сильнаго и возвышеннаго: она также смотрѣла за сестрой моей съ одинаковою заботливостію и старалась придать ей всѣ совершенства, которыхъ не доставало въ бѣдной деревенской дѣвушкѣ. Счастливыя способности быстро развились въ Нанси, и я видѣлъ, какъ таланты

всякаго рода открывались въ ней подъ направленіемъ Авреліи.

Къ осени я взялъ на себя управленіе доходами г-жи Соммервилъ. Старый Губеръ занимался ими очень дурно, и притомъ его преклонныя лѣта давали ему право на отставку. Аврелія имѣла на югѣ владѣнія, съ которыхъ она не получала дохода уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ отношеніи матеріальныхъ интересовъ она была весьма безопасна; она пошла справедливость моихъ замѣчаній, и просила меня похлопотать за нее въ ея дѣлахъ. Я съ радостью принялъ на себя это, и немедленно поѣхалъ на югъ, поручивъ старому Губеру управленіе нашимъ домомъ, которое онъ принялъ съ полнымъ удовольствіемъ. Мое отсутствіе было продолжительно: по-крайней-мѣрѣ въ продолженіе шести лѣтъ владѣнія г-жи Соммервилъ были въ бѣдственномъ состояніи, и мнѣ едва достало шести мѣсяцевъ, чтобы пополнить недостатки и привести въ порядокъ имуществу Авреліи. Я возвратился черезъ шесть мѣсяцовъ. Много переменъ произошло съ-тѣхъ-поръ въ Анземѣ.

Я нашелъ сестру прекрасною и очаровательною, какою еще никогда не видѣлъ; горе и болѣзнь оставили въ ея чертахъ блѣдный меланхолическій оттѣнокъ, придававшій ея лицу благородный видъ. Ея талія стянулась, ея пальцы сдѣлались длинными, бѣлыми; въ ея осанкѣ, во всѣхъ движеніяхъ было что-то медленное, гибкое, граціозное, чего я не замѣчалъ до того дня; ея взглядъ, долго отражаншій только чистое небо, слегка подернулся влагою; ея волосы, также какъ у Авреліи, падали густыми локонами на плеча; она была задумчива; она была прекрасна. Вмѣстѣ съ тѣмъ умъ ея развился, но не потерялъ однако своей прежней наивности. Ея руки уже съ искусствомъ бѣгали по клавишамъ; ея голосъ былъ не великъ, но пріятенъ и свѣжъ, и выраженіе его проникало въ сердце. Ея нарядъ, обыкновенно простой, не сдѣлался красивѣе прежняго, но выказывалъ нѣсколько невинную кокетливость. Она переняла у Авреліи всю грацію женщины, не касаясь строгихъ сторонъ, которыя дѣлали изъ Авреліи женщину древнихъ временъ. Аврелія также очень переѣжилась! Нанси, не оставившая ее, мало замѣчала раннюю, быструю старость нашей подруги; я испугался ее.

Черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, она уѣхала въ Парижъ, и возвратилась черезъ двѣ недѣли. Она намъ объявила, что Альбертъ не будетъ проводить вакантное время въ Анземѣ. Это намѣреніе меня не удивило; я его предвидѣлъ. Если

моя сестра и была огорчена этимъ, по-крайней-мѣрѣ она не давала этого замѣтить. Страсть къ занятіямъ, казалось, заглушала въ ней всѣ другія страсти: она проводила дни, занимаясь съ Авреліей музыкой и рисованіемъ, и большую часть ночи читая въ библиотекѣ. Она довольно часто ходила изъ замка навѣщать крестьянъ нашей деревни, помогать имъ и утѣшать ихъ; она украдкой уходила вечеромъ, и никто, кромѣ несчастныхъ и бѣдныхъ, не зналъ куда она ходила.

Въ замкѣ она устроила, вмѣстѣ съ г-жею Сомервилъ, маленькую аптеку, куда приходили больные изъ окрестностей или присылали за лекарствомъ; бывали дни, что зала наша походила на кабинетъ консультаций. Обѣ подруги ходили навѣщать больныхъ; ни въ одномъ сельскомъ семействѣ не случались крестины, гдѣ бы одна изъ нихъ не была крестной матерью, ни свадьбы, безъ того, чтобъ они обѣ не были позваны на праздникъ.

Я вамъ говорю о бѣдныхъ и несчастныхъ: со времени возвращенія Авреліи у насъ не было ихъ дѣйствительно въ деревнѣ; довольство вмѣстѣ съ нею проникло во всѣ дома; счастье вездѣ слѣдовало за нею. Когда въ воскресенье она приходила съ Нанси въ анзескую церковь къ обѣднѣ, и онѣ проходили обѣ мимо толпы, стоящей на колѣняхъ, чтобы достигнуть скамейки, приготовленной для нихъ, всѣ уста шептали молитвы за нихъ и призывали на нихъ благословенія. Когда Аврелія слѣдалась больна, вся деревня собиралась каждый вечеръ въ церковь и молилась, и никогда молитвы не были возсылаемы къ небу такъ чисто и горячо.

Я не буду продолжать разсказа объ этой спокойной жизни: есть радости, которыя отгадываются, но о которыхъ не говорятъ; есть опредѣленное счастье, какъ извѣстный ландшафтъ, до того единообразный, тихій, что ускользаетъ отъ искусства живописца. Я только скажу, что наша дружба надѣлала много разговоровъ въ Сен-Леонардѣ, и не было низости, которую бы жители не выдумали, чтобъ замарать отношенія трехъ существъ, которыя любили другъ друга и жили счастливо.

Время проходило и измѣняло насъ всѣхъ. Альбертъ быстрыми шагами шелъ по пути наукъ; онъ бросилъ свои мечтанья и скуку, и сохранилъ только задумчивый и нѣжный характеръ, подкрѣпляемый каждый день занятіями; онъ побѣдилъ равнодушіе, которое прежде имѣлъ къ жизни; неровности его характера сглаживались понемногу; онъ перемѣнилъ на благородную смѣлость и на теплую осторожность свою су-

ровость и робость; молодой, дѣятельный, предприимчивый, жаждущій труда и удовольствій, онъ общался съ дѣлаться совершеннымъ.

Съ своей стороны, Нанси дѣлалась все болѣе и болѣе прекрасною, болѣе и болѣе очаровательною. Я напротивъ весь погрузился въ дѣйствительность, и смотрѣлъ за матеріальными выгодами всего, что мнѣ было дорого; я удвоивалъ доходы г-жи Сомервилъ, и былъ управителемъ сельскаго хозяйства.

Аврелія старѣлась. Темная грусть, которую она старалась скрыть отъ насъ и скрывала отъ Альберта, казалось, иссушала въ ней источники жизни. Я это примѣчалъ съ сожалѣніемъ: письма Альберта ее сильно волновали; при одномъ видѣ ихъ надписи, она дѣлала судорожное движеніе, которое не оставляло ее остальное время дня; она часто обливала слезами бумагу, на которой писала къ нему. Въ одинъ вечеръ, Нанси работала въ своей комнатѣ, я былъ одинъ съ г-жею Сомервилъ, она мнѣ сказала:

«Я очень счастлива: Альбертъ уже на пути, чтобъ сдѣлаться человѣкомъ, Нанси очаровательна. Эти дѣти составляютъ мою гордость, мою радость. Если бы мнѣ надо было теперь умереть, это было бы жестоко: все-таки я должна поговорить съ вами объ этомъ. Я не имѣла довольно твердости на это, когда Нанси была со мною: мы всѣ трое были такъ счастливы и такъ вѣрили въ будущее! И потомъ, вы такъ меня любите, что я боюсь огорчить васъ. Я должна сказать вамъ, Максимъ, что боюсь за себя... Болѣзнь увеличивается быстро, и я не могу скрыть ея развитія. Я не знаю, что со мною, но ужасно страдаю; я не имѣю повода скучать, и чувствую, что мною завладѣваетъ смертельная скука. Оттого-то я и думаю, что я больна; силы мои оставляютъ меня совершенно; въ первый разъ въ жизни, мнѣ пришлось признаться самой себѣ въ упадкѣ моихъ силъ. Я больна, милый другъ мой: это, можетъ-быть, отъ рѣзкости воздуха, но я непрерывно задыхаюсь; я не могу пройти вокругъ комнаты не уставъ, ни стоять на ногахъ; не чувствуя слабости. Эта слабость, это нездоровье, эта непрерывная одышка, болѣе пугаютъ меня, нежели самыя страданія. До-сихъ-поръ я жила страдая. Что я испытываю въ эту минуту походитъ на всеобщее разстройство организма. Я не хочу умереть, не дайте мнѣ умереть!.. Максимъ, я слаба... О, дѣти мои! не зная васъ, я не была такой болязливой: я была больна, не думая ни о чемъ. Я привыкла страдать, часто не сердилась на это: физическія страданія примирялись съ мо-

ральными; и притомъ я знала, что всего хуже говорить о своихъ бѣдствіяхъ людямъ, которыя довольно пугаютъ своихъ.

Такъ прожила я нѣсколько лѣтъ, окруженная такою холодною, что поняла, какъ ничтожна наша личность, какъ мало замѣчаетъ свѣтъ, что въ немъ однимъ лицомъ болѣе или менѣе, что нечего пугаться смерти, когда никто не заботится о вашей жизни.

Въ то время я имѣла однакожъ много друзей и ни одного истиннаго друга. Съ-тѣхъ-поръ я научилась понимать дружбу, заботливую, горячую, внимательную, чтобъ избавить васъ отъ малѣйшаго безпокойства, старающуюся однимъ днемъ болѣе продолжить вашу жизнь: могла ли я не быть счастливой, если меня такъ любили? Для Альберта, для всѣхъ васъ развѣ я не хотѣла бы жить? Если мною завладѣваетъ малодушный страхъ, это оттого, что вы избаловали меня. Прежде я имѣла большую силу ума и пустоту въ сердцѣ; скорѣе желала смерти, чѣмъ болалась ее; вы заставили меня полюбить жизнь, и такъ-какъ вы почти дали мнѣ ее, вы должны остановить ея упадокъ. Я хочу жить; я буду держаться за васъ: вы должны мнѣ сохранить еще нѣсколько лѣтъ... Спасите меня! Я еще не въ томъ возрастѣ, когда надо умереть: вылечите меня, продлите мое счастье!

— Добрая моя Аврелія! говорилъ я ей: я хотѣлъ бы прибавить къ вашимъ днямъ число тѣхъ, которые остается мнѣ прожить!... Но вы будете жить, ваша твердость не должна упасть, вы будете жить: вы саникомъ любимы, чтобы умереть.

— Да, да, я буду жить!... Я очень хочу этого, Боже мой! Когда я допустила усталости и печали побѣдить себя, я не любила жизнь; но теперь, когда я счастлива, теперь, когда я любима, я бы не хотѣла разстаться со всѣмъ этимъ такъ рано.... Вы говорите, Максимъ, что я буду жить?

— Мы вамъ не дадимъ умереть.

— Вы обѣщаете мнѣ это? Видите ли вы, другъ мой, счастье пришло ко мнѣ слишкомъ поздно, и я боюсь походить на цвѣты, которые свертываются и умираютъ подъ дождемъ, хотя сначала жадно просили его.

Я старался успокоить г-жу Коммервилъ; Нанси также уговаривала ее, и въ свою очередь съ любовью окружала ее своими пощечинами, но мы сами не раздѣляли надежды, которую старались ей внушить, и Аврелія не обманывала сама себя: она чувствовала, какъ быстро разрушалась. Иногда отбѣнки здоро-

вія, мѣсяцы хорошаго состоянія и силы заставляли насъ надѣяться на скорое ея возвращеніе къ жизни; но каждый упадокъ сильнѣе разстроивалъ ее. Она намъ строго запретила говорить Альберту о ея состояніи; сестра моя и я, мы одни знали тайну ея изнеможенія. Она страдала съ удивительнымъ постоянствомъ: ровность ея характера ни на минуту не измѣнялась отъ болѣзни; она всегда сохраняла свободу и спокойствіе своего ума.

— О чемъ плачешь ты, милая дочь моя? говорила она одинъ разъ вечеромъ Нанси. Не теряй твердости, не прибавляй горести къ послѣднимъ днямъ, которые мнѣ остается прожить; сдѣлай ихъ приятными и свѣтлыми, убаюкивай меня своими ласками, усыпи меня въ твоемъ счастьи: смерть мнѣ будетъ тогда пріятна. Но не плачь: слезы, проливаемые надъ умирающими, тягостны для нихъ. Когда я буду умирать на вашихъ рукахъ, улыбайтесь мнѣ, дѣти мои; видя васъ счастливыми, моя душа отлетитъ радостною.

Нѣсколько минутъ она молчала; потомъ лицо ея сдѣлалось мрачно, и привлекая Нанси къ себѣ:

— Плачь, будемъ вмѣстѣ плакать, сказала она въ отчаяніи: тяжело умирать!

Дойдя до извѣстной степени, болѣзнь перестала увеличиваться; и г-жа Коммервилъ впала въ состояніе изнеможенія, которое заставило насъ надѣяться, что она еще долго проживетъ. Однако разъ она сказала мнѣ:

— Вы знаете, что если бы это было необходимо, я бы всѣмъ пожертвовала для Альберта безъ усилія и съ радостію; но онъ самъ не хотѣлъ этого. Я его дѣлаю наследникомъ и оставляю ему все мое состояніе. Вѣроятно, онъ не будетъ жаловаться на меня? Я умру спокойно: я бы многое могла сдѣлать для его счастья, я бы хотѣла еще болѣе сдѣлать; но я усну спокойно, при мысли, что оставляю ему сокровище драгоцѣннѣе наукъ и богатства: это сокровище—ваша дружба, Максимъ. Вы будете любить Альберта, вы ему замѣните меня, вы будете ему говорить обо мнѣ, вы скажете ему, что я его очень любила; вы сохраните его благороднымъ, чистымъ... Я также надѣюсь на любовь Нанси; но объ этомъ мы переговоримъ послѣ.

Я просилъ г-жу Коммервилъ оставить эти скучныя мысли.

— Отчего же? говорила она мнѣ. Смерть пугаетъ меня только потому, что разлучитъ съ вами на землѣ; иначе я бы не боялась ее. Я вѣрю въ Бога; я сохранила доброту сердца, и

отдамъ ему мою душу чистую отъ всёхъ дурныхъ намереній. Двѣ роли можно занимать въ свѣтѣ: послушанія и сопротивленія. Я избрала вторую изъ нихъ. Если бы я начинала снова жизнь, я, можетъ-быть, сдѣлала бы другой выборъ. Не враждуйте съ обществомъ; не надобно, чтобъ друзьямъ былъ необходимъ героизмъ для того, чтобы любить васъ; пусть они, напротивъ, гордятся вами. Друзья намъ все прощаютъ, кромѣ того, если мы уронили себя въ мнѣнїи свѣта: тогда пятно наше упадаетъ на нихъ, и репутація ихъ терпитъ отъ потери нашей репутаціи. Чтò касается до меня, я устала и утомилась такъ долго враждовать и бороться. По-крайней-мѣрѣ я благородно и упорно сражалась: я боролась при всёхъ, не ослабѣла, и не приписывала сама себѣ добродѣтелей, которыхъ во мнѣ не было. Я столько сердилась на свѣтъ, но не сержусь уже на него болѣе: съ-гѣхъ-портъ, какъ люблю васъ, я позабыла ненавидѣть весь свѣтъ. Когда я думаю о васъ, когда я въ умѣ своемъ соединяю васъ всёхъ въ одной любви, я не помню тогда, жила ли я другою жизнью, кромѣ той, которой я вамъ обязана; моя жизнь начинается съ того дня, когда я узнала васъ. Для чего она началась такъ поздно, чтобъ кончиться такъ рано!

Много времени прошло съ послѣдней поѣздки г-жи Соммервилъ въ Парижъ. Альбертъ кончалъ свой курсъ правовѣднїя. Спосібный ко всякому назначенію, онъ хотѣлъ совѣтоваться съ Авреліей о выборѣ его. Съ своей стороны, Аврелія, чувствуя все болѣе свою слабость, хотѣла видѣть Альберта. Между нами было условлено, что мы осторожно уведомимъ Альберта о состоянїи Аврелїи, и призовемъ его къ ней. При первомъ письмѣ, въ которомъ говорилось о нездоровьѣ Аврелїи, онъ взялъ почтовую карету и поѣхалъ; чрезъ два дня онъ былъ въ Анземѣ. Онъ вышелъ изъ кареты у своего домика, и немедленно пошелъ къ замку. Когда онъ проходилъ деревню, крестьяне смотрѣли на него съ любопытствомъ и не узнавали его. Онъ подошелъ къ саду и скоро очутился въ пустой залѣ. Г-жа Соммервилъ была одна въ своей спальнѣ, и не ждала Альберта прежде нѣсколькихъ дней. Это было въ первыхъ числахъ апрѣля: веселое пламя освѣщало комнату Аврелїи, и весеннїй воздухъ, напитанный благоуханїемъ цвѣтовъ, проходилъ въ отворенное окно, и освѣжалъ лицо больной. Она перечитывала послѣднїя письма Альберта, какъ вдругъ почувствовала, что руки ея pokrивались подалуями; и она неожиданно увидѣла передъ собою молодого человѣка.

Это была минута сладкая и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасная для Альберта: онъ испугался перемѣны, которую болѣзнь произвела въ этой женщинѣ; онъ нѣжно жаловался, что его ранѣе не увидѣли объ этомъ. Аврелія успокоила Альберта, долго наслаждалась радостью, снова увидя его, нѣсколько разъ прижимала его къ сердцу; потомъ печально освобождаясь отъ его ласкъ, сказала:

— Съ нѣкотораго времени у меня въ замкѣ живутъ двое друзей, которые будутъ рады видѣть тебя: дай мнѣ руку твою и пойдемъ къ нимъ. Счастіе мнѣ возвратило силы, и я чувствую, что, опираясь на тебя, я далеко могу идти, мой Альбертъ.

Они оба вышли, и Аврелія повела его въ ту часть замка, въ которой жила Нанси: я встрѣтилъ ихъ на террасѣ. Альбертъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ мнѣ руку, и долго цаловалъ меня. Въ то время, какъ онъ спрашивалъ о сестрѣ моей, мы увидѣли ее: она бѣжала какъ еерна, между распускающимися листьями. Она возвращалась изъ деревни. Когда она замѣтила Аврелїю, которая уже почти цѣлый мѣсяцъ не оставляла своей комнаты, то подбѣжала прежде всего къ своей благодѣтельницѣ, потомъ безъ замѣшательства обращаясь къ Альберту, котораго она хорошо узнала съ самаго конца аллен сада, но притворялась, что не видитъ:

— Это вы, Альбертъ! сказала она, подавая ему свою руку, которую онъ не смѣлъ поцѣловать. Я очень рада вашему приѣзду; мы съ нетерпѣнїемъ ожидали его: вы вылечите г-жу Соммервилъ, не правда ли? Ваше присутствїе придастъ ей довѣрїе и здоровье, которыя она потеряла, живя далеко отъ васъ; вы сохраните ее для насъ. Пусть любовь ваша будетъ счастливейше и искуснѣе нашей: мы не будемъ сердиться за это... Мы столько обязаны и благодарны вамъ. Вамъ теперь лучше, дорогая моя Аврелія, не правда ли Ваши глаза приняли прежнїй блескъ, ваши губы не такъ блѣдны; вы могли уже выйти!.. Какъ отраднò видѣть васъ въ такую минуту!

— Да, милая дочь моя, сказала Аврелія, мнѣ лучше, я буду жить; я слишкомъ счастлива, чтобы умереть... Но вы не поцѣловались дѣти мои, прибавила она, привлекая ихъ одного къ другому.

Оба колебались. Нанси покраснѣла, Альбертъ пробормоталъ какія-то слова, которыхъ мы не разслышали; наконецъ, добровольнымъ движенїемъ они въ одно время поцѣловали г-жу Соммервилъ, которая долго держала ихъ обонхъ въ своихъ объятїяхъ.

Потомъ Аврелія хотѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ по саду; она взяла руку Альберта, я взялъ руку сестры, но не знаю, какъ это случилось, только что мы сошли съ террассы, какъ рука г-жи Соммервилль опустилась на мою руку, а Нанси шла вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ. Аврелія и я шли медленно и въ молчаніи. Альбертъ и Нанси шли передъ нами. Въ оградѣ сада, котораго всѣ аллеи были правильны и прямы, находилась маленькая, тѣнистая и густая роца, которую любила Аврелія; аллеи въ ней были извилисты и полны таинственности; никогда ножъ садовника не касался ея вѣтвей, никогда ружье охотника не разгоняло птицъ, которыя предпочитали это мѣсто для своихъ гнѣздъ; соловей пѣлъ тамъ ночью, черныя дрозды перекликались тамъ. Тамъ была скамейка, едва приметная въ зелени, на которой любила сидѣть Аврелія; часто, во-время отсутствія Альберта, я находилъ ее на этой скамейкѣ одну и мечтающую. Тутъ мы остановились отдохнуть, покамѣстъ Альбертъ и Нанси гуляли въ соседней аллеѣ. Аврелія начала говорить мнѣ объ Альбертѣ и сестрѣ моей, и кончила тѣмъ, что спросила меня, былъ ли бы я счастливъ, еслибы эти молодые люди полюбили другъ друга и соединились бракомъ.

— Что касается до меня, прибавила она, это самое душевное мое желаніе! Счастіе этихъ дѣтей было послѣднею надеждою моей жизни, и я не хотѣла бы умереть, не видя исполненія этой надежды.

— Ваше желаніе, сказалъ я будетъ всегда и моимъ желаніемъ: но, маркиза, Альбертъ и Нанси еще очень молоды.

— Да, но я уже стара, и не хотѣла бы оставить васъ, не благословивъ ихъ союзъ.

— Вы благословите его, маркиза: Богъ сохранитъ для васъ счастливые долгіе дни.

Г-жа Соммервилль опустила голову съ видомъ сомнѣнія, и сказала мнѣ:

— Отчего же вы боитесь за молодость Альберта и Нанси?

— Молодость Нанси не пугаетъ меня, но Альбертъ...

— Какіе вы всѣ странные! прервала она. По вашему человѣкъ долженъ жениться только тогда, когда ему не остается ничего болѣе дѣлать. Ваше сердце и чувства отжили, ваши уста пили изъ всѣхъ чашъ; усталый, истощенный, вы хотите наконецъ чѣмъ-нибудь кончить, не правда ли?

Удивляйтесь послѣ этого, если иногда наша кровь вознегодуетъ

и возстанетъ! Призывайте на наши головы обвиненія всякаго рода. Нѣтъ, Максимъ, пѣтъ, съ моею дочерью этого не случится. Она будетъ имѣть мужа молодого, чистаго и прекраснаго, какъ сама; они состарятся въ любви, но любовь ихъ никогда не будетъ старѣться. Я ихъ образовала другъ для друга, готова ввѣрить судьбу Альберта вашей сестрѣ: неужели вы будете менѣе довѣрять ему? Онъ конечно молодъ, но уже понимаетъ жизнь; онъ страдалъ. Это правда, что онъ не имѣетъ еще никакого званія, но достаточно и того, что онъ способенъ принять каждое изъ нихъ; мое состояніе развѣ не освобождаетъ его отъ всѣхъ заботъ въ будущемъ? Въ-первый разъ, Максимъ, я съ радостью замѣчаю, что случай далъ мнѣ богатство.

— Вы забываете, Аврелія, что судьба отказала намъ въ этомъ: Альбертъ богатъ, а сестра моя ничего не имѣетъ.

— Клянусь вамъ, милый другъ, что я никогда объ этомъ не думала, сказала Аврелія, вставая. Пойдемте въ замокъ. Въ воздухѣ, которымъ я дышу, есть какой-то удушливый газъ, который давить и утомляетъ меня. Мы потомъ будемъ говорить объ этомъ; этотъ разговоръ ослабляетъ меня теперь. Мы говоримъ о бракѣ, и не знаемъ еще, любятъ ли эти молодые люди другъ друга; мы располагаемъ ихъ рукой, и забываемъ, что только они имѣютъ права располагать ихъ сердцемъ. Подождемъ.

Въ эту минуту Альбертъ и Нанси подошли къ намъ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились къ замку.

Г-жа Соммервилль съ гордостью смотрѣла на молодыхъ людей: оба были ею развиты; она ихъ сдѣлала такими. Альбертъ шелъ возлѣ нея, счастливый, важный, занятый мыслями; Нанси была покойна, тиха, почти равнодушна. Молодой человѣкъ украдкой часто взглядывалъ на нее, и взглядъ его выражалъ удивленіе, смѣшанное съ безпокойствомъ: это не была та молоденькая дѣвушка, которую онъ зналъ неловкою, робкою, и которая такъ долго унижала его своею страстью и своими страданіями; онъ нашелъ ее прекрасною, блестящею и равнодушною, со всѣми прелестями, которыя онъ любилъ нѣкогда въ г-жѣ Соммервилль и во всемъ блескѣ молодости, которая скоро привлекла его къ Нанси.

Нанси въ молчаніи торжествовала надъ удивленіемъ, котораго Альбертъ не старался скрыть, или которое скрывалъ дурно; она чувствовала таинственную радость, отmistивъ видимымъ равнодушіемъ за долгое забвеніе благодарнаго, который оставилъ ее, но она благословляла Аврелію, и съ любовью под-

держивала ее, когда та медленно шла. На эту женщину она громко обращала свою пѣжность, которую сердце ее питало тайно къ ея воспитаннику.

Вечеромъ Альбертъ хотѣлъ удалиться въ свой домикъ.

Г-жа Sommerville не захотѣла этого. Она приготовила комнату для Альберта, и наше присутствіе въ замкѣ давало ему право также жить въ немъ, не возбуждая злословія свѣта.

Впрочемъ свѣтъ нашъ ограничивался садомъ, и мы были защищены отъ злословія Сентъ-Леонардскихъ жителей.

Альбертъ остался съ нами. Величайшая радость была для г-жи Sommerville, видѣть вмѣстѣ всѣхъ, кого она любила на землѣ, величайшая радость для насъ, любить другъ друга подлѣ однимъ кровомъ.

Первые дни, послѣдовавшіе за прїѣздомъ Альберта въ Анземъ, были смѣшаны съ принужденностью, которую воспоминаніе нашихъ прежнихъ сношеній должно было возобновить, и которая скоро покорилась успіямъ, употребленнымъ нами, чтобы избѣгнуть ее. Каждый изъ насъ такъ добровольно забылъ прошедшее, что Альбертъ началъ даже вѣрить, что это забвеніе было истинно.

За препятствіями этой принужденности, продолжавшейся нѣсколько дней, послѣдовала скрытность, почти всегда возникающая между людьми, которыхъ судьба сводитъ послѣ долгой разлуки.

Отъ этого происходитъ, что мы смотримъ другъ на друга съ недоувѣрчивостью; мы изслѣдуемъ перемѣны, которыя время произвело въ каждомъ изъ насъ, что оно оставило намъ, что отняло отъ насъ, что придало намъ; мы подробно разсматриваемъ другъ друга подлѣ новой формой, которую приняли во время нашей разлуки. Время насъ такъ скоро измѣняетъ, уноситъ съ такою удивительною быстротою все, что въ насъ есть молодаго и добраго, что довольно нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы самую старую дружбу превратить въ знакомство одного дня.

На этотъ разъ наша скрытность не продолжалась слишкомъ долго; наши обоюдныя замѣчанія сдѣлали только счастливыя открытія, и крѣпче соединили узлы нашей привязанности.

Попеченія г-жи Sommerville имѣли полезныя слѣдствія: руководимый маркизою, Альбертъ оправдалъ всѣ блестящія надежды, которыя я видѣлъ въ немъ, когда онъ уѣзжалъ отъ насъ въ первый разъ, полный жизни и молодости; г-жа Sommerville сдѣлала то, чего я и сестра моя не умѣли сдѣлать, она исполнила обѣщанія Альберта и сдержала клятву, данную имъ.

Что касается до Нанси, она могла сказать вмѣстѣ съ поэтомъ востока:

«Я не роза, но жила вмѣстѣ съ розой».

VIII.

Между тѣмъ каждый день, открывалъ намъ въ этихъ молодыхъ людяхъ какую-нибудь новую прелесть; г-жа Sommerville наслаждалась вмѣстѣ со мною ихъ взаимнымъ удивленіемъ и отчасти очарованіемъ, которое снова привлекало ихъ другъ къ другу. Мы любили замѣчать за Нанси, когда она придавала любви своей важность, которая смущала Альберта, или веселость, которая еще болѣе удивляла его; любили смотрѣть на него, когда онъ болячиво стоялъ возлѣ нее, въ замѣшательствѣ, смущенный, и обращая на насъ иногда безпокойный взглядъ, какъ будто хотѣлъ спросить: было ли это тоже самое дитя, нѣжностью котораго онъ пренебрегъ когда-то. Теперь была его очередь — покоряться и любить тренеча, заключать свою радость и счастье въ одномъ благосклонномъ словѣ Нанси, въ улыбкѣ ея устъ, его очередь надѣяться и бояться, и вздыхая говорить вечеромъ, когда живая дѣвушка убѣгала веселою и строгою: завтра, можетъ-быть, она меня полюбитъ....

Возвращаясь въ Парижъ, Альбертъ вѣрилъ неизлечимымъ страданіямъ и вѣчной страсти Нанси. Долго въ Парижѣ онъ обвинялъ себя съ горестью, что разрушилъ счастье моей сестры, и часто, переходя отъ раскаянія къ восторгу добродѣтели, онъ давалъ себѣ слово исправить свои ошибки, пожертвовать остаткомъ дней своихъ, чтобы снова призвать къ жизни существованіе, которое такъ жестоко разрушилъ. Но жертва эта наконецъ показала ему свыше силъ: умный, блестящій и прекрасный, онъ не могъ жениться на деревенской дѣвушкѣ, которую любилъ изъ дѣтской шалости и которой образъ, представлявшійся ему во всей простотѣ первобытной чистоты, заставлялъ его краснѣть за первую любовь.

Стоило въ-самомъ-дѣлѣ ѣздить въ Парижъ, привыкать къ хо- рошему обращенію, сидѣть въ продолженіи трехъ лѣтъ надъ

наукою и трудами, развить всё тонкости таланта, и все это отдать наконецъ крестьянкѣ крезской долины. Альбертъ не нашелъ бы въ себѣ столько храбрости. Когда онъ оставлялъ Парижъ, чтобы возвратиться въ Анземъ, онъ общалъ себѣ, сохранить твердость къ слезамъ Нанси, и скоро избѣгнуть докучливости страданія и любви, которыя ждали его въ деревнѣ.

Онъ былъ удивленъ, когда, вмѣсто крестьянки Анзема, прочтой и робкой, безъ прелестей ума и искусства, онъ нашелъ Нанси такую, какою образовала ее Аврелия; глубоко было его оскорбленіе, когда онъ увидѣлъ, что бѣдная жертва, которую онъ покинулъ неутѣшною и которая должна была его преслѣдовать, послѣ его возвращенія, вѣчною любовью и вѣчнымъ страданіемъ, совершенно утѣшилась и казалось едва сохранила какое-то воспоминаніе прежнихъ дней. Съ-тѣхъ-поръ они перемѣнились ролями, и Нанси находила удовольствіе отплатить ему частью страданій, которыя нѣкогда она вытерпѣла за него, зная, что въ сердцѣ своемъ она имѣла лекарство, которое должно было ихъ вылечить.

Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Альберта, мы вздумали навѣстить нашъ старый домъ. Г-жѣ Коммервилъ было лучше, по крайней-мѣрѣ мы такъ думали: мы приняли за возвращеніе ея силъ лихорадочныя раздраженія, которыя ее болѣе не оставляли и обманывали ее самую; лихорадочный жаръ, проявлявшійся во всѣхъ ея движеніяхъ, во всѣхъ словахъ, иногда даже въ ея взглядѣ, заставлялъ насъ обманываться и вѣрить въ ея здоровье. Она хотѣла ѣхать съ нами: мы отравились вмѣстѣ, вечеромъ 1-го мая. Это былъ день, въ который Альбертъ и Нанси увидѣли другъ друга въ первый разъ.

Съ волненіемъ увидѣли мы уголокъ земли, на которой каждый изъ насъ вытерпѣлъ свое горе. Гжа Коммервилъ не смѣла войти въ комнату, гдѣ она провела зимнюю ночь, у постели Нанси. Нанси смотрѣла на все съ радостью: видъ мѣстъ, гдѣ мы страдали, пріятенъ намъ въ счастіи. Жестокая дѣвушка вошла Альберта вездѣ, гдѣ они оставили воспоминаніе ихъ молодой любви; она шла возлѣ него беззаботно и весело, по дорожкамъ, на которыхъ они прежде ходили вмѣстѣ, мечтая и повторяя въ тѣни слова, которыя они не всегда слышали, но которыя доставляли имъ столько счастія. Напрасно старался Альбертъ напомиать большыя дни; Нанси поминутно избѣгала этого, проворно прерывая разговоръ какъ только ей надо было представиться нѣжною; останавливаясь сорвать цвѣтокъ, снова

подходя важно къ своему другу, чтобы опять начать споръ, которой сама же прервала, насмѣялась надъ его грустью, воля его по мѣстамъ, гдѣ она такъ долго сама грустила изъ-за него.

Я остался возлѣ г-жи Коммервилъ, въ залѣ нижняго этажа. Была минута, что двое молодыхъ людей медленно гуляли по аллеѣ сада, простирившейся подлѣ окномъ залы гдѣ мы сидѣли, и мы слышали, какъ Альбертъ говорилъ сестрѣ моей:

— Вотъ уже пять лѣтъ, какъ въ этотъ день, я видѣлъ васъ здѣсь въ первый разъ, Нанси: вы не забыли, его? Неужели эти мѣста ничего не говорятъ вамъ? Я слышу въ воздухѣ какой-то шумъ листьевъ, испареніе растений, которые мнѣ рассказываютъ всю мою жизнь счастія и очарованія.

— Вы думаете, отвѣчала невнимательно Нанси, что мы узнали другъ друга весной? а я всегда думала, что мы видѣли другъ друга въ первый разъ къ концѣ осени... Любите вы осень, Альбертъ?

— Нанси, появленіе каждаго времени года возбуждаетъ воспоминанія болѣе или менѣе пріятныя, болѣе или менѣе горькія; какъ будто каждое изъ нихъ отражаетъ счастіе, которымъ оно было полно, и вѣчно сохраняеть его образъ. Однимъ осенью напоминаеть о счастливой любви; гармонія вѣтра въ засохшихъ листьяхъ отражаетъ имъ, какъ эхо, погибшее счастіе; желтѣющіе виноградныя холмы принимаютъ тысячу оттѣнковъ взятыхъ у радости, тайну которой они сохранили: тѣ предпочитаютъ осень; другіе видѣли свои прекрасныя дни подлѣ облачнымъ небомъ зимы: ослѣпительный снѣгъ будетъ имѣть для нихъ болѣе очаровательный видъ, нежели напѣванный запахомъ боярышникъ и цвѣтущій шиповникъ. Я предпочитаю весну.

— А я осень, сказала Нанси равнодушно.

— Можетъ-быть при паденіи листьевъ, вы живѣе представляете мои преступленія и ваши страданія? спросилъ печально Альбертъ.

— Ваши преступленія! говорила смѣясь Нанси. Вы пугаете меня Альбертъ! Что-же вы сдѣлали?

— Я жестоко поступилъ съ вами, Нанси...

— Жестоко, Альбертъ! что говорите вы? Я васъ всегда знала внимательнымъ въ отношеніи ко мнѣ, хотя была еще тогда ребенкомъ. Неужели васъ все еще преслѣдуютъ угрызенья совѣсти за гнѣздо куропатокъ, которыхъ съѣли ваши собаки? Ва-

ши собаки были варвары; но вы, я помню, почти плакали при моем горь.

— Въ этомъ развѣ заключаются всѣ воспоминанія бывшихъ страданій, которыя вы вытерпѣли? Вы очень снисходительны, но ваша снисходительность жестока! Я бы желалъ лучше попытаться вашъ гнѣвъ: прощеніе пріятнѣе забвенія.

— Слышите, какъ соловей поетъ надъ бесѣдкой, сказала Нанси: знаете ли вы какое-нибудь стихотвореніе, которое имѣло бы болѣе выразительности и мелодической печали?

— Есть звуки еще пріятнѣе: голосъ любимаго нами предмета, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Да, сказала молодая дѣвушка: напимѣръ голосъ нашей матери.

Они удалились, и мы слышали только, какъ песокъ скрипѣлъ въ аллеѣ подъ ихъ ногами.

Г-жа Сомервилль сидѣла въ молчаніи. Она облокотилась на подоконникъ, голова ея лежала на рукѣ.

Я взянулъ на нее при умирающемъ свѣтѣ сумерекъ былъ пораженъ судорожными движеніями ея лица; ея дрожація губы выражали что-то страдальческое и горькое.

— Вы скучаете, Аврелія? сказалъ я ей, слегка опираясь рукой на ея плечо.

— Скучать! живо сказала она, повернувшись съ выраженіемъ ужаса.... Отчего мнѣ скучать? прибавила она спокойно. Другъ мой, я никогда не была такъ счастлива.

И въ-самомъ-дѣлѣ остатокъ дня она была въ веселомъ, спокойномъ расположеніи духа; никогда Альбертъ и Нанси не видѣли ее добрѣе и нѣжнѣе.

Ея сердце не перемѣнилось, но со времени пріѣзда Альберта характеръ сдѣлался неровнымъ и иногда подозрительнымъ и насмѣшливымъ; хотя очень рѣдко, но въ обращеніи ея проявлялись странности, огорчавшія Альберта, разсѣянность, которая беспокоила насъ всѣхъ. Я помню одинъ вечеръ, когда всѣ четверо мы сидѣли въ залѣ; всѣ четверо мы были молчаливы. Солнце только что спряталось за синія горы Крезы. Г-жа Сомервилль сидѣла возлѣ меня, Альбертъ возлѣ Нанси, оба заняты одною мыслью. Нанси подала свою дрожащую руку Альберту. Онъ съ упоеніемъ смотрѣлъ на сестру, обращавшую къ Авреліи свои глаза, въ которыхъ отражалась любовь къ Альберту. Они были такъ прекрасны оба, такъ полны молодости, любви, счастья, что я долго любовался ими, и

старался обратить на нихъ взоръ г-жи Сомервилль. Ея взгляды не отвѣчали мнѣ: ея лицо было печально, брови сжаты, дыханіе тяжело и прерывисто, ея руки судорожно сжаты вмѣстѣ.

— Аврелія, вы страдаете! съ испугомъ сказала я.

— Ужасно! отвѣчала она.

Альбертъ и Нанси тотчасъ же подбѣжали къ ней.

— Что вы, дѣти мои? спросила Аврелія, бросая блуждающіе взгляды, какъ будто мы ее вывели изъ тяжелаго сна.... Это ничего.... здѣсь душно. Максимъ отворите окно!

Не знаю, почему я притворился, что отпираю окно, не давъ замѣтить, что оно съ самаго утра было растворено совершенно.

— Ну теперь хорошо, сказала Аврелія: по-крайней-мѣрѣ можно дышать.

Альбертъ, моя сестра и я, мы помѣнялись печальнымъ скрытымъ взглядомъ; каждый изъ насъ сохранилъ для себя и въ себѣ горечь своихъ размышленій. Однажды я рѣшился распросить г-жу Сомервилль объ этомъ состояніи, пугавшемъ насъ всѣхъ.

— Аврелія, говорилъ я ей: намъ недостаетъ вашего счастья. Отчего вы несчастны? Кажется, все дѣлается по вашимъ желаніямъ? Жизнь и здоровье возвратились къ вамъ вмѣстѣ съ Альбертомъ; никогда женщина не была окружена такою любовью и уваженіемъ, а нѣжность вашихъ дѣтей обѣщаетъ вамъ много прекрасныхъ дней въ будущемъ. Отчего же эта мрачная задумчивость, въ которую вы часто погружаетесь? Нѣтъ ли у васъ страданій, которыя вы скрываете отъ тѣхъ, кто васъ любитъ?

— Эти страданія были въ прошедшемъ, сказала она мнѣ: остаются отъ нихъ одни воспомнія, но онѣ печальны, и раздражаютъ мнѣ сердце; даже при настоящемъ моемъ счастіи, я не могу думать объ нихъ безъ волненія, какъ о представленіи драмы, которая заставляетъ васъ плакать, несмотря на то, что завѣса раздвѣляетъ міръ вымысла отъ дѣйствительнаго. Когда упадетъ завѣса, призракъ исчезаетъ, но впечатлѣніе остается сильнымъ и преслѣдуетъ васъ долго послѣ того, какъ вы оставили театръ. Это то самое состояніе, въ которомъ я нахожусь еще довольно часто. Вы должны мнѣ простить, что я отжила, прежде чѣмъ узнала васъ.

— Но вы мнѣ сказали, что жизнь ваша началась собственно съ того времени, когда вы узнали насъ.

— Я говорила о моемъ счастьи, Максимъ; именно это-то счастье и приводитъ меня въ какое-то раздраженіе при воспоминаніи прошедшаго. Я браню тогда эти воспоминанія, я спрашиваю у судьбы моей, за чѣмъ она была такъ жестока и бѣдственна въ лучшіе дни моей жизни, когда мнѣ было двадцать лѣтъ, когда я была хороша, съ чистотой простаго, довѣрчиваго сердца; отчего я могла любить тогда, когда не встрѣчала васъ, дѣти мои? Тогда я была достойнѣе вашихъ пламенныхъ душъ. Въѣсто того, я расточила мою привязанность на коварныхъ, холодныхъ людей, потеряла свою молодость переходя отъ разочарованія къ обману; я стара теперь, я отцвѣла, я истомлена, посреди преданныхъ, великодушныхъ людей, въ душу которыхъ я часто переливаю мое сомнѣніе и скептицизмъ моего холоднаго разсудка. Кто возвратитъ мнѣ дни, когда я дѣлала добро съ такою радостью, когда довѣренность была мнѣ такъ легка, когда мое сердце такъ довѣрчиво, готово было на великія пожертвованія? Гдѣ найду я тотъ ровный и тихій характеръ, окружавшій меня радостью со всѣхъ сторонъ, счастье, которое вездѣ за мною слѣдовало? Но какова бы я ни была теперь, не оставьте меня, вы друзья мои, любите меня, будьте мнѣ вѣрны, помогите мнѣ окончить мое путешествие на этой пустынной землѣ, гдѣ я прошла такой длинный и тяжелый путь.

— Но правда ли, по-крайней-мѣрѣ, то, что вы не имѣете въ настоящемъ какой-нибудь дѣйствительной скорби? Одно ли это прошедшее тяготитъ надъ вами и мучаетъ васъ? Аврелія, не обманывайте насъ.

— Нѣтъ, Максимъ, нѣтъ; повѣрьте мнѣ. Какъ могу я быть несчастной?... Моя единственная скорбь происходитъ оттого, что я скоро должна буду покинуть это счастье. Другъ мой, говорите что хотите, я себя болѣе не обманываю: болѣзнь подвигается скоро, каждый день отнимаетъ у меня часть моего существованія. На минуту я могла повѣрить жизни; но вы увидите, что всѣ эти прекрасныя надежды на силу и здоровье обратятся мнѣ во вредъ. Не правда ли, передъ тѣмъ какъ ей погаснуть, лампа бросаетъ самый сильный свѣтъ? Такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорятъ поэты.

Я старался утѣшить и ободрить ее въ томъ, въ чемъ каждый изъ насъ впрочемъ старался обмануть другъ друга.

— Смерть не пугаетъ меня, потому-что не застанетъ въ располхъ: я чувствую, какъ она приближается, я ее ожидаю. Но вы знаете, Максимъ, что я не хотѣла бы оставить этого

міра не увидѣвъ дѣтей моихъ счастливыми вполне и соединенными: это мое послѣднее желаніе, это послѣднее счастье, котораго я жду на землѣ.

— Аврелія, отвѣчала я: ваша воля будетъ моею волею.

— Да, сказала она съ задумчивой улыбкой: это воля умирающей.... Я васъ предупрежу, Максимъ, когда будетъ время.

IX.

Месть Нанси не была жестока и продолжительна, испытанія Альберта продлились не болѣе нѣсколькихъ дней. Они полюбили другъ друга, и счастье ихъ не страшилось прошедшаго, потому-что оба они нашли въ себѣ одни и тѣже истощники и сохранили воспоминаніе несчастныхъ дней, которое настоящее ихъ дѣлало пріятнѣе и милѣе; это не была возобновленная любовь, но новая страсть.

— Мнѣ кажется, говорилъ Альбертъ: что наше знакомство началось на землѣ и кончится въ небесахъ.

И такъ этотъ несчастный молодой человекъ былъ назначенъ узнать счастье и любовь у постели больной: у изголовья покінутой сестры онъ полюбилъ Аврелію, при умирающей Авреліи возобновилась въ немъ страсть къ Нанси. Но въ этотъ разъ онъ безъ тоски и угрызений совѣсти, могъ предаться упоенію новой страсти: г-жа Соммервиль и я вели себя такъ искусно и скрытно, что молодые люди не понимали болѣзни, которая изнурила Аврелію, и обманутые признакомъ поддѣльнаго здоровья, думали оба, что она воскреснетъ вмѣстѣ съ ихъ любовью. Надо было знать такъ, какъ я, тайну болѣзни, которая медленно разрушала г-жу Соммервиль, чтобы не повѣрить, что она можетъ прожить еще долгіе дни; она съ такимъ искусствомъ и заботой скрывала свой упадокъ, энергія ея неутомимой души такъ удачно замѣняла уничтоженіе ея силъ, она такъ заботливо удаляла отъ молодыхъ людей самое легкое безпокойство, сохраняла во всей чистотѣ прозрачность и ясность ихъ чувства, что, казалась, возвращалась къ жизни по мѣрѣ того, какъ приближалась къ смерти. Можно было примѣнить къ ней сравненіе съ дубомъ, разбитымъ громомъ,

который скрывает разрушенный ствол свой под обманчивой свежестью и молодостью своих листьевъ. Между тѣмъ къ ней никогда не возвращалась ровность характера, которую въ ней прежде видѣли: она сдѣлалась странна, капризна и причудлива, съ Альбертомъ и Нанси, переходя отъ сильной вѣжливости къ невыразимой суровости, съ наслажденіемъ принимая поцѣлуй Альберта, потомъ внезапно освобождаясь отъ нихъ, ища и убѣгая его ласкъ, боясь его наединѣ и во мракѣ, дрожа, въ свою очередь, при немъ, какъ прежде онъ трепеталъ предъ ней.

Когда Альбертъ получилъ признаніе въ любви Нанси, онъ считалъ долгомъ открыть ихъ взаимную любовь Авреліи и мнѣ. Его объясненіе было трогательно и благородно: онъ благословлялъ Аврелію за сокровище, которое она сберегла ему въ его отсутствіе; потомъ, обращаясь ко мнѣ, спросилъ меня, хочу ли я ему дать имя брата, отъ котораго онъ отказался когда былъ недостойнъ его, но которое онъ думалъ заслужить теперь, общая посвятить все свое существованіе, чтобы загладить заблужденіе, котораго онъ былъ первою жертвою.

— Я былъ очень виноватъ, прибавилъ онъ: но теперь я прощенъ и оправданъ любовью Нанси; надѣюсь, что ваша дружба будетъ не менѣе снисходительна.

— Другъ мой, сказалъ я ему, обнимая его: мнѣ не за что прощать тебѣ, и я никогда не буду имѣть другаго желанія кромѣ вашего счастья. Я готовъ соединить васъ; но здѣсь есть другая воля, которой я передалъ мои самыя дорогія права.

Тогда Альбертъ, снова обращаясь къ г-жѣ Соммервилъ, выразилъ ей съ увлеченіемъ любовь свою къ Нанси; онъ объяснилъ ей съ жаромъ невинныя желанія, завладѣвшія имъ; онъ нашелъ въ сердцѣ своемъ пылкія выраженія, чтобы передать ихъ силу; глаза его одушевлялись вѣстѣ со словами, онъ былъ краснорѣчивъ, страсть вылилась пылко и чисто изъ его устъ; потомъ онъ успокоился, и съ умоляющимъ взоромъ всталъ на колѣни передъ Авреліей, ожидая утвержденія его восторговъ и надеждъ.

Аврелія, слушая Альберта погружилась въ размышленіе. Когда онъ кончилъ, она долго смотрѣла на него съ печалью; потомъ прижала его къ своей груди.

— Ты прекрасенъ, сказала она ему: твой голосъ пріятенъ, милый другъ мой; твои слова тронули меня, какъ мелодія новыхъ моихъ молодыхъ лѣтъ; онъ принесли мнѣ какое-то воспоми-

наніе о счастьи, котораго впрочемъ я никогда не знала. Да, Альбертъ, люби Нанси: я благословляю вашу любовь.»

При этихъ словахъ она залилась слезами.

Черезъ мѣсяцъ послѣ объясненія Альберта, дѣла, г-жи Соммервилъ снова потребовали меня на югъ. Я уѣхалъ, полный довѣрія и беззаботности, которыя еще болѣе подтверждали письма Альберта и Нанси; я уже начиналъ думать, что Аврелія преувеличила свой страхъ, или преувеличивала свою болѣзнь сама передъ собою, какъ черезъ три недѣли послѣ отъѣзда, я получилъ, съ Сень-Леонардскимъ штемпелемъ на конвертѣ, письмо такого содержанія:

«Максимъ.

«Возьмите почтовыхъ, и пріѣзжайте: настало время соединить Альберта и Нанси.

«Аврелія».

X.

Я возвратился скоро. Соммервилъ сидѣла на диванѣ, между Альбертомъ и Нанси. Она хотѣла встать, когда я вошелъ, но слабость не позволила ей этого. Она была чрезвычайно слаба, но всегда спокойна и кротка. До послѣдняго дня она скрывала отъ молодыхъ людей упадокъ ея силъ, и опечаленные состояніемъ Авреліи, они однако же не думали пугаться его. Нанси нѣсколько разъ видѣла, какъ Аврелія приближалась къ смерти, и потомъ снова возвращалась къ жизни; потому сестра моя смѣло разсѣивала безпокойство Альберта, и не колеблясь объясала ему скорое выздоровленіе Авреліи. Когда я взошелъ, потухающей взглядъ г-жи Соммервилъ на минуту оживился, давая мнѣ замѣтить, что Альбертъ и сестра моя ничего не предвидѣли и не были ни о чемъ предувѣдомлены. Она умоляла меня взглядомъ скрыть отъ нихъ мое горе и ужасъ. Я подумалъ какой-то вѣроятный предлогъ моего поспѣшнаго возвращенія; они оба обрадовались, увидѣвъ меня. Г-жа Соммервилъ пролежала весь день на диванѣ, говоря мало, но съ удовольствіемъ слушая насъ, впадала иногда безмолвно въ уныніе, но пробуждаясь снова улыбалась намъ. Она просила Альберта читать ей поэтовъ, которыхъ любила, въ особенности тѣхъ, чей голосъ оживляетъ и утѣшаетъ; этихъ великихъ писателей, воспѣвающихъ небесныя блаженства и передающихъ Богу наши

слезы и молитвы. Когда наступило время разстаться, Аврелия захотѣла остаться со мною наединѣ. Альбертъ и Нанси удалились; я остался у Аврелии.

Мы сидѣли съ часъ, не смѣя обмѣняться однимъ словомъ, жестомъ, взглядомъ. Г-жа Коммервилль находилась въ какой-то дремотѣ; ея дыханіе было такъ слабо, что я не слышалъ его, и видя ее на этомъ диванѣ, одѣтую въ бѣлое платье, блѣдную, съ багровымъ румянцемъ безъ движенія, я нѣсколько разъ подходилъ къ ней со страхомъ, чтобы увѣриться, что она не умерла. Освободясь наконецъ отъ дремотнаго состоянія, въ которое она была погружена, она обратила ко мнѣ глаза съ смутнымъ выраженіемъ, и я видѣлъ, какъ рука ея искала мою руку. Я взялъ ея руку, покрывъ ее слезами, и въ отчаяніи смотря на несчастную, сказалъ:

— И такъ! Аврелия.... это правда?...

Она мнѣ отвѣчала утвердительною знакомъ головы; ея взглядъ выражалъ вмѣстѣ съ тѣмъ тихую радость. Я закрылъ лицо мое руками и не могъ заглушить своихъ рыданій.

— Вы мнѣ обѣщали, сказала она наконецъ съ горестью, что не допустите меня умереть!

— Ахъ! Аврелия, вскричалъ я: вы сами отвергаете жизнь! Вы рады оставить насъ!

— Нѣтъ, Максимъ, нѣтъ. Если вы видите меня покорной и тихой, это отъ того, что я не имѣю болѣе силы сопротивляться; если я не плачу вмѣстѣ съ вами, это оттого, что двадцать лѣтъ горя высушили въ глазахъ моихъ источникъ слезъ.... И я рада васъ оставить, Максимъ! Вы не думаете о томъ, что говорите.

— Но, маркиза, не преувеличиваете ли вы вашу болѣзнь? Совѣтовались вы съ докторами Сентъ Леонарда?

— Другъ мой, сказала она мнѣ, улыбаясь: лекарства тутъ ни къ чему не послужатъ. Что касается до болѣзни, которая изнуряетъ меня, она достигла послѣдняго періода, вы мнѣ можете повѣрить въ этомъ. Смерть уничтожала меня медленно, постепенно; теперь я чувствую, что она скоро явится. Теперь вы мнѣ необходимы.

— Ахъ, маркиза, я готовъ для васъ на все; говорите!

— Прежде всего, я надѣюсь на васъ, что вы приготовите Альберта и Нанси къ удару, который поразитъ ихъ; у меня не останется на это силы: они такъ счастливы и спокойны возлѣ меня; они передаютъ мнѣ съ довѣріемъ свои предположенія о счастіи; ихъ любовь даетъ мнѣ столько прекрасныхъ

надеждъ; они мечтаютъ, что существованіе мое, которое гаснетъ, продлится долгое время, и я боюсь предупредить ихъ, что они играютъ у могилы, въ которую я скоро сойду. Будьте тверже меня, Максимъ; сохраните всю вашу твердость, чтобы объявить имъ, что скоро мы должны разстаться. Это порученіе жестоко, но еще хуже не предупредить этихъ дѣтей о несчастіи, которое имъ угрожаетъ. Скажите этимъ милымъ созданіямъ, что умереть предписывается общимъ закономъ, и что все-равно сегодня или завтра проститься съ жизнью; что каждаго періодъ нашей жизни имѣетъ свою развязку, что мы должны здѣсь выдержать наше назначеніе; наконецъ, скажите имъ все, что состраданіе можетъ придумать, чтобы утѣшить умирающихъ и тѣхъ, которые ихъ переживаютъ. Не правда ли, Максимъ, вы будете имѣть столько твердости?

— Да, маркиза, сказалъ я ей: я вамъ обѣщаю это.

— Вы также скажете имъ, чтобы они избавили меня отъ тяжелаго положенія видѣть ихъ горестъ и слезы. Я слишкомъ слаба, чтобы перенести это; вся сила и энергія исчезли во мнѣ.... Скажите же этимъ дѣтямъ, что съ высоты міра, къ которому скоро вознесусь, я безпрестанно буду думать о нихъ, что въ небесной странѣ душа моя сохранитъ для нихъ слезы сожалѣнія и улыбки нѣжности. Вы имъ скажете все это, Максимъ; вы ихъ утѣшите; но я не буду знать объ этомъ.

— Я ихъ буду утѣшать, маркиза, отвѣчалъ я задыхающимся голосомъ.

— Милый другъ, сказала она: вы также будете сожалѣть обо мнѣ?

— О, маркиза! говорилъ я: неужели вы въ-самомъ-дѣлѣ умираете?

— Придите въ себя, будьте тверды. Теперь я спокоенъ. Во время вашего отсутствія я совѣтовалась съ однимъ изъ законовѣдцевъ. Все мое состояніе завѣщано Альберту; я приготовила его бракъ съ Нанси, церковное оглашеніе уже сдѣлано; еще нѣсколько часовъ жизни и я буду присутствовать при бракѣ дѣтей моихъ; мои послѣдніе дни позавидуютъ прекраснымъ днямъ моей молодости. Мнѣ будетъ сладко унести съ собою мысль о счастіи Альберта и Нанси. Мнѣ въ особенности будетъ пріятно покинуть васъ съ утѣшительною мыслию, что вы остаетесь съ ними. Я вполне надѣюсь на васъ, Максимъ; вамъ я завѣщаю долгъ и обязанности, отъ которыхъ одна смерть могла меня избавить; вы окончите то, что я начала. Не правда ли, вы обѣщаете мнѣ это, другъ мой?

— Клянусь вамъ!

— Я вамъ вѣрю. Вы будете любить Альберта; что бы ни случилось, вы будете съ нимъ. Онъ молодъ, свѣтъ представитъ ему много случаевъ паденія и искушенія. Кто не падалъ въ этой долгой битвѣ? И кто оставилъ эту битву такимъ же чистымъ, какимъ вошелъ въ нее? Что бы ни сдѣлалъ Альбертъ, вы позаботитесь о немъ. Вашу дружбу, вы не будете сравнивать съ тою, которую онъ питаетъ къ вамъ. Мы должны любить тѣхъ, кто насъ любитъ, не смотря на ихъ несправедливости и заблужденія. Сильнаго или слабого, робкаго или отважнаго, любите Альберта столько же, сколько и онъ васъ будетъ любить. Не подражайте друзьямъ строгимъ, которые долго вмѣшиваются въ ваше счастье, и удаляются неблагоприятно, какъ только ихъ гордость найдетъ, что ваши добродѣтели ослабѣваютъ и оставляютъ васъ; не берите примѣра съ нихъ, Максимъ; гордись непостоянными добродѣтелями, они краснѣютъ за себя, когда васъ злословятъ; они страдаютъ сами отъ клеветы васъ поражающей; не смѣя гордиться вашей дружбой, они оставляютъ васъ въ тотъ день, когда вы ихъ умоляете; они отнимаютъ у васъ свой плащъ, которымъ должны бы были покрыть васъ, и безжалостно скрываютъ отъ васъ свое счастье, раздѣливши съ вами ваше. Эти друзья мнѣ сдѣлали много зла!

Оживленная на минуту, г-жа Сомервиль снова впала въ дремотное состояніе, которое предшествуетъ сильнымъ переменамъ болѣзни.

Ночь была холодна; боясь за нее сырости залы, я разбудилъ ее и просилъ перейти въ другую комнату.

— Нѣтъ, сказала она: я хочу лежать на этомъ диванѣ. Мнѣ здѣсь хорошо; вы можете меня оставить.... Прощайте, прощептала она: желаю, чтобы для всѣхъ васъ, друзья мои, жизнь была прекрасна и пріятна.

Исполняя желаніе г-жи Сомервиль, я мало-по-малу приготовилъ Альберта и Нанси къ этому удару: оба были поражены, и я, который долженъ былъ ихъ утѣшать, я плакалъ вмѣстѣ съ ними; бракъ, который ихъ такъ занималъ, и котораго еще наканунѣ они ждали съ нетерпѣніемъ, показался имъ только погребальной церемоніей, на которую они согласились, уважая только послѣднюю волю Авреліи.

Мы уговорились между нами, скрыть отъ Авреліи нашу горестъ; но когда мы всѣ трое возвратились къ ней, горестъ наша пересилила насъ, и мы всѣ залились слезами.

Въ первый день октября, въ прошедшую осень, солнце замучиво и тихо показалось на горизонтѣ.

Съ самаго утра всѣ крестьяне одѣлись въ праздничныя платья и собрались на террасѣ замка; крестьяне нашей деревни, вмѣстѣ съ анземскими, расположились у рѣшетки сада. Всѣ они стояли съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ печальнымъ видомъ.

Сквозь пожелтѣвшія листья слышался колоколъ анземской церкви: это былъ благовѣстъ свадьбы Альберта и Нанси и агоніи г-жи Сомервиль.

Въ десять часовъ Альбертъ и Нанси вышли изъ замка.

Г-жа Сомервиль велѣла поднести себя къ окну, чтобы видѣть ихъ; какъ только показала она въ открытомъ окнѣ, всѣ взоры обратились на нее, ропотъ удивленія и горести поднялся со всѣхъ сторонъ. Крестьяне расположились по обѣ стороны загороди, чтобы дать дорогу молодымъ супругамъ. Слезы Нанси падали на ея букетъ; всѣ плакали. Послѣ свадебной церемоніи, молитвы были возсылаемы вслухъ за г-жу Сомервиль; къ ней призывали помощь съ небесъ.

Возвратясь въ замокъ, Альбертъ и Нанси встали на колѣна передъ Авреліей. Она долго принимала ихъ обоихъ къ своей груди. Она говорила мало; мы были молчаливы.

— Друзья мои, сказала она: я виновата, что вы проводите самый прекрасный изъ вашихъ дней такъ печально; но я не хотѣла оставить васъ, не исполнивъ моего долга. Благословляю васъ за то, что вы покорились послѣднему желанію моего сердца! Зачѣмъ не могла я ранѣе соединить васъ, дѣти мои! Я долге наслаждалась бы вашимъ счастьемъ и вашъ бракъ не былъ бы отпразднованъ такъ печально; но я не смѣла: прежде чѣмъ соединить васъ неразрывными узами, я хотѣла дать вамъ время узнать другъ друга; я продолжила, сколько могла, мое слабое существованіе; насталъ мой послѣдній день.

— Вашъ послѣдній день! вскричали Альбертъ и Нанси, которые не думали, что болѣзнь ея уже такъ сильно развилась.

— Мои послѣдніе дни, возразила Аврелія, улыбаясь: но я не хочу умереть, я еще надѣюсь. Богъ сотворитъ, можетъ-быть, это чудо.

Я замѣчалъ, что она все болѣе и болѣе ослабѣвала. Въ серединѣ дня она лежала на своей кровати и спала. Я положилъ ей руку на сердце, и едва слышалъ его біеніе; пульсъ ея былъ такъ слабъ, что напрасно я старался найти его; она не страдала, но тихо угасала.

Пробудясь, г-жа Соммервиль захотѣла видѣть стараго анземскаго священника: она осталась съ нимъ на единѣ въ продолженіи двухъ часовъ.

Къ вечеру она согласилась выпить немного испанскаго вина; почти въ ту же минуту глаза ея оживились, щеки покрылись румянцемъ, и разогрѣтая кровь стала обращаться быстраѣе.

Она была такъ слаба, что нѣсколькихъ капель этого вина достаточно было, чтобы подѣйствовать на слабые нервы: ея взглядъ былъ одушевленъ, движенія быстры, лице сіяло; голосъ снова принялъ смѣлое, отрывистое выраженіе, которымъ отличался въ прежнее время ея разговоръ.

Она долго говорила Альберту и Нанси объ обязанностяхъ новой жизни, которая начиналась для нихъ съ этого дня; она говорила краснорѣчиво, мысленно провела ихъ по новымъ путямъ, которые имъ предстояли, научая ихъ съ заботливостью избѣгать бездны, показывая имъ дорогу, которая должна была привести ихъ къ счастію. Она развила прекрасныя теоріи науки жизни, предписывала имъ довѣренность въ семейной жизни, достоинство въ несчастіяхъ, пріятность въ сношеніяхъ, снисхожденіе ко всему. Она также говорила имъ, что счастіе есть искусство, и что каждый самъ приготавливаетъ себѣ судьбу, отъ которой зависитъ; она совѣтовала сохранить въ распредѣленіи ихъ существованія благоразуміе и ловкость художника, заботящагося о совершенствѣ его произведенія, говоря имъ, что великая наука состоитъ въ томъ, чтобы подл пламенными восторгами первыхъ нѣжностей удержать горячую дружбу, которою мы должны жить и которая должна согрѣвать остатки нашихъ дней.

Она долго говорила такимъ образомъ; ея воспламененное ображеніе представляло ей богатые образы. Она лежала на кровати, сложивъ руки на груди; ея голова неподвижно отдыхала на подушкѣ; ея голосъ, сдѣлавшійся важнымъ, медленнымъ и величественнымъ, навѣвалъ на насъ релігіозный страхъ. Она говорила безъ усилія и усталости; ея голосъ былъ такъ чистъ и звученъ, что я наблюдалъ за ея губами, чтобы увѣриться, что это точно говорила она. Мнѣ иногда казалось, что жизнь оставила это неподвижное тѣло, и что я слышалъ послѣднее прощаніе души Авреліи, которая парила надъ нашими головами прежде, чѣмъ улетѣть въ вѣчный міръ.

Въ сумерки, она захотѣла, чтобы зажгли свѣчи въ комнатѣ и спросила цвѣтовъ. Она велѣла открыть окно, выходяв-

шее на террасу; на нѣсколько минутъ облокотилась на подушку, опираясь головою на руку, чтобы полюбоваться первыми звѣздами мелькающими въ небѣ и красноватымъ оттѣнкомъ, разстлавшимся на горизонтѣ. Она нѣсколько разъ выдыхала въ себя вечерній воздухъ, доходившій до ея постели, и снова падая на подушку, сказала:

— Жизнь дорогá умирающимъ.

Въ эту минуту мы услышали протяжный, печальный звонъ деревенскаго колокола, и по террасѣ пошли люди, жившіе въ замкѣ, въ анземскую церковь: они ходили вмѣстѣ съ пасторомъ повторять молитвы за умирающихъ.

Утомленная волненіями, которыя почувствовала въ этотъ день, Аврелія снова заснула, убаюканная звономъ колокола, который обѣщаль ей вѣчное спокойствіе. Ея сонъ былъ безпокоенъ: пульсъ обнаруживался сильнѣе; въ немъ замѣтна была лихорадка; она очень живо разговаривала сама съ собою; ея рѣчи были несвязны; имя Альберта безпрестанно мѣшалось въ нихъ; она произносила его съ любовью и съ отчаяніемъ.

Мы провели ночь подлѣ нея.

Къ утру она быстро повернулась на постели, и раздрающимъ голосомъ позвала Альберта. Она обвила его своими руками; холодными устами она горячо осыпала его поцалуйми; ея высохшія глаза еще нашли капли слезъ, быстрый порывъ страсти отразился въ ея потухшемъ взорѣ; потомъ вдругъ, примѣтивъ Нанси, которая на колѣнахъ плакала у ногъ ея,—

— Помнишь ли ты, сказала она ей, какъ провела я съ тобой ту зимнюю ночь, когда ты лежала умирающая?

И тихо отталкивая Альберта, она обратилась съ благочестивою покорностью къ распятію, стоявшему у нея въ головахъ; она съ кротостью сложила руки, и произнесла послѣднія слова Спасителя, умирающаго для спасенія міра: Совершилось!...

Такимъ образомъ, при первыхъ дневныхъ лучахъ, при блѣдномъ свѣтѣ восковыхъ свѣчъ, посреди благоуханій цвѣтовъ, угасла на нашихъ рукахъ женщина, полная поэзіи, силы, граціи и мужественной красоты....

XI.

Есть что-то ужасное потери любимых существъ: это чувствовать, когда они уже не существуют, какъ мало занимали они мѣста въ нашей жизни, какую незначительную роль играли въ нашемъ счастіи. Кажется, что, умирая, они уносятъ съ собою половину нашего существованія; но едва они умерли—и ничто не измѣняется вокругъ насъ; ни одно жизненное колесо не сломалось, не теряется ни одинъ звукъ въ гармоніи міра, ни одна привычка наша не была нарушена ударомъ, который долженъ поразить душу. На другой день погребенія все принимаетъ свой обыкновенный видъ. Мы, казалось, должны были плакать всю жизнь, и достаточно перваго луча солнца, чтобы высушить наши слезы; мы обѣщали вѣчность нашимъ сожалѣніямъ, и первый пріятный вѣтерокъ, лаская, разсѣваетъ и утѣшаетъ насъ; мы носили въ насъ бездну горести: одна капля росы упадетъ въ нее, и бездна эта наполнена.

Сердце чловѣка, что же ты такое? ты подвижныѣ листка осеня и не глубже чашечки цвѣтка.

Однако же прошло нѣсколько мѣсяцовъ со дня смерти г-жи Сомервилль, а сожалѣнія наши были также неутѣшны и горьки. Если когда-нибудь чье-либо существованіе необходимо было для счастія существъ, окружавшихъ его, это конечно существованіе этой благородной женщины. Но надо признаться, что горестъ Альберта и Нанси не могла не разсѣяться со временемъ; супружеское счастіе скоро смягчило ея силу; картина ихъ блаженства, хотя еще печальная и не ясная, въ нѣсколько мѣсяцовъ изгладилась бы печаль въ моемъ сердцѣ, если бы послѣднія слова Аврелии не остались въ нашихъ сердцахъ, какъ неисчерпаемый источникъ сомнѣнія и сильнаго безпокойства; эти таинственныя слова, смыслъ которыхъ я не смѣлъ отгадывать, заставляли меня задумываться. Эти слова оставили въ умѣ сестры моей впечатлѣніе печальной сцены, которую она долго принимала за фантазію ночныхъ сновидѣній, и которая съ этого времени сдѣлалась ей яснымъ воспоминаніемъ ужасной дѣйствительности. Съ своей стороны Альбертъ съ грустью спрашивалъ о томъ же самъ себя, и странно, мы чувствовали какъ бы угрызения совѣсти, какъ-будто сдѣлали какое-нибудь преступленіе.

Ясно было, что г-жа Сомервилль умерла отъ страданій, которыя никакое искусство не въ состояніи было излечить; но отчего происходили эти страданія, которыя она сохранила въ своемъ сердцѣ, какъ сокровище, и которыя открыло намъ ея безпокойство? Она умерла въ цвѣтѣ силъ, когда все призывало ее къ жизни, въ тотъ день, когда исполнились ея лучшія надежды, умерла уважаясь и почитаемая всѣми, когда будущее предстояло предъ ней въ веселомъ видѣ, когда радости настоящего вознаградили бы ее за слезы въ прошедшемъ; и при всемъ этомъ она умерла съ горя!... Что значить эта жертва, которую она принесла Богу, умирая? Что значили слова ея, сказанныя моею сестрѣ? Несчастная умерла, можетъ-быть, отъ любви худо погашенной....

Безумцы! вмѣсто того, чтобы кротко покориться нашей судьбѣ, мы стараемся проникнуть въ ея тайну. Тайна открыта, но тотъ изъ насъ, кто первый узналъ ее, умеръ отъ того.

Горестъ Нанси вдругъ сдѣлалась страна и упорна; она избѣгала ласкъ Альберта, она удалялась и горевала въ уединеніи; мы нѣсколько разъ находили ее безъ чувствъ на могилѣ г-жи Сомервилль; дни проводила она въ угрюмомъ отчаяніи, ночи въ ужасномъ бреду; грозный образъ Аврелии преслѣдовалъ ее въ сновидѣніяхъ; она бросалась на колѣни и просила прощенія, и когда Альбертъ, разбудя ее, прижималъ къ своему сердцу, она испускала раздрающіе крики и отталкивала его съ гнѣвомъ. Днемъ она была безмолвна и тиха; я нѣсколько разъ заставлялъ ее обливающую слезами какую-то бумагу, которую она поспѣшно прятала, примѣтивъ меня.

Я часто спрашивалъ ее, но она никогда не отвѣчала мнѣ ни слова.

Я и Альбертъ, мы забыли наше горе и были заняты только Нанси; но напрасно старались мы ее утѣшить. Испуганные этимъ состояніемъ, мы боялись, чтобы ея разсудокъ, потрясенный этимъ ударомъ, не помрачился; мы рѣшились увезти ее изъ мѣстъ, которыхъ видъ, возбуждавшій въ ней новыя, жестокія воспоминанія, только увеличивалъ ея горе и отчаяніе: Альбертъ, чтобы спасти ее, рѣшился прибѣгнуть къ разсѣянію путешествія, и скоро все было готово къ наступающему отъѣзду. Время шло въ веснѣ. Они уѣхали; я проводилъ ихъ до границы. При прощаньи мы поцаловались съ сестрой, обливаясь слезами. Мы не должны были болѣе увидѣться.

Я ввѣрилъ Альберту жизнь и счастіе Нанси, и принялъ на себя управленіе имѣніемъ во-время ихъ отсутствія. Расчеты

послѣ наслѣдства г-жи Соммервиль еще не были кончены; у меня достало твердости возвратиться въ Анземъ, чтобы заняться этими печальными дѣлами; одинъ съ грустными мыслями вернувшись я въ эти пустынные мѣста.

Альбертъ и Нанси путешествовали по Италіи; каждую недѣлю я получалъ отъ нихъ извѣстія.

Письма Альберта успокаивали меня; письма сестры моей были печальны и трогательны. Скоро и Альбертъ, въ свою очередь, сталъ писать мнѣ грустно, и я жилъ въ безпрерывной тоскѣ и въ страхѣ.

Черезъ три мѣсяца, я получилъ съ флорентинскимъ штемпелемъ пакетъ, содержащій въ себѣ два письма. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ почеркъ Нанси; я торопливо распечаталъ его.

Три недѣли я не получалъ никакого извѣстія. Письмо сестры моей, запечатанное тройною печатью, содержало въ себѣ другое, также запечатанное и безъ надписи. Я прочелъ прежде письмо Нанси.

Эти бумаги никогда не оставляли меня; я могу вамъ ихъ передать, прибавилъ Максимъ. Я ихъ ношу всегда здѣсь, у моего сердца.

Флоренція, въ.... 183...

«Максимъ,

«Разставаясь съ тобою, я сказала тебѣ въ сердцѣ: прости навсегда; я знала, что судьба не соединитъ насъ болѣе на землѣ; разлучаясь съ тобою, я радовалась, что избавлю тебя отъ моихъ страданій. Уже давно не сидѣлъ ты у постели умирающихъ!

«Сколько мѣсяцовъ прошло со времени моего отъѣзда изъ Франціи? Въ какомъ мѣстѣ я теперь, на какой берегъ привезли меня? Я не знаю; мнѣ кажется, что я путешествую цѣлый вѣкъ въ безконечномъ полѣ вѣчныхъ страданій. Душа, терзаемая угрызениями совѣсти, ничего не можетъ ожидать отъ земли; ей остается одно, оставить этотъ свѣтъ и въ другомъ искать успокоенія.

«Такъ я и сдѣлаю. Между-тѣмъ я чиста, я молода, говорятъ хороша, я люблю, я любима, мой мужъ спрашиваетъ меня, отчего я несчастна.... Отчего я несчастна? Альбертъ, не спрашивай меня объ этомъ: это тайна, которая сводитъ меня въ могилу.

«Между мною и Альбертомъ судьба поставила могилу; женщину, которой мы обязаны всѣмъ, прелестями, талантами,

богатствомъ, любовью, мы убили ее, она умерла отъ нашего счастья!...

«Письмо, которое ты найдешь въ моемъ письмѣ, объяснитъ тебѣ послѣднія слова нашей умирающей благодѣтельницы, роковое письмо, доставленное мнѣ случайно и которое влило въ сердце мое ядъ, убивающій меня. Я посылаю тебѣ это письмо, братъ мой, чтобы ты понималъ, что я должна была отказаться отъ жизни, чтобы простилъ мнѣ мою смерть; я тебѣ отсылаю его, боясь, чтобы Альбертъ, въ свою очередь, не узналъ страданій, убивающихъ меня; я тебѣ посылаю его наконецъ для того, чтобы ты въ сердцѣ своемъ благословлялъ превосходное созданіе, погубившее себя для насъ.

«Эта женщина умѣла любить! Она любила лучше насъ, Максимъ!

«Другъ моего дѣтства, прощай.

«Нанси.»

Я сломилъ тройную печать письма, приложеннаго къ письму сестры, и узналъ почеркъ Авреліи. Г-жа Соммервиль, умирая, поручила Нанси сжечь бумаги, хранившіяся въ ящикѣ. Эта бумага, исписанная со всѣхъ сторонъ, заинтересовала Нанси нѣсколькими словами, поразившими ее и заставившими прочитать эти строки, вѣроятно, писанныя Авреліей въ минуту тоски и грустнаго изліянія сердца.

Г-жа Соммервиль написала на этихъ страницахъ смертный приговоръ Нанси!

Анземъ, въ... 183...

«День былъ жаркій; къ вечеру небо покрылось тучами; громъ раздается вдали, молнія изливается въ облакахъ. Я одна, я скукаю; мнѣ хочется плакать.... Чтѣ со мной?

«Градъ бьетъ въ мой стекла, вѣтеръ стучитъ черепицами на крышѣ, зелень въ саду шумитъ, какъ бующія волны на морѣ. Я люблю эту погоду: она напоминаетъ мнѣ ту бурную ночь, когда я сидѣла у камина Альберта.

«Ты былъ печаленъ, другъ мой, и очень разстроены тогда! Скажи, утѣшила ли я тебя? Прекрасна ли жизнь, которую приготовила я для тебя? Бѣдное созданіе, которое я нашла безъ пристанища, согрѣла ли я тебя на груди моей, защитила ли я тебя отъ вѣтра и дождя? Чтѣ бы сдѣлалось съ тобою безъ меня? Ты бы очень страдалъ; свѣтъ не старался бы понять тебя, и, можетъ-быть, его тлетворное дыханіе запятнало бы твою еще не развѣтшую душу. Сдѣлала ли я тебя счастливымъ и

сильнымъ? Возвратила ли я надежду твоему разочарованному сердцу? развила ли я въ тебѣ мужественныя добродѣтели, и могу ли предстать передъ Богомъ, гордясь твоими молодыми достоинствами?

«Когда я нашла тебя, ты очень торопился жить: твои чувства пробуждались; горячая, нетерпѣливая молодость открыла тебѣ неясно радости, еще неиспытанныя тобою, ты призывалъ любовь, и требовалъ отъ меня счастья. Но былъ ли ты увѣренъ, что найдешь во мнѣ это счастье, которое ты представлялъ себѣ въ мечтахъ твоего воображенія? Старая и отцвѣтшая, могла ли я понять всю нѣжность души твоей, и недостатокъ во мнѣ душевныхъ силъ не уничтожилъ ли бы избытокъ твоихъ?... Я все-таки любила тебя.... Мое сердце еще не умерло, и я чувствовала иногда, какъ жаръ твоей крови волновалъ мою кровь.... Но гордясь твоей любовью, я боялась не исполнѣть быть достойной ея, и съ твоей судьбой, которая могла быть прекрасною, не смѣла связать мою несчастную судьбу. Я такъ много перестрадала! И если правда, что мы отмщамъ тѣмъ, кто насъ любитъ, за тѣхъ, кого любили, сколько горя навлекла бы я на твою голову, сколько ихъ страданій я была бы причиною.

«Я прожила время любви, а ты еще не достигъ его; я была въ тѣхъ лѣтахъ, когда любовь не имѣетъ уже силы, а ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда любовь бываетъ еще несовершенна. Пылкій и торопливый жить, ты потребовалъ бы отъ меня одушевленія, котораго во мнѣ уже не было; равнодушная и утомленная жизнью, я бы захотѣла опереться на твои силы, которыхъ тебѣ самому тогда не доставало; ты бы мучилъ сердце мое, чтобы заставить его изрѣдки бросить блѣдныя искры; я бы мучила твою молодость, для того, чтобы она скорѣе созрѣла; усталость скоро преодоляла бы тебя; скоро цѣпь наша показала бы намъ слишкомъ тяжелою, и прежде чѣмъ мы могли бы разорвать ее, мы облили бы ее нашими слезами.

«Клянусь тебѣ! я не боялась страданій, которыя твоя любовь можетъ-быть мнѣ готовила; нѣтъ, не за себя трепетала я; привыкшая къ страданіямъ, я не блѣднѣя предалась бы новой страсти. Я боялась за тебя, другъ мой, котораго видѣла такимъ слабымъ, котораго такъ легко можно было бы склонить, за тебя, весенній цвѣтокъ, распустившійся отъ дуновенія вѣтерка, блестящій и полный благоуханія, но который бы завялъ и иссохъ отъ сильнаго порыва страсти.

«Если бы въ сношеніяхъ, въ которыхъ мы ищемъ счастья и

вскорѣ находимъ пресыщеніе, судьба дала двѣ равныя доли, одну для радостей, другую для страданій, я могла бы выбрать горестъ, а ты радость, могла бы открыть тебѣ свои объятія не боясь, что ты завянешь въ нихъ, а ты могъ бы при первыхъ признакахъ разочарованія остаться еще молодымъ. Не жалуясь, не проклиная, я сказала бы тебѣ: «Ты можешь искать во мнѣ блаженствъ, которыхъ жаждешь, возьми въ моемъ сердцѣ все, что осталось во мнѣ молодости и жизни; возьми все, что горе и лѣта оставили во мнѣ блеска молодости, возьми меня, я принадлежу тебѣ.... И разбудивъ это существованіе, стремившееся только къ спокойствію, если бы ты могъ извлечь изъ него хотя одинъ день, часъ, одно мгновеніе счастья и радости, я бы благословляла тебя въ слезахъ.»

«Но случилось не такъ. Если бы ты зналъ, Альбертъ, какую угрюмую, печальную тѣнь набрасываетъ на остатки жизни нашей любовь, которая какъ громъ прошла въ нашей молодости, какую темную ночь оставляетъ она въ душѣ, пораженной ею! Я это знала, и хотѣла предостеречь тебя отъ горя испытать это чувство; я знала, что ни одна любовь, начинавшаяся обѣщаніемъ вѣчнаго наслажденія, не прошла безъ волненія, ни одна не умѣла погаснуть во время, ни одна не умерла безъ судорогъ и терзаній. Связи разрываются, но не развязываются. Счастливъ еще тотъ, котораго непредвидѣнный ударъ, разрывающій эту любовь, заставляетъ умереть, не унижая его! Счастливъ онъ, если за сильными и пламенными привязаностями не слѣдуетъ ненависть и презрѣніе! Счастливъ, если можетъ уважать то, что долженъ любить!»

«Простодушное и довѣрчивое дитя! ты мечталъ о любви, которую думалъ найти въ моей груди! Въ этомъ опустѣвшемъ сердцѣ, твое сердце думало расцвѣсть, распуститься въ этомъ иссохнувшемъ источникѣ. Безъ сомнѣнія, я бы очень любила тебя, но не страдалъ ли бы ты во моихъ объятіяхъ? Съ безпокойствомъ глядя на слѣды моего прошедшаго, не спросилъ ли бы ты когда-нибудь у себя, что получила душа твоя отъ меня, въ замѣнъ твоей невѣности? За всѣ твои сокровища, я принесла бы тебѣ одну опытность, безцвѣтную, бесплодную. Ты съ отвращеніемъ оттолкнулъ бы ее; но еслибы даже ты рѣшился принять ее, кто можетъ поручиться что я, слабая женщина, осмѣлилась бы коснуться твоихъ устъ, что моя слѣпая нѣжность не представила бы тебѣ только чашу наслажденій, и завладевъ для себя одной богатствами, которыя Богъ вложилъ въ тебя, я не уснула бы

тебя въ моихъ объятіяхъ, не истомила бы тебя мои ла- сками? Славой, будущію, уваженіемъ, дружбой, для меня ты пожертвовалъ бы цѣлымъ свѣтомъ, безъ усилія, съ радостью; я это знала; ты бы очень любилъ меня; любовь моя замѣнила бы тебѣ все, и ты остался бы со мною въ этой де- ревянѣ, темнымъ, неизвѣстнымъ, забывая, что роль твоя на зем- ли не у ногъ моихъ.

«Но еслибъ я одумалась, если бы когда-нибудь я покраснѣла за свое бесполезное существованіе, если бы, отнявъ у тебя крѣ- пость твоихъ силъ и твоей молодости, я бы захотѣла сдѣлать изъ тебя что-нибудь, и видя тебя обезсиленнымъ вѣгою спис- ходительной любви, мое сердце первое оставило бы тебя?... Кто можетъ знать? Я была стара, но сердце несовершенно. Какъ ужасна была бы твоя судьба тогда, потому, что если въ двад- цать лѣтъ мы любимъ, и любовь измѣнила намъ, мы лишаемся тогда всего.

«Позже вы замѣняете любовь честолюбіемъ, славой, тщесла- віемъ, наукой; любовь тогда только отдѣльный эпизодъ вашей жизни: въ двадцать лѣтъ она замѣняетъ все, она составляетъ цѣлую жизнь. Можно вылечить себя отъ любви, но слѣды ея остаются; сердце молодѣетъ, но не раздвѣтаетъ болѣе.

«Между тѣмъ молодость призываетъ любовь; эта мечта ея беспокойныхъ дней, волненіе ея жаркой безсонницы. Вы ду- маете, къ-несчастью, что любить такъ легко, и доврчиво ищете душу, которая должна отвѣчать вамъ. Какіе вы дѣти! Въ нетерпѣніи, вамъ овладѣвающимъ, вы ускоряете ходъ жизни, вмѣсто того, чтобы замедлять его, доврять скорѣе вашимъ желаніямъ, нежели силамъ, горячности вашей крови болѣе, не- жели энергіи души вашей; вы безумно опережаете ваши лѣта, и почти всегда случается, что вы покоряетесь обстоятельствамъ, которыми управляли бы въ послѣдствіи.

«Я знала все это; довольно долго я изучала свѣтъ, что- бы узнать его подводные камни, и мнѣ стало жаль бросить тебя, слабого, въ это бурное море...

«И между тѣмъ я любила тебя, Альбертъ! Ты мнѣ предста- влялся живымъ, прекраснымъ образомъ моей исчезнувшей ве- сны.

«Зачѣмъ не явился ты мнѣ, когда я была чиста и молода, какъ ты, когда я чувствовала пылъ своей души и очарованіе воображенія, и жаждущая излить что было во мнѣ счастья и любви, я призывала брата, друга? За чѣмъ не пришелъ ты, когда я призывала тебя, Альбертъ?

«Когда судьба съ горькой насмѣшкой столкнула насъ вмѣстѣ, тебя, блистающаго молодостью, меня старую, холодную, гру- стную, слабую, покинутую, безъ родныхъ, менѣ твердую и сильную, испытанную судьбою, я созналась, что въ твои года любовница тебѣ не такъ нужна, какъ мать, и что я могу скорѣе быть твоею матерью, и увлеченная твоимъ восторгомъ, я готова была покориться; я воспользовалась заблужденіемъ тво- ихъ воспоминаній, чтобы спасти насъ обоихъ.

«Я знала изъ твоей жизни все, что ты самъ зналъ; мнѣ было легко убѣдить тебя.

«Я назвала тебя сыномъ моего сердца отъ имени твоей мате- ри, съ которой скоро я буду говорить о тебѣ.

«Ты теперь видишь, какъ бы я любила тебя; ты знаешь, что сдѣлала я изъ тебя: связавъ себя однажды съ тобою цѣпью, которую никто не могъ разорвать, я безъ боязни заботилась о твоей судьбѣ; я не могла дать тебѣ счастья, я искала его для тебя въ другой; я отняла сердце твое у Нанси, и возвратила его ей; я разстроила существованіе этого ребенка, и возобновила его живѣе и прекраснѣе; для тебя я передала ей всю любовь мою къ тебѣ, всѣ прелести, которыхъ во мнѣ не было уже болѣе; ты снова увидѣлъ и полюбилъ... Ты слишкомъ скоро полюбилъ ее, Альбертъ!... Я сдѣлала тебя счастли- вымъ, я приготовила тебѣ спокойную, честную будущность, я искупила жизнь свою твоимъ счастіемъ; ваши достоин- ства искупаютъ мои грѣхи. Я не хочу разказывать тебѣ моей жизни; надо обвинять прошедшее, а я не хочу этого. Я за- тайла въ моемъ сердцѣ, какъ въ могилѣ, потухшую привязан- ность: надо уважать прахъ умершихъ! Какихъ бы страданій они намъ не стоили, мы оскорбляемъ себя, не уважая тѣхъ кого любили. Мое первое заблужденіе отравило остатокъ мо- его существованья.

Авземъ, въ... 183...

«Сегоднешній вечеръ вы провели со мной, дѣти мои; вы были очень счастливы: рука Нанси, лежала въ твоей рукѣ, Альбертъ; ты съ любовью смотрѣлъ на твою прекрасную не- вѣсту, ты былъ въ упоеніи, чувствуя ея дыханіе, твои уста дрожа касались ея локоновъ. Сколько счастья, молодости, стра- сти было въ вашемъ взглядѣ! Какъ вы были оба прекрасны!...

«Жестокій, ты такъ легко повѣрилъ моимъ убѣжденіямъ!...

«Теперь ты понимаешь: отчего я умираю. Я хотѣла отказать- ся отъ тебя, но жертва эта была выше моихъ силъ. Я заста- вила тебя полюбить другую. Это убило меня.»

Анземъ, 30 сентября.

«Боже мой, дай мнѣ еще одинъ день, чтобы не умереть, не допивъ чаши до дна.

1-е Октября, въ 11 часовъ утра.

«Теперь я могу умереть, Боже мой. Благослови дѣтей моихъ, сдѣлай ихъ счастливыми, и прими меня въ Твою обитель.

— Несчастная, вскричалъ я, думая о сестрѣ, твоя гордость погубила тебя! Ты хочешь умереть отъ того, что тебя побѣдили преданностью и любовью! Ты не поняла эту великую жертву; ты не поняла, что принявъ ее, ты могла бы сдѣлаться достойной ея, покориться своему счастью значило бы молиться за Аврелию и дать ей мѣсто на небесахъ! Ты разстроишь ея великій подвигъ... Зачѣмъ не сказала ты раньше! не открыла мнѣ прежде эту тайну!... Я объясню тебѣ это, я спасу тебя, я успокою твою испуганную совѣсть, и жаръ твоего сердца. Ты будешь жить для меня, для Альберта! Еще есть время....

При этихъ словахъ я замѣтилъ второе письмо, лежащее въ первомъ конвертѣ, котораго я еще не распечатывалъ. Я вдрогнулъ, холодный потъ выступилъ у меня на лбу: это письмо было отъ Альберта, и печать на немъ была черная. Я успокоился однако, полагая, что онъ еще носилъ трауръ по г-жѣ Совмerville; я пробѣжалъ первыя строки этого письма, какъ вдругъ стукъ колесъ раздался на террасѣ. Я невольно взглянулъ въ открытое окно: это была почтовая карета; изъ нея Альбертъ вышелъ одинъ....

И такъ! сказалъ Максимъ послѣ долгаго молчанія: ничего нѣтъ прочнаго, совершеннаго въ жизни, все исчезаетъ, все ничтожно!...

— Что же сдѣлалось съ Альбертомъ? спросилъ молодой человекъ, слушавшій этотъ печальный разговоръ.

— Альбертъ не узналъ никогда тайны, которая убила сестру мою!...

Съ фран. НАД. Ж.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЛАФАТЕРЬ И ЕГО УЧЕНІЕ.

(Окончаніе.)

Въ первомъ томѣ Лафатерова сочиненія, между-прочимъ, мы встрѣчаемъ одинъ отдѣлъ, подъ названіемъ: о физиогномическомъ тактѣ. Здѣсь онъ говоритъ о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на насъ каждая наружность, не только человѣка, но и всякой вещи. Впечатлѣнія эти различны и служатъ всегда основаніемъ нашихъ понятій и заключеній о существѣ той самой вещи или лица, которымъ принадлежитъ извѣстная наружность. Это онъ называетъ вообще физиогномическимъ тактомъ и говоритъ, что человѣкъ всегда и во-всемъ руководствуется собственнымъ физиогномическимъ тактомъ, отличнымъ нѣсколько отъ такого же такта у другаго человѣка. Потомъ онъ говоритъ о симпатіи и антипатіи. Здѣсь мы остановимся на время, и разберемъ, въ чемъ состоитъ симпатія и антипатія, и почему Лафатеръ даетъ имъ большое значеніе, говоря: «весьма часто, при разматриваніи человѣка, для опредѣленія его характера, можно руководствоваться первымъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на насъ его наружность.» Нѣкоторые люди или не принимаютъ вовсе этого, или, принимая симпатію и антипатію, не даютъ ей никакого значенія; нѣкоторые же принимаютъ и стараются объяснить ее, прибѣгая къ животному магнетизму. и

т. д. Кажется, что это явление может быть объяснено слѣдующимъ образомъ. Различные предметы одного и того же рода дѣйствуютъ на чувство человѣка пріятно или непріятно, и образуются съ этимъ ощущеніемъ, человѣкъ судитъ объ этихъ предметахъ. Анализируя болѣе и болѣе чувство ощущенія, производимое предметами, всякій человѣкъ составляетъ потомъ извѣстные правила, которыми онъ руководствуется въ этомъ родѣ предметовъ, когда ихъ разсматриваетъ. Такимъ образомъ мы поступаемъ при разсматриваніи цвѣтовъ, произведеній музыки, живописи и всѣхъ другихъ предметовъ, подлежащихъ нашимъ чувствамъ. Обыкновенно, въ этомъ случаѣ, говорятъ, что такой-то человѣкъ со вкусомъ. Вкусъ опредѣляютъ знаніемъ и пониманіемъ гармоніи или согласованіемъ одной вещи съ другою. Это совершенно справедливо. Чѣмъ болѣе человѣкъ упражняется въ разсматриваніи какихъ-нибудь предметовъ и въ анализѣ пріятнаго или непріятнаго чувства, производимаго ими, тѣмъ болѣе онъ составляетъ себѣ опредѣленные правила о достоинствѣ такихъ предметовъ, или иначе говоря, его вкусъ совершенствуется. Вкусъ (какъ собраніе извѣстныхъ правилъ о какихъ-нибудь предметахъ) бываетъ не одинаковъ у разныхъ людей. Это показывается, что причина его, хотя находится въ существѣ самой вещи, но зависитъ также отъ нашихъ способностей, а такъ какъ способности души различны у каждаго человѣка, то и вкусъ у людей не можетъ быть совершенно одинаковымъ. Руководствуясь этимъ сказаннымъ, если мы станемъ разсматривать людей, то-есть ихъ наружности, то они также производятъ на насъ впечатлѣніе пріятное или непріятное, зависящее, такъ сказать, отъ нашего вкуса, направленного на эти предметы. Эти впечатлѣнія, зависящія совершенно отъ нашего вкуса, и называютъ обыкновенно симпатію и антипатію. Отсюда слѣдуетъ, что нѣкоторые люди, съ извѣстными наружностями, слѣдовательно, съ извѣстными характерами, будутъ производить на насъ пріятное или непріятное впечатлѣніе, смотря потому, каковъ нашъ вкусъ относительно этихъ предметовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если мы обратимъ вниманіе на людей, симпатически дѣйствующихъ на насъ, то найдемъ, что они въ своихъ наружностяхъ и характерахъ чрезвычайно сходны между собою; тоже самое замѣтимъ и относительно людей, производящихъ въ насъ антипатію. Это сходство между людьми, симпатически или антипатически дѣйствующими на насъ, показываетъ, что симпатія и антипатія зависятъ отъ извѣстныхъ нашихъ понятій и правилъ относительно наружности,

или иначе говоря, отъ нашего вкуса. Чѣмъ болѣе человѣкъ обращаетъ вниманіе на наружности людей и анализируетъ ихъ, тѣмъ онъ дѣлается чувствительнѣе къ симпатіи и антипатіи; это доказываетъ справедливость нашего объясненія. Такимъ образомъ, хотя симпатія и антипатія являются чувствомъ безотчетнымъ, но это только сначала; при дальнѣйшемъ и частномъ анализѣ оно уже не дѣлается безотчетнымъ, но имѣетъ извѣстную причину, происходящую отъ нашихъ понятій о наружности человѣка и его характерѣ; но какъ въ наружности выражается характеръ, то при разсматриваніи человѣка, изъ симпатіи или антипатіи, производимой его наружностью на насъ, мы можемъ иногда сдѣлать какое-нибудь заключеніе о его характерѣ. Намъ кажется, что такое объясненіе этого явления, безъ содѣйствія животнаго магнетизма, совершенно удовлетворительно, и всякій можетъ въ этомъ удостовѣриться собственнымъ опытомъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что чувство симпатіи и антипатіи есть, такъ сказать, первое начало пониманія людей при взглядѣ на ихъ наружность; по этому совѣту Лафатера, обращать вниманіе на симпатію и антипатію, данной имъ безъ всякаго объясненія и доказательства, имѣетъ свою причину, и несправедливо говорить нѣкоторые, что это совершенно нелѣпо, потому-что симпатія и антипатія есть чувство безсознательное и изъ него ничего нельзя заключить. Ко всему этому, о физіогномическомъ тактѣ Лафатера, мы можемъ еще прибавить, что вкусъ заключается въ этомъ понятіи, какъ частное въ общемъ.

Защитники теоріи животнаго магнетизма, за причину взаимнаго дѣйствія глазъ и голоса одного человѣка на другаго, полагаютъ истечение магнетической жидкости, находящейся въ человѣкѣ; но объясненіе этого явления, также какъ и предъидущаго, не требуетъ никакого содѣйствія животнаго магнетизма, и объясняется хорошо слѣдующимъ образомъ. Душа человѣка обнаруживаетъ свои желанія и дѣйствія въ извѣстныхъ частяхъ наружности, какъ-то въ глазахъ, голосѣ и другихъ тѣлодвиженіяхъ. Такимъ образомъ, извѣстное желаніе или какое-нибудь другое дѣйствіе души, если оно является въ глазахъ или голосѣ, производитъ извѣстное впечатлѣніе на другаго человѣка. Впечатлѣніе это воспринимается нами органомъ, соответствующимъ тому органу въ другомъ человѣкѣ, отъ котораго оно исходитъ, и въ слѣдствіе этого впечатлѣнія, въ насъ самихъ происходитъ какое-нибудь дѣйствіе, сообразное съ желаніемъ другаго человѣка. Теперь намъ будетъ понятно, безъ всякаго магнетизма,

отъ чего, иногда, при взглядѣ другаго человѣка, внезапно брошенномъ на насъ, мы опускаемъ глаза и чувствуемъ себя въ стѣбненномъ положеніи, или во-время нашего дѣйствія мы вдругъ бываемъ оставлены однимъ словомъ, кѣмъ-нибудь произнесеннымъ. Въ такихъ и въ другихъ подобныхъ имъ случаяхъ, мы понимаемъ желаніе души другаго человѣка, и чувствуемъ ея превосходство предъ своею, невольно подчиняемся ей. Сила же души превосходитъ не отъ магнетизма, но отъ обширности и преимуществъ способностей души одного человѣка въ отношеніи къ другому.

Во-второмъ томѣ мы встрѣчаемъ нѣсколько отдѣловъ, гдѣ говорится о силуэтахъ и портретахъ. Здѣсь Лафатеръ разсуждаетъ о важности силуэтовъ и ихъ достоинствъ. Это справедливо въ извѣстной степени. Силуэтъ хотя представляетъ намъ очень вѣрное очертаніе лица, но только въ профилѣ и притомъ безъ глазъ, безъ тѣней, слѣдовательно не видно никакихъ выпуклостей. Вотъ почему силуэтъ все-таки не достаточенъ и далеко не можетъ намъ передать человѣческое лицо такъ хорошо, какъ полный портретъ. Впрочемъ Лафатеръ соглашается въ недостаткѣ ихъ, и представляетъ множество разительныхъ примѣровъ, какъ значительно измѣняется лицо, видимое en face и въ профилѣ. По его мнѣнію, только нѣкоторыя черты характера хорошо выражаются въ профилѣхъ, напримѣръ: гордость, сердитый, тихій нравъ и проч.; другія же вовсе не бываютъ замѣтны. Въ этомъ мѣстѣ Лафатеръ рассматриваетъ голову со всѣхъ сторонъ, и представляетъ нѣсколько такихъ рисунковъ.

По его мнѣнію, голова, кажущаяся совершенно круглою, (когда на нее смотреть прямо сзади), показываетъ, говоря собственными его словами: «человѣка съ обыкновенными способностями, который, не будучи глупъ, не можетъ подняться выше обыкновенныхъ вещей. Голова пропорціональная показываетъ болѣе ума, нежели не пропорціональная. Слишкомъ большая—животную тупость, слишкомъ малая—слабость и ограниченность.»

Здѣсь также говорится о необходимости изученія черепа для физиогномиста. Это замѣчаніе очень основательно, потому что отъ костей черепа зависитъ лицо, и отъ того, съ измѣненіемъ черепа измѣняется и лицо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣбитъ только сравнить лицо и окладъ головы человѣка въ его дѣтскомъ возрастѣ и во-время возмужалости. У дѣтей лица обык-

¹ Lavater. Tom. 2 page, 134.

новенно бываютъ круглыя, но потомъ съ возрастомъ они измѣняются. Скуловая кость (arcus sygomaticus), sinus frontalis и др. въ дѣтскомъ возрастѣ не находятся, а вырастаютъ только въ послѣдствіи. Но если черепъ развивается съ возрастомъ, то онъ не можетъ быть одинаковъ у всѣхъ людей, и за главную причину его видоизмѣненій никакъ нельзя принять какихъ-нибудь случайностей, извѣвъ на него дѣйствующихъ, но скорѣе нужно искать въ насъ самихъ. При всей зависмости лица отъ черепа, нельзя не согласиться съ Лафатеромъ, что по черепу можно сказать о человѣкѣ гораздо меньше, нежели по его наружности. Справедливость этого доказывается тѣмъ, что различіе между черепами весьма мало, до того, что у насъ еще нѣтъ правилъ относительно череповъ всѣхъ племенъ, кромѣ 4 главныхъ поколѣній; между тѣмъ, какъ въ одномъ и томъ же племени, между лицами мы находимъ весьма большое различіе.

До Лафатера не обращали никакого вниманія на разсматриваніе лба (какъ онъ объ этомъ говоритъ) и всѣ предшествовавшіе физиогномисты только снисывали одинъ у другаго весьма слабыя замѣчанія. Лафатеръ же обращаетъ большое вниманіе на эту часть наружности, и съ помощью релювокъ даетъ множество замѣчаній и наблюденій.

Между множествомъ лицъ, которыми наполнено все сочиненіе Лафатера, и которыя, болѣею частію, суть портреты знаменитыхъ людей, жившихъ до него и ему современныхъ, встрѣчается много фигуръ и даже цѣлыхъ группъ, взятыхъ изъ картинъ знаменитыхъ художниковъ. Каждую изъ нихъ, Лафатеръ разсматриваетъ съ точныя зрѣнія своего ученія, т. е. онъ обращаетъ вниманіе на всю наружность, и показываетъ, въ какой степени, по его мнѣнію, художникъ достигалъ вѣрности въ осуществленіи своей идеи. Картины Рафаеля, преимущественно предъ прочими, обладаютъ этими достоинствами. Но за всѣмъ тѣмъ, Лафатеръ показываетъ также большое несовершенство въ некоторыхъ его фигуръ: на прим., въ одномъ мѣстѣ, онъ представляетъ изображеніе ангеловъ, взятыхъ изъ одной его картины, которые вовсе имъ не соответствуютъ по своей наружности, въ коей нѣтъ ничего ангельскаго. Всѣ почти знаменитыя картины Рафаеля находятся въ этомъ сочиненіи. Изъ нѣкоторыхъ взяты только отдѣльныя лица, какъ на пр., одна изъ его Мадоннъ, Іоаннъ Креститель, Иисусъ Христосъ младенцемъ и во-вре-

² Замѣчательно, что въ немъ не находится ни одного портрета тѣхъ людей, которые участвовали во французской революціи.

мля Преображенія, Марія Магдалина и т. д. Однѣ изъ нихъ представлены только контурами, другія отгравированы вполне. Кромѣ Рафаэля, у него находится много лицъ, взятыхъ изъ картинъ Голбейна, Рубенса, Микель-Анджело, Гвидо-Рени, Ле-Брюна, Фусли, Ходовицкаго, Гогарта и др., менѣ замѣчательныхъ художниковъ. Все это находится преимущественно во 2 томѣ, въ статьѣ о портретахъ, и также въ остальныхъ томахъ. Лафатеръ, занимаясь разсматриваніемъ портретовъ знаменитыхъ лицъ, часто не находилъ въ нихъ ничего соответственнаго съ ихъ характеромъ. Въ такомъ случаѣ, онъ всегда старался собрать какъ можно больше такихъ портретовъ одного и того же лица. Находя между ними большое различіе, онъ, руководствуясь этими портретами и описаніемъ характеровъ, старался нарисовать самъ портретъ этого лица, который бы, по его мнѣнію, болѣе согласовался съ его характеромъ. Но всегда въ этомъ случаѣ онъ самъ объ этомъ говорить, и потому нельзя приписывать Лафатеру, что онъ все изображенія знаменитыхъ людей переправлялъ по своему, какъ говорили нѣкоторые его противники. Иногда онъ находилъ, что нѣкоторые историческія лица нарисованы гораздо вѣрнѣе въ картинахъ знаменитыхъ художниковъ, нежели въ самыхъ ихъ портретахъ, которые дошли до насъ. Это весьма справедливо, потому-что художникъ всегда старался, въ такомъ случаѣ, придерживаясь историческому портрету, дать наружности выраженіе, вполне соответствующее характеру того знаменитаго человѣка, котораго онъ хотѣлъ изобразить. Лафатеръ показываетъ нѣсколько такихъ случаевъ. Такъ напримѣръ, портретъ знаменитаго римскаго героя Юлія Цезаря, взятый изъ одной картины художника Рубенса, гораздо лучше и вѣрнѣе выражаетъ характеръ этого человѣка, нежели историческій его портретъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Лафатеръ рисуетъ то и другое, и разсматриваетъ ихъ по своему. Такимъ образомъ у него находится 11 портретовъ Сократа, значительно отличающихся другъ отъ друга, и 33 портрета Вольтера. Во всѣхъ нихъ, по мнѣнію Лафатера, не выражается любви къ человѣчеству (humanité), и на этомъ основаніи онъ самъ рисуетъ портретъ Вольтера, въ которомъ выражался бы весь его характеръ. Нѣкоторые лица представлены у него въ различныхъ возрастахъ, какъ напр. Екатерина II, Фридрихъ Великій, Ньютонъ, и многіе другіе. Говоря о художникахъ, Лафатеръ находить, что каждый изъ нихъ, въ своихъ картинахъ, хорошо выражалъ преимущественно однѣ какія-нибудь страсти или характеры, такъ что картины ихъ имѣютъ свой особенный

характеръ, соответственный характеру самаго художника. По его мнѣнію, у Рафаэля преимущественно выражается чистота. Микель-Анджело превосходно вездѣ рисовалъ характеры энергическіе, гордые, людей презрительныхъ, суровыхъ, упрямыхъ и непобѣдимыхъ. Рубенсъ—гибвъ, силу, пьянство и все вообще пороки. Рембрандтъ—все страсти черны. Такимъ образомъ онъ разсуждаетъ еще и о другихъ художникахъ. Мы не будемъ разбирать, въ какой степени вѣрны эти сужденія Лафатера относительно произведеній живописи, потому-что это дѣло художника. Притомъ же, въ этомъ случаѣ нужно, чтобы читатель имѣлъ предъ собой снимки съ тѣхъ картинъ и лицъ, о которыхъ идетъ дѣло, а это для насъ совершенно невозможно. Скажемъ только, что хотя Лафатеръ не былъ извѣстнымъ художникомъ, но все его приговоры о картинахъ заслуживаютъ большаго вниманія, какъ знатока живописи, съ извѣстной ей стороны, т. е., не въ отношеніи драпировки платья, красокъ и колорита, но въ отношеніи выразительности и вѣрности исполненія самыхъ лицъ. Всѣми замѣчаніями, какъ и вообще сочиненіемъ Лафатера, можетъ руководствоваться всякой художникъ, какъ человѣкъ, которому необходимо знать и понимать выраженіе лицъ, свойственное различнымъ характерамъ и страстямъ.

Мы уже говорили о томъ, что характеръ нашъ и способности выражаются не въ одномъ лицѣ, но вообще во всей наружности. Лафатеръ прекрасно понималъ эту идею, и потому обращалъ вниманіе не только на одно лицо, но и на прочія части человѣческаго тѣла, т. е. на всю наружность. Вотъ почему, въ его сочиненіи мы встрѣчаемъ изслѣдованіе различныхъ положеній тѣла (attitude), находящееся въ 3 томѣ, а также и въ другихъ томахъ. Рисунки эти представляютъ людей во весь ростъ, съ различными осанками и съ описаніемъ характеровъ, свойственныхъ имъ. Эти изображенія, болѣею частью, заимствованы изъ картинъ художника Ходовицкаго. Кромѣ портретовъ, находится еще въ томъ сочиненіи множество патологическихкихъ фигуръ, разбросанныхъ по всему сочиненію. Фигуры эти суть изображенія характеровъ во-время дѣйствія какой-нибудь страсти или сильнаго душевнаго волненія. Такъ напр. испугъ человѣка съ характеромъ твердымъ и съ характеромъ слабымъ; печаль существа добраго и слабого; отчаяніе властолюбца, скупца и т. д. Нѣкоторые изъ нихъ заимство-

* Впрочемъ онъ умѣлъ хорошо рисовать, въ особенности снимать портреты.

ваны изъ картинъ художниковъ, другія составлены изъ самимъ.

Лафатеръ, въ своихъ физиогномическихъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ, при разсматриваніи лица или всей паружности разомъ, ограничивалъ свое изслѣдованіе тѣмъ впечатлѣніемъ цѣлаго, которое производили на него лицо или вся наружность, не стараясь узнать, гдѣ и какъ выражается такая-то черта характера.—Вотъ почему въ описаніяхъ своихъ, (впрочемъ не вездѣ) онъ прямо рассказываетъ характеръ того лица, котораго вы видите изображеніе, но не показывать, почему именно и въ какой части лица выражается такая-то черта характера. Отъ этого весьма трудно слѣдить за нимъ при чтеніи его сочиненія, особенно сначала, и этимъ самымъ онъ значительно уронилъ его въ глазахъ большей части людей. Кромѣ того описаніе многихъ лицъ бываетъ очень-коротко, въ роѣ того, какъ напримѣръ: А чувствительнѣе и воспримчивѣе В; L умнѣе, нежели К и N, и и т. д. Что касается до этого послѣдняго, т. е. короткости описаній, то въ этомъ Лафатера винить нельзя. Если, на самомъ дѣлѣ, въ наружности какого-нибудь человѣка лица болѣе не видно, какъ-то, что онъ умнѣе или чувствительнѣе другихъ, то весьма естественно, что объ немъ болѣе этого ничего нельзя сказать. Это можетъ очень часто происходить отъ того, что въ самомъ характерѣ и способностяхъ человѣка ничего нѣтъ примѣчательнаго или, говоря другими словами, онъ самый обыкновенный и простой человѣкъ. По этому нѣтъ ничего страннаго, если о какомъ-нибудь лицѣ говорится весьма-мало, тѣмъ болѣе, что Лафатеръ самъ же сознавался, какъ мы видѣли выше, въ недостаточности своихъ показаній относительно въ которыхъ лицъ. Если вѣннать въ недостатки Лафатеру его способъ описанія характеровъ, то за всеѣмъ тѣмъ нужно сознаться, что онъ не могъ поступать иначе. Потому-что великій, кто хотя немного наблюдалъ это надъ самимъ собою, согласится въ томъ, что хотя мы понимаемъ выраженіе характера какого-нибудь человѣка въ его паружности, но никакъ не можемъ довести этого до ясности и отчетливости. Такимъ образомъ, мы понимаемъ характеръ лица или какой-нибудь фигуры при разсматриваніи картинъ, но не можемъ дать себѣ яснаго отчета, почему, напр., такая-то страсть, или такая-то черта характера выражается здѣсь такими явленіями? Въ этомъ случаѣ мы руководствуемся только одною наглядностью и нашимъ чувствомъ. Это совершенно подобно тому, какъ въ музыкѣ, слушая какую-нибудь нѣсеу, мы если и понимаемъ то чувство, которое выра-

жается въ ней, но не можемъ отдать себѣ отчета, почему же въ этомъ случаѣ именно въ этихъ-то звукахъ выражается такое чувство. Владеясь глубже въ свои физиогномическія изслѣдованія, Лафатеръ уже впоследствии старался уловить тѣ характеристическіе признаки, которые преимущественно свойственны какому-нибудь характеру, и пообрить справедливость этого на другихъ людяхъ, имѣющихъ такіе же признаки. Но до такихъ истинъ онъ могъ дойти только послѣ долгихъ наблюденій, а потому въ первыхъ двухъ томахъ его сочиненія, мы ихъ не встрѣчаемъ. Въ 3 томѣ находится описаніе различнѣхъ частей тѣла какъ-то, лобъ, глаза, брови, губы и т. д. Въ нихъ находится вѣсколько такихъ истинъ, какъ напр. «Голубые глаза, по преимуществу, означаютъ характеръ жепственный и болѣе слабости, нежели черные, впрочемъ иногда голубые глаза «соединяются съ умомъ и съ энергіею.»

«У людей злыхъ и сердитыхъ глаза бываютъ черные или сѣрые, но голубыхъ не бываетъ никогда. Этотъ послѣдній цвѣтъ принадлежитъ исключительно флегматическому темпераменту.»

«Густыя, но равно лежащая брови соединяются съ глубокою «разсудительностью. Горизонтальныя и близко къ глазу лежащая брови совпадаютъ съ мужественностью и бываютъ преимущественно у мужчинъ, а легко округленныя, далеко отъ «глаза отстоящая и рѣдкія, показываютъ слабость и бываютъ преимущественно у женщинъ. Подбородокъ угловатый и двухъ-«этажный означаетъ чувственность, — маленький — робость и проч.» Все такія значенія выведены Лафатеромъ изъ однихъ только простыхъ наблюденій, и не могутъ быть опровергнуты, или подтверждены теоретически при выпѣшемъ состояніи науки.—Лафатеръ, производя розысканія относительно характеровъ различнѣхъ лицъ, имъ свойственныхъ, обратилъ также свое вниманіе на темпераменты, и представилъ множество рисунковъ лицъ, принадлежащихъ темпераментамъ чистымъ и смѣшаннымъ. Рисунки эти весьма важны, потому что по нимъ гораздо лучше и яснѣе можно опредѣлить и различать темпераменты, нежели по однимъ только описаніямъ.

Въ 4 томѣ, въ которомъ также, какъ и въ предыдущихъ, находится множество портретовъ съ описаніями, мы встрѣчаемъ различныя физиогномическія истины. Нѣкоторыя изъ нихъ мы представляемъ на судъ самаго читателя, надѣясь, что они будутъ не безъинтересны для него. Такъ напримѣръ, Признаки глупости, или, по-крайней-мѣрѣ, отсутствія ума Лафатеръ полагаетъ слѣдующіе. «1) Лбы слишкомъ отклоненныя назадъ или

«очень выпуклые. 2) Носы слишкомъ малые, не выходящіе изъ предѣловъ лица, также плоскіе, дугообразные и наконецъ очень полные. 3) Большой ротъ, всегда открытый, и губы, которыя углы подняты вверхъ, также, если губы очень толсты и выпякая выдается впередъ или виситъ. 4) Подбородки очень вдавинутые, или на оборотъ очень выдающіеся.»

«Непропорціональность между верхнею и нижнею губами есть признакъ глупости или злости. Очень большія губы, хотя и пропорціональныя, признакъ неделикатности, чувственности, иногда и злости. Пониженные углы рта, — признакъ презрѣнія, глупости и безчувственности, особенно если при этомъ, нижняя губа превосходитъ верхнюю величиною.» Изъ первыхъ 4-хъ положеній видно, что, по Лафатеру, отсутствіе умственныхъ способностей ясно соединено съ физическимъ уродствомъ. Для подтвержденія этихъ истинъ, Лафатеръ представляетъ около 80 лицъ, взятыхъ изъ карикатуръ Гогарта, которыя всѣ подчиняются этимъ условіямъ. Лафатеръ до такихъ отдѣльныхъ правилъ дошелъ уже подъ конецъ своей жизни. Ихъ очень немного и всѣ они были собраны и выпущены въ свѣтъ тотчасъ послѣ его смерти, сперва на нѣмецкомъ языкѣ; потомъ они были переведены на французскій языкъ, подъ названіемъ. *Dernier mot de Lavater à ses amis, traduit de l'allemand par C. Schweighaeuser. Paris 1804.* Въ этомъ изданіи Лафатерова сочиненія, истины эти, собранныя вмѣстѣ, находятся въ концѣ 4-го тома, подъ особымъ заглавіемъ. *Règles physiognomiques ou observations sur quelques traits caractéristiques.*

Говоря до-сихъ-поръ о достоинствѣ сочиненія Лафатера и его ученія, мы не можемъ умолчать и о недостаткахъ, встрѣчающихся въ немъ. Такъ напримѣръ, Лафатеръ думалъ, что физиогномика, доведенная до совершенства, вселитъ въ человѣка любовь къ его ближнему. Это видно изъ словъ самаго заглавія книги... *destiné à faire connaître l'homme et à le faire aimer.* Лихтенбергъ сильно нападаетъ за это на Лафатера, и доказываетъ несправедливость этого положенія. Но всякій согласится, что значеніе физиогномики не измѣняется, если бы даже Лафатеръ и не давалъ ей такого назначенія. Физиогномическія знанія, какъ и всякія другія, могутъ получать различныя примѣненія и назначенія, которыя зависятъ отъ характера человѣка, ими облада-

* Это изданіе сочиненія Лафатера производилось въ Гагѣ; первые 2 тома вышли въ 1781 году, 3-й въ 1786 и наконецъ 4-й въ 1803, два года спустя послѣ смерти Лафатера.

ющаго. Лафатеръ, единственно вслѣдствіе своего характера и склонностей, всегда дѣйствовать въ пользу ближняго, далъ своему ученію такое назначеніе, какимъ онъ пользовался самъ. Эта ошибка не заслуживаетъ большаго вниманія и не можетъ даже считаться ошибкою. Гораздо важнѣе то, что Лафатеръ хотѣлъ возвести физиогномику на степень самостоятельной науки. Хотя онъ сознается въ собственной невозможности сдѣлать это самому, * но надѣется что это будетъ сдѣлано впоследствии. Мы уже видѣли выше невозможность этого положенія, потому-что лица людей слишкомъ разнообразны и едва уловимы даже на рисункѣ, а тѣмъ болѣе въ простыхъ описаніяхъ. Лафатеръ часто пытался привести эту мысль въ исполненіе, но при всѣхъ своихъ стараніяхъ онъ ничего не могъ сдѣлать. Казалось, что этотъ человѣкъ былъ совершенно неспособенъ къ теоретическому взгляду на свой предметъ. Онъ не могъ дать никакихъ вѣрныхъ и собственныхъ доказательствъ, не только истинности своего ученія, но даже того, что черты лица имѣютъ выраженіе. Это видно изъ одного мѣста его сочиненія, гдѣ говорится такъ: «Я не стараюсь, что бы-ло бы дерзко, отрицать, что въ чертахъ лицахъ есть выраженіе или доказать эту истину людямъ не вѣрющимъ, но пишу «физиогномику только для людей, признающихъ ее.» ** Вообще во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ старается разсуждать теоретически, выходя изъ круга наблюдательности и опыта, истины его являются совершенно невѣрными. Онѣ суть скорѣе фантазій, нежели мысли, потому-что не имѣютъ никакого основанія. Напр. «Лобъ до бровей, — зеркало ума (intelligence). Носъ и щеки, — зеркало «жизни духовной и чувствъ (morale et sensible); ротъ и подбородокъ, — жизни животной, а глазъ есть центръ и сумма всего этого.» *** Но почему это такъ, и откуда оно выведено, объ этомъ онъ ничего не говоритъ. Лафатеръ предлагаетъ раздѣлить физиогномику: на собственно физиогномическую, — разсматривающую характеръ вообще; анатомическую, — показывающую кости, хрящи, мускулы и т. д.; на физиогномію темпераментовъ; медицинскую, духовную, — склонность къ добру и злу; умственную, и множество другихъ. **** Такое раздѣленіе физиогномики ни къ чему не ведетъ. Оно только показываетъ, что фи-

* Lavater. Tom. 1, page 21.

** Tom. 1, page 20.

*** Tome 1, page 22.

**** Tome 1, page 22.

зигномия занимает много страниц из других естественных наук, как-то анатомии, медицины, психологии, и т. д. Это служит новым доказательством невозможности возвести учение о человеческой наружности на степень самостоятельной науки, потому что оно вполне зависит от других наук. Впрочем, сам Лаватер вовсе не следовал всем этим теоретическим правилам. Лаватер обратил внимание на животных, и старался определить характер каждого из них, рассматривая его наружность. Вся эта часть, в сущности своей не имеет никакой основательности, и показывает, что Лаватер, увлекаясь идеею своего учения, зашел уже слишком далеко. Такъ, например, в одном месте он рассуждает о слове следующим образом. «Наглость его характера», говорит он, преимущественно выражается в качестве и величии его костей; масса его мускулов означает мягкость, а глубокость хобота—его благоразумие и хитрость.»* Очевидно, что такое положение не имеет никакого основания, и потому совершенно неверно. Встречаются еще другие теоретические статьи, какъ напр. о сходстве родителей с детьми, о слабости и силе тела; о детских болезнях; о юности и старости; влияние воображения матери на зародившя ребенка и т. д. Все это не имеет никакого значения, и по этому мы об этом ничего не говорим. Вообще можно сказать, что теоретическая часть сочинения Лаватера, которая значительно меньше практической, не представляет ни в каком отношении ничего любопытного и занимательного. Что же касается до оценки портретов и описаний их, то здесь уже нужно самому читателю рассматривать их въ сочинении Лаватера.

Окончивши, таким образом, разбор сочинения Лаватера и его учения, намъ остается сделать о немъ общее заключение, и показать, какія произвело оно следствия. Но прежде этого, мы должны сказать несколько словъ об учении доктора Галля, современника Лаватера, жившаго отъ 1758 до 1828 года.

Учение его состояло въ следующемъ:

- 1) Расположения и склонности человеческия, равно какъ и животных, суть врожденныя.
- 2) Чтобы привести ихъ въ дѣйствие, имъ присвоены некоторые органы или матеріальныя орудія, посредствомъ которыхъ онѣ приходятъ въ соотношеніе съ окружающимъ ихъ миромъ.

* Lavater. Tome 2, page 107.

3) Органы эти находятся въ мозгу, который не принимается за самую способность, но только матеріальное условіе.

4) Мозгъ въ цѣлости своей не есть существенный, необходимый и единственный органъ животной жизни, но онъ составляетъ то мѣсто, гдѣ находятся все частныя органы, ибо всекое врожденное расположение имеетъ свой особенный органъ.

5) Эти органы врожденныхъ способностей обнаруживаются на поверхности мозга, и по этому —

6) Составляютъ приметныя возвышенности на наружной стороне черепа.

7) По этимъ-то возвышенностямъ черепа можно распознавать присутствіе органовъ, следовательно и способностей, съ некоторыми ограниченіями и условіями.

Исследования Галля надъ человеческимъ мозгомъ павели его на эти мысли. Сначала все эти истины принялъ онъ теоретически, въ видѣ предположеній, и потомъ опытнымъ образомъ старался отыскать мѣсто каждой способности въ мозгу и соответствующаго ей возвышенія на черепѣ. Для этого онъ наблюдалъ характеры людей и некоторыхъ животныхъ, рассматривалъ ихъ черепа, и изъ сравненія и аналогій опредѣлилъ мѣста самыхъ способностей, обозначающихся выпуклостями на черепѣ. Самое же раздѣленіе способностей у него было свое. Такъ-какъ весь мозгъ можно рассматривать, какъ состоящимъ изъ двухъ половинокъ, раздѣченныхъ между собою перпендикулярно, то каждый органъ у него парный, т. е. находится на одномъ полушаріи головы и на другомъ. Для опредѣленія способностей какого-нибудь человѣка, по способу Галля, нужно рассматривать голову этого человѣка, и замѣченныя при этомъ возвышенности на черепѣ покажутъ развитіе тѣхъ способностей, которымъ онѣ соответствуютъ, а следовательно и способностей. Учение свое онъ назвалъ краіоскопіею (черепословіемъ), а исследователи его дали ему названіе френологіи. Преподаваніе свое докторъ Галль началъ въ Вѣнѣ, въ 1792 г. Новость этого учения надѣлала столько шуму, что скоро оно было запрещено, какъ распространяющее матеріализмъ. Тогда Галль отправился въ Пруссію, гдѣ былъ принятъ благосклонно. Этому много способствовалъ тогдашній придворный мелникъ Гувеландъ, раздѣлявшій его ученіе. Галль былъ потомъ въ Дании, некоторыхъ германскихъ городахъ, и прибылъ, наконецъ въ Парижъ, гдѣ также читалъ лекціи о краіоскопіи. Это было въ 1808 году. Парижская Академія, для исследования этого учения, нарядила

комиссію изъ гг. Тенона, Сабатье, Порталя, Пинеля и Кювье. Исслѣдованія эти продолжались во весь годъ, и Галль, а вмѣстѣ съ нимъ и Шпурцгеймъ, дѣлали при нихъ свои разсѣченія мозга. Результатомъ всего этого было то, что комиссія признала многія анатомическія и физиологическія открытія Галля, но не самое ученіе. Изъ повѣйшихъ физиологовъ Мажанди и Legend называютъ это ученіе алхиміею нѣпѣшняго вѣка, а Мюллеръ говорить, что въ сущности своей оно невозможно *. Ученіе Галля продолжали Шпурцгеймъ, Комбъ и въ послѣднее время Бруссе, Дюмутье и др. Такимъ-образомъ, эта система остается еще неволиѣ признаною въ области науки. Рѣшеніе ея со стороны практической, т. е. дѣйствительно ли такое-то мѣсто человѣческаго мозга соответствуетъ известной способности, не только представляетъ большія препятствія, но и встрѣчаетъ много противорѣчащихъ явленій **. Что же касается до теоретической ея стороны, т. е. до раздѣленія и классификаціи самыхъ способностей души, то тутъ представляется еще болѣе трудностей.

Изъ этого краткаго обзора Галлевой системы видно, что ученіе Лафатера сходно съ нею только въ общей идеѣ, т. е. въ томъ, что тотъ и другой разсматривали, какимъ образомъ обнаруживается присутствіе различныхъ способностей, но во всемъ остальномъ они совершенно отличны другъ отъ друга.

Галль не заимствовалъ своей идеи у Лафатера, котораго ученіе появилось гораздо раньше. Основываясь на зависимости умственныхъ способностей отъ мозга, онъ сначала предположилъ все теоретически, и потомъ старался подтвердить и оправдать свои предположенія на опытъ. Ученіе Лафатера есть чисто опытное, наглядное и безъ всякихъ теорій. До главной своей идеи, что въ наружности человѣка выражается его душа, Лафатеръ дошелъ наблюдая людей и принявъ эту идею, онъ не разсматривалъ человѣческихъ характеровъ, психологически, не дѣлалъ ихъ на группы и т. п., но описывалъ ихъ просто, принимая во вниманіе, не только главныя способности, но даже и наклонности.

Ученіе Галля обнимаетъ собою только одну голову (черепъ); ученіе Лафатера.—полнаго человѣка, т. е. всю его наружность. Слѣдовательно, онъ не могъ оставить голову совершенно безъ

* I, Muller, Manuel de Physiologie, T. I, page 725 Paris, 1845.

** Тамъ же, стр. 728.

вниманія и, въ-самомъ-дѣлѣ, мы уже видѣли, что онъ разсматриваетъ голову со всѣхъ сторонъ и по формѣ ея опредѣляетъ нѣкоторыя черты характера. Нѣсколько такихъ опредѣсній сходны съ Галлемъ. Впрочемъ, примѣровъ этихъ слишкомъ мало, и отъ того мы не можемъ дать имъ большой важности. Главная наша цѣль—показать, что Лафатеръ принималъ во вниманіе голову, но только вообще, и не сосредоточилъ своего вниманія на ней одной, какъ сдѣлалъ это Галль, оставившій безъ вниманія все остальное. Наконецъ слова Лафатера: «Болѣе или менѣе мозгу означаетъ больше или меньше способностей души», ясно доказываютъ, что онъ понималъ зависимость нашихъ способностей отъ мозга. Въ сочиненіи Лафатера ничего не сказано относительно Галля. Самъ же Галль не совсемъ вѣрилъ въ ученіе Лафатера, и отзывался о немъ такъ: «Мышцы лица, подобно «мышцамъ всѣхъ другихъ частей тѣла, суть исполнители только нашей воли, коей источникомъ есть мозгъ. И такъ, въ обыкновенномъ состояніи, они только принимаютъ и сохраняютъ впечатлѣнія отъ упражненія, которому подвергаютъ ихъ «воля или мозгъ, слѣдовательно, физиогномика можетъ извѣстнѣе только привычки» **. Приговоръ этотъ не совсемъ справедливъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если мускулы лица и тѣла представляютъ впечатлѣнія нашей воли, то слѣдовательно, по этимъ впечатлѣніямъ мы и судимъ о способностяхъ нашей души, въ той степени, какъ она въ нихъ обнаруживается; отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы физиогномика извѣщала только одинъ привычки, а не характеръ человѣка.

Всѣ современники, знавшіе Лафатера, раздѣлялись на двѣ партіи: одни изъ нихъ, это были болѣею частью ученые и образованные люди, не считали его ученія справедливымъ; другіе — неученые, увлекаясь его искусствомъ, не знали хорошо предѣловъ, ограничивавшихъ прозорливость этого человѣка при угадываніи людскихъ характеровъ. Эти послѣдніе, т. е. приверженцы Лафатера, также не понимали его. Такой неправильный взглядъ на это ученіе тѣхъ и другихъ современниковъ могутъ лучше всего доказать намъ тогдашніе анекдоты объ этомъ человѣкѣ. Всѣхъ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы. Въ одной

* Lavater, Tome 3, page 54.

** Это мнѣніе не находится въ сочиненіяхъ Галля, но въ Изложеніи Системы Галля. Доктора Пузино. Спб. 1817. Авторъ этой брошюры учился краіеоскопіи у самого Галля въ Парижѣ, и слышалъ это мнѣніе, вѣроятно, отъ него самого.

изъ нихъ паходятся тѣ, которые приписываютъ Лафатеру безпрестанныя ошибки и промахи, показывающіе несправедливость его ученія. Очевидно, что эти анекдоты были созданы его противниками. Другіе же принадлежатъ той партіи людей, которая вѣрила въ него, или его послѣдователямъ. Одинъ изъ такихъ анекдотовъ мы приведемъ здѣсь, для того, чтобы яснѣе показать читателю, какъ самые приверженцы и послѣдователи Лафатера ошибочно смотрѣли на его искусство. Анекдотъ этотъ разсказывается такъ.

Извѣстному композитору Глюку случилось однажды быть въ Цюрихѣ, гдѣ жилъ Лафатеръ. Знаменитый музыкантъ слышалъ мелькомъ о его физиогномическихъ трудахъ, и хотя не совсѣмъ вѣрилъ въ справедливость его ученія и наблюденій, однакожъ, при своемъ пылкомъ умѣ и воображеніи, влюбленномъ во все чудесное, желалъ видѣться съ этимъ человѣкомъ, и потому отправился къ нему.

Знаменитый физиогномистъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, и былъ занятъ своей обширной перепиской, которой посвящала большую часть утра. Лафатеръ, по видимому, не замѣтилъ прихода артиста, и занятый своимъ дѣломъ продолжалъ писать, даже не взглянувъ на новаго посетителя. Такъ прошло полчаса, и Глюкъ уже началъ приходить въ замѣшательство отъ столь долгаго ожиданія. Наконецъ Лафатеръ, устремивъ на него свои голубые глаза, исполненные ума и доброты, спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Извините, отвѣчалъ артистъ съ улыбкою: извините, если я не отвѣчу на вашъ вопросъ и предоставлю вамъ самимъ рѣшить его. Для васъ, конечно, не составитъ большаго труда сказать мнѣ самому, кто и что я?

Великій физиогномистъ, нѣсколько не смутившись такимъ вопросомъ маэстро, сталъ внимательно разсматривать его наружность, и чрезъ нѣсколько минутъ окончивъ свой осмотръ восклицаніемъ:

— Нѣтъ, я не ошибаюсь: вы музыкантъ.....

— Правда, отвѣчалъ артистъ: но это еще не очень опредѣленно. Не можете ли вы сказать, что именно составляетъ предметъ моихъ музыкальныхъ занятій?

При новомъ вопросѣ, Лафатеръ замолчалъ, задумался, и чрезъ нѣсколько минутъ сказалъ:

— Вы композиторъ.... драматическій композиторъ!... Ваши отличительные признаки: сила... энергія... смѣлость, возвышенность чувствъ, величіе идей.... Потому Лафатеръ началъ рыть-

ся въ своей библіотекѣ, вынулъ оттуда великолѣпно переплетенное сочиненіе, и показывая его артисту, сказалъ: Бьюсь объ закладъ, вы авторъ этой партіи.

Глюкъ увидѣлъ свою оперу: Паденіе Гигантовъ, имѣвшую колоссальный успѣхъ въ цѣлой Германіи, и изумился такой необычайной прозорливости этого человѣка.

— Я еще не все высказалъ, продолжалъ Лафатеръ, котораго лицо сіяло, при возрастающей торжественности голоса. — Вы призваны къ великому дѣлу... Вы оставите послѣ себя прекрасный путь, безсмертныя воспоминанія... Вы будете основателемъ знаменитой школы... Вы заключаете въ душѣ своей необыкновенную силу творчества и тотъ пылъ къ борьбѣ и битвѣ, который образуетъ славныхъ предводителей и упорчиваетъ побѣду!..

Глюкъ послѣ въ-самомъ-дѣлѣ былъ основателемъ школы, которая образовалась послѣ выхода въ свѣтъ его Ифигенія въ Тавридѣ. Она была дана въ Парижѣ, спустя три года послѣ этого происшествія. Такимъ-образомъ Лафатеръ предсказалъ Глюку будущій его успѣхъ.

Отъ неправоулаго взгляда на ученіе Лафатера, даже самихъ его послѣдователей, произошло то, что они смѣшали его ученіе съ хиромантіей и некромантіей*. Многіе изъ нихъ стали записывать физиогномикой, и писали свои сочиненія по этому предмету. Сочиненія эти, являвшіеся почти на всѣхъ языкахъ, превосходно показываютъ, какъ ошибочно смотрѣли они на Лафатера. Нѣкоторые изъ нихъ находятъ даже на русскомъ языкѣ, на которомъ нѣтъ самаго сочиненія Лафатера. Достаточно прочитать одно заглавіе такой книги, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго нами. Вотъ оно: *Новѣйшій, полный и любопытный способъ, какъ узнавать каждою челоуька свойства, нравы и участь, или опытный физиогномизъ и херомантисъ славаго Лафатера, прославившагося въ сей наукѣ, открывающій таинственныя секреты природы, съ изъясненіемъ счастья и несчастья челоуька, и въ какомъ родѣ жизни оно случится можетъ, по членамъ челоуьческаго тѣла, чертамъ лица и рукъ и по прочимъ признакамъ, съ описаніемъ вліянія планетъ на свойства челоуьческія и съ приложеніемъ таблицы, съ показаніемъ, счастливъ ли тотъ день и часъ, въ который кто родился.* Спб.

* Хиромантія есть искусство угадывать судьбу челоуька, разсматривая ладони на ладони его руки.

1808. Или *Правила Физиогноміи и Хиромантіи. Изъ сочиненія Альберта и Лафатера.* Спб. 1817.

Такимъ-образомъ, въ слѣдствіе Лафатерова ученія, эти ложныя науки, хиромантія и др., вновь какъ бы возродились. Конечно это было только въ обществѣ людей необразованныхъ и склонныхъ къ суевѣріямъ и предрасудкамъ. Въ тогдашнемъ образованномъ и ученоемъ обществахъ, гдѣ были распространены идеи французскихъ энциклопедистовъ, ничего подобнаго не было. Такое возобновленіе этихъ ложныхъ наукъ было еще при жизни Лафатера, который въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія говоритъ: «что современники его не поняли и смѣшали его ученіе съ хиромантіею, некромантіею и метаскопціею». Наконецъ, это видно въ словахъ его современника Бюффона, которые мы показали въ началѣ нашей статьи.

Изъ ученыхъ, которые занимались этимъ предметомъ болѣе или менѣе правильнымъ образомъ, былъ французскій докторъ Моро. Онъ издалъ сочиненіе Лафатера подлѣ слѣдующимъ заглавіемъ: *L'art de connaître les hommes par la physionomie, précédée d'une notice historique sur l'auteur, augmentée d'une exposition des recherches ou des opinions de La-Chambre, de Lambert et des autres sur la physionomie, par M. Moreau, docteur en médecine.* Paris. 1806—09. Въ этомъ изданіи, при гравировкѣ картинъ, участвовали нѣсколько знаменитыхъ художниковъ. Кромѣ того, докторъ Самважъ прибавилъ сюда много своихъ медицинскихъ наблюденій надъ больными лицами. Изданіе это есть одно изъ лучшихъ, но не представляя собою большой важности въ ученоемъ отношеніи, и по дороговизнѣ своей, сдѣлалось рѣдкимъ достояніемъ весьма немногихъ частныхъ библиотекъ. Однакожъ Моро внесъ сюда многія вещи совершенно лишнія, которыя показываютъ, что онъ не разобралъ критически Лафатерова сочиненія.

Самое важное слѣдствіе, происшедшее отъ Лафатерова ученія, было то, что натуралисты обратили вниманіе на національныя лица, а вслѣдъ за ними сдѣлали тоже и живописцы въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ. Лафатеръ, хотя говоритъ въ своемъ сочиненіи о важности этого предмета, и представляетъ одну картину, гдѣ изображены люди различныхъ націй, но эта картина заимствована у художника Ходовицкаго, самъ же онъ не сдѣлалъ по этому предмету никакихъ розысканій. Современный ему натуралистъ Бюффонъ былъ первый изъ ученыхъ, который, хотя не признавалъ ученія Лафатера, но обратилъ вниманіе на народныя лица. Въ своей естественной исторіи, при

описаніи разныхъ поколѣній человѣческаго рода, кромѣ ихъ череповъ, онъ представлялъ также лица, свойственныя имъ, и распредѣлялъ людей по ихъ тѣлесной красотѣ. По его мнѣнію самый безобразный есть Калмыкъ, а самые красивые люди суть вообще Европейцы и между ними, преимущественно, жители Арменіи, Кавказа, Турціи и Персіи. Почти въ тоже самое время, Камперъ преимущественно занимался изслѣдованіемъ череповъ и лицъ, и написалъ, по этому предмету, большое сочиненіе подлѣ заглавіемъ: *Dissertation physique de M-r Pierre Camper sur les differences réelles que présentent les traits du visage chez les hommes des différents pays et de différents âges etc.* Онъ согласенъ съ Бюффономъ относительно распредѣленія людей по красотѣ *. Слѣдствіемъ-поръ, во всѣхъ сочиненіяхъ натуралистовъ мы встрѣчаемъ всегда, кромѣ череповъ, и рисунки національныхъ лицъ.

Первый изъ художниковъ, который обратилъ на это особенное вниманіе, былъ современникъ Лафатера, Ходовицкій. Камперъ показываетъ, что Гвидо-Рени и Рубенсъ не наблюдали этого, какъ видно изъ ихъ картинъ, гдѣ изображены восточные маги; но что Рафаэль, Пуссенъ и Тиціанъ слѣдовали этому, но весьма рѣдко и не во всѣхъ своихъ картинахъ.

Говори вообще о ученіи Лафатера и разсматривая строго, собственно говоря, его нельзя назвать ученіемъ, потому-что главная истина проста и извѣстна была до него. До Лафатера были же художники, скульпторы, романисты, и всѣ они, въ своихъ произведеніяхъ, описывали людей съ ихъ характерами, склонностями и страстями, слѣдовательно, они понимали, какимъ образомъ различныя характеры и страсти выражаются въ наружности человѣка, потому-что въ искусствѣ все основано на этомъ. Лафатеръ, съ своими произведеніями, отличается отъ нихъ только тѣмъ, что обратилъ все свое вниманіе на этотъ предметъ. Онъ старался раскрыть его, разъяснить и сдѣлать это не только яснымъ, но, увлекшись далѣе, хотѣлъ создать науку, что до-сихъ-поръ никакъ не возможно. Лафатеръ, въ своемъ сочиненіи, также, какъ и великій художникъ, рисовалъ разные лица, свойственныя извѣстнымъ характерамъ, и описывалъ ихъ. Описанія эти также просты, какъ подобныя имъ, встрѣчаемыя нами у разныхъ писателей. Эти-то портреты и описанія ихъ составляютъ всю сущность его труда. Все-равно,

* Натуралистъ Впрей, въ своей *Histoire naturelle du genre humain*, за красивѣйшихъ считаетъ Лезгиновъ.

дадимъ ли мы ему названіе физиогномики (только не въ смыслѣ науки) или Лафатерова ученія, главное дѣло не въ названіи, но въ сущности, по которой оно всегда останется истиннымъ. Самое же сочиненіе Лафатера есть трудъ единственный въ своемъ родѣ, потому-что никто, ни послѣ, ни прежде его, не предпринималъ ничего подобнаго, и слава Лафатера, какъ великаго физиогномиста, останется навсегда въ потомствѣ.

А. В-СКІЙ.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

ЗНАМЕНИТѢЙШИХЪ МЕХАНИКОВЪ И СТРОИТЕЛЕЙ.

—
IV.

ИОСИФЪ БРАМА,

изобрѣтатель гидравлическаго прессы.

Оригинальность и существенная важность изобрѣтеній Иосифа Брами, безспорно, ставятъ его имя на ряду съ именами первостепенныхъ механиковъ. Все имъ произведенное, не только вошло во всеобщее употребленіе, но только распространило предѣлы искусствъ, но вышло изъ его рукъ въ такомъ совершенствѣ, къ которому послѣдніа шестдесятъ лѣтъ опытности и успѣховъ механики, не могли ничего прибавить.

Иосифъ Брама, сынъ небогатаго фермера, родился въ 1749 году, въ мѣстечкѣ Стенсборо, въ графствѣ Йоркъ, въ Англій. По шестнадцатому году отдалъ его въ ученіе къ столяру, и довольно долгое время ничто въ немъ не обѣщало той знаменитости, которой онъ достигнулъ впоследствии.

Въ 1784 году появилось первое его изобрѣтеніе, теперь во всемъ свѣтѣ извѣстный замокъ, одно изъ совершеннѣйшихъ въ этомъ родѣ механизмовъ, которому и по-сіе-время въ благонадежности и изящной простотѣ устройства нѣтъ ничего подобнаго. Основная мысль его есть особенное расположеніе нѣсколькихъ рычаговъ или закладокъ, которыя ладнобно прежде всѣ разомъ приподнять, чтобы освободить засовку, замокъ запирающую. Рычаги эти поднимаются не на одинакую высоту, а каждый имѣетъ свой собственный подъемъ, и чтобы замокъ отворился, необходимо чтобы въ одно и тоже время рычаги поднялись каждый на свою высоту, а это возможно только помощью ключа, у коего сдѣланы соответствующія каждому рычагу

нарѣзки. Такимъ образомъ, пока хозяинъ замка рачительно держитъ ключъ при себѣ, никогда не вѣряя его чужимъ рукамъ, то онъ можетъ быть увѣренъ, что никакими поддѣльными инструментами замокъ его отпереть невозможно, а обыкновенное плутовское снятіе отпечатка замочнаго отверстия воскомъ не послужитъ ни къ чему, если только злоумышленникъ не можетъ добыть отпечатка ключа.

Необычайное достоинство и польза этого замка, обратившія на себя вниманіе даже англійскаго правительства, были причиною, что завистники, въ разные времена, распускали слухи, будто бы нашлись такіе искусники, которые отпирали его простымъ гусинымъ перомъ. Поводомъ къ этой нелѣпости было то, что самъ Брама, чтобы показать какаго малаго усилія требуютъ отпираніе его замка, и слѣдовательно какъ ничтожно треніе его частей, самъ дѣлалъ на перьяхъ точно-такія нарѣзки, которыми настоящій ключъ приподнимаетъ рычаги, и перо, не ломаясь, отпирало замокъ.

Чтобы показать прочность своего замка, Брама соединялъ вложенный ключъ съ быстро оборачивающимся валомъ машины, такъ что при каждомъ его оборотѣ, замокъ запирается и отворялся. Послѣ четырехъ сотъ тысячъ оборотовъ, замокъ оказался въ такомъ же состояніи, какъ новый.

Брама болѣе всего прославился своимъ гидравлическимъ прессомъ. Это орудіе, теперь всемірное, есть истинное торжество человѣческаго ума надъ матерією. Имъ слабая рука ребенка легко разрываетъ толстые брусья крѣчайшаго желѣза, и огромныя дубовыя бревна ломаются въ прахъ.

Гидравлическій или водяной прессъ есть единственное въ мірѣ орудіе, котораго дѣйствіе ничѣмъ другимъ замѣнить невозможно. Хотя по теоріи и нѣтъ предѣла, далѣе котораго не можно увеличить напоръ какой-нибудь механической силы, помощію соединеннаго дѣйствія надлежащимъ образомъ расположенныхъ рычаговъ, колесъ, винтовъ и тому подобныхъ органовъ, но на практикѣ очень тѣсный тому предѣлъ составляютъ треніе и ограниченная крѣпость матеріаловъ, изъ коихъ механическіе органы должны быть сдѣланы.

Одна изъ величайшихъ глушостей, переданныхъ намъ древними писателями, и по-сіе-время усердно перепечатаваемыхъ изъ одной книги въ другую, это есть нелѣпость, будто бы сказанная славнѣйшимъ механическимъ гениемъ древности, Архимедомъ: «Дайте мнѣ точку упора, и я сдвину съ мѣста всю землю». Чтобы оцѣнить пустоту этой безмыслицы, надобно толь-

ко спросить, изъ какихъ бы матеріаловъ сдѣлалъ Архимедъ орудіе, которыми изъ своей точки упора, онъ сдѣлалъ бы съ землею такую штуку? допуская, впрочемъ, что онъ бы прожилъ въ добромъ здоровьѣ нѣсколько милліоновъ лѣтъ, которыя, по самому строгому математическому разсчету, необходимы, чтобы подвинуть такую массу на толщину тончайшей паутинны.

Нашъ знаменитый современникъ, Иосифъ Брама, не собирався двигать земнаго шара, оставилъ его въ покоѣ, но далъ людямъ довольно несложный инструментъ, которымъ одинъ человекъ можетъ произвести напоръ, равный напору груза въ пятьдесятъ тысячъ пудовъ и даже болѣе, и это безмѣрно превышаетъ все, что когда-нибудь было возможно практически сдѣлать, какимъ бы то ни было инымъ образомъ.

Особенно замѣчана достойно, что физическое начало, на коемъ основано устройство водянаго пресса, было совершенно извѣстно еще за полтора столѣтія до Браммы, и что отличнѣйшіе ученые, и въ томъ числѣ даже самъ гениальный Паскаль, обращали на него вниманіе. Въ тысячу шестисотыхъ годахъ ни въ чемъ не было недостатка, чтобы извлечь изъ этого начала ту практическую пользу, которую извлекъ изъ него Брама; не было только его вдохновенія.

Этотъ физическій законъ, излагаемый при всякомъ школьномъ курсѣ, состоитъ просто въ томъ, что два водяные столба производятъ на свои основанія совершенно одно и тоже давленіе, если только эти основанія и высоты жидкихъ столбовъ одинаковы, хотя бы воды въ одномъ столбѣ вмѣщалось много пудовъ, а въ другомъ только нѣсколько золотниковъ. Рисунки этого пресса, и очень понятное всякому объясненіе его дѣйствія, читатели найдутъ въ каждой учебной физикѣ.

Трудно исчислить услуги, ежедневно оказываемыя этимъ могучимъ орудіемъ, почти всѣмъ отраслямъ промышленности. Нѣкоторыя даже возникли и существуютъ его помощію. Такова, напримѣръ, фабрикація искусственныхъ камней и мраморовъ, для коихъ составляющіе ихъ матеріалы получаютъ плотность и силу сдѣленія отъ тяжкаго его гнета. Самая платина, одинъ изъ богатѣйшихъ даровъ природы, безъ содѣйствія пресса доселѣ оставалась бы для людей бесполезною, какъ остаются теперь иридій и нѣкоторые другіе металлы.

Для Россіи, водяной прессъ могъ бы быть наиполезнѣйшимъ орудіемъ, если бы во внутреннихъ нашихъ губерніяхъ былъ болѣе извѣстенъ. Перевозка сѣна на дальній разстояніи, по громозкости его сопряжена съ большими затрудненіями, равно какъ и сохраненіе его въ большихъ количествахъ отъ дождей требуетъ строеній, которыхъ въ необозримыхъ нашихъ степяхъ нѣтъ.

Посредствомъ водянаго пресса сѣно сжимается до того, отъ

обращается почти въ камень, и точно также удобно можетъ быть отвозимо куда надобно, сухимъ путемъ или водою. У Англичанъ это въ большомъ употребленіи, и во-время испанской войны съ Наполеономъ, сѣно привозимо было въ армію, въ сжатомъ, какъ камень, видѣ.

Третье изобрѣтеніе Брами въ большомъ употребленіи въ Англіи, гдѣ пиво составляетъ народный напитокъ, и гдѣ оно имѣетъ особенную цѣнность. Во всѣхъ заведеніяхъ, въ коихъ пиво продается въ разницу, прежде необходимо было, или безпрестанно ходить въ погребъ и отворять бочки, или держать ихъ множество въ комнатахъ, гдѣ производится продажа, что сопряжено съ многими неудобствами. Брама устроилъ механизмъ, посредствомъ котораго бочки остаются въ прохладномъ погребѣ и при томъ недоступныя вліянію воздуха, а продавецъ легкимъ движеніемъ рычага, помѣщенного у него подъ рукою, натягиваетъ чрезъ трубы напитокъ изъ любой бочки и въ какомъ хочетъ количествѣ. Это дѣлаетъ его остроумная пивоточная машина (Beer-Machine).

Потомъ явилась на свѣтъ его прекрасная и для искусствъ весьма важная строгальная машина для дерева. Сначала въ Вулвичскомъ, а теперь почти во всѣхъ европейскихъ арсеналахъ она приносить величайшія выгоды, какъ сбереженіемъ множества рабочихъ рукъ и издержекъ на инструменты, такъ и совершенствомъ исправляемой ею работы. Въ Петербургѣ, кромѣ Арсенала, ихъ нѣсколько въ разныхъ частныхъ заведеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта же машина облегчила введеніе новѣйшей строгальной машины для металловъ (metal planing machine), могущественнаго орудія, ничѣмъ не замѣнимаго, которому механическія искусства болѣе всего обязаны нынѣшнимъ, по истинѣ удивительнымъ своимъ совершенствомъ. Теперь и въ Россіи ни одна хорошая мастерская безъ него обойтись не можетъ.

Изъ второстепенныхъ изобрѣтеній Брами, которыхъ очень много, можно упомянуть о нумеровальной машинѣ (numbering machine), которую печатаніе нумеровъ на банковыхъ билетахъ и дѣловыхъ документахъ значительно ускоряется, и вмѣстѣ съ тѣмъ ошибки становятся невозможными.

Не менѣе заслуживаетъ вниманія придуманный имъ подручникъ для токарныхъ станковъ, посредствомъ котораго всякія разнѣровы шарообразныя поверхности, выпуклыя и круглыя, обтачиваются съ большою вѣрностію механически, вовсе безъ участія рукъ мастера.

Все это вошло во всеобщее употребленіе и по-сѣ-время содѣйствуетъ успѣхамъ искусствъ. Но и одного водянаго прессы, конечно, было бы достаточно, чтобы упрочить славу его изобрѣтателя. Брама умеръ въ 1814 году.

6-го мая, 1850 г.

ВАСИЛІЙ КАРЕЛИНЪ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное».

Изъ древнѣйшей славянской рукописи: Сборникъ 1074 года.

56 *Русскіе на Восточномъ Океанѣ* А. Маркова. Москва, въ университетской типографіи.

Прочитавъ заглавіе, каждый подумаетъ, что въ книгѣ этой описаны или русскія владѣнія на Восточномъ-Океанѣ, или наши побѣды и завоеванія на этомъ морѣ; но оказывается, что книга эта содержитъ въ себѣ описаніе путешествія г. Маркова изъ Иркутска, рѣкою Леною, въ Якутскъ, оттуда верхами въ Охотскъ, потомъ моремъ въ Камчатку, отсюда къ американскимъ берегамъ, на островъ Ситху, потомъ въ Калифорнію и потомъ обратно, въ Ситху.

Кто не знаетъ, что на Океанѣ Восточномъ принадлежатъ намъ острова Алеутскіе, большая часть Курильскихъ и часть сѣверозападнаго берега Америки. Стариковъ нашихъ не оставалось свирѣе море: безъ компаса, безъ морскихъ картъ, они пукались въ океанъ; счастье благоприятствовало смѣлости, и они познакомились съ Новымъ-свѣтомъ.

Въ первыхъ годахъ прошедшаго столѣтія пріобрѣтена Камчатка. Кромѣ соболей и лисницъ огнѣвокъ, Русскіе павли тамъ драгоцѣнныхъ бобровъ морскихъ, и новая приманка возбудила въ нихъ промышленный духъ.

Но Камчатка была предѣломъ земли; далѣе волновался океанъ. Казалось, что геройскіе подвиги нашихъ предковъ уже кончались. На югѣ, въ Дауріи, невыгодный миръ съ Китайцами остановилъ смѣлые шаги Русскихъ; на сѣверо-востокѣ остались одни неприступные Чукчи; не съ кѣмъ было уже воевать: все покорилося могуществу русскаго оружія.

Русскіе, съ оконечности полуострова Камчатки видѣли гряду острововъ, которая тянулась къ югу и невѣдомо гдѣ оканчивалась. Буря прибила къ берегамъ Камчатки японское судно, и Русскіе узнали о существованіи богатаго и сильнаго государства. Горсть смѣльчаковъ рѣшилась провѣдать Нифонское царство, но успѣхъ не отвѣчалъ смѣлости. Камчатка нуждалась въ военныхъ подкрѣпленіяхъ; ей было не до Японіи: Камчадалы безпрестанно возставали, и жгли новопостроенныя укрѣпленія при каждой возможности.

Къ сѣверовостоку отъ Камчатки тянется, по Восточному-Океану, до самой Америки, опять гряда острововъ; ее не видно съ камчатскихъ горъ. Берингова экспедиція возвращаясь съ поисковъ о разрѣшеніи вопроса, соединяется ли Азія съ Америкою, нашла одинъ изъ этихъ острововъ, и сообщила о томъ свѣдѣніе въ Камчатку.

Матросы разсказывали служивымъ и промышленникамъ, что около вновь открытаго острова вырвется въ морѣ великое множество бобровъ и котиковъ морскихъ, и что они такъ смирны, что подпускаютъ къ себѣ человѣка на близкое разстояніе.

Составилась промышленная компанія: купцы Чупровъ, Трапезниковъ и Чабаевскій снарядили судно. Матросъ Неводчиковъ, служившій въ Беринговой экспедиціи, сдѣлалъ командиромъ. Въ сентябрѣ 1745 года, судно вышло изъ устья рѣки Камчатки въ море, и держась на востокъ, усмотрѣло ближніе острова Атту и Агатту; на нихъ были жители. Почти въ тоже время найдены и другіе мелкіе и низменные острова. Судно нагружилось бобрами, котиками, и благополучно возвратилось въ Камчатку. Съ каждымъ годомъ Русскіе подавались къ востоку, и открывали новые острова.

Мореходъ Андрейчъ Толстой отправился изъ Камчатки въ 1760 году, зимовалъ на Беринговомъ островѣ, а на слѣдующій годъ пошелъ островъ Адахъ и всю группу, лежащую около него. Острова эти названы Андрейновскими. Бобры и котики водились здѣсь въ такомъ изобиліи, что, въ 1760 году, одно купеческое судно вывезло съ Алеутскихъ острововъ 4320 бобровъ.

Каждому работнику достались по 108 шкуръ, по тогдашней цѣнѣ 20 руб. за штуку.

Послѣ того открыта группа острововъ Крысьихъ. Въ 1759 году, промышленникъ Глотовъ присталъ къ острову Умнаку, а вслѣдъ за тѣмъ, найдена остальная группа острововъ, до американскаго полуострова Аляски. Острова эти названы Соединенными.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія промышленники соединились въ артели и отправлялись на острова, которые получили уже названіе Алеутскихъ. Укрѣпившись на островѣ Уналашкѣ, промышленники замѣтили, что морскіе котики каждой годъ, постоянно, проходили весною отъ юга на сѣверъ, а осенью возвращались опять на югъ. Мореходъ Прибылой отправился на суднѣ въ море къ сѣверу, и вскорѣ нашелъ островъ св. Георгія. На немъ водились бобры, котики, моржи и сивучи. На слѣдующій годъ партія, оставленная на островѣ, усмотрѣла съ высотъ вдаль на сѣверѣ земли. Промышленники пустились туда въ байдарахъ и открыли островъ, получившій названіе св. Павла. Здѣсь водилось такое множество морскихъ котиковъ, что въ первое лѣто убито ихъ 30,000 штукъ.

Наконецъ явился на поприщѣ бобровой промышленности знаменитый Шелеховъ, и воскресалъ въ себѣ духъ героевъ сибирскихъ—Хабарцова, Степанова и другихъ. Этотъ характерный человѣкъ родился въ Курской губерніи. Тамъ духъ его не находилъ удовлетворенія. Земляки, возвращаясь изъ Сибири съ богатствами, подстрекали предпримчивость молодого человѣка; Шелеховъ рѣшился идти по слѣдамъ ихъ. Въ Иркутскѣ онъ присталъ къ звѣроловной артели Голикова, и отправился въ Камчатку. Вызнавъ все обстоятельство, онъ составилъ планъ компаніи съ братьями Голиковыми и Ласточкинымъ-Лебедевымъ; набрали матросовъ или артельщиковъ и пустились изъ Охотска въ море; въ 1784 году. Шелеховъ избранъ былъ единодушно начальникомъ компаніи. Счастье ему благопріятствовало. На большомъ островѣ Кадьякѣ, лежащемъ къ югу отъ полуострова Аляски, и принадлежащемъ къ группѣ острововъ Алеутскихъ, онъ построилъ бревенчатую крѣпость и учредилъ здѣсь главную факторію. Компанія Шелехова увеличивалась акціонерами; бобры и котики уходили въ Китай по дорогимъ цѣнамъ; Иркутскій купецъ Мыльниковъ составилъ новую компанію звѣриныхъ промысловъ на Восточномъ-Океанѣ; въ послѣдствіи времени она соединилась съ Шелеховскою, и въ 1798 году, приняла названіе Россійско-Американской. Составили правила для дѣйствій компаніи. Въ 1799 году компанія была

принята под Высочайшее покровительство, и ей дарована двадцатилетняя привилегія. Главное пранленіе учреждено было сперва въ Иркутскѣ, а потомъ переведено въ Петербургъ. Шелеховъ умеръ въ Иркутскѣ въ 1795 году, и надъ прахомъ его возвышается мраморный мавзолей, украшенный стихами безсмертнаго Державина. Такимъ-образомъ приобрѣтена цѣлая гряда острововъ на Восточномъ-Океанѣ, земля безлѣсная, безплодная, вулканическая, но изобильная дорогими звѣрями.

Въ 1790 году, Шелеховъ, оставляя Кадьякъ, сдѣлалъ правителемъ новыхъ заведеній Баранова, уроженца каргопольскаго; люди гениальные скоро понимаютъ подобныхъ себѣ. Шелеховъ, зная Баранова лично, видѣлъ, что этотъ характерный и постоянно благородный человѣкъ устроитъ дѣла Компаніи и будетъ ревностнымъ продолжателемъ началъ своего предѣстника. Шелеховъ не ошибся въ выборѣ. Лишь только осмотрѣлся Барановъ на Кадьякѣ, тотчасъ увидѣлъ, что компанія дѣйствуетъ въ тѣсныхъ предѣлахъ. Первый подвигъ ознаменовалъ онъ тѣмъ, что перенесъ владычество Русскихъ на берега матерой земли Америки, въ Кенайскомъ и Чугачкомъ заливахъ.—Въ 1796 году заложилъ онъ селеніе въ заливѣ Якутатъ. Въ 1799 году занялъ обширный островъ Ситху, на которомъ обитали воинственные и свирѣпыя Коложи, и построилъ тамъ крѣпость. Неудобно забывая, что Барановъ имѣлъ у себя горсть людей, лишенъ былъ пособій, средствъ, но все это замѣнялъ духомъ предприимчивости и твердой воли.

На Ситхѣ, въ новой крѣпости, онъ оставилъ часть промышленныхъ, а самъ отправился въ Кадьякъ. Тогда Коложи напали на крѣпость, взяли ее приступомъ, а Русскихъ предали мучительной смерти. Въ 1804 году крѣпость была возвращена, и Барановъ избралъ ее мѣстомъ своего пребыванія. Здѣсь онъ открылъ торговлю съ иностранными землями, и на берегахъ Калифорніи, въ заливѣ Бадега, основалъ колонію Россѣ, гдѣ открыты недавно золотосенныя россыпи. Преемники Баранова продали эту землю.

Въ-послѣдствіи времени Россійско-Американской Компаніи дарованы важныя привилегіи въ томъ, что служба въ ней считается коронною, правитель колоніи долженъ быть непременно флотскій штабъ-офицеръ. Права эти и богатое жалованье привлекли многихъ въ службу Компаніи, въ числѣ ихъ былъ и г. Марковъ, авторъ сочиненія, которое мы разсматриваемъ. Оно было напечатано сперва въ Москвитинѣхъ, а потомъ вышло отдѣльною книжкою. Какъ статья журнальная, ограниченная извѣстными условіями, она не подлежала правиламъ строгой кри-

тики; въ такомъ видѣ слѣдуетъ и теперь смотрѣть на нее. Одна-кожь, книга эта содержитъ въ себѣ географическія, статистическія и коммерческія свѣдѣнія, слѣдовательно она фактъ, на которомъ всякой можетъ основывать свои заключенія.

Авторъ начинаетъ разсказъ такъ:

«Проѣхавъ все пространство Европейской Россіи, простирающееся отъ Москвы до Екатеринбурга, и всю Западную Сибирь—страны, представляющія много любопытнаго, я приближился къ Иркутску».

Кто не скажетъ, что этотъ періодъ чрезвычайно тяжелъ для слуха, а слово вся Сибирь черезчуріе. Авторъ не проѣхалъ всю Западную Сибирь, а переѣхалъ только ее поперегъ, чрезъ губерніи Тобольскую и Томскую.

«Въ 5 ти верстахъ отъ Иркутска стоитъ монастырь св. Никопентія Чудотворца, гдѣ всѣ проѣзжающіе непременно останавливаются на поклоненіе мощамъ этого угодника».

Въ пяти верстахъ не доѣзжая до Иркутска стоитъ монастырь Вознесенскій, а не свитителя Никопентія».

«Иркутскъ построенъ на правомъ берегу рѣки Ангары, которая такъ быстра, что жестокіе морозы, свойственные тамошнему климату, покрываютъ ее несовершеннымъ льдомъ, не ранѣе января мѣсяца; а бываюгъ годы, что во всю зиму переправляются черезъ Ангару на плашкоутахъ».

Ангара покрывается льдомъ точно такъ какъ Нева, по большей части въ декабрѣ мѣсяцѣ; ни въ лѣтнихъ Иркутска, ни въ преданіяхъ, ни въ памяти старожиловъ не сохранилось извѣстій, чтобъ Ангара когда-нибудь простояла цѣлую зиму не замерзая.—Переплываютъ черезъ нее не на плашкоутахъ, а на карбазахъ и лодкахъ».

«Прорывался (Ангара) сквозь озеро Байкаль, и впадая въ рѣку Енисей. Ангара облегчаетъ сообщеніе съ Кяхтою и служитъ источникомъ обогащенія иркутскому купечеству. По ней отправляются суда, нагруженныя шерстяными, пушными и металлическими товарами, въ Кяхту, или обратно изъ Кяхты, съ чаемъ, съѣстными припасами, особливо скотскимъ мясомъ, которое въ большомъ изобиліи находится за Байкаломъ; равнымъ образомъ немаловажную статью торговли составляетъ провозимая тоже черезъ Ангару рыба, добываемая въ озерѣ Байкаль, въ особенности омуль».

Ангара непрорывается, а вытекает из Байкала. Водяное сообщение из Кяхты идет сперва рѣкою Селенгою, потомъ Байкаломъ, а потомъ уже Ангарою, всего на 60 верстъ. Какое же тутъ облегчение или обогащение? Рыба изъ Байкала привозится въ Иркутскъ не чрезъ Ангару, а по теченію рѣки Ангары; омуш добываются не въ Байкалѣ, а въ рѣкѣ Селенгѣ и Верхней Ангарѣ; скотское мясо привозится изъ-за Байкала зимою, когда Байкалъ и Ангара покрываются льдомъ; въ это же время идутъ изъ Кяхты товары.

• Иркутскъ производитъ также значительную торговлю съ Бурятами или Братскими, которые живутъ большими улусами въ окрестности этого города, и занимаются хлѣбопашествомъ, звѣриною ловлею и частію скотоводствомъ.

Иной подумаетъ, что Иркутскъ стоитъ въ срединѣ бурятскихъ кочевьевъ и производитъ съ ними торговлю, на дѣлѣ же выходитъ что Буряты, съ одной только стороны города живутъ въ 35 верстахъ отъ него, съ двухъ дальѣ ста верстъ, а съ третьей нѣтъ ни одного бурятскаго кочевья. Срединна между городомъ и бурятскими кочевьями наполнена русскими крестьянами. Иркутскъ не производитъ и не можетъ производить торговли съ Бурятами, но они прѣзжаютъ въ городъ, точно такъ же какъ и русскіе крестьяне, и покупаютъ на рынкѣ и въ гостинномъ дворѣ, что имъ нужно. Скотоводство у Бурятъ, первая промышленность, а не *частію*; за нею слѣдуетъ земледѣліе, а наконецъ и звѣриные промыслы.

• Народъ этотъ (Буряты) сильно привязанъ къ черкесскому табаку и къ вину. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ по нѣсколько женъ, кои живутъ отдѣльно, каждая въ своей юртѣ. Мужъ навѣщаетъ ихъ по очереди, и такъ проводитъ все свободное время; зимою же отправляется на звѣриную ловлю, въ пространныя сибирскія степи, или лѣса.

Буряты не имѣютъ больше двухъ женъ разомъ, всего чаще одну.—Женаты очень молоды, а когда первая жена состарѣется, мужъ прогоняетъ ее и беретъ другую. Путешествуя по Восточной Сибири какъ наблюдатель, г. Марковъ въроятно замѣтилъ, что въ ней вовсе нѣтъ степеней. Буряты отправляются на звѣриные промыслы, только не въ степи, а въ лѣса. Бѣлка, соболь, лисца, медвѣдь, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, а всѣмъ извѣстно, что звѣроловство именно состоитъ изъ этихъ статей.

• При наступленіи весны все оживаетъ (въ Иркутскѣ) необыкновенною дѣятельностію: товары отправляются въ Якутскъ, Охотскъ, Камчатку и въ американскія колоніи.

Ярмарка въ Иркутскѣ бываетъ зимою, и тогда видны въ городѣ многолюдство и дѣятельность. Съ Якутскомъ и странами, лежащими отъ него къ востоку, торгуютъ не многіе; главный товаръ мукъ, закупается по деревнямъ приленскимъ. Авторъ жилъ, въроятно, въ домѣ Американской Компаніи, гдѣ весною бываетъ необыкновенная дѣятельность, потому-что, въ это время только отправляются товары въ колоніи. Иркутскъ же напротивъ, чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ спокойнѣе становится. Не справедливо также пишетъ авторъ, что въ половинѣ мая вся дорога изъ Иркутска до селенія Качуга покрывается обозами, тутъ ошибка во-времени и преувеличеніе въ количествѣ.

• При провѣздѣ въ какое-нибудь мѣсто, останавливаясь на постояломъ дворѣ, или находясь въ лавкѣ, Буряты непремѣнно стараются что-нибудь украсть... за то и Буряты не остаются у Русскихъ въ долгу: попадаи къ нимъ Русской въ улусъ въ позднее время, — они ограбятъ его совершенно, до послѣдней нитки, безъ всякой жалости.

Періодъ этотъ начинается одною—грамматическою ошибкою, а кончается другою, фактической. Не было примѣра, чтобы Буряты ограбили кого-нибудь, не только въ своихъ улусахъ, но и на дорогѣ—это совершенно противно ихъ миролюбивому духу. Авторъ говоритъ о нихъ какъ о горцахъ и киргизахъ, все кончующее представляется ему разбоемъ. Къ воровству Буряты склонны, но и тутъ есть большія исключенія. Воруютъ тѣ, кои шшимарятъ около Русскихъ, и воровство это всегда мелочное, но чтобы они ограбили кого-нибудь до послѣдней нитки и при томъ безъ всякой жалости, объ этомъ въ цѣлой губерніи не слышно.

• Лена — одна изъ величайшихъ рѣкъ Россіи. Во-время плавания по ней тѣло какъ будто погружается въ сонъ и чувствуетъ какую-то особенную склонность къ бездѣйствію. Берега этой рѣки больше *низменны и ровны*: течение тихое, спокойное; въ пути не встрѣчается ни крутыхъ поворотовъ, ни пороговъ... вокругъ все дико, пустынно, *самобитно*... ни звука, ни слѣда человеческого».

Большая часть путешественниковъ пребываютъ въ постоянномъ восторгѣ отъ живописныхъ береговъ Лены. Многіе послѣ плаванія по Ленѣ, плавали по Рейну, и смѣло говорятъ, что Лена восхитительнѣе Рейна. Тутъ кажется, авторъ хотѣлъ только оправ-

дать происхождение названія Лены отъ русскаго слова лёнъ. Но почему берега Лены казались г. Маркову *изменными и ровными*, тогда какъ на самомъ дѣлѣ рѣка Лена течетъ между горами? Площадки сколько-нибудь значительныя встрѣчаются выше и ниже города Киренска, а потомъ у Якутска, на остальномъ пространствѣ селенія лёнятся по узкимъ закраинамъ, какъ на Рейнѣ. Лена вездѣ быстра, пороговъ нѣтъ, по естѣ быки или утесы, опускающіеся прямо въ рѣку, на нихъ иногда наноситъ неосторожныя барки и разбиваетъ. Кто хорошо видѣлъ Лену, тотъ не называетъ ее рѣкою тихою и спокойною. Правда, что въ Якутской области, по лѣвому берегу Лены расположены одніе станціи, но въ Иркутскомъ и Кирейскомъ уѣздахъ, по берегамъ ея, больше ста пятидесяти селеній. Потому нельзя сказать, что на рѣкѣ Ленѣ *ни звука, ни слѣда человеческого!* Не вѣрно также, что и скотоводство по берегамъ Лены въ плохомъ состояніи, въ Кирейскомъ уѣздѣ приходится на каждый домъ сличкомъ по три лошади, по четыре коровы и по шести овецъ. Невѣрно также свѣдѣнія о ловлѣ бѣлки. Г. Марковъ говоритъ, что при уловѣ, счастливый охотникъ добываетъ 100 бѣлокъ въ недѣлю. Такъ бывало за 70 лѣтъ. А теперь 100 бѣлокъ во всю осень считается хорошимъ промысломъ. Авторъ кажется, во-время путешествія не записывалъ свѣдѣній, а писалъ свои записки по возвращеніи, изъ памяти, иначе не сдѣлалъ бы столь важныхъ измѣненій.

«Въ Якутскѣ собираются Якуты и Тунгусы и ведутъ съ Русскими значительную торговлю. Оба эти народа исповѣдуютъ христіанскую вѣру и ужасно робки, особенно Тунгусы... Въ лѣтнее время они ведутъ кочевую жизнь, переезжая съ одного мѣста на другое... При первомъ свидѣніи Тунгусы удаляются на зимнее жилище, гдѣ у нихъ довольно хорошо устроены бревенчатыя юрты, обсыпанныя землею и довольно теплыя».

Въ Якутскѣ пріѣзжаютъ Якуты, по что касается до Тунгусовъ... едва ли это правда, ихъ вовсе нѣтъ около Якутска; мы готовы спорить, что Тунгусы не христіане, что они бродятъ лѣто и зиму по лѣсамъ и рѣшительно не имѣютъ бревенчатыхъ юртъ, обсыпанныхъ землею и довольно теплыхъ. Не смѣшалъ ли ихъ авторъ съ Камчадалами?

«Якуты живутъ разсѣянными малыми селеніями въ окрестности Якутска, постоянно на одномъ мѣстѣ».

Якуты живутъ не селеніями, а улусами, и перемѣняютъ мѣсто жительства по временамъ года. Улусъ никакъ не должно

уподоблять русской деревнѣ. Улусъ состоитъ изъ нѣсколькихъ юртъ или хозяйствъ, случайно съѣхавшихся напр. на лѣтовку. Настала осень, и всѣ хозяева разъѣхались въ разные стороны, по своимъ зимникамъ. Скотоводство не позволяетъ Якутамъ жить постоянно на одномъ мѣстѣ; скотъ ихъ круглый годъ питается подножнымъ кормомъ, и для свѣжей травы они должны переходить съ мѣста на мѣста.

Не беремся повѣрять описаніе тѣхъ мѣстъ, которыя не выдали. Однакожъ на пути изъ Якутска въ Охотскъ замѣтили въ словахъ автора одну ошибку. — Онъ говоритъ (стр. 11):

«То вдругъ встрѣчаешь лѣсъ, обгорѣлый отъ жару, который въ июнѣ мѣсяцѣ доходить здѣсь иногда до чрезвычайности».

Не было примѣра, чтобъ въ Сибири когда-нибудь загорѣлся лѣсъ отъ лѣтняго жара; мы не слышали даже, чтобъ подобные примѣры случались гдѣ-нибудь между тропиками. Въ Сибири горятъ лѣса обыкновенно отъ молніи, а чаще всего зажигаютъ ихъ по неосторожности. Звѣроловы, или путешественники почуютъ въ лѣсу, разведуть огонь, и на завтра, не заливши его, уѣзжаютъ; вѣтеръ раздуваетъ пламя, загорится трава, валежникъ, и когда огонь усилятся, тогда горятъ и большія деревья. Иногда переходить огонь въ лѣсъ съ пашни или сѣнокоса. Жители имѣютъ обыкновеніе выжигать старую траву и солому на лугахъ и пашняхъ; зажгутъ, а сами домой уйдутъ. Лѣса выгораютъ на ужасныя пространства, и прекращаются отъ перваго сильнаго дождя. Иногда палы ходятъ до половины лѣта.

Путешествіе изъ Якутска верхомъ продолжалъ нашъ авторъ до Охотска; тутъ онъ сѣлъ на судно и спустился по Охотскому морю въ Камчатку.

«Въ 8-й день, говоритъ онъ, нашего плаванія мы увидѣли непрерывную лѣнъ горъ со свѣжими вершинками. То были берега Камчатки. Обогнувъ Лопатку, мы стали приближаться къ Петропавловскому порту».

Въ Камчатку изъ Охотскаго моря проходятъ между вторымъ и третьимъ Курильскими островами; авторъ говоритъ, что они обогнули Лопатку, — что-то непонятное...

Изъ Камчатки пустился авторъ, на компанейскомъ суднѣ, на островъ Ситху, и на пути видѣлъ американское китоловное судно. Онъ говоритъ, что китоловы нападаютъ преимущественно на тѣхъ китовъ, которые выпускаютъ изъ поздрей по два фонтана, потому-что изъ нихъ получаютъ самый лучшій жиръ, изъ

вѣстный подъ именемъ спермацета. О выпусканіи китами фонтановъ изъ поздрей не такъ давно происходили толки. Плиній сказалъ прежде всѣхъ, что китъ пускаетъ фонтанъ; мнѣніе это поддерживалось до нашихъ временъ. Русскіе мореходы признались торжественно, что они видали на своемъ вѣку множество китовъ, только ни одинъ изъ нихъ не выпускалъ фонтана.—За то все мы знаемъ, что спермацетъ не жиръ, а мозгъ кита, называемаго кашелотомъ; латинское слово sperma celi значить буквально мозжечекъ кита.

Авторъ послѣ трехъ сутокаго шторма и качки достигаетъ благополучно острова Ситхи, и вотъ какъ изображаетъ онъ состояніе нашей отдаленнѣйшей колоніи:

«Ново-Архангельскій портъ, на островѣ Ситхѣ, есть главное заселеніе россійско-американскихъ колоній: здѣсь постоянное мѣстопробываніе главнаго правителя всѣхъ колоній, или, какъ называютъ его по тамошнему, губернатора, въ чинѣ капитана 1-го ранга; онъ непременно долженъ быть изъ флотскихъ, принимаетъ эту обязанность на пять лѣтъ, съ правами военными и гражданскими, согласно привилегіи, получаетъ отъ Компаніи каждый годъ жалованья 10 т. руб. серебромъ, а по истеченіи срока выбываетъ въ Россію. Помощникъ правителя бываетъ изъ лейтенантовъ, и именуется портовымъ начальникомъ; кромѣ того, находится нѣсколько флотскихъ офицеровъ, для мореходства.

Компанія имѣетъ 8 судовъ, величиною отъ 100 до 350 тоннъ. Одинъ пароходъ съ 14 пушками, да проливовъ, и другой поменьше, для разныхъ посылокъ по редутамъ.

Съ прибытіемъ компанейскихъ судовъ, съ разныхъ отдѣловъ на вымовку въ Ситху, портъ оживляется, дѣлается шумнымъ, многолюднымъ, веселымъ: въ клубѣ открывается театръ, на которомъ разыгрываются разные небольшія пьесы, и даются вечеринки, на которыя приглашается все почетное ситхинское общество.

Окрестности Ново-Архангельска пустыньны и дикы: тутъ не встрѣтите вы ни зеленыхъ луговъ, ни тѣнистыхъ садовъ; природа не надѣла этой отдаленной страны роскошною растительностію, и окаймила ее сплошною цѣлюю горъ, поросшихъ елью, лиственницею и душиникомъ.

Климатъ самый неблагоприятный. Солнце рѣдкій гость на тамошнемъ небѣ, почти безпрестанно застилаемомъ густымъ туманомъ. Большую часть года льютъ дожди или дуютъ жестокіе вѣтры. Почва вообще камениста и неудобна къ произведенію плодовъ, кромѣ ягодъ. Огородные овощи произрастаютъ въ самомъ маломъ количествѣ, такъ что ихъ недостаетъ на годичное продовольствіе.

Домашняго скота нѣтъ, потому что его нелѣзь кормить. У главнаго правителя есть нѣсколько коровъ, но и имъ съ трудомъ западаютъ на зимнее время сѣно.

Всѣмъ прибѣгающимъ на службу въ Ситху выдаютъ изъ арсенала ружья, для сохраненія порта отъ дикихъ. Изрѣдка, по приказанію правителя, бываютъ внезапныя тревоги. Изъ крѣпости на жилища дикихъ наведены пушки, да жителей и не много; только въ весеннее время съѣзжается ихъ тысячи до волуторы, для ловли сельдей. По Ситхинскому заливу водится такое множество рыбы, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно проѣхать лодкою.

Въ 1838 году Англичане, по договору съ Россійско-Американскою Компаніею, заняли на десять лѣтъ нѣкоторыя мѣста, принадлежащія Русскимъ и заселенныя Коложами съ тѣмъ, чтобы платить за то аренду и производить торговлю съ дикими, которые по условленному раздѣлу, будутъ находиться на земляхъ, взятыхъ ими въ арендное содержаніе, но грубое и неуважительное обращеніе, послужило большимъ препятствіемъ успѣхамъ торговли ихъ съ Коложами, которые до того честолюбивы, что за малѣйшее оскорбленіе мстятъ смертію. Коложи знали, что во времена Баранова Англичане хаживали къ нимъ судами, брали на свои корабли по нѣскольку человѣкъ дикихъ, и увозили въ дальніе проливы для ловли звѣрей, обходясь съ ними безчеловѣчно, иногда высаживали на необитаемые острова, и бросали на произволъ судьбы.»

Изъ Ситхи авторъ отправился въ Калифорнію, по дѣламъ компаніи. Туманы мѣшали имъ пуститься въ гавань Сан - Франциско; цѣлую недѣлю лавировали они около береговъ Калифорніи, наконецъ капитанъ рѣшился идти на отвагу и вдругъ открылась предъ ними обширная гавань, со множествомъ судовъ разныхъ націй.

«Съ отважностію Русскихъ, въ виду всѣхъ иностранцевъ, мы подъ двумя парусами отъ свѣжаго вѣтра пошли прямо срединою пролива въ длинную бухту Санто-Франциско, оставивъ за собою выблужъ стѣну тумана, слѣдали между судами поворотъ, и стали на якорь.

«По всему обширному заливу разносился ароматный запахъ душистыхъ травъ и цвѣтовъ: вокругъ залива въ живописныхъ ландшафтахъ раскиданы были, на далекое разстояніе, другъ отъ друга, помѣстья калифорнцевъ, между которыми расплались зеленые луга и долины, съ гуляющими по нимъ овцами, коровами, лошадьми и мулами: гдѣ то вдалекѣ кричали дикіе гуси.

Русскіе пользуются въ Калифорніи особеннымъ уваженіемъ по сравненію съ другими иностранцами, за свое ласковое обращеніе съ туземцами; имя Русскаго въ отдаленныхъ предѣлахъ Восточнаго Океана служитъ эмблемою добродушія, привѣтливости, смѣтливости и находчивости. При каждой встрѣчѣ мы слышимъ одно и тоже: «славной народъ Русскіе.»

Въ четверти мили отъ С. Франциско живетъ русской Нѣмецъ Генпенеръ. Онъ родомъ изъ Риги, служилъ въ Американской Компаніи, женился въ Ситхѣ на креолкѣ, поселился въ Калифорніи, и слышетъ подъ именемъ чисто Русскаго, за что пользуется общимъ уваженіемъ. Онъ дѣятеленъ, предприимчивъ, следовательно, на пути къ скорому обогащенію. Въ домѣ у него единственное фортепіано, на которомъ онъ прекрасно играетъ. Испанцы знакомятся съ нимъ даже для того, чтобъ видѣть этотъ чудный для насъ инструментъ. Въ торжественные дни посылать его фортепіано въ монастырь. Самъ губернаторъ, живущій въ Монтерее, когда бываетъ въ С. Франциско, первымъ долгомъ почитаетъ посѣтить артиста и послушать его игру.

Россійско американскія суда ежегодно посѣщаютъ Калифорнію, для покупки свѣтлыхъ припасовъ, и всегда во-время стоянки, командиръ каждаго судна считаетъ долгомъ сдѣлать вечеринку, или по тамошнему—фанданго. Несколько разъ мнѣ приводилось бывать въ Калифорніи, для покупки свѣтлыхъ припасовъ, и я никогда не видаю, чтобъ которое-нибудь изъ стоящихъ тамъ иностранныхъ судовъ вздумало сдѣлать для испанцевъ вечеръ; за то и калифорнцы не удостоивали этой чести никого изъ иностранцевъ, кромѣ Русскихъ.»

Изъ С. Франциско отправился нашъ путешественникъ въ Массатланъ; матросы вытащили якорь и съ ибнами вышли изъ гавани въ Океанъ. Достигнувъ Массатланскаго рейда, капитанъ не хотѣлъ останавливаться, но побывать на берегу въ катерѣ, копчять дѣла и пуститься куда надобно. Вотъ какъ описываетъ г. Марковъ свое прибытіе въ испанскій городъ:

«По обширному рейду стояли военные фрегаты американскіе, англійскіе и одинъ мексиканскій. Борты судовъ были унизаны артиллерию, поглядѣть на Русскихъ, еще не бывалыхъ гостей въ Массатланѣ. Многие изъ тамошнихъ жителей знавъ Русскихъ только по слуху, почитали ихъ какимъ-то особеннымъ народомъ.»

Когда мы вышли изъ катера, насъ встрѣтилъ комендантъ, и дружески поздоровавшись, спросилъ о причинѣ нашего прихода, и почему мы не становимся на якорь.»

Комендантъ пригласилъ русскихъ моряковъ обѣдать, и въ домѣ его они нашли книжку съ изображеніями солдатъ всѣхъ націй. Русской солдатъ представленъ былъ въ огромномъ размѣрѣ по сравненію съ прочими; страшные усы и бакенбарды закрывали у него почти все лицо.

Въ Массатланѣ Русскіе были приняты и угощаемы такъ же хорошо, какъ и въ С. Франциско. Для нихъ дѣлали балъ. Яркими красками описываетъ авторъ драгоцѣнную Калифорнію; но какъ не хорошо въ гостяхъ, а дома лучше. Судно наше возвратилось въ дождливую Ситху.

Въ заключеніе авторъ излагаетъ проектъ русской торговли на Восточномъ Океанѣ. На бумагѣ онъ весьма хорошъ и приносить важные барыши. Не знаемъ такъ ли будетъ на дѣлѣ. Желаніе могутъ прочитать его въ самой книгѣ.

Несмотря на то, что въ разсказахъ нашего автора объ Иркутскѣ, Ленаѣ и Якутскѣ мы замѣтили нѣкоторыя неувѣрности, мы благодарны уже за то удовольствіе, которое онъ доставилъ намъ описаніемъ своего пребыванія въ Калифорніи, кого не порадуетъ патріотическое чувство, которое обнаруживаетъ авторъ при каждомъ случаѣ.

Мы увѣрены, что каждая дѣвица, женщина или, пожалуй, дама прочтаетъ ее безъ скуки; тутъ нѣтъ сухой науки, выводовъ, умозрѣній, но одинъ легкой и живой разсказъ, воистину ученому названію книги. Жаль, что авторъ посѣталъ Калифорнію до открытія богатыхъ золотоносныхъ росыней, а потому и не можетъ удовлетворить всеобщаго любопытства, возбужденнаго новымъ богатствомъ Америки.

57 Письма Святогорца къ друзьямъ своимъ о святой горѣ Афонской. Часть первая. С. Петербургъ. 1850.

Письма Святогорца могутъ служить прекраснымъ пополненіемъ къ интересному путешествію на Синай г. Уманца, съ которымъ мы уже познакомили нашихъ читателей въ майской книгѣ Сына Отечества. Авторъ скрылъ свое имя, и тѣмъ лишилъ насъ удовольствія знать, кто такой именно прибавилъ въ нашей литературѣ имя свое къ числу именъ немногихъ нашихъ писателей, которые такъ занимательно передаютъ русской публикѣ свои путевыя замѣтки и впечатлѣнія. Край, описываемый какъ г. Уманцомъ, такъ и неизвѣстнымъ путешественникомъ на Афонскую гору, преимущественно предъ прочими странами, долженъ обращаться на себя вниманіе всякаго и быть предметомъ изученія. То

сторона солнца, свидѣтельница многихъ важныхъ событій и высокихъ подвиговъ христіанства. Начавъ интересныя письма свои передачею того грустнаго ощущенія, которое всякій испытываетъ переступая за рубежъ родной земли, вѣряя себя чуждому климату и чуждымъ обычаямъ и повѣряя, очерта видѣ Константинополя, авторъ, приступаетъ прямо къ описанію святой Афонской горы. Гора эта, выдающаяся въ воды Архипелага, имѣетъ 80 верстъ длины и 20 въ поперечникѣ. Высота ея простирается до двухъ сѣшкомъ верстъ въ отвѣсѣ. Она и въ древности была знаменита. До Рождества Христова, такъ же какъ и нынѣ, стекались на нее поклонники, съ тою только разницею, что тогда куряся на ней фиміамъ передъ золотымъ кумиромъ Аполлона, находившимся на самой высшій Афона, часто покрываемаго облаками, а нынѣ приносятся безкровныя жертвы Спасителю міра. Первымъ пустынножителемъ Афона, по словамъ автора, былъ Св. Петръ, и пещера, гдѣ онъ спасался и теперь существуетъ въ неизмѣнномъ видѣ. Нынѣ существуютъ на святой горѣ 20 монастырей, 10 скитовъ и до 800 пустынныхъ келій. Нынѣшняя населенность иночества простирается до 10 тысячъ челоуѣкъ; въ древности она восходила до 50 тысячъ.—Цѣбра замѣчательная и утѣшительная въ исторіи вѣры и христіанства! Авторъ прекрасно и увлекательно описываетъ подвиги первыхъ отшельниковъ Афона, и обогативъ свои письма преданіями, переходитъ къ описанію русскаго монастыря, находящагося на святой горѣ. Авторъ относитъ его основаніе къ временамъ княженія Ярослава Владиміровича, основывался на запискахъ Барскаго Григоріевича, посѣщавшаго также Афонъ въ прошедшемъ столѣтіи.

Судьба русскаго монастыря на Афонѣ имѣетъ самую высокую занимательность. Нѣсколько разъ онъ подвергался разнымъ перемѣнамъ, то удадалъ, то опять приходилъ въ цвѣтущее состояніе.

Въ настоящее время число братій простирается до 200 челоуѣкъ разныхъ націй. Между всеми его русскими иноками, особенно былъ замѣчательенъ одинъ, названный въ монашествѣ Анниксомъ, отложившій все заслуженныя имъ почести, славу рода и громкость имени русскаго князя и смѣнившій кресты, стоявшіе патріотической груди его многихъ трудностей службы Царю и отечеству, на крестъ иноческаго самоотверженія. Жизнь пустынниковъ Афона и природа его стоятъ вниманія. На всей вершинѣ Афона цвѣтъ ни одного расточка, ни травки, ни залетной птички. Афонъ вѣчный и строгій Анахоретъ, и только нѣсколькими

уступами ниже, въ грозныхъ трещинахъ его скалъ, растетъ пѣвнательный, такъ называемый «неувядаемый цвѣтъ Божіей Матери.» Съ этою строгою природою согласуется и келейная жизнь иноковъ. Пища ихъ самая умѣренная и суровая. Служба церковная продолжается на святой горѣ очень долго, а особенно во дни торжественныя. Она длится иногда двѣнадцать часовъ и болѣе. Вотъ одно любопытное преданіе, переданное намъ авторомъ въ его четырнадцатомъ письмѣ.

Во-время церковнаго служенія въ память святителя Христова Митрофана, продолжавшейся очень долго, слабый силами и сложеніемъ, греческій монахъ Иларіонъ, жившій въ русскомъ монастырѣ, утомленный пѣніемъ на клиростѣ, долженъ былъ, наконецъ, не окончивъ бдѣнія, удалиться въ свою келью. Въ тихомъ раздумьи и жалобахъ на слабость, по которой онъ не окончилъ своего молитвеннаго подвига въ честь русскаго святителя, онъ задремалъ. Легкій сонъ успокоилъ его чувства, и голова невольно склонилась на подушку. Въ эту самую минуту, Иларіонъ видитъ предъ собою сѣдаго старца, въ архіерейской мантии и съ святительскимъ жезломъ въ рукахъ; святая схима монаха чернѣетъ на осіяваемой небеснымъ свѣтомъ главѣ явившагося, въ чертахъ котораго и въ одѣяніи, Иларіонъ узналъ русскаго чудотворца. «Вы возлюбили меня, кротко сказалъ ему по-гречески Святитель Христовъ Митрофанъ, и я навсегда буду съ вами.» Эти слова потрясли невыразимымъ чувствомъ сердце Иларіона; онъ очулся, но уже никого не было предъ нимъ. Иларіонъ привязался искренною пріязнью къ русскому монашескому обществу. Все монахи монастыря русскаго отличаются высокими подвигами пустыннаго сподвижничества, и авторъ очень подробно описываетъ жизнь многихъ изъ нихъ, особливо отца Тихона, о которомъ упоминаетъ и А. Н. Муравьевъ въ своемъ путешествіи по Валааму.

Сынъ бѣднаго велико-устюжскаго перевозчика, отецъ Тихонъ, въ мѣръ Тимофей, еще въ Валаамѣ обратилъ на себя вниманіе святостію своей жизни; онъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ обрекъ себя на добровольную вѣмоту, и наконецъ желая жить вдали отъ всякаго житейскаго шума, перепросился на св. Афонъ. Не менѣе замѣчательна жизнь другаго русскаго инока, Макарія, бывшаго въ плѣну у Турокъ и потерявшаго отъ нихъ сильныя мученія за вѣру христіанскую. Авторъ описываетъ все эти сподвижничества языкомъ легкимъ, увлекательнымъ, отъ котораго интересъ расказа еще больше.

Приведемъ въ доказательство какое нибудь мѣсто на выдерж-

ку. Вотъ какъ мастерски описываетъ авторъ предметъ самый простой. (стр. 127.)

Цыпѣ, на Пасхѣ, я также бродилъ за обителью, и теперь только что отъ туда. День ясный; тишина невозмутима ли дыханіемъ вѣтра, ли звуками прижавшихся къ тѣни птицекъ. Долго сидѣлъ я на скатѣ сосѣдней горы, думая о многомъ и тоскуя о минувшемъ невозвратимомъ. Предо мною виды были самые обворожительные: внизу, подъ горою, уединенно красовался Русикъ съ зелеными своими крышами и позлащенными крестами, чего на всѣмъ Востокѣ, не только на св. горѣ, не найти. Зеркальное море словно карта раскинута было на необозримомъ пространствѣ; нѣсколько островковъ возставало изъ его мирной бездны, и неподвижные канки (чаны) съ опущенными парусами, разсыпаны были по ней; а тамъ къ западу. Оливійскія горы въ поразительномъ видѣ выказывались изъ за Македонскаго материка. Подъ ногами видѣ еще удивительнѣе и возвышеннѣе. Здѣсь были прежде кельи нѣкоторыхъ отшельниковъ, но Турки, въ послѣднюю войну, разсыпали ихъ; и вотъ, въ одномъ стѣнномъ нишѣ, лежитъ предо мною *головной* (?) черепъ какого то убитаго человека. Какъ же узнать, что убитаго? По нѣсколькимъ небольшимъ проломамъ на черепѣ и во рассказамъ, потому-что при разореніи здѣшнихъ келій Турки перебили и самыхъ отшельниковъ. — Осматривая этотъ черепъ я грустно спрашивалъ.

— Чей-то ты? гдѣ-то душа, обитавшая въ тебѣ?

Ни ползучка на вопросы!

Я съ чувствомъ поцѣловалъ безжизненный добъ, уныло пролилъ надъ нимъ «Со святыми упокой». и сътующую мыслію погружившись въ свое будущее, которое, разумѣется, такъ же разсыплетъ и мои кости, я сложилъ черепъ въ его гробовой нишѣ, и въ глубокомъ раздумьи долго бродилъ подъ тѣнью привѣтливыхъ маслинъ.

Такимъ слогомъ написаны и всѣ письма, которыхъ 18. При концѣ послѣдняго насъ остановили невольны слова: «Конецъ первой части». Отдѣльные выпуски, вредятъ цѣлому. Такіе отдѣльные выпуски могутъ быть допускаемы только тамъ, гдѣ между предыдущимъ и послѣдующимъ нѣтъ никакой связи; мы только въ такомъ случаѣ готовы извинить неспѣшность автора, въ выпускѣ своихъ писемъ безъ окончания, если во второй части онъ насъ ознакомитъ съ чѣмъ-нибудь новымъ, несвязаннымъ ничѣмъ съ Афономъ.

58 Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа съ 1715 по 1828 годъ. Составилъ А. Вороновъ. Санктпетербургъ 1849.

Составитель этой книги, г. Вороновъ, прекрасно выполнилъ мысль нынѣшняго попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, его превосходительства М. Н. Мусина-Пушкина. Исторія развитія нашего народнаго просвѣщенія, вообще должна имѣть большой интересъ для каждаго изъ насъ. Началомъ нашего образованія мы обязаны преобразователю Россіи, Петру Великому. Желая преобразовать свое государство, онъ видѣлъ, что для исполненія этого, прежде всего, нужно было разсѣять тяготѣвшій надъ нимъ мракъ многихъ предрассудковъ. Наука и просвѣщеніе, вотъ два пути, которыми достигла Россія къ совершенству, поэтому прежде всего завялся учрежденіемъ учебныхъ заведеній, чтобы положить основной камень своему великому предпріятію. Первоначально были заведены спеціальныя школы, которыхъ назначеніе преимущественно состояло въ пріготовленіи молодыхъ людей къ извѣстному занятію, при всѣхъ монастыряхъ и домахъ архіерейскихъ; кромѣ этого, заведены были элементарныя школы, иначѣ цифирныя, гдѣ каждый, обучающійся грамотѣ, получалъ и начальныя понятія о цифрѣ — т. е. арифметикѣ, геометріи. Конечно, окончивъ курсъ подобной школы, ученикъ выносилъ мало свѣдѣній, но все-таки, между-тѣмъ, ихъ было достаточно для того, чтобы продолжать, какую бы ни было государственную службу. Вотъ причина, почему эти школы были преимущественно посѣщаемы дѣтьми чиновниковъ, готовившимся, какъ и ихъ отцы, поступить на какое-нибудь гражданское поприще. Подобное воспитаніе было важно въ то время, въ томъ отношеніи, что пріучало къ знаніямъ, и вотъ почему было постановлено, что неокончившіе курсъ въ цифирныхъ заведеніяхъ, не могли поступать на службу и опредѣляться къ должностямъ государственнымъ; имъ *запрещалось* даже *жениться*. Учители тогдашняго времени не пользовались правами служебными, и получали, не только умѣренное, но даже скудное жалованье, именно — *кормовыя* по 3 алтына и по двѣ деньги въ сутки, да еще ученики окончившіе курсъ въ цифирной школѣ и получившіе аттестаты, должны были вносить по одному рублю въ пользу своихъ воспитателей.

Первый шагъ, и шагъ трудный, къ просвѣщенію Россіи былъ уже сдѣланъ, но этотъ шагъ былъ еще не твердъ; нужно было содѣйствіемъ постороннихъ, и все, о чемъ еще до-тѣхъ-поръ немысли-

ли понятія въ нашемъ отечествѣ, мало-по-малу начало прививаться на русской почвѣ, подъ лучами европейскаго просвѣщенія.

Императрица Екатерина II вполнѣ постигала великія намѣренія и еще неоконченныя предпріятія Петра Великаго, и потому посвятила все свое блистательное царствованіе на осуществленіе геніальныхъ предпріятій его. Въ ея царствованіе народъ русскій, и въ особенности русское дворянство, усвоили себѣ полное убѣжденіе, что воспитаніе необходимо человѣку, дворянство, слыша при дворѣ Императрицы иностранныхъ рѣчи, въ особенности языкъ французскій, стало посылать дѣтей своихъ за границу, или выписывать для нихъ гувернеровъ. Слухъ о радушіи, съ какимъ принимали Русскіе иностранцевъ, толпамъ привлекалъ, не только гувернеровъ выписанныхъ, но и другихъ иностранцевъ, пріѣзжавшихъ, чтобы заводить пансіоны. Еще въ 1780 году, было въ Петербургѣ 23 подобныхъ заведеній. Подобныя школы не могли вполнѣ содѣйствовать къ распространенію образованія, во-первыхъ потому, что учителя, были, болѣею частію, иностранцы; и самыя науки преподавались болѣе на французскомъ языкѣ, а во-вторыхъ, школы эти не имѣли еще надлежащаго за ними надзора. Вотъ въ какомъ состояніи было народное образованіе въ С.-Петербургскомъ Округѣ, когда Императрица Екатерина II вмѣнила въ обязанность Приказамъ общественнаго призрѣнія, учреждать во всѣхъ городахъ и большихъ селеніяхъ училища, гдѣ бы, за умеренную плату, и то съ людей только достаточныхъ, можно было воспитывать молодыхъ людей, и готовить ихъ для поступленія въ гражданскую службу. Но для этого нужны были руководства, учебники, которыхъ не доставало.

Въ столицѣ подъ высокімъ надзоромъ самой Императрицы, на счетъ собственнаго ея Кабинета, основано было, въ 1781 году, исаіевское училище и кромѣ его, многія другія школы, гдѣ до 500 человѣкъ, за незначительную плату, могли получить, по тогдашнимъ требованіямъ, приличное воспитаніе. Безуспѣшныя усилія Приказовъ общественнаго призрѣнія ясно доказали Императрицѣ необходимость новаго на этотъ предметъ устройства. Съ этою цѣлію, въ 1782 году, учреждена была коммисія народныхъ училищъ, съ учрежденіемъ которой дѣло пошло успешнѣе.

Прежде всего Коммисія обратила вниманіе на губернію С.-Петербургскую, и начала съ того, что примѣнила методу болѣе сообразную съ общественнымъ воспитаніемъ, заботясь, въ то же

время, о приготовленіи, свѣдущихъ и понимающихъ свое дѣло учителей, и о составленіи необходимыхъ для воспитанія книгъ. Но чтобы учителя могли быть достойны своего назначенія, основано было въ Петербургѣ заведеніе подъ названіемъ главнаго народнаго училища. При томъ же, при тогдашнемъ стеченіи въ отечествѣ нашемъ иностранцевъ, и въ особенности Нѣмцевъ, весьма естественно должна была родиться новая потребность— потребность изученія языка нѣмецкаго. Предусмотрительная внимательность Монархини не оставила и этого безъ вниманія. По ея повелѣнію, современно основанію главнаго народнаго училища, основано было также и училище нѣмецкое. Благодаря заботливости Государыни и неутомимымъ трудамъ Коммисіи, подъ предѣлательствомъ П. В. Завадовскаго и его помощника Яковича, да Миріева, директора темишварскихъ училищъ, въ 1786 г., въ С.-Петербургѣ, считалось уже 26 казенныхъ училищъ и столько же, если не болѣе, училищъ частныхъ, въ которыхъ было около пяти тысячъ учащихся. Но этотъ счастливый результатъ представляла только столица, и такой успѣхъ въ просвѣщеніи еще не былъ замѣтенъ въ провинціяхъ до утвержденія новаго устава народныхъ училищъ, 5 августа 1785 года. Мы не можемъ говорить объ нихъ подробно, чтобы не утомять слишкомъ нашихъ читателей, и скажемъ лишь о тѣхъ губерніяхъ, которыя вошли въ составъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, въ которомъ, въ непродолжительное время, основано было до 30 малыхъ народныхъ училищъ и до 5 сельскихъ. Въ 1805 году было уже 79 училищъ и въ нихъ до 5,500 человѣкъ учащихся. Но не смотря однако же на благоразумныя распоряженія Коммисіи, училища эти хотя и получили, правильное, одинаковое образованіе, но внутреннее ихъ достоинство еще было далеко отъ той мѣры, которая бы могла вполнѣ удовлетворить желанію правительства. Много было тому причинъ, и главное недостаточное, опредѣлительное управленіе училищами, а равно незначительность выгодъ учащихся тамъ паставниковъ. Г. Вороновъ подробно излагаетъ все права и все обязанности учителей.

С.-Петербургскій Учебный Округъ, по неимѣнію Университета въ столицѣ, зависѣлъ отъ попечителя; попечителями были въ губерніяхъ предѣдатели Приказовъ, а въ губерніяхъ Псковской, Вологодской, Олонцкой и Архангельской, попечителями училищъ назначались даже купцы и мѣщане.

Важнѣйшія изъ преобразованій по учебной части сдѣланы были въ 1828 году. Учительская семинарія была преобразована въ Педагогическій Институтъ (1804). Главное народное учи-

лише переименовано въ Гимназію (1805); малыя народныя училища преобразованы въ уѣздныя и приходскія; составился особый комитетъ для изданія учебныхъ книгъ; права и преимущества учащихся, а равно и самое положеніе ихъ семействъ, обезпечено и проч.

Но болѣе подробный перечень постепеннаго улучшенія въ учебныхъ заведеніяхъ можетъ желающій найти въ самой книгѣ г. Воронова. Мы ограничились показаніемъ вкратцѣ главныхъ событій. Очень желательно было бы имѣть исторію развитія просвѣщенія въ Россіи вообще. Для этого есть столько данныхъ, особливо со времени основанія университетовъ, которые ежегодно печатаютъ отчеты о дѣйствіяхъ и состояніи просвѣщенія подвѣдомаго имъ округа.

59 *Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты*. А. Рафаловичемъ, съ картою и планами. С. Петербургъ. 1850 г.

Въ прошедшей книгѣ мы представили нашимъ читателямъ разборъ книги г. Уманца «Путешествіе на Синай и въ Египетъ»; нынче рекомендуемъ дневникъ, веденный, въ продолженіе трехъ лѣтъ путешествія по Востоку, г. Рафаловичемъ. Путевыя замѣтки г. Рафаловича были уже, время отъ времени, печатаемы въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ журналовъ, и теперь собраны въ одно дѣло. Главное достоинство книги нашего ученаго доктора состоитъ, не въ блестящихъ описаніяхъ мѣстностей, но въ вѣрномъ и точномъ наблюденіи нравовъ Египта, обычаевъ и гибельныхъ болѣзней, которыя опустошаютъ эту страну. Имѣя случаи посѣщать разныя публичныя зданія и входить въ частный кругъ обитателей Исла, авторъ передаетъ свои наблюденія очень подробно. Какъ доктору, ему доступъ всюду былъ болѣе возможенъ, нежели другимъ. Посѣтивъ городъ Розетъ, г. Рафаловичъ осмотрѣлъ его весь, съ его больницами, казармами, и присутствовалъ при совершеніи коптскою епархіею, оригинальною по своимъ обрядамъ.

Розетъ (у Арабовъ Рашидъ) основанъ въ 860 году нашего лѣтосчисленія, багдадскимъ Халифомъ Эль-Мотуакель-Аль-Алахочъ, внукомъ Харуна - Аль - Рашида. Онъ лежитъ на лѣвомъ берегу Исла, образующаго тутъ родъ бухты, шириною въ 2550 футъ. Вокругъ бухты выстроено много казенныхъ и частныхъ фабрикъ, на которыхъ готовятъ и очищаютъ

рисъ, составляющій главный, а нынѣ даже, единственный, предметъ отцуженной торговли Розета. Жителей въ немъ до десяти тысячъ. Описывая Розетъ, авторъ приводитъ одинъ любопытный фактъ, относящійся ко времени сдачи этого города Французамъ, въ первыхъ числахъ іюля 1797 года. Губернаторъ Розета, генераль Мэну, не смотря на свои преклонныя лѣта, влюбился въ тамошнюю Египтянку, дочь банщика, и чтобы жениться на ней принялъ исламизмъ. Сдѣлавшись первою дамою въ городѣ, жена Мэну, между тѣмъ, продолжала попрежнему, ходить въ общественную баню, для свиданія съ знакомыми ей женщинами. Последнія, принимая ее съ большимъ уваженіемъ и конечно, не безъ зависти, всегда, съ крайнимъ любопытствомъ, разспрашивали — какъ она живетъ съ мужемъ? Разказами о деликатномъ и почтительномъ обращеніи съ нею супруга, г-жа Мэну, до того вскружила голову своимъ пріятельницамъ, что онѣ рѣшились послать къ *Султану кебиръ* (большому султану—Наполеону) отъ имени всѣхъ, прошеніе «о вышеніи мужьямъ—Арабамъ, чтобы они обращались съ женами своими также вѣжливо и ласково, какъ это дѣлалъ Абдаллахъ-Жанъ Мэну съ своею супругою». Авторъ ничего не говоритъ, имѣла ли успѣхъ эта просьба? Онъ обратилъ вниманіе болѣе на больницы Розета. Арабы нигдѣ въ Египтѣ не жалуется новыхъ учрежденій, и потому, очень неохотно, вступаютъ въ казенную госпиталь, въ которой лечатъ бесплатно. Врачъ больницы (Эфенди, воспитывавшійся въ Каирской медицинской школѣ) онъ же и *эколомъ* (!), приходя въ отчаяніе, что ему некогда лечить, очень часто дѣлаетъ внезапныя набѣги на казенныя фабрики и силою забираетъ работниковъ, которыхъ здоровье, по его мнѣнію, требуетъ поправленія. Одна изъ такихъ экспедицій подала поводъ къ слѣдствію, и докторъ Мартини, назначенный комендантомъ повѣрить челоуколюбіе эфенди, чтобы не сильно огорчить его и оконфузить своего собрата, оставилъ въ больницѣ только шесть работниковъ изъ множества захваченныхъ, но и тѣ едва, едва были больны маловажными недугами. Вотъ окончательный результатъ, столь расхваленныхъ въ журналахъ, новыхъ челоуколюбивыхъ учрежденій въ Египтѣ! Такая же участь, по убѣжденію г. Рафаловича, предстоптъ и многимъ другимъ заведеніямъ, устроеннымъ на европейскій образецъ какъ-то: политехническому, медицинскому, артиллерійскому, фабрикамъ и т. п., на которыя Мегметъ-Али истратилъ огромныя суммы. Наблюденіе надъ гигиеною—свидѣтельствованіе съѣстныхъ припасовъ, опрятность улицъ, выдача би-

лета на погребеніе, поручены въ Розетѣ европейскому врачу. Осмотрѣвъ городъ, нашъ путешественникъ готовъ уже былъ отправиться на барку и отдохнуть, какъ ему представился случай быть свидѣтелемъ одного мѣстнаго обряда. Приближаясь къ пристани, г. Рафаловичъ былъ пораженъ сильнымъ заревомъ, освѣщавшимъ сосѣднія улицы, сопровождаемымъ необыкновеннымъ шумомъ, криками и ружейными выстрѣлами. Полагая, не пожаръ ли въ городѣ, онъ вышелъ на небольшую площадку, и глазамъ его представилось странное зрѣлище. Площадъ наполнена была толпою мужчинъ, женщинъ и дѣтей, изъ которыхъ чelовѣкъ тридцать держали въ рукахъ *machly*—прикрѣпленныя къ длиннымъ шестамъ цилиндрическія желѣзныя корзины, употребляемыя въ Египтѣ вмѣсто фонарей. Не смотря на присутствіе солдатъ и полицейскихъ, порядокъ нарушался каждую минуту, особливо, когда неудачно пущенныя ракеты, описавъ небольшую дугу, падали на головы зрителей, или когда безпрестанно раздававшіеся выстрѣлы, изъ старыхъ ружей и пистолетовъ, обжигали волосы толпившихся мальчишекъ и дѣвчонокъ.

То была, по словамъ Арабовъ свадебная *фантазіе* (такъ означаютъ они всѣ роды публичныхъ увеселеній). Розетъ въ послѣднее время весьма рѣдко посѣщался Европейцами, и потому одежда нашего соотечественника обратила на себя всеобщее вниманіе. Старикъ Коптъ, который праздновалъ свадьбу своего сына, пригласилъ г. Рафаловича на ней присутствовать. Желаящимъ прочесть этотъ любопытный обрядъ, мы рекомендуемъ подлинникъ, отнюдь не желая отнимать у нихъ удовольствія узнать вполне то, что въ выпискахъ заняло бы очень много мѣста. Копты, или какъ г. Рафаловичъ называетъ ихъ Кобты, приняли христіанство въ первыя столѣтія нашей эры, но скорѣй увлеклись въ заблужденія монофизитизма и моноислзма. Въ новѣйшее время римскіе миссіонеры уговорили небольшое число Коптовъ признать владычество папы. Они имѣютъ въ Египтѣ свои церкви, и хотя, по вѣротерпимости Мегмета-Али, всякій свободно можетъ исповѣдовать свою религію, но фанатизмъ часто обнаруживается, и Копты иногда терпятъ отъ музульманъ. Авторъ почти ничего не говоритъ о нравахъ и благосостояніи этого народа. Посѣтивъ однажды востокъ, нашему путешественнику пожелалось узнать собственнымъ опытомъ всю поэзію восточныхъ бань, о которыхъ такъ много было писано. Изъ всѣхъ посѣщенныхъ г. Рафаловичемъ бань, самая лучшія, по его мнѣнію, константинополь-

скія, съ которыми египетскія никакъ не могутъ сравниться. Воображеніе невольно охладѣваетъ, когда прочиташь описаніе г. Рафаловича. Устройство и внутреннее расположеніе бань однообразно на всемъ Востокѣ. Съ улицы прямо входятъ въ большую залу, обыкновенно съ высокимъ куполомъ, поддерживаемымъ мраморными колоннами, съ каменнымъ или мраморнымъ поломъ съ разноцвѣтными узорами. Средину ея занимаетъ фонтанъ, въ которомъ полощуть бѣлье, развѣшиваемое потомъ на веревкахъ, протянутыхъ отъ одной колонны къ другой. Пространство между колоннами нѣсколько выше остального пола, аршина на полтора, образуетъ галерею (диванъ) съ досчатымъ поломъ, который покрытъ цыновками. Тамъ лежатъ тюфяки съ подушками и простынею, для отдыха по выходѣ изъ бани. Надѣвъ на ноги деревянныя туфли (кубкабъ), входятъ въ другую комнату, поменьше, порядочно натоленную, въ которой остаются нѣсколько минутъ и потомъ переходятъ въ соседнюю залу сильно нагрѣтую, всю вымощенную мраморомъ, изъ котораго вымощены даже стѣны. Банщикъ (мукенсати) мнетъ, ломаетъ и моетъ превосходно. Чего бы, кажется, лучше? Но общій фонтанъ, въ которомъ должны потомъ купаться, но насѣкомыя разнаго рода, ползающія на тюфякахъ и цыновкахъ, и вообще неопрятность и нечистота, а равно какъ и большая часть приличныхъ болѣзней, получаемыхъ въ египетскихъ баняхъ, могутъ отохотить самаго пристрастнаго любителя. Хуже бань авторъ, кажется, ничего не нашелъ въ Египтѣ. За то онъ въ восторгѣ отъ Нильской воды, о которой Арабы говорятъ что «еслибъ Мухаммедъ одинъ разъ вкусилъ ее, то просилъ бы у Аллаха безсмертія, чтобы вѣчно ею наслаждаться.»

Вода Нила, по увѣренію г. Рафаловича, чистѣйшая и превосходнѣйшая, какую онъ только имѣлъ случай пить въ разныхъ мѣстахъ трехъ частей свѣта, за исключеніемъ однакожъ воды изъ рѣчки, протекающей черезъ мѣстечко Балбекъ въ Сиріи, которая по вкусу еще превосходитъ. Но между-тѣмъ вода Нила не отличается прозрачностію и почти круглый годъ очень мутна, отъ примѣси желтовато-краснаго ила, содержащагося въ ней въ большомъ количествѣ и сообщающаго ей цвѣтъ «кофе съ молокомъ»; только къ веснѣ она становится немного свѣтлѣе. Простой народъ пьетъ нильскую воду или въ этомъ ея видѣ, въ которомъ вкусъ сохраняетъ всю свою пріятность, или даетъ ей отстояться; для ускоренія послѣдняго дѣйствія, стѣнки сосудовъ, въ которые вода вливается, натираютъ внут-

ри горькимъ миндаземъ, или другими бѣлковными сѣменами, напримеръ, арбузными, тыквенными. У людей зажточныхъ ее проѣживаютъ черезъ огромные кувшины, (зиръ) вмѣшающіе въ себя по нѣскольку ведеръ, которыхъ стѣнки натираютъ внутри квасцами.

Вода, пѣдящаяся въ первый разъ черезъ новый зиръ, выходитъ совершенно прозрачная, но красная, какъ кровь, не имѣя, впрочемъ, никакого посторонняго вкуса; слѣдующая за тѣмъ является свѣтлѣе, цвѣта яитарнаго и, на другой день, дѣлается прозрачною какъ хрусталь, и въ этомъ видѣ вполне заслуживаетъ восторженные отзывы какъ древнихъ, такъ и новыхъ жителей Египта. Последніе говорятъ, что иностранецъ, однажды напившись этой воды, непременно долженъ воротиться въ Египетъ, чтобы пить ее другой разъ. Точные химическіе анализы показали, что вода Нила въ пять разъ чище проѣженной воды Сены въ Парижѣ, и потому, для аптекарскихъ и нѣкоторыхъ другихъ потребностей, она замѣняетъ въ Египтѣ перегнанную воду, обстоятельство немаловажное въ странѣ, гдѣ топливо довольно дорого. Нильская вода столь-же легка, какъ и пріятна для вкуса, и въ какомъ количествѣ ее не пьешь, никогда не разстроитъ и не обременитъ желудка. Малье, въ своемъ описаніи Египта, говоритъ, что между прочими видами воды, нильская должна занять такое же мѣсто, какое занимаетъ шампанское между винами, и что было бы жаль, еслибъ климатъ Египта не былъ такъ зноенъ, потому-что, тогда превосходную эту воду стали бы меньше пить.

Арабскіе писатели сочинили много ученыхъ диссертаціи о нильской водѣ, ея качествахъ и свойствахъ. Нѣкоторые приписываютъ ей причину необыкновенной плодovitости египетскихъ женщинъ. Шириа Нила въ Розетѣ, при устьѣ равняется 2250 футамъ,—глубина около 15 фут. Осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности Розета, и между прочимъ кожевенный заводъ и бумагопрядильную фабрику, на которой находится 450 станковъ, авторъ не позабылъ ознакомить читателей и съ внутреннимъ устройствомъ домовъ обывателей Египта, которыхъ нравы и обычаи имѣли значительное вліаніе на архитектурныя условія ихъ жилищъ.

Дома египетскіе обыкновенно двухъ или трехъ-ярусныя и почти всегда выстроены изъ краснаго кирпича; въ Каирѣ нередко строятся они изъ кирпича сыраго, который спаружи одѣваютъ тонкими квадратными плитами, изъ желтоватаго известняка. Вообще всѣ строенія расположены вокругъ четыре-

угольнаго двора (*лошъ*), такъ, что окна и двери комнатъ выходятъ на галереи, окружающія дворъ. По фасаду, обращенному на улицу, оконъ весьма немного и два, три крытые балкона, (*мушараби*) защищаемые часто рѣшеткою; въ нихъ стоитъ софа, и женщины на Востокъ, обыкновенно ничѣмъ не закрывающіяся, сидятъ тутъ цѣлый день и разсматриваютъ проходящихъ по улицѣ, не подвергаясь сами нескромнымъ взорамъ. Лѣстница (*саламъ*), ведущая въ верхіе этажи, всегда каменная, часто витая, и отличается необыкновенною легкостію. Крыша (*эль-сотухъ*) плоска, устроена террасою и окружена по краямъ стѣнкою, чтобы изъ соедѣнныхъ домовъ нельзя было смотрѣть на женщинъ, сидящихъ на этихъ террасахъ вечеромъ, гдѣ многія семейства и спятъ ночью въ жаркіе мѣсяцы. Тамъ, гдѣ лѣстница выходитъ черезъ треугольное отверстіе или трапъ на террасу, устроены родъ навѣса (*мелкофъ*) изъ досокъ; онъ открывается всегда къ сѣверу и служитъ къ поддержанію сквознаго вѣтра и возобновленію воздуха внутри лѣстницы и самыхъ покоевъ. Передъ домомъ, съ улицы, скамья (*мечетабъ*), на которой сидятъ слуги и садятся люди простаго званія, имѣющіе надобность въ домъ. Наружныя двери не высоки, обыкновенно окованы толстыми гвоздями и запираются изнутри деревянною задвижкою. Но самая замѣчательная особенность египетскихъ домовъ состоитъ въ томъ, что даже въ хижинахъ фелаковъ (простолудниковъ) непременно находится потаенное мѣсто (*махба*), въ которомъ хозяева прячутъ свои сокровища, деньги и т. п.—Г. Рафаловичъ говоритъ, что этому обычаю, встрѣчаемому въ Египтѣ съ неконци вѣковъ, должно приписать общее повѣрье Арабовъ о существованіи, особенно въ развалинахъ и старыхъ строеніяхъ, кладовъ, играющихъ такую роль въ ихъ сказкахъ. По этой же причинѣ Арабы убѣждены, что Европейцы посѣщаютъ развалины древнихъ памятниковъ и разрываютъ могилы съ цѣлію отыскивать клады, на существованіе которыхъ, по ихъ мнѣнію, указываютъ таинственные надписи временъ фараоновскихъ.

Повѣрья у Египтявъ играютъ не маловажную роль во всѣхъ отношеніяхъ и случаяхъ жизни. Такъ г. Рафаловичъ приводитъ примѣръ, что въ Даметѣ онъ видѣлъ колонну изъ бѣлаго мрамора, которой вся нижняя половина гораздо тоньше верхней, неравна, бугриста, точно-будто ее огрызали зубами; мѣстами на ней видѣлись слѣды свѣжей крови. По тамошнему народному повѣрью, одержимые желтухою лижутъ эту колонну языкомъ до-гѣхъ-поръ, пока на немъ выступитъ кровь. Судя по значи-

тельному убавленію объема колонны, число облизывавших ее пациентов должно быть весьма велико. У входа въ мечеть, одна изъ арокъ покоится на двухъ колоннахъ, стоящихъ такъ близко, что промежутокъ между ними весьма малъ и узокъ. Арабы увѣряютъ, что кто можетъ пройти чрезъ этотъ промежутокъ, тотъ долженъ быть человекъ безъ грѣховъ, которому свободно открыты врата Мухамедова рая. Нашъ путешественникъ не упустилъ ничего изъ виду и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ только онъ останавливался, старался собрать всевозможныя свѣдѣнія. Но самымъ любопытнымъ мѣстомъ въ дневникѣ г. Рафаловича мы почитаемъ взглядъ его на причины развитія чумы въ Египтѣ и на ходъ чумныхъ эпидемій, а также извѣстія о послѣдней болѣзни Мехмеда-Али, во-время которой авторъ самъ находился въ числѣ врачей, призванныхъ для консультациі къ больному пашѣ.

Г. Рафаловичъ, въ отчетѣ своемъ о причинахъ развитія и о ходѣ чумной заразы въ Египтѣ, полагаетъ слѣдующія причины: тѣсоту и неопрятность жилищъ простыхъ жителей. Вотъ какъ описываетъ онъ эти хижины, между прочимъ:

«Увидѣвъ деревню въ первый разъ, не понимаешь, какъ и гдѣ собственно помѣщается то число людей, которое дѣйствительно въ ней обитаетъ. Избы фелаховъ позакиточнѣе, окружены низкою стѣною изъ глины, образующею крошечный дворикъ, въ которомъ держать они домашнюю скотину и дворовую птицу. Пометъ скота тщательно собирается хозяйкою и ея дочерью; онъ обыкновенно полужидокъ, отъ земнаго берсима, которымъ кормятъ животныхъ большую часть гола. Женщины мѣсатъ эти вещества руками, и прибавивъ немного съченой соломы, образуютъ лепешки (*чиллэ*), которыя для просушки прилапываютъ къ наружнымъ стѣнамъ землянки, а потомъ складываются на крышѣ, вмѣстѣ съ сухими стеблями кукурузы, хворостомъ и т. п., служащими здѣсь вмѣсто топлива. Самыя избы до того дурны и неудобны, что удивляешься, какъ могутъ жить въ нихъ люди, когда у насъ хорошій хозяинъ конечно не согласился бы держать въ нихъ животныхъ. Эти землянки состоятъ изъ одной небольшой комнатки съ крышею изъ тростника или изъ сыраго кирпича, въ видѣ плоскаго купола; онъ такъ низокъ, что въ нихъ нельзя стоять прямо; оконныхъ отверстій вовсе нѣтъ, а дверныя такъ малы, что надобно согнуться въ крюкъ, чтобы пройти. Около половины всего внутренняго пространства землянки занимаетъ широкая, плоская печь безъ дымной трубы, въ которой варятъ пищу и приготавливаютъ хлѣбъ; дымъ весьма ѣдкій, вслѣдствіе амоніакаль-

ныхъ газовъ, развивающихся изъ чиллэ, наполняетъ избу и медленно цѣдится чрезъ двери, запираемыя на ночь; стѣны избы внутри покрыты густымъ слоемъ досыхающей сажи. Зимомъ семейство спитъ на печи, лѣтомъ на полу, на старой цыновкѣ; значительное пониженіе температуры воздуха въ четыре зимніе мѣсяца и дожди, весьма частые въ это время, побуждаютъ ниже-египетскаго фелаха цѣпить теплый уголокъ, особенно при недостаточной одеждѣ, а еще болѣе женщинъ и дѣтей. Можно составить себѣ понятіе о томъ, какаго рода газы наполняютъ воздухъ, уже насыщенный дымомъ, въ землянкѣ, окруженной навозомъ и въ которой, на пространствѣ немногихъ квадратныхъ аршинъ, спитъ нѣсколько человекъ. Выдоханіе подобнаго воздуха, въ продолженіе половины каждыхъ сутокъ, не можетъ оставаться безъ вреднаго вліянія на кровоотвереніе и, слѣдовательно, на самое развитіе организма».

Второю причиною развитія чумы г. Рафаловичъ полагаетъ самую пищу фелаховъ. По дороговизнѣ мяса, фелахи преимущественно питаются растениями, изъ которыхъ многія, какъ напримѣръ рѣдька, морковь, лукъ, ѣдятся сырыми, и т. п. Третьею причиною чумы можетъ служить самый вредный составъ воздуха, отъ дурнаго устройства деревенскихъ и городскихъ кладбищъ. Грушы не опускаются въ яму, а складываются, надъ поверхностью земли, въ выстроенныхъ, кирпичныхъ склепахъ, формою похожихъ на хлѣбную печь.

Г. Рафаловичъ говоритъ, что обыкновенно спорадическая чума не представляетъ признаковъ тяжелыхъ, опасныхъ, часто ограничивается произведеніемъ опухолей лимфатическихъ железъ. Для прекращенія этихъ спорадическихъ случаевъ достаточно или однихъ силъ природы, или способовъ самыхъ простыхъ, напримѣръ, перенесенія больнаго въ мѣсто болѣе просторное, доступное воздуху, отдѣленія его отъ сожитія съ другими людьми, провѣтриваніе его пожитковъ и пр.; но опытъ доказываетъ, что къ «*постольно*» существующимъ стихіямъ зарожденія чумы самопроизвольной, спорадической, въ Египтѣ чрезъ каждыя нѣсколько лѣтъ, 8, 10, 12, 15», присоединяется *новый элементъ*, неизвѣстный въ сущности своей, недоступный пока излѣдованіямъ и зависящій очевидно отъ какихъ-то космическихъ вліяній, подъ вліяніемъ которыхъ, индивидуальное предрасположеніе, дремлющее, такъ сказать, въ Египтянинѣ, до того усиливается, что вся масса населенія цѣлаго города, области или края становится временно расположенною заражаться чумою.

Опыт наконец доказалъ, говорить г. Рафаловичъ, что хотя въ Египтѣ, во-время эпидеміи, *обыкновенный* путь сообщенія заразы есть приспособленіе къ больнымъ и пожиткамъ замученныхъ, тѣмъ не менѣе — случаи, въ которыхъ люди, *касавшіеся чужихъ, сами заболѣваютъ, составляютъ исключеніе*, а тѣ случаи, въ которыхъ люди, *не смотря на сообщенія, не заболѣваютъ, составляютъ правило*. Это говорятъ враги всѣхъ партій и ученій; это не есть мнѣніе, а выраженіе факта неоспоримаго и наблюдаемаго на Востокѣ, во-время всѣхъ эпидемій.

Г. Рафаловичъ оканчиваетъ свой путевой дневникъ очень интереснымъ расказомъ о послѣднихъ болѣзненныхъ припадкахъ Мехмета-Али.

Мехметъ-Али заболѣлъ въ Капрѣ, 1847 года. Сначала ему опять сдѣлалось лучше, но послѣ неосторожности въ діетѣ, случившейся съ нимъ во-время посѣщенія имъ старшей дочери, маловажный недугъ превратился въ диссентерію съ рвотою. Продолжительность припадковъ стала сильно беспокоить призванныхъ врачей; видя безуспѣшность употребленнаго леченія, они рѣшились выѣхать съ нимъ въ Европу, и немедленно приступили къ исполненію этого рѣшенія. 10 февраля, больной отправился по Нилу въ Александрію, гдѣ генеральный консулъ Баррѣ представлялъ въ распоряженіе пашы, французскій казенный пароходъ Александръ. Велѣдъ за тѣмъ Мехметъ-Али выѣхалъ въ Мальту, въ сопровожденіи египетскаго фрегата, докторовъ Клотъ-Бею и Гахтаи-Бею и многочисленной свиты. Во-время рейса и потомъ, въ карантинѣ, въ Мальтѣ, диссентерія опять усилалась, аппетитъ совершенно пропалъ, силы истощались.

Медики рѣшились дѣйствовать съ энергіею. Паша почувствовалъ себя лучше и силы его начали поправляться. Въ одну изъ слѣдующихъ почей, онъ вдругъ проснулся, призвалъ дежурнаго мамелюка и спросилъ:—Гдѣ шейхи, пріѣхавшіе ко мнѣ изъ Мекки? Я хочу ихъ видѣть.

Изумленный мамелюкъ почтительно отвѣчалъ, что великій паша находится теперь на англійскомъ гаурскомъ островѣ; паша сначала не повѣрилъ, но подѣ конецъ согласился, что шейхи представились ему, вѣроятно, по свѣ. На другой день и помину не было объ этомъ разговорѣ, но, чрезъ нѣсколько почей, больной опять проснулся, воображая, что къ нему явились мужчины Европейцы, съ дамами, и требовалъ, чтобы ихъ ввели въ спальню; въ этотъ разъ онъ долго спорилъ и горячился, прежде чѣмъ убѣдился, что это было только сповидніе. Проживъ, по окончаніи карантиннаго срока, еще нѣсколько дней въ Маль-

тѣ, гдѣ онъ занималъ старшій дворецъ гроемейстеровъ ордена, Мехметъ-Али выѣхалъ потомъ со свитою въ Неаполь. Физическое его состояніе примѣтно поправилось, но за то умственное разстройство, съ каждымъ днемъ, становилось все примѣтнѣе и сильнѣе; свѣтлыя промежутки дѣлались рѣже и короче; впрочемъ, общее направленіе идей было веселое и пріятное. Паша былъ очень ласковъ и благосклоненъ съ окружающими его особамъ, и все ему правилось. Гуляя, по пріѣздѣ въ Неаполь, по великолѣпной улицѣ «Толедо», въ придворной каретѣ короля, онъ восхищался красотою и громадностію зданій, и все повторялъ Клотъ-Бею выраженіе удовольствія, что, въ теченіе немногихъ недѣль, такъ успѣли украсить и улучшить видъ города. Онъ воображалъ, что находится въ Александрію, и никакъ не могла было разубѣрить его въ томъ. Послѣдній ударъ разстроивающагося умственнымъ способностямъ Мехмета-Али нанесло извѣстіе о февральскихъ происшествіяхъ во Франціи. Съ-тѣхъ-поръ бредъ у него былъ почти непрерывный, и однимъ изъ характерныхъ признаковъ помѣшательства выставлялась крайняя забывчивость, даже въ событіяхъ недавно случившихся и совершенно свѣжихъ. Онъ приказалъ бывшему при немъ министру, Артыиъ-Бею, немедленно отправиться въ Парижъ, чтобы закрыть тамъ существующую «египетскую школу», въ которой на его издѣленіи воспитывались молодые Египтяне, и привести воспитанниковъ въ Александрію. Ночью пришли будить министра, котораго больной требовалъ къ себѣ.—Что, привезъ ты молодыхъ людей изъ Парижа? спросилъ Паша. Напрасно Артыиъ-Бей увѣрялъ, что получилъ приказаніе ѣхать нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, онъ не успѣлъ еще отправиться въ дорогу. Мехметъ-Али, все повторялъ, что онъ самъ, въ это время, успѣлъ уже побывать въ Вѣнѣ и Парижѣ и даже назвалъ особъ, съ которыми тамъ видѣлся. Врачи, по совѣщаніи съ извѣстными практиками въ Неаполѣ, желали остаться съ больнымъ еще нѣсколько мѣсяцевъ въ столицѣ, но проживавшій тамъ, въ ту же пору, Ибрагимъ-паша, настаивалъ на скорѣйшемъ возвращеніи въ Египетъ. Отецъ и сынъ отправились на двухъ разныхъ пароходахъ въ Александрію, въ которой никто изъ жителей не зналъ о постигшемъ Пашу несчастіи, и потому публика, собравшаяся у пристани, подлѣ дворца Рабъ-Эль-Тинъ, не безъ крайняго изумленія, услышала приказаніе Мехмета-Али, при выходѣ съ парохода на берегъ: «немедленно освободите всѣхъ каторжныхъ изъ сосѣднаго арсенала» гдѣ ихъ содержится нѣсколько сотъ человѣкъ. Врачи успѣли предупредить Сеидъ-па-

шу объ умствепномъ разстройствѣ его отпа, и приказаніе осталось неисполненнымъ.

На другой день по прибытіи, открылась у больного перемежающаяся лихорадка, которую послѣ третьяго пароксизма установили; помѣшательство между тѣмъ все болѣе и болѣе принимало характеръ «старческаго безумія» (*dementia senicis*): идеи потеряли прежнюю веселость, больной сдѣлался несловоохотливымъ, угрюмымъ, раздражительнымъ, и совершенно потерялъ память. Особъ, которыхъ уже нѣсколько времени не видалъ, онъ вовсе не узнавалъ, а бесѣдуя съ приближенными, онъ чрезъ нѣсколько минутъ забывалъ, что они только являлись къ нему; такъ, когда докторъ Газани-Бей приходилъ поутру во дворецъ, то Мехметъ-Али пріивѣтствовалъ его довольно ласково и приглашалъ садится; но едва тотъ успѣвалъ обойти кресло Паши, какъ больной снова его пріивѣтствовалъ, вовсе не помня, что уже видѣлъ; по той же причинѣ, Паша требовалъ непрерывно ѣсть, и все удивлялся, почему не накрываютъ стола. Тогда члены семейства рѣшились временно поручить управление краемъ Ибрагиму-пашѣ, а больного перевели въ гаремъ, въ это время привезенный къ нему изъ Каира. Но опасаясь вредныхъ послѣдствій отъ несообразной діеты въ гаремѣ и непостояннаго климата въ Александріи, при несовершенномъ прекратившейся лихорадкѣ, лейб-медики совѣтовали выѣхать съ больнымъ въ Каиръ. Ибрагимъ-паша не согласился и даже обвинилъ врачей, что они руководствуются личными выгодами; между тѣмъ настоящая причина отказа заключалась въ не совсѣмъ пріязненныхъ его отношеніяхъ къ другимъ членамъ семейства Мехмета-Али.

Чтобы окончательно рѣшить это дѣло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвергнуть положеніе больного основательному обсужденію, положено было пригласить нѣсколько медиковъ разныхъ націй, проживавшихъ тогда въ Александріи. Консультація происходила 13 апрѣля. Вотъ какъ говорить о ней г. Рафаловичъ.

«Насъ провели въ залу нижняго яруса въ небольшомъ флигелѣ, подлѣ гарема. Тутъ, въ присутствіи Сейды-паши, довольно хорошо говорящаго по-французски, Клотъ-Бей прочелъ намъ краткую записку о ходѣ болѣзни, и развилъ выгоды переезда въ Каиръ, гдѣ пребываніе въ мубраскомъ саду, въ тишинѣ, уединеніи и болѣе ровномъ климатѣ, должно было оказывать благотвельное дѣйствіе на здоровье Мехмета-Али. За тѣмъ все собраніе отправилось въ залу гарема; широкая, мраморная лестница ведетъ въ вышеченные, тѣмъ же матеріаломъ, коридоры бель-этажа, на которые открываются

двери отдѣльныхъ покоевъ пашинскихъ женъ и одаыкъ; у каждой двери стоялъ евнухъ съ саблею у бедра, держа правую руку на ручкѣ замка; евнухи эти были почти всѣ Абиссинцы; Негровъ замѣтилъ я мало между ними. Они съ изумленіемъ смотрѣли на насъ, потому-что, по этимъ корридорамъ, вѣроятно, въ первый разъ, шло столько Франковъ. Мехметъ-Али, одѣтый въ синій шлафорокъ на мѣху, сидѣлъ въ большихъ креслахъ, съ одной стороны, которыхъ стоялъ евнухъ, а съ другой прехорошенькая молодая Француженка, г-жа Р... сестра главнаго управителя у Ибрагима-паши. Дама эта, жена богатаго александрійскаго негодіанта, родилась на Востоцкѣ, и совершенно владѣла турецкимъ языкомъ, была очень любима дочерьми Мехмета-Али, которыхъ часто приглашали ее во дворецъ; она держала въ рукѣ *манаше* (мухогонку) изъ тонкихъ финиковыхъ листьевъ, и отгоняла ею мухъ, садившихся на лицо больного.

Перемена въ физиономіи Мехмета-Али поразила меня и глубоко тронула. Хотя лицо у него вовсе не такъ похудѣло и изуродовало, какъ мы полагали, но глаза, всегда столь быстрые и проникательные, придававшіе такую чрезвычайную живость игрѣ лицевыхъ мышцъ его, потеряли весь блескъ; прежній огонь ихъ погухъ, взглядъ былъ мутный, неподвижный, безъ выраженія. Паша никого изъ насъ не узналъ; г. Прюса онъ принялъ за особу, умершую двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, а другихъ болѣе или менѣе знакомыхъ ему врачей увѣрялъ, что видитъ ихъ въ первый разъ; причины и цѣли посѣщенія, казалось, онъ нисколько не понималъ, подвергаясь впрочемъ осмотру безъ сопротивленія и сопротивленія; позволялъ щупать нервы, голову, біеніе сердца, показывалъ языкъ, который мы нашли сухимъ и краснымъ; потомъ, по желанію нашему, всталъ и довольно бодро обошелъ залу два раза кругомъ, поддерживаемый подлѣ руки двумя особами. На вопросы отвѣчалъ онъ скоро, но почти всегда ошибочно, жаловался на шумъ въ ушахъ и на то, что съ утра еще ничего не ѣлъ; однакожъ намъ сказали, что ему уже два раза подавали кушать!

Кончивъ осмотръ, доктора приступили къ разсужденію о свойствѣ болѣзни, рѣшительно отказавъ Сейдъ-пашѣ присутствовать при совѣщаніи. Пренія шли очень долго, и врачи положили собраться еще разъ; это однако не состоялось. На другой день, всѣ врачи, участвовавшіе въ совѣщаніи, подписали формальный актъ, въ которомъ подробно изложены были обстоятельства, оказавшіяся при осмотрѣ. Заключение его состояло въ томъ что, при продолжительности болѣзни и преклонныхъ лѣтахъ Паши, ему не только не возможно заниматься дѣлами въ настоящее время, но что имѣется вообще весьма-мало надежды на выздоровленіе.

Этотъ послѣдній оборотъ, говорить г. Рафаловичъ, вставленъ былъ въ актъ, вмѣсто употребленнаго сначала выраженія: «не имѣ-

ловь никакой надежды, на введение которого главные, из бывших при консултации, медиков египетской службы, по весьма естественной осторожности не соглашались. Что же касается до туземцев, то они вовсе не вѣрили умопомъшательству Паши: «Фендине Мухамедъ-Али, говорили они, только притворяется большимъ, чтобы узнать кто изъ прежнихъ его любимцевъ и приближенныхъ истинно ему вѣренъ и преданъ и кто вѣтъ?»

Но мнѣніе это не подтвердилось. Разстройство мозговыхъ отправлений знаменитаго паша, было не притворное. Онъ прожилъ еще шестнадцать мѣсяцевъ, въ состояніи умственного дѣтства, и умеръ 80 лѣтъ отъ роду 2 августа (новаго стиля) 1849 г. Нильс Египтомъ управляетъ внукъ Мехмета-Али, Аббетъ-паша, сынъ Туссуна, родившійся въ 1813 г.

Черезъ нѣскольکو дней послѣ послѣдняго посѣщенія г. Рафаловичемъ Мехмета-Али, путешественникъ нашъ простился съ Александрією и прибылъ въ Мамту.

Тутъ и оканчивается, на второй книгѣ, дневникъ г. Рафаловича, по какой-то новой привычкѣ авторовъ, съ нѣкотораго времени, не выдавать своихъ сочиненій вполне. Впрочемъ почтенный нашъ соотечественникъ обѣщалъ ознакомить читателей съ новыми изслѣдованіями своего путешествія. Благодаримъ его, и готовы дожидаться, только не столько времени, чтобы позабыть первыя двѣ книги.

60 *Практическія правила къ руководству при покупкѣ лошадей.* Сочиненіе Якова Юнсона. С.-Петербургъ. 1850 г.

Очень полезная книга, которую нельзя не посоветовать записать не только всякому любителю лошадей, но всемъ тѣмъ кто только ищетъ или желаетъ завести себѣ лошадей. Книга эта содержитъ въ себѣ пять главъ, изложенныхъ хотя кратко, но полно и ясно, а именно: о строеніи тѣла и формы отдѣльныхъ членовъ, съ показаніемъ—въ какой степени должна обладать ими хорошая лошадь; опредѣленіе возраста; изложеніе вѣшнихъ болѣзней; бѣглый взглядъ на внутреннія болѣзни и обстоятельства, на которыя всего болѣе должно обращать вниманіе при пробиной вѣдь. Эта послѣдняя глава особенно важна, по тому искусству и смѣлности, съ которыми лошадиные барышники и торговцы, умѣютъ скрывать отъ покупателей даже самыя опасныя и неисправимыя пороки и болѣзни лошадей.

61 *Начертаніе русской исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній,* сочиненіе Н. Устрялова, изданіе седьмое. С.-Петербургъ. 1850 г.

За достоинство и пользу этой книги ручается имя ея автора, уже извѣстнаго своими сочиненіями въ этомъ родѣ, а за превосходство ея, предъ прочими подобными книгами, седьмое ея изданіе.

«Указатель замѣчательнѣйшихъ открытій по математическимъ, физическимъ и естественнымъ наукамъ, составленный М. Хотинскимъ, Чл. Мн. Уч. Общ. 1849. Въ 8 л. л. 12 тетрадокъ.»

Вообще журналы, издаваемые у насъ правительственными мѣстами, не смотря на спеціальность своего содержанія, ограничиваемаго самымъ назначеніемъ журнала и составомъ его программы, отличаются прекраснымъ выборомъ статей, въ числѣ которыхъ попадаются часто труды весьма замѣчательные. Но по обширности своей программы ни одинъ изъ официальныхъ журналовъ не можетъ спорить съ Журналомъ Мн. Народнаго Просвѣщенія, въ кругу обзорѣнія котораго заключаются все многообразнѣйшія отрасли человѣческихъ знаній. Этотъ журналъ, кромѣ дѣйствій Правительства по учебной части и другихъ официальныхъ извѣстій, постоянно печатаетъ труды отечественныхъ ученыхъ, развѣивающіе современное состояніе наукъ, и еще не довольствуясь этимъ, предполагаетъ ежемѣсячно знакомить своихъ читателей съ важнѣйшими изысканіями, совершившимися въ ученomъ мѣрѣ.

Очевидно, что при обширномъ развитіи, до котораго достигли науки въ наше время, вѣтъ возможности одному журналу помѣщать подробные отчеты о всѣхъ, даже важнѣйшихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ, двигающихъ впередъ наши знанія. Уже и того очень довольно, если журналъ изложивъ въ короткихъ словахъ сущность дѣла, укажетъ источникъ, въ которомъ читатель можетъ найти интересующія его подробности. Такого именно рода Указатель, въ пользѣ котораго не можетъ быть никакого сомнѣнія, помѣщается въ Журналѣ Народнаго Просвѣщенія. Заботливая редація, имѣя однакожъ въ виду всю трудность и новизну такого дѣла, весьма благоразумно положила ограничиться, на первый разъ, Указателемъ для однихъ только наукъ математическихъ, физическихъ и естественныхъ. Исполненіе этого дѣла (какъ видно изъ сдѣланнаго въ самомъ журналѣ объявленія) поручено извѣстному нашему ученому-дилетанту М. С. Хотинскому, обладающему обширными знаніями по энциклопедіи физическихъ наукъ.

Указатель, о которомъ идетъ рѣчь началъ свое существованіе съ 1848 года, и, какъ видно изъ ссылокъ, Редація Журнала Народнаго Просвѣщенія щедръ снабдила г. Хотинскаго всѣми нужными для подобнаго труда пособіями. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы встрѣтили въ этомъ Указателѣ ссылки на болѣе, чѣмъ 20 различныхъ ученыхъ периодическихъ изданій. По этому можно су-

дита, какое богатое поле предстать для жатвы почтенного литератора-натуралиста.

Дабы доставить тѣмъ изъ любителей наукъ, которые не получаютъ упомянутого журнала, средство пользоваться Указателемъ г. Хотинскаго, отписано небольшое количество отдѣльныхъ экземпляровъ *. По ограниченности этого числа, совѣтуемъ поторопиться тѣмъ изъ любителей наукъ, которые бы пожелали записаться этою полезною и занимательною книгою.

* Продается у книгопродавцевъ Базунова, Полякова и Ратькова 1 руб. 20 коп. за экземпляръ, а съ пересылкою по 1 р. 30.

Чтобы дать понятие о богатствѣ, разнообразіи и интересѣ ея содержанія, выписываемъ здѣсь заглавіе помѣщенныхъ въ ней статей:

I. По небесной Механикѣ:

Эллипсоидальныя фигуры, соответствующія равновѣсію жидкой массы, подверженной притяженію отдаленной точки (*депъ статьи*).

II. По Астрономіи:

Легкій способъ, приблизительно опредѣлять разстоянія планетъ отъ солнца.—Опредѣленіе времени, широты и азимута помощію двойныхъ прохожденій звѣзды чрезъ различные меридіаны.—Вторая комета Петерсона.—Орбиты двойныхъ звѣздъ.—Новая комета Швейцера.—Новая комета Гурона.—Осьмой спутникъ Сатурна.—Новая метода вычисленія орбитъ двойныхъ звѣздъ, сэра Джона Гершеля.—Элементъ Иген.—Объективное стекло Фейля.—Новый микрометръ Фромана.—Орбита Метиды.—Двѣ исчезнувшія звѣзды.—Падающія звѣзды.

III. По Геодезіи:

Измѣреніе съ одной станціи и однимъ инструментомъ разстоянія и высоты неприступной точки.

IV. По Механикѣ:

Машина для закручиванія желѣзныхъ полосъ.—Рычажныя рессоры.—Новая скоропечатная машина.—Новые опыты надъ трубкою Пито.—Приборъ для опредѣленія скорости движеній по желѣзнымъ дорогамъ.—Прямая передача давленія на рельсы.—Путевая табличка для желѣзныхъ дорогъ.—Паровозъ Диллипутъ.—Подвижная плотина.—Средство противъ соскакиванія вагоновъ съ рельсовъ.—Машина для рѣзки и пробиванія желѣза.—Числительная машина Мореля.

V. По Физикѣ:

Зависимость между упругостію и температурою плавленія металловъ.—Термометрія.—Напряженіе свѣта раскаленныхъ тѣлъ при различныхъ температурахъ.—Фосфоричность моря и рыбы.—Полярные часы Утсона, усовершенствованныя Солейемъ.—Приборъ для электрическаго освѣщенія.—Діамагнитныя изслѣдованія Плукера.—Волатическая батарея Гудмана.—Опредѣленіе напряженія магнитныхъ и діамагнитныхъ силъ.—Лучистыя, поглощающія и разсѣивающія свойства твердыхъ тѣлъ.—Продольныя полосы солнечнаго спектра.—Поляризація лучистой теплоты чрезъ отраженіе.—Новое средство тушить огонь.—Вліяніе вѣрныхъ токовъ на гальванометръ.—Электрическій парометръ.—Увеличеніе газоваго свѣта.—Новѣйшія

изслѣдованія надъ поляризаціею теплоты.—Новыя магнитныя и діамагнитныя изслѣдованія Плукера.—Новая эмпирическая формула для упругости водянаго пара.—Измѣреніе индексовъ преломленія.—Очищеніе воздуха въ рудникахъ помощію пара.—Теорія морскихъ теченій.—Опытъ опредѣленія скорости движенія свѣта.—Быстрота звука въ жидкостяхъ.—Распространеніе теплоты въ кристаллическихъ тѣлахъ.

VI. По физической Географіи:

Высота и распребленіе Боливійскихъ Андоевъ.—Двойной токъ въ Гибралтарскомъ проливѣ.

VII. По Химіи:

Химическая статика чловѣческаго тѣла.—Чувствительный реактивъ виноспирта.—Кристаллическая сѣрная кислота.—Капельноожидка закиси азота.—Слушеніе сѣрной кислоты безъ платиновой посуды.—Дѣйствіе различныхъ жидкостей на цинкъ и гальванизированное желѣзо.—Новый способъ приготовленія портаугенской сѣрной кислоты.—Добываніе поташа безъ помощи огня.—Безводная азотная кислота.—Новыя изслѣдованія надъ жидкою закисью азота и виноспиртомъ.—Атомическій вѣсъ хлора и бора.—Опредѣленіе количества амміака въ атмосферѣ.—Новый способъ открытія іода и брома.—Эквиваленты церія, лантана и лидима.—Приготовленіе хлорной кислоты и ея солей.—Возстановленіе хлористаго серебра гальваническимъ путемъ.—Изомерныя видоизмѣненія фосфорной кислоты.—Эквивалентъ силіція и составъ кремнекислоты.—Изслѣдованія Холлева надъ виноспиртными соединеніями.—Опредѣленіе количества хрома въ его соединеніяхъ.—Новый способъ добыванія азота.—Дѣйствіе азотной кислоты на жирную кислоту.—Приготовленіе искусственныхъ органическихъ щелочей помощію азотистыхъ началъ растений.—Естественные источники сѣрной кислоты.—Новыя щелочи.—Атомическій вѣсъ углерода.

VIII. По Техникѣ:

Очищеніе и обработка гутта-перчи.—Приготовленіе туши.—Ковкій чугунокъ.—Дубленіе тканей.—Литой мраморъ-цементъ.—Горючій матеріалъ Голландса и Грина.—Свѣтильный газъ изъ смолы и воды.—Новый способъ травленія стали и мѣди.—Очищеніе терпентиннаго масла.—Усовершенствованіе выдѣлки сахара.—Усовершенствованіе сѣчного производствъ.—Отливка препаратовъ изъ гипса.—Несгаряемое дерево и ткани.—Способъ дѣлать дерево весьма прочнымъ.—Возстановленіе поглощающей силы животнаго угля.—Новая смола въ родѣ каучука и гутта-перчи.—Полезное употребленіе дыма доменныхъ печей.—Усовершенствованіе въ приготовленіи свѣтильнаго газа.—Круглое желѣзо, покрытое сталью.—Краска изъ гармалы.

IX. По Металлургіи:

Новый способъ добыванія чистаго золота.—Литое ковкое желѣзо.

X. По Антропологіи:

Племя Негровъ съ хвостами.—Остро-Негры въ Юго-Восточной Африкѣ.

XI. По Зоологии:

Одомашненіе животныхъ.—Птица *orthonix spinicandus*.—Патагонскій пингвинъ.—Инефузорія *monas prodigiosa*.—Искусственное оплодотвореніе устрицъ.—Восемь новыхъ видовъ обезьянъ.—Насѣкомое *hyroderma equi*.—Глаза моллюска *balanus rugosus*.—Звуки, издаваемые слизнякомъ.—Наблюденія Пипо надъ инефузоріями.—Новыя русскія раковины.—Моллюски, буряшіе каменные породы.—Безраковинныя инефузоріи въ атмосферѣ.

XII. По Ботаникѣ:

Odontoglossum grande.—Микроскопическіе грибы въ печеномъ хлѣбѣ.—Быстрая растительность бамбуковъ.—Сѣверные предѣлы распространенія растений.—Новое масляное растение *Viburnum oleifer*.—Новый овощъ *apricus tuberosa*.—Грибы, растущіе внутри кѣлочекъ живыхъ растений.—Грибъ *Sputaria alba*.—Новыя изслѣдованія надъ сахарнымъ тростникомъ.—Конгскій табакъ.—Дикорастущія питательныя растенія.

XIII. По минералогіи:

Новый видъ спинелл—*Крейтонитъ*.—Малаконъ и кристаллизованная водокремнистая пироксена.—Естественная водная кремниекислота изъ Алжира.—Калифорнійское золото.—Аморфный алмазь.—Новыя изслѣдованія калифорнійскаго золота.—Золотоносныя пески Новой Гренады и Урала.—Гейскіе золотоносныя пески.—Новый минералъ *Левентъ*.—Составъ немалита.—Новый минералъ, содержащій борную кислоту.—Искусственное произведеніе нѣкоторыхъ кристаллическихъ минеральныхъ породъ.—Окаменѣлости опаловиднаго известняка.—Составъ гайденита.—Австралійскія мѣдныя руды.—Окисель марганца въ известковомъ туфѣ.

XIV. По Палеонтологіи:

Оттиски ногъ новаго ископаемаго четвероногаго.—Изслѣдованія надъ геологическимъ распредѣленіемъ насѣкомоядныхъ хищныхъ.—Новыя ископаемыя рыбы третичныхъ формаций Богеміи.

XV. По Физиологіи:

Наблюденія надъ кровообращеніемъ.—Оплодотвореніе безъ участія самца.—Вліяніе нѣкоторыхъ веществъ на скорость обращенія крови.—Вліяніе кислорода на бѣленіе сердца.—Дѣйствіе спиртныхъ напитковъ и табаку на кровь.—Дыхательная проба.—Изслѣдованіе Сегена надъ голосомъ.—Изслѣдованіе гальванизмомъ жизненныхъ свойствъ мышечной системы.—Физиологическое значеніе желудочнаго сока.—Трубчатое строеніе нервовъ.—Связь между первами чувствительности и движенія.—Происхожденіе азота, находящагося въ растеніяхъ.

Слѣдовательно въ 12 тетраляхъ, изъ которыхъ составится красивый томъ въ осьмушку, заключается: 2 статьи по небесной механикѣ, 14 по астрономіи, 1 по геодезіи, 12 по механикѣ, 28 по физикѣ, 3 по физической географіи, 26 по химіи, 20 по техникѣ, 2 по металлургіи, 2 по антропологіи, 13 по зоологіи, 11 по ботаникѣ, 16 по минералогіи, 3 по палеонтологіи и 12 по физиологіи. Всего: 161 статья.

Указатель открытій продолжается и въ 1830 году, по примѣру прошлаго года.

СМѢСЬ.

ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКИХЪ КОЛОНИЙ. *Острова Гельголандъ*. Острова Гельголандъ, лежащій противъ Эльбы, къ сѣверу отъ Везера, къ югу отъ Эйлера, господствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи надъ устьями этихъ трехъ рѣкъ; его можно видѣть со всѣхъ сторонъ, на разстояніи отъ шестнадцати до восемнадцати миль (отъ 48 до 54 верстъ.) Онъ раздѣленъ каналомъ на двѣ части, изъ которыхъ большая заселена довольно многочисленнымъ народонаселеніемъ; другая часть, Песочный-островъ (*Sandy Island*) большая песчаная равнина, посѣщаемая купающимися, которые пріѣзжаютъ туда моремъ.

Всего сто двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ эта вторая песчаная часть острова была отдѣлена отъ другой, болѣе, во время спящихъ морскихъ приливовъ. Старожилы припоминаютъ, когда эта часть была вътрое длиннѣе и шире, чѣмъ теперь. Она уменьшается до-сихъ-поръ съ каждымъ днемъ, и когда море совершенно покроетъ ее, Гельголандъ лишится песчанаго морскаго берега, одной изъ лучшихъ своихъ принадлежностей.

Нѣкоторые комментаторы Тацита предполагаютъ, что поклоненіе богинѣ Гертѣ, первоначально появилось въ Гельголандѣ, и д'Авилль, раздѣляющій это мнѣніе, основываетъ его на томъ, что названіе *Heilig-land* означаетъ *святая земля*. Думаютъ, что словами: *Est insula Oceani* в проч. Тацитъ хотѣлъ сдѣлать

намокъ на этотъ островъ, потому-что онъ видимо говоритъ о постороннемъ предметѣ, въ своемъ описаніи Германіи.

Виллиамъ Гельмъ открылъ карту Гельголанда, на которой означены древніе храмы, укрѣпленія, деревни, окруженныя лѣсами, и обработанныя земли, орошенныя рѣками. По предположенію д'Анвиля, все это было поглощено моремъ отъ VIII-го до XIII вѣка. Въ-самомъ-дѣлѣ, можно слѣдовать на этой картѣ за возрастающимъ разрушеніемъ, которое изъ довольно пространной территоріи, оставило только очень ограниченную мѣстность. Въ 692, при устьѣ двухъ рѣкъ, текущихъ къ сѣверу, находились два храма, посвященные Вестѣ и Юпитеру. Другіе храмы, въ честь Марса и божества, называемаго Фоста или Фосета, существовали еще въ VIII столѣтіи. Храмъ Марса возвышался около истока одной изъ рѣкъ, а Фоста былъ на западѣ, въ Helger Wold, Hilliger Wolde или священномъ лѣсѣ. Послѣ введенія христіанства, монастырскія обители были основаны въ долинахъ на югѣ; карта, на которой упоминаются имена монастыря св. Эгберта, и капеллы Св. Вигберта, означаетъ также положеніе двухъ королевскихъ цитаделей или замковъ. Прежде XIII столѣтія, море уже покрыло всѣ эти зданія и земли, окружавшія ихъ. Нынѣшній островъ сохранилъ однако полосу, омываемую двумя рѣками, надъ истоками которыхъ господствуетъ замокъ. Тамъ же находились Кластербургъ, Меденбуль, Родбуль, и церкви святыхъ Лундзгенга и Хиллигенхеве.

Гельголандъ сохраняетъ со всѣхъ сторонъ слѣды своей древней обширности въ перпендикулярныхъ утесахъ, которые, если смотрѣть на нихъ съ океана, походятъ на огромную стѣну. Воды образовали въ скалахъ природныя арки, которыя, въ другихъ вѣкахъ и въ болѣе умѣренныхъ климатахъ, могли быть

Съ этимъ замѣчаніемъ однако не всѣ соглашаются. Другіе писатели относятъ слова Тацита къ острову Рюгену въ Балтійскомъ морѣ, и еще болѣе подтверждаетъ ихъ въ этомъ мнѣніи то, что на этомъ островѣ узнаютъ лѣсъ (castum nemus), о которомъ говорятъ Тацитъ. Въ этомъ лѣсу показываютъ мѣсто, гдѣ возвышался храмъ, въ которомъ находилась колесница Герты (terra mateti); наконецъ, озеро, теперь известное подъ именемъ Чернаго, находящееся возлѣ этого лѣса, могло относиться къ secreto lago, латинскаго писателя, въ которомъ кунаки покрывало, колесницу и, если угодно вѣрить, самую богиню, но въ которомъ топили потомъ рабовъ, употребляемыхъ для этой священной церемоніи. Объ этомъ можно справиться въ сочиненіи г-на Альберта Шварца, профессора въ Грейсвальдѣ, о географіи сѣверной Германіи, и путешествіи г-на Цольнара по острову Рюгену.

приняты за произведеніе какого-нибудь поколѣнія великановъ. Если вѣрить преданію, то Гельголандъ нѣкогда соединился съ твердою землею.

Нужно въ этомъ случаѣ отыскивать слѣды этого соединенія съ Данією, потому-что образованіе германскаго берега исключаетъ совершенно мысль о возможности такого соединенія.

Медленно, но безпрестанное уменьшеніе острова можетъ быть приписано расщелинамъ, принимаемымъ холодомъ и жаромъ, вслѣдствіе просачиванія дождей, которые, мало по малу отдѣляютъ нѣсколько частей отъ замка и уносятъ ихъ въ море. Прежде, чтобъ остановить это уменьшеніе, придумали средство обрубить утесы въ видѣ покатоści, чтобы представлять менше сопротивленія напору волнъ; но исполненіе этого проекта, который еще болѣе бы уменьшилъ поверхность острова, уже и безъ того маленькаго, оказалось неудобноисполнимымъ, и отъ него отказались.

Жители этого острова съ давняго времени извѣстны какъ смѣлые мореплаватели. Полагаютъ даже, что одинъ изъ нихъ, по имени Охмеръ, проникъ въ Балтійское море, и поднесъ описаніе своего путешествія королю Алареду, съ которымъ, въ 890 году, онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ.

Слѣдѣть-порѣ ничего замѣчательнаго не происходило въ Гельголандѣ до августа 1714 г., когда Датчане завоевали его у герцога Шлезвигъ-Голштейнскаго, которому онъ давно принадлежалъ, и владѣли имъ около ста лѣтъ. Въ 1807 адмиралъ Руссель занялъ его именемъ Англіи, которая сохраняетъ его въ силу договора 1814 г., со времени возстановленія общаго мира.

Великобританія умѣла извлечь большія выгоды изъ владѣнія Гельголандомъ. Въ то время, когда Наполеонъ заставлялъ Гамбургъ и другіе вольные города отказываться отъ англійскихъ произведеній, не только этотъ островъ служилъ прекраснымъ обсервационнымъ пунктомъ для наблюденія за неприятелемъ, но онъ слѣжался мѣстомъ складки товаровъ, которые контрабанда распространяла потомъ по всей сѣверной Германіи. Видъ Гельголанда съ моря самый живописный: просторные дома, чистые и хорошо выстроенные, церковь и маякъ, господствующіе надъ ними, высокія лѣстницы, соединяющія верхнія и нижнія части города; множество рыбацкихъ лодокъ, стоящихъ на юрѣ въ открытомъ морѣ, толпа и шумъ на морскомъ берегу, плоской берегъ Песчанаго острова, съ караванами и купающимися, наконецъ, рядъ огромныхъ утесовъ, раз-

личные цвѣта которыхъ отражаются на солнцѣ, все это ослѣпляетъ иностранца разнообразностью, когда онъ стоитъ передъ памятниками, достойными главныхъ городовъ Европы, тамъ, гдѣ онъ думалъ встрѣтить только скромныя жилища бѣдныхъ рыбаковъ.

Первый предметъ, который, при выходѣ на берегъ, привлекаетъ вниманіе путешественника, есть небольшая площадь, на которой выстроены большой кафе-ресторанъ, извѣстный подъ именемъ *Общественнаго дома*. Внутренность этого мѣста собранія замѣчательна своимъ великолѣпіемъ; что касается до его пространства, съ перваго взгляда можно подумать, что оно не соразмѣрно съ мѣстностью, но скоро перестаешь удивляться, когда убѣдишься, что оно еще не достаточно по числу множества купавшихся въ прекрасное время года. Баллы и концерты служатъ свидѣтельствомъ веселости этихъ добрыхъ Нѣмцевъ, которые совсѣмъ перемѣняются, когда могутъ, на нѣсколько времени, позабыть дѣла и политику, и заняться своимъ здоровьемъ и удовольствіями. По случаю стеченія путешественниковъ, устроено въ Гельголандѣ множество трактировъ, многочисленность которыхъ уменьшаетъ цѣну и гдѣ путешественникъ, жадный новостей, можетъ на свободѣ изучить нѣмецкій характеръ въ представителяхъ разныхъ государствъ, которые каждый годъ тутъ собираются въ числѣ 40 тысячъ, изъ которыхъ, по крайней-мѣрѣ, 500 находятся здѣсь въ первый разъ.

Въ верхней части города учреждена танцевальная зала, которая столько же замѣчательна, какъ и кафе-ресторанъ нижней части города, учрежденный для высшаго сословія. Тамъ любятъ національнымъ костюмомъ и народными плясками во всей ихъ красотѣ.

Красная юбка, неизбѣжная принадлежность туалета каждой молодой жительницы Гельголанда, развязность танцоровъ, особливо молодыхъ моряковъ, придаютъ этимъ собраніямъ особенный видъ.

Островитяне гордятся тѣмъ, что принадлежать къ числу англійскихъ подданныхъ, они находятъ въ этомъ честь и пользу; если только это званіе стоитъ зависти, не надо забывать что Гельголандъ обязанъ ему своимъ теперешнимъ, фешіонбельнымъ мѣстомъ сборища купавшихся въ Германіи.

Въ лѣтнее время, пароходъ ѣздитъ черезъ два дня изъ Гамбурга въ Гельголандъ; разстояніе между ними сто миль, но перѣздъ продолжается только 10 часовъ, на одномъ изъ луч-

шихъ кораблей. Бременскіе и ганноверскіе пассажиры отплываютъ изъ Куксхавена.

Гельголандскіе рыбаки проворны и терпѣливы на морѣ; своему опасному промыслу обязаны они хладнокровіемъ и присутствіемъ духа, которые иногда походятъ на дерзость; но на сухомъ пути лѣтность ихъ доходитъ до того, что они краснѣютъ при мысли о полевыхъ работахъ, и скорѣю согласятся не ѣсть цѣлыя сутки, чѣмъ доставать себѣ работою пропитаніе. Они предоставляютъ эти трудныя работы своимъ женамъ, и поручаютъ имъ даже свои рыболовные снаряды, между тѣмъ какъ, подъ предлогомъ ожиданія судовъ, проводятъ цѣлые дни и недѣли въ бездѣйствіи. Характеръ ихъ миролюбивъ до слабости. Чтобы предупредить или кончить споръ, они предоставляютъ рѣшить дѣло случаю: бросаютъ въ шляпы свои медали, принадлежность рыбаковъ; свидѣтель вынимаетъ одну изъ нихъ, и тотъ, чья медаль вынется, бываетъ правъ. Эти люди являютъ удивительное довѣріе къ этому простому роду суда.

Не смотря на то, что на Сѣверномъ морѣ часто бываютъ бури, рыбаки ничего такъ не любятъ, какъ свои барки, на которыхъ они однакожъ подвергаются лишеніямъ и самымъ грубымъ трудамъ.

Часто случается, что оставая островъ, они бываютъ занесены на подводные камни, и остаются зимой, цѣлыя сутки подъ открытымъ небомъ, на лодкахъ безъ палубы, безъ огня, безъ пристанища противъ стихій, безъ всякой пищи, кромѣ куска черстватаго хлѣба и соленой рыбы. Не смотря на все это, они крѣпкаго сложенія и не подвергаются болѣзнямъ столь свойственнымъ ихъ роду жизни; но за то суровость воздуха и жаръ солнца портятъ цвѣтъ лица, искажаютъ ихъ черты.

Усталость и однообразность ихъ трудовъ подавляютъ въ нихъ огонь молодости; ихъ осанка важна; въ 25 лѣтъ они кажутся 40-лѣтними; но хотя они и скоро старѣются, однако многіе изъ нихъ достигаютъ глубокой старости.

Теперь рыбная ловля составляетъ главный промыселъ острова. Рыба (доршъ) перевозится на легкихъ судахъ въ Гамбургъ и Бременъ, откуда она разсылается во внутренность Германіи. Морскіе раки, которые привозятся изъ Англій въ Гамбургъ, гораздо крупнѣе и вкуснѣе норвежскихъ. Рыбакъ доволенъ, если онъ получитъ въ лѣтнее время 12 фунт. стерл. (75 руб. сер.) изъ 5,000 фунтовъ стерлинговъ (31,250 р. с.) суммы, ежегодно добываемой рыбкою ловлею.

Въ хорошее время года онъ питается свѣжей рыбой, остальное же время онъ употребляетъ въ пищу одну сушеную рыбу. Общество рыбаковъ приводитъ въ порядокъ свои счета два раза въ годъ. Въ это время они проводятъ недѣлю въ удовольствіяхъ. Женщины также имѣютъ свои увеселенія на масляной и въ *праздникъ коньковъ*, въ которомъ мужчины не участвуютъ.

Жители Гельголандъ, опредѣляясь матросами на корабли всѣхъ націй, обязаны знать, по крайней мѣрѣ, нѣсколько словъ изъ всѣхъ языковъ, которые они ужасно коверкаютъ, на примѣръ они говорятъ: *терребтинъ* вмѣсто *карантинъ*, *юхмальтеръ* вмѣсто *Гибралтаръ* и проч.

Привязанные болѣе чѣмъ кто-нибудь къ своимъ привилегіямъ и старымъ обычаямъ, они бываютъ очень недовольны какимъ-нибудь нововведеніемъ. Они никогда не разводятся, и преступныя связи очень рѣдки между ними. Воровство имъ незнакомо; когда они уходятъ изъ дому, то запираютъ дверь, оставляя однако ключъ, въ полной увѣренности, что у нихъ ничего не тронутъ. Промыселъ ихъ требуетъ полного довѣрія и честности.

Самый любимый напитокъ мужчинъ есть Гузумское пиво; женщины пьютъ только чай. Въ праздники они ѣдятъ пироги, называемый *алумбокъ*; онъ дѣлается изъ ржаной муки, масла, яицъ и молока, смѣшаннаго съ изюмомъ, сливами и пряностями; иногда они его начиняютъ чайкой или другой морской птицей.

Жители Гельголандъ одѣвались за 100 лѣтъ передъ симъ точно такъ, какъ ихъ предки; но мѣрѣ того, какъ ихъ сношенія съ иностранцами дѣлались чаще, они сблизились съ обычаями твердой земли, но однако не измѣняя совершенно нѣкоторыхъ изъ ихъ старинныхъ обыкновеній. Женщины въ продолженіе недѣли закутываютъ голову до крайности, а въ воскресенье надѣваютъ только легкой чепчикъ; отъ того они часто простужаются. Ихъ жилища содержатся чисто и хорошо даже зимой, которую они проводятъ въ приготовленіи сѣтей и удочекъ. Такъ какъ они занимаются только предметами, касающимися до рыбной ловли, то не умѣютъ ни шить, ни прятъ. Во внутренности домовъ, обожженные кирпичи, называемые *clinkers*, покрываютъ стѣны, украшенныя кромѣ того рядами блюдъ и тарелокъ изъ фаянса, которыя составляютъ самую роскошную часть мебелировка. Кровать также считается однимъ изъ главныхъ украшеній дома.

Гельголандцы женятся въ молодыхъ лѣтахъ, и всегда по на-

клонности. Приданое почти всегда состоитъ изъ одной постели и дубоваго сундука. Когда женихъ уже достигаетъ зрѣлаго возраста и въ состояніи безбѣдно содержать себя, родители его невесты позволяютъ ему съ ней видѣться въ нѣкоторые дни; но ему запрещено отправляться въ море прежде свадьбы, потому-что еслибъ съ нимъ случилось несчастье, доброе имя молодой дѣвушки могло бы пострадать. Если молодая дѣвушка бываетъ не просватана до 18 лѣтъ, то она навсегда остается незамужнею, хотя бываютъ исключенія. Только что день свадьбы назначенъ, молодыя дѣвушки съ церемоніей несутъ кровать и сундукъ къ родителямъ невесты, которые должны заботиться объ нихъ. Всѣ обыкновенія, которыя бываютъ передъ и послѣ свадьбы, весьма любопытны. Утромъ въ этотъ великій день молодые разлучаются; отецъ невесты выходитъ изъ комнаты дочери и громко кричитъ: Кто хочетъ жениться на моей дочери? Женихъ приближается и говоритъ: Это я, или я здѣсь. Отецъ, чтобъ продлить шутку, представляетъ ему другую дѣвушку, спрашивая не та ли это, которую онъ выбралъ. Женихъ выходитъ изъ терѣнія и требуетъ свою невесту; тогда отецъ съ важностью произноситъ слѣдующія слова: Я тебѣ отлаю мою дочь, живи съ нею такъ, чтобъ ты могла дать отчетъ въ твоёмъ поведеніи Богу и людямъ. Женихъ целуетъ три раза свою невесту и отвѣчаетъ: Я буду съ ней жить какъ обязанъ. Выходя изъ церкви, молодая невеста идетъ медленно, окруженная подругами, между-тѣмъ какъ молодой ѣдетъ съ отцомъ и со свекромъ. Онъ сѣвшитъ къ жилищу, чтобы предупредить ее и встрѣтить на порогѣ дома. Тутъ-то молодой исполняетъ еще труднѣйшія обязанности.

Онъ долженъ идти самъ искать всѣхъ приглашенныхъ и привести на праздникъ. Если кто-нибудь, по нечаянности забыть, то почитаетъ себя обиженнымъ.

Когда всѣ собрались, тогда садятся за столъ. Молодая на концѣ стола, между двумя подружками, а молодой на другомъ концѣ; остальные садятся гдѣ хотятъ. Свадебный обѣдъ необыкновенно изобилуетъ, потому-что родители уносятъ себѣ большую часть его, остальное раздается бѣднымъ сосѣдямъ. Къ концу обѣда кухарка прибѣгаетъ, держа въ рукахъ зажженную трипку, жалуетъ, что у ней сгорѣла рубашка; тогда обносятъ чашку, наполненную солью, куда каждый приглашенный бросаетъ монету, для вспомошествованія бѣдной погорѣвшей. Послѣ обѣда хоромъ поютъ пѣсню, выбранную молодою; потомъ курятъ и пьютъ чай, смѣшанный съ корицей и шафраномъ, который на-

зываютъ они *rotpleopt* и которымъ очень любятъ лакомиться. Потомъ танцуютъ и этимъ заключается праздникъ. Какъ только большая часть гостей разошлась, самые близкіе холостяки, родные молодого, провожаютъ его до самаго дома съ пѣснями.

Нѣкоторые изъ нихъ даже дѣлаютъ видъ, что хотятъ войти въ брачную комнату; но ихъ отталкиваютъ молодыя дѣвушки, и бросаютъ имъ въ головы чулки, запасенные заранѣе заботами молодой. Наконецъ поютъ прощальную пѣсню, и всѣ расходятся спать.

Чтобъ избѣжать этихъ длинныхъ церемоній и издержекъ, иногда довольно значительныхъ, многие жители Гельголанда уѣзжаютъ жениться въ Гамбургъ. — Обычай при погребеніи не менѣе страненъ. Когда кто нибудь умираетъ, то тѣло покойника обертываютъ бѣлымъ полотномъ, усыпаннымъ черными полукружїями; самые близкіе родные берутся его охранять и принимать молодыхъ друзей и подругъ покойника, которые, если видятъ, что семейство не очень огорчено, играютъ въ *смертную игру*. Въ этой игрѣ кто-нибудь прячетъ предметъ, которой другіе стараются отыскать. Право нести тѣло въ послѣднее его жилище считается честью, которая предоставляется только самымъ искреннимъ друзьямъ. Тогда послѣдніе, которые въ другихъ случаяхъ боялись бы быть замѣченными съ лопатой въ рукѣ, теперь никому въ мірѣ не уступятъ права рыть могилу. Когда полагаютъ, что морякъ погибъ на морѣ, то въ продолженіе цѣлаго мѣсяца молятся, чтобы найти его тѣло; если не успѣли въ этомъ, то тѣ же самыя молитвы и тѣ же церемонїи производятъ надъ пропавшимъ, какъ и при настоящемъ погребеніи.

Жители Гельголанда Фризскаго происхожденія, также, какъ и жители береговъ Гольштейна и острововъ, лежащихъ близъ Даниі; поэтому они говорятъ древнимъ нарѣчіемъ Фризовъ; однако же въ церквахъ и школахъ говорятъ только на сѣверномъ нѣмецкомъ нарѣчїи. Одинъ изъ тамошнихъ уроженцевъ составилъ многоязычный лексиконъ ихъ нарѣчїя, недавно изданный въ Гамбургѣ и достойный вниманія филологовъ, которые найдутъ въ немъ много англійскихъ словъ, независимыхъ отъ вновь заимствованныхъ у разныхъ народовъ.

Политическія учрежденія этого острова соответствуютъ островамъ Ла-Манша, и состоятъ, кромѣ исполнительной власти, изъ двухъ сословій, представляющихъ почти всѣ семейства. Этотъ образъ правленія искусно приспособленъ къ требованіямъ испол-

нительной власти, не смотря на то, что съ перваго взгляда онъ можетъ показаться способнымъ скорѣе возбуждать пренїятствїя.

Всѣ воинскія укрѣпленія острова состоятъ въ одной сторожевой башнѣ и пушкѣ небольшого калибра, которую, по всѣмъ вѣроятностямъ, разорвало бы, еслибъ отважились дѣлать изъ нея какое-нибудь употребленіе. Во время войны одинъ корабль и фрегатъ стоятъ около острова, чтобы защищать его отъ нападенія непрїятеля.

Доходы острова состоятъ въ таксъ, наложенной на купцовъ, матросовъ и всѣхъ тѣхъ, которые занимаются какою-нибудь торговлей или промышленностію.

Эта подать служитъ для уплаты долговъ острова и для постройки и содержанія публичныхъ зданій. Великобританія издерживаетъ ежегодно на гражданское управленіе около 1000 фунт. стерл. (6250 р. с.), половина которыхъ идетъ на содержаніе губернатора, шифъ капитана Гиндмарша; остальное дѣлится между его секретаремъ и двумя пасторами лютеранскаго вѣроисповѣданія, судѣею города, сторожу башни и проч.

Постепенное уменьшеніе острова, вслѣдствіе прибыли морскихъ водъ и береговъ, придало ему видъ остроконечнаго треугольника, длиною около одной англійской мили, отъ сѣвера до юга; треть мили широты, отъ востока къ западу, и двѣ мили съ третью въ окружности. Его высшая точка надъ поверхностію моря, на восточной сторонѣ, имѣетъ около 200 футовъ. Западная часть менѣе возвышена. Разстояніе отъ Гельголанда до Куксгагена, при устьѣ Эльбы, имѣетъ около 35 англ. миль при устьяхъ Везера и Ейдера 30 миль; его маякъ служитъ указателемъ всѣмъ кораблямъ, которые плывутъ къ этимъ рѣкамъ. Климатъ острова, умѣренный для сѣверной широты, гораздо теплѣе, нежели на островѣ Альдерменъ, который находится 5 градусами ниже къ югу; непрерывныя морскіе, періодическіе вѣтры, недопускающіе равно холода и жару, дѣлаютъ воздухъ чище и здоровѣе. Морозы твердой земли не простираются до Гельголанда, гдѣ вода начинаетъ только тогда замерзать, когда ледъ, покрывая Эльбу, препятствуетъ плаванію. Лѣтомъ, переломленіе лучей солнца отъ утесовъ къ домамъ и недостатокъ свободнаго теченія воздуха, дѣлаетъ совершенно нестерпимымъ пребываніе въ нижнемъ городѣ. Весной набѣгаютъ тучи. Нѣкоторые моряки замѣтили, что когда на Эльбѣ маленькій вѣтерокъ или даже совершенно тихо, — на островѣ бываетъ ужас-

ный вѣтеръ и на оборотъ; и это приписываютъ отчасти тому, что Гельголандъ образуетъ родъ защиты для ближнихъ береговъ. Жестокія бури были бы опасны для жителей верхняго города, безъ любопытнаго феномена; это потому, что вѣтеръ, который скользитъ по морю, ударяется объ скалы, надъ которыми онъ поднимается, прежде чѣмъ приметъ свое прежнее направление.

О почвѣ Гельголанда существуютъ различныя мнѣнія; но состоитъ ли она изъ наносной земли или изъ остатковъ лѣсовъ, которые когда-то покрывали большую часть его поверхности, она изъ самыхъ плодородныхъ, а ея дуга служатъ пастбищами для овецъ, которыхъ доятъ каждый день, и которыя зимою кормятся излишкомъ рыбной ловли. Остальная часть острова покрыта овощами и небольшимъ количествомъ ржи; но малое пространство его не позволяетъ собирать и пятой доли жизненныхъ припасовъ для пропитанія жителей; и потому Гамбургъ составляетъ для нихъ драгоценную житницу, къ которой они обращаются въ случаѣ недостатка. Деревья, растущія на Гельголандѣ, расположены по берегамъ и у подошвы утесовъ, соединяющихъ верхнюю и нижнюю часть острова.

Одинъ или два маленькихъ источника, съ прекрасной водой, открыты недавно; но особенно долго обязаны Гельголандцы этимъ предметомъ необходимой потребности. Вода была такъ рѣдка въ послѣднюю войну и сообщенія съ материкомъ были такъ трудны, что англійскій флотъ, вмѣсто того, чтобы получить помощь отъ острова, постоянно дѣлалъ съ нимъ свои припасы.

Въ части острова, предназначенной купальнямъ, есть колодезь, въ сорокъ футовъ глубины, и слѣдовательно многимъ выше уровня моря, отъ котораго онъ находится на нѣсколько метровъ разстоянія; но хотя вода его очень хороша, островитяне, изъ предразсудковъ, употребляютъ ее очень рѣдко.

Маякъ, по своему возвышенному положенію, одинъ изъ первыхъ зданій, которыя усматриваются на большомъ разстояніи. Иногда, говорятъ, огонь его видѣнъ съ устья Эмса, и онъ долженъ во всякое время быть замѣченнымъ, по-крайней-мѣрѣ, на тридцать миль. Когда Гельголандъ принадлежалъ Давиду гамбургскій сенатъ, который еще и теперь извлекаетъ большія выгоды изъ этого учрежденія, содержалъ его на свой счетъ.

Народонаселеніе острова, простирающееся теперь до 2550 жителей, исключая иностранцевъ, прибавлялось тихо, но постоянно, несмотря на то, что много семействъ недавно переселились, по недостатку работъ. Публичныя школы, основанныя въ высшемъ

городѣ, прекрасно управляются самымъ младшимъ изъ двухъ духовныхъ особъ, который получаетъ ежегодно 74 фун. стерл. содержанія (463 р. с.); плата же другимъ двумъ учителямъ не такъ высока, но пропорціональна занимаемому ими мѣсту. Эта школа содержится, частью пожертвованіями, частью небольшимъ сборомъ съ семействъ учениковъ, среднее число которыхъ простирается до 370. Тюрьма тоже построена въ верхнемъ городѣ; но къ счастью она рѣдко бываетъ занята.

Въ Гельголандѣ есть маленькій флотъ, составленный изъ десятка судовъ, отъ 30 до 60 тоннъ, которыя предпринимаютъ путешествія въ Англію, въ Норвегію или въ Балтійское море, и кромѣ того изъ 60 лодокъ для рыбной ловли, различной вмѣстительности.

ПРИМАДОННА. (Разсказъ Жюль-Зандо).—Однажды вечеромъ въ одномъ изъ главныхъ веронскихъ отелей было замѣтно необыкновенное движеніе. Множество народа толпилось, не только въ домѣ, но и на дворѣ. Всѣ говорили съ жаромъ. Иностранецъ могъ бы подумать, что дѣло шло о какомъ-нибудь важномъ политическомъ событіи, но у итальянцевъ, любящихъ страстно изящныя искусства, дебютъ нѣвца, или успѣхъ оперы возбуждаютъ столько же интереса, сколько у насъ объявленіе войны, или что-нибудь подобное.

Такъ и въ этотъ вечеръ дѣло шло въ Веронѣ о возвращеніи на сцену синьоры Жинны, бывшей наслажденіемъ города, но въ продолженіе многихъ лѣтъ не являвшейся въ театрѣ. Всѣ повторяли ей имя, сопровождая эпитетами: Diva и Benedetta!

Глубокое молчаніе замѣнило общій восторгъ. Взоры всѣхъ обратились на вошедшаго въ залу молодого человѣка, который молча прошелъ чрезъ толпу, и опустился на полуразломанный стулъ. Онъ былъ хорошъ собою, но страненъ. Онъ положилъ подлѣ себя свой плащъ; правая рука его была спрятана на груди.

— Вальтерна! вскрикнулъ кто-то подлѣ него, ударивъ его по плечу.

Онъ не пошевелился, только его большіе черные глаза медленно обратились къ часовой стрѣлкѣ.

— Еще не время, прошепталъ онъ. И взглядъ его, на минуту одушевленный, снова закрылся длинными рѣсницами.

— Кто этотъ человѣкъ? спросилъ одинъ Французъ, только за часъ пріѣхавшій въ Верону.

— Это Вальтерна, отвѣчали ему.

— Офицеръ? продолжалъ Французъ, смотря на шпагу и усы молодого человѣка.

— Нѣтъ, отвѣчали ему, — это дилетантъ.

— Путешественникъ вокругъ свѣта, сказалъ другой.

— Сумасшедшій, бѣшенный, прибавилъ третій, удаляясь.

— Можетъ-быть не столь сумасшедшій, какъ думаютъ, сказалъ первый: но кто можетъ узнать правду? Это престранная исторія, которую никто не можетъ рассказать, кромѣ его самого.

Французъ, чрезвычайно изумленный видомъ Вальтерна, уступилъ чувству непреодолимаго любопытства, продолжая свои разспросы.

Одни говорили, что Вальтерна былъ безнадежно влюбленъ въ пѣвицу Жину, другіе, что онъ былъ счастливый любовникъ госпожи Р.

— Послушайте, сказали ему: если вамъ любопытно его узнать покороче, попробуйте заставить его говорить; можетъ-быть онъ вамъ окажетъ болѣе довѣренности, чѣмъ старому другу, а можетъ-быть онъ отвернется отъ васъ, не отвѣтивъ ни слова, потому-что онъ чуденъ, страненъ, необъяснимъ, но не золъ.

— До помѣшательства онъ былъ славный человѣкъ.

— Ступайте, поговорите съ нимъ о Жинѣ. Если онъ разговорится, то расскажетъ вамъ много любопытнаго; но не совѣтъ можно вѣрить его словамъ, потому-что онъ и самъ въ всегда знаетъ, что думать о своей жизни.

Французъ сѣлъ подлѣ стола, гдѣ сидѣлъ Вальтерна. Тогда только ему показалось, что онъ видитъ его не въ первый разъ. Онъ старался вспомнить, когда и гдѣ видѣлся съ этимъ человѣкомъ, какъ вдругъ, тотъ кинулся въ его объятія, называя его своимъ товарищемъ, своимъ любезнымъ Ньюма.

При этомъ имени Французъ вздрогнулъ. Онъ мысленно перенесся ребенкомъ въ монпельесскую колегію, и прижалъ къ сердцу стараго товарища, котораго имя и лицо почти изгладились изъ его памяти, но характеръ котораго, мрачный и восторженный, неизгладимо запечатлѣвался въ воображеніи тѣхъ, которое его хотя однажды встрѣчали.

— Вы видите, что я очень измѣнился, сказалъ онъ своему другу послѣ первыхъ, нѣсколько восторженныхъ изліяній духъ сердца, нашедшихъ одно въ другомъ свидѣтельство о потерянномъ счастіи. Горе и болѣзнь имѣли на меня болѣе вліянія, чѣмъ годы.

Ньюма освѣдомился о судьбѣ его, съ тою деликатною осторожностію, которая возбуждаетъ довѣренность, не вызывая ея.

— Жина! отвѣчалъ Веронецъ, и адская улыбка исказила его губы.

— Жина!... Вотъ вся моя исторія...

— Кто же эта Жина, которой имя находить здѣсь столько отголосковъ? спросилъ Французъ.

— Вы этого не знаете? сказалъ съ горестію Вальтерна: это госпожа Р.

Ньюма невольнымъ движеніемъ выразилъ свое удивленіе.

— Да, повторилъ Вальтерна: жена господина Р., нашего соотечественника. Развѣ вамъ не говорили, что онъ женился на швицѣ?

— Правда, теперь вспоминаю.

— Жина! бѣдная Жинетта... сказалъ Веронецъ: всѣ завидовали ея счастію, она одна ему не вѣрила. Конечно, она могла бы сказать, какъ много скрывается живыхъ страданій подлѣ блестящаго богатства... Она была прежде такъ прекрасна!... молодая дѣвушка, пѣвшая всякой вечеръ на веронскомъ театрѣ, черпавшая жизнь и счастіе въ апплодисманахъ публики, которую она чаровала своимъ волшебнымъ голосомъ, и которая, въ свою очередь, утомляла ее порывами своего восторга!... Дѣвушка, столь прелестная для взора, столь восхитительная для слуха, что нельзя было ее видѣть и слушать въ одно и тоже время. О! еслибы вы видѣли, какъ она выходила на сцену!.. Сперва холодная и прекрасная, какъ греческая статуя, она обнимала, такъ сказать, своимъ взглядомъ нѣмую, ожидающую толпу! Еслибы вы видѣли, какъ одушевлялось ея лицо! какъ дрожали уста! какъ волновалась грудь при первыхъ акордахъ! и какъ потомъ, ея чудный голосъ, вылетавшій гармоническими звуками, то тихо и нѣжно замиралъ, то раздавался сильно и страстно! Голосъ, потрясающій всѣ сердца, раздающійся во всѣхъ душахъ, освѣжая ихъ нѣжными мелодіями, или безжалостно терзая ихъ страшными, раздирающими звуками!... И я видѣлъ потомъ, какъ эта женщина, подобно бойцу, утомленному своей побѣдой, останавливалась, съ опущенными руками, съ потухшими глазами, и слышно было, какъ вылетало дыханіе изъ ея взволнованной груди... А толпа, нѣмая, пораженная, едва дерзала переводить дыханіе... и потомъ, этотъ сонъ прерывался какъ-будто ударомъ грома... Все сливалось въ одинъ крикъ, въ одинъ восторгъ, и молодая дѣвушка улыба-

лась, ея дрожащія руки складывались на груди, и слезы счастья блистали на опущенныхъ рѣсницахъ...

Вальтерна молча склонилъ голову на грудь.

— Вы любите ее? спросилъ Французъ, сжимая его руку съ чувствомъ искренняго участія.

— Да, она была моею жизнію! отвѣчалъ молодой человекъ. Видѣть ее и слышать была вся моя радость. Пока я ее не зналъ, дни мои проходили скучно и однообразно, я жилъ безъ страстей, безъ мученій, безъ желаній: я ее увидѣлъ, я ее услышалъ, и дни мои проходили въ одномъ нетерпѣливомъ ожиданіи вечера, а вечеромъ я чувствовалъ по моимъ слезамъ, что былъ рожденъ для счастья...

Другіе любовались ею, я благословлялъ ее въ тайнѣ. Они приходили отъ нея въ шумный восторгъ, а я восхищался ею тихо, въ глубинѣ души... для нихъ она существовала только вечеромъ, мою же жизнь она наполняла всю... О, вы не знаете, что значитъ это скучное, однообразное существованіе, безъ потрясенія радости и страданій! Такимъ было и мое. Жина явилась мнѣ, и жизнь моя вспыхнула отъ ея взгляда, заснувшая душа проснулась отъ звуковъ ея голоса. Повѣрите ли вы, никогда рука моя не касалась ея руки, я думаю, что никогда мой взглядъ не встрѣчалъ ея взгляда, но она возбудила во мнѣ ощущенія, которыя вмѣстѣ и оживляютъ и убиваютъ.

Она сдѣлалась мнѣ необходима. Замѣтила ли меня Жина?... Молва о моемъ фанатическомъ восторгѣ дошла ли до нея?... Мечталось ли душѣ артистки, душѣ восторженной и чудной, о той душѣ, которую она наполняла радостями и блаженствомъ? я долго не зналъ этого. Но право, я почти не нуждался въ ея любви; моя собственная совершенно наполняла мое сердце, я былъ счастливъ... я думалъ, что любовь къ славѣ наполняла всю жизнь Жины и что въ ней не было мѣста другимъ страстямъ. Она плакала при кликахъ толпы, она смѣялась при словѣ любви; слѣдовательно, мнѣ нечего было опасаться соперника. Послѣ счастья любить ее, не было выше наслаженія, какъ быть любимымъ ею, но я удалялъ отъ себя эту мысль; я былъ увѣренъ, что она расточаетъ всѣ свои чувства въ пѣніи, что она всѣ ихъ бросаетъ на сцену.

Я уже рассказалъ вамъ мои первыя земныя радости, не стану говорить ни о шумѣ, который произвела въ Веронѣ моя романтическая любовь къ Жинѣ, ни о странныхъ выдумкахъ, которыя позволялъ себѣ на мой счетъ. Обыкновенныя натурѣ никогда ни поймутъ того, что смѣло становится выше обык-

новенной жизни, и какъ бы мѣтя, что не могутъ понять, смѣются надъ тѣмъ, какъ надъ глупостью, или удивляются какъ сумасшествію...

Однажды, два путешественника, вездѣ скукавшіе, пріѣхали въ Верону. Младшій изъ нихъ былъ пустой человекъ, сомнѣвавшійся во всемъ, кромѣ своей красоты и умѣнья оболгать.

Старшій былъ господинъ де-Р., глубочайшій эгоистъ, пресыщенный удовольствіями, готовый на всѣ пожертвованія, чтобы одѣлать немного блѣдную и вялую жизнь, которую онъ велъ уже болѣе десяти лѣтъ. Тогда всѣ кричали о примадоннѣ.

— Она будетъ моею! вскричалъ г. де-Р. въ одно утро.

Жина сдѣлалась его женою....

Не спрашивайте меня о причинахъ, побудившихъ ее пожелать къ титулу и богатству. Я никогда не могъ узнать ихъ. Думала ли она стать выше во мнѣніи свѣта, соединивъ новый блескъ съ блескомъ, которымъ ее окружалъ талантъ? Имѣла ли она слабость считать себя ниже женщинъ, превозносившихъ ее громко, и завидовавшихъ ей въ тайнѣ? Увы! Она была болѣе, чѣмъ онъ всѣ, и предпочла стать послѣднею изъ нихъ!...

Верона лишилась своихъ вечернихъ наслаженій. Жестокая горячка схватила меня, и я избавился отъ смерти только для того, чтобы мучиться.

Варваръ! Онъ разочаровалъ мою жизнь. И эта женщина, которая была для меня всего дороже въ моихъ сладчайшихъ мечтахъ, принадлежала ему, онъ одинъ владѣлъ ею! Я хотѣлъ умереть. — Я даже не имѣлъ утѣшенія видѣть ее счастливою, чтобы смягчить горестъ, наполнявшую мои дни.

Бѣдная Жина! Растеніе, цвѣтущее на горахъ, вянетъ въ тѣни долинъ. Свадьба ея была великолѣпна, но грустна. Всѣ завидовали счастью Жины, она одна приняла его съ трепетомъ. Съ перваго дня, она почувствовала тѣсноту своей новой судьбы.

Прости жизнь артистки, столь полная и столь пламенная! Простите волненія театра, упоеніе славы! Наступила положительность жизни, холодная и сухая. Бѣдная женщина! Блескъ и изобиліе не могли составить ея счастья, для ея артистической души нужно было болѣе дѣятельности, болѣе простора!...

Щеки ея впали, и большіе голубые глаза оттѣнились темною каймою... грусть безъ печалей, она и веселилась безъ радости.

Если иногда вечеромъ, на балѣ, въ своихъ блестящихъ салонахъ, въ которые собиралось все веронское дворянство, она предавалась влеченію своего таланта, если она снова находила свои пламенные влещенія, тогда бы вы увидѣли, какъ вспыхивали ея щеки, какъ одушевлялись глаза. Что-то вдохновенное блестяло въ ея взглядахъ. О какъ она была еще прекрасна! Тогда ее окружали, хвалили ее, но взглядъ ея вдругъ потухалъ, и голова грустно опускалась на грудь...

Эти похвалы не походили на тотъ вѣмой восторгъ, то молчаніе, тотъ трепетъ, который привѣтствовалъ ее на сценѣ. Уже это были не тѣ женщины, дышущія ея страстью, плачущія ея слезами, не было уже тѣхъ платковъ, развѣвавшихся въ воздухѣ, той лютни, блестящей тысячею огнями подъ высокимъ сводомъ, не было дождя цвѣтовъ, падающихъ къ ея ногамъ; уже это были не тѣ восторги, которые вызывали ее на сцену. Въ салонахъ все было чинно, холодно и равнодушно.

Напрасно старалась она преодолѣть свою задумчивость, напрасно начинала пѣть живыя и веселыя арии; если пальцы ея пробѣгали по клавишамъ рояля, если она принуждала свой голосъ къ скорымъ и живымъ напѣвамъ, скоро, одинокая, среди удивленной толпы, она возвращалась къ своимъ чернымъ мыслямъ, безпрестанно ее волновавшимъ; пальцы ея тихо брали жалобные акорды, голосъ слабѣлъ, звуки чудной гармоніи глухо вылетали изъ ея груди, и цѣніе, начатое веселіемъ, замирало тоскою...

Скоро положеніе ея стало хуже. Напрасно мужъ окружалъ ее всеми наружными благами жизни, тѣшилъ ее, что можетъ доставить богатство; каждый день упоминъ ея красоту... счастье же ея давно уже улетѣло...

Вальтерна прервалъ разговоръ, провелъ нѣсколько разъ рукою по высокому лбу, посмотрѣлъ на часы, и продолжалъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія. Голосъ его былъ взволнованъ, порою лицо его сіяло радостью. Казалось, сердце его кипѣло нетерпѣніемъ.

— Я путешествовалъ въ надеждѣ разсѣяться, но возвратился несчастнѣе прежняго. Образъ Жины преслѣдовалъ меня повсюду, какъ мой гений-губитель, неразрывный спутникъ моей жизни, какъ страданіе, сроднившееся съ моимъ сердцемъ. Я находилъ Жину вездѣ! Вездѣ мнѣ слышался ея голосъ, въ шумѣ вѣтровъ, въ роптаніи волнъ, въ безмолвіи степи. Солнце горячихъ песковъ жгло меня своимъ огнемъ, до изнеможенія

скитался я по утесамъ, спалъ на вершинѣ снѣжныхъ горъ, и вездѣ жилъ только ея воспоминаемъ...

Сердце мое очерствѣло, мой характеръ ожесточился, я возвратился въ Верону съ душою, умершею для вѣжныхъ ощущеній. Въ театрѣ, гдѣ я нѣкогда наслаждался живнію, въ мѣстахъ, гдѣ упивался блаженствомъ, я чувствовалъ только ревность...

Бѣдная Жина потеряла разсудокъ.

Мужъ объявилъ ее сперва сумасшедшей; потомъ сумасшедшую онъ обвинялъ въ неблагодарности. Его душа негодовала на все, что портило его вялое счастье. Было время, когда бѣдная женщина вставала каждую ночь, и бѣдная, молчаливая, медленно одѣвалась, завивала свои длинные черные волосы, и съ грустной улыбкой глядя въ зеркало, отражавшее нѣкогда молодое и прекрасное ея лицо, она проходила всѣ огромныя залы своего палаццо, и вдругъ останавливалась, воображая себя на сценѣ, думая видѣть восторженную публику, вѣнки, падающіе къ ея ногамъ; она попеременно дѣлалась: Анной, Жюльетой, Аменандой; голосъ ея раздавался подъ обширными сводами, самые плѣнительные звуки вылетали изъ ея груди, и гармоническія рѣчи, подобно струѣ, текущей по гладкимъ каменьямъ, текли сладостно и ровно.

Говорятъ, что иногда, когда она замолкала, ея безпокойный, дикій взглядъ, казалось, вопрошалъ толпу, чтобы она отвѣтила крикомъ на мертвое молчаніе, царствовавшее вокругъ и потому она падала, холодная, какъ камень, о который часто ударялась головою...

Увѣряютъ, что въ это время и я помѣшался. Это вздоръ; только странная мечтательность овладѣла мною. Не знаю, по чему мнѣ стало казаться, что Жина меня любила, что во времена счастливыя я отдыхалъ близъ нея, что она и теперь еще звала меня...

Что мнѣ сказать вамъ еще? Я былъ ужасно несчастливъ.

Самъ не помню зачѣмъ, я, въ одинъ вечеръ, когда князь де Р. давалъ праздникъ вельможамъ Вероны, вмѣшался въ блестящую толпу, тѣснившуюся у его дворца, и незамѣченный, пробрался между мраморныхъ колоннъ. Вскорѣ душастая свѣжесть вечера пахнула мнѣ въ лицо, и я очутился въ огромномъ пустомъ саду.

Долго бродилъ я мрачный и задумчивый, подлѣ звуки маподьяны, полъ напѣвы тарантелы, и когда я расхлѣлъ немного

мучительныя мысли, шумъ праздника уже умолкъ, огни были погашены, и палатки выселись предомною безмолвныи, какъ жюгла.

— Освѣженный вечернимъ воздухомъ, доносившимъ до меня ароматы двѣтвотъ, съ головою немного усюкоенной и отдаленными чувствами, смотрѣлъ я на фасадъ, не стараясь дать себѣ отчета о мѣстѣ, гдѣ я находился, и о причинахъ, которыя меня туда привели, какъ вдругъ я замѣтилъ между шпорокми желѣзныхъ рѣшетокъ мерцаніе дрожащаго, благоватаго огня, бросающаго отблескъ на бархаты занавѣсовъ...

— Въ тишинѣ ночи раздался голосъ, и вѣтеръ какъ-бы съ воплемъ ударилъ въ стекла, которыя, въ то же время освѣщенные луною, блистали тысячами серебряныхъ огней.

— Я вздрогнулъ, это былъ ея дивный голосъ!

— Я почувствовалъ, что мое пробудившееся сердце такъ же замерло восторгомъ, какъ въ бывшіе дни счастья. Это была Жинна! Я опять слышалъ ее! Множество тяжелыхъ дверей со стукомъ затворились, голосъ приближался все ближе и звучнѣе, по травѣ пробѣжала легкая зыбь, изъ-за деревьевъ послышался шелестъ платья, и я увидѣлъ сквозь мирты и лимонныя деревья, что Жинна тихо приближалась, блѣдная, съ распущенными волосами, освѣщенными луной, скрывающейся по ея блѣдой одеждѣ...

— Появленіе ея меня поразило, и я оставался недвижимъ, съ распростертыми къ ней руками. Руки ея были обнажены, плеча въ половину закрыты, и тонкая легкая ткань рисовала стройнѣйшій станъ этого существа, такъ давно страдавшаго...

— Она сѣла на сырой дернъ, и небрежно облокотилась, грустными и жалобными голосомъ зачитала романсъ Дедемона. Это была Дедемона Шекспира, задумчивая, какъ ночь, которая, казалось, стояла вмѣстѣ съ нею. Дедемона, предчувствующая свою ужасную участь, предсказывающая ее каждымъ звукомъ, каждымъ взглядомъ. Я слушалъ ее въ вѣномъ упоеніи. Вдругъ она пронзительно вскрикнула, я содрогнулся. Она увидѣла въ тѣни деревьевъ фигуру приближающагося къ ней жестокаго и холоднаго убійцы...

— О, надо было видѣть ее, неспитворную, какъ страхъ ребенка, или гордую, какъ само презрѣніе! Какъ она переходила отъ умоляющаго страха смерти, къ негодованію, поражающему своимъ чувствомъ достоинства оскорбленной женщины! И потомъ какъ молодая дѣвушка, жаждущая любви и прощенія, она простирала свои прекрасныя руки, какъ бы желая кп-

нуться на шею жестокому, грозить ему, опять молить его, и потомъ безчувственно упасть къ его ногамъ, трепетно, какъ голубка подъ страшными когтами коршуна! А ея моленія, ея жалобные крики, если бы вы ихъ слышали!

— И въ минуту, когда привязанность къ жизни развивала всѣ свои силы, въ ту минуту, когда голосъ ея потрясалъ душу раздражающей гармоніей звуковъ. Она остановилась, какъ бы пораженная электричествомъ, съ безпокойнымъ взоромъ, протянутой шеіи, неподвижная, и холодная, какъ мраморная статуя.

— Оркестръ неидетъ, прошептала она медленно, свѣтъ блѣднѣетъ, все нѣмо кругомъ меня!... О Боже мой! вскричала она съ отчаяніемъ: и онъ тоже!... И рука ея, казалось, хотѣла указать мѣсто, куда съ грустію были устремлены ея глаза. Онъ тоже молчитъ онъ, кому я была жизнію, прибавила она таинственнымъ голосомъ... Но отъ чего же?...

— Я горѣлъ... я бросился къ ней, я хотѣлъ привлечь ее къ себѣ, но только что я коснулся до ея одежды, какъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и въ чертахъ ея изобразилось невыразимое страданіе, обдавшее меня ужасомъ.

— Останься! о останься! кричалъ я, Жинна! Я такъ много страдалъ! Подойди! о подойди ближе ко мнѣ... Жинна! одинъ звукъ твоего голоса искушилъ всѣ мѣки, всѣ терзанія, все!

— Она съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, и приложивъ одну руку къ сердцу, другою поволя по лбу, казалось, вспоминала что-то.

— О! я тебя хорошо знаю, сказала она...

— Взглялъ мой сверкаль, голосъ дрожалъ, земля кружилась подо мною. Я хотѣлъ заключить Жинну въ свои объятія, но она пронзительно вскрикнула, и вырвавшись изъ моихъ рукъ, какъ тѣнь исчезла за деревьями.

— Напрасно я бѣжалъ за нею; луна не свѣтила болѣе, ночь была темная. Сумасшедшій, я перескочилъ черезъ заборъ сада, и долго безъ цѣли бѣгалъ по веронскимъ улицамъ... Когда я возвратился домой, у меня была лихорадка. Не знаю, что стало со мною послѣ; дни проходили, я не замѣчалъ ихъ теченія.

— Возвращенный къ жизни и разсудку, я не переставалъ думать о этой чудной, таинственной ночи.

— Я вспоминалъ, что прежде вся Верона говорила о симпатической ко мнѣ страсти примадонны. Недовѣрчивый, какъ и прежде, я улыбался при этомъ воспоминаніи, но, по-крайней-

мѣрь, я не былъ для нея незамѣченнымъ, я оставилъ въ ея жизни воспоминаніе о себѣ, я не прошелъ мимо ея, какъ день, замѣняющійся другимъ днемъ, который забывается въ свою очередь. Потому ужасная неизвѣстность поселила во мнѣ тысячи страданій. Я думалъ о моемъ помѣшательствѣ, думалъ, что эта ночь была дѣйствиемо моего разстроенаго воображенія, и сомнѣвался въ истинѣ. — Молъ бѣдная голова была слишкомъ слаба, чтобы вмѣстить такое счастье; я отпергалъ мои надежды, но все таки мнѣ казалось какое-то невыразимое счастье, и о какихъ-то сладкихъ снахъ вспоминало сердце.

Какъ скоро силы мои возстановились, первымъ желаніемъ моимъ было посѣтить театръ, куда прежде я приходилъ почти жить. Съ трудомъ приобрѣлъ я въ него и въ изнеможеніи сѣлъ на послѣднюю скамейку. Воспоминаніе о Жинѣ еще живо наполнило пустую залу, и все прошедшее воскресло предо мною.... Къ чему говорить вамъ о моей радости и страданіи? Кто не возвращался послѣ тяжелыхъ дней грозы и несчастія, къ мѣстамъ, гдѣ протекли его лучшіе годы? Кто не плакалъ тамъ, на гробахъ невозвратно утраченнаго?

Занавѣсъ еще не поднимался, еще не раздались звуки увертюры, какъ вдругъ какой-то ропотъ пробѣжалъ по всему собранію. Взоры всѣхъ обратились съ участіемъ, съ уваженіемъ, смѣшаннымъ съ жалостью къ ложѣ на аван-сценѣ, въ которую вошла молодая женщина, закрытая вуалью. Мнѣ не вужно было слышать ея имя, чтобы узнать ее....

Я не слушалъ оперы, не смотря на то душа моя сочувствовала звукамъ превосходнаго творенія.

Я приблизился къ ложѣ, гдѣ Жина болѣзненно наслаждалась чужимъ торжествомъ. Тамъ, близъ нея, я какъ-бы считалъ бѣніе ея сердца. Пѣвица, игравшая роль Доны-Анны въ Донъ Жуанѣ, была осыпана рукоплесканіями: я грустно качалъ головой, мнѣ было досадно, я ревновалъ, какъ-будто-бы слава Жины принадлежала мнѣ, какъ-будто значило похищать ее у меня, отдавая другой.

Но Розетта была подруга Жины, моложе ея нѣсколькими годами, она училась у нея пѣнію, ей обязана она была своимъ талантомъ, своимъ успѣхомъ, и можетъ-быть, даже возвышеннымъ чувствомъ великодушной и деликатной благодарности. Жина ободряла ее взглядомъ и жестами. Успѣхъ молодой дебютантки былъ полный. По окончаніи пьесы она была вызвана и увѣчана. Тогда скромно и трогательно она приблизилась къ ложѣ на аван-сценѣ, и отдала вѣнокъ своей подругѣ,

отказывавшейся отъ него. Я поднялъ его, когда онъ выпалъ изъ рукъ Розетты, и нагнувшись къ той, отъ которой меня отдѣляла только легкая перегородка, надѣлъ ей на голову, вскричавъ:

— «Жинѣ! Жинѣ!»

Громъ рукоплесканій отвѣчалъ мнѣ. Жина встала слабая, тропутая; но сіяющая радостью. Опершись одной рукою о мое плечо, среди упоенія своей славы, она подарила меня долгимъ, выразительнымъ взоромъ, и уста ея тихо прошептали мое имя. Но тотчасъ же она была увлечена Г. де Р., который оставался мраченъ и недоволенъ во все время этой сцены, и спѣшилъ оторвать жену отъ мгновенныхъ минутъ, такъ давно невиданнаго счастья.

Такъ это не былъ сонъ? видѣніе моихъ тревожныхъ ночей? Жина знала мое имя, мою любовь, быть можетъ! Она помнила даже, что говорила со мною въ одну изъ своихъ безумныхъ ночей! Быстрая надежда оживила меня. Я дѣлалъ предположенія, какъ здоровый человѣкъ, я понималъ, что происходило вокругъ меня. Жина умирала. И дни и ночи я придумывалъ средства возвратитъ ее къ жизни. Мнѣ говорили о знаменитомъ докторѣ, прѣѣхавшемъ изъ Лондона, и остановившемся въ этомъ отелѣ. Я пошелъ къ нему.

— Если вы спасете, ее, сказалъ я ему, то я вашъ. Не только все имѣніе мое будетъ принадлежать вамъ, но жизнь моя, все будетъ платой за ея спасеніе!

Докторъ разсиротилъ меня. Онъ уже былъ у г-жи де Р., и нашелъ ее въ послѣднемъ періодѣ болѣзни, которой причина была ему неизвѣстна.

— Развѣ вы не видите, сказалъ я ему, что это душа артистки, жадная сильныхъ ощущеній, томится и умираетъ внѣ сферы артистической жизни. Артистка сдѣлалась свѣтскою женщиною, я удивляюсь, отчего Жина умираетъ отъ скуки. Ей нужна слава, возвратите ее къ ея стихіи, и она снова зацвѣтетъ.

Докторъ говорилъ объ этомъ ея мужу. Онъ обѣщавъ все для ея спасенія. Надежда и радость немного подкрѣпили Жину. Сегодня вечеромъ она возвращена театру, Веронѣ, жизни, чрезъ минуту я ее услышу.... Другъ мой! скажите мнѣ, умираютъ ли отъ счастья?...

Часы пробили семь. Толпа кинулась изъ отеля, и хлынула въ театръ. Валтерна пріѣхавшій снагу, накинулъ плащъ, судорожно схватилъ за руку Француза, и сѣлъ полѣ оркестра.

Увертюра изъ Ромео и Джульеты кончилась, медленно завлѣся занавѣсь, и оркестръ умолкъ. И такъ было велико безмолвіе, царствовавшее въ залѣ, что долго можно было слышать гулъ послѣднихъ аккордовъ, носящихся подобно легкому облаку надъ неподвижной толпой. Когда вошла Жина, всѣ лица проявились, и быстрымъ движеніемъ толпа встала какъ одинъ человѣкъ. Ни одного крика, ни одного ропота; она была нѣма. Не было ни радости, ни восторга, было умиленіе и жалость. И какъ видъ всѣхъ этихъ лицъ, подернутыхъ общою одинаковою горестью, былъ трогателенъ!...

Жина приблизилась тихими шагами, худая, съ потухшимъ взоромъ, со впалыми щеками, но прекраснѣе чѣмъ когда-либо, прекрасная своими долгими страданіями, своею жизнью безъ славы, прекрасная, какъ молодая женщина, только что скинувшая трауръ, блѣдная, съ горящими отъ слезъ глазами. Но когда она подошла къ краю сцены, и просто наивно склонилось, тогда какъ громъ, падающій съ трескомъ на заснувшій городъ, толпа загремѣла разомъ. Огонь люстръ вспыхивалъ и дрожалъ отъ криковъ восторга; цвѣты сыпались къ ея ногамъ, ложи блистали драгоценными камнями, розовые и бѣлые шарфы развѣвались въ душистомъ воздухѣ.

Жина была тогда невыразимо хороша... съ блестящими глазами, пожираемая вдохновеніемъ, подъ томлящимъ ее гениемъ! Пружныя ея пламенной души получили все увлеченіе, всю смѣлость молодости, силнѣе и огненнѣе, чѣмъ когда-нибудь, подобно эластической силѣ, долго сжатой, которая дѣйствуетъ тѣмъ съ большею силою. Какъ она была хороша, съ своимъ блѣднымъ, страстнымъ лицомъ, съ грудью трепещущею отъ нетерпѣливъ звуковъ!...

Она пѣла, какъ никогда не пѣла въ счастливые дни своей жизни.

Во все продолженіе пьесы, увлеченная аплодисманами публики, она была выше всего, что Италия заключала въ себѣ гениальнаго и мелодическаго. Сама удивленная могуществомъ своихъ силъ, она сказала Розеттѣ въ послѣднемъ антрактѣ, что ей казалось, будто не ея, а какой-то другой сильнѣй и могучей голосъ пѣлъ за нее. Розетта играла роль Ромео. Ея прекрасный голосъ, контраalto, звучный и громкій, былъ обработанъ стараніями г-жи де Р., и теперь Розетта раздѣляла ея славу, восторгъ и вдохновеніе. Она сама уложила ее въ гробъ, въ которомъ въ послѣднемъ актѣ лежитъ спящая Джульета. Распусти-

ла ея длинныя черныя волосы, надѣла ей на голову вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, и поцѣловавъ ее съ нѣжностью, сказала: — «Счастливая! и излеченная!»

Жина улыбнулась ей, прижавъ ее къ сердцу.

Толпа ждала.

Занавѣсь подвигалась при грустныхъ аккордахъ погребальнаго пѣнія. Ромео является, поетъ предлествий речитативъ послѣдняго акта, снимаетъ крышку съ гроба, находитъ тамъ свою возлюбленную, вмѣсто убитаго имъ врага, ломаетъ руки съ ужасомъ и отчаяніемъ, выпиваетъ ядъ, долженствующій соединить его съ Джульетой, подходитъ къ ней, чтобы сказать послѣднее прощаніе, приподнимаетъ ее.

Тутъ изумленная публика встала.

Розетта съ ужасомъ вскрикнула, и тѣло, которое она приподняла, тяжело опустилось въ гробъ, гдѣ должна была про- снуться Джульета.

Жюльета не просыпалась... Столько давно невѣданныхъ потрясеній души, такъ давно желаемыхъ, вновь найденныхъ и съ такою силою ощущенныхъ, разбила это тѣло, истомленное болѣзнію.

Жина умерла при тихихъ, погребальныхъ аккордахъ Зигарелли, среди послѣдняго и прекраснѣйшаго изъ своихъ триумфовъ.

Вальтерна, стеною отъ горести, умеръ у ногъ Джульеты.

ТРИ РАКАНА. — Анекдотъ. — Дѣвица де-Курне была одною изъ тѣхъ женщинъ, набитыхъ знаніемъ и умомъ, которыя всѣ погружаются въ высшія науки, говорятъ какъ Пикъ Мирандольскій, *de omni re et quibusdam aliis*, и почитаютъ себя глупою свѣдущими, потому-что читаютъ, (всего впрочемъ не понимая) философію Декарта или Кассеяли.

Если вѣрить ея современникамъ, ничто на свѣтѣ не было такъ ложно, какъ ее сужденіе о чемъ-нибудь, и такъ смѣшно, какъ ея притязанія. Дѣвица де-Курне, однимъ словомъ, была, какъ говорителъ по-русски, *превзалаберная* женщина; неспособная даже позабавить кого-нибудь на свой счетъ, но которой однообразное помѣшательство заставило бы потерять терпѣніе и умереть со скуки наблюдателя самаго терпѣливаго.

Въ одно прекрасное утро дѣвица, де-Курне, проснувшись съ позаранокъ, задумалась о томъ, что ей недовольно однихъ познаний, а необходимо также посѣщать всѣхъ знаменитыхъ по-

зговъ и гениевъ, какіе только найдутся въ столицѣ. Это разсужденіе произошло потому, что съ нѣкотораго времени она влюбилась заочно по уши въ нѣкотораго Овората де-Коель, извѣстнаго преимущественно подъ именемъ маркиза де-Ракана, который отличался, какъ извѣстно, маленькими стишками, пропитанными, до послѣдней запятой, цвѣтами любезности.

Никогда не видавъ его, сіяющей умъ въ женскомъ платьѣ, сходивъ отъ Ракана съ ума, и рѣшился, во-что бы ни стало, увидеть его.

Намѣреніе было немаловажно, а дѣвица де-Курне очень нетерпѣлива.... Что дѣлать?

— Написать къ нему? думала она.
Опасно!

— Попросить пріѣхать?

— Какъ-то тоже очень смѣло!...

— Ожидать случая?

Но если онъ никогда не представится?

Старая дѣва была въ самомъ затруднительномъ состояніи, когда дверь ея будуара отворилась съ тѣмъ шумнымъ порывомъ, который означать приходъ друга или самаго короткаго знакомаго.

— Кавалеръ де-Росни! вскрикнула дѣвица де-Курне.

— Онъ самый, очаровательная муза, отвѣчалъ де-Росни, взявъ руку старой дѣвы и цѣлуя ее. Развѣ вы не ожидали меня? Развѣ вы не знаете, что вдали отъ васъ я вяну и умираю?

Но на эти вѣжныя чувства, выраженные такъ краснорѣчиво, дѣвица де-Курне отвѣчала только односложными словами и подавленными вздохами. На лицѣ ея была рѣзко написана сильная озабоченность, и де-Росни тотчасъ замѣтилъ, что честь эта принадлежитъ совершенно не ему.

Ему захотѣлось узнать тайну этого волненія; онъ настаивалъ, чтобы ему дозволено было участвовать въ ней, и дѣвица де-Курне наконецъ призвалась, что она была подъ гнетомъ одной преобладающей думы.

Новыя просьбы, новыя настоянія со стороны кавалера де-Росни.

Наконецъ истина вылетѣла изъ устъ старой дѣвы.

— Только-то! сказалъ кавалеръ, котораго наморщенный брови совѣтъ не согласовались съ принужденною улыбкою. Богъ мой! почему же вы такъ долго молчали. Раканъ одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей; мы почти каждый день обѣдаемъ вмѣстѣ.

Будьте покойны; я передамъ ему ваше желаніе, и онъ почтетъ первою обязанностію, не медля положить къ ногамъ вашимъ, дань уваженія.

— Вы полагаете?

— Увѣренъ.

— А когда же это будетъ?

— Нынче же!

Дѣвица де-Курне не слыхала подъ собою земли отъ радости, и подавила кавалера всѣмъ игомъ своей искренней благодарности, но Росни принялъ эту благодарность съ такою сухостію, которая не предвѣщала ничего добраго, и ушелъ, подтвердивъ положительно свое обѣщаніе.

Кавалеръ былъ вѣжнымъ вздохателемъ дѣвицы де-Курне. Онъ вышелъ отъ нее убѣжденный, что старая дѣва была влюблена не въ самаго Ракана, но въ молву о немъ, и рѣшился съиграть съ нею какую-нибудь дурную шутку. Проникнутый этимъ намѣреніемъ, онъ отправился къ одному изъ друзей своихъ, виконту Морваннѣ, обычному товарищу всѣхъ забавъ, который былъ изъ числа людей, никогда не отказывавшихся отъ случая надъ кѣмъ-нибудь посмѣяться. Многие увѣряли даже, что на совѣсти Морванна были даже такія шуточки, которыя, въ иное время, очень легко могли ему стоить дорого.

Росни разсказалъ ему свиданіе съ дѣвицею де-Курне, не скрывая намѣренія отомстить ей за оказанное пренебреженіе.

Морваннѣ, въ этихъ случаяхъ, былъ другъ преданный и человѣкъ съ самымъ находчивымъ воображеніемъ. Онъ ударилъ себя по лбу, какъ бы желая выбить оттуда какую-нибудь блестящую мысль; она не замедлила.

Росни вперыгнувъ отъ радости, и просилъ Морванна сообщить ему счастливую находку своею. Но Морваннѣ ограничился только однимъ загадочнымъ отвѣтомъ.

— Иди домой, кавалеръ, не заботься ни о чемъ и предоставь мнѣ дѣйствовать. Только сдѣлай одолженіе, побывай завтра въ улицахъ и кварталѣ Maçais. Тамъ ты уже получишь свѣдѣнія о чувствительной Курне в Раконѣ; это говорю тебѣ я, виконтъ Морваннѣ.

Росни покорился необходимости, остаться въ невѣдѣніи, по крайней-мѣрѣ, на сутки, и чрезъ часъ, послѣ его свиданія съ де-Морванномъ, дѣвицѣ де-Курне уже докладывали о маркизѣ Раканѣ.

При этихъ словахъ дѣва энтузіастка, чуть было не упала въ обморокъ, но разсудивъ, что ей есть еще что дѣлать поблаго-

разумиѣ этого, спѣшила броситься навстрѣчу знаменитому посетителю.

Волненіе отняло у нея даръ слова, и она знаками объяснялась съ Раканомъ. Есть крайности, въ которыя гениі иногда впадаютъ!

Послѣ этого немного нѣжнаго вступленія, строгій элементъ взялъ—таки верхъ. Дѣвица де-Курне покатила какъ колесо съ горы: начала говорить о трагедіи, о комедіи, Мазаринѣ, о дворцѣ Рамбулле, о Фрондѣ, о модныхъ колокольчикахъ, и ея слушатель на всякій ея вопросъ, замѣчаніе или мысль, нигдѣ уже на языкѣ готовый отвѣтъ. Морваннъ выдерживалъ свою роль съ удивительною находчивостію.

Дѣвица де-Курне стала умолять его прочесть ей кое-какіе стихи, и Морваннъ, во всю жизнь свою не подобравшій ни одной рѣшмы, на удачу началъ декламировать что-то изъ Монтюбана и Гомбервила, стихи, но его повятіямъ, самой послѣдней новости и прелести.

Восклицаніямъ и удивленію не было конца.

Но всякой пирушкѣ есть также конецъ, говоритъ по-словца, какъ есть конецъ всему въ этомъ мірѣ. Знаменитому автору нужно ѣхать; его ждутъ въ десяти обществахъ, рвутъ его на части; онъ долженъ волею и неволею удовлетворить всѣмъ, чтобы не нажить враговъ. Дѣвица де-Курне, рѣшается наконецъ отпустить его, взявъ съ Ракана честное слово возвратиться къ ней завтра.

Морваннъ общается все, соглашается со всѣмъ, что отъ него желаютъ, и уходитъ сопровождаемый самыми лестными и нѣжными изъявленіями дружбы.

Между-тѣмъ, не прошло и часу со времени отъѣзда очарователя, а дѣвица де-Курне не успѣла еще совершенно прохладиться отъ внутренняго артистическаго жара, какъ вошелъ лакей, и разинувъ ротъ отъ недоумѣнія, сказалъ ей, что въ передней какой-то господинъ, весь облитый золотомъ и укутанный въ бархатъ, проситъ позволенія представиться, называя себя маркизомъ Раканомъ.

— Какъ! опять онъ; онъ уже возвратился! вскрикнула дѣвица де-Курне, обезумѣвъ отъ радости.

— Нѣтъ, сударыня, это другой маркизь.

— Какъ другой?

— Такъ другой—совершенно другой господинъ Раканъ.

— Что ты говоришь? Ты, кажется, сошелъ съума или спишь стоя?

Лакей подтверждалъ истину не словами, а фактомъ, отворивъ дверь.

Вошелъ новый Раканъ.

Вила предъ собою совершенно новое лицо, дѣвица де-Курне задумала—было опять кое-что въ родѣ обморока, но разсудивъ, что онъ нисколько не поможетъ ей къ раскрытію истины, заблаговременно повѣрить самозванца и принять его, вполне увѣренная, что онъ самъ себя обличитъ словами, мыслями, или чувствами.

Съ самою любезною улыбкою она приглашаетъ поэта сѣсть въ кресло.

Маркизь усѣлся.

Что это?... обманъ ли зрѣнія? предубѣжденіе ли? Дѣвицѣ де-Курне показалось, что этотъ новый Раканъ слишкомъ неуклюжъ, слишкомъ неповоротливъ и невѣжливъ для маркиза изъ такой старинной и модной фамиліи. Какъ широко на немъ платье! Какъ онъ смѣшно и неграціозно сѣлъ!

Но такъ какъ дѣвица де-Курне рѣшилась не спѣшить своимъ приговоромъ, и притомъ же, человѣку свойственно ошибаться, то и она старалась себя увѣрить, что именно эта самая неловкость, при первой встрѣчѣ, и есть истинное доказательство неположности втораго маркиза.

— Люди, подумала она, бывають иногда такъ неловки въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ жизни... примѣръ тому...

И она начала набирать въ умѣ множество примѣровъ.

Но вотъ маркизь открылъ ротъ, и началъ говорить; его гоній просыпается; его восторженность обнаруживается.

— Слава Богу, думаетъ старая дѣва; наконецъ я постигаю, что вижу предъ собою ученика Малерба. Какой блескъ! какой приливъ и отливъ самыхъ оригинальнѣхъ, неслыханныхъ мыслей, странныхъ по выраженію и оборотамъ слова! Сколько въ нихъ простыхъ, деревенскихъ цвѣтовъ, но столь благоухающихъ; онъ такъ и дышать и пламенѣть. Вотъ разговоръ, который я люблю! Вотъ краснорѣчіе, о которомъ я столько мечтала.

Дѣвица де-Курне была въ восторгѣ.

Правда, выдавались минуты, когда поэтъ, желая полюбезничать, начиналъ говорить старой дѣвѣ такіе дикіе комплименты,

что она принуждена была краснѣть, и не смотря на все свое уваженіе къ гению и дарованіемъ маркиза, чуть не выходила изъ себя отъ его грубой фамилярности.

Но она тотчасъ же успокоивалась, почитая все за истину и не смѣя даже предполагать, чтобы такой знаменитый и нѣжный поэтъ осмѣлился ей смѣяться прямо въ глаза.

Первое изъ двухъ предположеній скоро истребило всю ея брюзгливость.

Когда дѣвица де-Курне вполнѣ убѣдилась, что маркизъ де-Раканъ (иногда второй) есть одинъ истинный и неподложный де-Раканъ, она уже не могла удержаться отъ откровенности, и рассказала ему оригинальный обманъ, въ который невольно вдалась за часъ предъ его появленіемъ.

— Можеть ли это быть! вскрикнулъ поэтической маркизъ, взирая свою прическу, и вы, очаровательница, не имѣете никакихъ признаковъ, чтобы отыскать обманщика?

— Боже мой, отвѣчала, нѣжно дѣвица де-Курне: я право не знаю... но вы совершенно заставили меня забыть его... Я только помню, что у него были пренеловкіе приемы....

— Какой-нибудь камердинеръ изъ хорошаго дома, бьюсь объ закладъ!...

— Очень можеть быть.... увѣрены ли вы въ своихъ людяхъ?...

— Можно ли быть постоянно въ нихъ увѣрену! Э! да постояте.... Клянусь честью, я бы нисколько не былъ удивленъ, прерасная пастушка, еслибъ встрѣтилъ здѣсь своего конюха.

— Конюха?

— Да, клянусь честью!

— Какой ужасъ!

— Впрочемъ, этотъ малый не безъ достоинствъ и, говорятъ, имѣетъ большую наклонность къ комедіи, до такой степени, что часто позабываетъ накормить лошадей, предпочитая имъ общество въ бургундской гостиницѣ. Онъ въ состояніи былъ явиться къ вамъ подъ моимъ именемъ, узнавъ, что я имѣлъ честь получить отъ васъ приглашеніе.

— Но вѣдь это злодѣйство! вскрикнула де-Курне.

— Да, этотъ поступокъ требуетъ наказанія, и будьте увѣрены, я не оставлю этого дѣла такъ, даю вамъ мое слово.

Слова эти успокоили немного нервы дѣвицы де-Курне. Она начала расточать своему драгоценному поэту самыя нѣжныя ласки и удивленіе къ его гениальному дарованію.

Она прочла ему наизусть всѣ его пасторальные стихотворенія, продекламировала всѣ его оды, стансы, сонеты, о которыхъ онъ не имѣлъ самъ никакого понятія, однако же слушалъ съ самымъ серьезнымъ видомъ.

Восторгъ дѣвицы де-Курне не помѣшалъ ей впрочемъ замѣтить, что маркизъ довольно часто оборачивалъ голову и по-сматривалъ на часы.

— Вы смѣшите, сказала она Ракану, растроганнымъ голосомъ.

— Да, меня ждетъ одна герцогиня, отвѣчалъ маркизъ очень серьезно. Потомъ я поѣду во дворецъ кардинала.

Дѣвица де-Курне спустила свой флагъ передъ этимъ знаменитымъ именемъ. Она не смѣла уже удерживать маркиза, и просила только не забывать ее, и поскорѣе явиться, чтобы продолжать интересный разговоръ, прерванный такъ нестати.

Прощаясь съ Раканомъ, она подарила ему, въ знакъ своего удивленія къ его гению, бантикъ изъ лентъ со своей груди, который навязала въ его петлицу съ самымъ восторженнымъ порывомъ счастья.

Геній имѣетъ въ себѣ ту особенность, что всегда оставляетъ послѣ себя какой-нибудь слѣдъ.

По уходѣ Ракана (иногда второй) дѣвица де-Курне прикрыла рукою глаза, сосредоточилась сама въ себѣ, и начала припоминать и его движенія, въ которыхъ господствовала неприужденность и вольность, и его черты, въ которыхъ проглядывало что-то такое отчаянное, и этотъ взглядъ, который никогда не преклонялся и въ которомъ видѣнь былъ геній — истинный геній, одинъ только геній!

— Вотъ этотъ былъ настоящій Раканъ, заключила она: а первый какой-нибудь плутъ, желавшій воспользоваться моимъ незнаніемъ.

Она недолго предавалась сладостнымъ мечтаніямъ; тотъ же самый лакей, который извѣщалъ ее уже два раза, вошелъ и въ третій разъ; но лицо его было уже гораздо насмѣшливѣе, чѣмъ прежде.

Онъ остановился на самой серединѣ комнаты, и глядя, то на потолокъ, то на полъ, повертывая въ рукахъ пуговицы своего камзола, сказалъ, не показывая даже никакого удивленія, что въ передней дожидается какой-то незнакомый человекъ, просящій позволенія быть представленнымъ дѣвицѣ де-Курне.

— Прими, отвѣчала дѣвица де-Курне, и провозгласи, кто такой, добавила она презрительнымъ голосомъ.

Лакей прокричал громко:

— Господишь маркизь де Ракани!

При этомъ словѣ дѣвица де-Курне вспрыгнула со стула.

Это не была уже женщина, это была львица, потрясавшая своею гривой, приготавлиаясь въ битву.

Старая дѣва не дала новому пришельцу ступить даже шагу въ свою гостинную. Она бросилась къ нему навстрѣчу блѣдная, съ посѣннивыми губами, съ сверкающимъ взоромъ.

— Сколько же, вскричала она, есть Ракановъ въ мѣрѣ?... Стало быть Раканы вездѣ... они падаютъ, какъ дождь на землю!.. Хорошо же!.. Кто былъ изъ васъ не насмѣялся надо мною, послѣдній заплатитъ за всѣхъ. Притомъ же, добавила она, осматривая новаго посѣтителя, который разсыпался предъ нею въ поклонахъ и шарканьяхъ: я большая физиогномистка, и ты, съ своими смѣшными кривдавями и глупымъ лицомъ, не можешь быть никакъ благороднымъ маркизомъ де-Раканомъ.

И быстро снявъ туфлю съ маленькой своей ножки, она пустила ее въ маркиза.

Для почтеннаго человѣка перешедшаго уже за пятьдесятъ лѣтъ, этотъ не былъ совершенно ралушень, или, по крайней мѣрѣ, могъ очень его удивить.

Маркизь замоталъ головою и осмотрѣлся кругомъ.

Вторая туфля скользнула ему по плечу.

Полагая, что попалъ къ какой-нибудь сумасшедшей, онъ открылъ-было ротъ и хотѣлъ объясниться съ дѣвицею де-Курне, но первый слогъ его былъ такъ хорошо встрѣченъ, что онъ, понявъ всю опасность своего положенія при дѣлой рѣчи, смѣшивъ бѣгомъ на лѣстницу. Но дѣвица де-Курне не была еще удовлетворена; мнѣние ея еще не насытилось.

Въ своей злобѣ, она схватила кружку съ водою, и уличивъ минуту, когда маркизь повертывалъ по извику лѣстницы, окатила его съ головы до ногъ, безъ всякаго милосердія.

Никогда еще несчастный поэтъ-маркизь не получалъ тако-го угощенія. Онъ приподнялъ фалды своего камзола, и цустился безъ оглядки по улицамъ.

Вечеромъ, — сказано было, что эта поэма должна была окончиться въ одинъ день, — бѣдная де-Курне узнала, что она под-верглась тройному несчастію:

* Онопратъ де-Рювль, маркизь де-Раковъ, одинъ изъ первыхъ членовъ Французской Академіи, родился въ 1589—умеръ въ 1670 году.

1-е. Расточала учтивости Морвенну, извѣстному во всѣхъ парижскихъ пгорныхъ домахъ и трактирахъ.

2-е. Подарила бавтъ своей лакею Морвенна.

3-е. Наградила настоящаго маркиза де-Ракона такимъ прие-момъ, котораго онъ конечно не проститъ ей цѣлую жизнь.

Увѣряютъ, что дѣвица де-Курне, дѣвица очень мстительная, никогда тоже, съ своей стороны, не простила этой шутки ка-валеру де-Росни.

НА БЕРЕГУ МОРЯ. *Разсказъ Альфонса Карра.* — Быть можетъ кому-нибудь захочется спросить меня, скучаю ли я когда на бе-регу моря? Море прекрасное зрѣлище, скажете вы, но однооб-разное и монотонное.

Я, вмѣсто всякаго отвѣта, скажу: Вы не видали моря; пожа-луйте выиѣшнее лѣто поглядѣть на него и на меня, и потомъ уже скажете мнѣ, однообразно ли оно и монотонно ли оно. Вы любите картины, и такъ, каждая пять минутъ море предста-вить вамъ новую картину Гюдена; вы увидите даже такія, кото-рыя взмѣняются каждую минуту. Десять лѣтъ желаю я посмо-трѣть хоть разъ еще на солнечный закатъ, однажды мною ви-дѣнный, и что-же? онъ никогда не повторялся; каждый день природа создавала новые величественные виды, и никогда не впадала въ однообразіе.

Притомъ же на морскомъ берегу есть жители, морскіе рыбаки, которыхъ вы, вѣрно, полюбили бы также, какъ я, еслибы ихъ знала. Не буду теперь говорить ни о ихъ равнодушіи ко многимъ вещамъ, которыя оспариваютъ другъ у друга другіе, люди, ни о ихъ безкорыстной преданности; скажу только о томъ, сколько пища могутъ доставить любопытству эти простые и молчали-вые жители берега.

Когда вы будете на берегу моря, мы бы пойдя съ вами, послѣ обѣда, купить двѣ сигары у одного лавочника, живущаго на концѣ деревни. Если я вамъ ничего не скажу, вы ничего не увидите; вы изойдете въ маленькую лавочку, окрашенную зе-ленюю краскою, на которой начертана обыкновенная надпись: *табакъ*. — Вы спросите двѣ сигары, и человѣкъ лѣтъ шести-десяти укажетъ вамъ на ящикъ, изъ котораго вы выберете себѣ сигары сами; заплатите, вамъ дадутъ сдачи, потомъ мы выйдемъ, а вы скажете: ну что же изъ всего этого?

— Что? А то, что, прежде, чѣмъ завести въ родной своей де-ревнѣ, маленькую лавочку, челоуѣкъ этотъ болѣе сорока лѣтъ

по волнамъ морей, подъ бурями, добывалъ крошка по крошкѣ, и сахаръ и кофе и гвоздичныя головки и табакъ, который онъ вамъ продаетъ.

Не правда ли, этотъ человѣкъ немножко занимательнѣе жителя вашей улицы, который въ положенное время ходитъ покупать табакъ въ табачномъ депо, а кофе и сахаръ въ Стекланную улицу (Verrerie). Но это еще не все!

Лавочникъ этотъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, бывшихъ во время Имперіи; онъ разъ двадцать бился съ Англичанами; онъ былъ корсеромъ. Но это еще не все!

Онъ былъ взятъ въ плѣнъ въ одномъ морскомъ сраженіи, съ палубы затопленнаго корабля, и отвезенъ въ Англію.

Десять разъ пытался онъ бѣжать, и десять разъ бывалъ пойманъ и заключаемъ еще надежнѣе; но онъ далъ себѣ слово, во что бы ни стало, но уйти изъ Англіи.

Однажды, наконецъ, онъ снова ушелъ съ однимъ товарищемъ, столько же несчастнымъ и столько же рѣшительнымъ; они похитили маленькій челнокъ у какого-то рыбака, и тотчасъ же, истыми Норманцами, пустились въ путь, чтобы возвратиться во Францію, переплывъ море. Съ ними было немного сухарей и бутылка водки.

Едва только отчалили они отъ берега, небо сильно нахмурилось, и все начало предвѣщать жестоку бурю. Они совѣтовались и порѣшили за одно, что лучше утонуть, чѣмъ возвратиться въ плѣнъ. Помолясь Богу, они пустились въ путь. Предвѣщанія погоды исполнились, и черезъ три дня рыбаки нашли челнокъ съ двумя людьми, почти уже умершими отъ голоду, жажды и усталости; но рыбаки тѣ были Французы. Бѣглецы спаслись, и вотъ какъ нашъ лавочникъ завелъ лавочку въ роковой деревнѣ.

Но вотъ проходитъ другой человѣкъ; онъ всегда былъ рыбакомъ и умретъ рыбакомъ. Ему болѣе шестидесяти лѣтъ, но онъ такъ же еще силенъ и бодръ, какъ сорокалѣтній. Онъ никогда не служилъ, хотя и всякую минуту былъ готовъ на службу отечеству; но его не потребовали. Между тѣмъ съ нимъ таки случилось одно происшествіе, которому завидовали моряки, проведеніе всю жизнь въ морской службѣ и на морѣ.

Это было въ то время, когда военные англійскіе корабли бродили около Гаврскаго рейда.

Французскимъ рыбакамъ было приказано возвращаться предъ ночью въ гавань, и отнюдь не плавать такъ далеко, чтобъ можно было потерять ихъ изъ виду. Рыбакъ Петръ былъ тогда мо-

лодъ, нѣсколько дней ничего не ловилъ въ морѣ, и рѣшился съ двумя товарищами, схавшими съ нимъ на одной лодкѣ перейти положенную границу и переночевать на морѣ.

Сказано, слѣдано. Но должно замѣтить что это непослушаніе было наказано со сказочною скоростію. Едва только забрезжилъ день, какъ маленькій англійскій гальотъ, который рыскалъ *quaerens quem devoret*, «спрашивая кого бы поглотить», увидалъ рыбацкую лодку, прицѣпился въ нее, и поднявъ сигналъ, чтобы она пристала къ его борту.

Рыбаки хотя поздно, но увидали, что надѣлали большую глупость, однако же не оробѣли, и какъ бы не вида и не повамая ничего, подняли всѣ свои маленькіе паруса. Пользуясь благоприятнымъ вѣтромъ, душимъ къ берегу, они спѣшили поскорѣе удалиться отъ гальота, полагая, что онъ пренебрежетъ гнаться за простою рыбацкою лодкою и пожалѣетъ тратить на нихъ сколько-нибудь пороха.

Но не тутъ то было!

Капитану гальота необходимо было собрать кое-какія достовѣрныя свѣдѣнія, и онъ повторилъ свой сигналъ. Рыбаки плывутъ, какъ будто не замѣчая. Тогда англійскій командиръ разсудилъ пояснить свою просьбу маленькимъ ядромъ, которое, слѣлавъ нѣсколько рикошетовъ около бортовъ лодки, упало въ море, не слѣлавъ впрочемъ никакого вреда свѣлымъ рыбакамъ. Но рыбаки поняли, что это было только предвѣдомленіе и что слѣдующее ядро непременно прострѣлитъ ихъ насквозь; притомъ же гальотъ могъ ихъ догнать въ нѣсколько минутъ.

Нечего дѣлать—нужно было покориться необходимости.

Рыбаки ослабили паруса, и волею и неволею поворотили къ англійскому судну. Ихъ приняли на бортъ, потопили ихъ лодку, и принялись допрашивать. Петръ отказался отвѣчать. Другой его товарищъ ггалъ немилосердно на всѣ вопросы. Тогда капитанъ приказалъ подвести къ себѣ третьяго, но тревога помѣшала допросу. Показался французскій бригъ и на всѣхъ парусахъ приближался къ гальоту. Трехъ плѣнныхъ спустили въ трюмъ, связали ихъ и начали ириготовляться къ битвѣ.

Зачѣмъ рассказывать подробности сраженія и описывать его; это было-бы довольно скучно; скажемъ только, что битва была упорная и сильная; оба противныя судна надѣлали одно другому много вреда, и каждое, почитая себя побѣдителемъ въ достаточной мѣрѣ, спѣшило удалиться. Англійскій гальотъ потерпѣлъ, повидимому, больше французскаго брига. Капитанъ былъ

убить, старшій лейтенантъ сильно раненъ. Изъ всего экипажа осталось только семь человѣкъ.

Перебѣнили веревки, оборванные ядрами, поставили вмѣсто перебитой мачты новую и повертели къ английскому порту. Вдругъ, съ запада показалась черная точка, начала расти, приближаться и распространяться по вебу; вѣтеръ подулъ сильными порывами, и градъ, слѣшанный съ дождемъ и вѣтромъ, застучалъ по палубѣ; море вздулось и заходило громадными волнами; на гальотѣ убавили парусовъ потому-что началась страшная буря.

Не смотря на смерть капитана и сильную рану старшаго лейтенанта, экипажъ мужественно и искусно сопротивлялся напору бури. Въ эти минуты, трое Норманцевъ были въ сильномъ отчаяннн; они безпрестанно возносили, во-время битвы, горячія молитвы, чтобы Господь помогъ Французамъ восторжествовать надъ Англичанами, и тѣмъ освободить ихъ.

Скоро между тѣмъ они должны были отказаться отъ всѣхъ надеждъ.

У каждаго изъ рыбаковъ были маленькія дѣти, семейства, и потому они еще болѣе горевали, особливо когда приходили имъ на память рассказы о дурномъ положеніи плѣнныхъ, понавшихся въ руки Англичанамъ. Петръ больше всѣхъ кричалъ и ропталъ на то, почему, если уже не удалось Французамъ освободить ихъ, гальотъ не пошелъ ко дну. Онъ увѣрялъ, что ему бы радости было утонуть, нежели быть плѣнникомъ, что онъ уже почелъ бы себя въ половину утѣшеннымъ, видя какъ топули бы съ ними вмѣстѣ непріятели.

— Какое несчастіе, твердилъ другой, что намъ не удалось быть въ эти минуты на палубѣ французскаго брига. Я хоть и никогда не былъ солдатомъ, никогда не сражался, но увѣрю, надѣлалъ бы заботъ непріятелю.

— Бѣдная моя жена, бѣдныя мои дѣти, твердилъ вздыхая третій.

— Но что за погода должна стоять? прервалъ Петръ. Корабль трещитъ такъ что хоть зажимай уши, море шумитъ подъ кормою ужасно, мачты шатаются; пусть буду я пятилѣтнимъ мальчикомъ, если теперь не самая жестокая буря, или по-крайней-мѣрѣ, не далеко отъ нея.

И въ-самомъ-дѣлѣ, буря была не дюжинная и стаевоилась съ каждымъ минутомъ все сокрушительнѣе и опаснѣе. Экипажъ, уменьшившійся до семи человѣкъ, изъ которыхъ половина была

перерванна, едва-едва успѣвали производить нужные маневры, особливо послѣ порчи, причиненной гальоту сраженіемъ.

Вдругъ изъ трюма выбѣгаетъ матросъ, блѣдный, задыхающійся.

— Капитанъ, сказалъ онъ, старшему лейтенанту: показалась сильная течь....

— Сильная течь! пронеслось по всей палубѣ испуганными голосами.

Все пришло въ движеніе!
Лейтенантъ привелъ все въ порядокъ, и приказалъ приняться за помпы.

Экипажъ, уже и безъ того малочисленный, раздѣлился на двѣ части, и въ то время, какъ одна его половина откачивала воду, другая должна была управляться съ рулемъ и парусами.

Напрасно карабельный плотникъ отыскивалъ мѣсто, откуда пробивалась вода, и старался задрать пробонну, вода прибывала все болѣе и болѣе, и отверстіе, слѣланное, вѣроятно, непріятельскимъ ядромъ, не было найдено.

Не прошло часу, какъ первые матросы, выкачивавшіе воду, были уже не въ состоянн работать отъ утомленія; вода хотя и перестала прибывать, но между тѣмъ и не уменьшалась; помпы помогали только ей держаться въ одномъ положенн, не дѣлая никакой пользы. Утомленные матросы были смѣнены тремя новыми. Старшій лейтенантъ, хотя и сильно раненный, не покидалъ своего поста. Онъ приказалъ выкатить боченокъ рому и самъ одѣлывалъ каждаго по достаточной порціи.

Прошло еще нѣсколько часовъ, но буря не уменьшалась, и свирѣствовала по-прежнему. Скоро начали замѣчать съ ужасомъ, что вода стала прибывать быстро.

Плѣнныхъ рыбаковъ вывели на палубу, какъ для того, чтобы они не потонули, такъ и потому, чтобы они не тѣснили и не увеличивали тяжести въ трюмѣ. Къ довершенію отчаянн Англичанъ, ходъ корабля видимо сталъ уменьшаться. Вѣтеръ, благоприятный къ отплытію во Францію, былъ совершенно противный для всѣхъ надеждъ гальота.

— Что дѣлать? твердили матросы: трехъ недостаточно для выкачивания воды; вода прибываетъ; мы почти стоимъ на одномъ мѣстѣ; мы погибли!

Старшій лейтенантъ, сохранившій еще присутствіе духа, сообразилъ настоящее положеніе и постигъ всю опасность. Онъ говорилъ по-французски, и приблизился къ трюмъ рыбакамъ.

— Вы—моряки, сказалъ онъ, слѣдовательно, понимаете, что

теперь происходитъ съ нами; корабль сильно течетъ; я не могу поставить къ помпамъ болѣе трехъ человѣкъ или четырехъ, при самой крайности; не пройдетъ часу, какъ корабль потонетъ, тѣмъ болѣе, что, при противномъ вѣтрѣ, намъ нѣтъ надежды встрѣтиться съ какою-нибудь другимъ кораблемъ, который бы могъ подать намъ помощь. Мы всѣ погибнемъ. Вы знаете, что только мертвые не возвращаются въ свои жилища; вы плѣнники, но я увѣренъ, что также, какъ и мы, не захотите погибнуть; я прикажу развязать васъ, вы будете помогать моимъ матросамъ выкачивать воду и маневрировать для общаго блага—для жизни. Появилъ ли вы меня?

— Совершенно, отвѣчалъ Петръ. Позвольте вамъ посоветоваться между собою.

— Я полагаю, прервалъ лейтенантъ, что мнѣ не нужно напоминать тебѣ, что время дорого.

Петръ и его товарищи отошли въ сторону и начали шептаться. Не прошло пяти минутъ, какъ они уже снова стояли предъ лейтенантомъ.

— И такъ, господинъ Англичанинъ, началъ Петръ: вы говорите, что вы всѣ погибнете, если мы не поможемъ вамъ?

— Да, мы всѣ, точно также, какъ и вы; по этому я не должно болѣе думать. Томъ, развяжи Французовъ.

— Благодарю, прервалъ Петръ: стоить ли труда развязывать для того, чтобы связывать снова; мы не будемъ помогать вамъ.

— Неужели вы сошли съ ума отъ страха? Неужели вы еще сомнѣваетесь въ опасности, которая грозитъ, вскрикнулъ лейтенантъ.

— Знаемъ, отвѣчалъ Петръ, что черезъ часъ мы пойдемъ ко дну, но все-таки не хотимъ, чтобы говорили, что французскіе моряки помогли Англичанамъ взять себя же самихъ въ плѣнъ, въ ихъ портъ. Всякій сталъ бы смѣяться надъ нами.

— Но вѣдь вы погибаете.

— Это очень непріятно и грустно, а между тѣмъ мы все же выигрываемъ больше васъ; плѣннымъ жизнь не такъ дорога, какъ побѣдителямъ. Мы жалѣемъ о жизни, но вы вѣдь, вы вдвое—не правда ли?

— Правда, отвѣчалъ лейтенантъ, и такъ?

— И такъ, сказалъ рѣшительно Петръ: мы не работаемъ; не трудитесь развязывать.

Три матроса, работавшіе у помпъ, кричали, просили у лейтенанта помощи. Они были удивлены и поражены, услышавъ объ отказѣ Французовъ. Лейтенантъ приказалъ развязать рыбаковъ;

къ помпамъ спустились еще двое, но вскорѣ вбѣжали снова на палубу; ввиду нельзя было болѣе работать отъ прибывшей воды.

— Но безумные, кричалъ лейтенантъ Французамъ: стало быть вы рѣшительно хотите умереть?

— Кто же хочетъ умереть, отвѣчалъ Петръ: а все-таки лучше умереть чѣмъ везти себя же самихъ въ плѣнъ въ вашу Англію.

— Хорошо, даю вамъ слово, что вы будете свободны, и какъ только мы войдемъ въ портъ, васъ отпустятъ во Францію.

— Вотъ это сказано благоразумнѣе, и поэтому, съ вашего позволенія, мы еще должны посоветоваться между собою нѣсколько минутъ, отвѣчалъ Петръ.

— Но вѣдь время идетъ, и каждая минута приближаетъ насъ къ смерти.

— Я это очень хорошо знаю, господинъ Англичанинъ, но все же нельзя не посоветоваться; нашъ разговоръ будетъ не дологъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, не прошло и трехъ минутъ, какъ Петръ подошелъ къ лейтенанту, и сказалъ ему очень лаконически и очень хладнокровно:

— На обѣщанія, провнесенныя въ минуту опасности, мы полагаться не можемъ.

— И такъ будемъ всѣ готовиться къ смерти, пробормоталъ лейтенантъ.

— Чтò дѣлать, такъ видно уже суждено!

— Чтò же можетъ разувѣрить васъ, началъ снова капитанъ.

— То, когда вы позволите поворотить галюль къ Гаврскому порту.

— Во Францію!

— Да, не пройдетъ и пяти часовъ, какъ дѣло уже будетъ кончено, между тѣмъ какъ до вашего порта намъ не доѣхать и въ пятнадцать часовъ.

— Я это знаю, но тогда мы будемъ плѣнными.

— Это повѣрно.

— Ты, кажется, сошелъ съ ума!

— Нѣтъ, но мы уже рѣшились: или всѣ вмѣстѣ погибнемъ, или отведемъ галюль въ Гавръ.

Петръ сѣлъ на палубу и сложилъ руки. Его товарищи послѣдовали его примѣру.

Внизу раздались новые крики; вода все прибывала; гальотъ началъ захлебываться; еще одинъ матросъ спустился къ помпамъ.

Англійскій плотникъ спустился, въ свою очередь, внизъ, переговорилъ съ матросами и наконецъ съ находившимся на палубѣ, и подошелъ къ лейтенанту.

— Вода остается на одной высотѣ, сказалъ онъ, но люди наши утомлены, только осталось двое, чтобы замѣнять ихъ; — мы погибли.

— Никогда! отвѣчалъ лейтенантъ, и вмѣстѣ съ этими словами, онъ упалъ безъ чувствъ на палубу, ослабѣвъ отъ потери крови, лившейся изъ раны его.

— Что дѣлать намъ теперь! воскликнули матросы. Теперь мы рѣшительно погибли!

— Нѣтъ еще! сказалъ хладнокровно Петръ ломанымъ англійскимъ языкомъ.

— Кто жъ будетъ теперь командовать гальотомъ? Кто вѣрно рассчитаетъ путь къ берегу въ такую бурю?

— Я, если хотите, отвѣчалъ Петръ. Всѣ прибрежныя скалы и мели, я знаю, какъ свои пять пальцевъ, и приведу васъ благополучно въ портъ.

— Куда же?

— Разумѣется, въ Гавръ! Вашъ англійскій берегъ мнѣ не болѣе извѣстенъ, какъ китайскій языкъ.

— Въ Гавръ! Нѣтъ, мы не хотимъ въ Гавръ! Держи въ Англію!

— Я вижу, что вы хотите держать на дно морское. Пожалуй! Я согласенъ! Э-ге! Гальотъ-то, я вижу, не продержится и получаса, если мы будемъ еще разговаривать, да спорить, и Петръ опять сѣлъ къ мачтѣ, сложа руки.

— Ахъ какой упрямый Французъ! вскричали матросы.

— Мнѣ кажется, что вы упрямѣ меня. Э-ге! Я вижу, что черезъ четверть часа нашъ споръ кончится, и съ нами начнутъ спорить и разговаривать морскія рыбы. Нечего дѣлать! быть такъ!

Матросы, видя, что гальотъ въ послѣдней крайности, закричали Петру:

— А если ты будешь держать въ Гавръ, то спасешь ли гальотъ и насъ?

— Ручаюсь, но только слушаться меня, какъ командира.

— Согласны!

— Ладно! И такъ теперь я командиръ вашъ! Дайте сюда ваше орудіе.

— Зачѣмъ?

— Безъ разговоровъ, или я снова сяду на палубу, и тогда мы пойдемъ вмѣстѣ ловить морскихъ рыбъ.

— Но мы тоземъ.

— Такъ слушайтесь же.

Англичане принесли оружіе; Французы взяли себѣ каждый по парѣ пистолетовъ, по саблѣ, остальное оружіе побросали въ море.

— Теперь, вскричалъ Петръ: всѣ семеро Англичанъ къ помпамъ, внизъ, откачивать воду, а мы двое останемся на верху, и будемъ управлять парусами. Ну въ дорогу же, къ берегамъ Франціи и въ Гавръ.

Всѣ повиновались. Вода значительно прибыла въ это время, но Англичане, подкрѣпленные надеждою скораго избавленія отъ опасности, принялись работать съ новыми силами. Вскорѣ успѣхъ наградила ихъ усилія.

Между тѣмъ Петръ поворотилъ корабль и распустилъ всѣ паруса.

Облегченный гальотъ, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, быстро началъ разсѣкать волны.

— Антонъ, сказалъ Петръ, своему товарищу, сойдя внизъ и пощи мнѣ гдѣ нибудь кое-какихъ тряпокъ, чтобы сдѣлать трехцѣтный флагъ, и вадѣть его вмѣсто англійскаго; мнѣ кажется, такъ будетъ приличнѣе войти въ Гавръ.

Антонъ началъ рыться, и скоро между пожитками отыскалъ что нужно. Изъ мундира составилъ красное поле, и флагъ былъ поднятъ.

Вода убывала все болѣе и болѣе: семеро Англичанъ работали а трое Французовъ расхаживали по палубѣ, вооруженные съ головы до ногъ, божась, что разобьютъ голову первому, кто только осмѣлится подняться на верхъ.

Черезъ часъ буря стихла, и при стеченіи огромной толпы, рыбаки вошли въ рейдъ Гавра, при крикахъ: да здравствуетъ Франція!

Они вручили коменданту свой призь и плѣнныхъ.

Корабль былъ такъ поврежденъ, что Петръ съ товарищами мало выручили при его продажѣ.

Все-таки Петръ купилъ собѣ хижину.

Вотъ, посмотрите на него; вотъ онъ—этотъ человекъ съ кроткими голубыми глазами и добрымъ лицомъ, идетъ закурить у меня трубку.

НОВОСТИ УЧЕНАГО МІРА.

Изысканія Кетеле надъ карликами или людьми весьма малаго роста. — Новозобрѣтенная полуда. — Способъ Либиха для приготовления водки изъ рябиновыхъ ягодъ. — Изслѣдованія надъ цвѣтомъ воды.

Изысканія Кетеле надъ карликами или людьми весьма малаго роста.—Мы представляемъ здѣсь нашимъ читателямъ извлеченіе изъ статьи, написанной непрѣннымъ секретаремъ Брюссельской Академіи Наукъ, г. *Кетеле* (Quetelet), по поводу карлика Жана Ханнема (Jean Hanneма), обратившаго на себя всеобщее вниманіе въ Англіи, Голландіи, Бельгіи и Франціи, гдѣ онъ показывалъ себя за деньги, сперва подлѣ псевдонимомъ *адмирала Громпа*, а теперь сводить съ ума Паржанъ, подлѣ именемъ *князя Колибри*.

Г. Кетеле начинаетъ разсужденіемъ о необходимости обращать вниманіе на точныя размѣры различныхъ частей организма, не только нормально развитыхъ людей, но и тѣхъ которые отличаются особенно большимъ или малымъ ростомъ. Натуралисты, разсматривавшіе карликовъ и гигантовъ въ отдѣльности, считаютъ ихъ обыкновенно за аномаліи человѣческаго рода; но если взять эти аномаліи вмѣстѣ, и разсматривать ихъ съ высшей точки зрѣнія, то необходимо придетъ къ другому заключенію.

Прежнія, долготѣнія изслѣдованія Кетеле и многихъ другихъ антропологовъ доказываютъ, что относительно развитія человѣческаго роста существуетъ опредѣленный размѣръ, могущій быть принятымъ за *типическій*. Всѣ недѣлимые нашего рода, взятые отдѣльно, представляютъ большія или меньшія отклоненія отъ такого нормальнаго типа, и эти отклоненія происходятъ

отъ весьма различныхъ вліяній. Но какъ ни велики и странны бываютъ иногда эти отклоненія, совершающіяся подлѣ вліяніемъ случайныхъ причинъ, всѣ она подчинены общему закону, который связываетъ цѣпь развитія человѣческаго организма отъ крайнихъ предѣловъ большаго, до крайнихъ предѣловъ малаго. Весьма точныя изслѣдованія показываютъ, что не только существованіе гигантовъ и карликовъ есть слѣдствіе общаго закона, но еще свидѣлствуютъ о важномъ и любопытномъ фактѣ: что число отклоненій отъ нормальнаго типа находится въ постоянномъ отношеніи къ числу народонаселенія и по этому можетъ быть напередъ вычислено, подобно многимъ другимъ статистическимъ выводамъ. Въ неразрывной цѣпи человѣческаго рода карлы и гиганты составляютъ необходимыя, хотя и крайнія звѣнья.

Обратимся къ изслѣдованіямъ бельгійскаго ученаго надъ карликами.

Г. Кетеле полагаетъ, что необходимо должно различать два вида карликовъ. Къ *первому* принадлежатъ такіе малорослые люди которые, вслѣдствіе особенностей ихъ организаціи, должны постоянно оставаться въ своихъ малыхъ размѣрахъ; ко *второму* роду относятся тѣ, у которыхъ развитіе роста остановилось временно, вслѣдствіе какихъ-либо причинъ, по удаленіи которыхъ развитіе роста будетъ вновь продолжаться. Субъекты перваго рода остаются во всю жизнь карликами; субъекты втораго рода бываютъ карлами только въ извѣстную эпоху ихъ развитія.

Изъ многихъ миллионновъ людей едва ли найдется одинъ человекъ, котораго тѣлесное развитіе совершалось бы постоянно, въ опредѣленной послѣдовательности, безъ всякаго нарушенія единнобы установившейся прогрессивности. Напротивъ того, въ развитіи роста каждаго субъекта можно замѣтить большія или меньшія колебанія, допускающія замедленіе и ускореніе, которыхъ напряженіе и продолжительность чрезвычайно разнообразны. Такъ наиримѣръ, есть дѣти слабыя и хилыя съ младенчества, которыхъ физическое развитіе идетъ чрезвычайно медленно, а иногда и вовсе останавливается, такъ что всѣ полагаютъ, что имъ суждено на всю жизнь остаться карлаками. Но вдругъ, и особенно при наступленіи эпохи возмужалости, отъ вліянія (по большей части неизвѣстныхъ намъ дѣятелей) карликъ начинаетъ расти, и это развитіе, совершаясь съ большею или меньшею энергіею, доводитъ его иногда до размѣровъ тѣла, едва уклоняющихся отъ нормальнаго типа. Замѣтимъ

однакожь, что такіа энергическія развитія довольно рѣдки, и субъекты, о которыхъ мы говоримъ, выходя изъ разряда карловъ, все-таки остаются въ категоріи людей невысокаго роста.

Идея о различіи между вѣчными и временными карликами находитъ новую опору въ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ въ наше время надъ двумя весьма извѣстными субъектами, изъ которыхъ одного прозвали *генераломъ Томъ-Пузомъ* (Tom-Pouce), а другаго *адмираломъ Тромпомъ и килземъ Колибри*. * Оба эти субъекта устроены природою совершенно нормально, и родились на свѣтъ нисколько не отличаясь отъ миллионной другихъ новорожденныхъ, если не обращать вниманія на малость ихъ роста; хотя впрочемъ размѣры ихъ при рожденіи очень часто повторяются и у другихъ дѣтей, развивающихся потомъ совершенно нормально и достигающихъ иногда до большаго роста. Родители и ближніе родственники обоихъ упомянутыхъ карликовъ не представляютъ никакихъ родовыхъ аномалій или особенностей, и сами эти карлики развивались до 4 или 5 лѣтнаго возраста обыкновеннымъ порядкомъ, хотя и весьма медленно, такъ что при упомянутомъ сейчасъ возрастѣ представляли размѣры тѣла, свойственныя 13 или 15 мѣсячнымъ младенцамъ. По достиженіи 4 или 5 лѣтнаго возраста дальѣйшее развитіе обоихъ вдругъ остановилось отъ неизвѣстныхъ причинъ. Теперь, по всему вѣроятію, обоимъ этимъ карламъ по 11 лѣтъ, хотя лица, ихъ показывающія, и увѣряютъ, что имъ по 14 лѣтъ.

Ростъ Томъ-Пуза равняется 0, 710 метра; ростъ Тромпа = 0, 728 метра; ростъ 13 или 14 мѣсячнаго дитяти обыкновенныхъ размѣровъ полагается въ 0, 710 метра. Г. Кетеле составилъ таблицу, ** въ которой означены съ точностію размѣры разныхъ частей тѣла упомянутыхъ карликовъ, въ сравненіи съ обыкновенными размѣрами 13 или 14 мѣсячнаго младенца. Такого рода таблицы весьма поучительны, и жаль, что прежніе натуралисты, имѣвшіе случай наблюдать гигантовъ и карловъ, не оставили намъ свѣдѣній о точныхъ размѣрахъ разныхъ частей ихъ наружнаго организма.

* Нашимъ читателямъ, вѣроятно, не разъ удавалось встрѣчать въ журналахъ и газетахъ извѣстіе объ этихъ карликахъ, объѣзжавшихъ преимущественно Англію и Францію и собиравшихъ дань съ любопытныхъ.

** Ее можно найти въ № 49 ученаго французскаго журнала *Revue*.

Замѣтимъ въ заключеніе, что карликъ Томъ-Пузь отличается особенною короткостію рукъ. Мѣсто его родины Бридженпортъ, а Тромпа Франекеръ.

Новоизобретенная полуда. — Большая часть настоящихъ металловъ луженія нигуда не годится. Наша обыкновенная полуда оловомъ легко плавится, и отдѣляясь отъ поверхности посуды, обнажаетъ ее, или, оставляя слишкомъ тонкій слой своей массы, легко стирается при чищеніи. Это зависитъ отъ свойствъ металла, служащаго для полуды, который слишкомъ плавокъ и не довольно крѣпко пристаётъ къ мѣди, изъ которой дѣлается посуда.

Г. Бюди, послѣ многихъ опытовъ, нашелъ, что сплавомъ изъ никкеля и олова удовлетворяетъ всемъ требованіямъ отличной полуды. Лучшая пропорція есть: шесть съ половиною частей никкеля на 100 частей олова; но чтобы послѣдній металлъ не улеталъ при высокой температурѣ, потребной для сплавленія первого, то прибавляютъ въ тигель 3 части смѣси буры съ толченымъ стекломъ. Эта послѣдняя смѣсь, плавясь, покрываетъ металлы стекловатымъ слоемъ, препятствующимъ доступу къ нимъ воздуха и улетанію олова. Полученнымъ сплавкомъ лудятъ какъ обыкновенно. Эта полуда безвредна, дешева и необыкновенно прочна.

Способъ Либиха для приготовленія водки изъ рябиновыхъ ягодъ. Если въ концѣ августа мѣсяца или въ началѣ сентября набрать рябиновыхъ ягодъ и выжать изъ нихъ сокъ, то онъ самъ собою приходитъ въ винное броженіе. Подвергнувъ такой сокъ перегонкѣ, можно получить весьма вкусную водку, которую трудно отличить отъ обыкновеннаго киршвассера. Она содержитъ въ себѣ до 50 процентовъ чистаго виноспирта, и это добываніе до такой степени выгодно, что количество полученной водки равняется $\frac{1}{4}$ всего количества сока, подвергнутаго перегонкѣ. Изъ этой водки весьма легко добыть весьма добротный и чистый спиртъ. Либихъ совѣтуетъ также примѣшивать сокъ рябиновыхъ ягодъ къ каргофелю или хлѣбу, изъ которыхъ намѣреваются курить хлѣбное вино.

Совѣтуемъ всемъ, кого можетъ интересовать это дѣло, попробовать предлагаемый Либихомъ рецептъ. Онъ особенно важенъ въ Россіи, гдѣ рябина растетъ въ чрезвычайномъ изобиліи и гдѣ ощущается недостатокъ виноградной водки; а водка изъ рябиновыхъ ягодъ, и спиртъ, изъ нея полученный, не содержатъ въ себѣ свинцоваго масла. Можетъ-быть, рябина суждено

замѣнить намъ виноградъ, для приготовления виноградной водки и спирта.

Исслѣдованія надъ цвѣтомъ воды. Нигдѣ нельзя найти воды столь чистаго зелено-голубаго цвѣта, какъ въ горячихъ Исландскихъ ключахъ. Исслѣдованія надъ этою водою, чистою, спокойною и совершенно прозрачною, побудили профессора *Бунзена* заняться исслѣдованіями надъ цвѣтомъ воды. Изъ полученныхъ имъ результатовъ видно, что химически чистая вода не есть безцвѣтная жидкость, какъ обыкновенно думаютъ, но представляетъ оттѣнокъ прекраснаго голубаго цвѣта, замѣтный впрочемъ только тогда, когда лучъ свѣта проникнетъ чрезъ слой воды, имѣющей значительную толщину. Въ этомъ весьма легко убѣдиться, если взять стеклянную трубку въ 3 аршина длиною, покрыть внутреннюю ея поверхность смѣсью воска съ сажею, и заткнувъ нижній конецъ трубки пробкою, оставить между пробкою и внутреннею черною оболочкою прозрачное пространство въ $\frac{1}{4}$ дюйма вышиною; потомъ наливъ трубку чистою водою, бросить на дно трубки кусочки бѣлаго фарфора, и поставивъ нижній конецъ трубки въ бѣлую фарфоровую чашку, смотрѣть въ трубку чрезъ трех-аршинный слой воды. Тогда освѣщенные бѣлымъ свѣтомъ бѣлые кусочки фарфора покажутся намъ окрашенными самымъ пріятнымъ голубымъ цвѣтомъ. Чѣмъ короче будетъ столбъ воды въ трубкѣ, тѣмъ слабѣе будетъ голубой цвѣтъ фарфоровыхъ кусочковъ; наконецъ, если столбъ воды сдѣлается очень коротокъ, то кусочки примутъ опять первоначальную бѣлизну: ясное доказательство, что цвѣтъ ихъ зависѣлъ отъ цвѣта находившагося надъ ними водянаго столба. Тотъ же самый голубой цвѣтъ окажется, если кусочки освѣтитъ сквозь водяной столбъ и смотрѣть на нихъ чрезъ маленькое сквозное отверстіе въ черной оболочкѣ внутренней трубки. Слѣдовательно, нечего удивляться, что большія массы представляются такъ часто въ разныхъ оттѣнкахъ голубаго или синяго цвѣтовъ. Но при этомъ рождается вопросъ: почему вода принимаетъ иногда совершенно другой цвѣтъ? Вода швейцарскихъ озеръ и исландскихъ гейзеровъ представляетъ намъ всѣ видоизмѣненія зеленаго цвѣта, тогда какъ вода Средиземнаго и Адриатическаго морей густотою синяго цвѣта не уступаютъ индиго.

Бунзенъ замѣчаетъ, что чистота и глубина воды составляютъ необходимыя условія ея цвѣта. Малѣйшія примѣси измѣняютъ голубой и синий цвѣта воды. Такъ, напримѣръ, примѣсь расти-

тельнаго начала чернозема — *гумуса*, придаетъ водѣ бурый, темный и даже черный цвѣтъ, смотря по количеству примѣси. Многія воды, протекающія по нижнему ярусу лѣсовой формации, принимаютъ желтый или красный цвѣтъ отъ воднаго окислѣжелеза, разсѣяннаго въ этой формации. Обломки вулканическихъ породъ, растиралась въ мелкій, бѣло-сѣрый порошокъ дѣйствіемъ опускающихся ледниковъ и другими причинами, смѣшиваются съ водами ручьевъ, текущихъ изъ тѣхъ ледниковъ по ущелкамъ исландскихъ скалъ: мудрено ли послѣ этого, что вода въ этихъ ручьяхъ получаетъ молочный цвѣтъ? Во многихъ небольшихъ озерахъ сѣверной Германіи и средней Россіи примѣсь *гумуса* придаетъ водѣ темный цвѣтъ.

Чѣмъ менѣе существуетъ такихъ постороннихъ причинъ, имѣющихъ вліяніе на цвѣтъ воды, тѣмъ послѣдній является чище. Изъ всѣхъ извѣстныхъ нами мѣстностей, лазурный гротъ близъ Капри, въ Неаполитанскомъ-заливѣ, представляетъ примѣръ самой чистой и прозрачной воды. Здѣсь, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ можно различать мелкую монету, брошенную на дно. Входъ въ лазурный гротъ едва возвышается надъ уровнемъ моря, и почти весь свѣтъ, освѣщающій его внутренность, долженъ пройти предварительно чрезъ огромную толщу чистой воды: вотъ почему всѣ предметы внутри этого грота кажутся голубыми.

Ледники Исландіи и Швейцаріи представляютъ намъ доказательство, что вода сохраняетъ иногда свой голубой цвѣтъ даже при переходѣ въ твердое состояніе. Такъ, напримѣръ, глазъ наблюдателя въ разстояніи даже нѣсколькихъ верстъ можетъ различать на *Локулъ* полосу синяго льда, рѣзко отличающую рядомъ съ бѣлою пеленою вѣчнаго снѣга, покрывающаго вершину горы. Разсматривая ледъ этихъ ледниковъ вблизи, удивляемся его чистотѣ, прозрачности и совершенному отсутствію воздушныхъ пузырьковъ и другихъ постороннихъ тѣлъ. Трещины огромныхъ ледяныхъ представляють здѣсь всѣ оттѣнки, отъ свѣтлоголубаго до темносиняго цвѣта, смотря по толщинѣ массы, сквозь которую проникаетъ свѣтъ.

Лазурный цвѣтъ атмосфернаго воздуха, вѣроятно, зависяетъ отъ той же самой причины, какъ и лазурный цвѣтъ воды.

Что касается до зеленаго цвѣта, то онъ является намъ и здѣсь смѣшеніемъ синяго съ желтымъ. Близъ Каприо есть, кроме лазурнаго, еще *зеленый* гротъ, цвѣтъ котораго явно зависяетъ отъ смѣшенія голубаго цвѣта воды съ желтымъ цвѣтомъ плитняка, образующаго здѣсь морское дно. Зеленый цвѣтъ швей-

царскихъ озеръ объясняется желѣзною ихъ два, нарочнаго окисломъ желѣза.

Мы разговорились о водѣ; скажемъ кстати нѣсколько словъ о предметѣ довольно близкомъ для насъ, петербургскихъ жителей, именно — о чистотѣ воды въ Невѣ, Ладожскомъ-озерѣ и трехъ петербургскихъ каналахъ. Извѣстно, что невская вода отличается какъ своею чистотою, такъ и пріятнымъ вкусомъ, и въ этомъ отношеніи столица наша имѣетъ важное преимущество предъ другими городами, гдѣ должно или предварительно процѣживать свою рѣчную воду, чтобы слѣзать ее годною для питья, или довольствоваться на взглядъ чистою, но въ-самомъ-дѣлѣ обремененною многими примѣсями колодезною водою. Рѣшительно можно сказать, что наша невская вода есть одна изъ самыхъ чистыхъ и пріятныхъ для употребленія въ пищу рѣчныхъ водъ.

Уже давно нѣкоторые изъ здѣшнихъ химиковъ занимались разложеніемъ воды, какъ невской, такъ и петербургскихъ каналовъ; но въ послѣднее время занялся специально этимъ предметомъ г. Траппъ, недавно издавшій брошюру, подъ заглавіемъ: *Das Wasser der Neva, des Ladoga—Sees und dreier Kanäle St.-Petersburgs*, etc. Извлекаемъ изъ этой брошюры слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Относительный вѣсъ невской воды при +15° Реом. и 30,53 англійскихъ дюймахъ барометрическаго давленія = 1,000,022. Одинъ миллионъ кубическихъ дециметровъ этой воды содержитъ въ себѣ 40,448,669 куб. цент., свободныхъ газовъ, именно:

Углекислоты	1065,039	куб. цент.
Кислорода	8497,62	— —
Азота	30886,01	— —
	<hr/>	
	40448,669	— —

при температурѣ + 13,5° Реом. и баром. высотѣ = 30,53, англ. д.

Въ одномъ миллионѣ грановъ воды содержится:

Неорганическихъ примѣсей . . .	32,806	гран
Органическихъ примѣсей	22,66	—

всего 56,466 грановъ постороннихъ примѣсей въ чистой водѣ.

Въ одномъ миллионѣ грановъ воды содержится, по вѣсу, слѣдующія неорганическія примѣси:

Сѣрнокислаго кали	1,268	гран.
Сѣрнокислаго натра	2,381	—
Хлористаго натрія	1,602	—
Хлористаго алюминія	2,557	—
Углекислой извести	15,247	—
Углекислой магнезій	7,431	—
Углекислаго желѣза	1,173	—
Кремнекислоты	0,466	—

всего 32,125 грановъ.

Въ прежнихъ разложеніяхъ академика Гесса не показано въ невской водѣ содержанія желѣза*, почему г. Траппъ счелъ нужнымъ повторить свои опыты въ отношеніи къ желѣзу, почерпая воду въ различныхъ мѣстахъ рѣки и вдоль обоихъ береговъ; результаты получались постоянно одинаковыя; даже вода Ладожскаго озера, изъ котораго течетъ Нева, содержитъ въ себѣ желѣзо.

Вода такъ-называемой Малой-Невки дала почти совершенно тѣ же результаты, какъ и вода Большой-Невы; впрочемъ, вода

* Разложеніе академика Гесса значительно разнится, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ, отъ разложеній г. Траппа. Г. Гессъ нашелъ въ 100 фунтахъ невской воды $\frac{1}{11}$ часть по объему газовъ, преимущественно азота, съ небольшимъ количествомъ углекислоты; сверхъ того слѣдующія твердыя неорганическія вещества:

Кремнекислоты	0,04	гран.
Хлористаго алюминія	1,92	—
Хлористой магнезій	0,97	—
Хлористаго потассія	4,17	—
Хлористаго содія	0,34	—
Хлористаго кальція	4,21	—
Сѣрнокислаго натра	1,95	—
Углекислой извести	9,40	—
Экстрактивныхъ или вытяжныхъ (органическихъ) веществъ	24,00	—

всего 47,20 грановъ.

Невка оказалась немного почисте, чѣмъ въ Большой-Невѣ, и содержитъ въ одномъ миллионѣ грановъ:

неорганическихъ веществъ	32 грана
органическихъ веществъ	22,4 —

слѣдовательно всего только 54,4 грана постороннихъ чистой водѣ твердыхъ примѣсей.

Въ миллионѣ грановъ воды, почерпнутой у Аничкова-моста изъ Фонтанки, содержится:

неорганическихъ веществъ	36,406 гран.
органическихъ веществъ	24,9 —

всего 61,306 гран.; слѣдовательно, слишкомъ одною десятою болѣе примѣсей, чѣмъ въ невской водѣ.

Вода Мойки у Полицейскаго-моста еще нечисте: она содержитъ гораздо болѣе количество органическихъ примѣсей, именно въ миллионѣ грановъ воды:

неорганическихъ	34,806 гран.
органическихъ	26,66 —

всего же 61,466 грановъ.

Изъ всѣхъ прочихъ водъ Петербурга нечисте вода Екатерининскаго-канала. Миллионъ грановъ воды, почерпнутой у Каналнаго-моста, содержитъ:

неорганическихъ веществъ	37,407
органическихъ веществъ	28,9

всего же 66,307 грановъ.

Вода Ладожскаго озера, при относительномъ вѣсѣ = 1,0002, содержитъ въ миллионѣ грановъ воды:

неорганическихъ примѣсей	26,767 гран.
органическихъ	19,75 —

всего же 46,517 грановъ. Слѣдовательно вода Ладожскаго озера гораздо чище невской.

ПОХОЖДЕНИЕ ПРОВИНЦІАЛА ВЪ СТОЛИЦѢ.

Если бы поэзія была еще въ модѣ, мы начали бы такъ:

Прохладой вѣетъ юный лѣсъ,
Нева сверкаетъ влагой бурной,
И краска сѣрая небесъ,
Смѣшилась краскою лазурной.
Хоть не надолго—все же мы
Въ порѣ *кариктуръ* зимы!

Пора любви, пора шатаій,
По дачамъ, рощамъ и водамъ.
Съ толпой различныхъ диковицій
Ты наконецъ явилась къ намъ!
И чарамъ ведени послушны
Всѣ Петербургъ кидаютъ душные.

Не такъ нестра, не такъ жива,
Толпа гуляетъ по проспекту;
Она несеть на острова,
Своихъ доходовъ зимнихъ лепту.
У Гунгля, Гильмана, Лумби
Своими деньги не зови!

Вивать, нашъ Издѣръ, столь воспитый
Деревни Новой, пигмалювъ!
Давай скорый пиромъ нагрѣтый
Тебя поемъ—насъ ескормитъ онъ!
Да! на твои пиры и ночи
Мы кличемъ всѣхъ, что есть въ насъ жочи.

Пора, пора изъ улицъ душныхъ,
 На дачи всѣмъ переѣзжать,
 Живя въ chalets полуподушныхъ
 Насморкомъ, флюсами страдать!
 За городъ всѣ домашній хламъ
 Везуть по сушѣ и влодамъ!

И точно, Петербургъ опустѣлъ значительно; въ немъ общее переселеніе, тѣмъ болѣе, что нынѣшнее лѣто, какъ-будто разсердясь, что Пушкинъ назвалъ его *карикатурою южныхъ зимъ*, хочетъ доказать ему противное. Загородные дилжансы поминутно ходятъ взадъ и впередъ.

Петръ Александровичъ Мошкинъ сперва никакъ не хотѣлъ вѣрить тому что говорилъ ему Францъ Францовичъ Космополитскій, но скоро имѣлъ случай убѣдиться собственнымъ опытомъ.

У Петра Александровича, какъ у человѣка довольно лѣниваго самому хлопотать о собственныхъ дѣлахъ, былъ очень полезный человѣкъ, который за благородное возмездіе готовъ былъ за него идти въ огонь и въ воду. Человѣкъ этотъ былъ нѣкто Карпъ Ильичъ Петрошаевъ, сперва служившій Оемидѣ, а потомъ, за сильную свою приверженность къ Бахусу, исключенный ею изъ числа ея служителей. Карпъ Ильичъ былъ, что называется, человѣкъ совершенная заплата, пренебрегающій суетами и роскошью міра сего до того, что развѣ одинъ Диогенъ могъ войти съ нимъ въ составленіе на счетъ неприхотливости желаній, умѣренности и всего иного, прочаго, другаго—понимается кромѣ служенія Бахусу.

Карпъ Ильичъ жилъ гдѣ-то въ Коломнѣ, въ четвертомъ этажѣ, въ комнатѣ съ перегородкою, и добывалъ себѣ честный кусокъ хлѣба борзописаніемъ. Мошкинъ познакомился съ нимъ случайно, и былъ очень доволенъ его аккуратностію, неусыпчивостію и тѣмъ, что онъ не гнался за большими, а довольствовался малыми. Никогда языкъ Карпа Ильича не завкался попросить когда-либо прибавить за сильныя свои труды болѣе полтины серебра.

И вдругъ, въ одинъ прекрасный день, слухъ Петра Александровича поразился словомъ, неслыханнымъ отъ Карпа Ильича, просьбою добавить ему за хлопоты трехъ-рублевую депозитную бумажку.

— Что это вы, спросилъ удивленный Мошкинъ: не случилось ли что у васъ экстренное?

— Именно экстренное, отвѣчалъ Петрошаевъ: такое экстренное, которое случается только предъ іюнемъ мѣсяцемъ.

— Что же такое? спросилъ Мошкинъ.

— Переѣзжаю на дачу.

— На дачу!

Петръ Александровичъ вытаращилъ глаза.

— Какъ! вскрикнулъ онъ: вы, Карпъ Ильичъ, на дачу? Изъ какихъ же это доходовъ? Стало-быть у васъ есть кое-какая копѣйка, а между тѣмъ вы вѣчно жалуетесь.... Какъ же это?

— И вѣчно буду жаловаться, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: да, что прикажете дѣлать, или у моей жены такъ уже устроена организація, или у нея уже натура требуетъ непременно чистаго воздуха; какъ только разстаетъ снѣгъ, покоя мнѣ день и ночь, батюшка, не даетъ; плитъ, какъ пила—начинай ей дачу да и только; нѣсколько дней чуть мухами одними не кормила. Крокодилъ ты, говорить, этакой... что это ты только о себѣ думаешь?... что ты срамишь и себя и меня: посмотри, булочница наша даже уже переѣхала на дачу, на огороды къ Московской-заставѣ.... Что ты будешь дѣлать! Навяль, батюшка....

— Гдѣ же это, спросилъ Мошкинъ: на островахъ гдѣ-нибудь. въ Новой-деревнѣ?..

— Куда намъ, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: скорѣе, кажется, мѣсто на облака понасть жить.

— Такъ въ Полуостровѣ, что ли?

— Куда намъ туда, не по карману!...

— На Крестовскомъ, въ Чухонской деревнѣ?

— И радъ бы, и дешевенько бѣ было, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: да благовѣрная половина не желаетъ; говорить, что моя мораль можетъ испортиться; общество, видите ли, слишкомъ тамъ музыкальное и плясовое.

— Да гдѣ же, наконецъ, прибавилъ Петръ Александровичъ, пересчитавъ по пальцамъ всѣ извѣстныя ему загородныя помѣщенія, сообщенныя ему обязательнымъ Францомъ Францовичемъ Космополитскимъ.

— Два шага отъ моей зимней квартиры, отвѣчалъ Карпъ Ильичъ: семи минутъ, ходу не будетъ—на Сальномъ-буянѣ....

— Что это такое за Сальный-буянь? спросилъ Петръ Александровичъ, впервые слыша такое названіе мѣстности.

— Что такое Сальный-буянь, спѣшилъ объяснить Карпъ Ильичъ. Сальный-буянь, вотъ изволяете видѣть, нѣчто въ родѣ,

такъ-сказать маленькаго островка, на которомъ складываютъ сало, недалеко отъ Бердовскихъ чугунныхъ заводовъ...

— Такъ это, почти что вы дома, замѣтилъ Мошкинъ: зачѣмъ же вамъ было переѣзжать?

— Ну вѣтъ, все-таки пѣкоторымъ образомъ не горюдь, а дача, прервалъ Карпъ Ильичъ: и дешево также; хоть помѣщеніе немного и продуваетъ насквозь, а деревенскія удовольствія такія же, какъ и на островахъ; чего хочешь того получишь .. воздухъ прездоровый, особливо когда смолистый запахъ съ Бердовскихъ заводовъ перебьетъ салыный; подалее отъ болотцевъ, влажность всегда такая въ атмосферѣ; кругомъ все такія лафонтеовскія и теньеровскія картины, что кажется бы не разстала; кругомъ одна природа, елпная чистая природа; шоссе даже нигдѣ, не только камня, слѣда нѣтъ, а все натуральное, предъ окнами нашими вода, правда, довольно красноватая, но узости канавы; посмотришь направо, видишь, какъ бабы бѣлье по-лощатъ.—подалѣе лошадей купаютъ съ коровами; еще подалѣе, мальчишки валяются въ пыли, а еще подалѣе очарованье и прелесть....

— Чтѣ же такое?..

— Ольшавникъ и дугъ, дугъ такой, какъ-будто кто по зеленому бархату разсыпалъ золотыя блестки.

— Чтѣ же, цвѣты? спросилъ Мошкинъ.

— Ну, вѣтъ, цвѣты, не смѣю сказать, чтобы именно можно назвать цвѣтами, если даже хотите, далеко не цвѣты, вѣчто въ родѣ куриной слѣпоты, но вѣдь согласитесь, намъ съ женою не нюхать, чѣмъ онѣ пахнутъ, а только любоваться, и то издали....

— Гм, гм! откашлинулся Петръ Александровичъ, удовлетворя желаніе Карпа Ильича.

Постоянные жары, видимое опустѣніе начали томить Мошкина; онъ взгрустнулся по своей деревнѣ, и рѣшился было уже совсѣмъ ѣхать, но Космополитскій остановилъ его.

— Чтѣ это, сказалъ онъ: какъ это можно? Да я тебя рѣшительно не пушу.

— Чтѣ же я буду дѣлать въ Петербургѣ? спросилъ Петръ Александровичъ: концерты теперь прекратились, театральныя представленія также будутъ уже не такъ часто, какъ зимой, чтѣ же я буду дѣлать здѣсь въ городѣ? позвольте васъ спросить, Францъ Францовичъ....

— Тоже, чтѣ зимой. Концертовъ, положимъ, не услышишь, но за-то можешь наслаждаться прекрасными полками, мазурками, вальсами, увертюрами изъ разныхъ оперъ, гдѣ хочешь: на Минеральныхъ-водахъ, у Излера, на Петербургской-сторонѣ, на дачѣ Королева, въ Полуостровѣ, на дачѣ Куселева-Безбородки, въ Павловскѣ, на Крестовскомъ-острову, на Фонтанкѣ, близъ Измайловскаго-моста, въ лѣтнемъ Нѣмецкомъ клубѣ; вездѣ, повсюду звуки усладятъ тебя, если хочешь... Впрочемъ, чтѣ же, Петруша, желашь я тебя угощу и концертомъ?

— Какимъ концертомъ?

— Очень хорошимъ, — концертомъ на скрипкѣ, даваемымъ Франкенштейномъ, въ залѣ Бернадаки.

— А чтѣ, онъ пріѣзжій изъ-за границы? спросилъ Петръ Александровичъ....

— Нѣтъ, нашъ, и совершенно молодой человекъ.

— Мм, мм, произнесъ Петръ Александровичъ.

— Чтѣ у тебя можетъ значить такое мычаніе, Петя? спросилъ Космополитскій.

— Молодо, зелено, Францъ Францовичъ, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Лѣтами-то онъ точно молодъ, прервалъ Космополитскій: только на скрипкѣ, повѣрь, совершенный старецъ....

Францъ Францовичъ имѣлъ иногда привычку ставить ударенія на послѣднемъ слогѣ.

— Вѣдь скрипка такой инструментъ, продолжалъ Мошкинъ, что требуетъ многолѣтняго изученія....

— Онъ много лѣтъ и изучалъ скрипичную игру, замѣтилъ Космополитскій.

— А вы почему это знаете? Вѣдь это его первый концертъ.

— Нѣтъ, второй, и я разъ уже слушалъ его....

— И чтѣ же?

— Восхитился, хлопалъ, не жалѣя перчатокъ. Игра Франкенштейна исполнена чистоты и пѣвучести, въ особенноти замѣчательны въ его игрѣ флажолетныя ноты. Какъ исполнитель, я не знаю, кому онъ уступить, и принявъ въ соображеніе его лѣта, можно смѣло ожидать отъ него многого и многого....

— И сочиняетъ онъ? спросилъ Мошкинъ.

— Вотъ то-то и бѣда, что вѣтъ, отвѣчалъ Космополитскій: а то бы я ему сейчасъ прискалъ мѣстечко рядомъ, знаешь съ кѣмъ?

— Съ кѣмъ же? спросилъ Мошкинъ.

— Не скажу, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: послушай его и пріищи самъ.

Космополитскій умѣлъ подстрекнуть любопытство. Мошкинъ отправился, и началъ слушать. Зала была полна. Франкенштейнъ игралъ фантазію: Воспоминаніе Рубини, сочиненія Арто, — *Orgio* Липинскаго, *Andante* изъ фантазіи Аллара, и наконецъ прекрасную мазурку Копскаго, замѣчательную одушевленіемъ и переходами отъ нея къ самой нѣжной мелодіи, что особенно очень хорошо выражало самый характеръ игры Франкенштейна.

Космополитскій, приведенный въ восторгъ, помянуто шпаль Мошкина, и твердилъ ему:

— Да что же ты, безчувственный, не хлопаешь, посмотри, у меня уже въ клочкахъ всѣ перчатки...

Но Петръ Александровичъ весь обратился въ слухъ, и только сладостно покачивалъ головою со стороны на сторону, подражая въ этомъ многимъ находившимся въ концертѣ дамамъ. Онъ съ нетерпѣніемъ дождался окончанія игры Вурма, на корнетѣ съ клапанами — *cornet à piston*, и исполнявшаго арію изъ Пуританъ для сопрано,

Qui la voce suave,

напоминавшую Фреццоллини, отличавшуюся всегда въ этой оперѣ, чтобы снова послушать молодого артиста, который, какъ будто не сознавая своего дарованія, робко наполнялъ залу душевными гармоническими звуками.

— Молодецъ, произнесъ рѣшительно наконецъ Мошкинъ.

— Не правда ли, Петя, добавилъ Космополитскій: вотъ тебѣ и молодое, зелено—бутылка шампанскаго за тобою...

— Двѣ за то, что привели меня сюда, отвѣчалъ Петръ Александровичъ.

— Merci, душка. Можетъ—быть, что-нибудь прибавишь за Сеймура-Шифа,—вотъ онъ сейчасъ начнетъ играть свою фантазію изъ *Somnambula*; слушай, слушай...

И Францъ Францовичъ предварительно уже захопалъ.

Но фантазія Сеймуръ-Шифа не произвела никакого впечатлѣнія на фантазію Петра Александровича; онъ почти привалъ полудремлющее положеніе одного господина, который просыпался только при игрѣ Франкенштейна, одушевлялся, а все прочее время находился въ самомъ пріятномъ *far-niente* полузабытія.

— Вашъ Сеймуръ-Шифъ, того, мм, мм, сказалъ Петръ Александровичъ Космополитскому.

— Да, точно, онъ нынче немного не хорошъ, отвѣчалъ Космополитскій. Его фантазія совершенно не соответствуетъ настоящему характеру самой оперы.—Опера имѣетъ характеръ историческій, а фантазія Сеймура-Шифа чисто бравурная, безъ всякой пѣвучести и мелодіи.

Петръ Александровичъ исполнѣ согласился съ Францомъ Францовичемъ.

— И акомпанировалъ-то онъ Франкенштейну не такъ хорошо, какъ Кашевскій, замѣтилъ Мошкинъ.

— Ну, Петя, подтвердилъ Космополитскій: дай послѣ концерта обнять себя; у тебя премузыкальный тактъ...

Мошкинъ не былъ послѣ концерта Франкенштейна ни на одномъ концертѣ, и обратилъ все свое вниманіе на острова, съ нетерпѣніемъ дожидаясь, когда наведутъ Троицкій-мостъ, чтобы ѣхать къ Измеру на минеральныя воды.

Наконецъ мостъ этотъ былъ наведенъ, и въ одно прекрасное утро, Петръ Александровичъ имѣлъ удовольствіе прочитать, что Измеръ приглашаетъ пубliku къ себѣ, на хоръ цыганъ, полковую музыку, а главное, на воздушное путешествіе чело-вѣка на искусственной лошади.

Петръ Александровичъ хотѣлъ нанимать коляску, но Францъ Францовичъ остановилъ его.

— Помилуй, Петръ Александровичъ, сказалъ онъ: какъ ты дичишь; ну что тебѣ коляска? Въ коляскѣ ты можешь ѣздить во всѣхъ городахъ; какъ не столичному жителю, тебѣ нужно испытать всѣ полезныя учрежденія и непременно побѣздить въ загородныхъ дилижансахъ!

— А, прервалъ Мошкинъ, такъ и на дачи ходятъ дилижансы?

— Куда тебѣ угодно, можешь доѣхать за 15 копѣекъ серебромъ: на Крестовскій, въ Полуострово, въ Новую-деревню, на Черную-рѣчку; за 50 въ Лѣсной институтъ, Сергіевскій монастырь, Александровскую-мануфактуру. Только на дачу Королева не поѣдешь въ дилижансѣ, за то можешь ѣхать на маленькомъ рѣчномъ пароходѣ, который, почти каждый часъ отходитъ отъ пристани Лѣтняго-сада.

— Bravo, bravo! вскрикнулъ Петръ Александровичъ: непременно поѣду въ дилижансѣ.

День былъ прекрасный, самый благоприятный для воздушна-

го плаванія, и Петръ Александровичъ, вооружившись, ради прекрасной погоды, на всякій случай, зонтикомъ, отправился къ Гостинному-двору, откуда разъѣзжаются дилижансы во всѣ стороны. Предъ каждымъ дилижансомъ стояли толпы народа, требуя билетовъ.

Петръ Александровичъ подошелъ къ одному стоявшему въ толпѣ господину.

— Позвольте спросить, сказалъ онъ: здѣсь ѣздятъ въ Новую-деревню?

Господинъ утвердительно кивнулъ ему головой.

Петръ Александровичъ продрался къ кондуктору, и протянулъ ему руку съ пятналтыннымъ; тогда вынималъ только жестяной флажокъ и втыкалъ его надъ дверцей дилижанса.

— Любезный, кричалъ Мошкинъ: пожалуй мѣстечко къ Излеру.

Кондукторъ молча показалъ ему на флажокъ.

— Билетикъ, любезный, билетикъ, знаю и безъ флага куда хочу ѣхать, твердилъ Мошкинъ, не обращая большого вниманія на жестъ кондуктора...

— Извольте видѣть, нельзя....

Петръ Александровичъ поднялъ глаза, в сѣ большую досаду прочиталъ роковую надпись:

ПОЛОНЪ!

— Вотъ тебѣ в разѣ! проговорилъ Мошкинъ: какъ же я теперь попаду въ Новую-деревню?...

— Черезъ часъ, отвѣчалъ кондукторъ.

Въ эту минуту повернулся къ Мошкину извозчикъ, и изъ зависти ремесла предлагалъ даже доставить Петра Александровича на Миперальныя-воды гораздо скорѣе дилижанса, за четвертакъ, но Мошкинъ былъ капризенъ и любилъ поставить все на своемъ.

Онъ предположилъ поѣхать не иначе, какъ въ дилижансѣ, и поѣхалъ бы, еслибъ даже пришлось ему дожидаться до полуночи.

Петръ Александровичъ пошелъ бродить по Гостинному-двору, поморщился отъ продаваемого тамъ малиноваго кваса, котораго достоинство онъ также хотѣлъ испытать, и уже за полчаса времени стоялъ у сборнаго пункта, высматривая появленіе дилижанса.

Чуть только завидѣлъ Мошкинъ возвратившіяся загородный дилижансъ, онъ юркнулъ въ него первымъ, и заплативъ пла-

ту за фрахтъ, утѣлся въ самый задній уголъ, занавѣсивъ лицо отъ солнца занавѣсками. Всего мучительнѣе показалось ему время сборовъ, толкотня и хожденіе по чужимъ ногамъ, сопровождаемое многоразличными гримасами.

Наконецъ дилижансъ двинулся въ путь. Петръ Александровичъ началъ осматриваться и прислушиваться къ различнымъ разговорамъ.

Двое какіе-то солидные господа говорили очень серьезно о несчастіи, постигшемъ какого-то, Ивана Ивановича, и поминутно вскрикивали.

— Вотъ онъ вамъ, примѣръ земной коловоротности!

— Не говорите, Николай Петровичъ, на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, кромѣ смерти....

Петръ Александровичъ началъ прислушиваться, и узналъ, что вся земная коловоротность и невѣрность міра заключалась въ томъ, что Иванъ Ивановичъ проигралъ семь въ червахъ, имѣя шесть старшихъ козырей и два туза...

За утѣхою судьбъ слѣдовали глубокомысленныя замѣчанія, что если бы Иванъ Ивановичъ поступилъ такъ или иначе, вышло бы иначе, но Мошкинъ уже не сталъ ничего слушать, и пропустивъ мимо ушей разговоръ двухъ дамъ о преимуществѣ крахмаленаго коленкора, предъ какою-то *марлею*, погрузился въ полудремоту.

— А между-тѣмъ дилижансъ катилъ себѣ да катилъ. Ѣзда продолжалась почти сорокъ минутъ, и наконецъ вдругъ наступившій шумъ заставилъ Мошкина открыть глаза.

Онъ пріѣхалъ на мѣсто своего назначенія.

Господи, какой великолѣпный видъ открылся передъ нимъ! — Нева широкою полосою разстилалась межъ высокихъ береговъ, вдали бѣлѣлись и желѣлись дома Петербурга, а надъ золотые кресты какого-то величественнаго монастыря потонули въ синевѣ неба.

— Это что за зданіе? спросилъ Мошкинъ, у кондуктора.

— Смольный монастырь, сударь.

— А, проговорилъ Петръ Александровичъ: право, для одного мѣстопоженія можно ѣздить.

И онъ пошелъ вслѣдъ за прочими, къ открытымъ дверямъ большаго сала.

— Гдѣ тутъ пройти мнѣ, любезный, на воды, спросилъ Мошкинъ сторожа.

— На какія воды, сударь?

— На минеральныя!

— А! на желѣзныя; еще далековъко; извольте пройти, садъ, потомъ аллею, и какъ разъ вы на минеральныхъ водахъ.

Петръ Александровичъ отправился.

Долго блуждалъ онъ по саду, вышелъ наконецъ въ поле, и благодаря разспросамъ, добрался до какого-то новаго садика, въ которомъ возвышалось строеніе и волновался маленькій прудъ.

Было уже около восьми часовъ вечера, но Петръ Александровичъ не замѣтилъ, не только ни одного экипажа, но даже ни одного гуляющаго.

— Что это, подумалъ онъ: въ афишѣ сказано: начало въ 7½ часовъ; теперь почти восемь, а ни души живой; неужели праздникъ отмѣненъ по какому-нибудь экстренному случаю?..

И онъ продолжалъ идти, вошелъ наконецъ въ строеніе, и обратился съ вопросомъ къ человѣку, складывавшему простыни и полотенцы.

— Это минеральныя воды?

— Это-съ.

— Что же у васъ нынче нѣтъ праздника, какъ было объявлено афишами и въ газетахъ?

— Мы не объявляли никакого праздника, отвѣчалъ слуга. Собираются, правда, у васъ кое-когда потанцовать, только гораздо поздиѣе, такъ, въ концѣ іюня, да и то безъ всякихъ афишекъ.

— Что ты городишь, вскрикнулъ Петръ Александровичъ, а это что же такое по твоему?

И Мошкинъ подставилъ печатную афишу подъ глаза слуги.

— Вотъ тутъ именно вашъ Излеръ объявляетъ о томъ, какъ будетъ летѣть шаръ.

— У насъ не Излеръ, а докторъ, перебилъ слуга.

— Какъ, вскрикнулъ, Петръ Александровичъ, какой докторъ? Да гдѣ же я? Вѣдь это Новая-деревня?

— Нѣтъ, это Полуострово, отвѣчалъ слуга.

— Полуострово!

У Петра Александровича опустились руки.

— Полуострово, повторилъ онъ, такъ стало-быть я ошибся дилижансомъ, и вмѣстѣ однихъ водъ пошлѣ на другія; не хорошо, очень нехорошо. А далеко отсюда Новая деревня?

— Да верстъ пять будетъ, получилъ онъ въ отвѣтъ.

Мошкинъ покачалъ головою, и усталый, снова побрелъ назадъ, по длинной аллеѣ; онъ уже не хотѣлъ ѣхать къ Излеру и остался въ Полуостровѣ. Полуостровскій садъ и дачи навомнили ему уѣзный городокъ, въ которомъ все тихо, все степенно, и также въ общественномъ саду играетъ музыка, кое-когда впрочемъ.

Неудача съ дилижансомъ разстроила его впрочемъ немного, и онъ на другой же день сказалъ Францу Францовичу.

— Ну, Францъ Францовичъ, ваши дилижансы завезли-было меня Богъ знаетъ куда, впрочемъ, я и не очень сердился и могъ узнать, что, такъ-сказать, въ самомъ Петербургѣ, есть воды минеральныя и не искусственныя. Скажите пожалуйста, отъ чего ими такъ мало пользуются, и давно ли онѣ открыты?

— Открыты онѣ очень давно, отвѣчалъ Космополитскій; еще при Петрѣ Великомъ, а пользуются ими мало отъ того, что не вошли мѣсто въ моду. Надо, чтобы кто-нибудь имъ далъ толчекъ, чтобы какой-нибудь богатый и модный человѣкъ прославилъ ихъ, или, по-крайней-мѣрѣ, случилось бы на нихъ какое-нибудь романическое, нѣжное приключеніе.

— Тогда жъ, что бы, спросилъ наивно Петръ Александровичъ Космополитскаго.

— Тогда люди кишили бы на этихъ водахъ, какъ сельди въ Норвежскомъ морѣ; проходу бы не было. И не такія воды влекли къ себѣ несмѣтную толпу, безъ музыки, безъ воксала, безъ всякихъ пѣсень. Вотъ, напримѣръ, Лизинъ прудъ въ Москвѣ?

— А что такое? спросилъ Петръ Александровичъ.

— Вандализмъ! вскрикнулъ Космополитскій.

— Почему же это?

— Татаринъ!

— Да отчего же?

— Не Русскій и не Москвичъ! окончилъ Францъ Францовичъ.

Францъ Францовичъ имѣлъ слабость почитать себя урожденцемъ всевозможныхъ существующихъ городомъ, гдѣ только

ни случилось, какое-нибудь знаменитое происшествіе, или родился, жилъ и умеръ какой-нибудь замѣчательный человѣкъ. Иногда случалось такъ, что когда говорили вдругъ о какихъ-нибудь замѣчательныхъ лицахъ, оказывалось, что Космополитскій родился въ одно и тоже время на двухъ противоположныхъ полюсахъ земли. Но это не мѣшало ему быть восторженнымъ поклонникомъ всего великаго, прекраснаго и нѣжнаго. Итакъ, Францъ Францовичъ продолжалъ исторію о бѣдной Лизѣ.

Онъ разсказалъ Петру Александровичу, какъ Карамзинъ, сожалѣя объ участи, одного тинистаго, мелкаго, московскаго пруда, обставленнаго ивами, пожелалъ и ему доставить такую же извѣстность, какою пользовались, не только пруды Прѣсни, но и самыя Чистые-пруды, названныя такъ издавна, вѣроятно, по меньшему количеству тины противъ болотъ. Онъ создалъ бѣдную Лизу.

Одно только чудное перо Карамзина могло свершить въ этомъ пруду такое чудо, и ему всё повѣрили.

— И что же? спросилъ Мошкинъ.

— То, отвѣчалъ Космополитскій: что Лизинъ-прудъ, съ этого времени, принесъ много благъ и слѣжался моденъ, какъ баденъ-баденскія, спааскія, аженскія и карлсбадскія воды, всё вмѣстѣ. О поѣздкѣ за границу не было и толку; всё болѣзни исчезли. Всѣ дамы переродились въ Лизы, и уже не толковали ни о нервныхъ болѣзняхъ, ни о томительныхъ лихорадкахъ, а только и бредили, чтобы побывать на Лизиномъ-прудѣ.

— Въдь это ужасъ что такое! вскрикнулъ Мошкинъ. Что жъ мужья?

— Мужья предоставляли имъ дѣлать, что угодно, въ полной увѣренности, что ихъ супруги примутъ только ножную, очень успокоительную ванну.... А между-тѣмъ, гулянье и извѣстность все-таки составились.

— Да это недурно, замѣтилъ Петръ Александровичъ: такъ стало-быть и на Излеровскихъ минеральныхъ водахъ, случилось что-нибудь подобное, сочиненное.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ Францовичъ: но у него случаются изверженія Везувія, пепель и тому подобное, такъ очень многіе и слѣзатъ посмотреть на такое разрушительное дѣй-

ствіе природы, чтобы ужасаться пресноюжно проглатывая сладкіе пирожки.

— Bravo, вскрикнулъ Петръ Александровичъ: жаль, что мнѣ не удалось побывать у Излера; теперь, можетъ-быть, онъ долго не дастъ объявленія о какомъ-нибудь праздникѣ.

— Успокойся, отвѣчалъ Францъ Францовичъ можешь быть у него каждый день, съ 7¼ часовъ. По воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ слушать концерты Ивана Гунгля и хоръ московскихъ цыганъ, которыхъ пора бы, за ихъ долговременное здѣсь пребываніе, переименовать въ петербургскихъ. По средамъ и пятницамъ, концерты Гунгля и магическія представленія Мартини. По понедѣльникамъ и субботамъ тотъ же Гунгль, по програмѣ. Все это за 50 коп. сереб., если не хочешь заплатить за весь лѣтній сезонъ, исключая бенефисовъ, 50 руб. сер. за 100 билетовъ.

— Да въдь все каждый день да каждый день одно и тоже, можетъ наскучить, замѣтилъ Мошкинъ.

— Тогда поѣзжай на лачу Королева, хотя въ меньшее, но хорошее общество, и наслаждайся оркестромъ Любви. Наскучить Королева дача, отиравайся въ Павловскъ, слушать превосходный оркестръ Юсифа Гунгля. Любишь военную музыку— поѣзжай на Крестовскій-островъ, въ Лѣсной-Институтъ, въ Александровскій-паркъ. Одна только Черная рѣчка лишена музыки, но и тамъ, вѣроятно, она когда-нибудь явится.

— Только я уже поѣду на рѣчныхъ пароходахъ, сказалъ Петръ Александровичъ.

— И то добре, подтвердилъ Францъ Францовичъ.

Плаваніе на рѣчныхъ пароходахъ очень понравилось Петру Александровичу; новость путешествія, разнообразіе общества и склоны паровой трубы подъ мостами, съ выходящимъ дымомъ, манили его своею новостію. За 20 коп. серебромъ, онъ побывалъ такъ и на Королевой-дачѣ, и на Минеральныхъ-водахъ и на Крестовскомъ-островѣ, на которомъ имѣлъ удовольствіе видѣть многоразличныя дарованія русскаго народа. Онъ стоялъ подуразинувъ отъ страха ротъ, видя, какъ человѣкъ на тонкомъ канатѣ, очень высоко натянутомъ, выдѣлывалъ разныя, трудныя на, и твердо рѣшилъ въ своемъ умѣ, что это долженъ

быть какой-нибудь Нѣмецъ, получающій огромную плату, какъ вдругъ, около его ушей раздался голосъ:

— Ай да Тришка, вотъ у человѣка два разума въ головѣ: и жилеты славно тачаетъ, и по воскресеньямъ публику тѣшитъ.

Мошкинъ сталъ прислушиваться.

Оказалось, что это былъ какой-то подмастерье портной, который, находилъ удовольствіе забавляться по праздникамъ ногами.

Тутъ же онъ могъ убѣдиться, что пускаться на такое отважное воздушное путешествіе, игра не стоила свѣчъ. Послѣ громкихъ аплодисментовъ и одобреній публики, Тришка, отправился собирать съ зрителей дань за свое искусство. Дань бросали въ испанскій токъ.

Петръ Александровичъ очень щедро опустилъ въ него четвертакъ, опасаясь, не обидѣлъ ли онъ этимъ артистовъ; но онъ скоро успокоился, видя, какъ другіе кидали въ этотъ испанскій токъ даже копѣйку серебра, а нѣкоторые, вѣроятно, въ видѣ букетовъ, и простую полевую травку.

Мошкинъ весь предался путешествіямъ по дачамъ, не предполагая, чтобы ему могли готовиться какія-нибудь другія наслажденія, кромѣ музыки, виду зелени, да воды и все воды, какъ однажды утромъ вошелъ къ нему Космополитскій.

— Петьа, вскричалъ онъ: плачь мой другъ, плачь скорѣе.

— Почему, отъ чего?

— Рыдай, не разсуждай!

— Да что такое случилось, по-крайней мѣрѣ, добивался Петръ Александровичъ.

— Дѣлай хоть грустную мину, тогда скажу, упрашивалъ Космополитскій.

Петръ Александровичъ кое-какъ ухитрился исполнить желаніе пріателя.

— Ну, теперь слушай, онъ уѣзжаетъ, онъ разстается съ нами.

— Да кто, Боже мой? я рѣшительно не понимаю, Францъ Францовичъ.

— Мой, твой, нашъ.... теперь понимаешь, чертвое сердце?...

Мошкинъ замоталъ головою.

— Каратыгинъ старшій ѣдетъ за границу, проговорилъ протяжно Космополитскій.

— Да, это грустно для любителей трагедіи, подтвердилъ Петръ Александровичъ.

— Позволь тебя поцѣловать за такой здравый толкъ; но между-тѣмъ знай, что онъ нынче въ послѣдній разъ восхищаетъ публику, играя Лира, въ трагедіи Шекспира, пойдемъ, простимся.

Они отравились; театръ былъ полонъ, и рукоплесканія не умолкали. Каратыгинъ былъ вызванъ разъ тридцать. Поднимались голоса вызывать его еще, но онъ уже не показавшись, утомленный сильною игрою и тѣми ощущеніями, которыхъ онъ не могъ не раздѣлять.

Вскорѣ начались представленія и на Каменно-островскомъ театрѣ, но Петръ Александровичъ не былъ на нихъ, и только слышалъ отзывы отъ Космополитскаго о новомъ актёрѣ Леменцѣ, ангажированномъ здѣшаю Дирекціею.

За то, прочитавъ объявленіе, что въ залѣ придворной пѣвческой Капеллы гг. придворные пѣвчіе дадутъ духовный концертъ, въ пользу вдовъ и сиротъ, не преминулъ посѣтить этотъ концертъ и прослушать восемь нумеровъ, состоявшихся изъ концертовъ Бортианскаго и духовнаго пѣнія, сочиненія Львова.

Мошкинъ возвратился вполне довольный концертомъ, не жалея давнаго рубля серебромъ, и вполне согласился, что такой прекрасной и полной вокальной музыки, какъ у насъ, рѣдко найдешь, гдѣ въ цѣлой Европѣ.

О кустарникъ, называемомъ по-латынѣ—Crataegus. Много уже писали, и безпрестанно еще пишутъ о томъ, какъ познакомить съ кустарникомъ, называемымъ полатынѣ—Crataegus, — и какъ усвоить своей землѣ этотъ полезный кустарникъ, и не скупятся выписывать сѣмена оного изъ-за границы; вѣроятно полагая, что латинское названіе придастъ ему болѣе цѣнности: на повѣрку же выходитъ, что это самая важная мистификація, ибо Crataegus есть не иное что, какъ боярышникъ, который растетъ дико по всѣмъ мѣстамъ южной и средней полосѣ обширной Россіи; кустарникъ, который знаютъ старшій и малый въ этихъ полосахъ, и ягоды котораго многие кушаютъ очень охотно: разведеніе же оного въ сѣверной полосѣ не требуетъ особой заморской премудрости, а дѣлается очень просто; и вотъ въ чемъ состоитъ вся хитрость.

Надобно достать пересѣбляя ягоды боярышника изъ средней полосы Россіи, поближе отъ того мѣста, гдѣ захочется его разводить; сажать ихъ дѣлкомъ, или вынувъ изъ нихъ сѣмяна, (какъ кому заблагоразсудится, но первое лучше) посѣять ихъ въ позднюю осень, когда почва уже охладѣла; для этого сухое мѣсто лучше, нежели сырое или мокрое; сѣмяна посыпаютъ сверху немного куринымъ или другимъ птичьимъ пометамъ; закрываютъ ихъ землею, на полъвершка толщины, а потомъ сухою соломою, также около полувершка: отъ этого весной снѣгъ позже растаетъ на этомъ мѣстѣ, и молодые ростки пойдутъ сильнѣе. Въ первую за тѣмъ зиму осыпаютъ молодые побѣги сухимъ древеснымъ листомъ, чтобы предохранить ихъ корни отъ дѣйствія сильныхъ морозовъ; чему насъ научаетъ сама природа, ибо мы видимъ, что деревья, которыхъ корни оставляютъ на зиму подъ упавшимъ съ нихъ листовъ, лучше переносятъ зиму, нежели тѣ, съ которыхъ сметаютъ этотъ листъ.

Если боярышникъ посѣянъ грядами, для будущей пересадки, то пересаживаютъ молодые деревца не прежде второй осени; а если его сѣютъ для составленія живой ограды, то лучше сдѣлать посѣвъ порѣже; такъ чтобы оставить молодыя деревца на мѣстѣ безъ пересадки; а чтобы онѣ скорѣе кустились, то отъ времени до времени срѣзываютъ верхушки главныхъ вѣтвей; когда же онѣ составятъ собою стѣну, тогда стригутъ ихъ по обыкновенію; только не должно ихъ ни обрѣзывать, ни стричь, въ то время, когда сокъ жидокъ, то есть въ іюнѣ и

іюль мѣсяцахъ: иначе это можетъ причинить течь, и повредить растенія.

Такимъ простымъ образомъ можно усвоить, и въ сѣверной нашей полосѣ этотъ столь полезный кустарникъ, подлѣ природнымъ русскимъ названіемъ боярышника, не имѣя надобности, ни въ латинскомъ названіи, ни въ выпискѣ сѣмянъ изъ-за границы, ни въ заморской премудрости для разведенія его; въ замѣнъ, не вздумаетъ ли кто попробовать отвезти за границу нѣсколько возовъ сѣмянъ нашего боярышника, чтобы ихъ тамъ продать подлѣ настоящимъ русскимъ названіемъ, не объясняя того, что это тоже самое, что они оттуда къ намъ присылали подлѣ названіемъ—Crataegus?

Старый русский агрономъ.

Простыя средства противъ чохотки. Взять муравьиный горшокъ, положить въ него слой телячаго легкаго, изрѣзаннаго ломтиками; потомъ слой истолченнаго леденцу; за тѣмъ слой коринки; опять слой легкаго; продолжая такимъ образомъ, пока горшокъ полонъ: потомъ накрывъ его крышкою, замазать тестомъ, поставить въ вольную печь, и оставить тамъ пока печь простынетъ; тогда вынувъ изъ печи, процѣдить и выжать жижу. Этого сиропу надобно давать больному два или три раза въ сутки по столовой ложкѣ до выздоровленія.

2. Собирать въ маѣ мѣсяцъ росы съ ромашки, и выщивать на тощакъ каждое утро, отъ одной столовой ложки до большой рюмки, сколько уадется набрать. Набираютъ же эту росу, наставлявъ съ вечера на грядку съ ромашкою простыню или салфетку, и въ слѣдующее утро до восхода солнца, выжать изъ нихъ росу; которую должно тотчасъ выпить; послѣ того полезно проходиться около четверти часа, не принимая никакой пищи.

3. Положить на фаянсовое, фарфоровое, или стеклянное блюдо три фунта мелко истолченнаго сахару рафинаду, а на него отъ 20 до 25 живыхъ крупныхъ, желтыхъ улитокъ, (которыя безъ домиковъ) по французски, *l'imaçons jaunes*; отъ этого сахаръ приходитъ въ нѣкоторый родъ броженія, при чемъ вбираетъ въ себя весь сокъ изъ улитокъ, такъ что на веру остаются только ихъ кожицы, которыя бросаютъ. Образующійся отъ того густой сиропъ сохраняютъ для употребленія въ стеклян-

ной банкетъ, въ холодномъ мѣстѣ. Каждый разъ что больной закашляеть, онъ долженъ взять на языкъ чайную ложку этого сиропа, и проглотить его по мѣрѣ того, какъ онъ разойдется; впрочемъ чѣмъ чаще, тѣмъ лучше.

4. Взять нѣсколько живыхъ лягушекъ (зеленыхъ), положить ихъ въ глиняную муравленую чашку; накрыть другою такою же чашкою; скрѣпить эти двѣ чашки вмѣстѣ плотно, посредствомъ проволоки, и ставить въ воющую печь; лягушки совершенно тамъ высохнутъ; послѣ чего истолочь ихъ въ мелкій порошокъ; этого порошка даютъ больному принимать нѣсколько разъ въ день, смѣшивая пол-драхмы его, съ двумя драхмами розоваго варенья. Драхма равняется $\frac{1}{4}$ золотника.

Баронъ Александръ Бодэ.

Новости иностранная.—Дѣтскіе балы въ Парижѣ, въ болышой модѣ. На эти балы приглашаютъ ихъ свѣтлости князя и княгиню Колибри. Этотъ князь и эта княгиня самые прелестные карлики, какіе только могутъ быть на свѣтѣ. Чтобы торжество ихъ было полное, вмѣстѣ съ ними приглашаютъ знаменитаго великана изъ Мюльхаузенской кофейни. Контрастъ удивительный. Однимъ взглядомъ вы обнимаете и самое гиперболическое преувеличеніе и самое уменьшительное олицетвореніе рода человеческого.

Эти забавныя особы часто являютя въ Зимнемъ-саду, гдѣ праздники слѣдуютъ одинъ за другимъ непрерывно.

Заразительный привѣръ г-жи Зонтагъ продолжаетъ обнаруживаться. Не одив только привлекательность славы или необходимость поправить разстроенное состояніе заставляють особу, оставившихъ театръ, по какому-нибудь благопріятному стеченію обстоятельствъ или блестящему положенію въ свѣтѣ, снова являться на сцену. Театръ имѣеть разнаго рода очарованія; есть артисты, которые любятъ его просто, не требуя отъ него ни славы, ни богатства, и которые для этого охотно отказываются отъ самаго пріятнаго и заманчиваго существованія.

Молодая актриса одного изъ театровъ, дѣвица Д.... оставила сцену нѣсколько времени тому назадъ по прихоти судьбы, которая излила на нее свои богатые дары. Съ-тѣхъ-поръ дѣвица Д.... красовалась въ числѣ самыхъ роскошныхъ лъвицъ. У нея прекрасный домъ, въ пятнадцати шагахъ отъ Оперы, роскошно меблированный, чудные экипажи, лошади, либрии, и пр. Когда она проѣзжаетъ по бульвару или по Елисейскимъ полямъ въ своей коляскѣ или въ своемъ голубомъ купѣ, любители восхищаются прелестью ея упряжки, осанкою ея англійскаго кучера въ бѣломъ парикѣ, красотою кареты и пріятностью лица, которое выказывается изъ-за дверецъ.

Кажется дѣвица Д.... имѣеть все, что только можетъ составить счастье женщины; она имѣеть все, чѣмъ можно затмить самыхъ отчаянныхъ свѣтскихъ дамъ, всѣ удовольствія, всякое торжество, которое можетъ дать богатство въ ея распоряженіи,—однакожь послѣ двухъ лѣтняго пользованія этими удовольствіями, они ей наскучили; денежное существованіе стало ей въ тягостъ; она стала сожалѣть о своей театральной жизни и, наконецъ, снова вступила на сцену, гдѣ, въ скоромъ времени появится.

Можно понять отчасти эту страсть къ театру въ дѣвицѣ, которая свободно предается своему искусству, являясь на сценѣ, отъ времени до времени, отдыхая два дня, чтобы торжествовать въ третій, употребляя время отдыха какъ ей хочется, пользуясь отличнымъ уваженіемъ и сохраняя независимость въ контрактѣ, ее обогащающемъ. Но во вступленіи на сцену дѣвицы Д.... совѣтъ другое дѣло.

Нѣтъ ничего тягостнѣе должности артиста на какомъ-нибудь небольшомъ французскомъ театрѣ.

Всякій день надо вставать утромъ рано, надо быть на репетиціи, и актриса должна быть на своемъ мѣстѣ въ половинѣ одиннадцатаго. Репетиціи продолжаются до четырехъ часовъ полудни. Актриса располагаетя послѣ этого воспользоваться минутой свободы, чтобы отобѣдать, что она должна сдѣлать какъ можно посиѣннѣе, потому-что, если она играетъ въ первой пьесѣ, то должна явиться въ свою ложу, по-крайней-мѣрѣ, въ шесть часовъ, чтобы успѣть одѣться. Если она играетъ въ послѣдней пьесѣ, то должна оставаться въ театрѣ до полуночи. Пока она раздѣвается, стираетъ свои румяны, одѣвается въ обыкновенное платье и пріѣзжаетъ домой, уже часъ ночи; и она только и свободна на столько времени, сколько необходимо, чтобы заснуть; въ это же время, она должна выучить свои ро-

ли, изучить эффекты, если она изъ тѣхъ немногихъ, которыя ихъ изучиваютъ.

Въ награду за всѣ эти пожертвованія и за эту совершенную зависимость, актриса, которой талантъ состоитъ въ хорошенькомъ личикѣ и прекрасныхъ костюмахъ, получаетъ жалованья пятьдесятъ эку въ мѣсяцъ.

Для этой-то выгоды дѣвица Д... отказывается отъ своего блестящаго образа жизни. вмѣсто того, чтобъ показывать себя въ Булонскомъ лѣсу, ея экипажъ будетъ стоять у дверей театра; вмѣсто того, чтобъ проводить время въ роскошныхъ комнатахъ своего дома, она будетъ съ утра до вечера въ закопченной залѣ; вмѣсто того, чтобъ жить независимо, она должна покоряться театральнымъ правиламъ. Но ея имя будетъ напечатано въ афишахъ и въ журналахъ; она будетъ являться каждый вечеръ въ разныхъ видахъ передъ множествомъ зрителей; она наконецъ будетъ комической актрисой, и это званіе, вѣрно, имѣетъ много прелестей, потому что его покупаютъ такую дорогою цѣною...

— Бельгія, какъ я уже писалъ вамъ, преимущественно страна праздниковъ и разныхъ церемоній. Каждый городъ имѣетъ свой годовой праздникъ, каждый праздникъ свою процессію; все время дня наполнено почти мим. Но въ Бельгіи праздники и торжественныя процессіи — необходимыя условія каждаго праздника, имѣютъ особенный характеръ — который можно встрѣтить во Франціи только въ нѣкоторыхъ областяхъ, близкихъ къ Бельгіи.

Бельгійцы, и особенно Фламандцы, глубоко уважаютъ обычан своихъ предковъ и обряды стараго времени; они почитаютъ преданія, и тому, кто хоть мало знакомъ съ туземнымъ языкомъ, смѣло можно обратиться съ вопросомъ къ какому-нибудь образованному жителю Фландріи и узнать отъ него что нужно. Каждый изъ нихъ знаетъ превосходно исторію своего отечества, не смотря на разные перевороты, которые оно потерпѣло отъ постоянныхъ чужеземныхъ вторженій.

Религіозныя празднества въ этой странѣ, имѣя исторической характеръ, всегда находятъ сильное сочувствіе въ народѣ, особенно въ Брюгѣ, въ самомъ сердцѣ Фландріи. Годовой праздникъ *Святой Крови Господней* привлекаетъ туда безчисленные толпы народа.

Весь городъ, начиная съ самыхъ богатыхъ фамилій до самыхъ бѣдныхъ, старается принять какое-нибудь участіе въ церковной процессіи этого праздника.

Брюгъ съ радостію принявъ на себя обязанность исполнять это торжество.

Шестые процессіи среднихъ вѣковъ, посреди этихъ древнихъ памятниковъ, дасть празднеству какой-то мѣстный оттънокъ и торжественность.

Нынѣшній годъ процессія была назначена 6 мая (1850), но измѣнчивость погоды заставила отложить ее до слѣдующаго дня.

Съ 5 мая, всѣ дома, гостиницы и окна были уже заняты и отдавались за огромную плату. Нѣкоторые Англичане платили по лѣвѣ гиней, чтобы только просунуть голову въ окно, чрезъ головы другихъ. Всѣ улицы, по которымъ должна была проходить процессія, были украшены и убраны зеленью, цвѣтами и установлены бельгійскими, французскими, голландскими и англійскими знаменами или флагами съ эмблематическими изображеніями. Колокола звонили безъ умолка; жители, въ праздничныхъ одеждахъ, кпшѣли на улицахъ.

7 мая, не смотря на переменчивое состояніе погоды, процессія двинулась изъ церкви Богоматери, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Хоръ музыкантовъ кирасирскаго полка; оркестръ того же полка; взводъ егерей національной гвардіи; цехъ столяровъ; исторической цехъ *древней гильдіи, gilde*, родъ конгрегаціи среднихъ вѣковъ, установленной вслѣдствіе слѣланнаго обѣта. Сперва идутъ члены гильдіи, предшествуемые герольдами съ богатыми знаменами, украшенными гербами городовъ Брюга, Гента, Куртре, Лилля, и Инера; всѣ въ одеждахъ того времени. За ними графъ Робертъ Бетунскій съ дворомъ.

Кортежъ этотъ напоминаетъ сраженіе Монсъ-ан-Тозльское, въ 1304 году, въ которомъ, Брюгцы одержали побѣду надъ Французами.

Молодые дѣвушки везутъ аллегорическую колесницу и держатъ въ рукахъ лиліи и зеленныя пальмовыя вѣтви.

Кортежъ этотъ идетъ между двумя рядами дѣтей, украшенныхъ цвѣтами и одѣтыхъ въ бѣлыя и голубыя платья.

Хоръ музыкантовъ 7 линейнаго полка.

Хоругви церкви Святой Анны.

Кортежъ, напоминающій крестовый походъ, въ которомъ вельможи Фландріи и бароны помогали св. Людовику. Они всѣ одѣты въ полный придворный нарядъ, предшествуются герольдами и послѣдуются пажимами и конюшими.

Группа дѣвицъ, представляющая символъ *страданій*, въ шелковыхъ платьяхъ, пурпурнаго цвѣта, въ бархатныхъ мантияхъ того же цвѣта, съ золотыми вѣнцами и украшеніями.

Толпа дѣвицъ, представляющая символъ *ликованія*, въ голубыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ мантияхъ бархатныхъ того же цвѣта, въ золотыхъ вѣнцахъ и украшеніяхъ.

Толпа дѣвицъ, изображающая символомъ *славы*, въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ, въ бархатныхъ мантияхъ того же цвѣта, въ золотыхъ вѣнцахъ и украшеніяхъ.

Кортежъ, напоминающій учрежденіе мальтійскаго ордена Юанномъ Мальтою, докторомъ богословія въ Парижѣ, имѣвшаго цѣлю освобожденіе христіанскихъ плѣнниковъ. Оно выкупило въ то время до 2,400 плѣнниковъ.

Шествующіе представляютъ христіанскихъ невольниковъ въ цѣняхъ, торговцевъ невольниками въ восточныхъ одеждахъ, Юанна Мальту и пустытника Феликса де Валуа, основателей ордена, бургомистръ Брюгскій, освобожденный изъ неволи рыцарями съ его семействомъ; матросы корабля, который привезъ *де Молдера* въ Брюгъ; горожане въ обыкновенныхъ вышитыхъ платьяхъ.

Хоръ музыки гражданской гвардіи.

Отрядъ гражданской гвардіи.

Кортежъ пилигримовъ въ одеждѣ среднихъ вѣковъ.

Кортежъ Карла-Смѣлаго, герцога Бургундскаго, и дочери его Маріи, которыхъ гробницы находятся въ Брюгѣ.

Толпа составляетъ два кортежа, Карлъ-Смѣлый окруженъ своими вельможами, рыцарями и баронами въ латахъ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ.

Марія Бургундская съ своими придворными дамами, въ одеждахъ того времени.

Кортежъ, представляющій въѣздъ Тьерри Алзаскаго въ Брюгъ послѣ крестоваго похода.

Герольды, пажи, рыцари въ полномъ вооруженіи.

Кортежъ заключается факельщиками въ черныхъ мантияхъ обшитыхъ мѣхомъ, семинаристами и наконецъ епископами гальскимъ, англійскимъ, гентскимъ, намурскимъ, Литтхскимъ и брюгскимъ, въ полномъ облаченіи.

Бургомистры и чиновники города, губернаторъ провинціи и всѣ должностныя лица, въ полномъ парадномъ платьѣ, послѣдующіе отрядомъ 2 кирасирскаго полка.

Шествіе кортежа продолжалось нѣсколько часовъ, и не смотря на дождь, начавшійся въ полдень, представляло прекрасное зрѣлище.

Процессія состояла болѣе чѣмъ изъ тысячи пяти сотъ человѣкъ, одѣтыхъ съ самою точною историческою вѣрностію и роскошью. Что бы не представлять много примѣровъ, скажу, что на дамъ, изображавшей Марію Бургундскую, было болѣе чѣмъ на 60,000 тысячъ франковъ брилліантовъ.

Празднество продолжалось съ 5 по 16 мая; процессія тянулась на протяженіи 600 метровъ, болѣе версты.

МЫСЛЬ И УЛЫБКА.

Можно ли спорить о вкусахъ?—Счастіе и несчастіе.—Правъ и неправъ.—Прислушиваться и всматриваться.—Правда.—Адресъ и прогрессъ.—Бернулли и Ньютонъ.—Солнечный лучъ.—Ворона въ павлиньихъ перьяхъ.—Визиты.—Число тринадцать.—Противурѣчія, или я и мой сосѣдь.

Можно ли спорить о вкусахъ?—Въ искусствѣ существуетъ извѣстная степень совершенства, точно такъ, какъ въ природѣ существуетъ извѣстная степень зрѣлости.

Тотъ, кто понимаетъ и умѣетъ цѣнить эту степень, имѣетъ изысканный вкусъ.

Тотъ, кто не понимаетъ ее, кто цѣнитъ то, что *за* или *передъ* этою степенью, имѣетъ дурной вкусъ.

Слѣдовательно, *есть* хорошей и дурной вкусъ.

Слѣдовательно о вкусахъ спорить можно.

Люди вообще требуютъ отъ жизни болѣе, нежели она въ состояніи дать имъ; мы привыкли искать счастья въ вещахъ невозможныхъ, и видѣть несчастіе въ вещахъ неизбѣжныхъ.

— Онъ не правъ, то есть: *онъ не одного со мною мнѣня,*
 — Онъ правъ, то есть: *онъ раздѣляетъ мое мнѣніе.*
 Такъ думаютъ очень многие.

Мужчины прислушиваются другъ въ друга, женщины осматриваются одна въ другую.

Правда для ума тоже, что свѣтъ для глаза.

У насъ принято писать *адресъ*, съ однимъ *с*, а *прогрессъ* съ двумя. Есть даже люди, которые утверждаютъ, что такъ должно писать.

Почему?

Адресъ пишется по-французски *adresse*.

Прогрессъ—*progrès*.

Иоханнъ Бернулли, извѣстный ученый, возвращаясь изъ Россіи въ Швейцарію, встрѣтился въ дилижансѣ съ французскимъ геометромъ *Трантомъ*, весьма ученымъ и умнымъ человѣкомъ. Разговорились. Французъ, узнавъ только, что собесѣдникъ его былъ родомъ изъ Базеля, и будучи самъ почитателемъ идей Бернулли, заговорилъ о послѣднемъ съ восторгомъ, сравнивая его даже съ Ньютономъ.

Прѣхавъ на мѣсто, Трантъ сталъ прощаться съ Бернулли и изъявилъ сожалѣніе, что долженъ разстаться съ человѣкомъ, съ которымъ провелъ столько пріятныхъ словъ.

— Позвольте мнѣ узнать, кому я обязанъ этими пріятными часами? спросилъ Французъ.

— Я Иоханнъ Бернулли, отвѣчалъ Швейцарецъ: а вы?

— Исаакъ Ньютонъ, отвѣчалъ Трантъ съ досадою, воображая, что собесѣдникъ хотѣлъ мистифицировать его.

Дѣлю, однакожъ, объяснилось, и люди, случайно встрѣтившіеся, остались друзьями.

Поля солнечнымъ лучемъ грязь превращается въ пыль, а цвѣтокъ—въ плодъ.

Ворона съ павлиньихъ перьяхъ.

Воронъ стало разъ завидно,

И стыдно,

Что нѣтъ у ней павлиньего хвоста;

Поправилася ей тѣхъ перьевъ пестрота,

И красота,

И вознамѣрилась во что бы то ни стало,

Достать себѣ такой же хвостъ.

Хлопотъ было не мало.

Но вотъ

Ворона какъ рѣшила:

Головку подняла,

Павлиньихъ перьевъ набрала,

И на себя ихъ налѣпила.

Легко достать,

Труднѣе удержать.

Павлины прабѣжали,

Услышали вороній крикъ

И вягъ,

Ее бдѣнjacky, оцѣвали.

Такъ щеголь, въ долгъ набравъ вещей,

Гордится;

Но какъ придетъ срокъ векселей,

Уборовъ всѣхъ лишится.

Докторъ прислалъ только-что выздоровѣвшему пациенту счетъ лекарствамъ и визитамъ.

— Вотъ деньги за лекарства, сказалъ пациентъ присланному слугѣ, а визиты я самъ отдамъ.

Вопросъ. Правда ли, что не хорошо, если за обѣдомъ сидятъ тринадцать человекъ?

Отвѣтъ. Правда; но только въ такомъ случаѣ, если обѣдъ приготовленъ на двенадцать человекъ.

Въ одномъ журналѣ напечатано:

«Извѣстный англійскій библиофилъ д'Израэли замѣчаетъ довольно справедливо, что удачно придуманное заглавіе книги рѣдко выпадаетъ на долю сочиненій истинно-прекрасныхъ, и въ доказательство приводитъ примѣръ доктора Джонсона и Аддисона,—писателей, никогда не остававшихся довольными заглавіемъ своихъ сочиненій. По нашему мнѣнію, усиліе талантливаго писателя сочинить ловкое названіе для своей книги составляетъ предполагать въ этомъ писателѣ какую-то мелочность, и собственное заключеніе наше, мы можемъ подкрѣпить примѣромъ....»

Въ томъ же номерѣ того же журнала напечатана повѣсть:

Новоизобрѣтенная, привидѣнірованная краска, братья съ Дирлингъ и Ко.

Въ другомъ номерѣ того же журнала напечатано:

«...Мы извѣстно изъ чтенія обертки «Отечественныхъ За-

писокъ», что въ послѣдней книжкѣ этого журнала печатаются разомъ три англійскіе романа, а именно: «Пиквикскій Клубъ» Диккенса, «Семейство Какстоновъ» Бульвера и «Ярмарка Тщеславія» Теккерей. Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобъ безпрестанно перемѣшивать въ своихъ книжкахъ отрывки безъ начала и конца, поступить такимъ образомъ: сперва перевести весь романъ Диккенса и помѣстить его въ двухъ книжкахъ, потомъ напечатать Теккерей разомъ и безъ значительныхъ перерывовъ, и потомъ приняться такимъ же образомъ за «Какстоновъ»? А то какой читатель не заблудится между тремя романами, Богъ знаетъ, когда начатыми, и которые невѣдомо когда окончатся?»

Отвѣтъ:

Мы тоже извѣстно изъ чтенія обертки «упоминаемаго мною журнала» что въ послѣдней книжкѣ этого журнала печатаются разомъ, одинъ французскій и одинъ англійскій романъ, а именно: «Денежный бракъ» и «Ярмарка тщеславія» Теккерей. Не лучше ли было бы, вмѣсто того, чтобъ безпрестанно перемѣшивать въ своихъ книжкахъ отрывки безъ начала и конца, поступить такимъ образомъ: сперва перевести весь «Денежный бракъ» и помѣстить его въ двухъ книжкахъ, потомъ напечатать Теккерей разомъ и безъ значительныхъ перерывовъ? А то какой читатель не заблудится между двумя романами, особенно въ книгѣ, въ которой есть уже конецъ давно начатой повѣсти и статья пятая полу-романа, понавшагося почему-то въ отдѣлѣ наукъ?...

Еще иностранное слово: *бомо*.

Французъ говоритъ *bon mot*; слѣдственно, если и допустить у насъ это слово, то должно бы говорить и писать *боммо*.

Еще французская фраза:

«*Du choc des opinions jaillit la vérité*»—эта истина кому не знакома?

Тому, кто не знаетъ французскаго языка.

Копія съ копій (изъ романа *Ярмарка Тщеславія*):

«Маркизь Осборнъ написалъ *billet doux* и отправилъ къ Леди Амелии своего миниатюрнаго жокея.

Красавица получила душистую записку изъ рукъ своей *femme de chambre, Mademoiselle Anastasie*.

— Милый маркизь! Какъ онъ любезенъ!

Въ запискѣ было приглашеніе на балъ къ лорду Бумбунъ.

— Кто эта прелестная дѣвушка? спросилъ въ тотъ же вечеръ индѣйскій принцъ Моччигунгукъ, прикатившій изъ Пикадилли на шестеркѣ вороныхъ коней.

— Имя ея—миссъ Седли, *Monseigneur!* сказалъ лордъ Джезефъ многозначительнымъ тономъ.

— *Vous avez alors un beau nom*, отвѣчалъ Моччигунгукъ, отступая назадъ съ озабоченнымъ видомъ. Въ эту минуту онъ наступилъ на ногу стараго джентльмена, который стоялъ позади и любовался на очаровательныя прелести леди Амелии.

— *Trente-mille tonnerres!* Закричалъ старый джентльменъ, скорчившись подъ вліяніемъ *agonie du moment*.

— Ахъ, это вы, *monseigneur!* *Mille pardons!*

— Какими судьбами, *mon cher!* вскричалъ Моччигунгукъ, увидѣвъ своего банкира. Пару словъ, *mon cher*,—намѣрены ли вы теперь разстаться съ вашимъ жемчужнымъ ожерельемъ?

— *Mille pardons!* Я уже продалъ его за двѣсти-пятьдесятъ тысячъ фунтовъ Князю Эстергазу.

— *Und das ist nicht theuer!* воскликнулъ Моччигунгукъ, и прочая, и прочая...

Я удивляюсь, какъ послѣ такихъ словъ есть еще люди, принимающіеся за фешенеблную литературу!...

ПЕТЕРБУРГСКІЯ МОДЫ.

Хотите ли знать: какія самыя модныя шляпки, какі онѣ дѣлаются, изъ чего?—Мода вамъ отвѣтитъ: какія кому нравятся. Но послѣдній фасонъ шляпокъ? Тотъ же самый... поля нѣсколько вверху, довольно широкія, граціозно округляютъ лицо и почти сходятся у подбородка. Чтѣ-жъ касается до украшеній шляпокъ, то это уже дѣло фантазіи и вкуса. Какое разнообразіе въ соломённыхъ шляпкахъ! Не говоря уже о шляпкахъ изъ соломы флорентинской и *paille-de-riz*, которыя считаются аристократическими, возьмите, напримеръ, соломенные шляпки, которыя имѣютъ видъ кружевныхъ; другія составлены изъ фалбалокъ; третьи, вышиты соломою; не забудьте шляпокъ *à jour* съ разными узорами и витками; шляпокъ изъ итальянской соломы, волосьяныхъ... да всѣхъ и не перечесть. Соломенные шляпки преимущественно украшаются одними цвѣтами, положенными съ боковъ и снизу тульи. Но опять скажемъ, что во всемъ дѣло вкуса. Многія предпочитаютъ отдѣлку изъ лентъ или перьевъ. Кромѣ соломенныхъ, мы видѣли превосходныя шляпки тюлевыя, вышитыя соломою, и бѣлыя креповыя, сборчатыя, съ отдѣлкою изъ цвѣтовъ. Подъ полями шляпокъ носятъ бульонъ и цвѣты. Многія къ краямъ полей пришиваютъ рюшъ изъ узкой газовой ленточки. Но довольно.... мы уже все, кажется, высказали.

Теперь обратимся къ платьямъ. Любимый фасонъ таліи—это съ вырѣзомъ напередѣ. Фасонъ этотъ разнообразятъ по производству по вкусу. Иногда вырѣзъ дѣлаютъ небольшой; иногда онъ доходитъ почти до шнипа. Эти таліи носятъ гладкими и оборчатými. Но здѣсь особенное вниманіе обращаютъ на шемизетки (*guimpes*), необходимыя при этомъ фасонѣ таліи. Здѣсь фантазія даетъ себѣ полную свободу. Вы удивляеесь изысканству и разнообразію этихъ *guimpes*. Шемизетка (*Watteau*)—съ фалбалками изъ кружевъ; другія съ бульонъ и кружевами; третьи съ прошивками и лентами. Советуемъ обратиться въ лавку С. А. Костина, въ гостиномъ дворѣ, № 127, чтобъ познакомиться съ новостями моды по этой части. Тамъ вы найдете превосходныя кружевные платки, косынки, воланы, шарфы, вуалетки; шемизетки разныхъ фасоновъ; воротнички *guipure* и англійской вышивки; канзу съ длинными рукавами; кружевныя мантильи фасона *Andalouse*; косыночки *Fanchon* для головныхъ уборовъ.. все это ново, изящно, привлекательно. Модныя ленты *à la Dubarry, Algérien* и ленты *chinés* такъ хороши, что недостаетъ выраженій, чтобъ ихъ описывать. Обратимся опять къ описанію платьевъ. Фалбалы на платьяхъ давно уже составляютъ любимое украшеніе. Для платьевъ изъ дорогихъ матерій, модная отдѣлка—фалбалы изъ цвѣтныхъ кружевъ. Самыми лучшими почитаются французскія кружева *de Chantilly*, которыя стоить очень дорого. Кружева *de Cambrai* не много уступаютъ первымъ, но продаются дешевле. Для отдѣлки домашнихъ платьевъ, входятъ въ употребленіе шерстяныя кружева. Рукава съ перехватами очень милы. Но и прежній фасонъ, т. е. рукава не совсемъ длинныя, расширяющіяся книзу, въ большомъ употребленіи. Теперь въ модѣ кофточки. Фасонъ ихъ разнообразятъ и потому онѣ имѣютъ разные названія: кофточки *Basquines*, кофточки *Casaque* и кофточки *Arragonaises*. Однѣ подлинныя и сходятся напередѣ; другія короче и не сходятся, а перекрываются сверху поясомъ съ длинными концами, висящими напередѣ. Много дѣлаютъ кофточекъ изъ одной съ платьемъ матеріи, шелковой безъ подкладки, кисейныя, шерстяныя, жаконетовыя и другія.

Мода предписываетъ для баловъ тончайшіе узорчатые чулки и съ выгнутыми каблукками башмаки. Дѣлать нечего, надобно покориться модѣ. Батистовыя платки вышиваются такими богатыми узорами, что батиста почти не остается, а платокъ состоитъ изъ одной вышивки.

Серьги безъ подвѣсокъ взяли преимущество надъ прежними

серьгами. Мы любовались серьгами этого фасона. Онѣ эмаль-рованы въ видѣ цвѣтка или листка и украшены брилліантами. Кованые золотые браслеты съ большими замками, съ эмалью и брилліантами, также въ видѣ цвѣтка, превосходны. Броши носятъ въ томъ же видѣ. Но вотъ еще браслетъ, достойный вниманія: это нитка жемчужныхъ бусъ, обитая нѣсколько разъ вокругъ руки, или, правильнѣе сказать, ручки, которая по красотѣ своей сама походила на жемчужину. Болѣе чѣтъ, покуда, примѣча-тельныхъ модныхъ извѣстій.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ВАСИЛІА ПЕТРОВИЧА ПОЛЯНОВА,

КОММИССІОНЕРА ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОАГО ЭКО-НОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА, ВАЗЫ И ЖУРНАЛА ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ.

*Въ С.-Петербурѣ, въ Гостиномъ-дворѣ, по Суконной-линіи
подъ № 17.*

продаются слѣдующія книги:

(Цѣны на серебро).

ДВОРЦОВЫЕ РАЗРЯДЫ, ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢ-НІЮ ИЗДАННЫЕ. Томъ первый 1612-1628. С. П. 1850 Ц. 3 руб., съ перес., 3 руб. 50 коп.

МОСКВА И МОСКВИЧИ. Записки Богдана Ильича Бѣль-скаго, изданныя М. Н. Загоскинымъ. Выходъ четвертый М. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп., тоже выхо-ды 1, 2, 3. цѣна равная.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАКОНОВЪ О ДВОРЯНСТВѢ. М. 1849. Ц. 3 руб., съ перес. 3 руб. 50 коп.

К. VI. — Отд. VII.

1/6

О ЛИТУРГИИ ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННЫХЪ ДАРОВЪ. Соч. Н. Малиновскаго. С. П. 1850. Ц. 1 руб. 50 коп. съ перес.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ О ТОРГОВЛѢ. С. П. 1848. Ц. 75 коп.

НЕПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЛЮБВИ. Романъ Поль-де-Кока, въ двухъ частяхъ. М. 1850. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 к.

ТОМЪ ДЖОНСЪ. Романъ Генриха Фильдинга. Перев. А. Кронберга. 2 т. С. П. 1849. Ц. 3 руб.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ. Съ чертежемъ къ устройству и расположенію ширмоваго театра. С. П. 1848. Ц. 80 коп., съ перес. 1 руб.

НЕБЫВАЛОЕ ИЗДАНИЕ. По 20 коп. сер. за книжку, соединяетъ въ себя изящную наружность, съ типографическою роскошью печати и бумаги, и съ необыкновенною дешевизною.

НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЕ. 2 ч. 40 коп.

ГЕРЦОГЪ АНГИЕНСКІЙ. 1 ч. 20 коп. сер., за пересылку прилагается 25 коп. сер.

НАСТАВЛЕНІЕ, КАКЪ ДОЛЖНО ПОДАВАТЬ ПОСОБІЕ БОЛЬНЫМЪ ДО ПРИБЫТІЯ ВРАЧА. Составленное докторомъ Медицины А. Никитинымъ. Изданное съ дозволенія Медицинскаго Совѣта. С. П. 1846. Ц. 1 руб. 50 коп.

ВСЕОБЩАЯ СКОТОВРАЧЕБНАЯ КНИГА. Или наставленіе городскому и сельскому жителю, какъ выкармливать лошадей, крупный рогатый скотъ, овецъ, свиней, козъ и собакъ, какъ выбирать ихъ при покупкѣ, ходить за ними, распознавать и лечить ихъ болѣзни. Соч. Г. Н. Рольвеса, удостоенное награды Королевско-Прусскимъ Экономическимъ Обществомъ въ Потсдамѣ. Перев. съ нѣмец. съ 14 изд., съ рецептами, изложенными на русскомъ языкѣ. Въ 2 ч. М. 1843. Ц. 2 руб., съ перес. 2 руб. 50 коп.

КУРСЪ ЭСТЕТИКИ. Или наука изящнаго. Соч. В. Ф. Гегеля. Пер. В. Модестова. С. П. 1844. 2 т. Ц. 3 руб. сер.

УМОЗРИТЕЛЬНЫЯ И ОПЫТНЫЯ ОСНОВАНІЯ СЛОВЕСНОСТИ. Соч. А. Глаголева, въ 4 частяхъ, удостоенное Императорскою Академіею Наукъ одной изъ Демиловскихъ премій, изд.

второе съ приложеніемъ литографированнаго снимка съ Акта Берестскаго Собора. Ц. на лучшей веленовой бумагѣ 2 руб.

БЛАГОГОВѢЙНЫЯ ХРИСТИАНСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ. Составила Норова. С. П. 1847. Ц. 1 руб. 50 коп.

ЧУВСТВА ХРИСТИАНИНА. Или возвышеніе ума и сердца къ Богу. Подражаніе Виланду, Норовой. 1848. Ц. 50 коп., съ перес. 75 коп.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ Главныхъ доводовъ о божественномъ происхожденіи христіанской религіи. Соч. Портыуса. Изд. 3. 1842. Ц. 1 руб.

СВЯЩЕННО-ЦЕРКОВНАЯ ГЕОГРАФІЯ. Показывающая происхожденіе народовъ, состояніе Палестины отъ Авраама до нашихъ временъ, съ историческими и географическими замѣчаніями обо всѣхъ важнѣйшихъ мѣстахъ, упоминаемыхъ въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣхъ, историческое распространеніе и состояніе Христовой Церкви и современное состояніе христіанства, съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ и священно-церковно-историческимъ и географическимъ атласомъ, 15 картъ составлена В. П. П. Изданіе второе, исправленное и умноженное. С. П. 1848. Ц. 1 руб. 50 коп. сер.

РАЗСУЖДЕНІЯ О ВИДИМЫХЪ НЕБЕСНЫХЪ ТѢЛАХЪ. С. П. 1841. Ц. 75 коп. сер.

ТЕЛЕМАКЪ. Описаніе удивительныхъ и чрезвычайно любопытныхъ странствованій сего знаменитаго мужа древности. Соч. Фелелона. Новый переводъ Ф. Лубяновскаго. 2 т. С. П. 1839. Ц. 3 руб.

КНЯЗЬ ПОЖАРСКІЙ И НИЖЕГОРОДСКІЙ ГРАЖДАНИНЪ МИНИНЪ, Освободителя Россіи; историческое сказаніе XVII вѣка. Въ 3 ч. М. 1849. Ц. 1 руб. 50 коп.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться за всѣми вообще книгами, опубликованными и отъ другихъ книгопродавцевъ, на имя Василія Петровича Полякова, со всею благонадежностію на скорую и аккуратную высылку.

Требованія Гг. иногородныхъ покупателей исполняются съ первоотходящею почтою, съ препровожденіемъ отчета въ полученныхъ деньгахъ.

Гг. иногородные, желающіе видѣть книги въ переплетѣ, платятъ за каждую книгу: въ простомъ кожанномъ корешкѣ 20 коп. сер., въ сафьянномъ французскомъ корешкѣ 40 коп. Если книги встрѣтятся форматомъ въ 4 л. листа или въ листъ, то плата за переплетъ удваивается.

ДОМАШНІЙ ТЕАТРЪ.

НѢТЪ ХУДА БЕЗЪ ДОБРА,

КОМЕДІЯ-ПОСЛОВИЦА ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Пятра-Шевалье.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

БАРОНЪ КАРЛЪ де-ВЕРАКЪ (отъ 25 до 35 лѣтъ)

МАРКІЗЪ ФРАНВИЛЬ.

ЕМИЛІЯ де-ЛЕРИ, вдова (22 лѣтъ)

Г. АРНО.

Г-жа АРНО.

МАРТЫНЪ, лакей.

ЛУИЗА, горничная.

МАЛЬЧИКЪ.

Сцена происходитъ въ Кодбекѣ, въ 1788 году, въ домѣ госпожи де Лери.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала у госпожи де Лери. Фортепіано, стулья, дверь въ глупицѣ. На-право другая дверь въ комнату Емиліи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луиза убираетъ залу; Емилія, въ глубинѣ комнаты.

Емилія. Послушай, Луиза. Чтѣ это за посланный, который оставался такъ долго съ тобою, и вручилъ тебѣ съ такою осторожностію письмо къ г. д'Арно, моему опекуну?

К. VI. — Отд. VII.

Луиза. Не могу сказать, сударыня; мнѣ приказано говорить, что я ничего не знаю.

Емилия. Всѣ эти тайны начинаютъ мнѣ казаться странными.

Луиза, *съ извѣстнымъ удивленіемъ*. Ужъ не угодно ли вамъ принять участіе въ вашихъ дѣлахъ?

Емилия. А почему же и нѣтъ?

Луиза. Мнѣ гораздо пріятнѣе повиноваться вамъ, чѣмъ г. и госпожѣ д'Арбо. И только потому, что они были прежде вашими опекунами, они имѣютъ большую власть въ домѣ.

Емилия. Ты меня знаешь, Луиза. Доходы мои—для меня по-слабѣная вещь... Овдовѣвъ мѣсяцъ спустя послѣ свадьбы, и не успѣвъ даже познакомиться съ моими дѣлами, я поручила ихъ достойнымъ людямъ, чтобъ самой и не думать объ нихъ. Но однакоже есть предѣлъ и моему довѣрію!... Я хочу теперь знать все, что дѣлается у меня въ домѣ.

Луиза. Наконецъ-то! Правда, это только начало... но и за

Емилия. Ты мнѣ скажешь тайну этого посланія?

одно благоразумное слово...

Луиза. Извольте сами отгадать... Думаете ли вы когда-нибудь снова выйти замужъ, сударыня?

Емилия. Зачѣмъ объ этомъ думать?

Луиза. Право, объ этомъ стоить подумать. Я вамъ скажу сущую правду, что меня не оставляетъ мысль пристроить себя... Сама бы рада не думать—но не могу!

Емилия. Какъ ты смѣшна!

Луиза. Нѣтъ, я откровенна.

Емилия. Право?... я иногда думаю о новомъ замужествѣ, но такъ неопредѣленно... неясно...

Луиза. Вы неясно, а я постоянно... Это, какъ бы вамъ сказать?... Между постояннымъ и неяснымъ помышленіемъ почти такое же сходство, какъ между звѣздами и планетами.

Емилия. Какъ! ты знаешь астрономію?

Луиза. Вы же сами много объясняли мнѣ, во-время нашихъ прогулокъ, съ книгой Фонтенелля.

Емилия. Какъ ты умна, Луиза.

Луиза, *присѣдая*. Вся къ вашимъ услугамъ, сударыня.

Емилия Возвратимся къ... твоей постоянной мысли...

Луиза. Къ вашей неясной... Ну, что-же? когда она у васъ бываетъ, эта неясная, — случается ли вамъ... то, что было съ нами, помните, когда мы занимались астрономіей и видѣли человѣческое лицо на лунѣ?...

Емилия *смѣется*. Какъ ты хитра!

Луиза. Скажите, сударыня, ваша планета походитъ ли на кого-нибудь?... Но астрономію въ сторону, есть-ли у васъ въ виду какой-нибудь женихъ?

Емилия. Ахъ, перестань, Луиза!

Луиза. Ага! я вижу, что вы хотите, чтобъ вамъ прямо говорили. Я вамъ говорю, судя по себѣ; я имѣла въ виду двадцать партій, и ни одна изъ нихъ не была по мнѣ. Увѣрю васъ, женихъ такой товаръ, который не валется подъ ногами. Правда, вамъ въ нихъ не будетъ недостатка. Вы хороши, богаты и свободны; вамъ только стоить закинуть удочку, многимъ захочется попасть на крючокъ... Вотъ почему я и спрашивала у васъ, не клюнулъ ли кто-нибудь?... Не отличили ли вы кого-нибудь, какъ выражаются высокими слогомъ? (*Емилия дѣлаетъ движеніе*) Извините меня, сударыня, теперь я въ двадцать—первый разъ закидываю сѣть, и на этотъ разъ нальюсь имѣть рыбку въ своей вершѣ.

Емилия. Гдѣ же могла я отличить кого-нибудь, я, которая живу затворницей въ этомъ маленькомъ городѣ, вдовою и сиротой въ двадцать-два года, безъ родныхъ, забытая всѣмъ свѣтомъ, которой единственнымъ обществомъ служатъ книги, пріятными удовольствіями одніе прогулки, концертами пѣние моихъ птицъ?

Луиза. А наше путешествіе нынѣшнею зимою въ Парижъ, а наше пребываніе въ Версали?

Емилия. Версаль—это толпа, Парижъ смятеніе, гдѣ никто не замѣтилъ провинціалки. (*Съ нерыншительностію*) Впрочемъ, быть-можетъ...

Луиза, *въ-сторону*. А! (*Вслухъ*) Быть можетъ?...

Емилия. Молодой человѣкъ, котораго я и имени не запомнила...

Луиза. Подумайте хорошенько... авось вспомните... онъ, вѣрно, пріютился въ какомъ-нибудь уголку вашей памяти, (*въ-сторону*) или вашего сердца.

Емилия. Постой, дай подумать... Кажется, баронъ Карлъ де-Веракъ... кажется такъ...?

Луиза *удивленная*. Карлъ де-Веракъ? (*Всторону*). Какой странный случай!

Емилия, *съ живостію*. Ты его знаешь?

Луиза. Я! (*съ притворнымъ простосердечіемъ*) Не больше васъ, сударыня. (*Всторону*) Предоставимъ ей пріятность неожиданности, такъ какъ есть счастливая звѣзда для влюбленныхъ! (*Вслухъ*) Отгадали ли вы теперь тайну посланія?

Емилия. Можетъ-быть.... Вѣроятно какой-нибудь женихъ адресуется къ моему опекуну?

Луиза. Беру васъ въ свидѣтели, что я ничего вамъ не говорю.

Емилия. Тѣмъ больше, что я подозрѣвала это прежде, чѣмъ узнала.

Луиза. Да? Такъ вы хотѣли только убѣдиться? Поздравляю васъ съ вашей... целой мыслью.

Емилия. И я заранѣе жалю объ этомъ женихѣ, потому-что терпѣть не могу никакихъ рекомендацій, особенно въ дѣлахъ сердца.

Луиза. Вы любите встрѣчи по сочувствію, по взаимному влеченію?

Емилия. Ты знаешь, что я совсѣмъ не мечтательница... Но при моей совершенной независимости и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужество, я полагаю, что надо самой узнать человѣка и что самой женщинѣ надо предоставить выборъ по сердцу.

Луиза. Не забывая существеннаго, сударыня! Это главное. Скажи мнѣ, что у тебя есть, а я тебѣ отвѣчу, чего ты стоишь! Вотъ мой девизъ!

Емилия. Вотъ посланный. Оставляю тебя закидывать ему свои сѣты.

Луиза. Въ двадцать первый разъ? Вы и это отгадали?

Емилия. Кому нечего дѣлать, тотъ по-сволѣ наблюдаетъ...
(Уходитъ въ дверь съ правой стороны).

ЯВЛЕНИЕ II.

Луиза, Мартынъ.

Мартынъ. А! Моя красоточка! (Показывая въ ту сторону, куда ушла Емилия). Это ли та, которая...? Она ли?...

Луиза. Отгадали.

Мартынъ. Какая раскрасавица! А попало ли мое посланіе по принадлежности?

Луиза. Вы увидите, какое оно произвело дѣйствіе. Г. д'Арно прибывалъ въ вышину и въ ширину отъ каждой строчки. На послѣдней онъ чуть не лопнулъ отъ восхищенія и чуть не досталъ головою до потолка. Онъ теперь надѣваетъ свои жабо и маншеты, чтобы лично переговорить съ вами. Кажется, что г. де Веракъ, вашъ господинъ, блистательная партія?

Мартынъ. Лычу себя надеждою, сударыня, что онъ не обрामитъ

меня... я его выростилъ, я ходилъ за нимъ, я воспиталъ его. Я говорю вамъ это не изъ тщеславія, но только для того, чтобы вы было вамъ извѣстно. Были ли вы когда-нибудь въ театрѣ?

Луиза. Была, когда странствующіе комедіанты проѣзжали черезъ Кюбекъ.

Мартынъ. *важно.* Фи! Фи!... я говорю о той высокой комедіи, которая, какъ сказалъ кто-то, есть школа нравовъ.

Луиза. Какихъ? Дурныхъ?

Мартынъ. Нѣтъ. Бываютъ и хорошіе. И такъ мадамъ Лері и баронъ де-Веракъ сдѣлали бы великую ошибку, если бы не употребили въ дѣло мой умъ и ваше хорошенькое личико.

Луиза. Они должны сперва увидѣться.

Мартынъ. Это наша забота.

Луиза. Надобно, чтобы они понравились другъ-другу.

Мартынъ. Непремѣнно. Впрочемъ это дѣло не спѣшное.

Луиза. Чтобы не было какого-нибудь препятствія ихъ союзу.

Мартынъ. Это мы уладимъ къ вечеру.

Луиза. Наконецъ, надобно, чтобы они были счастливы.

Мартынъ. Объ этомъ постараемся завтра... Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы узнать, будемъ ли мы довольны этой сватбой...

Луиза. Для меня она будетъ очень пріятна, если моя барыня будетъ счастлива.

Мартынъ. Прекрасно, прекрасно; но вотъ въ чемъ дѣло! Надобно подумать сперва о нашихъ маленькихъ доходахъ, потому что нашей будущности и, наконецъ, о развязкѣ. Я изложу вамъ свою мысль яснѣе: въ высокой комедіи, ласкѣи производится въ камердинеры или дворецкіе молодого, а дѣвушка въ камер-юнкеры, и оба слѣдуютъ примѣру своихъ господъ, которые награждаютъ ихъ, и въ паточъ дѣйствіи женятъ. Вы меня понимаете, сударыня?

Луиза. *всторону.* Ключуль, ключуль! (Вслухъ) Кажется, поняла. Но я вамъ отвѣчу, что... при моемъ совершенно независимомъ положеніи и въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ замужество, надо самой узнать хорошо человѣка, и женщина должна выбирать по своему сердцу. (Всторону). Кажется, барыня разлилась такъ.

Мартынъ. О, какъ вы красно говорите!

Луиза. *всторону.* Еще бы!

Мартынъ. Судите же, меня, какъ я васъ сужу. Мнѣ тридцать два года; конечно, самому себѣ хвалить не годится, да и не зачѣмъ... вы сами видите, каковъ я; получаю четьреста

ливровъ жалованья; кромѣ того, имѣю двѣсти ливровъ доходу; тысячу пятьсотъ ливровъ я накопилъ себѣ.... на другой день сътаббы еще кое-что будетъ.... достаточно ли это? И въ замѣнъ всего нечисленнаго, я прошу только вашу хорошенькую ручку.

Луиза, *встопону*. Надо держать его; лучшей партіи я не найду. (*Вслухъ*) Милостивый государь, ваши достоинства поразили мое сердце; если прибавка жалованья состоится, то.... (*Протливаетъ къ нему руку*).

Мартынъ *беретъ ее*. Превосходно! Это самое приличное выраженіе согласія въ высокой комедіи. (*Раскрывая записную книжку*). И такъ, будемъ плыть осторожно, и приготовимся къ сегодняшней экспедиціи: если корабль нашихъ господъ потонетъ—увъ! тогда и нашъ пойдетъ ко дну!... Теперь познакомьте меня съ лицами, съ которыми намъ предстоитъ имѣть дѣло.

Луиза. Сейчасъ. Во-первыхъ: госпожа Лери — жемчужина между всѣми! Уваженіе ко всему, что хорошо, ненависть ко всему, что дурно, влеченіе ко всему возвышенному, презрѣніе ко всему низкому. Она одна съ самаго дѣтства, только тридцать двѣй была замужемъ, одарена талантами, учена, какъ книга, щедра; она думаетъ о своемъ богатствѣ только для того, чтобъ помогать, и рѣшительно презираетъ всѣ свѣтскія удовольствія. (*Съ важностію*). Но, надо сказать правду, она цѣнитъ ихъ втайнѣ и выжилаетъ только случая, чтобъ воспользоваться ими приличнымъ и достойнымъ образомъ; она затмитъ всѣхъ вашихъ Паржановъ.

Мартынъ. Особливо въ союзѣ съ нашимъ барономъ. О, мы надѣлаемъ шуму нашими твѣтлами и нашимъ блескомъ.

Луиза. Именно; въ Версали мы его встрѣтили. Онъ былъ очень любезенъ, и (*съ таинственностію*) мы помнимъ это.

Мартынъ. О главномъ пунктѣ довольно! Я имѣю достаточныя слѣдствія о немъ. Перейдемъ ко второму.

Луиза. Нумеръ 2-й: г. д'Арно, который спалъ двадцать лѣтъ на своемъ креслѣ, и наконецъ проснулся опекуномъ моей госпожи, подъ предлогомъ какого-то родства въ десятомъ колѣнѣ. Онъ считаетъ себя вторымъ отцомъ своей питомицы, и съ благородствомъ отвергнулъ жалованье, чтобъ лучше пользоваться доходомъ двадцатью тысячъ ливровъ, нашимъ домомъ, землями, нашей каретой и нашими лошадьми. Ибедникъ, своенравный, скряга, готовый преклоняться передъ богатствомъ, управляемый своею женою, которой онъ говоритъ *ты*, чтобъ показать, будто онъ господинъ въ домѣ; во всѣхъ другихъ случаяхъ, онъ ужасно

грубъ.... Таковъ нашъ мосеъ д'Арно. Особенности примѣты его: страсть играть въ лото, боязнь опрокинутой солонки, своя система ѣсть, пить, спать, чихать. Половину своей жизни онъ проводитъ повѣрняя часы, разсматривая барометры и нюхая табакъ. Такъ какъ онъ совершенно здоровъ, то думаетъ, что ему угрожаютъ всѣ роды болѣзней; вслѣдствіе этого всегда носитъ фуфайку. Онъ дѣлаетъ три милліона шаговъ въ день, и говоритъ по двадцати пяти минутъ въ каждой часъ. Какъ пройдетъ послѣдняя минута, онъ никому въ свѣтѣ и ни за что не скажетъ слова.

Мартынъ. Прекрасно; продолжайте.

Луиза. Нумеръ третій: госпожа совѣтница д'Арно. Не забывать частицы *де*, къ которой она тѣмъ болѣе привязана, что сама ее выдумала. Вы можете ее величать даже президентшей, когда имѣете какое-нибудь важное дѣло до нея. Она вышла отъ честолюбія, и говоритъ *вы* своему мужу, чтобъ легче имъ управлять. Она командуетъ здѣсь всѣми, не включая и госпожи Лери, которая поддается, для избѣжанія ссоры. Надо видѣть, какъ она распоряжается кошелекомъ, столомъ, мебелью, лошадьми своей питомицы, — такъ она сама ее называетъ. У нея страсти беречь лошадей, она отказывается въ нихъ друзьямъ, даже и самой хозяйкѣ, которую заставляетъ ходить пѣшкомъ, и все это для того, чтобъ побережъ скотину, которая заплываетъ жиромъ. Только четыре собаки ея, болонки и шпицы. въ большей милости у нея, чѣмъ наши лошади. Ихъ только однихъ она и ласкаетъ, и всякій долженъ быть здѣсь имъ преданный слуга, потому-что надо снискать ихъ благосклонность, чтобъ пользоваться благосклонностію госпожи онекунши! — Каково вамъ это покажется? Вашъ господинъ, вѣроятно, исполнитъ это условіе, если судить по дѣйствию, которое произвело на нихъ письмо о немъ.

Мартынъ. О, я знаю содержаніе письма, какъ будто я самъ его писалъ; оно отъ пріятеля г. д'Арно, къ которому я ѣздилъ въ Руанъ. Въ письмѣ рекомендуютъ барона, какъ единственнаго наследника дяди, маркиза де Франвила, имѣющаго доходу двѣнадцать тысячъ экю. Этотъ дядя большой оригиналъ! Я его знаю, какъ нельзя лучше: онъ пользуется моими талантами и платитъ мнѣ половину моего жалованья. Онъ философъ новѣйшей школы, ученикъ Калиостро, придворный человѣкъ по рожденію и докторъ по страсти, ученый, разгадывающій все, выдающій секреты только другихъ и мистифирующій васъ при удобномъ случаѣ. Къ счастью, онъ души не съзываетъ въ своемъ пле-

миникъ, который получаетъ въ приданое половину его имѣнія, съ надеждой на остальную половину, какъ выражаются великодушно наследники. Онъ управляетъ барономъ, черезъ мое посредство, во всѣхъ его дѣйствіяхъ! Надо было послушать наставленія, которыя онъ ему давалъ въ день нашего отъѣзда въ Кюльбекъ. Онъ все это прежде provádялъ, что вы теперь мнѣ говорите объ опекунахъ и о вашей барыни. Онъ раздѣляетъ ваши предположенія о скрытомъ честолюбіи хорошенькой вдовушки.—Выкинь изъ головы твою философію, сказалъ онъ барону, не бойся показаться любезникомъ и придворнымъ чело-вѣкомъ.

Луиза. Этотъ маркизъ, право, кажется, прекрасный человекъ.

Мартынь. Мой баринъ пріѣдетъ никогдѣ.

Луиза. Прекрасно! Тише! вотъ идетъ г. д'Арно!

Мартынь. (Съ живостію) Когда баронъ пріѣдетъ, не забудьте никогдѣ, и сдѣлайте, чтобъ я могъ съ нимъ переговорить прежде другихъ и сообщить ему эти замѣчанія (Показываетъ свою записную книжку, которую опять кладетъ въ карманъ).

Луиза. Будьте спокойны, я не прозѣваю!

ЯВЛЕНИЕ III.

Мартынь, Луиза, г. д'Арно. На послѣднемъ короткая фуфайка сверхъ платья, а другая виситъ на рукѣ. Входитъ, онъ смотритъ на барометръ, на термометръ, на стѣнные часы, на свои карманы; потомъ сморкается, похаетъ табакъ, вынимаетъ письмо изъ кармана, надѣваетъ очки и смотритъ на Мартыня).

Мартынь, тихо Луизѣ. Вы прекрасно описали портретъ!

Г. д'Арно, всторону. Жены моей нѣтъ въ залѣ! (Гроико) Вы дворецкій барона де Верака, и податель этого письма?

Мартынь. Точно такъ, господинъ совѣтникъ.

Г. д'Арно посмотрѣвъ еще на него, всторону. Онъ ловкій мальчій. Я думалъ, что жена моя здѣсь.... (Гроико) Я очень радъ, любезный! Вы, конечно, устали? (Луизѣ.) Гдѣ барыня?

Луиза. Въ столовой, сударь.

Г. д'Арно. Сведи туда этого молодца и дай ему позавтракать. (Съ важностію) Ты подашь ему бутылку бордо. (Мартынь кладетъ).

Луиза, Мартыню. Бордо! о! это хорошій знакъ!

Г. д'Арно. Или нѣтъ, подожди немного, мадамъ д'Арно пріѣдетъ и скажетъ тебѣ, что дѣлать. Это письмо извѣщаетъ насъ о пріѣздѣ г. де Верака. Скоро ли онъ можетъ пріѣхать?

Мартынь. Я думаю, что онъ будетъ къ вечеру, а можетъ быть и раньше.

Г. д'Арно. Раньше, уфъ! Не успѣемъ приготовиться.... Луиза! Луиза. Чтѣ прикажете?

Г. д'Арно. Ничего. (Всторону) Чтѣ же дѣлаетъ моя жена? Какъ ей не стыдно! Это дѣло гораздо занимательнѣе ея собакъ. А я то надрываюсь здѣсь. (Бросивъ взглядъ на термометръ, онъ сжимаетъ свою фуфайку, которая была намотана сверхъ платья, и надѣваетъ ту, которая была на рукѣ; потомъ говоритъ съ досадою). Луиза, скажи мадамъ д'Арно, (поласково) что я ее умоляю пріѣти въ залу.

Луиза. Вотъ она летѣтъ.

Г. д'Арно. А! какое счастье! наконецъ-то....

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же и госпожа д'Арно (одна собачка у нее на рукахъ, а другая на ленточкѣ).

Г. д'Арно небрежно. Я тебя ждалъ, мой другъ, чтобъ объясниться на счетъ небольшого дѣла. (Тихо, вручая письмо) Очень, очень важнаго дѣла!

Г. д'Арно. (садится, кладетъ собаку на колѣни, беретъ лорнетъ и читаетъ. При каждой строкѣ она отнимаетъ лорнетъ отъ глаза и смотритъ на Мартыня). Отъ вашего сослуживца? Добрый знакомый.... (Въ сторону, читая съ возрастающимъ восхищеніемъ) Хорошо!... прекрасно! безподобно! (Вставая и опустивъ на полъ собаку) Это чудесно! (Тихо мужу). Да, это золотое дѣло, другъ мой!

Г. д'Арно. Конечно, и вотъ почему....

Г-жа д'Арно Мартыню. Вы податель письма?

Мартынь. Къ вашимъ услугамъ, госпожа президентша.

Г-жа д'Арно. И вы здѣсь будете ждать вашего барина?

Мартынь. Какъ прикажете, госпожа президентша.

Г-жа д'Арно, всторону. Онъ прекрасно изъясняется; видно, что онъ изъ хорошаго дома. (Гроико и самымъ ласковымъ тономъ) И такъ, любезный, будьте у насъ, какъ дома.... Луиза къ вашимъ услугамъ. Сперва позавтракайте.... отдохните, гуляйте.... Проводи его, Луиза, и устройте вмѣстѣ большую зеленую комнату для барона.

Луиза, съ удивленіемъ. Большую зеленую комнату?

Г-жа д'Арно. Надѣюсь, что баронъ очастливитъ насъ своимъ присутствіемъ на нѣсколько дней....

Мартынь. Я думаю. Благодарю васъ, за вниманіе, госпожа президентша.

ЯВЛЕНИЕ V.

Г. и госпожа д'Арно. (Г. д'Арно вынимаетъ часы и открываетъ табакерку.)

Г-жа д'Арно. Я удивляюсь твоему равнодушію!

Г. д'Арно. (спокойно). Да я, напротивъ, въ восторгѣ! (Нюхалъ табакъ). Посланіе мнѣ показалось такъ важно, что не дожидаясь тебя, я предложилъ посланному бутылку борло.

Г-жа д'Арно. Вы хорошо слѣзали. (Открывалъ письмо). Онъ намъ принесъ осуществленіе всѣхъ нашихъ желаній.... (перечитывая). Любезный совѣтникъ, рекомендую вамъ барона де Верака, который ѣдетъ къ вамъ, чтобъ просить руки госпожи де Лери. Это прекрасная партія... для васъ....

Г. д'Арно, *растрогавшись*. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно, *читая*. Одинъ изъ щедрѣйшихъ дворянъ въ цѣлой провинціи». Щедрѣйшіи! Мы останемся опекунами, подъ названіемъ управляющихъ.

Г. д'Арно. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно *читаетъ*. При каждой остановкѣ она снимаетъ свой лорнетъ. «Прекрасный собою, настоящій вельможа.»

Г. д'Арно. Онъ будетъ цѣлый день охотиться.

Г-жа д'Арно. А мы будемъ управлять дѣлами. Какая блестящая участь для Емили! (Она быстро подбѣгаетъ къ звонку. Луиза показывается въ глубинѣ). Луиза, приготовь весь первый этажъ въ распоряженіе барона де Верака.

Луиза. Слушаю, сударыня. (Уходитъ).

Г. д'Арно. Увидимъ, вѣрна ли рекомендація сослуживца.

Г-жа д'Арно, *читая*. Имѣетъ тридцать шесть тысячъ живровъ дохода.

Г. д'Арно. Почти вдвое болѣе нашего.

Г-жа д'Арно. Мы помѣстимъ нашего сына, неспособнаго ни къ чему, смотрителемъ за фазанами. Это будетъ очень кстати. (Звонитъ; Луиза лѣлется). Луиза, пусть настрѣляютъ личи къ обѣду барону! Приготовь мою шелковую юбку со шлейфомъ и верхнее платье съ большими разводами.

Луиза. Слушаю, сударыня.

Г. д'Арно. И мое платье сизаго цвѣта и позолоченныя пряжки.

Луиза. Слушаю, сударь. (Уходитъ).

Г. д'Арно. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно, *читая*. «Наконецъ, мой другъ, если эта свадьба состоится, то вы можете рѣшительно, не только сохранить ваше состояніе, но еще порядочно увеличить его.»

Г. д'Арно. Тутъ написано порядочно?

Г-жа д'Арно. По-ря-доч-но. (Звонитъ. Луиза лѣлется). Луиза, ты пригласишь убаднаго судью съ женою и съ дѣтьми; пятерыхъ дѣвицъ Керкаревиль, чтобъ играть на фортепiano и г. Видама съ его поэмою «Значеніе цвѣтовъ».

Г. д'Арно, (тихо жемъ). Смотри, чтобъ дѣвицы Керкаревиль не поправились жениху?...

Г-жа д'Арно, *также тихо*. Поправились! Передъ нами!... Возможно ли это?... Впрочемъ, все равно; я не буду съ нихъ глазъ спускать. (Громко). Луиза, чтобъ наши лошади были цѣлый день въ упряжи для барона.

Луиза, *всторону*. Цѣлый день въ упряжи!... Это непостижимо! (Громко). Слушаю, сударыня!

Г-жа д'Арно. А на всякій случай, если баронъ пріѣдетъ въ своей каретѣ, то очистить коиюшно, и сарай на задворкѣ.

Луиза. А куда помѣстить вашихъ собакъ, сударыня?

Г-жа д'Арно, *съ запальчивостію*. Выгнать собакъ! (Какъ бы опомнившись). Я ихъ помѣщу у себя въ комнатѣ.

Луиза. Слушаю, сударыня (Всторону). Настоящій переворотъ! (Уходитъ).

Г. д'Арно. Наша милая питомица!

Г-жа д'Арно. Она не можетъ пожаловаться, что мы равнодушны къ ея счастью.

Г. д'Арно. Я такъ горячо принялъ это дѣло къ сердцу, что боюсь захворать. (Перемтыляетъ фуфайку, садится, вынимаетъ изъ кармана часы и молчитъ).

Г-жа д'Арно. Боже! я чуть не забыла главнаго! Надо предупредить Емилию; надо, чтобъ она показала себя во всемъ блестящѣ, надо... Но вотъ и она!

ЯВЛЕНИЕ VI.

Тѣ же и Емилиа.

Емилиа. Чтò съ вами? вы такъ взволнованы?

Г. д'Арно. *Встаетъ, подаетъ ей руку, и опять садится*. Я въ изнеможеніи. (Дѣлаетъ знакъ, что не можетъ говорить).

Г-жа д'Арно. Мы заняты вами, моя несравненная. (Цалуетъ ее въ лобъ и смотритъ на нее). Вы прелестны сегодня и очень кстати. (Ташественно) Это великій день!..

Емилиа. Великій день?

Г-жа д'Арно *всторону*. Не будемъ терять времени, надобно,

чтобъ она успѣла одѣться. (*Громко*). Это, быть-можетъ, кануны святыхъ!..

Емилия, *встороу и улыбалась*. Вотъ какъ! (*Громко съ недо-
тврчивостью*). Да! Кануны!.. Такіе кануны могутъ, какъ въ
Дон-Кихотѣ, длиться до безконечности.

Г-жа д'Арно. Мужъ мой и я стары... Можетъ-быть, скоро
вы лишитесь насъ, а мы считаемъ за долгъ пристроить васъ;
не для того, чтобъ разстаться съ вами, Емилія, напротивъ...

Г. д'Арно, *съ усиліемъ*. Напротивъ! (*Указываетъ рукой на
юрто*).

Г-жа д'Арно. Да! мы уже имѣли на примѣтѣ множество же-
ниховъ! Наконецъ, мы льстимъ себя надеждою, что нашли та-
кого, который достоинъ васъ.

Емилия, *немного смущенная*. Я вполне чувствую ваше рас-
положеніе ко мнѣ.

Г-жа д'Арно. Пріятно ли это вамъ или нѣтъ,—про то вѣдастъ
Богъ! А я люблю васъ и хочу вамъ добра.

Г. д'Арно. Мы хот..... (*Остается вѣстель; тотъ же жестъ*).

Емилия. Но такое дѣло важно, и требуетъ сперва...

Г-жа д'Арно. Вашего согласія? Конечно, развѣ мы не все
вамъ предавшие слуги?... Мы вамъ предлагаемъ партію, партію
безпоблбную, а вы будете судьей...

Емилия. Благодарю еще разъ, любезная кузина; но говоря от-
кровенно, я бы желала лучше, чтобы мнѣ никого не предла-
гали, а если я встрѣчу сама...

Г-жа д'Арно. Дитя! Вы думаете, что встрѣчаешь мужей... на
большихъ дорогахъ... какъ въ волшебныхъ сказкахъ!.. Нѣтъ!
вѣрьте нашей опытности... (*Съ вкрадчивостію*). Онъ пріѣдетъ се-
годня, сейчасъ!..

Емилия. Боже мой!..

Г-жа д'Арно. Ему двадцать пять лѣтъ; онъ изъ прекрасной
фамиліи, знатнаго происхожденія, статный, красивый собою,
принять при дворѣ... (*Съ особеннымъ удареніемъ*). И доходу съ
имѣнія вдвое больше вашего!..

Г. д'Арно *вставал*. Въ Нормандіи!..

Емилия, *холодно*. Это прекрасно, слишкомъ хорошо для ме-
ня, конечно...

Г-жа д'Арно. Полноте!.. О, эти глаза стѣяютъ княжеской ко-
роны!..

Емилия. Позвольте вамъ замѣтить, что и у меня есть свои
виды, и, быть можетъ, а честолюбивѣе, чѣмъ вы полагаете.

По моему надо соединять сердца, а не имѣнія... Я многого бу-
ду требовать отъ того, кто захочетъ быть моимъ мужемъ.

Г-жа д'Арно. Вы можете всего требовать отъ этого жениха!
Его достоинства превышаютъ его богатство.

Емилия. Не захваливайте заранѣе; преждевременныя похвалы
часто вредятъ....

Г-жа д'Арно, *лукаво*. Подумайте лучше, моя очаровательная,
чтобъ показать себя достойно. Совѣтую вамъ надѣть ваше зе-
леное платье; этотъ цвѣтъ соответствуетъ этому случаю, съ
уборкой изъ кружевъ...

Емилия. Для меня нѣтъ ничего несноснѣе подобныхъ пер-
выхъ свиданій... Я надѣюсь избавиться отъ этой непріятно-
сти...

Г-жа д'Арно, *испуалная*. Боже милостивый!

Емилия. Женщины придумали для подобныхъ случаевъ миг-
рень...

Г-жа д'Арно *съ досадою*. Мигрень!

Емилия. Да вотъ, уже отъ одной мысли она начинается!..
Но если я не могу отвратить отъ себя этой чаши, то, по край-
ней-мѣрѣ избавлю себя отъ приготовлений... Мой женихъ...
условный... увидитъ меня такъ, какъ я теперь; и чѣмъ онъ бу-
детъ больше готовиться, тѣмъ я буду проще.

Г-жа д'Арно, *встороу*. Она все разстроитъ. (*Громко, съ высо-
копарностью*). Но, дитя мое, подумайте, что это торжество для
нашего дома!..

Емилия. Торжество!

Г-жа д'Арно. Что мы пригласили всѣхъ сосѣдей на обру-
чальную обѣдъ...

Емилия. Обрученіе!.. И меня не предупѣдомили!

Г-жа д'Арно. Что у насъ будутъ играть на фортепіано дѣви-
цы Керкаренвилъ!..

Емилия, *съ сердцемъ*. Но это обманъ, коварство!.. Я уйду и
совсѣмъ не покажусь. (*Хочетъ идти*).

Г-жа д'Арно, *не выслушавъ*. Знайте же, что мы должны при-
нять племянника маркиза де-Фраивилъ!..

Г. д'Арно. Барона Карла де-Верака!

Емилия, *встороу и оставившаяся*. Барона де-Верака! (*Воз-
вращается*). Барона... де...Верака?..

Г-жа д'Арно. Именно!

Емилия. Я въ немъ думала пойти больше такта и больше бла-
годарства; онъ былъ такъ скромень и простъ въ Версали; я
унижалюсь, что онъ является сюда съ такимъ шумомъ...

Г-жа д'Арно. Боже мой! Развѣ онъ не достоинъ... зеленого тафтянаго платья и кружевъ?

Емилия. Хорошо, что вы хоть теперь предупредили меня... (всторону). Впрочемъ еще рано осуждать его. (Громко). Я согласна принять его... какъ можно лучше... изъ уваженія къ вамъ, любезная кузина.

Г-жа д'Арно. Слава Богу! (Всторону). Я была увѣрена, что уговорю ее. (Слышитъ звонокъ; она вздрагиваетъ). Звонили!.. Кажется, звонили?..

Г. д'Арно. Кажется звонили!..

Г-жа д'Арно. Если это онъ! (Видя себя и охорашиваясь). Милостивый Боже! такое неглиже!.. и ни что не готово! (Зоветъ). Луиза! (Ходитъ взадъ и впередъ и поспышно зовитъ). Г. д'Арно, пожертвуйте собою! Подите, остановите его. (Емилия). А вы, моя милая, подите одѣваться! (Останавливая ее). Кружева!.. Зеленое платье!.. Умоляю!.. (Зоветъ еще громче и снова зовитъ). Луиза!

Емилия уходитъ смѣясь. Въ то время, какъ г-жа д'Арно выводитъ своихъ собакъ, г. д'Арно перемѣняетъ фуфайку. Потомъ, когда онъ подходитъ къ двери, которая въ глубинѣ комнаты, Луиза сталкивается съ нимъ и заставляетъ его отскочить назадъ. Ошеломленный, онъ падаетъ въ кресла. Мартынъ идетъ за Луизой.

ЯВЛЕНИЕ VII.

Г. и г-жа д'Арно, Луиза, Мартынъ, потомъ г. де-Веракъ.

Г. д'Арно. Сумасшедшая! (Мартынъ ухвативаетъ за г. д'Арно) Луиза. Извините, сударь! Я васъ ушибла?

Г-жа д'Арно. Нѣтъ, ничего! (Съ живостію). Это баронъ?

Луиза. Какой Баронъ?

Г-жа д'Арно, такъ жес. Баронъ де-Веракъ? Ты видѣла его лошадей, его лакеевъ?

Луиза, смѣясь. Ха! ха! ха! какіе лакеи! Пришелъ какой-то мужчина безъ всякаго лакея; вѣроятно, какой-нибудь приказный, который пришелъ переговорить о дѣлахъ съ баринномъ или съ вами.

Мартынъ, тихо Луизѣ. Bravo, bravo!

Г-жа д'Арно, удерживая своихъ собакъ. Слава Богу!

Г. д'Арно. О! я успокоился!

Г-жа д'Арно. Насъ дома нѣтъ. Пусть онъ придетъ завтра или черезъ недѣлю.

Луиза. Нѣтъ, сударыня, ужъ поздно; я просила этого господина сдѣловать за мною... И..

(Г. де-Веракъ входитъ. Платье, походка, манеры его очень просты, но показываютъ человека свѣтскаго).

Мартынъ, говоритъ ему на ухо. Это опекуны. Они васъ не знаютъ; не забудьте моихъ замѣчаній.

Г-жа д'Арно, крича съ досадою Луизѣ. Насъ дома нѣтъ, говорю я тебѣ! (Обернувшись, она видитъ незнакомаго, прерываетъ свои приказанія, дѣлая гримасу, и кланяется принужденно.— Веракъ утихо кланяется. Молчаніе).

Г. де-Веракъ, всторону. Вотъ пріемъ, который много обѣщаетъ.

Г-жа д'Арно. Извините меня, милостивый государь, это было... я не знала...

Г. де-Веракъ. Что я стоялъ за вами... Эта вина вашихъ людей, и я прошу у васъ извиненія. Я вижу, что мое присутствіе вамъ непріятно.

Г-жа д'Арно, становясь высокомерно по мѣрѣ того, какъ баронъ оказываетъ ей больше учтивости. Въ-самомъ-дѣлѣ, намъ некогда, мы ожидаемъ одну особу.

Г. де-Веракъ всторону. А я не особа. (Громко). Я пришелъ, милостивая государыня!..

Г-жа д'Арно, не слушая его и оборотясь къ нему спиною, говоритъ ласково Мартыну. Послушайте, любезный, когда господинъ вашъ хотѣлъ пріѣхать?

Мартынъ старался удержаться отъ смѣха. Право, не могу вамъ ничего сказать рѣшительнаго...

Г. де-Веракъ. Сударыня, я пришелъ, чтобы...

Г-жа д'Арно Мартыну. Вы, который знаете обхожденіе высшаго общества, попросите этого нечестнаго выдти вонъ. (Комическое движеніе Мартына).

Мартынъ всторону. Моего барина вонъ!

Г-жа д'Арно. Прошу васъ, любезный!..

Г. де-Веракъ, всторону. Чистая противоположность! Полная благосклонность къ лакею, всѣ непріятности мнѣ! Да! Мартынъ былъ правъ. Это меня забавляетъ. Будемъ продолжать игру. (Возвышая голосъ). Честь имѣю вамъ доложить, сударыня!..

Г-жа д'Арно, сухо. Мнѣ некогда васъ выслушивать, обратитесь къ моему мужу. (Она указываетъ на г. д'Арно.)

Г. де-Веракъ, *Г. д'Арно*. И такъ, милостивый государь, я пришелъ, чтобъ предложить вамъ покупку...

Г. д'Арно *невидимымъ голосомъ*. Не могу вамъ отвѣчать... Периодическая потеря голоса... (*Голосъ оканчивается знаками*).

Г. де-Веракъ, *не понималъ его*. Покупку пастбища...

Г. д'Арно *всторону*. Что онъ, смѣется надо мною? (*Голосъ же знаки*).

Г. де-Веракъ. Это пастбище совершенно... будетъ пригодно вамъ.

Г. д'Арно, *всторону*. Онъ, кажется, посылаетъ меня на подожный кормъ. (*Голосъ же знаки*).

Г. де-Веракъ, *иронически*. Милостивый государь, вы потеряете прекрасную сдѣлку...

Г. д'Арно, *сильнымъ голосомъ*. Я только потеряю терпѣнiе; я вамъ сказалъ, что не могу говорить. Обращайтесь къ женѣ моей!..

Г. де-Веракъ, *всторону*. Это прекрасно. (*Громко и кланялся*). Милостивый государь и милостивая государыня, я васъ понялъ! Благодарю васъ за ласковый приемъ... Я посмотрю, какъ меня приметъ сама хозяйка дома (*Луизъ, стоявшей въ глубинѣ комнаты*). Доложите обо мнѣ г-жѣ де-Лери...

Г-жа д'Арно, *всторону*. Онъ, кажется, даетъ приказанiя?

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Голосъ и Емилия. (*Она поправила свою прическу и прибавила къ своему туалету нѣсколько украшенiй*).

Емилия (*смѣясь и не замечая г. де-Верака*). И такъ, вы встревожились совершенно напрасно, это былъ не баронъ? (*Увидя Верака*). Чтѣ я вижу? г. де-Веракъ! (*Они кланяются*).

Мартынъ (*тихо Луизъ*). Вотъ будетъ кутерьма!..

Г-жа и г. д'Арно, *въ смущенiи*. Г. де-Веракъ!.. Вы, баронъ де...

Г. де-Веракъ. Я самъ, любезные хозяева.

Г-жа д'Арно, *падала въ кресло*. Мы погубили! Душить!

Г. д'Арно. Такъ вы инкогнито... это пастбище?..

Г. де-Веракъ. Выдумка Мартына... Предлогъ, чтобъ возвратить вамъ голосъ. (*Г. д'Арно упадаетъ въ другое кресло*).

Г-жа д'Арно, *всторону*. Выдумка Мартына! Я ласкала змѣю! (*Бросаетъ на Мартына злобный взглядъ*).

Г. де-Веракъ. Извините средство, (*сидитъ на Емилию*) въ пользу дѣла (*всторону*). Она прелестнѣе чѣмъ когда-либо!

Г-жа д'Арно, *всторону*. Надо загладить вину во чтѣ бы то ни стало. (*Къ Вераку съ большимъ и большею любезностiю*). Мы должны, милостивый государь, просить у васъ извиненiя (*Кланяется*).

Г. д'Арно, *такъ же*. Тысячу извиненiй.

Г-жа д'Арно. Если бы мы знали... (*Новый поклонъ*).

Г. д'Арно. Если бы могли предвидѣть... (*Новый поклонъ*).

Г-жа д'Арно. Но согласитесь, что выдумка вашего лакея... (*Спохватясь*). Впрочемъ, принятая вами... она становится... очень остроумна. (*Кланяется*).

Г. д'Арно. Мы не знали вашу оригинальность. (*Кланяется*).

Г. де-Веракъ. Я могу вамъ сказать тоже самое. И такъ, мы квиты и помпиримся теперь. (*Подаетъ руку*).

Г-жа д'Арно, *взвѣсивъ ее*. Ахъ, какъ вы добры! (*Кланяется*).

Г. д'Арно, *такъ же*. Доброта равняется уму! (*Кланяется*).

Мартынъ, *тихо Луизъ*. Дядя былъ правъ. Вотъ опекуны-то и показали себя!

Луиза, *такъ же*. Да, вполнѣ!

Г. де-Веракъ, *Емилия*. А вы, сударыня, извините ли мой нежеланный прiездъ, который также былъ придуманъ мною, послѣ нашей встрѣчи въ Версали.

Емилия. Мнѣ очень жестно, что вы сохранили обо мнѣ воспоминанiе.

Г. д'Арно, *тихо жемъ*. Не поправитъ ли намъ нашу ошибку, оставя ихъ наследнiя?

Г-жа д'Арно, *такъ же*. Это умная мысль! (*Вераку*). Надѣюсь, баронъ, что ваше пребыванiе здѣсь не кончится такъ внезапно, какъ началось. (*Г. де-Веракъ кланяется*). Позвольте намъ распорядиться, чтобъ васъ принять прилично и показать вамъ наши окрестности, которыя прелестны. Вы насъ застали въ negligѣ!..

Г. де-Веракъ. Сударыня, прошу васъ...

Г-жа д'Арно, *прерывая его*. Мы знаемъ приличiя свѣта...

Г. д'Арно. Вы найдете, баронъ, готовый завтракъ черезъ нѣсколько минутъ.

Г-жа д'Арно. Карета и лошади будутъ къ вашимъ услугамъ, баронъ.

Г. д'Арно. Мартынъ проводитъ васъ въ назначенную вамъ комнату, баронъ.

Г-жа д'Арно. Наконецъ, баронъ, вы сдѣлаете намъ величайшую честь, если будете у насъ какъ дома.

Г. д'Арно, *кланяясь*. Баронъ, до свиданiя...

Г-жа д'Арно, также. Баронъ, до свиданія... *(Тихо Луизъ).* Уведи моихъ собакъ. *(Тихо Мартыну).* А вы, ступайте за мной. *(Г. и г-жа д'Арно уходятъ).*

Мартынъ *(тихо Вераку).* Я напоминаю вамъ, сударь, наставленія вашего дялюшки. Вы удостовѣрились собственнымъ опытомъ, что значатъ ваши титула, ваше богатство и удовольствія, которыя оно можетъ доставить. Помните также и слова ея служанки: «Барыня живетъ вдали отъ свѣта, для того, чтобы впоследствии явиться въ немъ въ новомъ блескѣ». Это прекрасный случай показать себя и устроить дѣло однимъ ударомъ. *(Уходитъ).*

Г. де-Веракъ, *всторону.* Я думаю, въ-самомъ-дѣлѣ, онъ правъ. Провинціальныя странности такъ заразительны! Но представлять выгоды? Нѣтъ, это не въ моемъ характерѣ, и я буду довольно челонокъ въ этой роли, тогда, какъ я хотѣлъ бы открыть мое сердце этой милой женщиנѣ. Но такъ какъ мнѣ нужно понравиться, то попробуемъ... хоть бы для того, чтобъ лично удостовѣриться.... Еще будетъ время прибѣгнуть къ главной цѣли; надѣюсь, что она сама приведетъ меня къ ней. *(Во-время этихъ разговоровъ Емилія дала приказаніе Луизъ, которая ушла послѣдняя съ собаками).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г. де-Веракъ и Емилія.

(Г. де-Веракъ посмотрѣлся въ зеркало, какъ челонокъ, который собирается играть роль и старается прицѣпить другія манеры).

Г. де-Веракъ *(принимая рѣзкій тонъ).* Признаться сказать, сударыня, васъ такъ охраняютъ, что трудно до васъ добратъ-ся. Ваши люди тоже неприступны.

Емилія, *всторону.* Какой тонъ! Я не узнаю его. Не думаетъ ли онъ ослѣпить меня? Будемъ осторожны! *(Вслухъ)* Это не люди мои, милостивый государь, это мои прежніе опекуны, мои друзья.

Г. де-Веракъ, *всторону.* Она оправдываетъ ихъ? *(Вслухъ)* Я буду подражать вашему великодушію. Ихъ отсутствіе вознаграждаетъ меня за пріемъ. Я все забываю, когда вижу васъ.

Емилія. Мы все, я думаю, пѣдемъ нужду въ вашей свисходительности. Версаль слишкомъ уменъ для Кодбека. *(Всторону)* Кодбекъ однако будетъ защищаться!

Г. де-Веракъ, *всторону.* Она хочетъ выпытать мое мнѣніе! *(Вслухъ)* Я до-сихъ-поръ былъ того же мнѣнія. Но теперь го-

товъ отказаться отъ него. Я буду говорить съ вами иначе, чѣмъ съ вашими опекунами. Вся дипломатія, которую я употребляю предъ ними, припадаетъ къ вашимъ стопамъ, и я осмѣливаюсь сказать вамъ прямо, что одинъ изъ пріятелей написалъ вашимъ опекунамъ; а именно то, что счастье всей моей жизни зависитъ отъ одного слова, произнесеннаго вами....

Емилія, *стараясь скрыть свое смущеніе подъ улыбкой.* Въ-самомъ-дѣлѣ, эта тайна была, какъ обыкновенно случается, тайна комедіи. Та, которая должна была ее узнать послѣдняя, узнала ее прежде всѣхъ. *(Серьозно)* Г-жа д'Арно рассказала мнѣ ваши намѣренія; они такъ лестны для меня, что я со своею простотою никогда не могла бы отгадать ихъ. Но теперь я все знаю, и потому считаю долгомъ отвѣчать вамъ прямо и откровенно. Я не соглашусь иначе оставить свободное усилненіе, въ которое погрузило меня мое раннее вдовство, какъ на извѣстныхъ условіяхъ, заключенныхъ заранѣе.

Г. де-Веракъ, *всторону.* О! о!

Емилія. И главное изъ всѣхъ, это совершенное знаніе.... *(Она останавливается).*

Г. де-Веракъ. Челонокъ, который долженъ составить ваше счастье! Именно это-то условіе я и пріѣхалъ исполнять, обьяснившись съ вами. Что касается до меня, я только желаю вашего согласія. *(Входитъ въ свою роль).* Но нѣкоторыя преимущества, какъ напримѣръ: знатность, богатство, которыя считаются счастьемъ, дѣлаютъ меня, быть-можетъ, не совсѣмъ недостойнымъ васъ. *(Съ самодовољствомъ)* Званіе, которое на виду какъ въ государствѣ, такъ и при дворѣ.

Емилія, *всторону.* Тщеславіе! Буду кокетничать и дамъ ему урокъ, котораго онъ заслуживаетъ. *(Громко, съ хорошо выдержаннымъ высокомеріемъ).* Мнѣ это самое говорилъ маркизъ д'Энневиль, когда я рѣшилась ему отказать, несмотря на всѣ его титулы....

Г. де-Веракъ, *всторону.* Не хочетъ ли она быть герцогиней? *(Громко, тѣмъ же тономъ).* Порядочное родовое имѣніе, которое добрый мой дялюшка хочетъ устроить въ моемъ контрактѣ....

Емилія, *также.* Важную роль я буду играть въ обществѣ съ вашими доходами!... отвѣчала ли я нынѣшней зимою, откупщику, {который предлагалъ мнѣ свои тридцать тысячъ дохода?

Г. де-Веракъ, *всторону.* Ей надо миллионера? *(Громко, оставая свою роль).* Меня поразило въ Версали изъ всѣхъ достоинствъ вашихъ особенно....

Емилия. Простота моего вкуса. Онъ всегда будетъ соответствовать моему состоянію.

Г. де-Веракъ, *всторону*. Все или ничего... Это ясно! Мартынъ былъ правъ!

Емилия, *всторону*. Выведу его изъ терибніа! (*Громко, съ выскользнемъ и съ колкою ироніею*). Позвольте васъ попросить описать мнѣ то счастье, которое доставятъ мнѣ ваша знатность и ваше богатство?

Г. де-Веракъ. Я опасюсь, что это счастье не будетъ соответствовать вашимъ требованіямъ.

Емилия. А я боюсь, что оно превзойдетъ ихъ. И потому не совѣтую преувеличивать.

Г. де-Веракъ, *всторону*. Что это? Сарказмъ или ложная скромность? Все равно, пойдемъ дальше! (*Громко, входитъ слова въ свою роль и одушевляясь*). И такъ, сударыня, зимой небольшой, но красивый домъ въ Парижѣ и квартира въ Версали. Утромъ въ Трианонъ или на охотѣ; въ вашей каретѣ, между первыми красавицами двора; а я буду слѣдовать за звуками охотничьего рога, побреди моихъ охотниковъ и собакъ. Возвращаясь, мы будемъ обѣдать у короля или у королевы... Вечеромъ, или во дворцѣ, или на оперномъ балѣ, гдѣ я попрошу васъ не возбуждать черезъ-чуръ большой ревности и не дѣлать слишкомъ много несчастныхъ.

Емилия, *жеманно*. Не спорю, это довольно заманчиво.

Г. де-Веракъ, *всторону съ надеждою*. Наконецъ!

Емилия. Однако, отчего небольшой домъ въ Парижѣ, и просто квартира въ Версали? Зачѣмъ королевскія охоты, вмѣсто нашихъ собственныхъ? Но посмотримъ, будетъ ли лѣто соответствовать зимѣ.

Г. де-Веракъ, *всторону*. (*все больше и больше разгорячась*). Лѣтомъ, мы можемъ жить или въ нашихъ помѣстьяхъ, или въ замкѣ нашего лядюшки; можемъ путешествовать, ѣздить на воды, или жить въ деревнѣ, гдѣ отъ васъ зависитъ быть первенствующею посреди провинціальнахъ красавицъ, имѣть свои пріемные дни, свои обѣды, театръ...

Емилия. Однимъ словомъ, Версаль въ миниатюрѣ.

Г. де-Веракъ. Вы отгадали.

Емилия, *съ презрѣніемъ*. Да! солнце, отражающееся въ каплѣ воды.

Г. де-Веракъ. Я знаю многихъ баронессъ, даже герцогинь, которыя довольствуются этимъ, — и которыя посреди своихъ удовольствій не имѣютъ мужа, единственно занятого ихъ счасти-

емъ, ревностнаго исполнителя всѣхъ ихъ желаній, подвластнаго ихъ малѣйшимъ прихотямъ. (*Хочетъ встать на колѣни*).

Емилия, *вставая*. Встаньте, милостивый государь! (*Всторону*) Какое разочарованіе! (*Громко*). Я не ишу слугу; еще того меньше раба... И я вынуждена отвѣтить вамъ то же, что маркизу и откупщику: всѣ эти прекрасныя обѣщанія не удовлетворяютъ моего честолюбія!

Г. де-Веракъ, *обиженный, всторону*. Нѣтъ, это уже слишкомъ; это невыносимо! (*Громко, съ досадою*). Я вижу, что Колдбекъ превьпшаетъ Версаль. Очень сожалѣю, что я такъ ошибся въ самомъ себѣ, воображая, что могу удовлетворить ваши требованія.

Емилия, *также обиженная*. Пословица говоритъ: «вѣкъ живи, вѣкъ учись». Я могу также быть огорчена, что меня такъ худо поняли.

Г. де-Веракъ, *съ сарказмомъ*. Вы сами тому виною; вы забыли въ вашихъ условіяхъ требовать чудесъ свѣта.

Емилия, *тылъ же тономъ*. Вы же наобѣщали мнѣ столько неполныхъ, несовершенныхъ чудесъ...

Г. де-Веракъ, *всторону*. Мартынъ слишкомъ снисходительно говорилъ объ ней. Это, просто, капризная нормандская кокетка.

Емилия, *всторону*. Какъ я ошибалась: пустѣйшій человекъ! (*Ласково*). Извините, баронъ, я скоро вернусь; я въ свою очередь займусь тѣмъ, чтобы все было прилично у меня въ домѣ. (*Прерываетъ его извиненія, кланяется и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Г. де-Веракъ, одинъ.

Какой сонъ, и какое пробужденіе! Мы поѣхали съ лядюшкой прошлую зимою въ Версаль. Тамъ встрѣтили мы молодую женщину, которая обратила на себя мое вниманіе своею красотою и имѣла скромностію... Вотъ какую тебѣ надо жену... сказали мнѣ мое сердце и лядюшка. Побѣждай къ ней, прибавилъ послѣдній, но не слишкомъ полагайся на ея простоту. Я думаю, она порядочно честолюбива. Старайся показать ей выгоды, которыя она будетъ имѣть отъ союза съ тобою. Я пріѣзжаю сюда, по его совѣту, съ Мартыномъ, нашимъ факторомъ. И я, дворянинъ, безъ всякихъ притязаній, я умудрюсь показать себя вельможей; — для какой цѣли? Чтобы получить отказъ! Я предлагаю этой колбекской вдовушкѣ руку, чтобы сдѣлать изъ этой вдовушки знатную даму, и мнѣ объявляютъ, вмѣсто на-

градъ, на отрѣзъ, что все это недостаточно для ея честолюбія! (*Стараясь смѣяться*). Ха! ха! ха! Слыхалъ ли кто такую неподражаемую дерзость! (*Становясь серьезнѣе*). Увы! да, неподражаемая! Бѣда въ томъ, что я въ-самомъ-дѣлѣ не переставалъ ее находить такою! Но я ее все еще люблю, Боже мой! не смотря на ея странныя требованія! Полно, полно! это отчаянная провинціалка! Полно думать объ ней и оставивъ ее и глупыхъ опекуновъ, которые передѣлали ее на свой образецъ!...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Г. де-Веракъ и Мартынь.

Мартынь, *весело*. Что же, сударь, первое свиданіе?...

Г. де-Веракъ. Будетъ и послѣднее. Ыдемъ!

Мартынь, *пораженный*. Какъ! Ыдемъ?... За подарками?

Г. де-Веракъ. Ыдемъ навсегда отсюда!... Лошадь моя въ гостилицѣ Золотаго Льва. Сѣлай ее скорѣе. Я прощусь съ моими милыми хозяевами и буду ждать тебя.... (*Мартынь стоитъ какъ окаменѣлый*). Слышалъ?

Мартынь. Простите, сударь... одну минуточку, я не могу опомниться.... Такая неожиданность подкосила мнѣ ноги.... Вы шутите?...

Г. де-Веракъ. Я не расположенъ смѣяться.

Мартынь. А я в того менѣе, клянусь вамъ! (*Всторону*). Вотъ тебѣ и сватья! Какъ его удержатъ? (*Громко*). Вы уже поссорились, какъ будто бы, знаете.... сыиграли свадьбу...

Г. де Веракъ, *выходя изъ терпѣнія*. Пошелъ, говорятъ тебѣ!...

Мартынь. Бѣгу, сударь.

Г. де-Веракъ. Я буду въ саду. Мнѣ нужно освѣжиться. (*Онъ уходитъ. Луиза бѣгаетъ, встревоженная, держа письмо въ рукѣ, удерживаетъ Мартина*).

ЯВЛЕНІЕ XII.

Мартынь и Луиза.

Луиза. Ахъ! Мартынь, знаете ли что?...

Мартынь. Вы уже слышали объ нашемъ несчастіи?

Луиза. Вы еще не все знаете; я шла рассказать вамъ....

Мартынь. Увы! я узналъ все прежде васъ.

Луиза. Вы знаете содержаніе письма маркиза?

Мартынь. Какъ! письмо отъ маркиза? Развѣ два несчастія вѣсто одного?

Луиза. О какомъ же несчастіи вы говорите?

Мартынь. А вы? Наши господа поссорились!...

Луиза. Поссорились!—Это не то! Г. де-Веракъ раззорен!

Мартынь. Раззоренъ! Это что! Объяснитесь, ради Бога!... Поссорился!... Раззорился!... Не понимаю!... Ничего не понимаю!... Рѣшительно ничего не понимаю!...

Луиза, *подавалъ ему письмо*. Прочитайте это письмо маркиза де-Франвила, которое г. д'Арно получилъ сейчасъ.

Мартынь, *читалъ*. «Милостивый государь! Баронъ де-Веракъ, мой племянникъ, поѣхалъ просить руки г-жи де-Лери, вашей прежней питомицы. Я позволилъ ему объявить ей и вамъ, что я ему отдаю половину моего имѣнія, а остальную часть онъ наследуетъ послѣ моей смерти. Не зная, получить ли онъ это письмо въ дорогѣ, и не желая невольно васъ обманывать, спѣшу уведомить этимъ письмомъ, что я сейчасъ получилъ извѣстіе о моемъ совершенномъ раззореніи, и сообщить вамъ мое отчаяніе, что г. де-Веракъ можетъ теперь только понравиться своей собственной особою и своимъ скромнымъ баронствомъ. Примите.... и проч. и проч.»

«Маркизь де-Франвиль».

Луиза. Поняли ли вы теперь?

Мартынь, *бросался въ кресло и протирая себѣ глаза*. Совершенное раззореніе!... Такъ и написано: совершенное раззореніе!... Значитъ онъ потерялъ процессъ, о которомъ онъ мнѣ часто говорилъ!—Только этого не доставало! (*Письмо выпадаетъ изъ рукъ его*).

Луиза, *поднимаетъ письмо*. Но это еще не все. Прочитайте приписку.

Мартынь. Какъ!... и приписка еще есть?... (*Читаетъ*). «Чтобъ быть вполне честнымъ и откровеннымъ, я долженъ вамъ признаться, какъ докторъ, что племяннику угрожаетъ аневризмъ, болѣзнь сердца, съ которою онъ можетъ конечно прожить долго въ счастливомъ и скромномъ семействѣ, избѣгая шумныхъ удовольствій и пылкихъ страстей,—но которая свела бы его быстро въ могилу, среди бурной придворной и свѣтской жизни....» и такъ далѣе....

Луиза. Что же?

Мартынь, *плачливо*. Дайте мнѣ понюхать спирту!... Мнѣ дурно!...

Луиза. Какъ мнѣ жаль васъ! Я оставила г. д'Арно безъ памяти; онъ послалъ меня свести это письмо къ его женѣ.... Но я хотѣла прежде посоветоваться съ вами.

Мартынь. Что же я могу сказать вамъ? Подъ такимъ умомъ самая высокая комедія кончается! Мы строили воздушные замки.... Теперь намъ остается, какъ говоритъ лядюшка, похоронить себя.... чтобъ жить. *(Молчаніе)*.

Луиза, *складывая письмо*. Скучная жизнь!...

Мартынь, *пораженный внезапной мыслью и оборачиваясь съ ильженостію*. Вы одни могли бы утѣшить меня....

Луиза. Я! Какимъ же образомъ?

Мартынь, *простирая къ ней руки*. Похоронивъ себя съ нами! Все для того, чтобы подольше пожить!...

Луиза, *всторону*. Благодарю!

Мартынь. Вы бы этимъ доказали, что любите меня безкорыстно.... а не за то презрѣнное богатство, которое одно письмо можетъ уничтожить!

Луиза. Презрѣнное! Недавно еще вы были другаго мнѣнія.

Мартынь. Я говорилъ безъ философій!... Воспользуйтесь своимъ опытомъ *(съ увлеченіемъ)* и скажемъ прости благамъ этого міра!...

Луиза. Вамъ хорошо говорить! Вы ихъ потеряли, а я пишу...

Мартынь. Вы сказали высокую вещь, но философія.... философія несравненно лучше!...

Луиза. Оставайтесь съ вашей философіей; а мнѣ лучше правятся ваши правила сегодняшняго утра. Я сохраняю свои надежды; беру назадъ свое слово, и остаюсь ваша покорная служанка. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Мартынь, *сначала пораженный, потомъ быстро вскочивъ съ неподованіемъ*. Вотъ люди, подумаешь! Вотъ женщины-то особенно!... У вашихъ ногъ, когда кошелекъ вашъ полонъ; смотрѣть не хотятъ, когда пустъ. *(Ходитъ взадъ и впередъ)*. Одно средство оставалось, чтобъ поправить наше несчастіе: эта маленькая Луиза довольно богата для насъ обоихъ; имѣнья ея госпожи достаточно бы было для барона!... Вотъ тебѣ и нѣтъ ничего!... *(Садясь и закрывая лицо руками)*. А! я слѣблюсь отшельникомъ и буду плакать надъ суетою этого мира.... Кто-то идетъ. *(Смотря въ окно)*. Мой баринъ! Какъ сказать ему? Боже мой! спасайся, кто можетъ! *(Гибнетъ волею изъ комнаты)*.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорация талес.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г. де Веракъ, Мартынь. *(Оба вбѣгаютъ въ комнату одни послѣ друаго)*.

Г. де Веракъ. Наконецъ я тебя поймалъ, бездѣльникъ! Говори сейчасъ, что это значить....

Мартынь, *(запытавшись и въ недоумѣніи)*. Сударь, избавьте меня отъ такого страданія!

Г. де Веракъ *(строго)*. Къ дѣлу! Осѣлана моя лошади!

Мартынь *(умоляющимъ голосомъ)*. Прошу у васъ, сударь, униженно прошенія! У меня онѣмляніе членовъ превратилось въ настоящей параличъ.

Г. де Веракъ. Оттого ты такъ проворно и бѣгаешь? Полно врать! Какъ ты смѣлъ меня ослушаться?

Мартынь. Потому что.... потому.... *(Въ сторону)*. У меня недостаетъ духу.... однакожь падо... *(Громко, съ усиліемъ)*. Видите-ли, громъ разразился надо мною, и разразится также и надъ вами.

Г. де Веракъ. Ты получилъ неспріятныя извѣстія?

Мартынь. Очень неспріятныя.

Г. де Веракъ. Отъ моего лядюшки?

Мартынь. Отъ вашего лядюшки.

Г. де Веракъ, *(съ безпокойствомъ)*. Онъ боленъ?

Мартынь. Онъ совершенно здоровъ.... но.... вы нездоровы. *(Движеніе Верака)*. Умоляю васъ, сударь, выслушайте меня терпѣливо; это дѣло требуетъ большой осторожности.

Г. де Веракъ. Не думаю! Даю тебѣ пять мпуть.... Проворнѣе. *(Садится)*.

Мартынь, *(всторону, глядя на него пристально)*. Ктѣ бы подумалъ, что такой знатный дворянинъ разоренъ, что такая прекрасная наружность скрываетъ неизлечимую болѣзнь? *(Подойдя къ нему съ участіемъ)*. Какъ вы себя чувствуете?

Г. де Веракъ. Въ самомъ дурномъ расположеніи духа!

Мартынь. Успокойтесь, сударь! Я спрашиваю о вашемъ здоровьи.

Г. де Веракъ, *(изумленный)*. О здоровьи?

Мартынь. Да, что вы чувствуете.... тамъ.... внутри?...

Г. де Веракъ. Страшную охоту взыскать съ тебя, если ты будешь продолжать дурачиться....

Мартынь. Ради Бога, сударь, успокойтесь! Эти ощущения для васъ убійственны... Позвольте мнѣ пощупать вашу пульсъ... Не чувствуете ли вы... съ лѣвой стороны... что-то въ родѣ... бѣнія?

Г. де Веракъ, *(вставая съ досадою)*. А! это уже слишкомъ!... Говорю тебѣ рѣшительно...

Мартынь, *(всторону)*. Вотъ и признаки! Я теперь понимаю. Всякій разъ, какъ онъ меня бранить, кровь у него приливаетъ къ сердцу! Лучше его поразить съ одного разу. *(Громко)*. Ради Бога, сударь, будьте благоразумны и покоритесь судьбѣ...

Г. де Веракъ, *всторону*. Что-же это такое? Я начинаю наконецъ беспокоиться!... *(Громко и серьезно)*. Объяснись.

Мартынь. Извольте, извольте... но, пожалуйста, будьте хладнокровнѣе!... Ваша горячность васъ убьетъ! Маркизь напишетъ г. д'Арно, что онъ совершенно разоренъ...

Г. де Веракъ. Не можетъ быть! Ты видѣлъ письмо?

Мартынь. Писанное его собственною рукою... Горничная мнѣ показала его прежде, чѣмъ отдала г-жѣ д'Арно.

Г. де Веракъ, *опускаясь въ кресло*. Бѣдный маркизь!...

Мартынь. Бѣдный баронъ!

Г. де Веракъ. Мнѣ то что ж!

Мартынь *растроганный*. Но его разореніе есть и наше собственное разореніе! И это еще самое мѣньшее изъ нашихъ несчастій... Маркизь прибавляетъ... Не тревожьтесь сударь, не разстраивайте себя... Маркизь прибавляетъ, что ваше здоровье требуетъ большой осторожности, что придворныя и свѣтскія удовольствія сведутъ васъ въ могилу, *(дрожащимъ отъ волненія голосомъ)* и что мы должны отказать отъ нихъ и похоронить себя въ тихомъ спокойномъ убѣжищѣ.

Г. де Веракъ, *спокойно*. Великая жертва!

Мартынь, *съ отчаяніемъ*. Однимъ словомъ,—вынесите этотъ послѣдній ударъ!... вамъ угрожаетъ скрытая, неизлечимая болѣзнь сердца!...

Г. де Веракъ. Болѣзнь сердца? Ну чтожь, тѣмъ лучше! Я буду жить по влеченію моего характера, и обязанности мои будутъ и мовми удовольствіями.

Мартынь, *въ смущеніи*. Какъ онъ это принимаетъ! А я боюсь взрыва! Ничего не понимаю!

Г. де Веракъ, *вставая*. Ты кончила, не правда ли? Поди, осѣдай мою лошадь. Гроза собирается... Я хочу сегодня же вечеромъ быть у дядюшки.

Мартынь. Мы успѣемъ, сударь, успѣемъ! *(Всторону)*. О непроходимость сердца человеческого! *(Уходя сталкивается съ г-жею д'Арно, которая вводитъ, разодитая духъ въ шолковомъ платьѣ со шлейфомъ, и присядаетъ съ жеманствомъ)*. Г-жа д'Арно въ такомъ нарядѣ и съ такимъ праздничнымъ лицомъ! Луиза еще не отдала ей письма, и если-бы баронъ захотѣлъ!... *(Тихо Вераку)*. Есть еще надежда на спасеніе, сударь! Можно еще устроить вашу свадьбу! *(Веракъ приказываетъ Мартыню уйти. Онъ уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. де Веракъ, г-жа д'Арно, Луиза. *(Г-жа д'Арно дѣлаетъ три желанные поклона, на которые Веракъ отвѣчаетъ холодно)*.

Г-жа д'Арно. Баронъ, весь нашъ домъ къ вашимъ услугамъ. Если вамъ угодно что-нибудь приказать...

Г. де Веракъ, *всторону*. Она еще ничего не знаетъ! Слава Богу! Я еще успѣю отплатить ей; *(громко и чѣмъ г-жа д'Арно съ нимъ ласковѣе, тѣмъ онъ становится высокомернѣе)*. Вы слишкомъ добры, сударыня, напрасно вы беспокоились...

Г-жа д'Арно. Надѣюсь, что это будетъ напрасно; вы, вѣроятно, не будете торопиться отъѣздомъ.

Г. де Веракъ. Напротивъ, я долженъ ускорить его, и шель, чтобъ съ вами проститься.

Г-жа д'Арно, *въ испугъ*. Уже! *(съ кокетствомъ)*. Наказать васъ за наши проступки, недавъ времени заглядить ихъ! Нѣтъ! вѣрно, вы не будете такъ жестоки, баронъ!

Г. де Веракъ. Не понимая, въ чемъ состоятъ ваши проступки, я не знаю, за что и мстить вамъ, сударыня. Непредвидѣнное дѣло заставлятъ меня удалиться...

Г-жа д'Арно. Но карета у подъѣзда, для прогулки.

Г. де Веракъ. Я избавлю вашихъ лошадей отъ этого труда; у меня есть своя лошадь и я долженъ ѣхать *(показывая на небо)*, прежде чѣмъ разразится гроза.

Г-жа д'Арно. Мы пригласили къ обѣду гостей изъ города.

Г. де Веракъ. Они вамъ волюй замѣнятъ того, который не стоилъ такой чести.

Г-жа д'Арно. Никто здѣсь не можетъ замѣнить васъ... *(Стараясь улыбаться)*. Но вы очень остроумно шутите... какъ сегодня утромъ... Да! мой мужъ правду говорилъ: вы оригиналь, баронъ...

Г. де Веракъ. Клянусь вамъ, сударыня, что я говорю серьезно.

Г-жа д'Арно *всторону*. Чтожь это такое?... Неужели размов-

ка? Емilia не понравилась ему? (*Громко*). Г-жа де Лери сама одѣвается.

Г. де Веракъ, *улыбаясь*. Не безпокойтесь, сударыня; вы были заняты вашимъ туалетомъ, и конечно не знаете....

Г-жа д'Арно, *испуганная*. Что же? Что наша питомица вамъ неоправилась....

Г. де Веракъ, *прерывая*. Довольно объ этомъ, сударыня. Прошу васъ доложить ей, что я пришелъ съ нею проститься.

Г-жа д'Арно, (*изумленная, восторженно*). Проститься!... Нѣтъ сомнѣнiя! Вотъ она не послушалась меня, не надѣла кружевъ!... Какъ теперь помочь горю! (*Блеснула молнiя и пошелъ дождь*). А! вотъ погода мнѣ поможетъ! (*Вслухъ*). Громъ гремитъ, гроза будетъ сильная; неужели вы рѣшитесь поѣхать въ такую погоду....

Г. де Веракъ. Я ѣзжу во всякую погоду....

Г-жа д'Арно, *съ большею настойчивостiю*. Но мы не допустимъ этого....

Г. де Веракъ, (*Восторженно*). Она хочетъ употребить насилiе.

Г-жа д'Арно. Вы нашъ гость и мы за васъ отвѣчаемъ.... Боже! какая молнiя!... Вы не увидите! Даже стихiи возстаютъ противъ васъ!

Г. де Веракъ. Увѣряю васъ, сударыня.... (*Кланяется и хочетъ идти*).

Г. д'Арно. Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

Г. де Веракъ, *смотря въ окно*. Вотъ и Мартынъ съ моею лошадью....

Луиза, *входитъ; восторженно*. Наконецъ, я ее нашла! (*Вынимаетъ письмо изъ кармана и хочетъ отдать его г-жи д'Арно; но останавливается, увидя Верака*). Баронъ!... Я не смѣю отдать при немъ....

Г-жа д'Арно. Луиза, ты пришла очень кстати.... Скажи Мартыну, что г. Веракъ остается....

Г. де Веракъ. Но, сударыня....

Г-жа д'Арно. Что онъ можетъ поставить лошадь барона въ нашу большую конюшню....

Г. де Веракъ. Но, сударыня, я вамъ повторяю....

Г-жа д'Арно. Безъ извиненiй.... Конюшня обширная! Въ ней могутъ помѣститься десять подобныхъ лошадей!

Г. де Веракъ. Въ послѣднiй разъ, сударыня....

Г-жа д'Арно, *съ патлнutoю любезностiю*. Ни слова болѣе.... Пока не разгуляется погода.... мы насъ не пустимъ.... Помилуйте! развѣ мы какiе неучи, не знаемъ, какъ живутъ въ свѣтѣ

образованные люди.... И такъ это дѣло конченное. (*Восторженно*) И не бѣзъ труда! О, еслибы она надѣла кружева и зеленое платье!...

Г. де Веракъ *восторженно*. Рѣшительно я въ пѣвну.... (*Тихо и съ живостiю Луизы*). Скажите вашей госпожѣ, что я прошу у нея позволенiя придти къ ней проститься, а Мартыну, чтобы лошади моя была готова и чтобы онъ явился черезъ десять минутъ. (*Восторженно*). Это единственное средство избавиться отъ этой старой кокетки!...

(*Въ то время какъ Луиза уходитъ, г. д'Арно является съ разстроеннымъ лицомъ; жабо на сторонѣ, манишка не застегнута, фуфайка наскоро накинута*).

Луиза, *тихо г. д'Арно, отдавалъ ему письмо*. Вотъ сударь, писемцо отъ маркиза; я не могла его отдать барынѣ при баронѣ.... Возьмите его, пожалуйста, и отдайте сами. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ III.

Г. де Веракъ, г-жа и г. д'Арно. (*Онъ небрежно кланяется Вераку. Его холодность составляетъ противоположность съ восторженностiю г-жи д'Арно*).

Г-жа д'Арно, *съ торжествомъ*. Подите сюда, я наконецъ убѣдила барона, который собирался ѣхать. Вамъ пользоваться побѣдой!

Г. д'Арно *тихо жемъ*. Ты его удержала? Ты не знаешь...

Г-жа д'Арно, *не слушая его, и обратясь къ г. Вераку*. Докажемъ барону, что Кодбекъ сносилъ дождя....

Г. д'Арно *также*. Но пускай онъ лучше влѣтъ....

Г-жа д'Арно, *также*. Мы найдемъ, чѣмъ замѣнить прогулку: парижскiя газеты, бостонъ, лото.... (*Показывая на мужа*). Вы видите передъ собою самаго отчаяннаго игрока!

Г. д'Арно, *также*. Но послушай-же, и узнай....

Г-жа д'Арно *также*. Не считая сюрризовъ, которыя васъ ождають за обѣдомъ: кодбекскiя красавицы и здѣшнiй поэтъ. Да! у насъ есть поэтъ въ Кодбекѣ!

Г. д'Арно *также*. Но ради Бога!... (*Дергая за рукавъ*). Онъ намъ не нуженъ.... Онъ разоренъ!...

Г-жа д'Арно, *съ недоумѣнiемъ*. Гм?... Вы говорите?...

Г. д'Арно, *также*. Читай! (*Вручаетъ ей письмо маркиза*).

Г-жа д'Арно *также*. Что это такое?

Г. д'Арно *также*. Читай!

Г. де Веракъ *наблюдая за ними, восторженно*. Это письмо мое-

го дяди! Я спасенъ! Они постараются меня выпроводить! (Принимаетъ важную и гордую осанку).

Г-жа д'Арно, встопону, читая. «Совершенное разоревіе... сердечная болѣзнь... скромный образъ жизни...» (Прочитавъ, и разочаровавшись, тихо) Боже милосердый! Что я сдѣлала! (Принимая совершенно другой видъ, презрительно осматриваетъ Верака съ ногъ до головы; потомъ звонитъ съ живостію. Является Луиза. Она отдаетъ ей письмо)

Г-жа Арно. Снеси это сей часъ г-жѣ Лері.

(Луиза уходитъ).

(Въ это время г. де Веракъ съ насмѣшливымъ видомъ старался завлечь разговоръ съ г. д'Арно, который вмѣсто всякаго отвѣта, показывая рукой на горло, какъ будто недоставало ему голоса).

Г-жа д'Арно, (встопону, опускаясь въ кресло). Ахъ, я готова упасть въ обморокъ!

Г. де Веракъ, (г. д'Арно съ насмѣшливою улыбкою). Г-жа д'Арно удивительно любезна! Она меня совершенно очаровала... (Г. д'Арно молчитъ, тѣже знаки). У васъ перемежающееся прекращеніе голоса. Я вамъ скажу лекарство вовремя нашей игры въ лото. (Тѣже знаки. Эта сценическая игра продолжается нѣсколько минутъ. Является Емилія. Веракъ восклицаетъ): Наконецъ! вотъ моя свобода!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Емилія, (въ зеленомъ платьѣ съ кружевами. Она держитъ въ рукахъ письмо, которое только что прочитала). Потомъ Мартынъ и Луиза.

Г-жа д'Арно, (вставъ, увидя Емилію, встопону). Теперь кружева и зеленое платье! Очень кетати!

Емилія, (съ поспѣшностію и стараясь казаться веселой). Мнѣ сказали, что вы уже собираетесь ѣхать! Неужели это правда?

Г. де Веракъ. Да, это дѣйствительно правда, сударыня... къ крайнему моему сожалѣнію... я только хотѣлъ съ вами проститься... (Смотря съ иронією на г-жу д'Арно). Но г-жа д'Арно своимъ искусствомъ и милою настойчивостію удержала меня...

Г-жа д'Арно, (съ меньшего участіемъ). Въ чемъ я и прошу у васъ извиненія... (Тихо Емиліи). Вы читали письмо?

Емилія (тихо, съ чувствомъ). Увы! читала. (Разсматривая Верака съ участіемъ). Онъ еще не знаетъ, надѣюсь... Еслибъ я могла ему облегчить горе...

Г. де Веракъ, г-жѣ д'Арно, смотря на Емилію. Я радуюсь, напротивъ, сударыня, что нахожусь у васъ въ пѣнѣ.

Г-жа д'Арно. Сохрани меня Боже, чтобъ я шла наперекоръ вашимъ намѣреніямъ!... Я просила, чтобъ вы переждали грозу... но... теперь... (Смотритъ въ окно.)

Емилія, встопону. Не думаетъ ли она заставить его уѣхать, потому-что онъ несчастливъ!

Г. де Веракъ, открывъ окно. И теперь прекрасная погода! (Слышенъ проливной дождикъ и сильные удары грома.—Молчаніе.)

Г. д'Арно. Дѣйствительно небо проясняется. (Вздвигаетъ и надвѣваетъ другую фуфайку.)

Емилія, встопону. Какая странность! (Смотритъ строго на своихъ опекуновъ.)

Мартынъ, вымокшій подъ дождемъ, а за нимъ Луиза. Лошадь готова, сударь. Можно въ такую погоду завязнуть въ любомъ оврагѣ.

Г. де Веракъ, кланяясь г-жѣ д'Арно. Прощайте, сударыня; примите увѣренія моей искренней благодарности, которая вполне отвѣчаетъ вашимъ ласкамъ.

Г-жа д'Арно, низко кланяясь. Позвольте пожелать вамъ счастливаго пути. (Емилія подходит съ видомъ негодованія.)

Г. де Веракъ, къ Емиліи, съ глубокимъ чувствомъ. Простите мнѣ, сударыня, что я своимъ прїѣздомъ осмѣлился смутить ваши мечты; будьте счастливые меня, и забудьте мое сумасброство.

Емилія, также. Я только вижу сумасброство въ нашемъ отъѣздѣ, и рѣшительно возстаю противъ него. (Повышая голосъ.) Вы въ домѣ г-жи де Лері, а не г-жи д'Арно. Г-жа де Лері не отпускаетъ своихъ гостей въ такую погоду. Если моя настойчивость не такъ искусна, то она, по-крайней-мѣрѣ, искренна и добродушна; не огорчите меня отказомъ.

Г. де Веракъ, встопону. Какая переменѣ! (Вслухъ) Смѣю ли я вамъ отказать, сударыня?... я пережду грозу, и желаю даже, чтобъ она пролилась. (Емилія и Веракъ продолжаютъ говорить тихо. Емилія, какъ бы стараясь извинить г-жу д'Арно.)

Г-жа д'Арно, тихо и сухо мужу. Это намъ урокъ. Уйдемъ. (Кланяются съ холодностію и получаютъ такіе же поклоны. Тихо и повелительно Луизѣ) Чтобъ обѣдъ не готовили, пошли отказъ Видаму, Керкаренвиллямъ... (Скоро уходитъ съ мужемъ, которая увлекаетъ, взявъ подъ руку.)

Луиза, тихо Мартыну. Чтѣ вы скажете?

Мартынъ, также, наблюдая за Емилією и за Веракомъ. На

вашемъ мѣстѣ, а бы не отказалъ, потому что лучше выждать....

Луиза, *восторону, смотря на него съ удовольствіемъ. Этотъ Мартынъ рѣшительно большой полптякъ. (Оба уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

ЕМИЛІЯ, Г. ДЕ ВЕРАКЪ.

(Оба съ искренностію и непринужденностію, не такъ, какъ при первомъ свиданіи.)

Емилія. Какъ я вамъ обязана, что вы меня поняли и остались.... *(Проситъ его сѣсть)*. Это послужитъ урокомъ, кому слѣдовало. Вашъ отъѣздъ нагъ бы на меня собственно....

Г. де Веракъ. На васъ, сударыня! Когда я не знаю, что дѣлать отъ удивленія и благодарности!... *(Восторону)* Это непоставимо! Вотъ теперь она тоже, что была въ Версали. *(Садается. Емилія беретъ шитге.)*

Емилія. Оставимъ комплименты и будемъ просто говорить, какъ друзья; теперь мы.... *(улыбалась)* прошлые суженые.... *(Подаетъ ему руку.)*

Г. де Веракъ, *взявъ ея руку, восторону. Увы! (Вслухъ)*. Да, вы отказали мнѣ, сударыня.

Емилія, *восторону*. Онъ, кажется, поблѣднѣлъ... Неужели ему сказали?... *(Вслухъ)*. Вы долго разговаривали съ г-жою д'Арно?... Она вамъ.... ничего не говорила?...

Г. де Веракъ. О чемъ?

Емилія, *съ радостію*. Прекрасно! Я только и хотѣла это узнать *(Восторону)*. Я приговлю его къ этому несчастію.... *(Вслухъ, ласково улыбалась)*. Не безпокойтесь, дѣло идетъ о маленькой морали, которую я хотѣла вамъ прочесть первая.... Я собираюсь проповѣдывать.

Г. де Веракъ. Съ наслажденіемъ буду слушать васъ, но боюсь, чтобъ вы не проповѣдывали обращенному....

Емилія. Нѣтъ, нѣтъ! Вы мнѣ показали ваши недостатки, я я буду васъ осаждать съ трехъ пунктовъ.

Г. де Веракъ. Ваши наставленія будутъ для меня драгоценны.

Емилія. И такъ я приступаю къ дѣлу. — Первый пунктъ.... Вы считаете себя сильнымъ, крѣпкимъ, какъ и всѣ молодые люди, вы мало заботитесь о вашемъ здоровьи, и можете совершенно его разстроить. Напримѣръ, путешествовать верхомъ въ такую погоду, не есть ли это величайшая глупость?...

Г. де Веракъ. Чтobъ скорѣе быть у васъ....

Емилія. Если это такъ, то вы должны долѣе оставаться. Вы

воспользуетесь моею каретою, чтобъ ѣхать домой.... когда вы поѣдете... *(Движеніе Верака)*. Безъ отговорокъ! Я буду такъ же настойчива, какъ г-жа д'Арно! И замѣтите, что мои предписанія касаются и до Парижа, и до Версаля! Да,—вы поѣдете во мнѣ очень строгаго доктора!... Я вамъ запрещаю то, что вы наиболее любите: продолжительныя поѣздки, поздніе визиты, неуѣренное занятіе охотой, игрою, танцами, всѣ эти утомленія, которые вы называете версальскими удовольствіями.... Теперь перейдемъ ко второму пункту....

Г. де Веракъ, *улыбался*. Извините, что я осмѣлюсь прервать васъ; но версальскія удовольствія мало меня занимаютъ.

Емилія, *удивленная*. Въ самомъ-дѣлѣ! Вы не поѣдете *(Подражая голосу Верака въ первомъ дѣйствіи, но безъ ироніи)* «на королевскую охоту, на придворныя собранія, въ большую оперу?»

Г. де Веракъ, *просто*. Я! Я думаю провести это время у дялюшки или въ моемъ помѣстьѣ.

Емилія. Да! точно! Вы тамъ найдете даже зимою *(подражая Вераку)* «вашъ провинціальный дворъ, домашній театръ, веселыхъ друзей и остроумныхъ собесѣдниковъ.»

Г. де Веракъ. Избави Боже отъ такой напасти! Я найду остроумныхъ собесѣдниковъ въ моей библіотекѣ, разнообразныя наслажденія въ природѣ, тишину уединенія, тѣсный кругъ друзей послѣ обѣда и нѣсколькихъ оларенныхъ мною бѣдныхъ.

Емилія *(восторону)*. Чтo я слышу? *(Громко, съ болзнію)*. Вы шутите?

Г. де Веракъ *(съ прямодушіемъ)*. Клянусь, что нѣтъ!

Емилія, *(съ радостію)*. Значитъ, моя проповѣдь производить чудеса, или вы несравненный ученикъ! Такая быстрая переѣна въ вашихъ привычкахъ!... Это дѣлаетъ вамъ честь.

Г. де Веракъ. Я въ отчаяніи, что принужденъ былъ открыть вамъ мои недостатки и показать вамъ качества, которыя, конечно, вамъ не понравятся: простоту и умѣренность моихъ желаній....

Емилія, *восторону*. Можетъ ли это быть? *(Громко)*. Однако жизнь, которую вы мнѣ описывали сегодня утромъ.... *(Подражая ему)* «Домъ въ Парижѣ и квартира въ Версали?»

Г. де Веракъ. Это было бы для васъ, сударыня.

Емилія. «Театры, вечера, придворныя балы?»

Г. де Веракъ. Тоже для васъ, сударыня!

Емилія. «Лѣтомъ путешествіе, воды или въ своемъ помѣстьѣ безпрестанныя собранія, охота, и прочее?»

Г. де Веракъ. Все, все для васъ, сударыня!

К. VI. — Отд. VII.

Емилия. А вашъ образъ жизни развѣ не таковъ?

Г. де Веракъ, (*всторону*). Такъ какъ теперь я не смѣю имѣть на нее виды, то не за чѣмъ мнѣ и скрываться; я могу оставить мою утреннюю роль. (*Громко*.) Хотите, чтобъ я вамъ представилъ откровенно картину моего образа жизни? Хотя бы она вамъ показалась смѣшною, послѣ той, которая заслужила ваше нерасположеніе?....

Емилия, съ живостію. О, пожалуйте!.... противуположность описаніи меня займетъ болѣе, чѣмъ вы думаете. (*Оставляетъ шитье, чтобъ слушать внимательно*.)

Г. де Веракъ, (*съ полною откровенностію*). И такъ, сударыня, я рѣшительно не имѣю никакой склонности къ тому, что вы мнѣ запрещаете, и люблю, напротивъ все то, что вы полагаете противнымъ мнѣ: спокойствіе домашнее и личную независимость. Свѣтъ шумный деспотъ, капризы котораго меня часто забавляютъ, по никогда не увлекаютъ. Понимая только умственные наслажденія, я смотрю на богатство, какъ на перстень, надѣтый на пальцѣ; очень блестящій при яркомъ освѣщеніи. Когда я охочусь, какой-нибудь видъ отводитъ меня отъ сѣда встрѣтившагося звѣря.... Я рѣдко ѣзжу въ оперу, потому-что тамъ показываютъ меня, а не слушаютъ музыку. Когда Мартынъ меня снаряжаетъ на балъ, я часто забываю, что надо ѣхать, зачитавшись какой-нибудь хорошей книги или разговорившись съ прітелемъ. Лѣтомъ я живу деревенскимъ дворяниномъ, а зимой дворяниномъ наблюдателемъ. Я лучше люблю ѣздить верхомъ, чѣмъ въ каретѣ; ходить пѣшкомъ, чѣмъ ѣздить на лошади; оставаться на мѣстѣ, чѣмъ путешествовать. Я предпочитаю мѣдную монету, ланную бѣлянку, золотой выигранной въ карты; пожатіе руки добраго человѣка, — всѣмъ комплимантамъ толпы; чистосердечную улыбку женщины — брилліантамъ и дорогимъ уборамъ ея; достатокъ, съ честью и спокойствіемъ въ небольшомъ домикѣ, роскоши, со всѣми ея тревоженіями, въ великолѣпныхъ палатахъ. Вотъ, сударыня, мой вкусъ и мой образъ жизни. Извините смѣлость такого признанія.

Емилия, (*стараясь скрыть свое смущеніе*). Я признаюсь, что оно меня удивляетъ послѣ утренняго нашего разговора. Вы говорили какъ свѣтскій человѣкъ, теперь вы разсуждаете какъ философъ. Кому я должна вѣрить?

Г. де Веракъ. Вѣрите философу, онъ безкорыстенъ.

Емилия. Но.... зачѣмъ же вы меня хотѣли.... обмануть.... на счетъ....

Г. де Веракъ. А! зачѣмъ?... Это будетъ мое послѣднее признаніе. Сегодня утромъ я былъ женихомъ; я выказывалъ себя... противъ моей собственной охоты. Богъ свидѣтель тому! Меня предупредили о вашемъ свѣтскомъ честолюбіи. Это меня огорчало, извините меня, но я думалъ, что долженъ польстить вашимъ недостаткамъ, чтобъ похвалиться, и надѣлся, что со временемъ я излечилъ бы васъ отъ этой болѣзни.... да, я считаю это болѣзнию, извините меня....

Емилия, (*улыбалась*). Я вамъ прощаю. Продолжайте.

Г. де Веракъ. Я вамъ предложилъ счастье такое, какое вы сами себѣ составили: дворъ, собранія, почести, пиры, наружный блескъ и прочее.... Вы меня наказали моимъ же собственнымъ простукомъ, найдя мои предложенія слишкомъ мелочными. Я, конечно, заслужилъ наказаніе и остановлюсь на этомъ началѣ.... Откровенность впрочемъ не была бы успѣшнѣе; если бы я вамъ сказалъ....

Емилия. Еслибъ вы мнѣ сказали?....

Г. де Веракъ. Зачѣмъ говорить теперь?....

Емилия. Пожалуйте, говорите....

Г. де Веракъ. Если бы я вамъ сказалъ: «я хочу тихаго семейнаго счастья; я мечтаю о женщинѣ прекрасной и умной, какъ вы, наивной и скромной, какъ я; я ищу образа жизни простаго, и спокойнаго. Въ Парижѣ хорошенькій домъ, вдали отъ толпы, убѣжище, которое намъ показывалось бы еще пріятнѣе послѣ свѣтскихъ тревогъ, друзей которые любили бы насъ самихъ; разговоры, книга, искусства; уединеніе, чтобъ лучше цѣнить общество, и общество, чтобъ лучше любить уединеніе; небольшой замокъ въ провинціи, съ рощею и съ садомъ, изученіе природы, хожденіе за цѣбтами; весенія прогулки на солнцѣ, лѣтній отдыхъ въ тѣни; осенніе деревенскіе праздники; кругъ знакомства избранныхъ сосѣдей, какъ можно меньше людей непріятныхъ...»

Емилия, (*трогута, всторону*). Совершенно мои мечты, увѣ... (*Вслухъ*.) Если бы вы мнѣ это говорили утромъ, я бы вамъ отвѣтила, что у васъ совершенно одинъ вкусъ со мною. Это образъ жизни, который я себѣ составила, и я не хочу, я никогда бы не желала другаго!

Г. де Веракъ, (*вставая, какъ пораженный*). Боже великій!... (*Дрожаящимъ голосомъ*.) Но тогда я попрошу васъ объяснить мнѣ...

Емилия, также вставая. Мой утренній разговоръ?....

Г. де Веракъ. «Что такое знатность?.... Что я стану дѣлать въ обществѣ съ доходомъ въ 30,000 ливровъ?»

Емилия. Мое оправданіе будетъ такое же, какъ и ваше.... Вы старались выказать себя, я старалась васъ унижить; вы играли роль фата, я кокетки.... Чтѣмъ мнѣ было дѣлать?.... Поставьте себя на мое мѣсто.... Мы интриговали другъ друга какъ въ маскарадѣ, не узнавая самихъ себя подъ маской.... и въ этомъ не я виновата.... а вы.

Г. де Веракъ, *(печально и съ чувствомъ)*. Вы правы.... Теперь только мы узнали другъ друга. Простите меня! *(Онъ дѣлаетъ движеніе, чтобъ броситься на колѣни;—потомъ останавливается, какъ пораженный въ сердце и отворачиваетъ голову.)* Или лучше, забудьте меня, потому-что небо прояснилось для меня слишкомъ поздно. *(Утираетъ слезу.)*

Емилия, *(въ сильномъ волненіи)*. Слишкомъ поздно! Отчего же?

Г. де Веракъ. Потому-что.... я, который говорилъ вамъ о богатствѣ, не могу даже обѣщать....

Емилия, *(въ изумленіи)*. Вы знаете.... несчастье... вашего дя-дюшки? *(Показываетъ ему письмо маркиза.)*

Г. де Веракъ, *(также)*. Вы тоже знали! *(Съ живостию беретъ письмо и бросаетъ на него быстрый взглядъ.)* А теперь я васъ понимаю!.... Извините безрасудной мечтѣ.... Ваше трогательное участіе объ моемъ здоровьѣ.... очаровательный урокъ философіи.... Это все было съ цѣлю приготовить меня къ этому извѣстію! Вы ангелъ доброты.... и моя вѣчная благодарность....

Емилия. Опять комплименты! Вы просили у меня прошенія, я васъ прощаю, но только въ томъ, что вы все еще не умѣете понять меня. Однакожъ надо объясниться.... откровенно;—моего состоянія станеть для насъ двухъ, съ нашими желаніями.... Г-жа д'Арно, не спросила меня и прежде полученія письма, которое она теперь проклинаетъ, приготовила племяннику маркиза де Франвила обручальный обѣдъ.... Я, въ свою очередь, приглашаю барона де Верака, не предупредивъ г-жу д'Арно и послѣ полученія этого письма, которое я благословляю.... Понимаете ли вы теперь?.... *(Подаетъ ему руку.)*

Г. де Веракъ, *(прерывающимся голосомъ и взявъ ея руку)*. О! да, понимаю!... и не перенесу этого.... потому что баронъ де Веракъ, лишившись наслѣдства маркиза де Франвила, и обязаный вести жизнь уединенную и печальную, не можетъ принять отъ васъ такой жертвы, не дѣлаясь недостойнымъ васъ.... Теперь гроза перестала, и съ нею прошло мое счастье.... Прощайте, сударыня, прощайте.... *(Емилия не въ состояніи выговорить слова, Веракъ идетъ къ двери. Поллется лакей, озабоченный.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и лакей, потомъ г. де Франвиль.

Лакей. Сударыня, сударь, какой-то толстый господинъ, пріѣхавшій въ каретѣ, принятый лакеемъ барона, имѣетъ что-то сказать вамъ, сударь, и вамъ, сударыня. Я спросилъ его имя, онъ расхохотался. И я тотчасъ пошелъ доложить. Вотъ онъ и самъ. *(Лакей уходитъ, маркизъ де-Франвиль входитъ съ важностию и еще смѣясь. Онъ одѣтъ какъ вельможа, но безъ изысканности.)*

Г. де-Веракъ. Дядюшка, вы здѣсь!

Емилия. Маркизъ де-Франвиль!

Г. де-Франвиль. Какъ видите. *(Кланаясь Емилиі.)* У вашихъ ногъ, сударыня. *(Пожимая руку Верака.)* Здравствуйте, баронъ. Вы меня не ожидали? *(Нюхаетъ табакъ съ величайшимъ хладнокровіемъ.)*

Г. де-Веракъ, *(запинаясь)*. Совсѣмъ вѣтъ.

Емилия, *(устоикоившись)*. Пріѣздъ вашъ тѣмъ пріятнѣе для насъ, маркизъ. *(Всторону)* Какъ онъ веселъ, послѣ такого несчастья!...

Г. де-Франвиль. Чтѣмъ вы хотите! Я оригиналъ. Я не могъ вамъ объявить прежде, потому-что вчера вечеромъ еще не зналъ, что пріѣду сегодня утромъ. Лучъ солнца заставилъ меня рѣшиться.

Г. де-Веракъ, *(всторону)*. Какія могутъ быть его намѣренія?

Емилия, *(также)*. Какъ онъ добръ!

Г. де-Франвиль. Чтѣмъ же новенькаго въ Колбекѣ? *(Всторону, наблюдая за ними изъ-подлобья)*. Мы плакали.... Мартынъ правъ; дѣло идетъ хорошо *(Вслухъ)*. Согласны ли?... Поссорились ли?... Устроивается ли свадьба?...

Г. де Веракъ *(всторону, въ смущеніи)*. Я узнаю его! Онъ вѣдѣлаетъ чудеса. *(Молчаніе.)*

Г. де-Франвиль. Нѣтъ отвѣта? Молчаніе....

Емилия, *(покраснѣвъ)*. Вы идете прямо къ цѣли, маркизъ!...

Г. де-Франвиль. Я оригиналъ; я предупредилъ васъ.

Емилия. Я люблю такихъ оригиналовъ.... *(Подаетъ ему руку)*. Дайте мнѣ руку, маркизъ, придите ко мнѣ на помощь, про- тивъ барона.

Г. де-Франвиль. Противъ моего племянника?

Емилия. Да, онъ хотеть ѣхать.... Онъ отказывается отъ семейнаго обѣда, приготовленнаго въ честь ему.

Г. де-Франвиль, *(всторону)*. Понимаю. Это прекрасно!

Г. де-Веракъ. Дядюшка одобрить причины, которыя застав- ляли меня ѣхать къ нему.

Г. де-Франвиль. Безподобно; но такъ какъ мы теперь всѣ собрались....

Г. де-Веракъ, *(въ недоумѣніи)*. Вы остаетесь?

(Входитъ г. и г-жа д'Арно, не замѣтя сперва маркиза и съ неподованіемъ брава Луизу и Мартына, которые стараются оправдываться).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же и г. и г-жа д'Арно, Луиза и Мартынъ.

Г-жа д'Арно, (Луизѣ). Ты дерзкая дѣвчонка!

Г. д'Арно, (Мартыну). А ты грубиян!

Емилия. Что тамъ такое?

Г-жа д'Арно. То, что теперь меня не слушаютъ. Я приказала Луизѣ послать отказъ обществу, которое было не по вашему вкусу, и было не нужно по случаю отъѣзда барона. Она этого не сдѣлала по совѣту (указывая на Мартына) этого новаго хозяина; и вотъ всѣ званые гости, судья, Видамъ и Керкаренивилы ѣдутъ въ шарабанѣ!

Г. д'Арно. И въ парадныхъ платьяхъ!

(Слышенъ сильный стукъ кареты. Емилия улыбается. Веракъ хочетъ заговорить съ дядей. Маркизъ хохочетъ, переглаголюющимъ съ Мартиномъ).

Г. де-Веракъ, (всторону). Боже праведный! Какое положеніе!

Г-жа д'Арно. Посмотрите, сударыня, прилично ли вамъ принимать ихъ....

Емилия. Конечно, да... потому-что у насъ еще новый гость... Маркизъ де-Франвиль....

Г-жа д'Арно, (озадаченная, замѣтя наконецъ маркиза и кланяясь ему съ важностію). Маркизъ де-Франвиль!

Г. д'Арно, также. Это маркизъ?... (Тихо г-жѣ д'Арно). Разоренный дядя! Какая смѣлость! (Маркизъ подучуетъ его табаконъ. Г. д'Арно смотритъ на него съ недоумѣніемъ).

Емилия, Вераку, съ нѣжностію. А теперь баронъ, неужели вы поѣдете? Кажется нѣтъ предлога?...

(Веракъ съ первыиности смотритъ на дядю, который наблюдаетъ за нимъ съ любовью).

Г-жа д'Арно, всторону. Тутъ что-то недоброе кроется!

Г. д'Арно, также. Ноги мои подкашиваются!

Г. де-Франвиль, (тихо Вераку, пожимая ему руку). Я понижаю тебя! Благородное сердце, ты страдаешь также, какъ и я; ты богаче ея!

(Веракъ цалуетъ своего дядю, падаетъ на колѣни передъ Емиліей и покрываетъ руки ея слезами).

Г. де-Веракъ. Я остаюсь! остаюсь! Мое мѣсто здѣсь навсегда!

Емилия, поднимая его. Давно бы такъ!

Г-жа д'Арно, (смущенная, въ полголоса). Неужто они желят?

Г. де-Франвиль, (разсмѣхавъ это, съ насмѣшкою). Вы отгадали, госпожа совѣтница.

Г-жа и г. д'Арно, (также). Безъ состоянія!
Мартынъ, г. д'Арно. Состоянія госпожи де-Лері станеть на ихъ обонхъ.

Г-жа д'Арно, (такъ же). На обонхъ! (Мужу). Это ясно! Все кончено! (Вслухъ). Теперь наша очередь удалиться. (Емилии). Баронесса, примите наши поздравленія и прощайте....

Г. д'Арно. Мы уѣзжаемъ. (Мартынъ съ живостію толкаетъ локтемъ Луизу).

Г. де-Франвиль, (останавливая Емилію, которая ласково подходитъ къ своимъ опскунамъ). Г-жа де-Веракъ не соглашается на вашъ отъѣздъ, и проситъ управлять ея домомъ и имѣніемъ кодебскимъ, а сама она будетъ жить или въ одномъ изъ ихъ парижскихъ домовъ, или въ моемъ Франвильскомъ помѣстьѣ, который я дарю барону, какъ задатокъ наслѣдства, съ годовиною моего имѣнія.

(Общее удивленіе. Емилия и Веракъ жмутъ, отъ избытка чувствъ, руки маркизу).

Г-жа д'Арно, наивно. Такъ вы не разорены, маркизъ?

Г. де-Франвиль, смѣясь. Разоренъ! Кто это вамъ сказалъ?

Г-жа д'Арно. Но... вы сами, въ письмѣ, которое я получила сегодня утромъ....

Емилия. Вотъ оно! (Она подаетъ письмо г. де-Франвилю, который беретъ его съ живостію и улыбается, бросивъ на него быстрый взглядъ).

Г-жа д'Арно. Не молодецъ ли этотъ Мартынъ смастерилъ это письмо?.. Онъ способенъ на все....

Г. де-Франвиль, (всторону, пользуясь этимъ истолкованіемъ). Какая счастливая мысль! Да! урокъ будетъ еще дѣйствительнѣе! (Вслухъ). Точно такъ, госпожа совѣтница. Мартынъ сообщилъ мнѣ свой планъ.... Злодѣйскій. (Мужъ и жена оборачиваются съ яростію къ Мартыну).

Мартынъ, (изумленный, бѣжитъ къ Франвилю). Клянусь вамъ, судары!....

Г. де-Франвиль, (тихо Мартыну). Молчи! Не противорѣчь мнѣ ни въ чемъ! (Мартынъ останавливается какъ пораженный. Вслухъ, съ промѣною подъ видомъ откровенности). Такъ какъ вы его видите, Мартынъ тонкій дипломатъ, лакей высокой комедіи, и вотъ шутка, которую онъ намъ всѣмъ сыгралъ. Онъ подумалъ: «Мой господинъ достойный человекъ, для котораго состояніе послѣдняя вещь. Ему надо жену, которая бы походила на него и вышла бы за него безкорыстно. Посмотримъ, достойна ли г-жа Лері моего барина, или мѣтить она только на наше золото и почести... какъ нѣкоторые люди....» (Комическое движеніе Мартына и г. и г-жи д'Арно. Емилия нарасно хочетъ остановить маркиза). Это Мартынъ говорить, а не я. (Знакъ извиненія. Онъ подучуетъ табаконъ г. д'Арно). И такъ, хитрецъ привелъ каждаго къ своей цѣли, начиная съ барона....

Мартынь, *(в сторону)*. А, понимаю! Онъ садится въ мои са-
ни, чтобъ лучше отблать каждаго.

Г. де-Франвиль. Да, вы всё были его маріонетками; онъ дер-
галъ за нитку, а вы всё плясали, кто какъ умѣлъ. Это коме-
дія въ двухъ дѣйствіяхъ. Въ первомъ дѣйствіи мой племян-
никъ показалъ себя фатомъ, старался выказать свои достоин-
ства и надежды; всѣми силами старался себя обезобразить.
Г-жа Лері отвергла его съ большимъ достоинствомъ а... въ
которые люди попали въ ловушки не такъ-то умно... *(Движе-
ніе Мартына и д'Арно)*. Все это Мартынь говорить. *(Знаки из-
виненія)*. Во второмъ дѣйствіи хитрецъ придумалъ разорить
своего хозяина и грозить ему аневризмомъ, если тотъ не бу-
детъ вести спокойную и скромную жизнь. Тутъ тройной обо-
ротъ всѣхъ маріонетокъ! Баронъ тутъ показываетъ себя въ на-
стоящемъ свѣтѣ, солиднымъ, скромнымъ. Г-жа Лері, женщи-
на съ прекрасною душою, перешла отъ участія къ уваженію, отъ
уваженія къ нѣжности, отъ нѣжности къ героизму, а... нѣкото-
рые люди, снявъ маски съ большою неосторожностію... Это все
Мартынь говорить. *(Знаки извиненія. Движеніе тѣхъ же троицъ.
Онъ подучетъ табакомъ г. д'Арно)*. Хотѣли вытолкать за двери
нѣкотораго разорившагося барона... а я удержалъ ихъ тогда,
когда они сами хотѣли бѣжать очень некстати... Вотъ шутка
Мартына!... Онъ заставилъ каждаго выказать себя... въ на-
стоящемъ видѣ! Согласитесь, что урокъ удачно приспособленъ,
и извините его смѣлость, такъ какъ я ее извиняю, во уваже-
ніе хорошаго успѣха.

(Г. и г-жа д'Арно стоятъ въ молчаніи и неподвижно).

Мартынь, *в сторону*. О! высокая комедія!

Емилия, *(тихо г. де-Франвилю, смѣясь съ Веракомъ)*. Это не
Мартынь, а вы насъ всѣхъ провели! Вы настоящий чародѣй
и беспощадный моралистъ!

Г. де-Веракъ. Ловите насъ всегда такъ, какъ теперь.

Г-жа д'Арно, *(не полаявъ намьренія маркиза, тихо Мартыну)*.
Ты не уйдешь отъ меня, бездѣльникъ!

Г. д'Арно, *(также)*. И отъ меня также!

Мартынь *(въ испугъ, тихо Франвилю)*. Они меня изведутъ,
сударь!

Г. де-Франвиль, *(также)*. Ты скажешь мнѣ, чтобъ они об-
ратились ко мнѣ. *(Мартынь гордо поднимаетъ голову)*.

Луиза. Вы великій человекъ! Я согласна похоронить себя съ
вами. *(Даетъ ему руку)*.

Г. де-Франвиль, *(Емили)*. Баронесса, вотъ вашъ гербъ съ но-
вымъ девизомъ. *(Отдаетъ ей перстень съ брилліантомъ)*.

Емилия *(читая)*: Нѣтъ худа безъ добра.

*(Дверь въ глубинѣ комнаты отворяется. Входятъ судья съ суп-
ругою, Видаль, Керкаренили въ нарядныхъ платьяхъ. Занавѣсъ
опускается)*.

К о н е ц ъ.

VII. СМѢСЬ.

Исторія Англійскихъ колоній. Островъ Гельголандъ.

Примадона. *Разсказъ Жюль-Зандо.*

Три Рагана. *Анекдотъ.*

На берегу моря. *Разсказъ Альфонса Карра.*

Новости ученаго міра.

Изысканія Кетеле надъ картинками или людьми весьма малаго роста. — Новоизобрѣтенная полуа. — Способъ Либиха для приготовленія водки изъ рябиновыхъ ягодъ. — Исслѣдованія надъ цвѣтомъ воды.

Происхожденія провинціала въ столицѣ.

О кустарникѣ, называемомъ полатынѣ—*Scataegus.* — Простыя средства противъ чахотки. *Барона Александра Бода.*

Новости иностранныя.

Мысль и улыбка.

Можно ли спорить о вкусахъ? — Солнечный лучъ. — Ворона въ павлиньихъ перьяхъ. — Визиты. — Число тринадцать. — Противурѣчія, или я и мой сосѣдь.

Моды.

Русскія книги.

Домашній театръ. Нѣтъ худа безъ добра, комедія-пословица въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Питра-Шевалье.*

Къ этой книгѣ *Сына Отечества* приложена парижская картинка модъ.

Журналъ **СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА** выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.
2. Въ конторѣ Сына Отечества, въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Василія Петровича Полякова, на Невскомъ проспектѣ, по линіи Гостиннаго-Двора, подъ № 17-мъ.

Цѣна за годовое изданіе со всеми приложениями *пятнадцать руб. сереб.* За пересылку къ иногороднымъ прилагается 1 руб. 50 коп. сереб.

Всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи Сына Отечества, просить адресоваться къ Петру Романовичу Фурману, живущему на Петербургской сторонѣ, въ Шамшевой улицѣ, въ домѣ г-жи Гревесъ.

Рукописи, присланныя въ Редакцію, не будутъ возвращаемы.

Гг. подписчиковъ и вообще всѣхъ, имѣющихъ какое-либо дѣло до Редакціи, просить выставлять въ письмахъ сколь возможно явственныя имя и адресъ (иногородныхъ: губернію, уѣздъ и городъ).

Въ Редакціи находятся нѣсколько писемъ, на которыя она не отвѣчаетъ только потому, что имя и адресъ выставлены неявственно.

ОТЪ РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ.

1. Подписчики нынѣшняго года получаютъ отдѣльно напечатанный романъ К. П. Масальскаго:

ЛЕЙТЕНАНТЪ и ПОРУЧИКЪ,

въ двухъ частяхъ.

2. Въ нынѣшнемъ же году выйдетъ *особеннымъ приложеніемъ* второй томъ романа:

ДОНЪ-КИХОТЪ ЛАМАНЧСКІЙ,

Великолѣпное изданіе большого формата со множествомъ превосходныхъ полиграфическихъ рисунковъ, выписанныхъ изъ Парижа.

3. Вообще Издатель и Редакція ручаются, что всѣ обещанія ихъ будутъ, по мѣрѣ возможности, выполнены въ теченіи нынѣшняго года.